

Х ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной
научно-практической конференции

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»
САРАНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Х ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной
научно-практической конференции

(Саранск, 27–28 ноября 2024 г.)

Текстовое электронное издание

УДК 082+001.8
ББК 72.5
Ю 702

Редколлегия:

Р. Р. Хайров (ответственный редактор),
Т. Е. Шилкина (заместитель ответственного редактора),
Е. В. Зотова (ответственный секретарь), **Т. В. Дворецкая**

Печатается по решению ученого совета
Саранского кооперативного института (филиала) РУК

Х Юридические чтения : материалы Национальной научно-
Ю 702 практической конференции (Саранск, 27–28 ноября 2024 г.) / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. – Саранск : РИЦ МГПУ, 2024. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8156-1868-8

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, затрагивают актуальные проблемы по теме «Интеграция теории права и правоприменительной практики».

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Минимальные системные требования:

IBM PC – совместимые; ОЗУ 512 Мб; 100 Мб на жестком диске; Windows (XP, Vista, Windows 7, 8); видеосистема: от 128 Мб и выше; Adobe Reader

© Саранский кооперативный институт
(филиал) РУК, 2024
© Авторский коллектив, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Адушкин А. С. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Адушкин А. С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Алукаев А. Р., Калабкина М. Ф. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Антонова Е. С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ

Антонова Е. С. МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Арюткина М. М., Мотовицкий Е. С. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асанкина Е. Л., Дубинин М. С. КОРРУПЦИЯ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Ахмадишин Р. Н. К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Байков Р. В. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Байков Р. В. ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Бояркин Д. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Винокуров А. С. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Володькин Д. В. АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Володькин Д. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Глебов А. А. ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Глебов А. А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ЦЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Голиков М. А. ДОСМОТР АВТОТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Голиков М. А. ДОСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОТОКОЛА О СОВЕРШЕННОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ И ЗАДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА, ИХ ПРАВОВОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ

Голиков М. А. ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРАВОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Гришин А. Д., Зиганшин И. И. НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО» СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Декин Д. В. ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Декин Д. В. МЕСТО И РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Декин Д. В. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Замотаева О. Н., Дубинин М. С. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Замотаева О. Н., Вандышев А. Г. К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Замотаева О. Н., Вандышев А. Г. ЗНАЧЕНИЕ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Замотаева О. Н., Мелешина А. С. АДМИНИСТРАТИВНО-РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Зиганшин И. И. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Зиганшин И. И. ПОНЯТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ПОДХОДЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Илюшин М. М., Куликов Р. О. ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Исаева Д. А. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Исаева Д. В. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ КАДРОВЫМ РЕЗЕРВОМ НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исаева Д. В., Ишкина А. В. ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исаева Д. В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Исаева Н. И. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Калабкина М. Ф., Слатимов Г. А. ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНИЯ О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ

Калабкина М. Ф., Слатимов Г. А. ПОНИМАНИЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Келейникова Е. С., Архипов И. Ол. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Козеев В. В., Кучаева Э. Р. АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козлова В. В. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Котляров С. Б., Кукушкин О. В. ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРИСТИКА

Коченов А. Ю. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: МЕСТО И РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА

Круглова А. А. МЕТОДЫ И СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кузина Е. А. СОВРЕМЕННЫЕ СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кучаева Э. Р., Фиров Д. Е. СИСТЕМА СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ИНСТАНЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Маланкина Н. А. ПОНЯТИЕ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Муталимов Р. А. МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

Муталимов Р. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА
И БИЗНЕС-СТРУКТУР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Немов Я. О. МЕТОДИКИ И СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Немов Я. О. ПРАВООТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ОБРАЩЕНИЕ
С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ДАННЫМИ

Орехов А. С. ПРИМЕРЫ И ПРАВИЛА ИЗЛОЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ

Орехов А. С. ПРИЁМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Прохоров А. С., Савлов Е. А. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Пулова Е. В. КОМИССИИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ
К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ
СЛУЖАЩИХ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: СОСТАВ
И ПОРЯДОК ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Пулова Е. В. МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА
ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ратникова О. А. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ И СРЕДСТВА

Салихова Д. Ф. МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУТЕМ РЕГРЕССА

Салихова Д. Ф. ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Свешникова Л. Н., Байков Р. В. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НАРУШЕНИЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Замотаева О. Н., Серикова К. В. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

Танюшкин А. Д. ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ НЕПРАВОМЕРНОГО
ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Тараканова Н. Г., Пяткина Т. Ю. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Федоров В. А. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА

Федоров В. А. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДАЧ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Федотова К. С. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Филиппова Л. Ю. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Филиппова Л. Ю. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Фролов М. С. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чернов Д. В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Чернов Д. В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Чиняков О. Е., Варламова О. А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Шабаев В. В. МЕРОПРИЯТИЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ САРАНСКА В ГОДЫ 1-й МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шикаев М. Н. СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шикаев М. Н. АКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Юськаева Л. М. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Юськаева Л. М. ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

Ямбушев Ф. Ш., Голов С. А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ямбушев Ф. Ш., Лысова Е. В. ПОНИМАНИЕ ГАРАНТИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Янбухтин Р. А. ШТРАФ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ: ГРАЖДАНСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Абдульмянова Т. В., Мартынов В. С. ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Абдульмянова Т. В., Савинов А. В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Абдульмянова Т. В., Чудаев М. Е. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «РАЗМЕР» И «УЩЕРБ» В КОНТЕКСТЕ ИХ СОДЕРЖАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ

Абдульмянова Т. В., Макеев Н. А. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ ОВД

Авдеева Т. А., Тиньгаева Е. В. ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ КАК ДОЛЖНОСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Авдошкин А. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИГРОВЫХ ЭКОСИСТЕМАХ

Агафонов Д. В. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПО ПРИЗНАКУ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алукаев А. Б. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Антипова Е. Г. ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ В ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Асанова И. П., Малышкин П. В. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА БАНДИТИЗМА

Асанова И. П., Асанова И. П. НЕОСТОРОЖНОСТЬ КАК ФОРМА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Асанова И. П., Малышонков Н. И. ЭКСТРЕМИЗМ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, БОРЬБА С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Баранов Д. И. ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК ВИД ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ВИДЫ

Баранов Д. И., Басанин М. В. КРАЖА КАК ФОРМА ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Горлиенко Н. В. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА: КОГДА ЛЕЧЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Горшкова Ю. Е. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ
БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ

Дудочкин В. С. К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАБОТНИКОВ ПЕНСИЯМИ
ПО СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ

Калабаев Д. Ю. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭКСТРЕМИЗМА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Кечайкина Е. М., Хозин А. В. ГОСУДАРСТВО И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ
ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОХОДЫ ИЛИ
РАСХОДЫ БЮДЖЕТА

Кечайкина Е. М., Малыйкина Е. И. ИНСТИТУТ НАЛОГОВОГО МОНИТОРИНГА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
АСПЕКТ

Кечайкина Е. М., Алукаев А. Б. ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
АСПЕКТ

Кечайкина Е. М., Горшкова Ю. Е. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кирдяпкин В. В. ПОНЯТИЕ, ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕДИТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Кирдяпкин В. В. ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТНОГО
РЫНКА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Колоколова Е. О., Панфилов М. А. О КАТЕГОРИИ «РЕБЕНОК» В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Кондрашов И. А. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ
КРИТЕРИИ АФФЕКТА

Кондрашов И. А. ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УБИЙСТВА,
СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Кондрашов И. А. УБИЙСТВО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА: СОСТАВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Крылова Л. С., Харитонов М. И. ПРОБЛЕМЫ ЛЬГОТНОГО ЛЕКАРСТВЕННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кулясова Т. О. ОБЩАЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ СТОРОН ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ

Кулясова Т. О. ДОГОВОР ПОСТАВКИ ТОВАРОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кулясова Т. О. ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ, ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Ляуткина И. С. БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В РОССИИ: ПУТЬ К ЦИВИЛИЗОВАННОМУ РЕШЕНИЮ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Малыйкина Е. И. ПРЕДПРОВЕРОЧНЫЙ АНАЛИЗ КАК НОВАЯ ФОРМА НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Минеева И. Н., Мансырев Д. С. К ВОПРОСУ О ДАРЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ИСПАНИИ

Минеева И. Н. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА «НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ ДЕТИ»

Моисеева Е. Н., Соболева К. Г. К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ИПОТЕКИ (ЗАЛОГА НЕДВИЖИМОСТИ) И ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Моисеева Е. Н. Суродеева К. В. К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Панфилов М. А., Логутенков А. В. ДОГОВОР О ФИНАНСОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Подосинникова К. В. СОЦИАЛЬНО-ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ В НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Польдяев А. Н. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА – ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Прокина Е. В. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ

Рахметуллов Л. А. НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Савинов А. В., Мартынов В. С. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Савинов А. В. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Соболева К. Г. СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ С ИПОТЕКОЙ (ЗАЛОГОМ НЕДВИЖИМОСТИ)

Суворова Е. В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Суворова Е. В. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тиньгаева Е. В. ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ
КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА

Точилова К. П. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Абдульмянова Т. В., Тутаев К. Р. ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Тутаев К. Р. ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ЧЛЕНОВ СЕМЬИ
(НА ПРИМЕРЕ СТ. 150 УК РФ)

Тутаев К. Р. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ПОНЯТИЕ, ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Учайкина Н. Ю. ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
СТРАХОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦАМ, ПОЛУЧИВШИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ЗАБОЛЕВАНИЕ

Хозин А. В. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цыбисова А. В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Челноков А. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Четайкин М. И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Чиняков О. Е., Данилов В. В. АВТОТЕХНИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ

Чудаев М. Е. КРАЖА КАК ОСНОВНОЕ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ:
ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ
РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Шубин В. С. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ШТРАФОМ – МЕРОЙ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И СУДЕБНЫМ ШТРАФОМ КАК МЕРОЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Юткина Т. М. ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
И ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Юткина Т. М. МЕСТО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОГО ПРАВА, А ТАКЖЕ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 334.723

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Адушкин Александр Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807082@ruc.su

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PROCUREMENT ACTIVITIES AS ONE OF THE FORMS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS

Adushkin Alexander Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования закупочной деятельности, являющейся одной из форм взаимодействия государства и бизнеса. В частности, раскрыта проблема установления государственными и муниципальными заказчиками не предусмотренных законодательством требований к участникам закупки, что влечет правовую неопределенность при регулировании одних и тех же правоотношений.

Ключевые слова: государство, бизнес, государственный контракт, муниципальный контракт, закупочная деятельность, бюджетное финансирование.

The article deals with the problems of legal regulation of procurement activities, which is one of the forms of interaction between the state and business. In particular, the problem of establishing requirements for procurement participants not provided for by law by state and municipal customers is disclosed, which entails legal uncertainty in regulating the same legal relations.

Keywords: government, business, government contract, municipal contract, procurement activities, budget financing.

Одной из правовых форм взаимодействия государства и бизнеса является заключение государственных и муниципальных контрактов, которые представляют собой соглашения, заключаемые между публичной и частной стороной при соблюдении специальной процедуры и направленные на удовлетворение определенных нужд государства.

Заказчиками в таких закупках являются государственные и муниципальные органы, а также бюджетные учреждения и в ряде случаев государственные и муниципальные предприятия. Все указанные субъекты являются получателями

бюджетных денежных средств и, соответственно, их деятельность нуждается в особом правовом регулировании и контроле.

В Российской Федерации действует закон, регулирующий исключительно сферу государственных и муниципальных закупок [1]. Указанный нормативный правовой акт называют одним из самых сложных в российском законодательстве, но при этом также его можно назвать и особым инструментом, обеспечивающим безопасность государства в финансовой сфере.

Его нормы направлены на детальную регламентацию порядка осуществления закупок, правового статуса участников закупок, требований, предъявляемых к ним, к условиям заключаемых контрактов, а также к порядку исполнения таких контрактов и применения ответственности к его сторонам в случае нарушения обязательств.

В сфере правового регулирования заключения государственных и муниципальных контрактов действует большое количество подзаконных актов, что характерно именно для государственных и муниципальных закупок. Представляется, что объяснить указанное можно особой важностью государственного регулирования указанного направления ввиду его финансирования за счет бюджетных средств.

К числу таких подзаконных актов относятся постановления Правительства РФ и приказы различных профильных министерств. Так, к примеру, в настоящее время постановлениями Правительства РФ урегулированы вопросы о видах работ, которые генеральный подрядчик обязан выполнить самостоятельно по заключенному государственному или муниципальному контракту, а также о требованиях, предъявляемых к лицам, участвующим в закупках, и перечне документов, которыми должно быть подтверждено наличие опыта у таких лиц в реализации подобных проектов.

Однако на практике достаточно часто встречаются ситуации, когда Заказчики предъявляют требования к участникам закупки, которые не предусмотрены законодательством. И в основном можно встретить требования к деловой репутации участников закупки, например такие, как наличие опыта исполнения именно государственного или муниципального контракта.

Между тем Федеральная антимонопольная служба считает, что указанное требование является излишним, поскольку не позволяет оценить наилучшее предложение об условиях исполнения контракта и одновременно ограничивает круг потенциальных участников, поскольку в их число не могут входить лица, которые имеют необходимый опыт, но только по коммерческим договорам.

Однако суды с указанной позицией не согласны и отмечают, что установление подобного требования не ограничивает конкуренцию, поскольку направлено исключительно на выбор в качестве победителя лица, которое будет в большей степени соответствовать потребностям заказчика. При этом такое требование само по себе не создает преимуществ какому-то конкретному лицу [2].

Важно указать на наличие противоречивой судебной практики по указанному вопросу. Так, в другом деле суд подтвердил, что установление требования о наличии опыта выполнения работ именно по государственным и муниципальным контрактам направлено на ограничение конкуренции.

В частности, суд указал, что при определении наличия и сопоставимости опыта должны оцениваться такие критерии, как выполнение работ характера и объема, схожего с предметом контракта. При этом то, в чьих интересах выполнялись такие работы, не может влиять на сам факт их исполнения и делать такой опыт менее значимым [3].

Указанная позиция суда является наиболее соответствующей законодательству, поскольку подобный подход заказчиков к оценке деловой репутации участников закупки нарушает принцип равноправия, что влечет ограничение конкуренции.

Представляется, что требование о наличии опыта у участников закупки только по контрактам, заключенным в рамках исполнения государственного или муниципального заказа, в совокупности с созданием неравных условий влечет установление необоснованных требований, которые являются излишними ввиду невозможности с помощью них достоверно установить уровень квалификации участника.

К числу спорных и излишних требований в том числе можно отнести наличие у участника закупки опыта выполнения работ только в качестве генподрядчика.

В отношении указанного требования продолжительное время нет единого мнения среди правоприменительных органов. При чем позиция Федеральной антимонопольной службы является категоричной по данному вопросу, но суды до сих пор не могут прийти к единому мнению.

Так, в одном из дел суд пришел к выводу, что законодательство, регламентирующее порядок заключения государственных и муниципальных контрактов, не устанавливает обязательного требования в отношении подтверждения участниками закупок своего опыта только договорами, которые исполнялись в статусе генподрядчика [4].

Как следует из материалов дела, участником закупки были предоставлены договоры субподряда, в которых было прописано, что они заключены в рамках исполнения муниципального контракта. Поскольку закон не содержит прямого указания на необходимость подтверждения опыта именно договором генподряда, допускается предоставление договоров субподряда, предметом которых являются работы, соответствующие виду работ, предусмотренных контрактом, на заключение которого проводится закупочная процедура.

При этом довод представителя заказчика о том, что выполнение отдельных видов работ не может подтверждать наличие полного опыта их выполнения ввиду того, что субподрядчик не осуществляет весь комплекс работ по строительству объекта и не вводит его в эксплуатацию, судом был отклонен.

Вышеизложенная позиция суда отражена и в ином деле, где суд указал, что заказчик обязан не принять договор субподряда в качестве подтверждения опыта только в том случае, если работы, выполненные по нему, не сопоставимы с работами, предусмотренными в закупке [5].

Имеется и противоположная практика, согласно которой рассмотренное выше спорное требование законодательству не противоречит и может быть установлено заказчиком в конкурсной документации [6].

С такой позицией суда согласна и Федеральная антимонопольная служба, которая указывает, что договор субподряда, по которому лицо выполнило работы, не может быть признан надлежащим подтверждением наличия опыта [7].

Федеральная антимонопольная служба руководствуется тем, что участник закупки не может подтверждать свой опыт договором субподряда, поскольку он не несет ответственность перед заказчиком за нарушение своих обязательств, не вводит и не сдает объект в эксплуатацию и не несет гарантийных обязательств, как это делает генподрядчик.

На основании изложенного Федеральная антимонопольная служба указывает, что в целях подтверждения опыта договор должен быть заключен с участником закупки и выполнен им в полном объеме.

Косвенным подтверждением такой позиции могут являться требования, предъявляемые Правительством РФ к участникам закупки. Согласно им в составе документов, подтверждающих опыт, должен быть акт ввода объекта в эксплуатацию. Такой акт составляется только между заказчиком и генподрядчиком, соответственно, субподрядчик не вправе предоставлять документ, в составлении которого он не участвовал [8].

Тем не менее, как указано выше, в правоприменительной практике нет единого подхода к этому вопросу, что влечет возникновение неопределенности при решении вопроса о допустимости включения в конкурсную документацию такого требования как наличие исполненного договора генподряда.

Отсутствие правовой определенности по указанному вопросу приводит к возможности злоупотреблений со стороны заказчиков и в целом является избыточным, поскольку ограничивает круг потенциальных участников.

С учетом наличия противоречивой судебной практики и расхождения с ее позициями мнения Федеральной антимонопольной службы России представляется необходимым внесение изменений в законодательство, которые урегулируют все спорные ситуации.

Так, целесообразным было бы внесение изменений в законодательство в части конкретного указания на то, что для подтверждения опыта могут предоставляться любые коммерческие договоры, а также указания на то, что при определении соответствия опыта участника требованиям конкурсной документации необходимо принимать в том числе и договоры субподряда.

Кроме того, в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов важным является закрепление положений о том, что договором субподряда допускается подтверждение опыта выполнения работ, виды которых входят в предмет планируемого к заключению контракта.

ЛИТЕРАТУРА

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 22 марта 2013 г.; ред. от 08.08.2024 // Российская газета. – 2013. – № 80.

2. Определение Верховного Суда РФ от 13.02.2019 № 308-КГ18-25420 по делу № А53-1096/2018. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2024).

3. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.07.2022 № 309-ЭС22-5256 по делу № А50-684/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2024).

4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03.05.2023 № Ф02-963/23 по делу № А33-15832/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2024).

5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.06.2022 № Ф08-5521/22 по делу № А32-29277/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2024).

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2017 № Ф07-13645/16 по делу № А56-29699/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.10.2024).

7. Письмо Федеральной антимонопольной службы от 11.01.2024 № МШ/875/24 // Вестник ценообразования и сметного нормирования. – 2024. – № 1.

8. Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2571; ред. от 23.09.2024 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 2. – ст. 524.

УДК 334.723

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Адушкин Александр Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807082@ruc.su

LEGAL REGULATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS THE BASIS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND BUSINESS

Adushkin Alexander Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются понятие и правовая форма государственно-частного партнерства, его значение для государственной политики. В частности, раскрываются основные преимущества и недостатки взаимодействия государства и бизнеса через заключение соглашений о государственно-частном партнерстве в соответствии с законодательством РФ.

Ключевые слова: государство, публичный партнер, частный инвестор, государственно-частное партнерство, публичный проект.

The article considers the concept and legal form of public-private partnership, the importance for public policy. In particular, the main advantages and disadvantages of interaction between the state and business through the conclusion of agreements on public-private partnerships in accordance with the legislation of the Russian Federation are disclosed.

Keywords: state, public partner, private investor, public-private partnership, public project.

Для успешного развития любого государства важное значение имеет своевременное реагирование власти на возрастающий запрос населения в получении качественных услуг, что требует постоянной работы над развитием инфра-

структуры, имеющей особую социальную значимость. Однако основной проблемой при выполнении указанной задачи выступают сложности бюджетного финансирования и отсутствие у органов публичной власти опыта в реализации определенных проектов, что фактически приводит к невозможности самостоятельного исполнения государством возложенных на него задач и функций. В целях решения подобных проблем государство привлекает частные ресурсы, за счет которых появляется возможность не только профинансировать проект, но и наиболее эффективно структурировать каждый этап его реализации.

Описанный формат взаимоотношений государства и частных инвесторов регламентирован законодательством как государственно-частное партнерство, в рамках которого частный инвестор берет на себя обязательства по вложению инвестиций в социально значимый проект в обмен на предоставление со стороны государства определенных гарантий.

Среди основных преимуществ государственно-частного партнерства можно отметить то, что частный инвестор не просто финансирует проект, а полностью отвечает за весь цикл его реализации. Поскольку, как правило, в качестве частного инвестора выступает субъект, имеющий опыт реализации идентичных или схожих проектов, он имеет возможность применять более современные и эффективные проектные решения, что существенно снижает правовые и экономические риски.

Понятие государственно-частного партнерства неоднократно становилось предметом дискуссий в научном сообществе, в связи с чем существует достаточно большое количество работ, раскрывающих сущность такого вида взаимодействия государства и частных инвесторов.

Так, например, А. А. Юдин, рассматривая понятие государственно-частного партнерства, отмечает, что оно представляет собой сотрудничество между публичным и частным партнерами, направленное на решение задач, стоящих перед государством, путем объединения опыта и ресурсов, а также разделения правовых и экономических рисков [1, с. 247]. При этом он указывает, что характерной чертой таких проектов является их долгосрочность.

О. М. Харькова считает, что государственно-частное партнерство – это своеобразный альянс между государством и частным инвестором, направленный на решение задач любого масштаба, не ограниченных рамками национальных интересов, но всегда учитывающий общественную значимость проекта [2, с. 360].

Исходя из того, что государственно-частное партнерство имеет особое значение для государственной политики, на федеральном уровне был принят закон, подробно регламентирующий порядок взаимодействия публичного партнера и частного инвестора, а также правовую сущность заключаемых соглашений [3]. В нем применяется не только понятие государственно-частного партнёрства, но и муниципально-частного, при этом основным отличием между ними является правовой статус публичного партнера.

Согласно законодательно закреплённому определению государственно-частного партнерства, оно представляет собой соглашение, на основании которого публичный партнер и частный инвестор путем объединения ресурсов и распределения рисков между собой осуществляют сотрудничество в течение определенного времени. При этом целью заключения такого соглашения явля-

ется привлечение в социально значимые проекты государства частных инвестиций, а также повышение качества продаваемых товаров, оказываемых услуг и выполняемых работ за счет возможности применения опыта частного инвестора в реализации определенных проектов.

Из указанного определения следует, что механизм государственно-частного партнерства применяется в тех сферах, за которые отвечает государство. Традиционно сюда можно отнести медицину, образование, коммунальные услуги и т.д. В таких сферах государство не всегда может полностью отказаться от контроля, что влечет необходимость осуществления вложений в поддержание их нормального функционирования. Кроме того, есть отдельные сферы, в которых государство вынуждено участвовать, поскольку они непривлекательны для бизнеса ввиду низкой доходности, и без вмешательства государства потенциально могут исчезнуть с рынка. К числу таких сфер можно отнести социальную сферу и обороноспособность.

Правовой формой реализации государственно-частного партнерства является заключение соглашения о государственно-частном партнерстве. Порядок и особенности его заключения регламентированы вышеуказанным законом. При этом, как следует из законодательно закрепленного определения, одним из основных признаков такого соглашения является равноправный статус его участников.

Так, Т. Г. Шелкунова отмечает, что главным отличительным признаком соглашений о государственно-частном партнерстве является именно то, что его стороны осуществляют взаимодействие через сотрудничество друг с другом [4, с. 179]. Указанное кардинально отличает рассматриваемые соглашения от контрактов, заключаемых в рамках законодательства о государственных и муниципальных закупках, где взаимоотношения сторон строятся на основе метода власти и подчинения.

Хотя действующее законодательство и не содержит такого понятия, как сотрудничество, тем не менее анализ Гражданского кодекса РФ [5] дает основания полагать, что оно представляет собой совершение сторонами, вступившими в договорные правоотношения, определенных действий, направленных на достижение общей цели или получение конкретного результата, который несет ценность для обеих сторон. Указанное следует, например, из норм, регламентирующих взаимоотношения сторон договора подряда.

О преимущественно диспозитивном методе регулирования взаимоотношений сторон, участвующих в реализации соглашений о государственно-частном партнерстве, свидетельствует и характер их прав и обязанностей. Так, например, публичному партнеру предоставлено право осуществлять контроль за реализацией проекта, соблюдением существенных условий соглашения, производить оценку эффективности реализации проекта, не вмешиваясь при этом в хозяйственную деятельность частного партнера. Частный партнер в свою очередь имеет право на возмещение убытков, которые возникли по вине публичного партнера, а также на свободное распоряжение продукцией и иными доходами, полученными от осуществляемой в рамках заключенного соглашения деятельности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что соглашения, заключа-

емые в рамках государственно-частного партнерства, реализуются на условиях сотрудничества публичного партнера и частного инвестора, которое выражается в совершении ими действий, необходимых для достижения положительного результата их взаимодействия. При этом такой результат должен отвечать не только интересам сторон соглашения, но и интересам общества и государства в целом, что обусловлено особым характером соглашений о государственно-частном партнерстве.

Также в числе ключевых признаков соглашений о государственно-частном партнерстве необходимо выделить обязательность объединения ресурсов и распределения рисков.

Объединение ресурсов означает, что стороны соглашения осуществляют определенные вложения в реализацию проекта. Публичный партнер, к примеру, может предоставить частному инвестору земельный участок в пользование, иное недвижимое или движимое имущество, которые необходимы для обеспечения возможности исполнения частным инвестором взятых на себя обязательств.

В свою очередь, частный инвестор обязуется профинансировать проект, реализовать его своими или привлеченными силами и впоследствии осуществлять эксплуатацию и техническое обслуживание объекта. При чем условиями соглашения может быть предусмотрено, что объект, создаваемый в процессе реализации проекта, перейдет из публичной собственности в частную.

Одним из законодательно закрепленных принципов государственно-частного партнерства является распределение рисков между публичным и частным партнером, которое должно отвечать требованиям справедливости.

Так, законом установлено, что если в течение действия соглашения вносятся изменения в нормативные правовые акты, которые влекут существенное изменение положения частного инвестора в сторону ухудшения и лишают его того, на что он рассчитывал при его заключении, то публичный партнер обязан принять все зависящие от него меры, чтобы обеспечить частному инвестору возврат инвестиций и получение прибыли.

В качестве примера такой ситуации можно привести изменения налогового законодательства, вследствие которых увеличивается налоговая нагрузка частного инвестора. А в случаях, когда проект реализуется в рамках регулируемой деятельности, ухудшение положения частного инвестора может быть вызвано изменением регулятора тарифов на услуги, что влечет в том числе изменение долгосрочных параметров регулирования такой деятельности.

Но, несмотря на закрепление в законодательстве гарантий, призванных обеспечить справедливое распределение рисков между публичным и частным партнерами, на практике достаточно часто встречаются ситуации неисполнения публичным партнером своих обязанностей, влекущие причинение убытков частным инвесторам.

Так, например, одной из наиболее распространенных ситуаций является отказ публичного партнера при досрочном расторжении соглашения от возмещения частному инвестору расходов, понесенных на реализацию проекта и не окупившихся к моменту его расторжения. Судебная практика в таких случаях

исходит из того, что если частный инвестор исполнил свои обязательства надлежащим образом и доказал размер понесенных расходов, то отказ публичной стороны от их компенсации является неосновательным обогащением [6].

В целом, учитывая гражданско-правовую природу государственно-частного соглашения, законодатель предоставляет публичному и частному партнерам право самостоятельно определить приемлемое для них распределение рисков. Однако, как указывает К. А. Тихонов, подобный подход может иметь негативные последствия как для публичного партнера, так и для частного инвестора [7, с. 86]. С одной стороны, ввиду наличия у публичного партнера административного ресурса может происходить ущемление прав и интересов частного инвестора при согласовании параметров проекта, а с другой стороны, неопытность публичного партнера может привести к закреплению в соглашении положений, которые будут выгодны для частного инвестора, но повлекут негативные последствия для публичного партнера, например, в виде увеличения финансовой нагрузки на бюджет.

Таким образом, на сегодняшний день механизм государственно-частного партнерства является одной из наиболее эффективных форм взаимодействия государства и бизнеса, позволяющих не только привлекать частные инвестиции в реализацию социально значимых проектов, но и повышать качество отдельных товаров, услуг и работ за счет применения опыта частного инвестора.

В связи с указанным представляется необходимой более детальная правовая регламентация отдельных положений, которые включаются в соглашения о государственно-частном партнерстве, с целью снижения правовых и экономических рисков для заключающих их сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин, А. А. Формирование механизма государственно-частного партнерства // Московский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 245-258.
2. Харькова, О. М. Государственное регулирование проектов государственно-частного партнерства // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 48 (1). – С. 359-365.
3. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ; в ред. от 08.08.2024 // Российская газета. – 2015. – № 156.
4. Шелкунова, Т. Г. Совершенствование государственно-частного партнерства в России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 11-3 (81). – С. 178-180.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ; в ред. от 24.07.2023 // Российская газета. – 1996. – № 23.
6. Определение Верховного суда РФ от 05.11.2015 по делу № А75-10901/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2024).
7. Тихонов, К. А. Проблемные вопросы института государственно-частного партнерства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 3 (158). – 2024. – С. 84-88.

УДК 342.33

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ
РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Алукаев Альберт Рафаэлевич, магистрант

Калабкина Мария Фёдоровна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Stroim-saransk@mail.ru; st807095@ruc.su

**IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL
FRAMEWORKS FOR THE SEPARATION OF POWERS
IN THE ORGANIZATION OF THE RUSSIAN STATE**

Alukaev Albert Rafaelevich, Master's Degree student

Kalabkina Maria Fedorovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы реализации конституционных основ разделения властей в организации российского государства. Конституционный механизм разделения властей в РФ имеет фундаментальный характер и выражает политико-правовую природу современного российского государства.

Рассматриваются отдельные ветви власти и анализируются основные формы их взаимодействия.

Ключевые слова: разделение властей, ветви государственной власти, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, Президент РФ.

The article deals with the implementation of the constitutional foundations of the separation of powers in the organization of the Russian state. The constitutional mechanism of separation of powers in the Russian Federation is fundamental and expresses the political and legal nature of the modern Russian state. Separate branches of government are considered and the main forms of their interaction are analyzed.

Keywords: separation of powers, branches of government, legislative power, executive power, judicial power, President of the Russian Federation.

Период советской власти ознаменовался отходом от теории разделения властей и ее отрицанием, как пролетарски классово чуждой. Парламент в классическом и либеральном его понимании признавался пережитком прежней социальной формации, не отвечающей требованиям новой социалистической формации. Народное управление требовало создания таких органов власти, которые объединяли бы в себе как законодательные, так и исполнительные функции. Судебные функции, однако, были обособлены. Несмотря на идеологическое и практическое обоснования отказа от данной теории, советские юристы начали проявлять к ней научный интерес под конец существования советского государства, дав начало развитию конституционно-правовой мысли в СССР, основанной на концепции разделения властей.

В результате распада СССР, его часть – РСФСР, ставшая впоследствии РФ, начала активно заимствовать опыт зарубежных государств в области государ-

ственного строительства. Принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ ознаменовала юридическое признание и оформление принципа разделения властей в организации и деятельности российского государства, что нашло свое непосредственное отражение в ст. 10 Конституции РФ: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1].

В Конституции РФ народ признается и провозглашается в качестве носителя государственного суверенитета и источника власти. Именно народ, а не кто-либо еще осуществляет власть в России, посредством референдумов и свободных выборов.

Защита человека, его прав и свобод, согласно Конституции РФ, есть обязанность государства, это же является и фундаментальным принципом, находящимся в основе деятельности российского государства. Наряду с этим, разделение властей понимается не только как элемент формы государства, но, в первую очередь, как легитимированная преграда на пути зарождения тоталитарных и диктаторских режимов.

Представительным (он же и законодательный) органом РФ, облеченным законодательной властью, является Федеральное Собрание РФ. Исполнительная власть принадлежит Правительству РФ. Суды же осуществляют правосудие, в установленных законом соответствующих видах судопроизводства. В свою очередь, Президент РФ, согласно Конституции РФ, ни в законодательную, ни в исполнительную, ни в судебную ветви власти не входит.

Президент РФ является главой государства, представляет Россию как внутри страны, так и за рубежом. Он призван гарантировать и обеспечивать незыблемость, стабильность, неприкосновенность, действенность и реальность Конституции РФ. Президент РФ обязан защищать и гарантировать права и свободы граждан, охранять суверенитет и территориальную целостность российского государства. Данный перечень задач и целей главы государства дает ему множество властных полномочий.

Место и роль Президента РФ в механизме разделения властей, которые обеспечивают ему центральное положение, заключаются в его конституционной функции по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия всех органов публичной власти страны. Сами органы власти различных ветвей осуществляют свою деятельность самостоятельно в пределах своей компетенции, реализуя задачи государства, без непосредственного участия в их деятельности Президента РФ, но при его содействии в согласованной их совместной работе. При этом Президент РФ, реализуя свои полномочия, действует совместно с другими ветвями власти, как бы входя в каждую из них в равной степени.

Именно Президент РФ является верховным представителем государства, как непосредственно избранный народом, получившим власть от него, а не от какого-либо органа государственной власти или иного социального института. Несмотря на возможность повторного переизбрания, лицу, занимавшему данную должность в течение двух президентских сроков, запрещается больше занимать ее.

Президенту РФ Конституцией РФ предоставлены значительные полномочия для осуществления совместной работы с Федеральным Собранием РФ. Они ясно демонстрируют, насколько сильно Президент РФ вовлечен в законодательную деятельность и насколько большую роль он в ней играет. Президент РФ обладает правом законодательной инициативы, вносит в Государственную Думу РФ проекты законов, подписывает и обнародует принятые законы либо отклоняет их. Таким образом, Президент РФ является одним из ключевых звеньев в осуществлении законотворческой деятельности [2]. Также Президент РФ наделен правом созыва палат Федерального Собрания РФ и роспуска Государственной Думы РФ.

Полномочия Президента РФ в сфере осуществления функций исполнительной власти столько обширные, что это дает основание для мнения, устоявшегося в отдельных научных кругах, представляющего Президента РФ элементом исполнительной власти. С данным мнением, отчасти, можно было бы согласиться, действительно, он непосредственно вовлечен в процесс формирования федеральных органов исполнительной власти, осуществляет общее руководство Правительством РФ, принимает решение о его отставке. Но многие его полномочия могут быть реализованы только во взаимодействии с другими ветвями власти их полномочиями.

Глава государства имеет значительное влияние на законодательную и исполнительную власти, участвует в работе всех государственных органов, а не просто следит за ними. При возникновении конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти Президент РФ будет выступать в качестве арбитра между ними. Именно он в случае споров будет управлять страной через Правительство РФ, которое находится в конфликте с законодательной властью.

Полнота государственной власти, широкие задачи в самых разных сферах внутренней политики, начиная от экономики и заканчивая состоянием вооруженных сил, а также вопросы внешней политики – все это ложится на плечи главы государства. Являясь Верховным Главнокомандующим, он должен решать вопросы, связанные с армией и обороноспособностью государства, принимая во внимание угрозы возможных актов агрессии. Конституция РФ в ст. 89 также закрепляет за ним право решать и вопросы, связанные с приобретением и прекращением российского гражданства, а также предоставлением политического убежища. Он формирует Совет Безопасности, Администрацию Президента РФ и решает ряд других вопросов.

Во многих вопросах Президент РФ политически свободен, пока не совершит тяжкое преступление или государственную измену, что будет являться основанием для импичмента. Он также свободен от мнения парламентских структур, так как они не могут отрешить его от должности за проводимую им политику, неважно, пользуется она популярностью или нет, имеет ли негативные последствия для страны, ее внутреннего состояния, внешних отношений или других факторов. Как было отмечено ранее, единственным способом заставить главу государства сложить полномочия является процедура импичмента – отрешения его от должности. Данная юридическая процедура описана в ст. 93 Конституции РФ и требует не только доказательства вины Президента РФ, но и квалификационного большинства в обеих палатах Федерального Собрания РФ. При-

чем треть депутатов Государственной Думы РФ должна выступить в качестве инициаторов этой процедуры.

Правительство РФ, в отличие от Президента РФ, обладает значительно меньшей независимостью и самостоятельностью. Тогда как у Президента РФ ответственность наступает лишь за совершенное преступление, Правительство РФ, являясь подотчетным Президенту РФ и Федеральному Собранию РФ, за проводимую им политику несет ответственность перед ними [3].

Парламент РФ – Федеральное Собрание РФ, бикамеральный орган, состоящий из Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ. Возлагаемое на него функция законодательной деятельности требует четкого соблюдения независимости и самостоятельности в сфере принимаемых им решений. В рамках механизма разделения властей детально разграничивают компетенции, которыми обладает Федеральное Собрание РФ, а Конституция РФ закрепляет его структурную независимость, ведь она чрезвычайно важна для работы данного органа.

Независимое Федеральное Собрание РФ, благодаря самостоятельности в его законодательной деятельности, способно наиболее полно отвечать потребностям граждан и обеспечивать развитие страны в духе времени. Будучи же зависимым, оно служило бы не интересам граждан, а того лица или лиц, которые узурпируют государственную власть.

Федеральное Собрание не подчиняется контролю исполнительной власти и самостоятельно определяет в том числе и свои расходы. Это обеспечивает его финансовую независимость. В своей деятельности этот орган власти руководствуется исключительно лишь Конституцией РФ и федеральными законами.

Однако парламентская независимость не является абсолютной. Парламентская власть ограничивается положениями Конституции РФ и законов РФ, что вытекает из принципа сдержек и противовесов теории разделения властей. Например, референдум может одобрить законы без участия парламента. Также при режиме чрезвычайного или военного положения действие норм отдельных законов может быть приостановлено. Конституционный Суд РФ может признать закон, принятый Федеральным Собранием РФ, неконституционным. Президент РФ в случаях, предусмотренных Конституцией РФ, обладает правом роспуска Государственной Думы РФ. Кроме того, Конституция РФ обязывает Государственную Думу РФ рассматривать и принимать законы с «финансовой нагрузкой» только при наличии соответствующего заключения Правительства РФ.

Правительство РФ обладает широкими полномочиями в вопросах внутренней и внешней политики российского государства, формирует государственный бюджет и исполняет его, проводит финансовую, социальную, экономическую политику, осуществляет меры по обороне страны и защите прав граждан.

Конституция РФ предусматривает меры ответственности Правительства РФ. Представительная природа Государственной Думы РФ, а точнее выразителя воли народа как источника власти, позволяет ей осуществлять контроль за деятельностью Правительства РФ и, как следствие, возможность инициировать его отставку. Но при этом и сама Государственная Дума РФ может быть распущена. Таким образом обеспечивается баланс между ветвями власти.

Нахождение баланса между двумя столь значимыми ветвями власти, сложная

задача, требующая серьезной законотворческой деятельности, работы с правовыми институтами, политической культурой и созданием соответствующих юридических механизмов. Ученые-юристы долгое время спорили о первичности исполнительной или законодательной власти, усиление каждой из них непременно ведет к подавлению другой, иногда это вызывает перекося власти, в других случаях она способна находится в равновесии.

На этом фоне судебная власть, ее система и властные полномочия кажутся глубоко вторичными. И в действительности суд не считают проявлением ни воли народа, ни воли лидера страны. Да, судебная власть независима, это гарантируется Конституцией РФ и обеспечивается законами через социальные и правовые гарантии. Судья не может быть смещен, он неприкосновенен. Но представление граждан о судебной власти, как весомой и значимой ветви, равной иным ветвям власти, все еще ограничено.

Судебная власть имеет пирамидальную структуру и состоит из трех звеньев. Звено Конституционного Суда РФ – защита основ конституционного строя и базовых прав и свобод человека и гражданина. Звено судов общей юрисдикции – осуществление правосудия по гражданским, уголовным делам и делам, возникающим из административных правонарушений. Звено арбитражных судов – решение споров, вытекающих из экономической и иной предпринимательской деятельности.

Итак, подводя итог, следует отметить, что конституционный механизм разделения властей в РФ имеет фундаментальный характер и выражает политико-правовую природу современного российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Сидоров, Е. С. Право вето Президента в законодательном процессе Российской Федерации // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 335-339.
3. Ахъядов, Э. С. Роль Правительства РФ в системе органов исполнительной власти и его место // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). – Чита : Молодой ученый, 2017. – С. 3-4.

УДК 340.9

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ

Антонова Елена Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807308@ruc.su

CONSTITUTIONAL VALUES AND CONSTITUTIONAL CONTROL

Antonova Elena Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Конституционный контроль является одним из механизмов защиты не только Конституции РФ, но и общества, обеспечивающим их поступательное развитие. Помимо этого, наличие института конституционного контроля служит также дополнительной гарантией от злоупотреблений со стороны исполнительной власти, которая в некоторых государствах опирается на лояльное парламентское большинство.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционные ценности, суд, судебное решение, конституции.

Constitutional control is one of the mechanisms for protecting not only the Constitution of the Russian Federation, but also society, ensuring their progressive development. In addition, the institution of constitutional control also serves as an additional guarantee against abuse by the executive branch, which, in some states, relies on a loyal parliamentary majority.

Keywords: constitutional control, constitutional values, court, court decision, constitutions.

Прежде чем дать определение понятию «конституционный контроль», отметим, что в литературе существует несколько подходов к его определению. Это является весьма непростой задачей, поскольку и здесь нет единого подхода: одни ученые-правоведы отождествляют данные понятия, считая их синонимичными, другие, наоборот, разделяют их, третьи также разделяют, но выделяют надзор в разновидность конституционного контроля. Семантически «контроль» и «надзор» синонимичны: оба имеют значение «наблюдение над чем-нибудь». Однако введение двух семантически равных категорий в научный оборот представляется крайне нелогичным решением.

Отсутствует особая категория конституционных дел: официальное толкование конституции осуществляется в процессе рассмотрения и принятия решения в рамках конкретной юридической коллизии, признание неконституционным какого-либо акта – при толковании конституции в процессе разрешения конкретного спора. Поэтому контроль всегда казуальный и последующий. Принятие конституции предполагает согласие и обязанность всех субъектов права следовать ее положениям, а также ответственность за их несоблюдение. Защищая нас, Конституция того же требует взамен. Появление конституционного контроля обусловлено этим обстоятельством. Наличие в государстве соответствующего органа – это дополнительная гарантия стабильности Основного закона, условий развития общества. Органы конституционного контроля защищают общество так же, как президент, армия и полиция [1]. Помимо этого, за счет толкования уточняется содержание норм конституции, осуществляется их адаптация к изменяющемуся обществу. Именно поэтому так важен конституционный контроль, а значит, и его изменение.

Ученые-конституционалисты выделяют две разновидности европейской модели: австрийскую и французскую. Основоположителем первой считается Г. Кельзен. В данной модели функции конституционного контроля выполняет специальный орган – конституционный суд. Конституционные суды имеют достаточно широкие полномочия: они осуществляют проверку как нормативных актов, так и действий и решений. Решения конституционного суда имеют обязательную силу. Как правило, этот орган формируется при участии законодательной и исполнительной ветвей власти, а также судебским сообществом, а иногда – только законодательной властью (например, парламентом в Герма-

нии), что гарантирует независимость суда. В состав конституционного суда входят специалисты разных направлений: это профессиональные судьи с большим стажем, ученые-правоведы, бывшие государственные служащие и политики, т.е. к членам такого суда предъявляются высокие требования. Срок пребывания их в должности зачастую довольно длительный (9–12 лет), реже их назначают (избирают) на два срока (Венгрия) с частичным обновлением состава суда. В некоторых федеративных государствах субъекты имеют свои конституционные суды, которые действуют временно.

Конституционная реформа 2020 г. внесла значительные изменения в Основной закон России, и орган конституционного контроля в лице Конституционного Суда Российской Федерации не остался в стороне. На него была возложена обязанность проверить соответствие принятых поправок Конституции РФ. От его решения зависели те результаты, то будущее, которое в них заложил и ожидал достичь законодатель. Конституционный Суд РФ в данном вопросе выступил не просто как «напарник» законодателя, но и как мудрый наставник. Одобрение Суда означает, что его видение пути, по которому идет развитие не только Конституции РФ, но и общества в целом, совпадает с ожиданиями рабочей группы, которая разрабатывала данные поправки.

За принятием поправок к Конституции РФ последовали ожидаемые изменения в федеральном законодательстве. Наиболее противоречивым оказалось решение законодателя ликвидировать действующие органы регионального конституционного контроля с возможной альтернативой в виде органов иного рода со сходными функциями.

С момента наделения судей Конституционного Суда правом на публичное особое мнение в среде юристов не утихали споры о том, необходимо ли оно, полезно или, наоборот, вредно. Мнения по данному вопросу разделились. Сторонники права судьи на публичное особое мнение находили в нем реализацию принципов демократизма (реализация воли большинства с учетом мнения меньшинства) и открытости Суда, а также средство сохранения судьей своего психологического здоровья, защиту от профессионального выгорания и деформации: помимо того, что мнение несогласного судьи будет услышано, судья может продолжать оставаться самим собой, не изменять своим принципам и совести. С другой стороны, противники права судьи на публичное особое мнение усматривали в нем угрозу для авторитета судебного решения и самого Суда в целом: несогласие подчеркивает отсутствие единения судей, провоцирует конфликты внутри судебного сообщества и общества. В качестве контраргумента в пользу права судьи на особое мнение сторонники приводят то обстоятельство, что споры конституционного характера сложны и единого мнения по тому или иному вопросу не всегда удается достичь, существование нескольких равносильных мнений, наоборот, должно способствовать выработке новых позиций, двигать практику Суда вперед. Кроме того, если решение, принятое большинством, законно и обоснованно, то особое мнение никакой угрозы для него не несет и не может нести. В конце концов, судьи Конституционного Суда РФ — это высококлассные специалисты, ученые-правоведы: им следует, как сторонникам науки, поддерживать плюрализм, избегать догматизма, держаться в стороне от политики [2].

Признаки унитаризации проявились в решении законодателя упразднить привычные органы регионального конституционного контроля и заменить их на иные, которые не будут обладать статусом конституционного (уставного) суда. Особенно странно это выглядит в условиях, когда субъектам РФ федеральной властью ранее было разрешено как создавать, так и упразднять свои органы конституционного правосудия.

Вышеперечисленные изменения несут определенный «положительный» посыл, в частности проблема неопределенности правового статуса конституционных (уставных) судов субъектов была решена, на содержание новых органов регионального конституционного правосудия, возможно, потребуется меньше средств, чем на полноценные суды. Но есть и решения, которые в будущем могут привести к негативным последствиям: так, был нарушен баланс между судебной (в лице Конституционного Суда РФ) и исполнительной властью, последняя получила «рычаги воздействия» на первую, а последняя нет. В результате при неблагоприятных внутриполитических обстоятельствах Конституционный Суд станет полностью зависим от воли исполнительной власти, что сулит угрозу будущему правопорядку, вплоть до злоупотреблений со стороны последней, оправдания произвола и нарушений Основного закона (для «общего блага»), а также установления мнимой законности. Кроме того, несмотря на немногочисленность органов конституционного правосудия в регионах, их отмену в будущем региональные власти могут истолковать в негативном ключе, поскольку решать, какие органы власти и в какой форме создавать, вправе только субъект, на территории которого они создаются. Это вытекает из той степени самостоятельности, которой обладает субъект Федерации.

Законодатель, постановив отменить конституционные и уставные суды субъектов РФ, не определил статус новых органов регионального конституционного контроля, полномочия, соотношение их актов с актами судов общей юрисдикции и Конституционного Суда РФ. В этом отношении интересен опыт Конституционного совета Республики Саха (Якутия), который на сегодняшний день является единственным в России действующим новым органом регионального конституционного контроля. Он был создан в 2021 г. (почти сразу после упразднения Конституционного суда Республики Саха (Якутия)) и до сегодняшнего дня продолжает довольно активно функционировать. Примечателен Конституционный совет и тем, что по финансовым затратам на свое содержание он чуть уступает ранее упраздненному Конституционному суду Республики Саха (Якутия) (почти на 3,7 млн рублей).

Таким образом, стоит отметить, что Конституционный Суд РФ не только поспособствовал проведению конституционной реформы 2020 г., но и сам испытал на себе ее огромное влияние. Наконец, в зависимости от обратной силы действия различают конституционный контроль, который отменяет акт с момента его издания (с обратной силой), и контроль, который отменяет акт на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров, С. Б.* Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // *Право и образование.* – 2018. – № 2. – С. 44-49.

2. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

УДК 340.9

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Антонова Елена Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807308@ruc.su

MODERNIZING CONSTITUTIONAL CONTROL IN MODERN RUSSIA

Antonova Elena Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Принятие гражданами собственной конституции – это знаковое событие, которое означает, что вырос уровень самосознания нации, что произошел осознанный и целенаправленный выбор определенной модели общественного строя.

Ключевые слова: конституция, государство, конституционный контроль, самосознание, общество.

The adoption by citizens of their own constitution is a landmark event, which means that the level of self-awareness of the nation has grown, that a conscious and purposeful choice of a certain model of the social system has taken place.

Keywords: constitution, state, constitutional control, self-awareness, society.

Принятие конституции предполагает согласие и обязанность всех субъектов права следовать ее положениям, а также ответственность за их несоблюдение. Конституция защищает нас и того же требует взамен. С осознанием этой мысли, пониманием необходимости в охране Основного закона появился конституционный контроль. Наличие в государстве органа конституционного контроля является дополнительной гарантией стабильности закона законов, условий развития общества. Органы конституционного контроля являются одним из столпов, который защищает общество так же, как президент, армия и полиция [1]. Кроме того, с помощью такой своеобразной формы деятельности органа конституционного контроля, как толкование осуществляется уточнение содержания норм конституции, их адаптация к изменяющемуся обществу, что позволяет Основному закону оставаться «живым» и избегать постоянной корректировки многочисленными поправками. Именно поэтому так значим конституционный контроль и органы, которые его осуществляют, и тем важнее изменения, которым он подвергается.

Следует отметить, что конституционная реформа 2020 г. внесла значительные изменения в Основной закон России, и орган конституционного контроля в

лице Конституционного Суда Российской Федерации не остался в стороне. На него была возложена обязанность проверить соответствие принятых поправок Конституции РФ. От его решения зависели те результаты, то будущее, которое в них заложил и ожидал достичь законодатель. Конституционный Суд РФ в данном вопросе выступил не просто как «напарник» законодателя, но и как мудрый наставник. Одобрение Суда означает, что его видение пути, по которому идет развитие не только Конституция РФ, но и общества в целом, совпадает с рабочей группы, которая разрабатывала данные поправки.

После принятия поправок к Конституции РФ произошли ожидаемые изменения в федеральном законодательстве. Наиболее противоречивым оказалось решение законодателя ликвидировать действующие органы регионального конституционного контроля с возможной альтернативой в виде органов иного рода со сходными функциями.

Так как конституционные реформы оказали серьезное влияние на статус органов конституционного контроля, которые являются первым и важнейшим защитником не только Конституции РФ, но и всего сложившегося строя, гарантом стабильности и инструментом поступательного развития общества (что подтверждает и вытекает, в частности, из положения ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации»), то представляется необходимым оценить изменения, связанные с конституционным контролем, который осуществляют Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды РФ (до 2023 г.), а также роль этих органов как субъектов и объектов конституционных реформ.

Остановимся на характеристике Конституционного Суда Российской Федерации как субъекта конституционной реформы. Еще до проведения реформы 2020 года председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в своей статье «Буква и дух Конституции» (09.10.2018 г.) отмечал, что хоть наш Основной закон и имеет недостатки, они, по его мнению: «вполне исправимы путем точечных изменений, а заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины «живой Конституции». Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции Российской Федерации, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий» [2].

Со времени наделения судей Конституционного Суда правом на публичное особое мнение в среде юристов не утихали споры о том, необходимо ли оно, полезно или, наоборот, вредно. Мнения по данному вопросу разделились. Сторонники права судьи на публичное особое мнение находили в нем реализацию принципов демократизма (реализация воли большинства с учетом мнения меньшинства) и открытости Суда, а также средство сохранения судьей своего психологического здоровья, защиту от профессионального выгорания и деформации: помимо того, что мнение несогласного судьи будет услышано, судья может продолжать оставаться самим собой, не изменять своим принципам и

совести. С другой стороны, противники права судьи на публичное особое мнение усматривали в нем угрозу для авторитета судебного решения и самого Суда в целом: несогласие подчеркивает отсутствие единения судей, провоцирует конфликты внутри судебного сообщества и общества. В качестве контраргумента в пользу права судьи на особое мнение сторонники приводят то обстоятельство, что споры конституционного характера сложны и единого мнения по тому или иному вопросу не всегда удастся достичь, существование нескольких равносильных мнений лишь наоборот должно способствовать выработке новых позиций, двигать практику Суда вперед. Кроме того, если решение, принятое большинством, законно и обоснованно, то особое мнение никакой угрозы для него не несет и не может нести. В конце концов, судьи Конституционного Суда РФ – это высококлассные специалисты, ученые-правоведы: им следует, как сторонникам науки, поддерживать плюрализм, избегать догматизма, держаться в стороне от политики [3].

Отметим, что признаки унитаризации проявились в решении законодателя упразднить привычные органы регионального конституционного контроля и заменить их на иные, которые не будут обладать статусом конституционного (уставного) суда. Особенно странно это выглядит в условиях, когда субъектам РФ ранее федеральной властью было разрешено как создавать, так и упразднять свои органы конституционного правосудия.

Данные изменения несут определенный «положительный» посыл, в частности проблема неопределенности правового статуса конституционных (уставных) судов субъектов была решена, на содержание новых органов регионального конституционного правосудия, возможно, потребуется меньше средств, чем на полноценные суды. Но есть и решения, которые в будущем могут привести к негативным последствиям: так, был нарушен баланс между судебной (в лице Конституционного Суда РФ) и исполнительной властью, последняя получила «рычаги воздействия» на первую, а последняя нет. В результате, при неблагоприятных внутриполитических обстоятельствах, Конституционный Суд станет полностью зависим от воли исполнительной власти, что сулит угрозу будущему правопорядку, вплоть до злоупотреблений со стороны последней, оправдания произвола и нарушений Основного закона (для «общего блага»), а также установления мнимой законности. Кроме того, несмотря на немногочисленность органов конституционного правосудия в регионах, их отмену в будущем региональные власти могут истолковать в негативном ключе, поскольку решать, какие органы власти и в какой форме создавать, вправе только субъект, на территории которого они создаются. Это вытекает из той степени самостоятельности, которой обладает субъект федерации.

В связи с этим для решения перечисленных проблем предлагаем:

1) «доуравновесить» судебную и исполнительную власть, наделив Конституционный Суд РФ соответствующим противовесом (например, получение согласия судей на какие-либо кадровые перестановки в Конституционном Суде);

2) разрешить субъектам РФ самим учреждать органы регионального конституционного контроля в той форме, в какой они посчитают нужным (но с равной юридической силой принимаемых ими актов);

3) восстановить право судей Конституционного суда РФ на публичное особое мнение (ч. 4 ст. 76 ФКЗ о КС РФ) и официальное издание Суда – «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации».

Постановив отменить конституционные и уставные суды субъектов РФ, законодатель не определил статус новых органов регионального конституционного контроля, полномочия, соотношение их актов с актами судов общей юрисдикции и Конституционного Суда РФ. С этой точки зрения интересен опыт Конституционного совета Республики Саха (Якутия), который на сегодняшний день является единственным в России действующим новым органом регионального конституционного контроля. Он был создан в 2021 г. (почти сразу после упразднения Конституционного суда Республики Саха (Якутия)) и до сегодняшнего дня продолжает довольно активно функционировать. Примечателен Конституционный совет и тем, что по финансовым затратам на свое содержание он чуть уступает ранее упраздненному Конституционному суду Республики Саха (Якутия) (почти на 3,7 млн рублей).

Резюмируя, стоит отметить, что Конституционный Суд РФ не только поспособствовал проведению конституционной реформы 2020 г., но и сам испытал на себе ее огромное влияние. Будущее покажет, какие изменения оказались необходимы и были полезны для Суда, но уже сейчас можно сказать, что законодатель умышленно заложил те основы, которые могут повлечь негативные последствия. Речь идет о проникновении в юрисдикцию судейского сообщества исполнительной власти, влекущее угрозу его суверенитету, полная зависимость немногочисленного состава Суда от его председателя, страх кадровых перестановок по воле извне, закрытость, труднодоступность для граждан и организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров, С. Б.* Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» / С. Б. Котляров // *Право и образование.* – 2018. – № 2. – С. 44-49.
2. *Котляров, С. Б.* Развитие конституционного механизма защиты прав и свобод человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VII Юридические чтения: Материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск: Типография «Рузаевский печатник», 2021. – С. 193-198.
3. *Ямбушев, Ф. Ш.* Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // *Вопросы российского и международного права.* – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

УДК 342.56

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Арюткина Марина Михайловна, магистрант
Мотовицкий Евгений Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st808886@ruc.su; st808100@ruc.su

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIARY IN RUSSIA: ON THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aryutkina Marina Mikhailovna, Master's Degree student

Motovitsky Evgeniy Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Рассмотрение и анализ полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, а также оценка проблем в их развитии представляются актуальными и необходимыми, так как недостаточность этих полномочий может ослабить механизм конституционной юстиции, тогда как их избыток либо слабая проработанность могут вызвать перекосы в системе разделения властей и сужение гарантий реализации прав и свобод граждан.

Ключевые слова: суд, конституционный суд, судебная система, проблемы суда, конституционный контроль, становление судебной власти.

Consideration and analysis of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as an assessment of problems in their development, seems relevant and necessary, since the insufficiency of these powers can weaken the mechanism of constitutional justice, while their excess or poor elaboration can cause distortions in the system of separation of powers and narrowing guarantees of the realization of the rights and freedoms of citizens.

Keywords: court, constitutional court, judicial system, problems of the court, constitutional control, formation of the judiciary.

Перед тем как рассмотреть место и роль Конституционного Суда в конституционном контроле, необходимо определиться с тем, что из себя представляет сам контроль как явление и судебный контроль в судебной системе отправления правосудия. Судебная система, ключевой элемент общественной структуры, играет центральную роль в урегулировании правовых и социальных споров, оказывая тем самым влияние на социальные динамики. Защищая общественные и в конечном итоге государственные интересы, эта система не только воплощает в себе исторически сложившиеся подходы к организации гражданского общества, но и строго следует закрепленным в законодательстве структурам, ролям и статусам, адаптируясь к изменениям в социокультурном контексте. Ее действия, опирающиеся на неизменные принципы и уникальные для данного института правила, направлены на формирование и поддержание стандартов поведения в обществе.

Вопрос наличия проблем в развитие судебной власти в Российской Федерации является достаточно острым и «жизненно важным» для государственности в целом. В то же время указать на все проблемные аспекты в рамках одной научной статьи не представляется возможным, поэтому обозначим самые острые из них, а на некоторых остановимся более подробно.

Государства мира, включая и Россию, не изолированы друг от друга, наблюдается взаимопроникновение и заимствование различных элементов тех или иных моделей конституционного контроля, что представляется важным для понимания становления и развития отечественного института конституционного контроля. В последнее время можно отметить, что в России стали чаще приговаривать людей к заключению под стражу, а также реже удовлетворять просьбы о досрочном освобождении. Это указывает на усиление репрессивных тен-

дений в системе правосудия, проявляющихся через различные неблагоприятные изменения в деятельности судебных органов.

Запрос о конституционности нормативного акта или договора будет допустимым в следующих случаях. Во-первых, если нормативный акт или договор, по мнению заявителя, противоречит Конституции и в этой связи не может быть применен. Во-вторых, если правоприменитель отказывается реализовывать нормативный акт (либо договор), считая его неконституционным, а заявитель полагает его не противоречащим Конституции и подлежащим применению. В-третьих, если по решению межгосударственных органов по защите прав человека положения примененного в отношении граждан правового акта или договора ущемляют их права, что влечет необходимость корректировки этих положений, устраняющих нарушение прав граждан.

Защита фундаментальных принципов конституционного устройства и, как следствие, обеспечение справедливого исполнения обязанностей судьями в соответствии с действующими законами во многом зависит от принципа неприкосновенности судей. Это ключевой элемент, поддерживающий их независимость. Вместе с тем не всё так однозначно в вопросах неприкосновенности.

Тема внедрения электронного документооборота (ЭДО) в деятельность судебной системы является центральной в программах, направленных на цифровизацию страны. Несмотря на то, что рассматриваемому вопросу посвящено большое количество исследований, а стратегическая важность перехода к цифровизации документальных ресурсов и организации электронного документооборота доказана, некоторые суды продолжают систематизировать (в ряде случаев дублировать) часть канцелярской работы на бумажных ресурсах и носителях и это несмотря на то, что полная конфиденциальность и сохранность информации – важное преимущество электронного документооборота.

В то же время у суда должна быть определенная степень «целесообразности» рассмотрения при согласовании участия в заседании в режиме онлайн. Так как бесспорным моментом являются ситуации, когда нужно отличать «одно от другого»: например, в судебном заседании принимает участие физическое лицо, находящееся в отдаленном от суда регионе страны, и в случае когда в заседании участвует банковская организация, которая имеет развитую сеть филиалов по всей стране [1].

Улучшение доступности и эффективности правосудия, а также более быстрая обработка судебных дел не только укрепляют веру народа в судебную систему, но и подталкивают к увеличению числа обращений за судебной защитой. Это ведет к росту нагрузки на суды, что особенно заметно в экономически развитых областях. Чтобы справиться с этим вызовом, предлагаются как уже известные способы уменьшения судебной загруженности, например расширение использования упрощенных методов рассмотрения дел, внесудебное разрешение споров и улучшение исполнения судебных решений, так и реформы в определенных областях законодательства, включая законы о банкротстве [2].

Постоянное и систематизированное применение таких мер не только обеспечивают экономию времени для всех участников процесса и сотрудников судебных органов, но и должно способствовать снижению риска распространения вирусных инфекций, минимизируя необходимость личных встреч в помещени-

ях суда. В будущем можно ожидать, что подача и обработка судебных документов через онлайн-платформы станут стандартной практикой, которая будет внедрена повсеместно [3].

Рассмотрение инициативы по универсализации процесса цифровизации входящих документов в судебные инстанции путем создания специализированных должностей для обработки и сканирования судебных материалов представляется актуальным. Такая инициатива обязательно должна содержать в качестве элемента интеграцию отдельных подразделений или специалистов в структуру каждого суда или соответствующего отдела Судебного департамента. В современных реалиях способы обработки документов иногда значительно различаются в разных судебных учреждениях, что часто приводит к неоправданным задачам для секретарей судебных заседаний, хотя эта работа выходит за рамки их прямых обязанностей.

Только время поможет в полном объеме оценить изменения российской системы судебного производства и судебного устройства. Так например, можно точно оценить период изменений реформ 90-х гг. XX в., полностью перестроивших судебную систему страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы реализации судебной власти в России, повышения ее эффективности носят характер системного и долгосрочного решения, в котором проблема построения механизма реализации на практическом уровне занимает ведущее место. Внедрение новых цифровых технологий и современных механизмов функционирования должно быть направленно на улучшение работы всей судебной системы нашего государства, а эффект от таких преобразований возможно будет оценить при дальнейшем совершенствовании системы правосудия в целом.

Исследование полномочий Конституционного Суда в сфере нормативно-правового регулирования показывает, что наибольший объем дел, рассматриваемых этим судом, касаются проверки конституционности законов. При этом полномочие по проверке именно законов осуществляется только в порядке последующего конкретного судебного контроля. Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что законодатель иногда допускает принятие законов, содержащих отдельные положения, не соответствующие Конституции, а правоприменитель выносит на их основе обязательные для исполнения решения, считаем целесообразным наделить Конституционный Суд полномочием по осуществлению предварительного абстрактного нормоконтроля в отношении законов. Такое полномочие у Конституционного суда уже есть, но только в отношении международных договоров России. По аналогии с этим с целью недопущения непосильного увеличения нагрузки на Конституционный Суд предварительному контролю должны подвергаться не все законы, а только те, в отношении которых будет направлен соответствующий запрос. Субъектами такого запроса могут быть те же субъекты, которые уполномочены инициировать проверку не ратифицированных международных договоров. Расширение полномочий Конституционного Суда в этой части позволит еще на стадии принятия законов сократить количество неконституционных актов, что благоприятно скажется как на состоянии всей правовой системы и уровне правосознания участников правоотношений, так и на гарантиях конституционных прав и свобод граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44-49.
3. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

УДК 336.1

КОРРУПЦИЯ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ

Асанкина Елена Львовна, магистрант
Дубинин Михаил Сергеевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: e.asankina@gmail.com; st808096@ruc.su

CORRUPTION IN THE TAX SPHERE

Asankina Elena Lvovna, Master's Degree student
Dubinin Mikhail Sergeevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность данной статьи представлена значимостью налоговой сферы в системе публичных финансов. Налоги являются важным элементом системы централизованного управления, участвуют в механизмах, реализующих социально-правовые функции государства. Коррупция в налоговой сфере представляет угрозу национальной безопасности государства. В данной статье рассмотрены виды коррупции в налоговой сфере и изучены современные принципы, способствующие снижению коррупционных проявлений в системе публичных финансов. Проанализирована взаимосвязь развития процессов цифровизации как фактора снижения коррупционных рисков.

Ключевые слова: публичные финансы, налоговая сфера, коррупция, налоговое законодательство, налоговая ответственность, цифровизация налоговой системы.

The relevance of this article is represented by the importance of the tax sphere in the public finance system. Taxes are an important element of the centralized management system, participate in the mechanisms implementing the social and legal functions of the state. Corruption in the tax sphere poses a threat to the national security of the state. This article examines the types of corruption in the tax sphere and studies modern principles that contribute to the reduction of corruption in the public finance system. The relationship between the development of digitalization processes as a factor in reducing corruption risks is analyzed

Keywords : public finance, tax sphere, corruption, tax legislation, tax liability, digitalization of the tax system.

Налоговая сфера представляет комплекс общественных отношений, имеющих особое значение для государства и публичных финансов в целом. Налоги – значимый ресурс пополнения централизованных фондов денежных средств и инструмент реализации задач государственного управления. Именно они участвуют в механизме представления льгот и социальных гарантий, которые в конечном итоге реализуют задачи социального государства.

Большинство налоговых механизмов имеют материальное выражение, тем самым представляют сферу для проявления коррупционных маркеров.

Коррупционное поведение принято рассматривать в узком и широком смыслах. Под коррупцией в узком смысле понимаются умышленные действия (бездействие) должностных лиц, использующих свои государственно-властные полномочия, в целях материального обогащения и (или) вознаграждения [1]. То есть коррупция – это не что иное, как злоупотребление субъектом государственной власти, осуществленное с целью получения выгоды различного характера для себя или для других лиц.

В широком смысле под коррупцией понимается позиция, когда данная категория рассматривается как негативный социальный фактор, характеризующий кризис государственной власти. Широкое понимание не сводится к рассмотрению фактов, лежащих в основе коррупционных правонарушений, а предполагает рассмотрение и познание системы государственно-властных структур с позиции этики, юриспруденции, экономической безопасности.

Ущерб, который наносится коррупционными правонарушениями, имеет особую степень общественной опасности, поскольку несет прямую финансовую угрозу для бюджета страны и реализации управленческих механизмов.

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000, «коррупция» раскрывается через ряд действий, связанных с обещанием, предложением или представлением субъектами государственно-властных структур преимуществ в личных интересах либо в интересах третьих лиц [2].

В зависимости от степени общественной опасности коррупционные правонарушения в налоговой сфере можно подразделить на три вида.

Первые проявления связаны с высоким уровнем общественной опасности, ответственность по ним предусмотрена уголовным законодательством.

Коррупционные правонарушения второго типа связаны со средней степенью общественной опасности и ответственность по ним определяется административным законодательством.

Правонарушения третьего типа не имеют значимой общественной опасности, и ответственность за их совершение не наступает.

Анализируя коррупционные проявления, отметим, что в юридической методологии налоговой сферы, в зависимости от участия субъектов, обозначились определенные виды данного негативного фактора.

Первая группа правонарушений совершается при содействии с налогоплательщиками, ведет к последствиям по неуплате налогов и связана с искажением информации о налогооблагаемой базе (завышение расходов, предъявляемых к налоговому вычету, сознательное уменьшение налогооблагаемой базы, искажение отчетной информации и т.д.).

Вторая группа правонарушений представлена взаимным соглашением, сговором между представителями налоговых органов и налогоплательщиками (неправомерное представление налоговых льгот, освобождение от уплаты налогов, искажение юридических фактов, лежащих в основе представления налоговых льгот, принятие к отчетности фальсифицированных документов и т.д.).

Третья группа правонарушений совершается без участия налогоплательщи-

ков (присвоение, мошенничество, вымогательство со стороны представителей налоговых органов).

Все виды коррупционных проявлений представляют опасность экономической безопасности государства в целом, уменьшают бюджетные поступления и подрывают авторитет государства.

В рамках данного исследования целесообразно остановиться на механизмах, способствующих противодействию коррупции в налоговой сфере. Среди основных принципов, обеспечивающих эффективность реализации данной задачи, выделим: открытость, публичность, усиленную профессиональную ответственность за нарушение антикоррупционного законодательства, межведомственное взаимодействие, учет наиболее успешных международных практик, совершенствование действующего законодательства, эффективное обеспечение прав налогоплательщиков.

В теории налогового права механизм защиты прав налогоплательщиков понимается с позиции социально-правового института, в рамках которого налогоплательщик является добросовестным до того момента, пока не установлено иное. Механизм защиты прав налогоплательщиков, будучи социально-правовым институтом, представляет собой систему способов и инструментов, позволяющих обеспечить реализацию прав и свобод граждан, что в конечном итоге имеет важное значение для свободного развития правового общества. Социальная направленность механизма защиты прав налогоплательщиков выражается в защите прав налогоплательщиков, а также восстановлении нарушенных прав налогоплательщиков.

Принцип публичности, открытости, межведомственного взаимодействия реализуется комплексно, одним из инструментов здесь является цифровизация.

Революция цифровой среды изменила приоритетные направления, которые оказывают воздействие на использование цифровых продуктов в налоговых правоотношениях, а также способствует формированию инновационных методов к осуществлению налогоплательщиками, предоставленных на законодательном уровне прав [3].

Соответствующая точка зрения подтверждается тем фактом, что примерно за последние пять лет в значительной степени наблюдается рост услуг, которые предоставляются налогоплательщикам в онлайн-формате. Существенным образом на такой формат предоставления услуг и расширения таких услуг налогоплательщикам повлияла пандемия.

В системе налогообложения цифровизация отражается за счет использования электронного кабинета налогоплательщика, который, по сути, является электронным веб-сервисом ФНС. Налогоплательщики получили возможность посредством электронно-цифровой подписи осуществлять налоговые права в онлайн-режиме, без личного присутствия в территориальном налоговом органе.

В самом деле, развитие цифровых способов взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами по праву следует признать фундаментальным направлением взаимоотношений, складывающихся между налоговыми органами и налогоплательщиками. При этом данное направление не останавливается в развитии, а продолжает совершенствоваться, создавая и формируя еще больше

возможностей, направленных на реализацию прав и обязанностей налогоплательщиков [4].

Информация, размещенная на веб-сайте, принадлежащему ФНС, а именно в разделе, посвященному статистическим данным, позволяет утверждать, что на сегодня для налогоплательщиков функционирует более 60 цифровых продуктов и сервисов:

- личный кабинет налогоплательщика, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя (данным цифровым сервисом пользуется около 4 миллионов налогоплательщиков, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей);

- личный кабинет налогоплательщика, зарегистрированного в качестве юридического лица (данным цифровым сервисом пользуется около 2 миллионов налогоплательщиков, зарегистрированных в качестве юридического лица);

- личный кабинет налогоплательщика, предназначенный для физического лица (данным цифровым сервисом пользуется более 50 миллионов налогоплательщиков – физических лиц).

Кроме того, около 90 % налогоплательщиков, как физических, так и юридических лиц, осуществляют подачу налоговых деклараций в режиме онлайн, что свидетельствует о популярности цифровых продуктов в системе правоотношений, складывающихся между налоговыми органами и налогоплательщиками.

Налоговые органы для осуществления своих функций, выражающихся в обеспечении пополнения государственного бюджета за счет налоговых отчислений, а также проведения мероприятий, направленных на выявление налоговых правонарушений со стороны налогоплательщиков, используют весь комплекс цифровых продуктов и ресурсов, в том числе данные, находящиеся в открытом доступе в интернете, а также данные, полученные при помощи специализированных компьютерных программ (например, АСК НДС).

Технологии дали возможность снизить коррупционные риски, совершенствовать механизмы налогового контроля.

Как видим, система налогового контроля в условиях цифровизации претерпела существенные изменения, то есть совершенствовалась кардинальным образом. Инновационные технологии, используемые в механизме налогового контроля, позволили осуществить повышения уровня и эффективности обслуживания субъектов, обязанных уплачивать налоги. И если еще примерно пять-десять лет назад процессы цифровизации в системе налогового контроля находили свое отражение исключительно в создании веб-сайтов и порталов налоговых органов, то сегодня функционируют личные кабинеты, предназначенные для налогоплательщиков, мобильные приложения и иные информационно-телекоммуникационные сервисы.

Изменения технологического характера в системы налоговых правоотношений, в том числе и в системе налогового контроля, по сути, изменили отношение субъектов, обязанных уплачивать налоги, к данному процессу и сделали его более удобным и комфортным. И, как следствие, совершенствование налогового контроля в конечном счете способствует увеличению поступающих в бюджет налогов, сглаживанию краеугольных камней, возникающих между

налоговыми органами и налогоплательщиками, а также снижению коррупционных проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапов, А. Б.* Субъекты административного права : учебное пособие для вузов. – Москва, 2020. – С. 117.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности : (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 2.
3. *Арзуманова, Л. Л.* Медиация как альтернативная форма досудебного урегулирования налогового спора : доктринальные подходы и правоприменительная практика // Правоприменение. – 2021. – № 3. – С. 156.
4. *Нансо, М. Б.* Добросовестность налогоплательщика: к вопросу об актуальности проблематики // Современное право. – 2021. – № 1. – С. 51.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КЛАССИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Ахмадишин Ришат Наилевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808888@ruc.su

ON THE SPECIFICS OF THE CLASSIFICATION OF PARTICIPANTS IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Akhmadishin Rishat Nailevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование методов категоризации лиц, участвующих в административных процессах, остается важным из-за того, что законодатели регулярно обновляют и дополняют Кодекс об административных правонарушениях, внося в него разнообразные поправки.

Ключевые слова: административный процесс, участники процесса, делопроизводство, судебная система, судебная власть.

The study of methods for categorizing persons involved in administrative processes remains important due to the fact that legislators regularly update and supplement the Code of Administrative Offenses, making various amendments to it.

Keywords: administrative process, participants in the process, office work, judicial system, judicial power.

Хотя с 50-х годов прошлого века был проведен значительный объем работ по улучшению административного права, вопросы, касающиеся правового положения участников административных действий и критериев их разделения, до сих пор вызывают дискуссии среди ученых. Цель классификации – это детальное изучение различных сторон правового статуса участников административных процессов и четкое определение их функций для эффективного участия в процессе.

Ввиду обширности и разнообразия предложенных классификаций участни-

ков и лиц, играющих роль в административных процедурах, представляется целесообразным отобрать те категории, которые наиболее эффективно помогут разграничить их юридические положения в контексте административно-юридических действий.

Классификация участников административного процесса находит отражение в трудах таких юристов, как Коренев, который выделяет следующие группы: иностранные граждане, граждане Российской Федерации, а также лица, не имеющие гражданства (апатриды); органы, предприятия и учреждения, принадлежащие государству; лица, состоящие на государственной службе; органы, предприятия и учреждения, не принадлежащие государству; общественные объединения; другие формирования, не принадлежащие государству; лица, являющиеся служащими различных общественных объединений [1]. Автор не останавливается на этом и делает дальнейшую классификацию данных групп участников административного процесса. Физические лица, указанные А. П. Кореневым, могут выступать потерпевшими в административном процессе.

Следующей точкой зрения является позиция Л. В. Коваль:

1. По отношению к административному деликту выделяются: физические лица, привлекаемые к административной ответственности, и правоприменители, возлагающие на привлекаемых лиц административную ответственность.

2. По социальному критерию выделяются люди и организации: во-первых, граждане, апатриды, уполномоченные на правоприменение лиц, а также представителей различных общественных объединений; во-вторых, организации – государственные органы, осуществляющие функцию преследования по административным делам, и наделенные рядом властных полномочий [2].

Л. В. Коваль классифицирует участников административного процесса на две главные категории: те, кто принимает участие по необходимости, обладая индивидуальным интересом или профессиональной вовлеченностью в дело, и обладающие способностью влиять на различные аспекты правовых отношений, и те, кто участвует по собственному усмотрению, внося вклад в раскрытие сути дела, имея возможность выступать в роли как обвинения, так и защиты в определенных ситуациях. В свою очередь, Д. Н. Бахрах подчеркивает значение процессуального статуса и цели участников, а также разнообразия способов и форм их участия в процессе.

Ученые выделяют различные категории участников административных процедур. В их число входят, во-первых, органы государственной власти и лица, которым предоставлено право на выпуск официальных решений и ведение документации, что направляет течение административного процесса. Во-вторых, индивидуальные заинтересованные стороны, чей личный интерес связан с итогом разбирательства. И, в-третьих, разнообразные организации и отдельные граждане, которые оказывают поддержку в осуществлении административной работы [3].

Предложенные варианты классификации лиц, непосредственно являющихся участниками административного процесса, помогают нам составить картину и обобщить представления о правовом положении и их роли в административном делопроизводстве. В то же время указанные варианты не позволяют в полном

объеме определиться с особенностями правового статуса участников административного процесса. Поэтому с целью установления полноты картины такого понимания следует объективно рассмотреть иные критерии классификации участников.

Практически все авторы юридических публикаций указывают на наличие двух правовых аспектов, необходимых для реализации потерпевшим прав и исполнения возложенных на него в административном производстве обязанностей. Первым аспектом является материально-правовой, вторым – процессуально-правовой. В связи с этим для полного понимания правового статуса потерпевшего следует рассмотреть содержание данных аспектов и уяснить их сущность. Материально-правовой аспект отражает правоотношения, возникающие между нарушителем и потерпевшим после совершения первым административного деликта, в результате которого второй претерпевает неблагоприятные последствия, выражающиеся в причинении ему физического, морального или материального вреда.

Значимость интереса сторон к результатам административного рассмотрения выступает ключевым фактором при разделении участников на основные группы. Этот интерес определяет их разделение на две основные категории:

1. Те, кто имеет непосредственную заинтересованность в итоге дела, включая обвиняемых, пострадавших и их законных представителей, которые желают определенного исхода по своим личным причинам;

2. Участники, для которых исход дела не имеет личного значения, включая тех, кто участвует в административных процедурах без прямого интереса к результату.

В рамках первой группы можно далее классифицировать участников, основываясь на их процессуальных характеристиках и различных критериях, что позволяет более детально понять их позиции и интересы в контексте административного делопроизводства.

В процессе административного рассмотрения участники могут быть разделены на две основные группы в зависимости от их возраста: те, кто уже достиг совершеннолетия и те, кто еще не стал совершеннолетними, но уже может нести административную ответственность за свои действия. Категории лиц, подпадающих под административное регулирование, включают в себя не только физических и юридических лиц, но и тех, кто наделен полномочиями исполнения законодательства в рамках административных процедур. Отнесение к определенной группе осуществляется на основе их личного участия в деликте, что подкреплено статьей 5, указывающей на прямую связь между действием и ответственностью.

В контексте административного процесса участники, подлежащие ответственности, могут быть разделены на две категории: те, кто несет ответственность за нарушения, совершенные самими, и те, кто отвечает за поступки несовершеннолетних (например, родители или опекуны).

С точки зрения защиты в административных делах участников можно классифицировать на основе того, как они ведут свою защиту. К ним относятся лица, защищающие свои права самостоятельно, включая совершеннолетних, об-

ладающих полной дееспособностью. Также есть те, кто защищается через законных представителей, к примеру несовершеннолетние или люди без дееспособности, и те, кто привлекает для защиты своих прав профессиональных представителей или адвокатов, что актуально как для физических, так и для юридических лиц.

Однако некоторые ученые-правоведы считают, что возникающие процессуальные отношения есть следствие норм, составляющих административное право, поэтому они выполняют вспомогательную, служебную роль.

Правильным будет считать необходимыми оба рассмотренных аспекта, поскольку лицо становится потерпевшим при наличии установленного факта нанесения ему какого-либо вреда, ответственность за который предусмотрена административным законодательством. При этом реализация его прав в административном производстве возможна только в предусмотренной законодательством процессуальной форме и в порядке, который регламентирован КоАП.

Потерпевший, как и любой другой участник правоотношений, имеет собственный правовой статус. Однако в КоАП не указан конкретный момент, с которого лицо, получившее ущерб в результате правонарушения, получает статус потерпевшего в административном деле. Предполагается в таком случае, что этим моментом является фактическое причинение ему вреда, даже если правонарушитель неизвестен. При этом КоАП указывает, что лицо, в отношении которого ведется административное производство, приобретает свой процессуальный статус с момента составления административного протокола или в момент задержания при выявлении уполномоченными лицами совершенного или совершаемого правонарушения, подпадающего под административную юрисдикцию. Это указывает на то, что потерпевшему предоставляется возможность воспользоваться своими процессуальными правами в административном производстве с момента применения процессуальных мер к предполагаемому правонарушителю.

Лица, которые не имеют прямого интереса к итогам административного процесса и относятся ко второй категории участников, вовлекаются в процедуру для предоставления своей поддержки в процессе анализа и решения возникающих вопросов. Их задача заключается в том, чтобы с использованием своего профессионализма, знаний и навыков способствовать участникам, заинтересованным в исходе дела, путем выделения, сбора и укрепления аргументации и доказательственной базы или же путем обеспечения и последующего подтверждения легитимности определенных процессуальных мероприятий. В роли таких помощников выступают, например, эксперты, переводчики, свидетели, специалисты и понятые, которые привлекаются к действиям по рассмотрению административных дел.

Согласно положениям КоАП, указанным в статье 2.6, иностранцы и лица без гражданства, находящиеся на территории России, могут быть привлечены к ответственности за нарушения, совершенные в стране, на тех же условиях, что и российские граждане. Тем не менее, несмотря на то что они подпадают под административное регулирование для совершения определенных действий или проступков, их правовой статус отличается и ограничен по сравнению с полноправными гражданами России. Это говорит о том, что хотя иностранные граж-

дане и апатриды могут участвовать в административных делах, их права и обязанности в этом контексте не равнозначны правам российских граждан [4].

На данный момент, возмещение вреда и убытков осуществляется на основании гражданского законодательства, в частности – статьи 1069 ГК РФ. Потерпевший имеет возможность обжаловать вынесенное уполномоченным лицом или органом постановление по административному делу в районный суд, а затем – в вышестоящий (областной). В случае подачи апелляционной жалобы на суд возлагается обязательство осуществить проверку решения, принятого субъектом, рассмотревшим административное дело, на соответствие его действующему законодательству. Также посредством обращения в суд можно оспорить конкретные действия уполномоченных лиц в ходе административного производства или привлечь их к ответственности в случае нарушения ими административного или уголовного законодательства. Судебная защита позволяет обеспечить соблюдение законных прав потерпевшего в случаях, когда «не сработали» иные вышеперечисленные гарантии. Поэтому возможность обращения в суд следует расценивать как средство, способствующее укреплению гарантий, обеспечивающих реализацию потерпевшим своих прав в административном процессе. Исследование института обеспечения прав потерпевшего в административном производстве позволяет сделать вывод о проработанности системы гарантий его процессуальных прав, позволяющей обеспечить их при рассмотрении административного дела.

В заключение можно подчеркнуть, что классификация участников в административном производстве представляет собой широкий спектр разнообразных подходов. Анализируя труды юристов по этой тематике, мы можем глубже понять уникальные характеристики и процессуальные аспекты, которые объединяют классифицированных участников.

Детальное изучение характеристик и основ, на которых строится разделение участников на группы в рамках административного делопроизводства, включая их права и обязанности, открывает возможность тщательного анализа правового статуса людей, участвующих в делах о нарушениях административного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корнев, А. П.* Административное право России. – Москва : Щит, 2002. – 308 с.
2. *Коваль, Л. В.* Административно-деликтное отношение. – Киев : Вища школа, 1979. – 230 с.
3. *Бахрах, Д. Н.* Административно-процессуальное принуждение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1989. – № 4. – С. 59-64.
4. Предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности : учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров, В. Ю. Перепелкин ; Саранский кооперативный институт (филиал). – Саранск : РИЦ МГПИ, 2019. – 108 с.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ**

Байков Роман Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807084@ruc.su

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ACTIVITIES OF BAILIFFS

Baykov Roman Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье рассматривается институт Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (ФССП России), а именно административно-правовая деятельность судебных приставов, которая состоит из следующих ключевых аспектов: исполнение актов суда (в том числе в порядке принуждения), контроль за соблюдением норм и правил административного характера, активное взаимодействие с различными органами государственной власти и государственными учреждениями. Также анализируются задачи и полномочия судебных приставов. Актуальность темы в первую очередь связана со значением исполнительного производства в жизни государства, общества в целом и отдельных граждан.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, судебный пристав, государственное принуждение, административно-правовой статус, исполнение решений суда, виды судебных приставов, полномочия судебных приставов.

This article examines the institution of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation, namely the administrative and legal activities of bailiffs, which consists of the following key aspects: enforcement of court orders (including enforcement), control over compliance with administrative rules and regulations, active interaction with various government bodies and government agencies. The tasks and powers of bailiffs are also analyzed. The relevance of the topic is primarily related to the importance of enforcement proceedings in the life of the state, society as a whole and individual citizens.

Keywords: Federal Bailiff Service, bailiff, state coercion, administrative and legal status, enforcement of court decisions, types of bailiffs, powers of bailiffs.

Для того, чтобы должным образом действовали государственные механизмы защиты прав и свобод личности, провозглашенные Конституцией РФ и являющиеся высшей ценностью, необходимо существование компетентного в этом направлении органа власти.

На территории Российской Федерации деятельностью по осуществлению принудительного исполнения решений суда правомочна заниматься исключительно ФССП России. История становления данного государственного органа исполнительной власти насчитывает не одно тысячелетие.

Уже в Древней Руси существовали судебные приставы, которые именовались дружинниками. В допетровскую эпоху они стали называться недельщиками, а в XVIII веке получили название полицейских приставов. В период СССР функционировали судебные исполнители и лишь с 1997 года началось постепенное возрождение службы судебных приставов. Однако отправной точкой в истории данного института считается 1 октября 1865 года (1 ноября по новому стилю).

На сегодняшний день значимость деятельности судебных приставов прослеживается не только в жизни государства или общества в целом, но и в жизни граждан Российской Федерации. Из года в год происходит взыскание внушительного объема денежных средств судебными приставами, что и является основным направлением их деятельности.

Нет сомнений в том, что постепенно происходят изменения уровня правосознания личности в лучшую сторону. К сожалению, это не дает возможности говорить, что повсеместно осуществляется добровольное исполнение актов юрисдикционных органов. Поэтому восстановление нарушенных семейных, трудовых и иных прав часто реализуется принудительно, с помощью исполнительного производств.

ФССП России необходимо рассматривать как взаимосвязанную систему организационных единиц разных уровней, где каждая такая единица выполняет собственные особые задачи, являясь составной частью принудительного исполнения.

Специфические черты любого органа государственной власти заключаются в том, какие именно задачи и функции он осуществляет, а также какими полномочиями государственно-властного характера наделен.

Таким образом, административно-правовой статус органа власти является категорией, которая, в первую очередь, помогает точно определить природу и место такого органа в системе государственно-властных отношений, исчерпывающую совокупность его законных прав и обязанностей в отношениях с другими участниками правоотношений. Здесь же стоит указать цель, основные задачи и, что играет ключевое значение, компетенцию, так как с помощью этих составляющих представляется возможным установить назначение органа как субъекта административных правоотношений.

Регламентация деятельности ФССП России осуществляется довольно внушительным количеством нормативно-правовых актов. Это, например, Федеральный закон «Об исполнительном производстве», Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Указ Президента «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» и другие.

Представляется разумным отметить, что ФССП России выполняет социальную функцию, поскольку от качества исполнения судебных решений напрямую зависит доверие к власти и уровень правовой культуры граждан.

Осуществление административной деятельности ФССП России базируется на сочетании двух основных методов: императивного, с одной стороны, и диспозитивного с другой. Причем императивный метод превалирует, что связано с полномочиями, имеющими властный характер, которыми наделены органы принудительного исполнения.

В данном случае императивный метод характеризуется неравенством сторон правоотношений, потому как пристав обладает таким способом воздействия, как обязывание.

Помимо этих основным методов, в процессе осуществления административно-правовой деятельности судебных приставов используется и ряд дополнительных:

- 1) метод дозволения;
- 2) метод субординации;
- 3) метод запрещения.

Судебный пристав – это должностное лицо, наделенное функциями по принудительному исполнению судебных решений и постановлений.

Причем в Российской Федерации существует два вида судебных приставов [1, с. 120]:

1) те, которые исполняют решения суда (приставы-исполнители): списывают денежные средства с карт должника, изымают его имущество, арестовывают счета и так далее;

2) те, которые обеспечивают установленный законом порядок деятельности судов: поддерживают общественный порядок в помещении суда, осуществляют охрану зданий органов принудительного исполнения и так далее.

Естественно, функции и задачи этих двух видов разноплановы, в связи с чем они и наделяются законодателем собственными специфическими полномочиями [2, с. 166].

Ряд принципов, на которые опирается правовое регулирование исполнительного производства, не нашли непосредственного законодательного закрепления. Так, в рамках принудительного исполнения ключевое значение имеет принцип равенства его субъектов перед законом и органами принудительного исполнения, который базируется на конституционных положениях равенства граждан перед законом вне зависимости от социальных, экономических, политических и прочих обстоятельств. Тем не менее на основании соответствующего постановления Конституционного суда РФ действует принцип преимущественной защиты интересов взыскателя.

Основными задачами, возложенными на судебных приставов, являются следующие:

1) обеспечение установленного порядка деятельности судов, а именно Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов;

2) принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц;

3) управление территориальными органами ФССП России.

Значимость каждой из выделенных групп сопутствующих задач во многом определяется общим состоянием гражданского общества в стране и уровнем правовой культуры личности. Так, в условиях низкой правовой сознательности граждан силовое, физическое обеспечение деятельности службы будет превалировать. По мере развития и роста правосознания происходит смещение в область позитивно-обязывающей составляющей процесса исполнения правоустанавливающих актов, и объем задач, решаемых для фактического обеспечения выполнения структурообразующей задачи, будет снижаться. Соответственно, значимость задач юридического обеспечения будет усиливаться.

Стоит отметить тот факт, что нередко права и обязанности судебных приставов сливаются в единый организм, образуя, таким образом, правообязанности.

Полномочия судебных приставов делятся на две большие группы: общие и

специальные. Причем наделяется ими должностное лицо одновременно, и именно они представляют собой основу административно-правового статуса государственного служащего [3, с. 393].

В свою очередь, общие полномочия судебных приставов подразделяются на две группы:

- 1) внутриорганизационные, создающие все требуемые условия для основательного и эффективного выполнения специальных полномочий;
- 2) внешние, которые связаны с осуществлением функций по исполнению юрисдикционных актов.

К внутриорганизационным полномочиям относятся:

- 1) соблюдение требований к служебному поведению;
- 2) бережное отношение к собственности государства;
- 3) периодическое прохождение профессиональной переподготовки и другое.

К внешним же полномочиям относятся следующие:

- 1) соблюдение при исполнении должностных обязанностей прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц;
- 2) законное получение той информации, которая необходима для исполнения должностных обязанностей;
- 3) неразглашение сведений, ставших известными в связи с исполнением должностных обязанностей, и так далее.

Если рассматривать структуру ФССП России, то можно отметить, что ее построение соответствует базовому принципу иерархичности [4, с. 230]. Таким образом, она состоит из центрального аппарата, главного специализированного управления, главного УФССП субъекта Российской Федерации и УФССП субъекта Российской Федерации.

В свою очередь, вышеперечисленные структурные элементы ФССП России осуществляют свои полномочия, основываясь одновременно на принципах взаимодействия и координации. В век компьютерных технологий особую важность приобрело непрерывное информационное взаимодействие между подразделениями. Это помогает работать судебным приставам намного эффективнее и быстрее [5, с. 182].

Подводя итог, стоит отметить, что ФССП России в нашей стране занимает значимое место в административно-правовом регулировании. Данный федеральный орган исполнительной власти посредством осуществления специфических полномочий выполняет возложенные на него задачи, содержащие в себе множество аспектов, при отсутствии которых система государственного регулирования и принуждения была бы несовершенна.

Институт правосудия считается эффективным, когда происходит реальное предварение в жизнь решений суда. В этом отношении ФССП России выступает как единственный управомоченный орган исполнительной власти, в полномочия которого входит принудительное исполнение судебных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филипповых, А. Н. Различия статуса судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов и судебного пристава-исполнителя / А. Н. Филипповых // Моя профессиональная карьера. – 2023. – Т. 1, № 54. – С. 118-124.

2. Ахмедов, А. Ф. Новые функции Федеральной службы судебных приставов: проблемы практики / А. Ф. Ахмедов // Образование и право. – 2021. – № 3. – С. 163-67.
3. Сундуй, Ч. А. Современная реформа службы судебных приставов: статус сотрудников, полномочия судебных приставов-исполнителей / Ч. А. Сундуй // Экономика и социум. – 2021. – № 11-2 (90). – С. 391-394.
4. Дидрих, Е. С. Административно-правовая деятельность судебных приставов / Е. С. Дидрих. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 26 (473). – С. 229-231.
5. Шишарин, И. А. Особенности правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения Российской Федерации / И. А. Шишарин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 14 (513). – С. 181-184.

УДК 342.9

**ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ**

Байков Роман Владимирович, магистрант
*Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)*
E-mail: st807084@ruc.su

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION
OF DISCIPLINARY PROCEEDINGS AGAINST
AN EMPLOYEE OF THE ENFORCEMENT AUTHORITIES**

Baykov Roman Vladimirovich, Master's Degree student
*Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)*

В статье рассматривается понятие дисциплинарного производства как вида юрисдикционного производства ФССП, автором выделяются особенности данного вида производства с учетом правоприменительной практики.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, правонарушение, юрисдикционное производство.

The article examines the concept of disciplinary proceedings as a type of jurisdictional FSSP proceedings, the author highlights the features of this type of proceedings, taking into account law enforcement practice.

Keywords: disciplinary proceedings, offense, jurisdictional proceedings.

Значительное внимание в ходе реализации сотрудниками органов принудительного исполнения служебных функций отводится обеспечению соблюдения регламентированного правопорядка и поддержанию установленной дисциплины. Данные работники обладают особым двойным статусом: с одной стороны являясь российскими гражданами, с другой – служащими, исполняющими ряд специфических обязанностей в рамках государственного органа.

В теории административного права существует множество подходов к интерпретации термина «дисциплинарное производство». На наш взгляд, макси-

мально точным и корректным можно считать вариант определения «дисциплинарного производства» как одного из составляющих частей административно-юрисдикционного производства в контексте административного процесса. Ряд ученых отмечают его в качестве обособленного вида административного производства. Вне зависимости от наличия различных подходов оно представляет собой процессуальную деятельность представителей государственных органов, обладающих определенным набором полномочий по установлению фактов дисциплинарных нарушений, а также применению соответствующих мер воздействия к совершившим нарушение должностным лицам.

Дисциплинарный устав органов принудительного исполнения Российской Федерации, утверждённый приказом Минюста России от 18.03. 2020 г. № 47, представляет собой официальный документ, регламентирующий административные и организационные аспекты в данной системе [1].

Он устанавливает строгие правовые рамки для поведения должностных лиц, уточняет их права и обязанности, а также специфицирует механизмы применения дисциплинарной ответственности с целью обеспечения правопорядка и законности в деятельности органов принудительного исполнения.

Его разработка во многом была обусловлена потребностью привести все действия по привлечению сотрудников к дисциплинарной ответственности в единую унифицированную систему. С 1 января 2020 года судебные приставы были переведены из категории гражданских служащих в категорию государственных служащих вследствие реформирования Федеральной службы судебных приставов в 2019 году, что потребовало пересмотра и актуализации соответствующих нормативно-правовых актов.

В административном праве дисциплинарная ответственность регулируется широким перечнем законодательных актов, представляющих собой определенную систему. В связи с этим можно выделить следующие ее разновидности:

- общая, которая выражается в системе юридических и организационных мер, закрепленных в Трудовом кодексе и направленных на обеспечение соблюдения норм и правил поведения сотрудниками в рамках их трудовой деятельности;

- специальная, в свою очередь, ориентирована на привлечение к ответственности определенных должностных лиц, работающих в сферах, требующих высокой степени профессиональной квалификации за нарушения в области выполнения обязанностей, регулируемых специализированными законодательными актами. Так, в качестве примера следует обозначить Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ, который подробно регламентирует основания и процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов принудительного исполнения, что обеспечивает единый подход к данному вопросу [2].

Применение мер дисциплинарной ответственности в отношении работников органов принудительного исполнения основывается исключительно на принципах, закрепляемых в специализированных нормативно-правовых актах. Тем не менее согласно статье 11 ТК РФ на них также распространяется действие норм Трудового кодекса, при условии соответствия положениям служебного законодательства.

Дисциплинарная ответственность служащих органов принудительного исполнения регулируется кроме законов, также подзаконными актами, издаваемыми в большинстве случаев двумя органами – Министерством юстиции и Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации, в частности приказ Минюста России от 30.03.2020 г. № 65 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в отношении сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации» [3] и приказ ФССП России от 15.09.2020 г. № 665 «Об утверждении Порядка уведомления федеральными государственными служащими органов принудительного исполнения Российской Федерации о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации уведомлений и организации проверки сведений, содержащихся в уведомлении» [4].

Наравне со своеобразием правового механизма, регулирующего дисциплинарную ответственность, необходимо выделить специфику ее практического применения, которая основана исключительно на началах принципа служебной подчиненности. Реализация мер дисциплинарных взысканий осуществляется прямым руководителем в пределах полномочий, которые были делегированы ему директором ФССП РФ.

Анализ норм действующего законодательства в данной области позволяет сделать вывод о том, что единственным возможным основанием привлечения должностного лица органов принудительного исполнения к дисциплинарной ответственности является совершение дисциплинарного проступка, или, иначе говоря, нарушение служебной дисциплины.

Необходимо подчеркнуть, что категории дисциплинарного проступка охватывают помимо активных нарушений, таких как халатность или злоупотребление служебными полномочиями, и случаи бездействия. Это подразумевает ситуации, когда должностное лицо не только игнорирует выполнение возложенных на него обязанностей в установленные сроки, но и отказывается или не проявляет должной инициативы для разрешения возникающих проблем.

Дополнительно в ходе анализа законодательства нами было выявлено отсутствие исчерпывающего перечня видов дисциплинарных проступков. В связи с чем возникает проблема соотношения меры дисциплинарного взыскания с конкретным дисциплинарным проступком. На сегодняшний день выбор вида дисциплинарного взыскания остается за руководителем в пределах установленных законодательством норм [5].

Исходя из категории определенных служебных отношений применению подлежат соответствующие виды дисциплинарных взысканий. Так, в соответствии с нормами Трудового кодекса, при установлении факта совершения дисциплинарного проступка к работнику могут быть применены такие виды дисциплинарных взысканий, как замечание, выговор или увольнение. В то же время Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ в статье 48 устанавливает расширенный перечень видов дисциплинарных взысканий для служащих органов принудительного исполнения: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии и увольнение со службы.

По своей структуре дисциплинарное производство аналогично любому дру-

тому виду административно-юрисдикционного производства и предполагает подразделение на относительно самостоятельные, но взаимосвязанные стадии.

Вопрос о классификации стадий дисциплинарного производства продолжает оставаться предметом научных дискуссий в науке административного права. В своих научных публикациях ученый-административист Д. Н. Бахрах выделяет четыре ключевые стадии в данном виде производства: первая – служебное разбирательство, далее рассмотрение дела, после чего осуществляется его пересмотр, и завершающей является исполнение итогового решения [6].

В зависимости от характера и сложности дисциплинарного проступка, производство классифицируется на три формы: усеченное, упрощенное и полное.

Упрощенное производство имеет место в случае совершения государственным служащим явного и не требующего дополнительной информации дисциплинарного проступка, непосредственный руководитель имеет право принять решение в отношении него самостоятельно, минуя необходимость проведения полного расследования всех обстоятельств случившегося, что связано с потребностью оперативного реагирования на подобного рода ситуации. Как правило, по итогам данного вида производства работник может быть освобожден от ответственности либо привлечен к ней посредством применения мер дисциплинарного взыскания, объявляемых в устной форме.

Напротив, при усеченном виде дисциплинарного производства обязательным является издание письменного акта, в силу того что применение устных взысканий не будет являться эффективным.

Форма полного производства выступает в виде комплексного и многоступенчатого процесса, направленного на более глубокое изучение обстоятельств дела для вынесения мотивированного решения руководителем. Этот процесс включает в себя такие этапы, как инициирование дела о дисциплинарном нарушении, предварительное расследование, сбор и анализ доказательств и наконец, вынесение законного решения.

Непосредственный руководитель (начальник) должностного лица службы судебных приставов в рамках объективной оценки выявленных фактов после совершения им дисциплинарного проступка должен соотнести нарушение с соразмерным ему видом дисциплинарного взыскания. Отметим, что процессуальной формой решения о назначении дисциплинарного взыскания является приказ.

Законодательством закреплена возможность пересмотра приказа вышестоящим прямым руководителем. Так, если вышестоящий прямой руководитель выявил несоответствие дисциплинарного взыскания степени тяжести нарушения, то последний вправе изменить его или отменить в целом. Отдельно стоит выделить право самого служащего обжаловать приказ (в случае несогласия с его содержанием) посредством обращения с рапортом к директору ФССП РФ или уполномоченному начальнику. Также служащий имеет право на обращение в суд с целью обжалования вынесенного приказа, однако судебная практика по данному вопросу разнообразна. Так, в г. Екатеринбурге ФИО1 обратилось с иском к Управлению ФССП по Свердловской области об отмене приказа о дис-

циплинарном взыскании в виде замечания. Кировский районный суд, исследовав все материалы дела, вынес решение, которым признал данный приказ незаконным [7].

Совершенно иначе разрешил аналогичное дело Шипуновский районный суд Алтайского края, отказав в удовлетворении требований в полном объеме [8].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что специфика дисциплинарной ответственности служащих органов принудительного исполнения обусловлена наличием единственно определенного основания в виде совершения дисциплинарного проступка и привлечения к ней должностного лица на началах принципа служебной подчиненности. В то же время, нормативное регулирование данного вопроса осуществляется большой системой НПА, включающей в себя законы, уставы и приказы, что вызывает определенные трудности в правоприменении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении дисциплинарного устава органов принудительного исполнения Российской Федерации: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18.03.2020 г. № 47 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
2. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.
3. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в отношении сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации: Приказ Минюста России от 30.03.2020 № 65 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
4. Об утверждении Порядка уведомления федеральными государственными служащими органов принудительного исполнения Российской Федерации о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации уведомлений и организации проверки сведений, содержащихся в уведомлении : Приказ ФССП России от 15.09.2020 № 665 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
5. Повисок, Д. А. Дисциплинарное производство в отношении должностных лиц органов принудительного исполнения // Студенческий. – 2020. – № 42-5 (128). – С. 48-52.
6. Бахрах, Д. Н. Административное право : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Российский, Ю. Н. Старилов. – 2-е изд. – Москва, 2005. – С. 800.
7. Решение № 2-1930/2020 2-1930/2020~М-1327/2020 М-1327/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 2-1930/2020 :: СудАкт.ру
8. Решение № 2-523/2020 2-59/2021 2-59/2021(2-523/2020;)~М-615/2020 М-615/2020 от 25 марта 2021 г. по делу № 2-523/2020 :: СудАкт.ру

УДК 342.591

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Бояркин Даниил Александрович, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st808095@ruc.su

INTERACTION OF STATE AUTHORITIES WITH LOCAL AUTHORITIES: PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME

Boyarkin Daniil Alexandrovich, graduate student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Местное самоуправление выступает в качестве важнейшей составляющей конституционной системы государства, которая способна гарантировать, эффективное управление на местном уровне в решении вопросов местного значения.

Ключевые слова: власть, органы власти, органы местного самоуправления, права человека, защита прав человека, правовое взаимодействие органов власти.

Local self-government acts as an essential component of the constitutional system of the state, which is able to guarantee effective local governance in resolving issues of local importance.

Keywords: power, authorities, local self-government bodies, human rights, protection of human rights, legal interaction of authorities.

Концепция местного самоуправления обозначает властные полномочия, которые находятся у населения конкретной нации, позволяя им в пределах законодательства предпринимать шаги для повышения качества жизни и развития территории проживания. Такие действия реализуются через муниципальные структуры с соблюдением законодательных рамок и учитывая исторически сложившееся понимание местного самоуправления.

Что касается оснований в правовом поле, то под этим подразумеваются юридические документы, которые регламентируют правила для участников в определенной сфере общественной жизни. В различных областях, таких как экономика, медицина, социальная работа, образовательный сектор и юриспруденция, лежит ответственность за определение прав и обязанностей, касающихся как индивидуальных лиц, так и государственных организаций. Кроме того, к этой же категории относятся основополагающие принципы права и документы, которые устанавливают правила поведения и взаимодействия между различными государствами на международной арене.

Для того чтобы разобраться, какое влияние государственная власть может оказывать на органы местного самоуправления, необходимо определить основополагающие принципы, которыми руководствуется местная власть:

во-первых, принцип «децентрализации власти», то есть передача части полномочий от центральной власти местным органам самоуправления;

во-вторых, принцип «автономии» – местные органы самоуправления имеют право принимать решения в пределах своих полномочий независимо от других уровней власти;

в-третьих, принцип «публичности» – местные органы самоуправления должны обеспечивать открытость своих заседаний и принимаемых ими решений;

в-четвертых, принцип «представительности», то есть местные органы самоуправления избираются на выборных основах и должны отражать интересы населения, проживающего на подведомственной им территории;

в-пятых, в ситуации, когда возникает несоответствие между федеральными и местными нормативными актами, предпочтение отдается последним, при усло-

вии, что они не находятся в конфликте с основным законом страны – Конституцией Российской Федерации.

в-шестых, принцип «финансовой независимости» – местные органы самоуправления имеют право на собственный бюджет и используют его для решения местных задач.

Для государственной власти это своего рода гарантия, что местное самоуправление будет работать согласно законам, принятым высшей властью в стране. А для местного самоуправления это гарантия защиты от произвольных вмешательств государственных чиновников в их работу. Конечно, всегда есть вероятность нарушения законов одной или обеими сторонами. Однако такая вероятность уменьшается деятельностью прокуратуры и судебной системы. Если возникают споры, то их решение может быть разрешено независимой стороной.

Органы местного самоуправления должны соответствовать следующим существенным признакам:

1. Они должны быть избраны или образованы представительным органом муниципального образования на муниципальных выборах, проводимых по закону.

2. Они должны обладать собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, что позволяет им действовать независимо и эффективно.

3. Их статус и полномочия должны быть установлены уставом муниципального образования, что является основой их правового и функционального статуса.

Чтобы местное самоуправление могло быть признано частью государственного управления, необходимо одновременное наличие трех критериев. Однако, столкнувшись с развитием местного самоуправления, исследователи обнаруживают множество сложностей. М. Ю. Джамалудинова указывает на серьезную проблему: недостаточность и несовершенство федерального законодательства, которое должно регламентировать деятельность органов местного самоуправления [1]. По ее мнению, федеральное законодательство, регулирующее деятельность МСУ, не является полным и может содержать пробелы. Это также может привести к противоречиям между федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации или муниципальных образований. Для решения этой проблемы законодателю следует дополнительно уточнить и дополнить уже существующие нормативные акты в этой сфере.

А. Ф. Шайхутдинов выделяет следующую проблему, которая заключается в недостаточной финансовой поддержки муниципалитетов со стороны центральных органов власти [2]. Большинство современных органов муниципальной власти испытывают трудности при выполнении своих обязанностей по обеспечению социального благополучия жителей и развитию территории из-за нехватки финансовых ресурсов, что может привести к невозможности выполнения важных задач по обеспечению благополучия жителей муниципалитетов и развитию инфраструктуры.

Недостаточность финансовой поддержки может проявляться в неравномерном распределении средств на территории России или в недостаточно значи-

мых для местных органов самоуправления объемах финансирования. Для решения этой проблемы могут потребоваться изменения законодательства, увеличение объема финансовых средств, перераспределение средств, а также повышение эффективности системы управления бюджетными средствами.

Из этой проблемы вытекает еще одна – проблема недостаточной автономии местного самоуправления. Она заключается в том, что муниципальные органы, особенно с маленьким процентом населения, оказываются зависимыми от государственных органов. Что также создает ограничения в качественной возможности выполнения своих функций. Недостаточная автономия может проявляться в отсутствии возможности самостоятельно управлять бюджетом, решать важные вопросы благоустройства территорий и т.д. [3].

На практическом уровне применения законодательства о местном самоуправлении в рамках реализации его «составляющего эффекта» становится очевидным тот момент, что не все обязанности возможно реализовать на практическом уровне, на это нет достаточного количества средств, нет ресурсов и фактического «эффекта возможностей», а иногда банального желания со стороны представителей местной администрации решить вопрос местного населения в короткий и ограниченный по времени период. Механизмы функционирования местной власти берут свое начало в истории формирования российской государственности (вече Новгорода и Пскова, реформа 1864 года, создание советов в период большевиков и т.д.). В то же время ряд современных принципов местного самоуправления не всегда полностью могут быть реализованы на практическом уровне: разделение власти и независимость органов управления в принятии своих решений.

Проблема финансирования местных органов самоуправления крайне остро стоит на повестке дня. Изменения в российской системе государственного управления привели к отходу от изначальных основ государственности, что усугубляет положение муниципалитетов, чьи бюджеты часто оказываются недостаточными не только для осуществления возложенных на них функций, но и для решения локальных проблем.

Для решения этой проблемы требуется усиление автономии местного самоуправления в виде принятия законов, которые защищают социально-экономические интересы муниципалитетов. Или же путем изменения финансовых механизмов и устранения препятствий для более эффективного управления муниципалитетами. В пример к этому можно привести Постановление Правительства Пензенской области от 28.09.2017 № 634 «Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидий из бюджета Пензенской области на реализацию мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения на территории муниципальных образований Пензенской области», регулирующий вопросы безопасности дорожного движения в муниципалитетах.

Эти законы и нормативно-правовые акты призваны защитить социально-экономические интересы муниципальных образований в Пензенской области, обеспечить равноправие между муниципальными органами и органами государственной власти, а также улучшить качество жизни населения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что решить ряд обозна-

ченных проблем будет возможно путем некоторых поправок в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а именно пересмотреть систему финансирования МСУ и увеличить автономию этих органов. Поэтому необходимо создание механизмов коммуникации и сотрудничества между органами, а также улучшение разграничения полномочий и использования ресурсов в интересах развития территорий и повышения качества жизни граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джамалудинова, М. Ю. Федеральное законодательство о местном самоуправлении: история развития, современное состояние и проблемы // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 5. – С. 147-151
2. Шайхутдинов, А. Ф. Проблемы финансового обеспечения органов местного самоуправления при реализации отдельных государственных полномочий в России // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 481-483.
3. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 342.5

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Винокуров Алексей Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808892@ruc.su

LEGAL FOUNDATIONS OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Vinokurov Alexey Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проводится анализ основных аспектов правового обеспечения государственного управления, а также выявление проблем и путей их решения. Также рассмотрены такие вопросы, как законодательная база, система управления и контроля, ответственность и права граждан, а также актуальные проблемы и тенденции развития данной сферы.

Ключевые слова: государственное управление, правовое обеспечение, конституционные нормы, органы власти, законность.

The article analyses the main aspects of juridical bases and also problems and solutions of state administration. Besides, the article considers legislative framework, system of management and control, responsibility and rights of citizens and also actual problems and trends of this sector.

Keywords: public administration, legal foundation, constitutional norms, authorities, legality.

В современном мире, где постоянно происходят изменения в политической, экономической и социальной сферах, вопросы государственного регулирования и управления становятся все более актуальными. Эффективное управление на всех уровнях государственной власти становится ключевым фактором стабильности и развития общества. Законодательная база государственного управления играет ключевую роль в обеспечении прозрачности, законности и эффективности деятельности государства.

Государственное управление – это административная деятельность, т.е. деятельность исполнительных органов государственной власти на уровне как Российской Федерации, так и ее субъектов.

Принципы, представленные на рисунке 1, составляют основу правового обеспечения государственного управления. Они способствуют его эффективному функционированию и достижению целей общества и граждан.

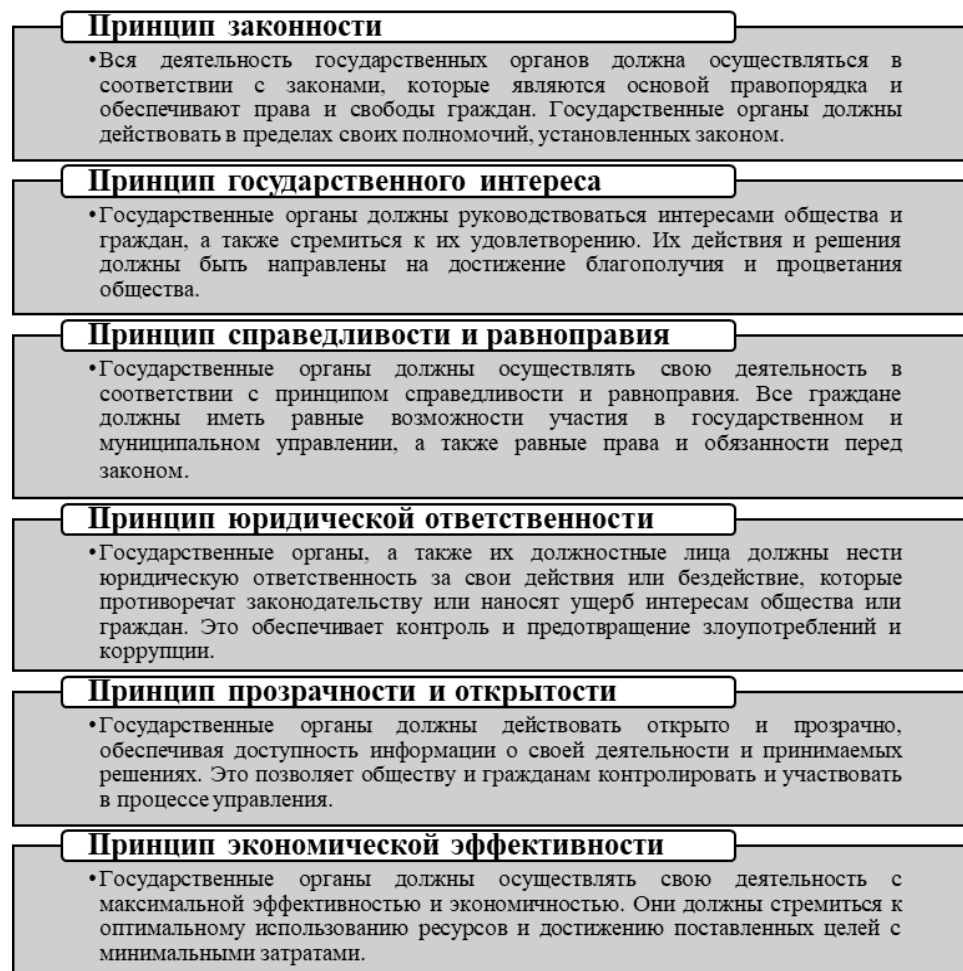

Рисунок 1 – Основные принципы правового обеспечения государственного управления

Анализ национального законодательства в области правового обеспечения государственного управления в Российской Федерации требует изучения различных нормативных актов, регулирующих эту область [4, с. 68].

Главным законом, определяющим принципы правового регулирования государственного и муниципального управления в Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации [1]. В ней содержатся основные положения, которые касаются структуры государственной власти, принципов ее организации и деятельности.

Ряд законодательных актов конкретизируют положения Конституции и устанавливают правовые основы государственного и муниципального управления. Например, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» регулирует правовой статус государственных служащих, их права и обязанности, процедуры приема на службу и увольнения и т.д. [2].

Анализ законодательства страны в названной области подразумевает рассмотрение как федеральных законов, так и законов и иных нормативно-правовых актов субъектов государства, т.к. они могут дополнять и уточнять федеральные.

Оценка соответствия национального законодательства международным стандартам является важным элементом анализа, т.к. государственное управление выступает частью международного правопорядка.

Анализ международного законодательства подразумевает анализ международных норм и стандартов, которые регулируют функции и обязанности государственных органов управления.

Одной из основных международных норм, которая влияет на правовое обеспечение государственного управления, является Конвенция о правах человека и ее протоколы. Данная Конвенция предписывает уважение прав и свобод человека всеми государствами-участниками и подтверждает важность гарантий и процедур, обеспечивающих их защиту. В рамках Конвенции создается Европейский суд по правам человека, который имеет компетенцию рассматривать индивидуальные жалобы от лиц, заявляющих о нарушении их прав, в том числе и со стороны государственных органов [3].

Еще одним международным инструментом является принятый Генеральной Ассамблеей ООН Международный пакт о гражданских и политических правах. Он устанавливает права и свободы, которыми должны обладать все люди, и которые должны быть гарантированы государством. В соответствии с вышеуказанным пактом был создан пактный комитет, который следит за исполнением норм пакта со стороны государств-участников.

Еще одной значимой международной нормой выступают стандарты ООН по принципам ответственного управления [5, с. 99]. Они предназначены для содействия эффективному и ответственному управлению, в том числе и на государственном уровне. Стандарты опираются на такие принципы, как:

- законность;
- прозрачность;
- учет интереса граждан;
- участие общественности в принятии решений;
- эффективность;
- справедливость;
- борьба с коррупцией.

Кроме международных норм и стандартов значимым является и практический опыт сотрудничества и обмена опытом в области правового обеспечения государственного управления. Страны активно сотрудничают друг с другом, являются участниками различных проектов и программ, обмениваются опытом и лучшими практиками в сфере государственного управления.

Несмотря на то, что существует достаточно широкая нормативная база, регулирующая государственное управление, все же остаются пробелы в правовом обеспечении данной сферы. К одной из таких проблем относится то, что национальные законодательства стран не соответствуют тем вызовам и задачам, которые стоят перед современными органами власти. Решить данную проблему

может привлечение признанных экспертов и опытных практиков. На наш взгляд, учитывание их мнения сможет поспособствовать повышению эффективности и корректности функционирования органов власти.

Кроме того, для того, чтобы повысить эффективность правового обеспечения государственного управления, необходимо развивать правовую грамотность и компетентность государственных служащих, а также прорабатывать вопросы межотраслевого взаимодействия органов государственного управления, т.к. проблемы правового обеспечения государственного управления требуют совместного рассмотрения и изучения со стороны различных органов власти и ведомств.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что без надлежащего правового обеспечения невозможно представить эффективное и законное функционирование органов государственного управления. Также необходимо отметить наличие огромного потенциала для развития и совершенствования правового обеспечения государственного управления, который будет содействовать эффективному решению задач органами государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года №11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. : Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. (дата обращения: 26.09.2024).
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 №79-ФЗ : Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. (дата обращения: 26.09.2024).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : официальный текст: Ратифицирован Федеральным Собранием (Федеральный закон от 30 марта 1998 года №54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, №14, ст. 1514). Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. (дата обращения: 26.09.2024).
4. Градусова, К. А. Основные аспекты правового обеспечения государственного и муниципального управления / К. А. Градусова, Н. Ю. Мельникова // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2024. – № 1 (49). – С. 66-71.
5. Талапина, Э. В. Государственное управление: проблемы и перспективы правового регулирования / Э. В. Талапина // ЗАКОНЫ РОССИИ: ОПЫТ, АНАЛИЗ, ПРАКТИКА. – 2020. – № 3. – С. 96-101.

УДК 343

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Володькин Денис Вячеславович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807087@ruc.su

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION UNITS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA FOR THE PREVENTION OF CRIMES

Volodkin Denis Vyacheslavovich, Master's student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящее время система оперативно-розыскной профилактики преступлений экономической и коррупционной направленности находится в стадии стагнации. Недостатки мотивации у сотрудников заниматься превентивной деятельностью, отсутствие объективных критериев оценки деятельности, недостатки правовой регламентации предупреждения преступлений требуют своего вмешательства и устранения.

Для дальнейшего совершенствования деятельности подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений необходимо разработать и внедрить эффективные правовые инструменты.

Ключевые слова: превентивная деятельность, экономическая безопасность, оперативно-розыскная профилактика, мотивация сотрудников ОВД.

Currently, the system of operational investigative prevention of crimes of economic and corruption orientation is stagnating. The shortcomings of employees' motivation to engage in preventive activities, the lack of objective criteria for evaluating activities, and the shortcomings of the legal regulation of crime prevention require their intervention and elimination.

In order to further improve the activities of the departments of the internal affairs bodies for the prevention of crimes, it is necessary to develop and implement effective legal instruments.

Keywords: preventive activities, economic security, operational investigative prevention, motivation of police officers.

Предупреждение преступности с помощью оперативно-розыскных мер – это эффективный и перспективный подход в работе органов внутренних дел (далее – ОВД), который позволяет достигать поставленных целей с минимальными затратами, предотвращая негативные последствия, и сокращает необходимость применения уголовного наказания.

Информационный и смысловой подтекст профилактической деятельности оперативных подразделений заложен в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). Сложно себе представить содержательный смысл ч. 2 и ч. 3 ст. 2 ФЗ об ОРД без превентивной функции, реализация которой позволит при обнаружении преступников, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, совершить очередное преступление (ч. 2 ст. 2 ФЗ об ОРД),

Следует отметить, что правоотношения в области оперативно-розыскной профилактики регулируются также и другими нормативными правовыми актами, которые представляют собой правовую основу ОРД (ст. 4 ФЗ об ОРД). В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 1 ст. 2 прямо указывает, что задачей данного кодифицированного нормативного правового акта является предупреждение преступлений. Именно поэтому в нем (ч. 1 и ч. 3 ст. 30 УК РФ) определены различные этапы осуществления преступ-

ного умысла, включая подготовку к преступному действию и покушение на преступление.

Превентивная деятельность ОВД, а применительно к настоящему исследованию – сотрудников оперативных подразделений по противодействию экономическим преступлениям и коррупции, регламентируется на законодательном уровне в рамках Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором определены основные ее задачи – предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений (подп. 2 п. 1 ст. 2 ФЗ о полиции).

Действующий в настоящее время приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» практически не изменил подхода сотрудников ОВД к вопросам общей и индивидуальной профилактики преступлений.

Наряду с данным приказом функция предупреждения преступлений упоминается еще более чем в 50 нормативных правовых актах, инструкциях и ведомственных предписаниях ненормативного характера. Столь масштабное регламентирование деятельности по осуществлению предупреждения и пресечения преступлений говорит о ее важности, о чем свидетельствует и отношение к ней руководителя нашего государства. Так, в ходе заседания итоговой коллегии МВД России за 2021 г. Президент России В. В. Путин обозначил профилактику преступлений как основную комплексную задачу органов внутренних дел на предстоящий период [1]. У данной позиции есть и экономический подтекст. Так, А. Г. Чернявский и Л. Ю. Грудцына считают, что предупреждение экономических преступлений, как и прежде, остается главным направлением деятельности подразделений ЭБиПК, так как их раскрытие и расследование (в случае совершения) обходится государству весьма дорого [2].

Опрос оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК, осуществляющих практическую деятельность в отделах полиции по г.о. Саранск, показывает, что около 5 % опрошенных уделяют оперативно-розыскной профилактике значительную часть служебного времени, 15 % – недостаточное внимание, при этом 80 % респондентов совсем не занимаются этим направлением деятельности, концентрируясь, как правило, на обнаружении и раскрытии преступлений. Также по мнению опрошенных, вопросы индивидуальной оперативно-розыскной профилактики – это полномочия участковых уполномоченных полиции, а о соотношении причин и условий совершения экономических преступлений смогли высказаться только около 5 % интервьюируемых. Причина столь неубедительных показателей, по нашему мнению, объясняется двумя комплексами негативных обстоятельств – субъективной и объективной направленности. К субъективным причинам можно отнести существенное «омоложение» оперативного состава сотрудников ЭБиПК, произошедшее после реформы органов внутренних дел в 2011 г. Омоложение личного состава влияет и на профессиональные компетенции. Сотрудники ЭБиПК указали на основные причины игнорирования профилактической функции в практической деятельности. На первом месте по значимости причин указаны три неразрывных об-

стоятельства: большая загруженность работой – текучесть профессиональных кадров – недостаточный практический опыт. На втором указаны недостатки, связанные с обучением и дополнительной подготовкой оперативного состава: недостаточное научное и методическое обеспечение оперативно-профилактической работы; слабая теоретическая подготовка. И все это, как следствие, ведет к «неразвитости криминологической культуры оперативных работников» [3]. На третьем месте находятся недостатки, связанные с организацией работы: отсутствие специализированных профилактических подразделений непосредственно в оперативных службах территориальных органов МВД России, а также в отчетных позициях показателей, связанных с учетом предотвращенных и пресеченных преступлений.

Анализ вышеприведенных результатов интервьюирования указывает, что в настоящее время система оперативно-розыскной профилактики находится в стадии стагнации. Несмотря на то, что перед оперативными подразделениями ЭБиПК поставлены конкретные цели и задачи по предупреждению преступлений экономической направленности, в большинстве нормативных актов отсутствуют указания на пути их достижения (то есть не указываются формы и методы влияния на криминогенные факторы, а также лица, способные к совершению преступлений).

Представляется, что лиц, склонных к совершению преступлений, следует брать на оперативный учет, устанавливая за ними гласный и негласный контроль и своевременно воздействовать до стадии подготовки к преступлению. Именно на этой стадии оперативный работник должен принимать меры по созданию препятствий исполнению преступного замысла.

Представляется, что сотрудников оперативных подразделений необходимо наделить правом проводить оперативные мероприятия в отношении определенных лиц, которые склонны к совершению противоправных деяний и высказывают намерения их совершить (замышляют).

В заключение следует отметить, что в настоящее время в системе оперативно-розыскной профилактики преступлений экономической и коррупционной направленности отмечается стагнация. Недостатки мотивации у сотрудников ЭБиПК заниматься превентивной деятельностью, отсутствие объективных критериев оценки данной деятельности, недостатки правовой регламентации предупреждения экономических преступлений требуют своего вмешательства и устранения. В силу своей многосубъектности на первоначальном этапе вопросы правового регулирования оперативно-розыскной профилактики необходимо скорректировать на законодательном уровне, а именно: в федеральных законах «О полиции», «О федеральной службе безопасности», «О безопасности» и т. д. Вместе с тем совершенствование нормативно-правового регламентирования превентивной деятельности видится в создании единого нормативного акта в виде Наставления о предупреждении преступлений оперативно-розыскными органами внутренних дел с обязательным указанием целей, задач, определением субъектов и их компетенции, объектов, решением организационно-тактических вопросов, а также в установлении четких критериев оценки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Расширенное заседание коллегии МВД России от 17 февраля 2022 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 19.10.2024).
2. Чернявский, А. Г. Вопросы обеспечения экономической безопасности на примере борьбы с экономическими преступлениями в бюджетной сфере / А. Г. Чернявский, Л. Ю. Грудцына // Причины экономической преступности: выявление, обучение, противодействие : материалы межвуз. межвед. науч.-практ. круг. стола по обсуждению учеб. пособия И. М. Мацкевича. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 49-59.
3. Корнилов, Г. А. Оперативно-розыскная профилактика преступлений экстремистской и террористической направленности : монография / Г. А. Корнилов, Т. З. Имаков. – Москва : Изд. дом Шумиловой И. И., 2015. – 115 с.

УДК 342

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Володькин Денис Вячеславович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807087@ruc.su

THE ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF THE OPERATIONAL DIVISIONS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS TO IDENTIFY AND SUPPRESS CYBERCRIMES

Volodkin Denis Vyacheslavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для национальной безопасности и экономического развития Российской Федерации. Несмотря на наличие правовых механизмов для борьбы с киберпреступностью, их не всегда достаточно эффективно и оперативно применяют. Кроме того, существуют проблемы с координацией действий между правоохранительными органами. Это затрудняет разработку и внедрение комплексных мер по защите от киберугроз и пресечению преступной деятельности в сети Интернет. В связи с этим возникает необходимость в изучении и анализе существующих правовых и экономических инструментов противодействия киберпреступности в России, а также разработке рекомендаций по их совершенствованию и улучшению с целью обеспечения безопасности информационной среды и экономического развития страны.

Ключевые слова: органы внутренних дел, киберпреступность, правовые инструменты противодействия киберпреступности, выявление и пресечение киберпреступлений.

Cybercrime poses a serious threat to the national security and economic development of the Russian Federation. Despite the existence of legal mechanisms to combat cybercrime, they are not always effectively and promptly applied. In addition, there are problems with coordination between law enforcement agencies. This makes it difficult to develop and implement comprehensive measures to protect against cyber threats and curb criminal activity on the Internet. In this regard, there is a need to study and analyze the existing legal and economic instruments for countering cybercrime in Russia, as well as to develop recommendations for their improvement and improvement

in order to ensure the security of the information environment and the economic development of the country.

Keywords: internal affairs agencies, cybercrime, legal instruments for countering cybercrime, detection and suppression of cybercrime.

Современный мир характеризуется большим объемом разнородной информации, для хранения, обработки и передачи которой человек использует различного рода портативные устройства, компьютеры, средства коммуникации, глобальные сети и иные средства. Такой технологический рост создал новый тип угроз – киберпреступность, которая превратилась из угроз личности в мировую угрозу. В числе объектов киберугроз находятся не только данные о конкретном человеке, его действиях в реальной и виртуальной жизни, но и экономическая и национальная безопасность, информационный суверенитет государств.

За последние четыре года криминальная активность в сфере использования банковских карт, информационно-телекоммуникационной сети Интернет, средств мобильной связи и компьютерной техники возросла: с 294,4 тыс. преступлений в 2019 г. до 677,0 тыс. преступлений в 2023 г. [1].

Из 1,95 млн. преступлений, зарегистрированных в 2023 г., треть совершены в «цифровой» среде (342,6 тыс.), из них наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений (+25,9 %); 70,2 % преступлений – это кражи или мошенничества (473,3 тыс.).

Несмотря на значительный экономический ущерб, который в 2023 г. превысил отметку в 150 млрд. руб. (156,4 млрд.), доля виновных лиц, привлеченных к ответственности, остается незначительной. При этом удалось раскрыть лишь четверть – 172,3 тыс. (26,6 %) преступлений данной категории.

В Республике Мордовия также отмечается рост числа зарегистрированных ИТ-преступлений во всех ТОВД: ММО МВД России «Ичалковский» (14 – 62; рост в 4,4 раза), «Чамзинский» (66 – 189; рост в 2,9 раза), «Ковылкинский» (66 – 173; рост в 2,6 раза), «Краснослободский» (29 – 73; рост в 2,5 раза), «Ардатовский» (30 – 73; рост в 2,4 раза), ОМВД России по Зубово-Полянскому муниципальному району (58 – 132; рост в 2,3 раза), ММО МВД России «Торбеевский» (26 – 59; рост в 2,3 раза), УМВД России по г.о. Саранск (1517 – 2729; +79,9 %), ММО МВД России «Лямбирский» (124 – 192; +54,8 %), ОМВД России по Ромодановскому району (39 – 57; +46,2 %), ОМВД России по Рузаевскому муниципальному району (222 – 248; +11,7 %), за исключением ММО МВД России «Темниковский» (30 – 29; -3,3 %).

В структуре ИТ-преступлений по Мордовии преобладают: мошенничества; факты неправомерного доступа к компьютерной информации; кражи.

Условия и риски совершения дистанционных хищений и многих других преступлений напрямую сопряжены с фактами утечки персональных данных граждан и иных охраняемых законом конфиденциальных сведений, используемых впоследствии в криминальных целях.

Абонентский номер в современных условиях повсеместно используется в повседневной жизни человека, в коммуникациях между людьми, при регистрации

и управлении подавляющим количеством сервисов, услуг, аккаунтов, банковских и иных финансовых приложений.

Сведения об абонентском номере играют важнейшую роль в формировании так называемого цифрового портрета личности, позволяют не только идентифицировать человека, но и охарактеризовать его, составить представление о круге общения, адресе проживания и профессиональной деятельности, банковских счетах, уровне достатка, увлечениях, интересах, посещаемых местах и многом другом. Такая информация впоследствии широко используется при подготовке и последующем совершении противоправных действий в отношении данных граждан.

Уже не первый год на всей территории Российской Федерации распространены факты неправомерного доступа к охраняемой законом информации операторов связи. Выявлено и раскрыто значительное количество преступлений, связанных с неправомерным доступом к персональным данным абонентов и детализациям их соединений, к уголовной ответственности привлечены как сотрудники салонов связи, так и их соучастники, действовавшие по предварительному сговору и в составе организованных групп.

С учетом продолжающейся на территории Российской Федерации регистрации сообщений о преступлениях данной категории, актуальным представляется выработать для подразделений полиции, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, единообразный подход к противодействию такого рода противоправным деяниям.

Для документирования таких преступлений необходимо понимать способ их совершения и знать, какие проверочные мероприятия целесообразно проводить на первоначальном этапе.

Наиболее распространенными видами преступлений, связанных с неправомерным доступом к охраняемым законом сведениям, содержащим персональные данные и (или) составляющим тайну связи и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений абонентов операторов связи, являются:

- незаконное копирование и разглашение сведений о принадлежности абонентских номеров (неправомерный доступ к информации об абонентских номерах, зарегистрированных на конкретное физическое лицо, либо о принадлежности (владельцах) абонентских номеров, содержащей персональные данные граждан и составляющей коммерческую тайну оператора связи, копирование данных сведений и их разглашение – ст. 272, ст. 183 УК РФ);

- незаконная выгрузка детализации соединений (неправомерный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи, повлекший копирование данных сведений (составляющих тайну связи, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений абонентов, а также коммерческую тайну оператора связи) и их распространение (разглашение) – ст. 272, ст. 183, ст. 138 УК РФ);

- незаконная замена (перевыпуск) сим-карт (неправомерный доступ к информации об абонентах, повлекший модификацию идентификационных сведений и последующий перевыпуск (замену) сим-карт – ст. 272 УК РФ);

– незаконное оформление абонентских номеров на фиктивные данные или данные подставных лиц (неправомерный доступ к информации об абонентских номерах и сим-картах, повлекший модификацию сведений о владельцах в рамках их регистрации или переоформления – ст. 272 УК РФ).

Представляется, что основными инструментами противодействия киберугрозам являются меры правового регулирования: совершенствование законодательства (административного, уголовного, информационного и т. д.), утверждение стратегий кибербезопасности и разработка сопутствующих «дорожных карт», введение уголовной ответственности за новые виды преступлений и ужесточение наказаний за уже классифицированные компьютерные преступления, налаживание международного сотрудничества с учетом интересов Российской Федерации; меры экономического противодействия киберпреступности: поощрение государством инвестиций в кибербезопасность и технологии защиты данных, разработка программ страхования от киберрисков и создание киберстраховых продуктов и услуг, а также программ повышения киберграмотности и формирования культуры киберопасности.

Как справедливо отмечает Е. В. Никульченкова, «показательность криминальных событий уголовного расследования определяет необходимость совершенствования направлений контрольной деятельности за противодействием киберпреступности с участием сотрудников правоохранительных органов, которая в настоящее время не отвечает предъявляемым требованиям» [2].

Комплекс профилактических мероприятий по противодействию коррупции и киберпреступности должен быть многофакторным: поощрение государством инвестиций в кибербезопасность и технологии защиты данных; разработка программ страхования от киберрисков и создание киберстраховых продуктов и услуг; внедрение онлайн систем мониторинга, прогнозирования и реагирования на кибератаки; поощрение доносов и защиты свидетелей и др.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Киберпреступность представляет серьезную угрозу для безопасности как государства, так и частных лиц, поэтому необходимы эффективные меры противодействия и согласованное использование различных инструментов, чтобы обеспечить комплексный подход к проблеме киберпреступности.

2. Важно обеспечить сотрудничество между различными уровнями власти, правоохранительными органами, для эффективного противодействия киберпреступности, а также повышать уровень осведомленности населения о методах защиты от киберугроз.

3. Глава 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нуждается в дополнении статьей 115.2, а именно: в случаях, не терпящих отлагательства (при наличии оснований полагать, что банковские счета, электронные денежные средства, авансовые платежи и др. использовались в преступной деятельности), дознавателю, следователю предоставляется право с разрешения прокурора принимать решение о приостановлении операций с вышеуказанным имуществом на срок не более десяти суток в целях последующего наложения ареста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форма статистической отчетности № 1-ЕГС за 2023 год. ФКУ «ГИАЦ МВД России. – URL: <http://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

2. Никульченкова, Е. В. О необходимости введения дефиниции «киберпреступление» в уголовный закон Российской Федерации / Е. В. Никульченкова // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 98-107.

УДК 342.2

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Глебов Александр Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807088@ruc.su

LAW-MAKING AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL POLICY

Glebov Alexander Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Правотворчество представляет собой важнейший процесс, направленный на объективизацию государственной воли общества в обязательные и единые для всех правила, регламентирующие общественные отношения.

Ключевые слова: конституционно-правовая политика, приоритеты политики, механизмы правового регулирования, конституция, принципы и приоритеты.

Lawmaking is the most important process aimed at objectifying the state will of society into binding and uniform rules for all governing public relations.

Keywords: constitutional and legal policy, policy priorities, legal regulation mechanisms, constitution, principles and priorities.

Без всякого сомнения, несмотря на огромный диапазон различных точек зрения на сущность и природу правотворчества, нельзя не признать, что без правотворчества не будет и права – в контексте понимания последнего как норм, облеченных в юридически значимую форму. Соответственно, если вести речь о правовой политике, то есть политике, основанной на праве, невозможно не затрагивать тему правотворчества, ибо посредством правотворчества как раз и создаются ориентиры и правила осуществления правовой политики.

С другой стороны, и это тоже немаловажно, правовая политика оказывает непосредственное влияние на правотворчество. В данной связи абсолютно правы исследователи, определяющие правотворческую политику в качестве главного фактора совершенствования и модернизации правотворчества. Именно правотворческая политика является инструментом улучшения качества правотворчества, повышения его эффективности.

В данном контексте правотворческая политика выступает в качестве магистрального направления правовой политики, детерминируя в свою очередь правоприменительную и интерпретационную разновидности последней.

С другой стороны, если брать за основу отраслевой критерий стратификации, то правотворчество представляет собой форму реализации правовой политики. Подобное затрагивает все виды правовой политики, в том числе (а может быть, и в большей степени) конституционной политики. Конституционная политика априори получает свое начало и развитие на базе конечного «продукта» – юридических норм.

При этом правотворчество, детерминируя проведение конституционной политики, в тоже время является ее основным объектом, поскольку именно на правотворчество в первую очередь направлено позитивное воздействие конституционной политики. Подобный подход находит поддержку в научных кругах. В частности, большинство ученых считает необходимым именно конституционное закрепление положений о гражданском обществе, а также нормативное расширение главы Конституции «Основы конституционного строя» [1].

Здесь надо отметить особое акцентирование конституционной политики в правотворческой сфере на Конституции РФ. Подобное положение, по нашему мнению, более чем оправданно, ибо Конституция РФ является центром правовой системы российского государства. Соответственно, конституционно-правовая политика, выражающаяся в форме правотворчества, не может и не должна обходить вопросы совершенствования Конституции.

В данной связи возникает вполне закономерный вопрос о возможности внесения изменений в Конституцию РФ. По этому вопросу нет однозначной точки зрения. Так, одни ученые (в первую очередь В. Д. Зорькин, Н. В. Витрук) считают конституционные положения незыблемыми, а вопросы о смене Конституции абсолютно неуместными.

Исполнение права – форма реализации, смысл которой состоит в исполнении тех или иных возложенных на субъекта юридических обязанностей. Данная стадия подразумевает собой активное поведение, направленное на выполнение соответствующих обязанностей. Следовательно, исполнение обеспечивается обязанностями субъекта.

Использование права – это наиболее динамичная стадия, корреспондирующая правовой инициативе субъектов. Эта стадия основывается на таком способе регулирования, как дозволение, и связана с осуществлением по желанию участника правоотношений его субъективных прав.

Таким образом, стадии реализации права – соблюдение, исполнение, использование – непосредственно обеспечиваются соответствующими способами правового регулирования: запрещение, обязывание, дозволение.

Очевидно, что если в правовой политике преобладают запреты либо обязывания, а механизм правового регулирования носит сугубо императивный характер, то можно сделать вывод и преобладании авторитарных начал в праве, и о жесткости правовой политики государства либо даже отсутствии подобной.

Неслучайно, как думается, именно с началом демократических реформ, в том числе и в области права, на первое место вышло дозволение как «визитная карточка» правового регулирования. В свою очередь принцип «не запрещенное законом, дозволено» вызвал вполне обоснованный интерес, не лишенный, к сожалению, и откровенного популизма и предельно широкой, иногда не допусти-

мой (трактуемой как вседозволенность) аргументации. В аспекте данных рассуждений актуален и иной принцип, также относящийся к дозволительному способу правового регулирования: «запрещено все, кроме...».

При этом вышесказанное не отрицает роль и значение запретов и обязываний. Без них право не сможет выполнять свою регламентирующую роль, устанавливать точные требования и неукоснительно выполняемые правила. В этих условиях правовая политика теряет всякий смысл, ибо властная политическая деятельность просто немыслима без запретов и обязываний, по крайней мере, потенциальной возможности их установления. Речь идет не об умалении того или иного способа правового регулирования, а о доминировании в механизме правового регулирования определенного способа на конкретном этапе исторического развития и эволюции общества.

Вопрос о том, существует ли отраслевой механизм правового регулирования, в юридической науке подробно не освещался. Логично было бы предположить, что наряду с общим механизмом правового регулирования есть и отраслевые механизмы правового регулирования, корреспондирующие соответствующим отраслям права.

Основания для такого предположения более чем достаточные. Ведь каждая отрасль права имеет собственный предмет регулирования, детерминирующий специфику реализации методов и способов. Неслучайно, как думается, Н.Г. Александров затронул тему механизма правового регулирования в ходе исследования трудовых правоотношений [2].

Логично утверждать, что наряду с общим механизмом правового регулирования для каждой отрасли права характерен и свой собственный (отраслевой) механизм правового регулирования, способствующий наиболее эффективной реализации норм данной отрасли и обладающий определенного рода особенностями [3]. Все вышеназванные примеры лишь на первый взгляд свидетельствуют о нарушении принципа правового равенства. Во-первых, данные предписания закреплены в законодательных предписаниях, во главе которых находятся нормы Конституции РФ. Во-вторых, принцип равноправия – это принцип права; он статичен, ибо обладает фундаментальным характером.

Между тем можно констатировать реальный научный пробел в современной юриспруденции, связанный изучением отраслевых механизмов правового регулирования. При этом работ, посвященных отраслевым разновидностям правовой политики, достаточно много. Исключением отчасти стало процессуальное право: здесь можно отметить несомненный прогресс в исследовании как самого права, так и процессуально-правовой политики и отчасти – процессуального механизма правового регулирования [4].

В этой связи возникает закономерный вопрос: является ли принятие бюджета (ч. 3 ст. 104 Конституции РФ) юридическим фактом исключительно финансового или (если признавать бюджетное право в качестве самостоятельной отрасли права) бюджетного права?

Между тем Конституция РФ (ч. 5 ст. 101) предусматривает создание Счетной палаты РФ, основную задачу которой составляет контроль за надлежащим исполнением бюджета [5].

В свою очередь степень проникновения, регламентирующих бюджетные

вопросы, имеет огромный спектр, обладает поистине универсальным характером.

Равным образом как комплексные можно охарактеризовать и правоотношения, возникающие на основе ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, согласно которой медицинская помощь, оказываемая в государственных или муниципальных учреждениях, относящихся к сфере здравоохранения, бесплатна. Принятые на основе этой статьи нормативные акты, прежде всего федеральные законы, считаются принадлежащими как конституционному праву, так и к праву социального обеспечения.

В качестве еще одного примера этого же плана, показывающего всеобъемлющий спектр механизма правового регулирования, можно привести ст. 124 Конституции РФ, в соответствии с которой финансирование судов, входящих в судебную систему РФ, осуществляется исключительно за счет федерального бюджета.

Тем самым механизм правового регулирования обеспечивает реализацию судебной реформы, а конституционная политика во многом предопределяет содержание судебно-правовой политики и не только финансовой ее составляющей [6–8]. В частности, такое весьма значимое в судебной политике мероприятие, как объединение Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ путем создания единого судебного органа – Верховного суда РФ, произошло посредством внесения изменения в Конституцию РФ.

Наличие в основе механизма правового регулирования отправных (исходных) норм вовсе не означает его идеализацию. Как думается, механизм как система реально действующих элементов априори не может быть идеален. Оптимизация механизма напрямую не связана и с видом норм; напротив, отправные нормы нуждаются в дальнейшей детализации в нормах – правилах поведения, а уже те в свою очередь непосредственно реализуются на практике.

На наш взгляд, обозначенные точки зрения слишком полярны, то есть противоречат друг другу. Конечно, нормы Конституции выполняют прежде всего регулятивно-статистическую функцию, закрепляют относительно устойчивые положения. Естественно, что сама по себе Конституция как основной закон государства не может и, главное, не должна подвергаться бесконечным переработкам; конституционные нормы должны обладать стабильностью.

Слишком частая смена конституций не влечет положительного эффекта; скорее, напротив, это прямой путь к расшатыванию правовой системы государства, ибо надо понимать, что именно на основном законе основан весь правовой массив страны. Сказанное вовсе не обозначает консервацию конституции, придания ей сакрального значения, абсолютно не допускающего возможность трансформации конституционных положений. Подобное не отвечает не только требованиям здравого смысла, но и самого развития права, требующего быть адекватным требованиям времени, соответствовать реалиям, реагировать на постоянно меняющиеся экономические, политические, социальные, демографические, климатические и многие иные факторы, детерминирующие содержание как права в целом, так и конституции.

Значимость конституционной политики обуславливает и форму внешнего выражения правотворческой деятельности. Наиболее верной формой выраже-

ния конституционного правотворчества выступают законы, среди которых особое значение имеют федеральные конституционные, кодифицированные, органические законы. Роль подзаконных актов не отвергается, однако лишний раз следует подчеркнуть их вспомогательный и подчиненный закону характер.

Факультативное значение как результаты правотворчества имеют и иные, помимо нормативного правового акта, формы права. Однако если юридическая доктрина и правовой обычай нуждаются в обязательном подтверждении их предписаниями нормативного акта, то договор с нормативным содержанием расценивается в качестве самостоятельной формы права, имеющей место в конституционно-правовой политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права. Академический курс : в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. Москва : НОРМА, 2007. – Т. 3. – 698 с.
2. *Александров, Н. Г.* Трудовое правоотношение. – Москва : Изд-во юрид. литературы МЮ СССР, 1948. – 344 с.
3. *Котляров, С. Б.* Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. – С. 198-207.
4. *Кукушкин, О. В.* Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. Т. 9, № 9-1. – С. 9-15.
5. *Гражданское общество в российских регионах* / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
6. *Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития* / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
7. *Котляров, С. Б.* Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44-49.
8. *Ямбушев, Ф. Ш.* Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

УДК 342.2

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ЦЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Глебов Александр Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807088@ruc.su

IMPROVING THE MECHANISM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION AS A GOAL OF CONSTITUTIONAL POLICY

Glebov Alexander Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринимается попытка рассмотрения механизма конституционно-правового регулирования как основной цели конституционной политики, обосновываются стратегический характер и наивысшая значимость данного вида правовой политики.

Ключевые слова: конституционно-правовая политика, приоритеты политики, механизмы правового регулирования, конституция, принципы и приоритеты.

The article attempts to consider the mechanism of constitutional and legal regulation as the main goal of constitutional policy, justifies the strategic nature and highest importance of this type of legal policy.

Keywords: constitutional and legal policy, policy priorities, legal regulation mechanisms, constitution, principles and priorities.

Механизм правового регулирования выступает в качестве сложного и многогранного феномена, основанного на положениях, конкретизированных и закреплённых научным обоснованием общей теорией права. В современных научных разработках и трудах ученых он воспринимается как набор юридических средств, которые имеют своей целью удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений и (или) устранение препятствий, затрудняющих нормальное развитие последних. Таким образом, механизм правового регулирования «выражает деятельную сторону процесса перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений».

Соблюдение права – это такая форма его реализации, которая заключается в воздержании от действий, запрещённых нормами права. Тем самым эта стадия связана с правовыми запретами как способом правового регулирования.

Исполнение права – форма реализации, смысл которой состоит в исполнении тех или иных возложенных на субъекта юридических обязанностей. Данная стадия подразумевает собой активное поведение, направленное на выполнение соответствующих обязанностей. Следовательно, исполнение обеспечивается обязанностями субъекта.

Использование права – это наиболее динамичная стадия, основанная на таком способе регулирования, как дозволение и связана с осуществлением по желанию участника правоотношений его субъективных прав.

Таким образом, стадии реализации права – соблюдение, исполнение, использование – непосредственно обеспечиваются соответствующими способами правового регулирования: запрещение, обязывание, дозволение.

Взаимозависимость указанных способов и правовой политики более чем очевидна:

Во-первых, именно правовая политика определяет набор средств правового регулирования (в процесс правотворческой деятельности).

Во-вторых, средства, которыми пользуется государство, проводя свою правовую политику, характеризует как эту политику, так и механизм правового регулирования.

Действительно, представляется очевидным, что если в правовой политике преобладают запреты либо обязывания, а механизм правового регулирования носит сугубо императивный характер, то можно сделать вывод и преобладании авторитарных начал в праве, и о жесткости правовой политики государства либо даже отсутствии подобной.

Не случайно, как думается, именно с началом демократических реформ, в том числе и в области права, на первое место вышло дозволение как «визитная карточка» правового регулирования. В аспекте данных рассуждений актуален и иной принцип, также относящийся к дозволительному способу правового регулирования: «запрещено все, кроме...».

Все это не отрицает роль и значение запретов и обязываний. Без них право не сможет выполнять свою регламентирующую роль, устанавливать точные требования и неукоснительно выполняемые правила. В этих условиях правовая политика теряет всякий смысл, ибо властная политическая деятельность просто немыслима без запретов и обязываний, по крайней мере, потенциальной возможности их установления.

Отметим, что речь идет не об умалении того или иного способа правового регулирования, а об доминировании в механизме правового регулирования определенного способа на конкретном этапе исторического развития и эволюции общества.

Средства правовой политики, в том числе и в ракурсе механизма правового регулирования, не ограничиваются лишь дозволениями, запретами, обязанностями. Безусловно, активно реализуются поощрения, льготы, наказания, рекомендации. Но С. А. Комаров абсолютно справедливо отмечает: «Дозволения, запреты и обязывания есть наиболее глубокий слой механизма правового регулирования. В ходе реализации они как бы проникают во все его звенья – юридические нормы, правоотношения, акты реализации, во многом определяя их черты и особенности» [1].

Проблема существования отраслевого механизма правового регулирования в юридической науке подробно не освещалась. Логично было бы предположить, что наряду с общим механизмом правового регулирования есть и отраслевые механизмы. Основания для такого предположения более чем достаточные. Ведь каждая отрасль права имеет собственный предмет регулирования, детерминирующий специфику реализации методов и способов. В частности, Н. Г. Александров затронул тему механизма правового регулирования в ходе исследования трудовых правоотношений [2].

Итак, наряду с общим механизмом правового регулирования для каждой отрасли права характерен и свой собственный (отраслевой) механизм правового регулирования, способствующий наиболее эффективной реализации норм данной отрасли и обладающий определенным рода особенностями.

При этом можно констатировать реальный научный пробел в современной юриспруденции, связанный изучением отраслевых механизмов правового регулирования. Работ, посвященных отраслевым разновидностям правовой политики, довольно много. Исключением отчасти стало процессуальное право: здесь можно отметить несомненный прогресс в исследовании как самого права, так и процессуально-правовой политики и отчасти – процессуального механизма правового регулирования.

Стоит отметить и положительную динамику: включения в единую систему правового регулирования процессуального права, процессуальной политики, процессуального механизма правового регулирования.

В этой связи возникает закономерный вопрос – а является ли принятие бюджета (ч. 3 ст. 104 Конституции РФ) юридическим фактом исключительно финансового или (если признавать бюджетное право в качестве самостоятельной отрасли права) бюджетного права.

Конституция РФ (ч. 5 ст. 101) предусматривает создание Счетной палаты РФ, основную задачу которой составляет контроль за надлежащим исполнением бюджета. Соответственно, правоотношения, возникающие в ходе исполнения Счетной палаты возложенных на нее законом полномочий по контролю за исполнением бюджета, являются одновременно и конституционными и финансовыми. В свою очередь степень проникновения норм, регламентирующих бюджетные вопросы, имеет огромный спектр, обладает поистине универсальным характером.

Как комплексные можно охарактеризовать и правоотношения, возникающие на основе ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, согласно которой медицинская помощь, оказываемая в государственных или муниципальных учреждениях, относящихся к сфере здравоохранения, оказывается бесплатно. Принятые на основе этой статьи нормативные акты, прежде всего федеральные законы, считаются принадлежащими как конституционному праву, так и к праву социального обеспечения.

Еще один пример, показывающий всеобъемлющий спектр механизма правового регулирования, – ст. 124 Конституции РФ, в соответствии с которой финансирование судов, входящих в судебную систему РФ, осуществляется исключительно за счет федерального бюджета. Тем самым механизм правового регулирования обеспечивает реализацию судебной реформы, а конституционная политика во многом предопределяет содержание судебно-правовой политики и не только финансовой ее составляющей. В частности, такое весьма значимое в судебной политике мероприятие, как объединение Верховного суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ путем создания единого судебного органа – Верховного суда РФ, произошло посредством внесения изменения в Конституцию РФ.

Наличие в основе механизма правового регулирования отправных (исходных) норм вовсе не делает его идеальным. Оптимизация механизма напрямую не связана и с видом норм; напротив, отправные нормы нуждаются в дальнейшей детализации в норм, а те в свою очередь непосредственно реализуются на практике.

Между тем вопрос о совершенствовании механизма правового регулирования представляется весьма актуальным в современных условиях.

М. Н. Марченко, выделяя недостатки, «белые пятна» и коллизии ныне действующей Конституции РФ, вполне обоснованно замечает по поводу их ликвидации: «При этом нет необходимости в силу очевидности доказывать, что удовлетворительное решение их имеет не только и даже не столько теоретическое и методологическое, сколько практическое, точнее политико-правовое значение» [3].

Указание на политическую составляющую в ходе устранения дефектов Конституции более чем правильно. Конституция, равно как и любой иной норма-

тивный акт (форма) и нормы различных отраслей (содержание), не может сама совершенствоваться себя.

В этом контексте интересно мнение о так называемой фактической конституции. «Действительная конституция страны, – отмечал Ф. Лассаль, – это фактическое соотношение сил, существующих в стране» [4].

Не отрицая того, что конституция должна соответствовать жизненным реалиям, все же хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, она не может полностью отражать фактическое состояние дел в государстве. «Конституция РФ не программа: она закрепляет достигнутое. Вместе с тем не все общественные отношения, которые зафиксированы в ней, стали реальностью или развились в полной мере. Поэтому она отражает не только реалии, но и то, как должно быть, содержит определенные образцы, эталоны общественных отношений, т.е. указывает перспективы развития. Закрепляя базовые ценности, Конституция РФ одновременно создает ориентиры для будущего» [5].

Во-вторых, на процесс разработки и принятия новой Конституции России оказали как позитивное, так и негативное влияние многочисленные внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы. Разумеется, это не могло не сказаться соответствующим образом на характере и содержании, а также на других сторонах создаваемого документа.

Тем самым Конституция РФ, с одной стороны, предстает документом стратегического планирования, не только отражающим настоящее, но и направленным на будущее. С другой стороны, в момент создания Конституции на данный процесс влияют факторы, актуальные именно на этот исторический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров, С. А. Общая теория государства и права. Академический курс : в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. – Москва : НОРМА, 2007. – Т. 3. – 698 с.
2. Александров, Н. Г. Трудовое правоотношение. – Москва : Изд-во юрид. литературы МЮ СССР, 1948. – 344 с.
3. Марченко, М. Н. Конституция постсоветской России: проблемы теории и методологии познания // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 26-33.
4. Лассаль, Ф. Сущность Конституции. Что дальше? – Санкт-Петербург : Иванов и К, 1905. – 332 с.
5. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. – С. 198-207.

УДК 342.33

ДОСМОТР АВТОТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Голиков Максим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802383@ruc.su

INSPECTION OF A VEHICLE AS A MEASURE OF ENSURING PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSE

Golikov Maxim Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье на основании исследования действующего российского административного законодательства произведен правовой анализ досмотра автотранспортного средства как меры обеспечения производства по административным правонарушениям, произведено разграничение административного досмотра и административного осмотра, охарактеризованы процессуальные основания их проведения.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры обеспечения административного производства, доставление, привод, задержание, досмотр, освидетельствование.

The article, based on a study of the current Russian administrative legislation, analyzes the inspection of motor vehicles as a means of ensuring measures to ensure proceedings for administrative offenses, differentiates administrative inspection from administrative inspection, and characterizes the procedural grounds for their implementation.

Keywords: administrative offense, measures to ensure administrative proceedings, delivery, drive, detention, inspection, examination.

Одной из наиболее распространенных мер обеспечения административного производства, применяемых в отношении имущества правонарушителя, является досмотр автотранспортного средства.

Под административным досмотром автотранспортного средства как мерой обеспечения административного производства понимается его проверка, проводимая без нарушения его конструктивной целостности, с целью выявления орудий или предметов совершенного правонарушения.

Административный досмотр автотранспортного средства – это процессуальное действие, которое имеют право производить сотрудники ряда правоохранительных органов, в первую очередь к ним относятся сотрудники дорожно-постовой службы полиции, находящиеся при исполнении служебных обязанностей.

Правовыми нормами российского административного законодательства законодательно определен законодательный перечень процессуально-правовых оснований для административного досмотра автотранспортных средств, а также ими подробно законодательно расписана процедура его проведения.

Сотрудники дорожно-постовой службы полиции наделены административно-правовыми полномочиями останавливать автотранспортные средства и проверять у их водителей документы, подтверждающие право законного их использования, в процессе осуществления административного контроля они могут сделать визуальную оценку автотранспортного средства, подобный административный осмотр осуществляется с целью определить соответствие осматриваемого автотранспорта тем документам, которые предоставил его водитель, а также убедиться в том, что пассажиры, находящиеся в нем, в безопасности [1].

Но есть и другая форма административного осмотра, который проводится сотрудниками правоохранительных органов для предотвращения использования автотранспортных средств в незаконных и противоправных целях, его процес-

суальные основания – это наличие оперативной информации о возможно совершенном правонарушении водителем автотранспортного средства.

При проведении административного осмотра в соответствии с административным законодательством в строго обязательном порядке оформляется акт осмотра (без обязательного привлечения понятых), один экземпляр которого вручается водителю автотранспортного средства.

Ст. 27.9 КоАП Российской Федерации применяется при административном осмотре автотранспортных средств в тех случаях, когда правонарушителем – водителем автотранспортного средства совершено административное правонарушение, и соответственно в рамках выяснения обстоятельств его совершения по данному административному делу сотрудниками полиции производятся разные виды административного досмотра, в том числе и административный досмотр автотранспортного средства.

Данная правовая норма действующего российского административного законодательства применяется в практике административного правоприменения при совершении дорожно-транспортного происшествия, а также в случае нарушения водителем автотранспортного средства ПДД и т. д.

В соответствии с п. 6.10 Приказа МВД Российской Федерации № 264 сотрудник дорожно-постовой службы полиции имеет право потребовать у водителя предъявить автотранспортное средство к досмотру только в том случае, если есть основания полагать, что в его салоне или в багажнике находится грузы, запрещенные к свободному обороту, при этом у него должно быть достаточно доказательств, обосновывающих его подозрения [2].

В УПК Российской Федерации нет правовой нормы, законодательно разрешающей проведение административного досмотра автотранспортных средств в рамках возбужденного и расследуемого уголовного дела, так как для сбора доказательств в данной правоприменительной ситуации проводится обыск как следственное действие.

Кроме сотрудников дорожно-постовой службы полиции досматривать автотранспортные средства и грузы, находящиеся в них, могут сотрудники иных правоохранительных органов. Перечень сотрудников, имеющих право досматривать автотранспортные средства и их грузы, установлен и приведен в ст. 27.2 и 27.3 КоАП Российской Федерации.

Соответственно все перечисленные должностные лица правоохранительных и иных органов, имеющие право досматривать автотранспортные средства и их грузы, производят административный досмотр автотранспортных средств и их грузов только в случае выявления ими в рамках своей компетенции совершения водителем административного правонарушения.

Достаточным процессуальным поводом для проведения досмотра автотранспортного средства и его груза является обнаружение фактов и обстоятельств нарушения водителем ПДД, а также обнаружение при визуальном обследовании доказательств совершения водителем или его пассажирами действий противоправного характера.

Например, если в процессе визуального административного осмотра авто-

транспортного средства и документов сотрудники дорожно-постовой службы полиции выявили запах алкоголя у водителя, процессуально зафиксировали в установленном законодательством порядке обстоятельства того, что водитель действительно находится за рулем в состоянии алкогольного опьянения, то в процессе составления протокола о совершении данного правонарушения сотрудник ДПС имеет право провести его административный досмотр.

Если при визуальном изучении салона автотранспортного средства сотрудник ДПС заметил наличие оружия или других запрещенных предметов, то он сразу должен попросить всех выйти из него и после этого может приступать к процедуре досмотра.

В среде российских ученых, специалистов в области российского административного права, достаточно давно утвердилось мнение о том, что основным критерием полноты и качества рассматриваемого административного дела, а также основной процессуальной формой его оформления является протокол об административном правонарушении [3, с. 13].

Соответственно, можно сделать вывод, о том, что эффективность рассмотрения дела, а также обоснованность наказания за его совершение непосредственно взаимосвязаны с тем, насколько грамотно и мотивированно сотрудником дорожно-постовой службы полиции составлен материал данного административного дела.

Вышеизложенное позволяет однозначно произвести заключение о значительном увеличении в КоАП Российской Федерации степени нормативного законодательного регулирования применения таких административных мер обеспечения, как административный досмотр автотранспортных средств согласно нормам административного законодательства:

- 1) административный осмотр – это визуальное обследование автотранспортного средства и перевозимого груза;
- 2) административный досмотр – это обследование автотранспортного средства и груза в нем.

По их правовой сути данные понятия в значительной степени являются идентичными, но разница заключается в том, что при производстве административного осмотра должностное лицо дорожно-постовой службы полиции может только смотреть на автотранспортное средство и вещи, а при производстве административного досмотра оно вправе прикасаться к автотранспортному средству и грузу [4, с. 103].

Административный осмотр включает в себя визуальное изучение состояния автотранспортного средства, сотрудник ДПС полиции может заглядывать в него через окна, оценивать фары, тонировку и иные составные части и детали автотранспортного средства, прикасаться к нему сотрудник дорожно-постовой службы полиции не имеет права.

Процессуально-правовым основанием для производства административного осмотра не может являться личное желание сотрудника дорожно-постовой службы полиции, для этого существуют конкретные причины, законодательно указанные в п. 197 Административного регламента МВД Российской Федерации:

1) имеющиеся ориентировки или информация о том, что автотранспортное средство используется с целью совершения правонарушений;

2) несоответствие груза автотранспортного средства, указанного в документах и присутствующего в нем фактически;

3) сверка кода VIN и маркировок автотранспортного средства, проверка его тонировки.

Что касается оперативных ориентировок и информации оперативно-розыскного характера о возможных правонарушениях, совершенных на нем, то они могут быть устными, а кроме того, могут храниться на другом месте, то есть отсутствовать на момент административного осмотра у сотрудника дорожно-постовой службы полиции.

Однако данный сотрудник дорожно-постовой службы полиции, который произвел административный осмотр автотранспортного средства, позднее должен в обязательном порядке предоставить информацию о причинах проверки данного автотранспортного средства в ходе административного осмотра.

Административный досмотр автотранспортного средства – это уже более серьезная административно-процессуальная операция, которая разрешает сотруднику правоохранительного органа прикасаться к автотранспортному средству, проверять аптечку и огнетушитель, находящиеся в данном автотранспортном средстве.

Для проведения административного досмотра автотранспортного средства предусмотрены определенные процессуально-правовые основания:

1) необходимость в задержании водителя автотранспортного средства или перевозимых им людей;

2) подозрение на наличие в автотранспортном средстве потенциально опасных предметов и средств, представляющих угрозу нанесения вреда либо нарушения общественной безопасности (боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых веществ, наркотических средств);

4) необходимость в поиске предметов нарушения административного законодательства.

Также достаточной причиной для административного досмотра сотрудником дорожно-постовой службы полиции автотранспортного средства является имеющаяся у него оперативно-розыскная информация.

Что касается процедур и правил проведения административного осмотра и административного досмотра, то после проведения административного осмотра автотранспортного средства сотрудник дорожно-постовой службы должен в соответствии с правовыми нормами административного законодательства составить в обязательном порядке акт административного осмотра.

До начала процессуальной процедуры его составления никакие иные процессуальные действия сотрудником ДПС, кроме предупреждения водителя правонарушителя о своих действиях, не производятся, и если впоследствии будут обнаружены какие-либо процессуальные нарушения, то акт административного осмотра не будет являться доказательством.

При административном осмотре водитель автотранспортного средства имеет

право не покидать его. При административном досмотре водитель автотранспортного средства и его пассажиры должны покинуть данное автотранспортное средство.

Сотрудник дорожно-постовой службы полиции самостоятельно визуализирует автотранспортное средство и находящиеся в нем предметы, также он вправе доставать вещи из салона и багажника автотранспортного средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соколов, А. Ю.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. – Москва, 2023. – С. 120.
2. Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ о безопасности дорожного движения: Приказ МВД РФ от 02.05.2023 № 264 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 30 июня 2023 г. № 0001202306300035
3. *Малышкин, П. В.* Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Мир науки и образования. – 2016. – № 3(7). – С. 13
4. *Гапонов, О. Н.* Актуальные проблемы достижения целей применения отдельных мер обеспечения производства по административным делам правонарушений в области обеспечения безопасности движения / О. Н. Гапонов, В. М. Исаев // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2020. – № 8. – С. 103-108.

УДК 342.33

ДОСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОТОКОЛА О СОВЕРШЕННОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ И ЗАДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА, ИХ ПРАВОВОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ

Голиков Максим Алексеевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st802383@ruc.su

DELIVERY FOR DRAFTING A PROTOCOL ON A COMPLETE OFFENSE AND DETENTION OF THE SUBJECT OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE AS MEASURES TO ENSURING ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS, THEIR LEGAL AND PROCEDURAL DISTRIBUTION

Golikov Maxim Alekseevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье проанализированы доставление для составления протокола об административном правонарушении, а также административное задержание субъекта совершения административного правонарушения как меры обеспечения административного производства, произведено их процессуально-правовое разграничение.

Ключевые слова: меры обеспечения административного производства, доставление для составления протокола об административном правонарушении, административное задержание субъекта совершения правонарушения.

The article analyzes the delivery for drawing up a protocol on an administrative offense, as well as the administrative detention of subjects of perfection of an administrative offense, as measures to ensure administrative proceedings carried out on their procedural and legal differentiation.

Keywords: measures to ensure administrative proceedings, delivery for drawing up a protocol on an administrative offense, administrative detention of the subject of an administrative offense.

Одной из наиболее распространенных мер обеспечения административного производства, применяемых в отношении совершившего правонарушение физического лица, является его доставление для составления протокола о совершенном им административном правонарушении.

Нормами административно-процессуального законодательства определен законодательный перечень процессуально-правовых оснований для применения административного доставления правонарушителя, совершившего административное правонарушение, а также подробно законодательно детализирована административно-процессуальная процедура его проведения.

Доставление для составления протокола о совершенном физическим лицом административным правонарушении производится в связи с тем, что его составление на месте совершения правонарушения невозможно произвести, в то же самое время его составление является законодательно обязательным в соответствии с нормами административно-процессуального законодательства [1, с. 61].

Административное доставление как мера обеспечения административного производства, осуществляемая по отношению к физическому лицу как субъекту совершения правонарушения, производится в соответствии с ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ.

Процессуальный порядок осуществления административного доставления субъекта совершения правонарушения для составления соответствующего протокола о совершенном правонарушении законодательно отражен в ч. 2 ст. 28.2, ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ. На основании данных статей действующего российского административного законодательства доставление субъекта правонарушения должно быть реализовано в минимально возможные процессуальные сроки.

При этом необходимы обязательное составление протокола административного доставления субъекта правонарушения или же обязательная специальная запись в протоколе об административном задержании.

Ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ законодательно определяет процессуальные сроки, в которые должно быть осуществлено административное доставление субъекта совершения правонарушения для составления соответствующего протокола административного правонарушения как минимально возможные.

Таким образом, точная продолжительность времени, в течение которого должно быть осуществлено доставление правонарушителя для составления соответствующего протокола административного правонарушения, законодательно не обозначена, что вызвало появление целого ряда методических рекомендаций, а также законодательных предложений по улучшению законодательных положений КоАП Российской Федерации, касающихся принятия опре-

деленного промежутка времени, при котором лицо должно быть административно доставлено.

В связи с тем, что на осуществление процедуры административного доставления субъекта правонарушения для составления соответствующего протокола административного правонарушения может влиять множество факторов, российский ученый, специалист в области российского административного права А. С. Дугенец отмечает, что утверждение определенного промежутка времени на осуществление административного доставления субъекта совершенного правонарушения для составления соответствующего протокола законодательно нецелесообразно [2, с. 136].

К подобным факторам потенциально возможного влияния на составление соответствующего протокола совершенного правонарушения и осуществление процедуры административного доставления можно отнести такие как удаленность места совершения правонарушения, наличие свободного транспортного средства, техническое состояние транспортного средства и другие внешние условия осуществления процедуры административного доставления.

Мы согласны позицией данного российского ученого, специалиста в области российского административного права, а также считаем, что концепцию оценки определенного промежутка времени на осуществление административного доставления субъекта административного правонарушения для составления соответствующего протокола о совершенном правонарушении следует считать оправданной мерой, так как определение таких сроков одновременно для всех субъектов РФ не представляется возможным.

Необходимо добавить, что КоАП РФ законодательно описывает административное доставление как совокупность ряда определенных действий и мероприятий, направленных на обеспечение административного производства, что свидетельствует о том, что доставление субъекта правонарушения необходимо в рамках обеспечения административного производства, по процессуальной сути представляя собой некоторую определенную степень ограничения прав, свобод и законных интересов человека как субъекта совершения правонарушения.

Кроме того, стоит подчеркнуть важность законодательного определения внешней составляющей применения данных мероприятий, направленных на обеспечение административного производства, которые по своей правовой сущности и содержанию в значительной степени процессуально ограничивают деятельность представителей компетентных государственных органов, законодательно уполномоченных на их осуществление и производство.

В случаях, когда данная форма внешней составляющей применения данных мероприятий сотрудником компетентных органов в достаточной степени ими не определена, становится затруднительным применение мероприятий по обеспечению административного производства в связи с тем, что не установлены соответствующие методы и средства их процессуальной реализации, которые могут быть применены представителями компетентных государственных органов в отношении субъекта правонарушения при осуществлении данных мероприятий [3, с. 107].

Доставление субъекта совершения административного правонарушения для составления протокола о совершенном ими правонарушении по правовому смыслу действующего российского административного законодательства и его правовой сущности подразумевает ограничение в некоторой значительной степени его конституционных прав как на свободу его передвижения, так и на свободу его общения с иными лицами.

Кроме административного доставления субъекта совершения административного правонарушения, среди мероприятий, направленных на обеспечение административного производства, следует рассмотреть и охарактеризовать административное задержание субъекта совершения правонарушения, осуществляемое по отношению субъекту совершения правонарушения, а также следует произвести разграничение данных мер обеспечения административного производства по процессуально-правовой сущности.

В ч. 1 ст. 27.3 КоАП Российской Федерации задержание субъекта совершения правонарушения законодательно определяется как кратковременное ограничение свободы субъекта совершения административного правонарушения, необходимо подчеркнуть при этом, что понятие «задержание» используется также во многих иных сферах и областях действующего российского законодательства.

В связи с этим российскими учеными-административистами предложен ряд определений данного понятия, которые отличаются между собой отношением к разным сферам и областям российского законодательства, сущностью и правовым смыслом, а также и иными процессуально-правовыми параметрами [4, с. 13].

Срок задержания субъекта административного правонарушения не должен составлять более 3 часов, в некоторых случаях административного производства он может быть увеличен.

Факт разделения понятия административного задержания (ареста) субъекта совершения административного правонарушения на отдельные составляющие также обусловлен в том числе и тем, что фактическое содержание субъекта правонарушения под стражей неразрывно сопряжено с некоторыми другими институтами административного права, а именно с задержанием и доставлением.

Известные российские ученые-административисты, специалисты в области административного производства О. В. Мичурина и Ю. В. Церковный в своих научных исследованиях неоднократно подчеркивали, что как в КоАП Российской Федерации, так и в иных законодательных источниках российского административного законодательства понятие «административное доставление физического лица, совершившего административное правонарушение», четко разграничивается с понятием «административное задержание физического лица, совершившего административное правонарушение» [5, с. 73].

При этом в соответствии с правовыми нормами действующего российского административного законодательства, время отбывания задержанным правонарушителем административного задержания как меры обеспечения администра-

тивного производства необходимо считать начавшимся с момента его доставления в соответствующий компетентный орган исполнительной власти, например в органы внутренних дел, в связи с рассмотрением административного дела в отношении данного задержанного.

Однако О. В. Мичурина и Ю. В. Церковный также считают, что данное положение нельзя считать логичным, в связи с тем что период по доставлению лица в такой компетентный государственный орган может сильно отличаться, так как в различных ситуациях время доставления лица может составлять как несколько часов, так и несколько дней и зависит от удаленности таких органов, они, таким образом, предлагают внести «определенные соответствующие законодательные изменения в действующее российское административное законодательство» относительно того, чтобы административное задержание физического лица, совершившего административное правонарушение, включало в срок его проведения, в том числе и срок время доставки административно задержанного правонарушителя [5, с. 77].

Ст. 27.3 КоАП РФ законодательно устанавливает определенный перечень должностных лиц, которые уполномочены российским административным законодательством применять к субъектам совершения административных правонарушений административное задержание.

В то же время в максимально короткие сроки административно задержанному субъекту правонарушения должна быть предоставлена законодательно предусмотренная возможность проинформировать о своем административном задержании своих родных и близких, а также своих работодателей или же адвоката.

Если административно задержанный субъект правонарушения является несовершеннолетним, неотъемлемой частью его задержания является обязательное уведомление об этом его родителей или опекунов, необходимо также обязательно проинформировать административно задержанного субъекта правонарушения о тех статьях КоАП Российской Федерации, которые регламентируют его права и обязанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровин, А. К. Правовой статус сотрудника полиции: теоретико-правовой аспект // Российская юстиция. – 2021. – № 12. – С. 61-62.
2. Дугенец, А. С. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях : монография. – Москва, 2022. – 236 с.
3. Сошин, А. А. Особенности применения сотрудниками органов внутренних дел мер по обеспечению производства по административным делам об административных правонарушениях / Самсонов В. А., Сошин А. А. // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 107-123.
4. Малышкин, П. В. Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Мир науки и образования. – 2016. – № 3 (7). – С. 13.
5. Мичурина, О. В. О соотношении процессуального и административного видов задержания / О. В. Мичурина, Ю. В. Церковный // Законодательство. – 2021. – № 2. – С. 73-77.

УДК 342.33

**ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРАВОВОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Голиков Максим Алексеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802383@ruc.su

**MEASURES TO ENSURE PRODUCTION IN CASES ABOUT
ADMINISTRATIVE OFFENSE APPLICABLE
TO THE PERSONALITY OF AN INDIVIDUALS**

Golikov Maxim Alekseevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследованы, рассмотрены и проанализированы понятие, классификация и особенности правового законодательного регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры обеспечения административного производства, доставление, привод, задержание, досмотр, освидетельствование.

The article explores, reviews and analyzes the concepts, classifications and features of legal legislative regulation of measures to ensure proceedings in cases of registration of offenses.

Keywords: administrative offense, measures to ensure administrative proceedings, delivery, drive, detention, inspection, examination.

Институт административной ответственности российского административного права является важнейшей составляющей системы российского административного права. С помощью норм российского административно-правового законодательства обеспечивается правовая защита общественных отношений, законодательно регулируемых правовыми нормами административного права, причем нормами не только российского административного права, но и других отраслей российского права.

В ситуациях совершения административных правонарушений посредством нарушения российского административного законодательства российское государство вынуждено принимать адекватные меры по пресечению совершаемых административных правонарушений, по восстановлению нарушенных прав и интересов, а также по принуждению к действиям в рамках законности.

Поэтому одним из подобных действенных способов воздействия государства в лице его компетентных органов на административных правонарушителей, законодательно призванных обеспечить последующее их правомерное поведение, обязать их отказаться от новых противоправных действий и попыток совершать иные новые противоправные деяния, выступает административная ответственность.

Объектом состава административного правонарушения чаще всего выступа-

ют группа определенных общественных отношений, в частности это общественные отношения в сфере общественного порядка, экологии, здравоохранения, а также в других сферах повседневной жизни современного российского общества и российского государства.

Нарушение административно-правовых норм влечет за собой применение к правонарушителям мер принуждения, основными из них являются административные наказания, перечень которых закреплен в ст. 3.2 КоАП Российской Федерации. В соответствии с действующим российским административным законодательством установлены следующие виды административных наказаний: штраф, дисквалификация, предупреждение, административный арест, изъятие и др.

На основании ст. 27.1 КоАП Российской Федерации должностное лицо государственных органов, наделенное российским административным законодательством соответствующими служебными полномочиями, имеет процессуальное право и соответственно может осуществлять меры обеспечения, направленные на обеспечение административного производства.

Основными процессуальными целями осуществления мер обеспечения административного производства в соответствии с нормами российского административно-процессуального законодательства являются следующие:

- 1) недопущение совершения нового правонарушения;
- 2) идентификация личности правонарушителя;
- 3) составление протокола совершения правонарушения;
- 4) обеспечение объективного рассмотрения дела;
- 5) исполнение принятого по правонарушению решения.

В процессе рассмотрения административных дел одну из важнейших ролей играют субъекты административного производства.

Субъектом административного производства в доктрине науки российского административного права российские ученые-административисты называют такого участника административного производства, который обладает определенным процессуально-правовым умением реализовывать как самому, так и посредством своих представителей собственные права и юридические обязанности.

Административно-процессуальными основаниями для применения в административном производстве мер обеспечения в соответствии с нормами российского административно-процессуального законодательства являются следующие:

- 1) факт совершения административного правонарушения;
- 2) неисполнение правонарушителем процессуальных обязательств;
- 3) продолжение совершения противоправного деяния;
- 4) возможность совершения новых противозаконных действий;
- 5) отсутствие возможности составления протокола правонарушения на месте его выявления [1, с. 80].

Кроме того, меры обеспечения, направленные на обеспечение административного производства, имеют определенные правовые и процессуальные особенности их рассмотрения, во многом зависящие от области правоотношений, в пределах которых они используются.

В первую очередь осуществление мер административного производства преследует цель обеспечения благоприятных условий его производства.

Из этого следует, что они являются по своей административно-правовой сущности мультифункциональными, однако в первую очередь они направлены на объективное рассмотрение административных дел.

Российскими учеными-административистами предложено несколько видов классификаций мер, направленных на обеспечение административного производства. Приоритетной, по нашему мнению, следует считать классификацию по виду осуществляемых данными органами функций:

- 1) меры обеспечения, целью которых является пресечение;
- 2) меры обеспечения, целью которых является поиск, анализ и фиксация доказательств;
- 3) меры обеспечения, целью которых является вынесение решения.

Российскими учеными, специалистами в области российского административного права, предложена классификация мер, направленных на обеспечение административного производства, основанная на следующих правовых основаниях:

- 1) по субъекту их применения мер обеспечения;
- 2) по субъекту совершенного правонарушения [2, с. 162]

По целевым сферам правоприменения их подразделяют на:

- 1) меры обеспечения, направленные на недопущение совершения правонарушений;
- 2) меры обеспечения, направленные на получение доказательств;
- 3) меры обеспечения, направленные на обеспечение производства административных дел;
- 4) меры, направленные на обеспечение реализации принятых решений [3, с. 136].

В данный перечень мер обеспечения входят:

- 1) личный досмотр;
- 2) досмотр вещей, находящихся при правонарушителе;
- 3) изъятие вещей и документов, товаров и автотранспортных средств;
- 4) досмотр автотранспортных средств юридических лиц;
- 5) осмотр помещений, территорий, документов юридических лиц.

Кроме того, данный перечень мер обеспечения включает в себя привод субъекта совершения правонарушения и доставление субъекта совершения правонарушения.

Гл. 27 КоАП Российской Федерации законодательно регламентирует институт мер обеспечения, направленных на обеспечение административного производства административных дел, однако в то же время в действующем российском административном законодательстве существуют определенные процессуально-правовые нормы и процессуально-правовые правила, способствующие рассмотрению подобных дел [4, с. 175]. Например, привод субъекта совершения административного правонарушения, организуемый и производимый судебными приставами. Он подразумевает применение мер обеспечения по отношению к избегающим явки физическим (юридическим) лицам.

Каждый протокол совершения административного правонарушения имеет свои процессуально-правовые особенности составления, их законодательно закрепляет гл. 28 КоАП Российской Федерации [5, с. 13].

Постановление Правительства Российской Федерации № 1452 от 28 декабря 2012 года регулирует хранение, техобслуживание, охраняемую стоянку, процесс оплаты услуг охраны судна и последующего возврата его владельцу, которое более детально характеризует положение ч. 2 ст. 27.14.1 КоАП РФ.

Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц» от 15 октября 2003 года достаточно полно определяет мероприятия, направленные на задержание правонарушителей.

Данное постановление Правительства Российской Федерации отражает как временные рамки, характер питания задержанного, так и условия их содержания, а также ряд необходимых обстоятельств, подразумевающих распределение таких лиц в специализированные помещения. В процессе анализа административно-правовой научной литературы нами был выделен ряд мер обеспечения, направленных на обеспечение административного производства, законодательно описанных в ст. 27.1 КоАП РФ. В качестве иллюстрации можно рассмотреть следующий пример из правоприменительной практики.

Очень часто сотрудники ГИБДД позволяют себе осматривать багажник автомобилей без присутствия понятых или свидетелей на постах дорожно-постовой службы без какой-либо обоснованной причины, после чего разрешают продолжить движение.

Чтобы не допустить нарушения прав водителя автотранспортного средства, в пункте 2.4 Правил дорожного движения обозначено, что лица, которые наделены правами останавливать автотранспортное средство, обязаны предъявить свое служебное удостоверение при требовании водителя.

Также водитель автотранспортного средства может потребовать ознакомить его с основаниями для досмотра представителями правоохранительных органов его автотранспортного средства.

Согласно ч. 1, ч. 2 и ч. 5 ст. 27.9 КоАП Российской Федерации, досмотр автотранспортного средства сотрудниками правоохранительных органов при требовании водителя может быть осуществлен лишь в присутствии двух свидетелей или с использованием видеозаписи.

Таким образом, данный правоприменительный пример административной правоприменительной практики с дорожной постовой службой показал, что водитель автотранспортного средства может в значительной степени повлиять на предотвращение нарушений со стороны должностных лиц правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов, А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. – Москва, 2023. – С. 120.
2. Головкин, В. В. Административное правонарушение как фактическое основание наступ-

ления административной ответственности // Алтайский экономико-правовой научный вестник. – 2021. – № 14. – С. 162-166.

3. *Дугенец, А. С.* Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: монография. – Москва, 2022. – 280 с.

4. *Бучакова, М. А.* О применении технических средств в правоприменительной деятельности сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения / М. А. Бучакова, С. А. Романькова // Правопорядок: история, теория, правоприменительная практика. – 2017. – № 1 (18). – С. 175-181.

5. *Малышкин, П. В.* Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. // Мир науки и образования. – 2016. – № 3(7). – С. 13

УДК 34.096

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО»
СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Гришин Андрей Дмитриевич, магистрант

Зиганшин Ислам Ильясович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808606@ruc.su; st807092@ruc.su

**REGULATORY SOURCES OF REGULATION
OF THE "TECHNOLOGICAL" SOVEREIGNTY
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Grishin Andrey Dmitrievich, Master's Degree student

Ziganshin Islam Ilyasovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Одним из источников права, который закрепляет основы технологического суверенитета, является Конституция РФ, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: суверенитет, технологический суверенитет, государственная власть, государство, правовое регулирование.

One of the sources of law that enshrines the foundations of technological sovereignty is the Constitution of the Russian Federation, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: sovereignty, technological sovereignty, state power, state, legal regulation.

Конституционные нормы, которые закрепляют область распространения технологического суверенитета, имеют особое значение. Суверенитет РФ распространяется на всю её территорию. Также статья 4 Конституции РФ закрепляет за государством обязанность обеспечивать целостность и неприкосновенность территории.

В Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П Конституционный Суд отметил не только то, что суверенитет РФ распространяется на всю её территорию, но и

что такое «распространение» осуществляется за счёт самостоятельности, независимости и верховенства государственной власти. Перечисленные характеристики, по мнению Конституционного Суда, заключаются в полноте всех трёх ветвей власти на территории РФ. Однако понятно, что на сегодняшний день нельзя говорить только об аспекте территории, так как практически всегда информационные технологии имеют экстерриториальное свойство.

Касаемо «территориальной» привязки суверенитета следует сказать и о юрисдикции РФ. Согласно части 2 статьи 4 Конституции РФ, верховенство Основного закона и действие федерального законодательства распространяется на всю территорию страны. То есть данный конституционный принцип позволяет создать правовой механизм, который являлся бы «базой» по обеспечению и защите «технологического» суверенитета [2].

Далее рассмотрим конституционные положения, которые взаимосвязаны с суверенитетом РФ в информационно-технологической сфере. Согласно статье 23 Конституции РФ, человеку гарантирована неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайны, защита чести и достоинства, доброго имени, а также тайна переписок, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение данной гарантии может быть осуществлено только на основании судебного решения.

Статья 24 Конституции РФ закрепляет запрет на сбор, хранение, а также распространение информации о частной жизни без согласия лица, в отношении которого предполагается соответственно сбор, хранение и распространение.

Последней конституционной нормой в системе конституционных принципов, связанных с технологическим суверенитетом в информационной сфере, является статья 29 Основного закона. Она, в частности, закрепляет право каждого свободно искать, распространять, получать производить и передавать информацию любыми законными способами [3].

Далее рассмотрим существующее нормативное регулирование в сфере информационных технологий, которое на сегодняшний день является правовой основой по формированию и последующей защите технологического суверенитета РФ. В первую очередь обратимся к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее «Закон об информации»). В частности, правовое регулирование информационных технологий и отношений в сфере информации помимо базовых конституционных принципов, которые были рассмотрены выше, а именно свобода распространения и получения информации, установление ограничений доступа к информации только федеральным законодательством, рассматриваемый нормативно-правовой акт устанавливает важный принцип, на основе которого строится технологический суверенитет РФ.

Принцип недопустимости преимуществ для информационных технологий получил в науке наименование «Принцип технологической нейтральности». Закреплённое исключение позволяет федеральному законодателю установить императивное применение тех или иных информационных технологий или систем. Такие ограничения, как правило, вводятся в рамках программы импортозамещения.

Например, согласно инициативам Минкомсвязи (ныне Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, далее Минцифры) с 1 июля 2015 года введена обязанность для государственных органов по закупке и использованию только тех компьютерно-информационных программ, которые были закреплены в соответствующем реестре отечественного программного обеспечения. В случае невозможности использования таких программ на государственный орган возложена обязанность по обоснованию невозможности исполнения предписаний Министерства и целесообразности использования программ, которые не были включены в реестр [1].

Рассматриваемый реестр включает в себя записи в табличной форме, где отражена информация о веб-сайте разработчика программного обеспечения, дата регистрации, правообладатель и класс программного обеспечения, по которому заказчик определяет подходящее программное обеспечение, как было отмечено выше. В основном в реестре содержатся программные обеспечения, позволяющие управлять информацией (класс ПО 09.11), распознавать изображения (класс ПО 11.06), управлять проектами (класс ПО 05.05), осуществлять финансовый менеджмент и управления активами и трудовыми ресурсами (класс ПО 09.07) и иные программные обеспечения, разных сфер применения.

На сегодняшний день в реестр российского программного обеспечения входят 16 077 единиц программного обеспечения и 5 431 правообладатель. Таким образом, данный реестр является важным примером попытки достижения «технологического» суверенитета. Однако достижение каких-либо целей через императивный запрет использования программного обеспечения представляется менее эффективным, чем свободный выбор государственных и муниципальных органов ввиду конкуренции разработчиков и правообладателей данных программ.

Однако, с другой стороны, работа данного портала обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию, в том числе и в сфере информационных технологий. Исходя из этого государство было вынуждено, по крайней мере, начать процесс импортозамещения в областях, которые напрямую связаны с деятельностью государственных и муниципальных органов.

Помимо общеотраслевых мер по нормативному обеспечению технологической независимости, таких как ранее рассмотренный реестр, существуют еще и узкопрофильные механизмы правового воздействия в определённых общественных отношениях.

Также Закон об информации закрепляет возможность создания государственных информационных систем. Они создаются для реализаций полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами, а также в иных целях, которые могут быть установлены в федеральных законах.

Деятельность таких систем регулируется Федеральными законами и Постановлением Правительства от 06.07.2015 № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации». В частности, основаниями для их со-

здания согласно Постановлению Правительства являются: 1) закреплённая в нормативных актах обязанность государственного органа создать определённую систему; 2) предусмотренная федеральным законом обязанность уполномоченной организации по созданию системы; 3) по решению государственного органа, на которого были возложены новые полномочия, с целью их реализации; 3) согласно решению Правительства при реализации проекта государственно-частного партнёрства; 4) по решению высшего исполнительного органа субъекта РФ о реализации проекта государственно-частного партнёрства, при условии, что субъект РФ является публичным партнёром; 5) если Правительство приняло решение о заключении концессионного соглашения.

Таким образом, можно говорить о том, что государственные информационные системы могут создаваться оперативно и по почти неограниченному перечню оснований, что позволяет в случае необходимости не только быстро реагировать на различные кризисные события, но и создавать удобные информационные системы в различных сферах общественных отношений.

Рассмотрим работу ГАС «Выборы». Она является федеральной автоматизированной информационной системой, которая функционирует на территории РФ. Нормативно-правовая база её работы закреплена в Федеральном законе от 10.01.2003 № 20 «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» (далее Закон о ГАС «Выборы»), а также в актах Центральной избирательной комиссии РФ.

Полномочия по использованию, эксплуатации и модернизации системы согласно рассмотренному ранее Закону закреплены за ЦИК РФ. Так, ЦИК РФ: 1) устанавливает порядок использования системы перед проведением голосований в части, не урегулированной федеральными законами; 2) организует меры по соблюдению единого порядка эксплуатации ГАС «Выборы»; 3) утверждает порядок сохранности информации в системе; 4) осуществляет контроль за соблюдением всех вышеперечисленных пунктов; 5) определяет основные направления развития ГАС «Выборы»; 6) осуществляет закупки товаров, работ, услуг, для обеспечения эксплуатации системы.

Таким образом, государственная информационная система «Выборы» – один из примеров возможности создания автоматизированного технологического процесса в сфере избирательных правоотношений. Безусловно, остаётся вопрос о том, каков процент отечественного оборудования используется при функционировании данной системы и можем ли мы говорить о том, что эта система является примером «технологического» суверенитета РФ. Однако анализ данных о доле отечественного ПО при проведении закупок госорганами показывает тенденцию на вытеснение иностранных программ, поэтому представляется, что даже если при работе данной системы и используются иностранные комплектующие, то в ближайшее время они будут окончательно заменены отечественными аналогами.

Таким образом, исходя из рассмотренного выше акта можно сделать вывод о сложной структуре организации взаимодействия информационных систем для оказания государственных и муниципальных услуг населению.

Резюмируя, можно отметить, что на сегодняшний день «единого правового

механизма достижения «технологического» суверенитета нет. В сфере цифровых и компьютерных технологий в основном превалируют точечные правовые инструменты регулирования в форме нормативно правовых актов Правительства или федеральных органов исполнительной власти РФ. В целом такое регулирование является логичным и целесообразным в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
2. Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт): монография / А. Г. Барабашев, П. А. Калинин, С. Ю. Кашкин [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 208 с.
2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

УДК 34.037

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Декин Дмитрий Васильевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807091@ruc.su

INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

Dekin Dmitry Vasilevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Институт омбудсмана вызывает непрекращающийся интерес со стороны общественности и научного сообщества, а среди граждан наблюдается увеличение обращений именно к омбудсмену. По этой причине представляется важным рассмотрение института Уполномоченного с точек зрения теоретико-правовых аспектов и проблем эффективности функционирования этого института

Ключевые слова: права человека, взаимодействие, право, Уполномоченный по правам человека, правозащитная деятельность, институт защита прав человека.

The institution of the Ombudsman causes ongoing interest from the public and the scientific community, and among citizens there is an increase in appeals to the Ombudsman. For this reason, it seems important to consider the institution of the Commissioner from the point of view of theoretical and legal aspects and problems of the effectiveness of the functioning of this institution.

Keywords: human rights, interaction, law, Commissioner for Human Rights, human rights activities, institution of human rights protection.

Функция защиты прав человека присуща многим органам государственной власти современной России, но для Уполномоченного по правам человека она

является смыслообразующей, что, несомненно, придает этому государственно-му органу особое значение и предопределяет его конституционно-правовой статус.

В научной литературе выделяется три основные модели института омбудсмана: парламентская (классическая), исполнительная (медиаторская) и гибридная (смешанная).

Первая модель, то есть парламентская, возникла в Швеции и характеризуется достаточно широкими полномочиями омбудсмана. В этой модели омбудсмен назначается парламентом и подотчетен только законодательному органу. В полномочия омбудсмана входит контроль не только исполнительной власти, но и судебной, вплоть до выдвижения обвинений в отношении судей и возбуждения дел в Верховном суде. Граждане могут обращаться к омбудсмену напрямую при максимальном упрощении процедуры подачи жалобы. Также омбудсмен вправе действовать и по собственной инициативе, что в совокупности делает его весьма сильным и авторитетным органом.

Вторая модель – исполнительная, характеризуется тем, что омбудсмен назначается органом исполнительной власти и выполняет посреднические функции, то есть является медиатором. Так, во Франции, в соответствии с законом от 1973 года омбудсмен назначается Советом Министров и рассматривает жалобы на работу административных органов. Вместе с тем омбудсмен не вправе заниматься делами, имевшими разрешение в суде или административном трибунале. При этом процедура обращений граждан к омбудсмену более сложная, чем в первой модели, так как гражданин должен подать жалобу, адресованную омбудсмену, через сенатора или депутата Национального собрания, которые решают вопрос о соответствии изложенной в жалобе проблемы компетенции омбудсмана. Помимо урегулирования споров между гражданами и органами государственной власти французский омбудсмен может возбуждать дела против государственных служащих, имеющие дисциплинарный характер, подавать на них в суд, а также ходатайствовать о возбуждении уголовного дела и в случае его возбуждения выступать в суде в качестве обвинителя.

Обе модели несовершенны и характерны для стран развитой демократии. Несовершенство их связано именно с тем, что, будучи моделями первого поколения, они создавались методами проб и ошибок. Для стран постсоветского пространства более характерна третья модель, которая формировалась позже на основе накопленного опыта функционирования омбудсменов в странах, учредивших этот институт раньше других [1].

Смешанная модель омбудсмана предполагает сочетание разных элементов других моделей, а также внесение новых характерных черт. Так, можно наблюдать дифференциацию института омбудсмана, в результате которой появляются специализированные омбудсмены, занимающиеся правами ребенка, предпринимателей и др. По способу осуществления полномочий омбудсмана смешанная модель предполагает как самостоятельное реагирование омбудсмана на выявленное им нарушение прав человека, так и начало разбирательства только на основе поступившей жалобы.

Если классифицировать институты омбудсменов по их правовому статусу и

направлениям деятельности, то можно выделить классическую, европейско-континентальную и англо-американскую, сочетающие в себе разные признаки вышеперассмотренных моделей. В наиболее чистом виде представлена классическая модель, развитая в Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии и Эстонии. Европейско-континентальная модель характеризуется значительно меньшими властными полномочиями омбудсмена, ограниченностью сферы его деятельности, а также возможным наличием муниципальных омбудсменов. Для англо-американской модели свойственна парламентская зависимость омбудсменов, достаточно большой объем у них властных полномочий, а также универсализм омбудсменов [2].

Одни авторы считают, что омбудсмен является одним из опосредованных механизмов парламентского контроля исполнительной власти, обладающим определенной независимостью от назначившего его парламента. Исходя из норм законодательства, закрепляющих независимость омбудсмена, вторая точка зрения нам представляется более предпочтительной. Однако для лучшего понимания статуса омбудсмена и его взаимодействия с иными органами власти следует уделить внимание взаимоотношениям Уполномоченного с разными государственными институтами.

Наиболее тесная связь омбудсмена существует с нижней палатой Парламента. В соответствии с п. «е» ст. 103 Конституции Дума назначает и освобождает от занимаемого поста омбудсмена. Подробнее этот вопрос нами будет рассмотрен отдельным параграфом, а пока отметим, что само по себе полномочие по назначению, а тем более по освобождению от должности является сильным рычагом воздействия на избираемое лицо. Исходя из статьи 33 рассматриваемого Федерального конституционного закона, Уполномоченный каждый год направляет в законодательный орган доклад о проделанной работе, который не может рассматриваться как форма подотчетности исходя из следующего. Во-первых, доклад направляется не только нижней палате Парламента, но и главе государства, верхней палате Парламента, Правительству, высшим судам, органам Прокуратуры и следствия и носит не отчетный, а информационный характер. Во-вторых, ни один из органов, получающих доклад омбудсмена, не вправе применять санкции к омбудсмену в случае признания содержания доклада неудовлетворительным.

Факт того, что омбудсмен осуществляет деятельность автономно от Государственной Думы, а срок его полномочий не увязан со сроком полномочий нижней палаты Федерального Собрания, свидетельствует о том, что институт омбудсмена имеет собственное конституционно-правовое содержание, позволяющее действовать не в рамках парламентского контроля, а самостоятельно.

Во взаимоотношениях с судебной властью наиболее существенным представляется то обстоятельство, что Уполномоченный, занимающий позиции правозащитного института, не подменяет собой судебную власть, не может вторгаться в ее прерогативы. Из этого очевидно вытекает, что омбудсмен не вправе оказывать давление на суд, либо участвовать в принятии судебного решения, чем обеспечивается беспристрастность и объективность суда. Вместе с тем омбудсмен может обращаться в суд по вопросам восстановления нарушен-

ных прав граждан, что имеет особое значение в области конституционного судопроизводства.

Так, омбудсмен наделен полномочием по обращению в Конституционный Суд, если возникает необходимость проверить закон, примененный в деле конкретного гражданина. Отметим, что правомочие омбудсмена по обращению в Конституционный Суд реализуется в порядке конкретного нормоконтроля, тогда как согласно ч. 2 ст. 125 Конституции России, закрепляющей исчерпывающий перечень инициаторов абстрактного нормоконтроля, омбудсмен не может обжаловать законы, не примененные в конкретном деле гражданина. Следовательно, имеющееся на данный момент законодательное определение пределов взаимоотношений омбудсмена с органом конституционного контроля предполагает участие омбудсмена в конституционном судопроизводстве только при наличии уже произошедшего со стороны закона посягательства на права граждан.

Помимо возможности обращаться в Конституционный Суд, Уполномоченный может давать заключения по запросам Конституционного Суда, что свидетельствует об их взаимодействии не только в одну сторону, но и в обоих направлениях. С формально-юридической точки зрения заключения омбудсмена не носят для Суда обязательного характера, но могут учитываться им при вынесении решения.

Что касается нарушений прав граждан не законом, а действиями органов государственной или муниципальной власти, то Уполномоченный может обращаться в суд общей юрисдикции с административным иском в защиту нарушенных прав. При этом омбудсмен может не только обжаловать решения органов исполнительной власти, но и обжаловать в Верховный Суд Российской Федерации решения судов по гражданским, административным и уголовным делам. Подчеркнем, что исходя из независимости судебной власти, омбудсмен не вправе вмешиваться в процесс принятия судебного решения и тем более не может образовывать с судом единую систему.

Ключевую роль во взаимоотношениях с исполнительной властью играет взаимодействие омбудсмена с правоохранительными органами. Наибольший объем нарушений прав человека наблюдается именно со стороны исполнительной власти. По этой причине тесное сотрудничество омбудсмена прежде всего с силовыми структурами продиктовано необходимостью не только восстановления нарушенных прав граждан, но и предотвращения этих нарушений со стороны правоохранительных органов. Данная цель достигается посредством обмена информацией между соответствующими силовыми структурами и Уполномоченным, совместного приема граждан, участия омбудсмена в коллегиях, экспертных и координационных советах, посещения омбудсменом пенитенциарных учреждений, отделений полиции и др.

В случае поступления к Уполномоченному заявлений от граждан омбудсмен может обращаться в правоохранительные органы за содействием, а при поступлении жалобы на действия самих правоохранительных структур омбудсмен может беспрепятственно посещать помещения и территории этих органов, встречаться с руководителями сотрудников, подозреваемых в посягательстве на

права граждан. Правоохранительные органы, в свою очередь, должны осуществлять содействие Уполномоченному во время проведения им проверки по жалобе. Однако это не означает подчиненного положения органов полиции, Росгвардии, ФСИН и других силовых структур по отношению к омбудсмену. Проводя мониторинг прав человека, омбудсмен направляет в адрес правоохранительных органов рекомендации, которые с точки зрения юридической техники не являются актами, обязательными для исполнения.

Тот факт, что Уполномоченный не находится в иерархической зависимости от исполнительной ветви власти, подчеркивает его роль в осуществлении надзорных функций при взаимодействии с правоохранительными структурами, исключая при этом исполнительные полномочия. Из-за отсутствия подчиненности и ответственности перед государственными институтами Уполномоченный не имеет превосходства и распорядительных прав над ними. Также, несмотря на обязательство правоохранительных органов поддерживать деятельность омбудсмена, это не подразумевает необходимость безоговорочного исполнения его указаний. Хотя омбудсмен не обладает правом на использование государственных силовых мер, его значимость и влияние достигаются за счет уважения к его личности, а также за счет его активного сотрудничества с разнообразными государственными структурами и общественными организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров, С. Б.* Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.

2. *Ермаков, А. В.* Органы прокуратуры как субъект взаимодействия с институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в вопросах защиты права и свобод человека и гражданина / А. В. Ермаков // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации: Материалы Международной научно-практической конференции : в 2 частях, Саранск, 26–27 апреля 2022 года / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Часть 2. – Саранск, 2022. – С. 239-244.

УДК 34.037

МЕСТО И РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Декин Дмитрий Васильевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807091@ruc.su

PLACE AND ROLE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES

Dekin Dmitry Vasilevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Уполномоченный осуществляет непредвзятую, объективную защиту каждого гражданина, посредством чего реализуются корреспондирующие ст. 2 Конституции нормы статей 17 и 18 Конституции. Функция защиты прав человека присуща многим органам государственной власти современной России.

Ключевые слова: права человека, право, Уполномоченный по правам человека, государственный орган власти, институт защита прав человека.

The Commissioner exercises unbiased, objective protection of every citizen, through which the corresponding Art. 2 of the Constitution norms of Articles 17 and 18 of the Constitution. The function of protecting human rights is inherent in many state authorities of modern Russia.

Keywords: human rights, law, Commissioner for Human Rights, state authority, institution of human rights protection.

Институт Уполномоченного по правам человека представляет собой ключевой элемент в системе защиты гражданских прав, адаптируясь и развиваясь в ответ на уникальные социальные и политические условия каждого государства. Основная миссия этого института заключается в поддержании принципов справедливости и соблюдения законов в защите прав личности.

Задача учреждения, отвечающего за защиту прав человека, заключается в защите гражданских свобод, обеспечении их восстановления при нарушениях, а также в поддержании эффективного управления государством через выполнение надзорных функций. Кроме того, представитель вправе требовать проверки и пересмотра законных решений через обращение в прокуратуру, вносить протесты и участвовать в процессах на судебных заседаниях.

Возникновению института Уполномоченного в России предшествовал опыт зарубежных стран, учредивших его у себя раньше Российской Федерации [1].

Согласно ст. 10 Конституции осуществление государственной власти в России основывается на разделении ее на три самостоятельные ветви. Никакое демократическое правовое государство не может обойтись без разделения властей. Концентрация властных полномочий в одних руках всегда ведет к злоупотреблению властью и произволу. По этой причине для обеспечения демократического правового характера государства, являющегося условием обеспечения защиты и реализации прав человека, необходима система, при которой ни один государственный орган не обладает всей полнотой власти. Каждая ветвь власти имеет собственные полномочия и другие ветви не могут вторгаться в сферу ее компетенции, а тем более подменять ее собой. Законодательная власть обладает прерогативой принятия законов, исполнительная – осуществляет их реализацию и ограниченное нормотворчество, раскрывающее положения законодательных актов, судебная власть разрешает споры и осуществляет правосудие. Такое разделение полномочий обеспечивает систему сдержек и противовесов, не позволяющую какой-либо ветви возвышаться над остальными.

При этом в ст. 11 Конституции указывается, что помимо трех вышеназванных ветвей власти государственную власть на федеральном уровне осуществляет Президент России. По мнению М. В. Баглая, данное обстоятельство не свидетельствует, что Президент стоит выше парламента, судов и Правительства. Он не вправе вмешиваться в компетенцию законодательной и судебной властей, но при необходимости обеспечения согласованной работы всего госу-

дарственного механизма может разрешать возникающие конфликты посредством согласительных процедур [2].

Проблема вторжения Президента Российской Федерации в прерогативу законодательной власти путем издания Указов, регулирующих вопросы, по которым необходимо принятие законов, является вполне реальной. Соглашаясь с существованием такой опасности, все же отметим, что, во-первых, данные Указы Президента Российской Федерации носят временный характер и действуют только до принятия соответствующего закона, во-вторых, Президент не в состоянии запретить Федеральному Собранию принять такой закон, сославшись на то, что вопрос уже урегулирован. Также и осуществление помилования не может рассматриваться как вторжение в прерогативу судебной власти, так как помилование, будучи только актом милосердия, не является формой исправления судебной ошибки или пересмотра приговора.

Сбалансированное функционирование всех ветвей власти основывается на взаимном контроле, где одним из ключевых является контроль исполнительной власти, обладающей распорядительными полномочиями и средствами принуждения, включающими органы полиции, государственной безопасности, исполнения наказания и др. В этой связи особую важность приобретает имеющий законодательное закрепление парламентский контроль [3], с одной стороны, обеспечивающий подотчетность Правительства законодательной власти, с другой стороны, создающий противовес Президенту Российской Федерации, также контролирующему Правительство Российской Федерации.

Поскольку исполнительная власть, претворяя в жизнь законы, значительно чаще других ветвей власти контактирует с гражданами, больше всего нарушений прав и свобод происходит именно со стороны исполнительной власти. Соглашаясь с М. В. Демидовым в вопросе важности парламентского контроля в этой области [4], отметим, что его не всегда бывает достаточно. Для квалифицированного отстаивания прав человека необходимо наличие развитого правозащитного механизма, сочетающего в себе различные контрольные и надзорные полномочия разных органов власти.

Подобно Прокуратуре и омбудсмен, выполняющий функции государственной гарантии защиты прав человека, их соблюдения всеми органами власти, а также должностными лицами, должен оставаться независимым и неподконтрольным каким-либо государственным институтам. В научной литературе существуют разные подходы к положению Уполномоченного в государственном механизме. Одни авторы считают, что омбудсмен является одним из опосредованных механизмов парламентского контроля исполнительной власти, обладающим определенной независимостью от назначившего его парламента. Развивая эту точку зрения, некоторые исследователи рассматривают различные модели интеграции функционирования Уполномоченного в парламентский контроль [5]. Другие авторы полагают, что по своему конституционно-правовому предназначению омбудсмен в России – это прежде всего ни от кого не зависящий орган власти, избираемый парламентом, но осуществляющий свою деятельность не от его имени, а самостоятельно [2]. Исходя из норм законодательства, закрепляющих независимость омбудсмана, вторая точка зрения нам пред-

ставляется более предпочтительной. Однако для лучшего понимания статуса омбудсмена и его взаимодействия с иными органами власти следует уделить внимание взаимоотношениям Уполномоченного с разными государственными институтами.

Омбудсмен тесно связан с нижней палатой Парламента. В соответствии с п. «е» ст. 103 Конституции Дума назначает и освобождает омбудсмена от занимаемого поста. Само по себе полномочие по назначению, а тем более по освобождению от должности является сильным рычагом воздействия на избираемое лицо. Вместе с этим избранный нижней палатой Парламента Уполномоченный, а также обеспечивающий его деятельность аппарат являются самостоятельным органом государства, независимым и неподотчетным каким-либо органам власти (в соответствии со статьей 2 этого закона). Из конструкции последней нормы следует вывод, что омбудсмен независим и от Государственной Думы, а также неподотчетен ей.

Исходя из статьи 33 рассматриваемого Федерального конституционного закона, Уполномоченный каждый год направляет в законодательный орган доклад о проделанной работе, который не может рассматриваться как форма подотчетности исходя из следующего. Во-первых, доклад направляется не только нижней палате Парламента, но и главе государства, верхней палате Парламента, Правительству, высшим судам, органам Прокуратуры и следствия и носит не отчетный, а информационный характер. Во-вторых, ни один из органов, получающих доклад омбудсмена, не вправе применять санкции к омбудсмену в случае признания содержания доклада неудовлетворительным.

Важная норма, характеризующая правовое положение Уполномоченного, находится также в ч. 2 ст. 10 рассматриваемого закона об Уполномоченном, в соответствии с которой окончание полномочий очередного созыва нижней палаты Парламента либо ее роспуск не прекращают полномочий омбудсмена. Тот факт, что омбудсмен осуществляет деятельность автономно от Государственной Думы, а срок его полномочий не увязан со сроком полномочий нижней палаты Федерального Собрания, свидетельствует о том, что институт омбудсмена имеет собственное конституционно-правовое содержание, позволяющее действовать не в рамках парламентского контроля, а самостоятельно.

Во взаимоотношениях с судебной властью наиболее существенным представляется то обстоятельство, что Уполномоченный, занимающий позиции правозащитного института, не подменяет собой судебную власть, не может вторгаться в ее прерогативы. Взаимоотношения омбудсмена с судебной властью носят специфический характер, так как деятельность судов основывается на принципах осуществления правосудия только судом, состязательности и равноправия сторон, независимости судей. Из этого очевидно вытекает, что омбудсмен не вправе оказывать давление на суд либо участвовать в принятии судебного решения, чем обеспечивается беспристрастность и объективность суда. Вместе с тем омбудсмен может обращаться в суд по вопросам восстановления нарушенных прав граждан, что имеет особое значение в области конституционного судопроизводства.

Так, омбудсмен наделен полномочием по обращению в Конституционный

Суд, если возникает необходимость проверить закон, примененный в деле конкретного гражданина. Ч. 4 ст. 125 Конституции закрепляет, что Конституционный Суд проверяет законы и подзаконные акты, нарушающие права человека, на соответствие Конституции, если закон применен в конкретном деле, реализация которого привела к таким нарушениям.

Данная конституционная норма не уточняет, от кого может поступать жалоба, оставляя регулирование этого вопроса федеральному законодательству. Однако п. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» тоже не содержит указаний на конкретные субъекты, наделенные правом подавать жалобы на примененные в конкретном деле законы, исходя из чего имеющие место многочисленные факты обращений в Конституционный Суд не только граждан, но и их объединений, а также омбудсмена не противоречат действующему законодательству. Отметим, что правомочие омбудсмена по обращению в Конституционный Суд реализуется в порядке конкретного нормоконтроля, тогда как согласно ч. 2 ст. 125 Конституции России, закрепляющий исчерпывающий перечень инициаторов абстрактного нормоконтроля, омбудсмен не может обжаловать законы, не примененные в конкретном деле гражданина. Следовательно, имеющееся на данный момент законодательное определение пределов взаимоотношений омбудсмена с органом конституционного контроля предполагает участие омбудсмена в конституционном судопроизводстве только при наличии уже произошедшего со стороны закона посягательства на права граждан.

Помимо возможности обращаться в Конституционный Суд, Уполномоченный может давать заключения по запросам Конституционного Суда, что свидетельствует об их взаимодействии не только в одну сторону, но и в обоих направлениях. С формально-юридической точки зрения заключения омбудсмена не носят для Суда обязательного характера, но могут учитываться им при вынесении решения.

Что касается нарушений прав граждан не законом, а действиями органов государственной или муниципальной власти, то Уполномоченный может обращаться в суд общей юрисдикции с административным иском в защиту нарушенных прав. Омбудсмен может обжаловать решения органов исполнительной власти, а также обжаловать в Верховный Суд Российской Федерации решения судов по гражданским, административным и уголовным делам. Важно отметить, что омбудсмен не вправе вмешиваться в процесс принятия судебного решения и тем более не может образовывать с судом единую систему.

Во взаимоотношениях с исполнительной властью важное место занимает взаимодействие омбудсмена с правоохранительными органами. Как нами отмечалось ранее, наибольший объем нарушений прав человека наблюдается именно со стороны исполнительной власти. По этой причине тесное сотрудничество омбудсмена с силовыми структурами продиктовано необходимостью не только восстановления нарушенных прав граждан, но и предотвращением этих нарушений со стороны правоохранительных органов. Данная цель достигается посредством обмена информацией между соответствующими силовыми структурами и Уполномоченным, совместного приема граждан, участия омбудсмена в

коллегиях, экспертных и координационных советах, посещения омбудсменом пенитенциарных учреждений, отделений полиции и др.

При поступлении к Уполномоченному заявлений от граждан омбудсмен может обращаться в правоохранительные органы за содействием, а в случае жалобы на действия самих правоохранительных структур омбудсмен может беспрепятственно посещать помещения и территории этих органов, встречаться с руководителями сотрудников, подозреваемых в посягательстве на права граждан. Правоохранительные органы, в свою очередь, должны осуществлять содействие Уполномоченному во время проведения им проверки по жалобе. Но это не означает подчиненного положения органов полиции, Росгвардии, ФСИН и других силовых структур по отношению к омбудсмену. Проводя мониторинг прав человека, омбудсмен направляет в адрес правоохранительных органов рекомендации, которые с точки зрения юридической техники не являются актами, обязательными для исполнения. Отсутствие прямой подчиненности исполнительной власти Уполномоченному, свидетельствует о том, что взаимодействуя с правоохранительными органами Уполномоченный осуществляет только надзорные, но не контрольные полномочия.

Достаточно ограничена область взаимодействий омбудсмена с главой государства. Президент России обладает полномочием по представлению в Парламент кандидатур на должность Уполномоченного, однако окончательное решение о назначении остается за нижней палатой парламента. Закон не содержит обязанности омбудсмена предоставлять Президенту отчеты, а осуществляемый им ежегодный доклад, как нами указывалось ранее, носит информативный характер и направляется не только главе государства, но и иным государственным органам. При этом, так же как и с советами при различных силовых ведомствах, Уполномоченный достаточно много контактирует с Советом при Президенте по правам человека, появившимся в результате преобразования созданной в начале девяностых годов прошлого века Комиссии, занимавшейся правами человека.

Статус Уполномоченного в системе государственных органов определяется прежде всего его функциями, заключающимися в обеспечении государственных гарантий защиты и охраны прав граждан всеми иными органами власти. При этом деятельность омбудсмена не отменяет и не изменяет компетенцию правоохранительных органов, а дополняет имеющиеся на данный момент средства защиты прав и свобод. Будучи органом власти, осуществляющим правозащиту, Уполномоченный должен наблюдать за соблюдением прав человека самими органами государственной власти. Данное обстоятельство предопределяет независимость омбудсмена от каких-либо государственных институтов, в противном случае он не сможет объективно и непредвзято выполнять свои функции. Следовательно, Уполномоченный обладает особым статусом и не входит ни в какую ветвь власти.

Не будучи подчиненным и подотчетным никаким государственным органам, Уполномоченный не возвышается ни над какими органами государственной власти и не обладает властно-распорядительными полномочиями в отношении них. Обязанность правоохранительных органов оказывать содействие омбуд-

смену в его деятельности не влечет обязанности беспрекословно следовать его рекомендациям. Отсутствие у омбудсмана полномочий по применению мер государственного принуждения компенсируется авторитетом личности Уполномоченного, его широким взаимодействием с различными институтами государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков, А. В.* Органы прокуратуры как субъект взаимодействия с институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в вопросах защиты права и свобод человека и гражданина / А.В. Ермаков // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации : материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Саранск, 26–27 апреля 2022 года / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Часть 2. – Саранск, 2022. – С. 239-244.
2. *Баглай, М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – М.: Юриспруденция, 2017. – 767 с.
3. *Котляров, С. Б.* Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.
4. *Демидов, М. В.* Парламентский контроль за соблюдением конституционных прав и свобод личности / М.В. Демидов // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 5. – С. 27-29.
5. *Феоктистов, Д. Е.* Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. Наук. – Саратов, 2012. – 224 с.

УДК 34.037

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Декин Дмитрий Васильевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807091@ruc.su

ESTABLISHMENT OF THE OMBUDSMAN IN RUSSIA

Dekin Dmitry Vasilevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Будучи независимым государственным органом, не относящимся ни к какой ветви государственной власти, Уполномоченный осуществляет непредвзятую, объективную защиту каждого гражданина, посредством чего реализуются корреспондирующие ст. 2 Конституции нормы статей 17 и 18 Конституции. Функция защиты прав человека присуща многим органам государственной власти современной России, но для Уполномоченного по правам человека она является смыслообразующей, что, несомненно, придает этому государственному органу особое значение и предопределяет его конституционно-правовой статус.

Ключевые слова: права человека, взаимодействие, право, Уполномоченный по правам человека, правозащитная деятельность, институт защита прав человека.

Being an independent state body that does not belong to any branch of state power, the Commissioner exercises unbiased, objective protection of every citizen, through which the norms of articles

17 and 18 of the Constitution corresponding to Art. 2 of the Constitution are implemented. The function of protecting human rights is inherent in many state authorities of modern Russia, but for the Ombudsman it is meaningful, which undoubtedly gives this state body special importance and predetermines its constitutional and legal status.

Keywords: human rights, interaction, law, Commissioner for Human Rights, human rights activities, institution of human rights protection.

В современном мире, где права и свободы человека стоят на переднем плане, многие страны ввели должность Уполномоченного по правам человека. Эта роль представляет собой ключевой элемент в системе защиты гражданских прав, адаптируясь и развиваясь в ответ на уникальные социальные и политические условия каждого государства. Основная миссия этого института заключается в поддержании принципов справедливости и соблюдения законов в защите прав личности.

Задача учреждения, отвечающего за защиту прав человека, заключается в защите гражданских свобод, обеспечении их восстановления при нарушениях, а также в поддержании эффективного управления государством через выполнение надзорных функций. Создание института Уполномоченного по правам человека направлено на более тесное сотрудничество общества с государством в разрешении возникающих конфликтов, тем самым выравнивая баланс между ними в области защиты прав и свобод граждан, причем уполномоченный не претендует на замену традиционных органов и механизмов контроля и надзора, действующих на территории Российской Федерации [1].

Одна из ключевых функций представителя по правам человека заключается в просветительской деятельности, поскольку незнание своих прав часто приводит к их нарушениям среди граждан. В рамках действующего законодательства РФ, данный представитель обладает возможностью самостоятельно или через уполномоченного делегата обращаться в судебные инстанции за защитой нарушенных прав, включая инициирование административных или уголовных процессов. Кроме того, представитель вправе требовать проверки и пересмотра законных решений через обращение в прокуратуру, вносить протесты и участвовать в процессах на судебных заседаниях.

Институт Уполномоченного в России образовался не беспочвенно – ему предшествовал опыт зарубежных стран, учредивших у себя этот институт раньше Российской Федерации. В этой связи рассмотрение генезиса института омбудсмана в России целесообразнее начать с вопроса его возникновения как явления в мире, так как зарождение института омбудсмана в нашем государстве является следствием общемирового тренда по учреждению институционализированного правозащитного механизма.

Помимо демократического характера государства, как условия появления омбудсмана, для генезиса этого института в России имеет значение какая именно модель института омбудсмана была наиболее подходящей для российского общества.

В научной литературе выделяется три основные модели института омбудсмана: парламентская (классическая), исполнительная (медиаторская) и гибридная (смешанная).

Первая модель, то есть парламентская, возникла в Швеции и характеризуется достаточно широкими полномочиями омбудсмана. В этой модели омбудсмен назначается парламентом и подотчетен только законодательному органу. В полномочия омбудсмана входит контроль не только исполнительной власти, но и судебной, вплоть до выдвижения обвинений в отношении судей и возбуждения дел в Верховном суде. Граждане могут обращаться к омбудсмену напрямую при максимальном упрощении процедуры подачи жалобы. Также омбудсмен вправе действовать и по собственной инициативе, что в совокупности делает его весьма сильным и авторитетным органом.

Вторая модель, исполнительная, характеризуется тем, что омбудсмен назначается органом исполнительной власти и выполняет посреднические функции, то есть является медиатором. Так, во Франции, в соответствии с законом от 1973 года омбудсмен назначается Советом Министров и рассматривает жалобы на работу административных органов. Вместе с тем, омбудсмен не вправе заниматься делами, имевшими разрешение в суде или административном трибунале. При этом процедура обращений граждан к омбудсмену более сложная, чем в первой модели, так как гражданин должен подать жалобу, адресованную омбудсмену через сенатора или депутата Национального собрания, которые решают вопрос о соответствии изложенной в жалобе проблемы компетенции омбудсмана. Помимо урегулирования споров между гражданами и органами государственной власти французский омбудсмен может возбуждать дела против государственных служащих, имеющие дисциплинарный характер, подавать на них в суд, а также ходатайствовать о возбуждении уголовного дела и в случае его возбуждения выступать в суде в качестве обвинителя.

Обе модели несовершенны и характерны для стран развитой демократии. Несовершенство их связано именно с тем, что, будучи моделями первого поколения, они создавались методами проб и ошибок. Для стран постсоветского пространства более характерна третья модель, которая формировалась позже на основе накопленного опыта функционирования омбудсменов в странах, учредивших этот институт раньше других [2].

Смешанная модель омбудсмана предполагает сочетание разных элементов других моделей, а также внесение новых характерных черт. Так, можно наблюдать дифференциацию института омбудсмана, в результате которой появляются специализированные омбудсмены, занимающиеся правами ребенка, предпринимателей и др. По способу осуществления полномочий омбудсмана смешанная модель предполагает как самостоятельное реагирование омбудсмана на выявленное им нарушение прав человека, так и начало разбирательства только на основе поступившей жалобы.

Если классифицировать институты омбудсменов по их правовому статусу и направлениям деятельности, то можно выделить классическую, европейско-континентальную и англо-американскую, сочетающие в себе разные признаки вышерассмотренных моделей. В наиболее чистом виде представлена классическая модель, развитая в Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии и Эстонии. Европейско-континентальная модель характеризуется значительно меньшими властными полномочиями омбудсмана, ограниченностью сферы его деятельно-

сти, а также возможным наличием муниципальных омбудсменов. Для англо-американской модели свойственна парламентская зависимость омбудсменов, достаточно большой объем у них властных полномочий, а также универсализм омбудсменов.

Как нами отмечалось ранее, в СССР институт омбудсмeна не подлежал обсуждению. В конце 1980-х годов, на начальной стадии предпосылок к распаду СССР в Верховном Совете появились первые предложения об учреждении парламентского омбудсмeна. Указанные тенденции и предложения нашли отражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом. В соответствии с этой Декларацией должен был быть учрежден Парламентский омбудсмен, выбираемый Верховным Советом РСФСР на пятилетний срок. Исходя из этой нормы, можем согласиться с М. А. Кудрявцевым в том, что предполагалось создать пост омбудсмeна по парламентской модели. Остается неясным планируемый объем полномочий омбудсмeна, так как их конкретный перечень должен был определяться специальным законом, который в силу обострившегося конституционного кризиса 1992–1993 годов так и не был принят. Последующие исторические события, начавшийся процесс острого противостояния законодательной и исполнительной власти, вопрос об учреждении института Уполномоченного по правам человека был отложен до лучшего времени и развития не получил. В 1993 году ни проект, ни сама Конституция Российской Федерации не содержала норм и упоминаний об омбудсмeне. Была создана Комиссия по правам человека при Президенте РФ. Лишь только впоследствии законодатель исправил этот юридический пробел – в 1994 году Уполномоченным по правам человека стал именно глава выше упомянутой комиссии.

Можем согласиться с судьей Конституционного Суда В. О. Лучиным в том, что признание конституционности данного полномочия Президента России таит в себе угрозу неконституционного присвоения им властных полномочий Федерального Собрания и развития указной практики, основанной на целесообразности и закладывающей основу скрытых полномочий Президента Российской Федерации.

Отметим, что в марте 1995 года С. А. Ковалев выступил с резкой критикой войны в Чеченской Республике, вследствие чего Государственная Дума сняла его с должности. После этого в течение трех лет должность омбудсмeна оставалась вакантной.

Находящийся на рассмотрении Государственной Думы закон об Уполномоченном был принят только в 1996 году. При этом вносимые в процессе разработки закона поправки ужесточили процедуру назначения омбудсмeна, установив, что для утверждения кандидатуры должно быть получено квалифицированное большинство голосов депутатов. Помимо этого, первоначальная редакция закона запрещала омбудсмeну образовывать в субъектах федерации собственные структурные подразделения, а для самих субъектов Федерации не предусматривала возможности создания собственных институтов омбудсменов. Данная норма послужила причиной отклонения этого закона Советом Федерации. После продолжительных консультаций между палатами Федерального Со-

брания уже второй созыв нижней палаты Парламента проголосовал за измененный вариант закона об Уполномоченном, который после его редактирования получил одобрение Советом Федерации и в феврале 1997 г. был подписан Президентом России.

Соответственно, следующие после С. А. Ковалева омбудсмены стали избираться и работать уже на основе специального закона. Трехлетний период отсутствия в России Уполномоченного был прерван избранием Государственной Думой в 1998 году О. О. Миронова. После него омбудсменом становились В. П. Лукин (переизбравшийся на два срока) и Э. А. Памфилова. На данный момент Уполномоченным является Т. Н. Москалькова.

Правозащитная деятельность и ее эффективность напрямую зависят от системы законодательства и механизмов реализации норм права на практическом уровне. Негативное влияние на систему защиты прав граждан оказывает фактор пассивности самих людей, а также правовой нигилизм, который еще остается главным тормозом в эффективном применении правовых норм на практическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков, А. В.* Органы прокуратуры как субъект взаимодействия с институтом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в вопросах защиты права и свобод человека и гражданина / А.В. Ермаков // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации : Материалы Международной научно-практической конференции : в 2 частях, Саранск, 26–27 апреля 2022 года / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Часть 2. – Саранск, 2022. – С. 239-244.

2. *Котляров, С. Б.* Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.

УДК 336.1

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ В СИСТЕМЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Дубинин Михаил Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; st808096@ruc.su

ON THE QUESTION OF THE FUNCTIONING OF PUBLIC FINANCES IN THE SYSTEM OF LEGAL RELATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD in Philosophical, Associate Professor

Dubinin Mikhail Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассмотрены теоретические взгляды на категорию «публичные финансы», определено ее методологическое значение в системе юридических знаний и особенности практической реализации. Проанализирована юридическая ответственность в сфере публичных финансов и природа правовых источников, в частности конституционных основ, раскрывающих особенности правоотношений в сфере публичных финансов.

Ключевые слова: публичные финансы, юридическая ответственность, финансовые правоотношения.

The article examines theoretical views on the category of public finances, defines its methodological significance in the system of legal knowledge and features of practical implementation. It analyzes legal liability in the sphere of public finances and the nature of legal sources, in particular constitutional foundations that reveal the features of legal relations in the sphere of public finances.

Keywords : public finance, legal liability, financial legal relations.

Система правоотношений Российской Федерации представлена целым комплексом общественных отношений, урегулированных нормами права. Особое место в этой взаимосвязанной цепочки правовых норм и событий имеют публичные финансы, под которыми принято понимать фонды денежных средств, участвующих в решении государственных задач.

На сегодняшний день доктринальные положения о понятии и признаках публичных финансов не только сформированы в российской науке, но и разрабатываются зарубежными учеными. Тем не менее целесообразно указать, что проблема публичных финансов по-прежнему остается спорной, поскольку представителями научного сообщества осуществляется поиск построения механизма системы публичных финансов.

Категорию «публичные финансы» общепринято рассматривать с позиции формы (экономический аспект) и с позиции содержания (материальный аспект), что, в свою очередь, позволяет вести речь о следующих отличительных характеристиках публичных финансов [1].

Во-первых, объекты публичных финансов находятся в государственной собственности, муниципальной собственности или общей собственности граждан.

Во-вторых, публичные финансы возникают в целях удовлетворения потребностей государства и общества в целом.

В-третьих, объекты публичных финансов возникают в связи с их использованием либо всеми членами общества, либо членами общественного (публичного) образования.

В-четвертых, регулирование публичных финансов осуществляется путем установления государством властных предписаний.

Исходя из характерных черт публичных финансов, представляется возможным сформулировать их определение. Так, под публичными финансами следует понимать систему общественных отношений, возникающих в связи с управлением (распределением, перераспределением и использованием) государственных средств, независимо от формы собственности, направленных на удовлетворение общественных благ и интересов.

Здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что в контексте публичных финансов управление складывается из таких действий, как распределение, перераспределение и использование.

Кроме того, удовлетворение общественных благ и интересов в первую очередь связано с процессом удовлетворения государственных интересов в сфере финансов. Государственный интерес формируется по двухуровневой системе: общественный интерес, осуществляемый органами государственной власти, и территориальный интерес, осуществляемый местными органами власти (органами власти местного самоуправления).

Перечень данных правоотношений очень широк и связан с конституционным, бюджетным, налоговым, кредитным, страховым, валютным и другим законодательством. В целом можно сказать, что это особые правовые институты, объединенные группой правовых актов, обслуживающих отдельные подотрасли финансового права.

Отметим, что основой развития публичных финансов являются конституционные основы, которые определяют статус финансового законодательства. Положения основного закона дают возможность современным исследователям выделить основные принципы развития финансовых правоотношений:

- приоритет Конституции РФ;
- соразмерность и посильность финансового бремени для субъектов;
- недопустимость установления обязанностей, нарушающих конституционные права граждан;
- защита прав субъектов, всеми способами установленными Конституцией РФ.

Историческое значение Конституций подтверждает то обстоятельство, что «в Конституциях СССР и РСФСР, принятых ранее, имелись посвященные вопросам бюджетного и налогового регулирования разделы или главы. Так, в первой Конституции РСФСР, принятой 10.07.1918, был раздел «Бюджетное право», в котором закреплялось положение об уплате государственных и местных налогов в казначейство, а также имелись статьи, определяющие финансовую политику. Во второй Конституции РСФСР от 11.05.1925 была также выделена глава «О бюджетном праве», в соответствии с которой распределение доходов и расходов, собираемых на территории РСФСР, относилось к ведению общесоюзного законодательства. Третья Конституция РСФСР от 21.01.1937 и четвертая Конституция от 12.04.1978 также имели включающие нормы бюджетного законодательства главы [2].

«В РФ Конституционным Судом была выработана научно-обоснованная концепция по совершенствованию законодательства в сфере налогообложения. Такая концепция основывается в том числе на предназначении налогового права, определяющего пределы государственного вмешательства в частные интересы различных лиц. С точки зрения Конституции РФ, Конституционный суд, корректируя и направляя государственную бюджетно-налоговую политику, осуществляет фактически конституционализацию налогового законодательства. Данная цель обозначается при решении любого налогового спора, заложена в каждой правовой позиции Конституционного Суда РФ» [3].

Публичные финансы – устойчивая методологическая характеристика, на развитие которой оказывают существенное влияние все сферы общественного развития. Связано это с тем что рассматриваемые правоотношения, в которых они

развиваются охватывают широкий круг субъектного взаимодействия. Это позволяет нам предположить, что данные правоотношения будут иметь свою специфику в зависимости от сферы, в которой они развиваются, так, например, налоговое администрирование будет иметь свои отличия от иных сфер финансово-правового взаимодействия, например контрактной системы или государственного страхования. Кроме того, действие публичных финансов является социально-правовым механизмом, с помощью которого государство реализует свои задачи, предоставляя льготы, социальные налоговые вычеты и иные программы поддержки субъектов финансовых правоотношений. Исследования, посвященные финансовым правоотношениям, в зависимости от сферы влияния являются относительно новыми в юридической науке.

Особый статус данной категории наделяет юридическую ответственность в сфере публичных финансов некоторыми особенностями.

В доктрине права существует мнение, согласно которому «за нарушение законодательства в сфере публичных финансов наступает самостоятельный вид юридической ответственности, а именно – финансовая ответственность, которая рассматривается как обязанность виновного подвергнуться наказанию, осуществляемая в охранительном правоотношении финансовой ответственности» [4].

Подобную точку зрения высказывают и специалисты в области финансового права, утверждая, что «за нарушение финансово-правовых норм наступает особый вид юридической ответственности, под которой понимается нормативная, формально-определенная, гарантированная и обеспеченная финансово-правовым принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность субъектов правоотношений по соблюдению предписаний норм права, реализующаяся в правомерном поведении, предполагающем одобрение или поощрение со стороны государства, а в случае совершения правонарушения – обязанность правонарушителя подвергнуться наказанию и ограничениям имущественного или личного неимущественного характера, которая осуществляется в охранительном правоотношении ответственности».

По нашему мнению, с соответствующими взглядами не представляется возможным согласиться ввиду нескольких обстоятельств.

Во-первых, согласно теории права общепринято выделять только пять видов юридической ответственности (гражданско-правовая, материальная, дисциплинарная, административная и уголовная), в перечень которых не входит финансовая ответственность. За нарушение финансового законодательства наступает либо административная, либо уголовная ответственность; также не исключается, хотя и весьма редко, наступление гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, даже если признать факт существования финансовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, очень сложно определить подвиды ответственности в связи с тем, что сюда входят бюджетный, налоговые, страховые, валютные и другие виды правоотношений.

Далее целесообразно указать на основные цели, которые преследует государство в процессе привлечения правонарушителей, допустивших нарушение финансового законодательства, к юридической ответственности:

«1) обеспечение исполнения субъектами финансовых правоотношений законодательства;

2) привлечение к юридической ответственности субъекта публичных правоотношений;

3) защита имущественных прав и интересов субъектов правоотношений» [5].

Юридическая ответственность является результатом нарушения законодательства, допущенного в процессе осуществления финансовых правоотношений. В этой связи представляется целесообразным сделать вывод о том, что ответственность за нарушение финансового законодательства – это форма государственного принуждения, применяемая к субъектам публичных правоотношений в целях соблюдения ими правовых предписаний в сфере финансового законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачева, Е. Ю. Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики: монография. Москва, 2020. С. 152.

2. Воронина, Н. Б. Конституционное регулирование налоговых правоотношений на современном этапе налогообложения / Н. Б. Воронина, В. А. Бабанин. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 12.10.2024)

3. Волконский, В. Д. Конституционные основы налоговых правоотношений современной России // Академическая публицистика. 2023. № 10-2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?> (дата обращения: 16. 10. 2024)

4. Рукавишников, И. В. Финансовое право : учебник. 3-е изд. Москва, 2021. С. 237.

5. Шичанин М. А. Понятие и виды ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Законы России : опыт, аналитика, практика, 2019. № 6. С. 92.

УДК 351.74

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Вандышев Алексей Геннадьевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail:ozamotaeva@ruc.su; alexey.vandeshev@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF INTERNAL AFFAIRS

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Vandyshev Alexey Gennadievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы реформ, направленных на повышение эффективности и профессионализма, а также внедрение современных технологий в работу полиции и других подразделений. Особое внимание уделяется аспектам профилактики преступности, межве-

домственному взаимодействию и обеспечению прав и свобод граждан. В статье также поднимаются вопросы кадровой политики и обучения сотрудников, а также необходимости законодательных улучшений для решения существующих проблем.

Ключевые слова: государственное управление, органы внутренних дел, система, полиция, правоохранительные органы.

The article discusses the issues of reforms aimed at improving efficiency and professionalism, as well as the introduction of modern technologies into the work of the police and other departments. Special attention is paid to the aspects of crime prevention, interdepartmental cooperation and ensuring the rights and freedoms of citizens. The article also raises issues of personnel policy and employee training, as well as the need for legislative improvements to solve existing problems.

Keywords: public administration, internal affairs agencies, system, police, law enforcement agencies.

В современном обществе наблюдается острая потребность в структурировании общественных отношений, что становится ключевой задачей в юридической сфере. Основная цель правовой регуляции – это создание и поддержка надлежащего порядка в обществе. Как сложная социальная система, государство регулирует социальные процессы посредством правоохранительных органов, что делает исследования в области государственного управления и работы системы органов внутренних дел Российской Федерации особенно значимыми и своевременными.

Правовая регламентация функций и задач в системе государственного управления играет критическую роль, обеспечивая четкое определение и разграничение обязанностей между разными уровнями и структурами государственного аппарата. Это способствует предотвращению смешения и повторения функций, а также усиливает ответственность каждого звена в этой системе.

Правовое регулирование также укрепляет систему контроля и надзора, обеспечивая каждому органу четко определенные полномочия и ответственность перед вышестоящими структурами или общественностью. Это увеличивает прозрачность и открытость в действиях государственных органов, способствует эффективному использованию ресурсов и предотвращает злоупотребления.

Д. Д. Лаптев считает, что правовая регламентация является основополагающим элементом в стратегии развития государственного управления [5, с. 305]. Благодаря четкому распределению функций и полномочий между различными органами, возможно не только повышение эффективности работы, но и обеспечение государственной безопасности и социальной стабильности. Особенно важно это в условиях современных вызовов и глобальных угроз. Это мнение подчеркивает значимость правовой регламентации в создании устойчивой и функционально эффективной системы государственного управления.

Изучение моделей управления в системе органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации имеет ключевое значение для понимания эффективности работы правоохранительных органов. Это исследование позволяет не только оценить сильные стороны, но и выявить существующие проблемы в организации и функционировании этих структур, предлагая на их основе рекомендации и меры для улучшения системы.

Анализ управленческих моделей в ОВД способствует определению наиболее

эффективных подходов к управлению, разработке стратегий и процессам принятия решений в сфере правоохранительной деятельности. Ключевыми аспектами этого анализа являются изучение структуры и компетенций правоохранительных органов, их взаимодействие с другими государственными структурами и общественностью, а также интеграция современных технологий и инновационных решений. Подобный подход не только укрепляет функциональность правоохранительной системы, но и способствует её адаптации к текущим и будущим вызовам, обеспечивая более высокий уровень общественной безопасности и порядка.

Государственное управление – это комплексное понятие, к которому применяются разнообразные теоретические подходы. А. А. Биктагирова определяет его как действие государства, направленное на структурирование, поддержку или модификацию различных аспектов общественной и индивидуальной жизни [4, с. 27]. Это действие происходит через органы государства и осуществляется на основе его властных полномочий.

Д. О. Усиченко видит государственное управление как процесс реализации законодательных, исполнительных, судебных и других функций власти [8, с. 187]. Этот процесс нацелен на эффективное выполнение указанных функций как на уровне всего государства, так и в контексте его отдельных социальных секторов.

Согласно современным концепциям государственного управления в России, оно представляет собой комплексную деятельность властных органов, направленную на удовлетворение потребностей и защиту интересов общества. Особенностью государственного управления в России является наличие уникальных черт, связанных с особенностями национальной властной структуры.

Согласно статье 3 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», государственное управление в России определяется как целенаправленная деятельность органов государственной власти [1]. Эта деятельность фокусируется на исполнении законодательно установленных полномочий в сферах социально-экономического развития страны и поддержания национальной безопасности. Такой подход подчеркивает стратегическую направленность управленческой деятельности, нацеленной на достижение долгосрочных целей государства.

Министерство внутренних дел Российской Федерации является ключевым элементом этой системы. Оно представляет собой единую централизованную структуру, состоящую из различных органов внутренних дел, включая полицию и другие специализированные подразделения. Основная задача МВД России заключается в реализации полномочий, направленных на обеспечение общественного порядка и борьбу с преступностью. Эти функции исключительно важны для укрепления законности и правопорядка, что является основой для стабильного социально-экономического развития страны и обеспечения её национальной безопасности. Таким образом, деятельность МВД России интегрирована в более широкую стратегию государственного управления и способствует выполнению стратегических целей государства.

Сегодня активно продолжается процесс реформирования системы органов

внутренних дел, направленный на повышение эффективности их деятельности в сфере правопорядка. Исследование эффективности выполнения правоохранительных функций государства является ключевым вопросом в теории государства и права, так как основные права и свободы человека и гражданина признаны наивысшей ценностью в Российской Федерации. Органы внутренних дел играют центральную роль в реализации этих функций, обеспечивая взаимодействие с обществом и соблюдение законности. На эту тему высказался Д. О. Усиченко, который подчеркивает, что «реформа органов внутренних дел необходима не только для повышения их оперативной эффективности, но и для укрепления доверия населения к полиции, что является основой для построения правового государства, где гарантированы защита прав и свобод каждого гражданина».

Законодательный акт Федерального закона № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 года «О полиции» стал ключевым моментом в реформировании правоохранительных органов [2]. Этот закон не только заменил название милиции на полицию, но и значительно усилил административно-правовой статус данного органа, расширив его функции и улучшив структуру для более эффективной работы.

Министерство внутренних дел России управляет централизованной системой, объединяющей полицейские подразделения и другие службы, отвечающие за осуществление его полномочий. Проведенная реформа полиции, урегулированная законодательством, целилась в усиление защиты гражданских прав, борьбу с преступностью и обеспечение общественной безопасности, привнесла изменения в организационную структуру и методы работы полиции. Это включало обновление системы управления, усиление правовых гарантий для граждан и повышение квалификации полицейских. В дополнение закон укрепил связь между полицией и общественностью и расширил контроль над ее деятельностью через государственные и общественные институты, способствуя прозрачности работы системы.

В соответствии с указом Президента РФ от 21 декабря 2016 года № 699 Министерство формирует единую структуру, в которой все подразделения, включая полицейские силы, работают для исполнения законодательно установленных задач и целей. Подразделения МВД работают в рамках государственного порядка, соблюдая принципы централизации и единства командования [3].

В сфере внутренней политики и обеспечения порядка государственное управление выполняет ключевые функции, обеспечивая закон и правопорядок на пространствах страны. Работа в этой области, которую координирует Министерство внутренних дел РФ, существенно влияет на укрепление общественной стабильности и экономического прогресса.

В частности, среди приоритетных направлений деятельности можно выделить следующие:

- Формирование и реализация ведомственной стратегии: Эта задача предполагает выработку и внедрение планов и инициатив, нацеленных на повышение уровня жизни и обеспечение безопасности населения. Главная миссия здесь заключается в создании надежной защиты граждан от различных угроз.

- Управление нормотворчеством: Важная роль отводится созданию и внед-

рению законодательных актов, которые регулируют функционирование системы внутренних дел. Это служит основой для соблюдения прав и свобод граждан, а также их правопорядка.

– Реализация федерального законодательства: В компетенцию входит осуществление надзора за эффективным действием законов, что обеспечивает их согласованную и действенную реализацию на территории всей страны.

– В рамках повседневной деятельности органов внутренних дел ключевыми аспектами являются защита прав и свобод населения, а также профилактика преступности и поддержка стабильного общественного порядка. Эти задачи направлены на предотвращение законных нарушений, обеспечение безопасности людей и поддержание гармонии в обществе.

– Организационно-административная работа МВД включает управление и координацию действий всех подразделений ведомства, направленных на укрепление внутренней структуры, совершенствование взаимодействия и повышение квалификации сотрудников. Осуществление этих мер способствует более эффективной и слаженной работе системы внутренних дел.

– Забота о сотрудниках МВД и их семьях составляет отдельную важную область в работе ведомства. Предусматривается не только правовая, но и социальная поддержка: от установления законных гарантий до создания благоприятных условий для социальной безопасности. Это поддерживает мотивацию тех, кто день за днем стоит на страже закона [5].

Таким образом, государственное управление в сфере внутренних дел охватывает комплекс мер, направленных на создание безопасной и стабильной среды для жизни каждого гражданина, обеспечивая при этом правопорядок и законность в обществе.

В области теории управления контроль можно рассматривать как многофункциональную систему и динамичный процесс. В качестве системы контроль является интегральной частью управленческой структуры, объединяющей разнообразные элементы: от установления стандартов и критериев до сбора и анализа данных, сопоставления реальных результатов с заранее определенными нормами, выявления несоответствий и внедрения корректирующих действий. Эти компоненты взаимосвязаны и создают сложную систему контроля, направленную на эффективное управление и достижение целей.

Как процесс управленческий контроль представляет собой цепочку действий, направленных на проверку и соблюдение стандартов и целей организации. Этот процесс включает в себя определение ключевых показателей, сбор и анализ информации, оценку результатов, обнаружение отклонений и разработку мероприятий для их исправления.

А. А. Биктагирова подчеркивает, что процесс контроля не только обеспечивает необходимую обратную связь, но и дает руководителям информационную базу для принятия обоснованных управленческих решений, что крайне важно для улучшения общей производительности организации. Такое мнение подчеркивает значимость контрольного механизма в структуре современного управления, где каждый шаг контроля способствует оптимизации работы и достижению стратегических организационных задач.

Управление органами внутренних дел в современной России отмечается высоким уровнем профессионализма и эффективности, а также активным внедрением современных технологий и инноваций. Особое внимание уделяется цифровизации и использованию информационных систем, что способствует улучшению оперативности и качества деятельности правоохранительных органов. Тем не менее в процессе внедрения технологий возникают определённые проблемы, которые можно классифицировать на организационные и технические.

Организационные проблемы включают в себя недостаток компетенций у некоторых сотрудников, низкий уровень цифровой грамотности, отсутствие готовности к организационным изменениям, необходимость адаптации должностных регламентов и локальных нормативных актов, а также сложности с созданием новых алгоритмов работы и оформлением справочников и данных в автоматизированных системах [6, с. 105].

Технические трудности включают неточности в технических заданиях, недочёты в реализации информационных систем, несоответствие компьютерного оборудования установленным техническим нормам, проблемы в обслуживании и поддержке систем, а также риски, связанные с нелегальным доступом.

Ключевым аспектом деятельности органов внутренних дел является профилактика преступлений, что включает в себя использование аналитических данных и моделей прогнозирования. Это способствует не только оперативному реагированию на инциденты, но и их предупреждению. Кроме того, современные методы управления укрепляют сотрудничество с другими государственными органами и международными организациями, повышая тем самым общую эффективность в борьбе с преступностью и уровень безопасности граждан.

Параллельно проводится значительная работа по укреплению кадрового потенциала в сфере внутренних дел. Постоянное профессиональное развитие и повышение квалификации сотрудников критически важны для поддержания их компетентности и эффективности действий. Одновременно остаются актуальными вопросы юридического регулирования условий службы, особенно когда речь идет о сочетании административного и трудового права. Эксперты подчеркивают необходимость создания федерального закона, который бы устранил пробелы в нормативных актах и трудовом законодательстве, регулирующих условия работы в органах внутренних дел, для обеспечения правовой ясности и справедливости.

В заключение следует отметить, что государственное управление в сфере внутренних дел занимает ключевую роль в поддержании национальной безопасности и правопорядка. Произведенные реформы, нацеленные на модернизацию и централизацию, заметно улучшили эффективность деятельности этих органов. В будущем важно сосредоточить усилия на совершенствовании законодательства, профессиональном обучении работников и укреплении общественного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. – 2014 г. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

2. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
3. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 // СЗ РФ. – 2016. – № 52. – Ст. 7614.
4. Биктагирова, А. А. Некоторые особенности государственной гражданской службы и службы в органах внутренних дел / А. А. Биктагирова // Юридическая гносеология. – 2023. – № 1. – С. 26-30.
5. Лаптев, Д. Д. Проблемы государственного управления в сфере внутренних дел: тезисно-аналитический обзор / Д. Д. Лаптев // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 11(74). – С. 302-307.
6. Рыбалкина, Т. С. Управление в сфере внутренних дел в системе государственного управления / Т. С. Рыбалкина, А. М. Коровин // Молодой ученый. – 2023. – № 9(456). – С. 289-292.
7. Суинов, Л. Р. Оптимизация организационного механизма государственного управления в сфере внутренних дел / Л. Р. Суинов // NovaUm.Ru. – 2023. – № 46. – С. 104-107.
8. Усиченко, Д. О. К вопросу об организации государственного управления в сфере внутренних дел / Д. О. Усиченко // NovaUm.Ru. – 2023. – № 46. – С. 186-188.

УДК 342.5

**ЗНАЧЕНИЕ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРЫ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент

Вандышев Алексей Геннадьевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail:ozamotaeva@ruc.su; alexey.vandeshev@mail.ru

**PUBLIC ADMINISTRATION AND CONTROL OF SPENDING
OF FEDERAL BUDGET FUNDS IN THE SYSTEM
OF THE MIA OF RUSSIA**

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Vandyshev Alexey Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность данной темы исследования заключается в анализе эффективности государственного управления бюджетными расходами Российской Федерации в области внутренних дел. Рациональное и целенаправленное использование финансовых ресурсов является основой для успешного функционирования экономики любой страны. Снижение числа финансовых правонарушений в системе МВД России способствует более эффективному использованию бюджетных средств. Поэтому контроль государства за соблюдением финансовых стандартов в органах внутренних дел имеет ключевое значение для повышения благосостояния страны.

Ключевые слова: контрольно-ревизионное управление, внутренний финансовый контроль, эффективность использования бюджетных средств, аудит.

The relevance of this research topic lies in the analysis of the effectiveness of state management of budget expenditures of the Russian Federation in the field of internal affairs. Rational and targeted use of financial resources is the basis for the successful functioning of the economy of any country. Reducing the number of financial offenses in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia contributes to more efficient use of budget funds. Therefore, state control over compliance with financial standards in the internal affairs agencies is of key importance for improving the welfare of the country's economy.

Keywords: control and audit department, internal financial control, efficiency of use of budget funds, audit.

Государственное управление и контроль финансовых ресурсов в сфере внутренних дел неразрывно связано с проведением ревизий подведомственных учреждений МВД. Государственный контроль за условиями работы в МВД предназначен для предотвращения правонарушений, защиты прав сотрудников, а также оптимизации работы ведомства. Для выполнения этих задач государству требуются специализированные органы. 28 апреля 1986 г. в СССР была создана Контрольно-ревизионная служба МВД. В настоящее время Контрольно-ревизионное управление МВД РФ отвечает за регулярные проверки на законность и эффективность использования бюджетных средств. Для выполнения своих задач государству необходимо наличие специализированных органов управления.

Для формирования оценки эффективности работы органов и подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации, 28 апреля 1986 года была создана Контрольно-ревизионная служба МВД России. В 1992 году эта служба была выделена в самостоятельное структурное подразделение, подчинённое центральному аппарату МВД России. Контрольно-ревизионное управление МВД России (далее – КРУ МВД) проводит регулярные проверки функционирования органов МВД, оценивая легитимность, эффективность и обоснованность принимаемых решений. В соответствии с основными положениями Приказа МВД России от 18 июля 2011 года № 844 «Об утверждении положения о контрольно-ревизионном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации», ключевая задача аудиторских мероприятий, проводимых КРУ МВД России и его подразделениями, заключается в обеспечении рационального и целевого использования средств федерального бюджета [2]. Эти мероприятия нацелены на проверку достоверности бюджетной отчетности, а также на контроль исполнения предписаний органов МВД России. Подразделения КРУ МВД России играют значимую роль в установлении и реализации финансового контроля в стране, включая оценку законности и целесообразности расходования государственных материальных ресурсов [3, с. 8].

Результаты проверок, проводимых Контрольным управлением МВД России, заключаются в разработке рекомендаций и предложений, направленных на улучшение условий труда в организации, устранение выявленных проблем и оптимизацию показателей рационального, целевого и эффективного расходования бюджетных средств в соответствии с нормами статьи 270.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) [1]. Этот процесс охватывает обеспечение экономного и рационального использования финансов, правиль-

ность ведения бюджетной отчетности, а также повышение эффективности внутреннего финансового контроля в структурах и учреждениях системы МВД России. В дополнение к этому особое внимание уделяется мониторингу исполнения вышеуказанных рекомендаций.

В последние годы возросло значение контрольно-ревизионных проверок, что является результатом ужесточения норм соблюдения законодательства в разных секторах. Анализируя статистику из «Обзора основных нарушений в финансово-хозяйственной деятельности органов и подразделений системы МВД России, выявленных ревизиями и проверками КРУ МВД России» за 2021–2023 гг., можно заметить, что количество проведенных проверок возросло. Например, в 2021 г. было проведено всего 3 ревизии в системе МВД России, тогда как в 2023 г. их число достигло 89. Это возрастание числа проверок косвенно способствует стабилизации расходов на необоснованное и неэффективное использование финансовых средств и материальных активов в МВД России. Так, в 2021 году ущерб от выявленных нарушений составил 719,7 млн рублей, в 2022 г. – более 1,1 млрд рублей, а в 2023 г. – 783,3 млн рублей. Наблюдается положительная тенденция к сокращению нецелевых расходов – с 2,1 млрд рублей в 2021 г. до 642,4 млн рублей в 2023 г.

На первом месте по объему нецелесообразных и неэффективных расходов продолжают находиться затраты на оплату труда и различные выплаты персоналу. Эти расходы составляют около 36–35 % в 2021–2022 гг. На втором месте по величине затрат на различные нарушения располагаются расходы на капитальный ремонт и строительство. Ежегодные расходы на нарушения в данной сфере составляют приблизительно 25 % от общего объема ущерба по различным категориям затрат с падением этого показателя до 15 % в 2022 г. и восстановлением его до нормального уровня в 2023 г. Третью позицию по числу необоснованных и неэффективных трат занимают затраты на приобретение товаров, работ и услуг. Тем не менее данный показатель также снизился с 13 % в 2021 и 2022 г. до 11 % в 2023 г.

Качественная работа контрольно-ревизионных подразделений позволила своевременно выявить значимые риски и принять меры к их минимизации. Однако результаты проведенных мероприятий, включая ведомственный финансовый контроль, в частности в отношении выявленных случаев нецелевого использования и неэффективного расходования бюджетных средств, а также нарушений единой методологии бюджетного учета, указывают на необходимость дальнейшего улучшения профилактической работы. Это важно для повышения качества финансового управления и эффективности внутреннего финансового контроля в рамках проведения финансового аудита.

Анализ современных механизмов повышения эффективности контрольно-ревизионных проверок в рамках Министерства внутренних дел России требует всестороннего подхода и учета ряда ключевых факторов. Прежде всего необходимо внедрение современных информационных технологий, способствующих автоматизации процессов сбора и обработки данных. Это позволит существенно ускорить диагностику и анализ деятельности субъектов проверок, а также минимизировать риск человеческого фактора. Важным аспектом является раз-

витие системы подготовки кадров, нацеленной на углубленное изучение методик анализа и оценки рисков [4, с. 47]. Организация специализированных тренингов и семинаров поможет сотрудникам МВД освоить новейшие техники управления и контроля материальных ресурсов государства, что, в свою очередь, повысит качество и результаты проверок.

Кроме того, следует обратить внимание на межведомственное сотрудничество. Создание единой базы данных, объединяющей информацию различных государственных структур, позволит оперативно получать полные сведения о проверяемых объектах, что повысит степень информированности и результативность проверок. Это означает, что системный подход к совершенствованию контрольно-ревизионных мероприятий не только обеспечит повышение их эффективности, но и упрочит доверие граждан к органам внутренних дел [5, с. 184].

Таким образом, КРУ МВД России играет ключевую роль в системе обеспечения общественного порядка и безопасности в стране. Это специализированное образование отвечает за мониторинг, анализ и оценку работы различных подразделений МВД, а также за реализацию эффективных мер противодействия правонарушениям и коррупции. Роль КРУ МВД России выходит за рамки внутреннего контроля; оно затрагивает аспекты национальной безопасности, что позволяет своевременно выявлять и пресекать преступные схемы, а также коррупционные действия внутри самой структуры. Подразделение проводит глубокие проверки и специальные операции, что способствует повышению прозрачности и укреплению доверия к органам внутренних дел.

Современные тенденции методик проведения ведомственного финансового контроля требуют от КРУ МВД России активно использовать новейшие технологии и методы анализа данных. Это позволяет не только повысить эффективность работы, но и адаптироваться к изменяющимся условиям в обществе. Таким образом, КРУ МВД России, кроме своих регулирующих задач, также начинает выполнять функции стратегического планирования. Это включает разработку новых методов управления правопорядком и оптимизацию финансовой деятельности в системе органов внутренних дел Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федер. закон : [принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. № 145-ФЗ : в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
2. Приказ МВД России // Документы Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2011. – № 844.
3. Гаджиев, Н. Г. Роль контрольно-ревизионных подразделений в системе экономической безопасности органов и подразделений МВД России / Н. Г. Гаджиев, С. В. Громов, Р. А. Корнилович, С. А. Коноваленко, М. Н. Трофимов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. – 2022. – Т. 37. – № 2. – С. 7–15.
4. Самолысов, П. В. Экономические и правовые риски в сфере закупок для нужд органов внутренних дел Российской Федерации / П. В. Самолысов, А. А. Цвилий-Букланова, С. Н. Белова // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 41–51.
5. Усольцева, Я. С. Специфика коррупционных рисков и их профилактические меры в деятельности госорганов / Я. С. Усольцева // Социология. – 2023. – № 3. – С. 183–187.

**АДМИНИСТРАТИВНО-РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Замотаева Ольга Николаевна,

кандидат философских наук, доцент

Мелешина Анастасия Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail:ozamotaeva@ruc.su; st808903@ruc.su

**ADMINISTRATIVE PERMITTING ACTIVITIES AS A
MECHANISM OF STATE ADMINISTRATION**

Olga Nikolaevna Zamotaeva, PhD (Philosophy), Associate Professor

Meleshina Anastasia Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Административно-разрешительная деятельность играет важную роль в современной системе государственного регулирования. Данный механизм позволяет государству эффективно контролировать и производить управление различными сферами общественной жизни. В данной статье рассмотрена сущность и особенности административно-разрешительной деятельности и ее роль в обеспечении стабильного и развития общества.

Ключевые слова: разрешительная деятельность, правовое регулирование, законодательство, форма разрешения.

Administrative and licensing activities play an important role in the modern system of state regulation. This mechanism allows the State to effectively control and manage various spheres of public life. This article examines the essence and features of administrative and licensing activities, as well as its role in ensuring the stability and development of society.

Keywords: permissive activity, legal regulation, legislation, form of authorization.

Система государственного управления представляет сложный комплекс общественных отношений, опирающийся на систему нормативно-правовых актов и сложившиеся механизмы правового воздействия. Одним из таких механизмов является административно-разрешительная деятельность.

Административно-разрешительная деятельность включает в себя совокупность мероприятий, осуществляемых органами государственной власти по нижеперечисленным направлениям: выдача лицензий; выдача разрешений и сертификатов; фиксация прав на совершение значимых юридических действий и иные действия, разрешающие и легализующие деятельность в особых сферах общественного воспроизводства.

Лицензионно-разрешительная деятельность направлена на обеспечение соблюдения законодательства, защиту общественных интересов и предотвращение всевозможных угроз общественного здоровья граждан и их безопасности, реализацию фискальных функций государства. Кроме того, посредством выстраивания правоотношений внутри лицензионно-разрешительной деятельности государство реализует социальную функцию через систему льгот и обще-

ственных послаблений. При расширенном анализе системы разрешительной деятельности в России выявлены двадцать две различные формы разрешений.

Их приятно делить на две большие группы:

1. Типовые формы разрешительной деятельности:

- лицензирование;
- государственная регистрация, имеющая разрешительный характер;
- государственная аккредитация;
- государственная аттестация;
- выдача разрешений;
- согласование отдельных действий или официальных документов;
- государственная сертификация;
- ведение государственных учетов, обладающих разрешительным статусом;
- проведение государственной экспертизы, имеющей разрешительное значение.

2. Нетиповые (иные) формы разрешительной деятельности:

- выдача заключений;
- выдача свидетельств, заключений, удостоверений и иных документов;
- выдача дипломов, допусков;
- различная классификация;
- предоставление прав или полномочий;
- установление или утверждение различных нормативов;
- определение лиц;
- освидетельствование;
- паспортизация;
- признание или подтверждение;
- принятие решения;
- присвоение;
- утверждение;
- иные разрешительные процедуры (опробирование или клеймение, технический осмотр, установление маршрута, распределение квот) [1].

Реализация разрешительных режимов осуществляется посредством проведения разрешительных процедур, которые можно определить как совокупность административных мероприятий, выполняемых государственными органами по запросам физических и юридических лиц с целью получения определенного разрешения. Эти процедуры образуют разрешительное производство. В настоящий период времени в законодательстве Российской Федерации отсутствуют определения всех разрешительных режимов, за исключением лицензирования, которое определено в Федеральном законе от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». По этой причине первичный подсчет количества видов разрешений, относящихся к каждому разрешительному режиму, проводился исключительно на основе их наименований. В результате инвентаризации федерального законодательства было выявлено 541 вид разрешений, включая 465 типовых и 76 нетиповых [2].

Роль административно-разрешительной деятельности в государственном регулировании охватывает несколько важных аспектов:

1. Контроль за соблюдением законодательства.

Данная функция позволяет государству не только устанавливать правила, но и следить за их исполнением. Административно-разрешительная деятельность обеспечивает механизм контроля, который позволяет государству реагировать на нарушения законодательства в сферах экономики и общественной жизни.

2. Обеспечение качества продукции и услуг.

Посредством выдачи сертификатов и лицензий государство гарантирует, что товары и услуги соответствуют установленным стандартам качества. Данная процедура помимо защиты интересов потребителей способствует развитию конкурентоспособного рынка, где качество продукции и услуг является ключевым показателем.

3. Регулирование рынков.

Государство устанавливает определенные правила работы на рынке, которые направлены на предотвращение монополизации и недобросовестной конкуренции. Это способствует эффективному и справедливому функционированию рыночных отношений, обеспечивая равные условия для всех участников рынка.

4. Защита окружающей среды и здоровья населения.

Государственный контроль за выдачей разрешений на эксплуатацию опасных производств и соблюдением экологических стандартов играет ключевую роль в предотвращении загрязнения окружающей среды и защите здоровья граждан. Это необходимо для создания здоровой и безопасной среды проживания и обеспечения устойчивого развития общества [3].

Административно-разрешительная деятельность является неотъемлемой частью государственного регулирования и играет важную роль в обеспечении стабильности и развития общества. Ее правильная организация и эффективное функционирование способствуют созданию благоприятного правового и экономического климата в стране.

Разрешительная система РФ охватывает два направления деятельности:

Осуществление государственного надзора, направленного на проверку соблюдения всех пунктов, на которые данные разрешения были выданы и соответственно выдачу разнообразных разрешений.

Процесс выдачи необходимых разрешений включает в себя множество различных аспектов:

1. Предоставление непосредственного и предварительного разрешения на осуществление необходимых действий физическими и юридическими лицами.

2. Включение запрета на проведение различной деятельности при отсутствии прохождения физическими и юридическими лицами установленных законодательством необходимых административных процедур.

3. Вынесение предписаний органами государственной власти юридическим или физическим лицам, тем самым обеспечивая соблюдение законности в деятельности.

К сфере, связанной с выдачей различных разрешений, не относятся функции органов исполнительной власти, которые направлены на экономическое воздействие в регулируемых областях. Примеры такой деятельности включают в себя:

- оказание поддержки различным предприятиям и отраслям;
- размещение государственного заказа;
- приватизация государственной (муниципальной) собственности;
- осуществление государственного предпринимательства, включая государственно-частное партнёрство;
- распоряжение государственными ресурсами и общественным имуществом.

Иными словами, деятельность органов государственной власти, направленная на предоставление в использование государственного имущества, не относится к полномочиям по выдаче разрешений.

Таким образом, рассматриваемый вид деятельности является важным элементом централизованного управления в реализации направлений, которые ориентированы на контрольную, социальную, фискальную, международную деятельность государства. В субъектном отношении административно-разрешительная деятельность представлена межведомственным взаимодействием, осуществляется на всех уровнях власти и имеет специфику реализации в зависимости от сферы реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов А. А. «Управленческое право. Административное право». – Москва : Юрайт, 2020. – 448 с.
2. Бабанский Ю. К. Административное право Российской Федерации : учебник. – Москва : Проспект, 2020. – 384 с.
3. Ткачева Ю. А. Курс административного права. – Москва : Норма, 2020. – 480 с.

УДК 34.096

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Зиганшин Ислам Ильясович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807092@ruc.su

PUBLIC LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Ziganshin Islam Ilyasovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Вопросы обеспечения безопасности и устойчивости сети Интернет на территории РФ вполне можно отнести к понятию «Технологический суверенитет», так как его функционирование является важной, если не критической частью деятельности государственных органов, банковской системы, государственных корпораций и иных субъектов экономической деятельности.

Ключевые слова: суверенитет, технологический суверенитет, государственная власть, государство, правовое регулирование.

The issues of ensuring the security and stability of the Internet on the territory of the Russian Federation may well relate to the concept of "technological sovereignty," since its functioning is an important, if not critical part of the activities of state bodies, the banking system, state corporations and other economic entities.

Keywords: sovereignty, technological sovereignty, state power, state, legal regulation.

В целом, говоря о способах достижения «технологического суверенитета», необходимо отметить, что если понимать данное понятие в широком смысле, то и способы его достижения представляются различными. То есть технологическая независимость – это не только независимые цифровые технологии, хранение данных пользователей на отечественных серверах внутри страны, использование отечественного программного обеспечения. Помимо этого, «технологический суверенитет» – это и различные отрасли экономики, которые необходимо обеспечить отечественной продукцией, технологиями или сырьём. Это также является важной частью исследуемого понятия. Поэтому далее рассмотрим какие публично-правовые способы в данной сфере на сегодняшний день существуют в РФ.

Так как обеспечить технологическую независимость необходимо в различных отраслях, то представляется, что наиболее эффективно такого рода работа будет идти в формате созданной в 2018 году Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России (далее – Правительственная комиссия). Она является определённым координационным органом, который формирует и впоследствии осуществляет государственную политику в данной сфере.

Конституционные нормы, которые закрепляют область распространения технологического суверенитета, имеют особенное значение. Суверенитет РФ распространяется на всю её территорию. Также статья 4 Конституции РФ закрепляет за государством обязанность обеспечивать целостность и неприкосновенность территории.

В Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П, Конституционный Суд не только отметил, что суверенитет РФ распространяется на всю её территорию, но также то, что такое «распространение» осуществляется за счёт самостоятельности, независимости и верховенства государственной власти. Перечисленные выше характеристики, по мнению Конституционного Суда, заключается в полноте всех трёх ветвей власти на территории РФ. Однако понятно, что на сегодняшний день нельзя говорить только об аспекте территории, так как практически всегда информационные технологии имеют экстерриториальное свойство.

Касаемо «территориальной» привязки суверенитета к следуют сказать и о юрисдикции РФ. Согласно части 2 статьи 4 Конституции РФ, верховенство Основного закона и действие федерального законодательства распространяется на всю территорию страны. То есть данный конституционный принцип позволяет создать правовой механизм, который являлся бы «базой» по обеспечению и защите «технологического» суверенитета [1].

«Платформа Национальной технической инициативы» является автономной

некоммерческой организацией, деятельность которой направлена на решение задач обеспечения технологического суверенитета РФ. Деятельность данной организации регламентируется Постановлением Правительства от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы».

Для достижения обеспечения технологического суверенитета данной организацией при участии Правительственной комиссии, рабочих групп НТИ, Министерства науки и высшего образования, ответственных федеральных органов исполнительной власти разрабатываются и впоследствии реализуются «дорожные карты».

«Дорожные карты» формируются согласно поручениям Правительственной комиссией по предложениям заинтересованных организаций с участием НТИ, представителей таких организаций и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти.

После формирования «дорожной карты» и её одобрения в НТИ она направляется в ответственный федеральный орган исполнительной власти, который утверждает её с другими заинтересованными органами и Министерством науки и высшего образования. Согласованный проект далее направляется в НТИ, а та, в свою очередь, направляет проект «дорожной карты» в рабочую группу НТИ. Рабочая группа НТИ при отсутствии замечаний направляет «дорожную карту» для утверждения в президиум Правительственной комиссии. После утверждения её последней «дорожная карта считается готовой к реализации».

Реализация «дорожных карт» могут осуществляться согласно решениям и поручениям Правительства РФ. Необходимые субсидии из федерального бюджета для реализации утверждённого проекта «дорожной карты» осуществляются согласно правилам, установленным Правительством РФ.

Рассмотрим, какие проекты для достижения технологического суверенитета были реализованы и на сегодняшний день активно или не очень используются в РФ. «Национальная технологическая инициатива реализует порядка 58 проектов. Из них 4 проекта завершены в 2022 году. В отношении 27 осуществляется «постпроектный мониторинг». Остальные же проекты на момент написания исследования реализуются.

Важно также понять направление проектов, утверждённых в «дорожных картах» НТИ. Их можно разделить на несколько групп. Группа «Автонет» составляет наукоёмкие проекты, которые направлены на достижение технологической независимости в автомобилестроении. Например, «Агроробосервис», которая занимается внедрением автоматизированных роботов в деятельность агрохолдингов и фермерских хозяйств; Беспилотные пассажирские перевозки на основе автоматизированного управления автобусами; зарядные станции для электромобилей и иные.

Следующая группа – проекты в сфере аэродвижения и мониторинга земли с воздуха: беспилотные авиационные системы для выполнения аэросъемочных работ; контроль строительства на основе информации, полученных от беспилотных летательных аппаратов и иные.

Также НТИ обеспечивает реализацию проектов в сфере: обучения технологических наук школьников; искусственного интеллекта и нейросетей; подго-

товки кадров и судов для морского и речного транспорта; разработки программного обеспечения для защиты и мониторинга угроз при работе с мобильными устройствами; проектов по переработки органических и не органических отходов; трансплантологии и фармакологии; электросетевого комплекса.

Вышеперечисленные группы проектов находятся на разных стадиях «готовности» некоторые из них являются стартапами и ещё не вышли на российский рынок, некоторые только начинают этот процесс, однако есть и те которые помимо национального уровня успешно конкурируют с другими субъектами на глобальном уровне.

Таким образом, «Платформа Национальной технологической инициативы» является одной из центральных основ формирования технологического суверенитета в широком смысле данного понятия. В рамках НТИ происходит не только разработка широкого перечня научно-технологических проектов по важнейшим направлениям (автомобилестроение, нейросети, медицинское оборудование, протезирование и фармакология, современное обучение с использованием специализированных компьютерных программ, транспорта и иных), но также и взаимодействие в данном процессе заинтересованных организаций и государственных органов.

Главным недостатком данной Платформы является особый порядок отчётности проектов, которые получили бюджетные ассигнования. Данный правовой режим предполагает более строгую форму отчётности и, как следствие, может повлечь приостановку деятельности проекта. Представляется, что частные инвестиции вне государственного бюджетирования позволят разработчикам несколько свободнее осуществлять свои исследования.

Принцип недопустимости преимуществ для информационных технологий получил в науке наименование «Принцип технологической нейтральности». Закреплённое исключение позволяет федеральному законодателю установить императивное применение тех или иных информационных технологий или систем. Такие ограничения, как правило, вводятся в рамках программы импортозамещения.

Например, согласно инициативам Минкомсвязи (ныне Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, далее Минцифры) с 1 июля 2015 года введена обязанность для государственных органов по закупке и использованию только тех компьютерно-информационных программ, которые были закреплены в соответственном реестре отечественного программного обеспечения. В случае невозможности использования таких программ на государственный орган возложена обязанность по обоснованию невозможности исполнения предписаний Министерства и целесообразность использования программ, которые не были включены в реестр [2].

Рассматриваемый реестр включает в себя записи в табличной форме, где отражена информация о веб-сайте разработчика программного обеспечения, дата регистрации, правообладатель и класс программного обеспечения, по которому заказчик определяет подходящее программное обеспечение, об этом было указано выше. В основном в реестре содержатся программные обеспечения, позволяющие управлять информацией (класс ПО 09.11), распознавать изображения

(класс ПО 11.06) , управлять проектами (класс ПО 05.05), осуществлять финансовый менеджмент и управления активами и трудовыми ресурсами (класс ПО 09.07) и иные программные обеспечения, разных сфер применения.

На сегодняшний день в реестр российского программного обеспечения входят 16 077 единиц программного обеспечения и 5 431 правообладатель. Таким образом, данный реестр является важным примером попытки достижения «технологического» суверенитета. Однако достижение каких-либо целей через императивный запрет использования программного обеспечения представляется менее эффективным, чем свободный выбор государственных и муниципальных органов ввиду конкуренции разработчиков и правообладателей данных программ.

Таким образом, государство помимо развития цифровых аспектов технологической независимости предпринимает ряд мер поддержки для иных сфер экономики с целью достижения технологической независимости. В данной части исследования были проанализированы правовые механизмы по обеспечению «суверенного интернета», рассмотрен порядок функционирования платформы НТИ, обеспечивающая поставку на рынок российских технологий в важнейших сферах (медицина, автомобилестроение и т.д.), а также кратко была отображена государственная политика в сфере установления льгот для промышленных производителей. Смысл последней заключается в предоставлении льготных условий таким субъектом для расширения производства или его перестройки под возросший спрос на отечественные товары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабашев, А. Г. Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт) : монография / А. Г. Барабашев, П. А. Калинин, С. Ю. Кашкин, М. В. Некотенева, Н. А. Пожилова, Д. В. Пономарёва, А. О. Четвериков ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 208 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 34.096

ПОНЯТИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ПОДХОДЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Зиганшин Ислам Ильясович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807092@ruc.su

THE CONCEPT OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: LEGAL ELEMENTS, APPROACHES AND VECTORS OF DEVELOPMENT

Ziganshin Islam Ilyasovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Начало XXI века явилось временем активного развития различных информационных, а впоследствии и цифровых технологий. В дальнейшем они стали активно проникать во всевозможные сферы общественной жизни. Данный процесс заставил пересмотреть и перестроить некоторые устоявшиеся институты с учётом возникшей новой цифровой или технологической реальности.

Ключевые слова: суверенитет, технологический суверенитет, государственная власть, государство, правовое регулирование.

The beginning of the XXI century was a time of active development of various information, and subsequently digital technologies. In the future, they began to actively penetrate into all kinds of spheres of public life. This process forced to revise and rebuild some established institutions, taking into account the emerging new digital or technological reality.

Keywords: sovereignty, technological sovereignty, state power, state, legal regulation.

С точки зрения права «суверенитет» являлся до недавнего времени статичным институтом, который в целом изучен и понятен исследователям. Однако с приходом новых технологий это устоявшееся понятие необходимо было изучить с точки зрения особенностей киберпространства, а именно новых вызовов, возможностей и форм его реализации и обеспечения защиты.

Сразу стоит заметить, что консенсуса по поводу названия такого рода суверенитета нет, поэтому в научных работах встречаются такие наименования, как «цифровой», «информационный», «киберсуверенитет». Одним из главных вопросов в данной части работы является следующий: «технологический суверенитет» является чем-то качественно новым или же он в целом соответствует сложившимся классическим пониманием данного института?

Особенно «злостным» такой вопрос представляется в контексте продолжающейся цифровой глобализации, реализации санкционных рисков и в особенности, ограничения импорта высокотехнологичных технологий и продуктов.

А. А. Ефремов выделяет три этапа развития концепции технологического «информационного» суверенитета государства. Первый период относится к 70–80-м годам XX века и связан с активным изучением соотношения понятий национального суверенитета и свобода информации. Данные предметы исследования обусловлены всевозрастающим трансграничным информационным обменом с помощью телевизионного и спутникового вещания [1].

Также важно отметить, что в работах учёных рассматриваемого периода прослеживаются различные понимание «информационного» суверенитета. Так, для развитых стран, фактором, который усиливал бы их суверенитет, является свободное распространение информации. Развивающиеся же страны в том же факторе свободного перемещения информации видят угрозу своему суверенитету. Советский подход, подчёркивающий вмешательство во внутренние дела СМИ, показателен для понимания описанных выше подходов на практике.

Получается, что два подхода можно описать следующим образом. Для развитых государств технологический суверенитет государства понимался как экспансия, то есть повсеместная популяризация собственных цифровых «информационных» технологий и связанных с ними правового регулирования в других

государствах. Также данный подход реализовывался на практике через принятия государством законодательства, обладающего экстерриториальностью.

Для развивающихся государств понятие «технологического» суверенитета заключается в создании и функционировании правового механизма, который позволяет отслеживать и при необходимости ограничивать со стороны государственной власти распространение информации, а также контролировать и воздействовать на ту инфраструктуру, за счёт которой оно происходит.

Второй этап исследований технологического суверенитета происходит в 90-е годы XX века и связан с активным развитием сети Интернет. Учёные различных стран полагали, что Интернет может быть угрозой суверенитета. За что подвергались критике, так как предполагалась, что такого рода концепция характерна для государств с авторитарным политическим режимом.

На данном этапе исследований технологического суверенитета наиболее интересна концепция, изложенная в китайской юридической науке того времени. В конце 80-х начале 90-х в Китайской Народной Республике, так же как и во многих других государствах, была запущена телекоммуникационная сеть Интернет. Государственная власть, то есть непосредственные законодатели «поднебесной», понимали, что неконтролируемое использование новых технологий может быть опасно для политической стабильности. Особенно остро это стало восприниматься после протестов на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 году. После чего было принято решение, по сути, обеспечить «технологический суверенитет» в сети Интернет. То есть создать такой правовой и технический механизм, который позволял бы контролировать и оперативно изымать информацию из общественного доступа.

Такая потребность сводилась к одной единственной цели – заблокировать возможность проникновения политически опасных идей в страну. В связи с этим план информационного развития КНР включал в себя две основные стадии: 1) адаптация технологических достижений развитых стран к специфике КНР; 2) создание высокотехнологичных зон, где были созданы условия для создания и развития национальных информационных систем, а также подготовка кадров по их использованию.

Наиболее известный проект по фильтрации контента в китайском сегменте интернета является «Великий китайский файервол», как его называют за пределами КНР [2].

Разработка проекта «Золотой щит» была закончена в 2001 году и тогда же утверждена Государственным советом КНР. Её основные цели заключаются в блокировании доступа к сайтам, которые распространяют политически некорректную информацию, например критику правительства, сайты, связанные с развитием свобода слова в стране и т. д.

Также в КНР существует программа «фильтрации» информации «Зелёная дамба», которая является средством защиты пользователя от порнографии и пропаганды терроризма. Она действует во всех интернет-сетях общественного пользования в гостиницах, образовательных и государственных учреждениях.

Для рядовых пользователей вне указанных мест её установка является добровольной.

Для эффективной работы «Великого китайского файерволла» создано четыре базы данных, которые включают в себя сведения о физических, юридических лиц. На данной основе функционируют пять подсистем «Золотого щита», которые находятся под контролем местного, регионального и государственного управления: управление общественной безопасностью (ранжирование граждан в зависимости от совершённых правонарушений); информация о правонарушениях (объединённая сеть камер наружного наблюдения, которая предоставляет органам необходимую информацию); контроль ввода и вывода информации (ограничение взаимодействия глобальной сети и Интернета на территории Китая); информационный мониторинг (фильтрация информации в сети Интернет, которая была рассмотрена ранее).

Возвращаясь к начальному этапу формирования концепции технологического суверенитета Китая, стоит заметить, что в тот период выделяли внутреннюю и внешнюю составляющие рассматриваемого института.

Суть первой заключается в том, что государство должно обеспечивать реализацию информационной политики страны через поддержание информационной (цифровой) стабильности. Вторая связана с одним из основополагающих принципов права – полного юридического равенства государств и соответственно отсутствие какого-либо контроля внешних стран при создании и распространении информации.

Третий этап понимания «технологического» суверенитета связан с появлением и развитием концепции «суверенных данных». Её зарождение обусловлено с активным развитием информационных технологий, а именно обработкой «больших данных». Также она связана с принятием в ряде стран национального законодательства о персонализации данных. Оно закрепляет обязанность обработки персональных данных граждан через серверы, которые находятся на её территории.

Данная концепция заключается в том, что любые общественные отношения, предметом которых являются данные, должны регулироваться законодательством того государства, где они находятся. Здесь можно согласиться с К. Ирионом, который говорит о том, что создание облачных технологий хранения информации и появление новых подходов к хранению данных привели к кардинальному видоизменению сложившихся правовых юрисдикций государств [3].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно говорить о том факте, что «технологический» суверенитет государства может пониматься по-разному и в зависимости от определённых критериев менять свою сущность. Такими критериями могут выступать: уровень развития информационных технологий, экономический уровень развития страны, а также политический режим государства, которое стремится создать национальный правовой механизм обеспечения «технологического» суверенитета. Однако определённая закономерность в понимании рассматриваемого института прослеживается.

Наиболее экономически развитые государства с демократическим политиче-

ским режимом создают правовое регулирование, направленное на экстерриториальность, например Соединённые Штаты Америки. Страны с авторитарным политическим устройством, но не менее экономически и технологически развитые, создают национальное законодательство по обеспечению «технологического» суверенитета, исходя из внутригосударственного контроля информационных потоков, например [4; 5].

Также отмечается тенденция на обеспечение «технологического» суверенитета через нормативную «локализацию» информационных технологий по хранению персональных данных пользователей граждан на территории соответствующего государства. В частности, такую модель нормативного обеспечения использует Российская Федерация, национальное законодательство которой в последние годы пополнилось рядом нормативно-правовых актов, направленных на создание информационных систем хранения информации, в особенности персональных данных граждан, на территории страны. Более детально данный тезис будет раскрыт в рамках дальнейшей исследовательской работы.

Таким образом, «технологический» суверенитет можно понимать по-разному и в зависимости от подхода к этому понятию. В зависимости от различных объективных критериев его понятие будет отличаться. Также стоит заметить, что само понятие «технологического» суверенитета в российской правовой доктрине только начинает складываться [6].

Исходя из устремлений государств провести суверенизацию правового регулирования технологических отношений для обеспечения независимости в информационной сфере или создание эффективно действующего правового механизма, необходимо проанализировать существующие модели регулирования данной сферы в Российской Федерации и зарубежных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов, А. А.* Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.13 / Ефремов Алексей Александрович; [Место защиты: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»]. – М., 2020. – 418 с.
2. *Сердюк, А. В.* Специфика регулирования IT- индустрии в Китае: история и современность» / А. В. Сердюк, М. Г. Бреслер, А. Р. Сулейманов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. – 2021. – № 4 (38). – С. 53-62.
3. *Irion K.* Government Cloud Computing and National Data Sovereignty // Policy and Internet. – 2012. – Vol. 4. – Issue 3–4. – P. 40–71.
4. *Барабашев, А. Г.* Международная интеграция и технологический суверенитет: правовые решения (зарубежный опыт): монография / А. Г. Барабашев, П. А. Калиниченко, С. Ю. Кашкин, М. В. Некотенева, Н. А. Пожилова, Д. В. Пономарёва, А. О. Четвериков ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : РУСАЙНС, 2023. – 208 с.
5. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
6. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 340.114.5

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Илюшин Михаил Михайлович, магистрант

Куликов Роман Олегович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su; st802294@ruc.su

SELECTED METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Ilyushin Mikhail Mikhailovich, Master's Degree student

Kulikov Roman Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы методологии исследования правового сознания. Внимание уделяется отдельным методам познания природы правового сознания.

Ключевые слова: правовое сознание, методология, метод.

The article discusses issues of methodology for studying legal consciousness. Attention is paid to individual methods of understanding the nature of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, methodology, method.

Правовое сознание, выступая категорией юридической науки, тем не менее как сознание обладает первичной природой психологического, нейрофизиологического, антропологического и социального характера. Правовая составляющая сознания есть производная ее часть, обусловленная функционированием правовой системы в обществе.

Изучение правового сознания инструментарием лишь юридической науки существенно ограничивает ее познаваемость и способствует формированию неполных или не достоверных выводов о его природе.

Определенную полезность в изучении методологических инструментов природы правового сознания отчасти представляют труды Е. А. Рябова, который обосновывает актуальность междисциплинарного подхода в исследовании правового сознания [1].

Исторические аспекты становления и развития категории правосознания в современной юридической науке не раскрыты в достаточном для правильного и полного обоснования методологической составляющей правового сознания объеме. Факт отсутствия современных комплексных научных трудов, касающихся методологических основ исследуемого явления права подтверждается особенной сложностью определения конкретных аспектов, могущих стать основой выявления главных элементов правового сознания, как индивидуального, так и коллективного [2, с. 106].

Актуальность задачи методологических разработок в контексте темы настоящего исследования обуславливается редким обращением внимания в совре-

менных научных трудах на исторические и иные методологические базовые аспекты формирования правового сознания как процесса правовой социализации индивида.

Здесь уместно обратить внимание, что своеобразной предпосылкой концепции правосознания выступают его базирование на основополагающих представлениях комплексности и историзма, раскрывающих специфику правового сознания [1, с. 131]. Необходимо понимать, что процесс формирования правосознания имеет исторический характер и обуславливает поведенческие поступки людей в контексте складывающейся, на том или ином этапе развития общества, правовой культуры.

В юридической науке сформировался ряд подходов в понимании сущности правового сознания, исходя из анализа и оценки государственно-правовой действительности в развитии общества, на различных его исторических этапах.

Одним из таких подходов в понимании сущности правового сознания является историко-материалистический подход (классовый, марксистский), который оперирует историческими, обусловленными классовой природой общества, факторами формирования правового сознания, прежде всего, в целях выявления и теоретического обоснования закономерностей общественного развития, преследующего целевую установку построения «идеального коммунистического общества» [3, с. 11].

В этой связи важным представляется обращение к трудам Г. Гегеля, в которых он первым использовал термин «историческое сознание», предопределяя тем самым направление изучения правосознания. Однако «гегелевские» идеи не нашли признания в марксистской теории правосознания, в связи с чем «историческое сознание» было подведено под шаблоны советского догматизма в социальных науках и заменено на термин «сознание общественное».

Использование метода исторического анализа в изучении юридической природы правового сознания основывается на выборе формационного или цивилизационного подхода в типологии общества. Мнения приверженцев первой концепции исходят из его понимания как «сознания исторического», тогда как представители цивилизационного подхода исходят из понимания особенностей развития каждой цивилизации как индивидуального процесса, что в итоге определяет исходным началом правосознания цивилизационные особенности того или иного типа общества, закладывающие в правосознание специфические его свойства и характеристики.

Рассмотрение правосознания через призму исторических аспектов позволяет говорить о нем не только через призму поведенческих форм, но и как об определенных материальных результатах человеческой деятельности: правовые акты, научные юридические труды, юридические документы, произведения литературы и публицистики и т.д. [4, с. 23].

Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса методологического обеспечения правосознания посредством индуктивного метода, суть которого выражается в использовании документа законодательного или иного характера, представляющего историческое значение, и аналитической оценки того или иного исторического периода для характери-

стики специфики правового сознания индивида и общества конкретной исторической эпохи.

В то же время полноценное изучение конкретно правового материала позволяет определить направленность правового сознания, факторы, оказывающие непосредственное воздействие на последнее. В качестве примера приведем исследование Д. Кеннеди «К историческому пониманию правосознания: кейс классического правопонимания в Америке в 1850-1940 годах» [5]. Д. Кеннеди делает исследовательский акцент на анализе социальной среды и факторов, обусловивших распределение власти или ресурсов в обществе вследствие реализации права. Отметим, что наряду с научным трудом Д. Кеннеди, С. Я. Гаген в исследовании обыденного правосознания в поздней Византии опирался на аналогичный материал [6].

Использование правовых документов, подтверждающих определенные исторические события того или иного периода развития государства, позволяет с большей вероятностью выявить основополагающие идеи и принципы формирования правового сознания, в том числе профессионального, обосновывая это положение прежде всего тем, что подобные документы имеют свойство фиксировать и отражать правосознание их составителей.

Наглядным примером для рассмотрения методологического инструментария, необходимого для исследования правового сознания, может являться Эклога, представляющая собой краткий свод законодательства византийского государства первой половины VIII века. Указанный акт, содержащий нормы византийского права, определенным образом отражает уровень и полноту правосознания его составителей, которыми являлись византийские императоры (Юстиниан, Лев III Исавр и др.), и в этом плане наибольший интерес представляет предисловие как личностная структурная часть Эклоги.

Прежде всего, обозначим, что на составление указанного источника византийского права особым образом повлияла христианская религия, в связи с чем в части, предшествующей основному тексту, призвание императора определялось как раз через призму христианства в качестве ответственного служения Богу. Императорское служение имело своей целью обеспечение справедливости и честного суда, что требовало баланса между юридической компетентностью судей и правосознанием главы византийского государства: «Мы рекомендуем и в то же время повелеваем тем, кому доверено исполнение законов, воздерживаться от всех человеческих страстей и судить здраво, согласно истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять безнаказанным могущественного [человека], поступающего несправедливо, даже не выражать на словах преувеличенное восхваление справедливости и равенства, а на деле предпочитать несправедливость и каприз как более выгодные» [7, с. 25].

Сущность требований основных титулов Эклоги выражает преемственность в вопросах правосознания, то есть основное содержание византийского права, выраженного в данном источнике, отражает исключительно общественное правосознание, не уделяя внимания индивиду и аспектам его правосознания.

Церковь в византийском государстве имела серьезное влияние на формирование правового сознания составителей рассматриваемого свода, а также пра-

восознания византийских граждан, выступая одновременно защитником права.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что соблюдение и изучение категории правового сознания с учетом принципов преемственности, историчности и комплексности, позволяет сформировать наиболее верные представления о правосознании представителей конкретной эпохи исторического развития государства.

С целью определения и понимания основных черт и специфики мировоззрения, а в особенности правосознания того или иного времени, для достижения задач юридической науки важным представляется учет множества факторов, анализ правовых документов в их взаимосвязи, а также соотнесение вновь полученных данных с уже имеющимися теоретическими сведениями.

Использование иных методов теоретического и эмпирического характера, составляющих методологическую основу в исследовании правового сознания, позволяет раскрыть всю многогранность содержания правосознания как правового явления. В связи с этим важным представляется применение методологии различных дисциплин, посредством которых возможно рассмотрение соответствующих концепций, теорий других научных отраслей, предметом изучения которых также выступает правосознание, что позволяет выявить недостаточно изученные аспекты и предложить возможные пути устранения проблемных вопросов.

Одним из методов исследования правового сознания может являться социальной-философский анализ, в ходе которого обязательно обращение к выводам частных научных исследований (социологических, политологических, социально-психологических и др.) с целью установления содержания, то есть взаимосвязей, определяющих основные черты и тенденции развития той или иной социальной системы.

Также обращение к основам политологии имеет важное методологическое значение для изучения правосознания, которое имеет непосредственную и неразрывную связи с политическим сознанием личности. Взаимодействие указанных видов сознания обусловлено следующим фактором: поскольку функция законотворчества возложена на субъекты государственной власти, представляется обоснованной взаимосвязь уровня их правосознания с качеством правотворческой деятельности, вследствие чего высокий уровень правового сознания является условием развития законодательства.

Эмпирические методы социологического исследования также играют важную роль в изучении правосознания. Методологический инструментарий прикладных социологических наук позволяет рассматривать общественное мнение как выражение отношения масс к тем или иным аспектам жизнедеятельности для оценки уровня и состояния правового сознания населения, так сказать, с объективной, практической точки зрения

Анализируя содержательные аспекты методологии правового сознания, мы приходим к выводу о необходимости изучения вопросов формирования правового сознания с помощью имеющихся методологических инструментов, а также с обязательным соблюдением принципов историзма и комплексности.

В качестве возможного метода изучения правового сознания может выступи-

пать социально-философский анализ, предполагающий обращение к теоретическим и практическим результатам социологических, политологических, социально-психологических и других комплексных и частных (конкретных) исследований для выявления специфических черт и тенденций развития и функционирования правосознания.

Использование политологической методологии для исследования правового сознания обосновывается непосредственной взаимосвязью с политическим сознанием личности.

Группа социологических методов научного исследования в контексте изучения сущности правового сознания личности предполагает анализ общественно-го мнения относительно существующих в государстве правовых институтов, в целях объективного оценивания уровня правового сознания общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябов, Е. А. Методология исследования правового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10-1 (48). – С. 130-133.
2. Певцова, Е. А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики : учебное пособие. – Москва, – 2013.
3. Гаген, С. Я. Византийское правосознание IV-XV вв. : монография. – Москва, 2012.
4. Кученев, А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 22-25.
5. Смирнов, А. И. Методологические аспекты исследования исторических вопросов формирования правосознания // Журнал российского права. – 2019. – № 2 (266). – С. 30-38.
6. Гаген, С. Я. Обыденное правосознание женщин в поздней Византии // История государства и права. – 2010. – № 22. – С. 7-10.
7. Лысенко О. Л. Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 2014. – № 3. – С. 16-41.

УДК 347.965.2

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТСКОЙ ЭТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Исаева Дарья Александровна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807131@ruc.su

SELECTED ISSUES OF LEGAL ETHICS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Isaeva Daria Aleksandrovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Проблема адвокатской этики – одна из самых обсуждаемых. Необходимость контроля за поведением каждого адвоката обусловлена особым статусом адвокатского сообщества, чтобы избежать вседозволенности из-за адвокатской независимости. Однако лишить адвокатуру самостоятельности – значит поставить её под контроль государства.

Ключевые слова: адвокат, этика, адвокатская этика, представительство, юридическая помощь.

One frequently discussed issue is that of advocacy ethics. The special status of the legal community determines the need to control the behavior of each of its members so that the legal independence is not transformed into permissiveness. However, putting the bar under state control means depriving it of independence.

Keywords: lawyer, ethics, lawyer ethics, representation, legal assistance.

Профессиональная этика играет ключевую роль в функционировании института адвокатуры, который отражает принципы гражданского общества и несет на себе ответственность за соответствие общественным ожиданиям. Корпоративная этика имеет высокое значение в профессиях, влияющих на жизнь других людей, таких как преподаватели, врачи, судьи, прокуроры и правоохранители. В среде этих профессий существуют Кодексы профессиональной этики, которые отражают специфику профессий для каждого из указанных направлений и выражают основы «нравственности» профессии. В отличие от них, адвокатская деятельность направлена на защиту прав и свобод человека, что требует соблюдения высоких морально-правовых принципов. Следовательно, наличие соответствующего Кодекса для адвокатов является обязательным условием для успешного осуществления их функций.

В советское время отрицалась необходимость профессиональной этики, поскольку в СССР существовала единая социалистическая этика, считал А. Я. Вышинский. Вокруг судебной системы в Российской империи и в других государствах формировались основы юридической этики. А. Ф. Кони заложил базу этики юридического сообщества в России. Развитие адвокатской этики не происходило из-за этого. Поэтому корпоративная этика как самостоятельное направление начала формироваться только в XX веке.

Исследователи в наши дни придерживаются мнения о том, что важно установить приоритет в вопросе возвращения к давним обычаям «присяжной адвокатуры» XIX века. Они утверждают, что именно это было наилучшим способом совмещения этики и закона.

Согласно мнению большинства современных ученых, адвокатская деятельность основывается на передаче исторически обусловленных специфических правовых и правозащитных ценностей, общепризнанных и принятых в сообществе адвокатов, через различные способы поведения людей во времени и пространстве. Выступая в качестве основы указанные начала организации и деятельности адвокатов формально-юридически определены в нормативно-правовых актах и признаны как важные для адвокатуры и государства.

По мнению исследователя, к таким традициям российской адвокатуры XIX столетия следует отнести:

- обычай не прибегать к рекламе;
- обычай представления интересов доверителя в другом судебном округе;
- обычай замены опытных поверенных товарищами, имеющими небольшой стаж работы в кооперации.

В адвокатском сообществе широко распространены «адвокатские правила соответствующего поведения», которые не подпадают под утвержденные нор-

мативными актами нормы и правила поведения, такие правила поведения и этического поведения выходят за пределы норм права и находятся в рамках норм морали и нравственности, основываются на этике. Так например, аморальные действия адвоката, в различные исторические периоды, как правило рассматривались лишь в случае их осуждения обществом в зависимости от места его проживания. Совет адвокатов, как правило, не вмешивался в методы работы конкретных адвокатов, предоставляя им определенную свободу и собственную «внутреннюю» ответственность перед общественностью. В современном российском законодательстве нравственные принципы адвокатской практики теперь отражены в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который также ссылается на Кодекс профессиональной этики адвоката [1].

В Законе об адвокатуре содержится ссылка на основной моральный регулятор профессии – Кодекс профессиональной этики. Нормы корпоративной этики для адвокатов зафиксированы в Уставах адвокатских палат субъектов РФ и Уставе Федеральной палаты адвокатов, принятом на первом Всероссийском съезде адвокатов 31 января 2003 года. Важно помнить, что эти правила являются основой для нравственного поведения адвокатов.

1-й Всероссийский съезд адвокатов, высший орган адвокатского сообщества, утвердил Кодекс 31 января 2003 года. Нормативные положения Кодекса разделены на две категории: регламентирующие и дисциплинарные. Первые направлены на формирование грамотного и морально-правильного поведения адвокатов, в то время как вторые предусматривают ответственность за нарушение установленных норм. В исследовательском сообществе ведутся дискуссии относительно правовой природы данного Кодекса. Некоторые рассматривают его как подзаконный акт, наравне с аналогичными документами, принятыми государственными учреждениями.

Подзаконные акты, принятые государственными органами, отражают учения неправовых государств в теоретических концепциях, поддерживающих придание силы актам, выпускаемым саморегулируемыми институтами гражданского общества. Сближение государственных и гражданско-общественных организаций способствует стимулированию развития правовой культуры в обществе, что, в свою очередь, способствует осуществлению концепций правового демократического государства и поддержанию общественной инициативы.

Нельзя упускать из виду особый характер норм, заключенных в Кодексе, когда говорим о них. Эти нормы, несомненно, имеют юридическую силу, но помимо этого они также имеют нравственный аспект. Согласно Д. Н. Захаренкову, в качестве этических правил выступают нравственные указания, преобразованные в форму законных норм, и только в этом случае они становятся таковыми. Таким образом, непосредственное применение положений Кодекса должно осуществляться одновременно при соблюдении нравственной составляющей, основываться с традициями адвокатского сообщества. Необходимо не забывать об учете общественного мнения и его отношения к деятельности адвоката, так как одно негативное отношение к конкретному индивиду может повлиять на отношение ко всей системе защиты прав человека и гражданина в целом, что точно отразится на всей системе адвокатской деятельности.

Различные социальные группы не всегда согласны на установки, которые являются моральными, так как они отличаются от этических норм. Обязательность этических норм также не является установленной. Следует отметить, что значительным отличием этических норм от норм правовых является их ориентирующее направление: если право даёт конкретные указания на необходимость поступать в определенной ситуации тем или иным образом, то «задача профессиональной этики: не дать готовые рецепты на все случаи жизни, но научить культуре нравственного мышления, дать надежные ориентиры для решения конкретных ситуаций, влиять на формирование нравственных установок у специалиста в соответствии со специфическими требованиями профессии, объяснение и оценку выработанных адвокатской практикой стереотипов поведения в областях, неурегулированных правом» [2].

В сфере юриспруденции важность поддержания высоких стандартов профессиональной этики не может быть переоценена. В то время как внутренний самоконтроль адвокатов и наличие письменных источников, таких как Кодекс профессиональной этики, играют ключевую роль в поддержании этих стандартов, они не всегда достаточны для обеспечения необходимого уровня ответственности. В связи с этим наличие внешнего регулятивного органа, который был бы способен независимо оценить действия адвоката и при необходимости наложить дисциплинарные санкции, становится не просто желательным, но и необходимым элементом системы.

Этот внешний регулятор должен обладать полномочиями для проведения объективной оценки работы адвоката, включая рассмотрение споров и ситуаций, которые не находят непосредственного разрешения в рамках существующего Кодекса профессиональной этики. Возможность назначения справедливых дисциплинарных взысканий в таких случаях является критически важным аспектом для поддержания доверия общества к юридической профессии и для обеспечения справедливости в отношении всех заинтересованных сторон.

С этой целью в регионах предусматривается создание квалификационных комиссий и Совета адвокатской палаты субъекта РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 33 Закона об адвокатуре: «квалификационная комиссия создается для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов».

Интересно, что в её состав, включающий в себя 13 человек, входят не только представители адвокатского сообщества (7 членов адвокатской палаты субъекта РФ), но и представители территориального органа юстиции (2 человека), законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ (2 человека), а также по одному судье от верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа и арбитражного суда субъекта РФ.

Согласно п. 9 ч. 3 ст. 31 ФЗ: «Совет адвокатской палаты рассматривает жалобы на действия (бездействие) адвокатов с учетом заключения квалификационной комиссии».

Современные этические вопросы в адвокатуре недавно стали весьма актуальными. Одним из них являются ограничения «саморекламы» адвокатов, ка-

сающиеся использования различных средств, влияющих на права других лиц. Важным этическим аспектом также является облик представителей адвокатского сообщества, который может влиять на восприятие потенциальными клиентами и на образ адвокатов в судах и других государственных учреждениях.

Спор возник в адвокатском сообществе относительно татуировок. Специалисты считают, что татуировки и яркий макияж подходят для творческих сфер, но адвокатам важно придерживаться классического стиля. Это мнение отражает неофициальные правила профессии, не установленные в этическом кодексе. Главный вопрос здесь – это доверие клиентов, которые могут иметь предвзятое мнение о юристе с татуировками, а не то, как наказывать сторонников татуировок.

В 2017 году адвокат, нарушивший дресс-код, лишился статуса после того, как посетил суд в шортах и бандане. Председатель суда настоял на смене одежды, но адвокат отказался. Это привело к отмене заседания и возбуждению дисциплинарного дела против него.

Лишение адвокатского статуса произошло в суде, но потом апелляция отменила решение первой инстанции в пользу адвоката. Он обратился в Конституционный Суд РФ, чтобы оспорить конституционность нескольких статей ФЗ, которые, по его мнению, могут привести к «произвольному» лишению статуса. Однако Конституционный Суд отклонил его жалобу. Манера поведения и стиль одежды адвоката должны соответствовать деловому общению, согласно 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики.

Для уменьшения случаев подобного рода проблем были разработаны Рекомендации адвокатской палаты Республики Мордовии относительно стиля одежды адвокатов, запрещающие пирсинг и открытые татуировки. Нарушение этих рекомендаций в данном регионе влечет дисциплинарную ответственность. Этические вопросы, рассмотренные здесь, не представляют полного спектра этических проблем, с которыми адвокаты сталкиваются каждый день, они лишь касаются наиболее острой стороны проблем последних лет. Важной категорией этических дилемм являются вопросы, связанные с отношениями между адвокатом и его клиентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукушкин, О. В. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О.В. Кукушкин, С.Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9-1. – С. 9-15.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 347.965.2

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ С ФЕДЕРАЛЬНЫМ КАДРОВЫМ РЕЗЕРВОМ НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исаева Дарья Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807093@ruc.su

DIRECTIONS FOR IMPROVING WORK WITH THE FEDERAL PERSONNEL RESERVE IN THE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Isayeva Darya Vasilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящее время ни в законодательстве Российской Федерации, ни среди ученых нет единого мнения относительно определения понятия «кадровый резерв». Недостаточная изученность проблемы и разрозненный характер подходов к вопросам кадрового резерва госслужбы мешают качественному улучшению кадровой политики на госслужбе.

Алгоритмы работы с кадровым резервом госслужбы в Российской Федерации необходимо вывести на новый уровень, обеспечив системность управления кадровым потенциалом государственной гражданской службы и широкое понимание функционирования федерального резерва управленческих кадров с учетом его связей с современными трендами социально-экономического развития и трансформацией государственного управления.

Ключевые слова: кадровый резерв, государственное управление, государственная гражданская служба, кадровая политика.

Currently, neither in the legislation of the Russian Federation nor among scientists there is a consensus on the definition of the concept of personnel reserve. Insufficient knowledge of the problem and the disparate nature of approaches to the issues of the personnel reserve of the civil service hinder the qualitative improvement of personnel policy in the civil service.

Algorithms for working with the personnel reserve of the civil service in the Russian Federation must be brought to a new level, ensuring systematic management of the personnel potential of the state civil service and a broad understanding of the functioning of the federal reserve of managerial personnel, taking into account its links with modern trends in socio-economic development and the transformation of public administration.

Keywords: personnel reserve, public administration, public civil service, personnel policy.

Причиной появления федерального резерва управленческих кадров стала недостаточность кадровых ресурсов государственной службы, необходимость привлечения в управленческую деятельность новой когорты менеджеров, чтобы расширить сферу применения кадров для организаций госсектора и бизнес-структур с государственным участием. В 2022–2023 годах в документах Правительства Российской Федерации неоднократно поднимались вопросы, касающиеся резерва управленческих кадров: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 3072-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2010 года № 636-р», распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2022 года № 919-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2010 года № 636-р». Была актуализирована задача подготовки проектов новых нормативно-правовых актов в целях формирования федерального кадрового резерва на государственной гражданской службе.

Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2024 года № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации» (вместе с «Положением о федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации», «Положением о порядке представления государственными гражданскими служащими Россий-

ской Федерации, гражданами Российской Федерации, претендующими на включение в федеральный кадровый резерв на государственной гражданской службе Российской Федерации, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о порядке осуществления проверки достоверности и полноты представленных сведений») определил категории и группы должностей федеральной государственной гражданской службы, для замещения которых формируется федеральный кадровый резерв, порядок его формирования и работы с ним [1].

Единого толкования понятия кадровый резерв на сегодняшний день нет. Ряд исследователей считает, что сама система кадрового резерва громоздка и запутанна, а в целом «процедура отбора кадрового резерва в системе государственной службы остается фрагментарной, что снижает качество и надежность результатов процедуры» [2, с. 210].

Пересмотр текущей парадигмы работы с кадрами на госслужбе подразумевает осознание необходимости приобретения государственными служащими современных компетенций, создания гибких и применимых на всех этапах HR-цикла моделей работы с резервом, охватывающих личностные качества и профессиональные компетенции сотрудника [3, с. 11].

Внимание исследователей прежде всего обращено на технологический аспект совершенствования работы с кадровыми резервами, на внутриорганизационную работу, когда и сами результаты работы с кадровым резервом видятся как соответствие кадровой технологии имеющимся стандартам качества. В понимании сущности и целей формирования кадровых резервов акценты смещены на приобретение должностей, а не на решение задач, стоящих перед государственной службой и государственным управлением. Слабо представлены оценка эффективности деятельности резерва по результатам и вопросы модернизации резерва, а также элементы нового дискурса, например управление талантами или использование практик, идущих от бизнеса. Важнейшие аспекты качества государственного управления, касающиеся стратегического управления персоналом, не проработаны в должной степени.

В работах ученых показано, как происходит смещение понимания кадрового резерва от «скамейки запасных» до ресурса развития организации, в которую надо привлечь наиболее перспективных специалистов и удержать в условиях недостаточной конкурентоспособности госслужбы на рынке труда.

Следует отметить, что несмотря на возрастание роли стратегического подхода к подготовке федерального резерва, на сегодняшний день работа сосредоточена в первую очередь на диагностике и оценке кадров. Остается недооцененной значимость взаимосвязи всех компонентов жизненного цикла резерва. Сохраняется связанная с недостаточностью нормативно-правового регулирования проблема использования управленческого резерва, проявляется слабость механизма отслеживания карьерного движения участников резерва.

Несистемность, консервативные подходы, ситуативность в управлении карьерой как должностным перемещением ведут к «снижению мотивации и профессиональному выгоранию, обостряют проблемы самореализации и предопределяют высокий уровень карьерного аутсайдерства в профессиональной среде гражданских служащих» [4, с. 324].

Потенциал роста эффективности работы с резервом исследователи видят в опережающей подготовке резервистов, обусловленной необходимостью быстрого реагирования на кардинальные изменения общества и государства; в активном применении информационных технологий для комплексной системы работы с кадровым резервом; в гибкости, преемственности, развитии многосторонних внутренних коммуникаций; в реализации принципов меритократии и работе с талантами. Для достижения столь необходимой сегодня целевой установки по использованию резервов требуется система измерения, продвижения и ротации государственных гражданских и муниципальных служащих.

Можно констатировать, что российский резерв не отвечает принципу открытости и задаче привлечения талантов, отсутствует концепция модели управления, подготовка резервистов нуждается в большей индивидуализации и повышении уровня овладения современными технологиями. Концептуальной проработки требует сама система управления резервом, которая должна подразумевать плановые, аналитические, информационно-коммуникативные функции со стороны органа управления резервом. В связи с чем можно предложить следующие направления совершенствования работы с кадровым резервом:

1) аналитическое осмысление результатов подготовки резерва и кадровой политики в целом, подразумевающее определение кадровых потребностей органов публичной власти, анализ карьерного роста и профессиональных достижений участников резерва и анализ региональной кадровой политики с точки зрения использования резервистов;

2) повышение профессиональной востребованности резервистов, подразумевающее формирование практических карьерных траекторий и закрепление наставников; сопровождение выпускников в течение пяти лет со стороны Администрации Президента и Аппарата Правительства Российской Федерации; продвижение резервистов в трудоустройстве и карьере, в том числе установление приоритетов для выпускников резерва при замещении вакантных должностей на уровне региона; ротация каждые три года для решения разных задач из разных сфер и уровней власти; проведение стажировок на перспективных рабочих местах; привлечение резервистов к разработке, обсуждению, реализации проектов развития субъектов Российской Федерации; формирование открытой базы для руководителей регионов и кадровых служб; информирование участников резерва путем регулярной рассылки об актуальных вакансиях; приглашение в качестве наставников и экспертов;

3) изменение системы управления резервом, а именно: развитие всех этапов цикла (не только обучение); позиционирование резерва как важного института и публикация историй успеха; развитие постоянного диалога между структурой управления и резервистами, регулярное информирование; предоставление возможности для резервиста выбирать программу, стажировку; распространение возможности проходить обучение для замещения высших должностей федеральной государственной гражданской службы, то есть для работы в Аппарате Правительства, в органах исполнительной власти, находящихся в прямом подчинении Президенту Российской Федерации;

4) внедрение лучших проектов программ подготовки резервистов в практику

государственного и муниципального управления; организация мастер-классов с опытными, харизматичными руководителями; формирование планов личностного развития для каждого и введение отчетов об их выполнении; направление резервистов на стажировки в другие регионы и федеральный центр;

5) поддержка сообщества выпускников, которое включает в себя: проведение карьерного форума резервистов, межрегиональных мероприятий, семинаров по освещению актуальных вопросов; привлечение резервистов к участию в мероприятиях, проходящих на федеральном уровне, для обмена лучшими практиками и получения нового опыта; периодическое повышение квалификации.

В заключение хотелось бы отметить, что необходимо выстраивать единую систему работы на протяжении всего жизненного цикла резерва, где ключевым моментом является целевое использование состоящих в резерве кадров. Требуется изменить базовые основания работы с резервом, касающиеся ресурсного подхода, преодоления разрозненности резервов, повышения востребованности участников.

Алгоритмы работы с кадровым резервом госслужбы в Российской Федерации необходимо вывести на новый уровень, обеспечив системность управления кадровым потенциалом государственной гражданской службы и широкое понимание функционирования федерального резерва управленческих кадров с учетом его связей с современными трендами социально-экономического развития и трансформацией государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2024 г. № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 5. – Ст. 663.

2. *Асриянц, К. Г.* Исследование процедуры отбора сотрудников на включение в кадровый резерв в системе государственной службы / К. Г. Асриянц, М. Б. Гусейнов, Д. Р. Магомедова // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 6-3. – С. 207-211.

3. *Байтеряков, С. В.* Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / под ред. М. С. Шклярук. – Москва : Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 2021 – 118 с.

4. *Масленникова, Е.* Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления / Е. Масленникова, И. Б. Шебураков, Л. Н. Татарина // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 324-336.

УДК 342.547

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исаева Дарья Васильевна, магистрант

Ишкина Анна Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807093@ruc.su; st807424@ruc.su

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF STATE CIVIL EMPLOYEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Isaeva Daria Vasilievna, Master's Degree student

Ishkina Anna Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье исследуются вопросы правового статуса государственного гражданского служащего в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации на примере Владимирской области.

Ключевые слова: государственная служба, государственная гражданская служба, государственный гражданский служащий.

The article examines the issues of the legal status of state civil servants in the Russian Federation and a constituent entity of the Russian Federation, using the example of the Vladimir region.

Keywords: public service, state civil service, state civil servant.

Активное изучение института государственной гражданской службы в России началось в середине XX века. Уже к 60-м годам XX столетия сложилось общее представление о государственной гражданской службе, которое отражалось в работах отечественной ученых юристов.

Необходимо отметить, что принятие Федерального закона №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», существенным образом не повлияло на понимание государственного гражданского служащего.

Так в ст. 5 Закона государственная гражданская служба определяется как «вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральной территории, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации» [1].

Необходимо отметить, что положениями данной статьи регламентируется правовой статус государственного гражданского служащего федерального и регионального уровней.

Государственные гражданские служащие – это граждане Российской Федерации, осуществляющие свою профессиональную деятельность в органах государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, цель которых определена выполнением функций и задач по обеспечению надлежащего управления отраслями и сферами жизнедеятельности государства и общества. Одним из таких отраслей является транспорт и дорожное хозяйство, находящееся в ведении соответствующего ведомства, коим на примере Владимирской области является Министерство транспорта и дорожного хозяйства.

Деятельность Министерства транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области регулируется Указом Губернатора Владимирской области от 5 де-

кабря 2022 года № 245 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области» [2].

Для понимания особенностей правового статуса государственных гражданских служащих, замещающих соответствующие должности в рассматриваемом министерстве, остановимся на основных задачах, решаемых указанным органом государственной власти.

Так, Министерство транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области призвано реализовывать следующие задачи:

- проводить мониторинг транспортной инфраструктуры региона, разрабатывать и утверждать программы по ее развитию в городских и сельских поселениях;
- осуществлять сбор информации о безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах регионального значения, а также относящиеся к муниципалитету, и предоставлять данные сведения в Министерство цифрового развития;
- разрабатывать нормативно-правовые акты, регулирующие основные вопросы в части решения задач, поставленных перед Министерством транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области;
- принимать непосредственное участие в мероприятиях, разработанных на федеральном уровне в соответствии с целевыми программами;
- обеспечивать функционирование дорог областного и муниципального значения и безопасности движения на них, включая создание парковочных мест в установленных местах как на платной, так и бесплатной основе;
- осуществление надзора за сохранностью автомобильных дорог;
- разработка направлений инвестирования по развитию автомобильных дорог областного и муниципального значения;
- проводить информированность автомобилистов и иных пользователей автомобильных дорог об их состоянии, а также созданием и расположением мест общего пользования;
- использовать дороги областного и муниципального значения в целях, связанных с предотвращением чрезвычайных ситуаций проведением мероприятий по гражданской обороне, мобилизации, а также защитой населения, обеспечением необходимости массовой перевозки людей;
- обеспечение осуществления организации дорожного движения на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения Владимирской области.
- организация транспортного обслуживания населения воздушным, водным, автомобильным транспортом, включая легковое такси, в межмуниципальном и пригородном сообщении и железнодорожным транспортом в пригородном сообщении, осуществление регионального государственного контроля в сфере перевозок пассажиров и багажа легковым такси.

Рассматривая особенности правового статуса государственного гражданского служащего, замещающего должность в Министерстве транспорта и дорожного хозяйства субъекта РФ, обратимся к должностному регламенту, определяющему квалификационные требования к лицу, занимающему соответствующую

должность, а также права, должностные обязанности и ответственность. Так, в соответствии с должностным регламентом, Министерства транспорта РФ от 25 мая 2021 г. № 167 «Об утверждении примерного должностного регламента федерального государственного гражданского служащего Министерства транспорта Российской Федерации» [3], государственный гражданский служащий, замещающий должность ведущего специалиста-эксперта должен соответствовать следующим требованиям:

- иметь высшее образование;
- знать основные нормативные акты, регламентирующие его деятельность, а также деятельность органа государственной власти, в которой он занимает соответствующую должность, в частности:

1. Конституцию РФ.

2. Федеральные законы: «О системе государственной службы Российской Федерации», «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Кроме того, должностной регламент государственного гражданского служащего обязывает его знать положения федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4], а также разрабатываемых государством транспортных стратегий, устанавливаемых на определенный период, регламенты и положения Министерства транспорта Российской Федерации, а также Приказ Минтранса России от 21 сентября 2022 г. № 379 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Министерства транспорта Российской Федерации» [5].

К умениям государственного гражданского служащего в соответствии с занимаемой должностью ведущего специалиста-эксперта относятся:

- правильно применять при своей деятельности законодательные и иные нормативно-правовые акты;
- самостоятельно организовывать свою деятельность и ее планирование;
- выстраивать взаимопонимание и коммуникации с людьми;
- вести деловые переписки и переговоры.

В связи с чем выделяют следующие основополагающие навыки:

- владение языком делового письма;
- умение работать с использованием компьютерных средств, используя различные виды программных обеспечений, сети Интернет.

Также определены следующие должностные обязанности государственного гражданского служащего:

- исполнение поручений, данных Президентом, Правительством РФ, Министерством и департаментами;
- принятие участия в сборе информации для информационно-аналитического отдела в целях организации взаимодействия с иными органами государственной исполнительной власти субъектов РФ в области осуществления непосредственных функций и задач службы;
- разработка и подготовка соглашений о сотрудничестве Министерства транспорта и дорожного хозяйства с общественными организациями;
- организация пресс-конференций;

– рассмотрение жалоб и обращений, поступивших от граждан при наличии компетенции в их рассмотрении или дальнейшей их передаче их по подведомственности;

– осуществление иных функций, разработанных ведомственными приказами и распоряжениями.

К правам государственного служащего в соответствии с занимаемой должностью относятся:

– право владения информацией и материалами, необходимыми для использования в целях реализации своих должностных обязанностей;

– право на владение информацией, имеющей гриф секретности, если соответствующие обязанности имеют необходимость для этого;

– право на доступ к деятельности общественных и иных организаций, государственных органов для осуществления наделенными полномочиями.

Кроме того, должностным регламентом предусмотрено право государственного гражданского служащего самостоятельно принимать управленческие решения по определенным направлениям своей деятельности. Рассматривая вопрос ответственности государственного служащего, необходимо обратить внимание на последнюю аналитику среди полученных данных, указывающую на то, что, последствием наибольшей частью допущенных нарушений стало привлечение к дисциплинарной ответственности.

Говоря о механизме привлечения к ответственности государственного гражданского служащего, а в нашем случае дисциплинарного характера, стоит отметить, что его порядок описан в главе 12 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Он состоит из следующих этапов (стадий):

– выяснение обстоятельств совершенного проступка, сбор доказательств (установление причин и условий его совершения, обстоятельств, способствующих совершению и мотивов). Указанные сведения могут быть получены и в устной форме, за исключением случая, когда речь идет о грубом нарушении служебной дисциплины;

– получение объяснение от государственного служащего;

– принятие решения;

– объявление наложенного дисциплинарного взыскания с указанием причины его вынесения и сущности совершенного проступка [6].

Помимо дисциплинарной ответственности к государственным гражданским служащим применяются и иные виды ответственности, такие как: административная, уголовная и гражданско-правовая. В любом случае механизм привлечения складывается, в первую очередь, из установления вины и обстоятельств совершенного проступка или преступления, его мотивов, обстоятельств, времени и места совершения, и только потом принимается соответствующее решение.

Как мы видим, институт ответственности для государственных гражданских служащих представляет собой инструмент соблюдения дисциплины и воздействия на должностных лиц, которые безответственно относятся к своим служебным обязанностям. Он создан в целях повышения эффективности деятельности государственных служб, а также создания условий, которые бы противо-

действовали таким проявлениям преступного характера, как коррупция и злоупотребление должностными полномочиями, которые не только дискредитируют органы власти в глазах общественности, но и подрывают основы конституционного строя РФ.

В своем роде данный государственный инструментарий представляет собой не только элемент правового статуса государственного гражданского служащего, но и механизм, обеспечивающий исполнение государственно-управленческих решений в рамках законодательства.

На наш взгляд, эффективность государственных органов власти зависит прежде всего от качественного выполнения его должностными лицами своих служебных обязанностей с соблюдением всех нормативных предписаний и правовой регламентации их деятельности.

Изучив основы взаимодействия государственных гражданских служащих Министерства транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области с гражданами, можем выделить следующие проблемы организации такого взаимодействия:

- отсутствие системы надежных контактов с гражданами и их объединениями, растущее недоверие общества к государственным гражданским служащим и институтам государства;
- недостаточная прозрачность и доступность информации о работе Министерства транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области для граждан;
- длительные сроки рассмотрения обращений и низкая эффективность решений по ним;
- отсутствие механизмов обратной связи и контроля за качеством предоставляемых услуг;
- неэффективное использование современных технологий для улучшения взаимодействия с гражданами;
- недостаточное внимание к обучению и развитию государственных гражданских служащих в области коммуникации с гражданами.

Наличие указанных проблем становится возможным в силу неполноты реализации правового статуса государственных гражданских служащих Министерства транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области.

Также проблемным аспектом, на наш взгляд, выступает тот факт, что деловая оценка поступающих на работу государственных гражданских служащих Министерства происходит в основном по формальным признакам.

Можно выделить следующие основные проблемы правового регулирования процесса профессиональной подготовки и переподготовки государственных гражданских служащих на современном этапе:

- отсутствие четких критериев для оценки профессиональной подготовки и переподготовки государственных гражданских служащих. В законодательстве не определены четкие критерии для оценки уровня профессиональной подготовки государственных гражданских служащих, что затрудняет процесс контроля и оценки их квалификации;
- недостаток правовых механизмов обеспечения качества обучения. В насто-

ящее время отсутствуют эффективные правовые механизмы, которые бы обеспечивали высокое качество обучения государственных гражданских служащих;

- отсутствие правовых норм, регулирующих использование новых технологий в процессе обучения. С учетом быстрого развития технологий законодательство не успевает адаптироваться к новым формам и методам обучения, что затрудняет внедрение инноваций в процессе профессиональной подготовки и переподготовки государственных гражданских служащих;

- недостаток конкурентной борьбы образовательных организаций за получение государственного заказа, а также за профессиональную переподготовку и повышение квалификации государственных гражданских служащих;

- четкая зависимость образовательных организаций перед заказчиком, связанную с необходимостью выполнения различного рода требований, ущемляя инициативу образовательных организаций.

Трудности с качеством совершенствования нормативно-правовой базы для профессиональной подготовки, переподготовки и обучения государственных гражданских служащих, связанных с частичным регулированием и правовой неопределенностью профессионального развития государственных служащих.

Стоит отметить и проблемы мотивации государственных гражданских служащих, которые обусловлены спецификой деятельности государственного аппарата в целом и могут быть обусловлены различными факторами, к которым можно отнести:

Во-первых, невысокую заработную плату, что значительно снижает их удовлетворенность работой и, соответственно, снижает профессиональную мотивацию.

Во-вторых, часто государственные гражданские служащие ограничены в возможностях карьерного роста и продвижения по службе, так как количество должностей руководящего уровня, как правило, сильно ограничено.

В-третьих, до настоящего времени отсутствует четкая единая система поощрений и вознаграждений государственных гражданских служащих, что также негативно влияет на их мотивацию при выполнении должностных обязанностей.

В-четвертых, нередко на государственной службе ограничен доступ к профессиональному развитию и обучению, что негативным образом сказывается на мотивации гражданских служащих и их профессиональной независимости.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о проблемах в действующем законодательстве закрепляющего и регулирующего правовой статус государственных гражданских служащих, что снижает эффективность и качество реализуемых ими задач в интересах страны и общества, а также отрицательным образом сказывается на уровне услуг, оказываемых населению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.05.2003 №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 14.05.2003) // Собрание законодательства РФ. 2003 г. № 22. Ст. 2063.

2. Указ Губернатора Владимирской области от 05.12.2022 № 245 «Об утверждении Положения о Министерстве транспорта и дорожного хозяйства Владимирской области». – URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3300202212050007> (дата обращения: 12.10.2024).

3. Приказ Министерства транспорта РФ от 25.05.2021 № 167 «Об утверждении примерного должностного регламента федерального государственного гражданского служащего Министерства транспорта Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401307542/> (дата обращения: 10.10.2024).

5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 8.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

6. Приказ Министерства транспорта РФ от 21.09.2022 № 379 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства транспорта Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405243861/> (дата обращения: 15.10.2024).

7. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 8.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004 г. № 31. Ст. 3215.

УДК 342.547

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Исаева Дарья Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807093@ruc.su

IMPROVING THE STAFFING OF PUBLIC CIVIL SERVANTS AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE LAW

Isayeva Darya Vasilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Росту эффективности государственной гражданской службы в Российской Федерации препятствует применение традиционных кадровых технологий на этапах отбора персонала, адаптации новых сотрудников к служебной деятельности. В результате проведенного исследования предлагается введение регулярной всесторонней оценки служебной деятельности государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: государственные гражданские служащие, методы подбора персонала, кадровый состав.

The growth of the efficiency of the state civil service in the Russian Federation is hindered by the use of traditional personnel technologies at the stages of personnel selection, adaptation of new employees to official activities. As a result of the conducted research, it is proposed to introduce a regular comprehensive assessment of the performance of public civil servants.

Keywords: government civil servants, recruitment methods, personnel.

Решение задачи достижения национальных целей развития Российской Федерации требует совершенствования кадрового состава государственных гражданских служащих. Об этом в частности говорится в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития

Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Одной из актуальных проблем на современном этапе является проблема формирования и развития эффективного корпуса государственных гражданских служащих Российской Федерации, связанная в том числе с повышением профессионализма служащих и мотивации их труда. Решение данной проблемы находится в плоскости обновления форм и методов работы с кадровым составом указанной категории лиц.

На первый план сегодня в числе основных требований к государственным гражданским служащим выступают готовность к переменам, адаптивность, творческое мышление и креативность.

Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ установлены требования к проведению конкурсного отбора на государственную гражданскую службу, а также порядок и методика проведения аттестации служащих, которая сегодня является основным и практически единственным официально утвержденным методом оценки персонала в рассматриваемой сфере.

В то же время оценка служащих в ходе проведения процедуры аттестации обычно проводится в форме тестирования на выявление знаний законодательства Российской Федерации и собеседования, в ходе которого определяется уровень понимания служащим содержания будущих профессиональных обязанностей. В настоящее время нет законодательных препятствий в сфере принятия решений о выборе методов оценки кандидатов на вакантные должности. В Указе Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 года № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы», в частности, говорится о совершенствовании методов оценки (в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий) профессиональных качеств гражданских служащих и лиц, претендующих на замещение должностей гражданской службы и включение в кадровый резерв на гражданской службе [1]. Объектом оценки должна быть индивидуальная подготовленность служащих к выполнению служебных задач.

Сегодня в Российской Федерации официально утвержден только один метод оценки эффективности деятельности кадрового состава – аттестация служащих. Рассматриваются предложения о проведении процедур аттестации, а также оценки профессионального уровня служащих, заменившей квалификационный экзамен, в письменной форме. Также анализируются подходы, предусматривающие разработку критериев оценки профессиональных компетенций аттестуемых.

В настоящее время созданы условия для внедрения новых форм проведения оценки результатов профессиональной служебной деятельности служащих в рамках проведения экспериментов (Указ Президента Российской Федерации от 31 августа 2020 года № 536 «Об утверждении Положения о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы»).

Ограничением для организации работы в данном направлении является от-

сутствие нормирования в сфере государственной гражданской службы, несмотря на возможность количественного подсчета исполненных служащим поручений в рамках должностных обязанностей и проведения анализа на качественную оценку их выполнения. Электронный документооборот органов власти позволит получить выгрузку данных о количестве подготовленных служащим ответов на жалобы и обращения граждан, проектах локальных и нормативно-правовых актов. После получения количественного анализа несложно выполнить качественный анализ, проанализировав, сколько проектов актов принято из числа разработанных проектов и сколько результативных ответов, предусматривающих конкретное решение проблемы заявителя, подготовлено служащим.

Критериями оценки эффективности деятельности служащих также могут выступать результаты работы, исполнительская дисциплина, а также качество профессиональных взаимоотношений.

Отсутствие нормирования на государственной гражданской службе нередко приводит к перегрузке наиболее ответственных служащих, на которых возложен больший объем работы, что может приводить к их профессиональному выгоранию.

По мнению ряда отечественных авторов, содержанием оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего должна стать оценка результативности, проводимая на регулярной основе. Несмотря на тезис о невозможности оценить умственный труд, авторы предлагают проводить количественную и качественную оценку результативности выполняемых служащими полномочий [2, с. 56].

В частности, предлагается количественно подсчитать объем исполненных функций (поручений) конкретным служащим за отчетный период. Также можно подсчитать количество опозданий на работу и ранних уходов с работы, если таковые имели место. Качественными показателями исследователи предлагают считать так называемые показатели профессионализма государственных гражданских служащих, в том числе конкретные результативные решения.

Количественные и качественные показатели работы служащих предлагается разрабатывать в зависимости от поставленной цели оценивания каждым органом государственной власти самостоятельно. Органы государственной власти на основе полученных результатов количественной и качественной оценки профессиональной служебной деятельности служащих могут формировать рейтинги. При проведении оценки по выбранным показателям рекомендуется сравнивать результаты работы конкретного служащего за несколько отчетных периодов.

В настоящий период получил распространение метод оценки компетенций государственных гражданских служащих «360 градусов». Использование данной методики предполагает проведение оценки компетенций сотрудника его коллегами, с которыми он тесно общается и контактирует при выполнении служебных обязанностей. «Это позволяет повысить объективность оценки как за счет количества участников, так и за счет того, что оценки делового окружения базируются на реальном опыте взаимодействия в процессе работы» [3, с. 330].

В заключение хотелось бы отметить, что система материального стимулирования государственных гражданских служащих позволит повысить ответственность служащих за выполнение конкретных задач в рамках должностного регламента и обеспечить объективную оценку служебной деятельности служащих и их вклад в общие результаты органов власти.

Тиражирование метода «360 градусов», уже успешно применяемого для оценки компетенций служащих в отдельных федеральных органах исполнительной власти, обеспечит получение результатов оценивания как личных, так и профессиональных качеств посредством изучения мнения коллег. Важной содержательной характеристикой оценочного метода «360 градусов» является обзор мнений в отношении служащих, то есть рабочей среды, а не в рамках смоделированной ситуации.

Использование названного выше метода оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих будет способствовать повышению мотивации служащих к выполнению поставленных задач на высоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 26. – Ст. 3410.

2. *Байтеряков, С. В.* Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / под ред. М. С. Шклярук. – Москва : Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 2021 – 118 с.

3. *Масленникова, Е.* Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления / Е. Масленникова, И. Б. Шебураков, Л. Н. Татарина // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 324-336.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Исаева Наталья Ильинична, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807094@ruc.su

ON THE ISSUE OF PARTICIPANTS IN THE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Isaeva Natalya Ilyinichna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье анализируется административное законодательство (КоАП РФ) и его процессуальные нормы, в рамках вопроса, касающегося участников производства по делам об административных правонарушениях (далее производства по делам об АПН) и их правового статуса. Выделена и охарактеризована каждая категория участников.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, участники производства по делам об административных правонарушениях, права и обязанности участников производства по делам об административных правонарушениях.

This article analyzes the administrative legislation (Administrative Code of the Russian Federation) and its procedural norms, within the framework of the issue concerning participants in the proceedings on administrative offenses (hereinafter referred to as APN proceedings) and their legal status. Each category of participants is singled out and characterized separately.

Keywords: proceedings in cases of administrative offenses, participants in proceedings in cases of administrative offenses, the rights and obligations of participants in proceedings in cases of administrative offenses.

Зарождение и постепенное развитие института административной ответственности в нашей стране начинается с конца XIX века. Дореволюционное право вообще не признавало юридических лиц субъектами публичной ответственности за проступки. Мировые суды этого времени были компетентны рассматривать дела о проступках привилегированных и низших сословий. Кроме этого, чиновники контролировали соблюдение законодательства, а граждане защищали свои права путем подачи жалоб. После революции к административной ответственности все также привлекаются физические лица, а юридические – реже. Причем самыми распространёнными видами наказаний в это время являются штраф и арест. Появляются новые государственные органы – Советы, а в новой системе управления административный процесс получает статус более централизованного. После распада СССР ставится курс на демократизацию и именно в это время значительно расширяется круг участников процесса (например, в него вошли общественные организации). Конституция РФ 1993 года во многом определила некоторые принципы административного судопроизводства в целом. Однако главным нормативно-правовым актом по рассматриваемому нами вопросу выступает принятый 30 декабря 2001 г. КоАП РФ, который в 25 главе закрепляет строго определенный перечень участников производства по делам об АПН и их административно-правовой статус.

Сама по себе категория «правовое положение» выступает системной и интегральной, поскольку содержит в себе различные аспекты состояния лица: гражданство, процессуальную правоспособность и дееспособность [1, с. 187].

При обращении к судебной практике относительно темы нашего исследования и ее изучении становится наглядно понятно, насколько многообразными и разноплановыми могут представлять составы участников производства по делам об АПН. Существуют, причем повсеместно, случаи, где участником вообще выступает всего лишь одно лицо. Это не противоречит закону и, как уже было отмечено, часто встречается на практике.

Для того, чтобы надлежаще разграничивать участников производства по делам об АПН и понимать, что представляет собой их правовой статус и от чего он зависит, в юридической теории существует классификация таких участников, выстраиваемая в прямой зависимости от наличия заинтересованности в деле:

1) итак, вполне разумно и справедливо начать перечисление с участников производства, выступающих в защиту личных интересов. Это лица, в отноше-

нии которых и ведется производство по делу, то есть сам нарушитель, а также потерпевший, причем последний не всегда будет участвовать в производстве;

2) следующая категория включает в себя участников производства, выступающих в защиту личных интересов представляемых лиц – это и законные представители физического лица, и законные представители юридического лица, защитники или представители;

3) отметим наличие участников производства, которые выступают в защиту публичных интересов (например, прокурор);

4) немаловажным выступает привлечение к делу лиц, содействующих осуществлению производства, – свидетелей, понятых, специалистов, экспертов, переводчиков.

Это не единственная классификация. Безусловно, в юридической литературе существует ряд других. Но все они в своей совокупности и в взаимодополнении помогают лучше уяснить значение в производстве по делам об АПН каждого из его участников: его роль и, самое главное, правовой статус.

Рассматривая лицо, в отношении которого ведется производство по делу, первоначально необходимо обозначить перечень процессуальных прав, которым оно наделяется: знакомиться со всеми материалами дела; давать объяснения; представлять доказательства, что является именно правом, а не обязанностью, поскольку его вина доказывается правомочным субъектом, осуществляющим производство по делу, так как речь идет о публичном процессе, а не о гражданском; пользоваться юридической помощью защитника и иные процессуальные права.

Как правило, дело об АПН рассматривается с участием такого лица и может быть рассмотрено в его отсутствие лишь в тех случаях, когда имеются данные о том, что лицо было надлежаще уведомлено о месте, времени рассмотрения дела и, если от него не поступало ходатайство об отложении рассмотрения дела либо такое ходатайство не было удовлетворено.

Надлежащее извещение означает, что лицу, выступающему в защиту собственных интересов, повестка в соответствующее заседание юрисдикционного органа (в суд или же к должностному лицу) вручена лично и под роспись.

Потерпевший фигурирует в ситуациях, когда рассматривается материальный состав правонарушения, то есть имеются некие последствия деяния, которыми и причиняется вред, например здоровью или имущественным интересам каких-либо граждан [2, с. 16].

В защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство, или потерпевших, являющихся несовершеннолетними или недееспособными, выступают их законные представители. Ими могут быть родители, законные представители, опекуны или попечители. Законные представители физических лиц имеют права и несут обязанности, предусмотренные в отношении представляемых лиц.

На практике не должно сложиться ситуации, при которой лицо лишается своего законного права и возможности, гарантированных Конституцией РФ, на защиту.

Интересы юридических лиц (предприятий, учреждений, организаций) в про-

изводе по делу об АПН могут быть представлены, как правило, законными представителями. Это руководитель, генеральный директор, президент компании и другие [3, с. 90].

Конституция России, являясь главным основным законом нашей страны, наделяет каждого правом на получение квалифицированной юридической помощи.

Для эффективной реализации вышеуказанного права КоАП РФ закрепляет институт представительства и защиты. Так, на основании ходатайства заинтересованного лица, в дело может быть привлечен защитник, а для оказания правовой помощи потерпевшему – представитель. В качестве защитника (представителя) выступает адвокат или иное лицо, причем допускаются они к участию в производстве с момента возбуждения дела. К таким моментам относятся составление протокола, административное задержание, личный досмотр или досмотр транспортного средства и так далее. В качестве иного лица может привлекаться юрист или же человек без диплома юриста.

Свидетелем является такое лицо, которому известны определенные обстоятельства по делу, требующие установления. Он может быть вызван судьей, государственным органом либо же должностным лицом, которыми осуществляется производство по конкретному делу об АПН.

К слову, показания свидетеля на протяжении всей истории выступали и продолжают выступать основным из источников доказывания. Что интересно, Административный кодекс не содержит норм, касающихся состояния здоровья свидетеля (понятого, кстати, тоже). В целом, вопрос об установлении вменяемости участников производства по делам об АПН является открытым, даже злободневным, и многие ученые-административисты занимаются его рассмотрением.

В качестве понятого выступает любое, достигшее возраста 18 лет и не заинтересованное в исходе дела, лицо. Присутствие понятых обязательно в большинстве случаев применения мер обеспечения производства по делу, например при личном досмотре гражданина или досмотре его транспортного средства, при изъятии орудий совершения административного правонарушения и так далее. Понятой удостоверяет в протоколе своей подписью факт совершения в его присутствии процессуальных действий, в том числе перечисленных выше, их содержание и результаты. Кроме этого, он имеет право оставлять в протоколе свои замечания, что запретить ему нельзя. Если свидетель является невольным участником происшествия, то понятой участвует в деле на добровольной основе и за отказ не несет никакой ответственности. Стоит отметить, что понятые в большинстве случаев не имеют юридического образования, это случайные люди, так называемые «контролеры от общества». Должностные лица должны пояснять им, что именно и в какой последовательности необходимо делать.

Специалистом, участвующим в производстве по делу, может выступать совершеннолетнее и не заинтересованное в исходе дела лицо. Кроме этого, он имеет определенные знания, которые расцениваются государственным аппаратом в лице его органов как обязательные и полезные для содействия в применении каких-либо технических средств или в работе с доказательной базой. Спе-

циалистом может выступать, например, бухгалтер, при помощи которого происходит выемка необходимых банковских документов. Специалист, привлеченный к участию в деле, оформляет свое мнение в форме пояснений и предупреждается об ответственности за достоверность своих пояснений.

Эксперт, привлекаемый к производству, должен быть совершеннолетним и не заинтересованным в исходе дела. Он имеет познания в сфере, по которой специализируется. Наличие таких знаний обуславливает его возможность и право на дачу экспертного заключения. Эксперт в делах об АПН, анализируя и изучая материалы дела, находящиеся в открытом для него доступе, создает новые доказательства.

Как и специалисты, эксперты имеют право присутствовать на судебных заседаниях по рассмотрению дел, в которых они выступают участниками. Не стоит забывать, что дела могут быть разной сложности в зависимости от научных или технических аспектов, а благодаря опыту данных участников производства минимизируется уровень некой неопределенности.

Справедливо мнение о том, что любой эксперт – это специалист, но не любой специалист эксперт [4, с. 28].

При рассмотрении некоторых дел об АПН может потребоваться участие переводчика – совершеннолетнего не заинтересованное в исходе дела лица, которое владеет языками или навыками сурдоперевода. На практике периодически возникают ситуации, когда становится необходимым учитывать наличие языков народов РФ (это зависит от региона).

При рассмотрении последнего участника в производстве по делам об АПН, прокурора следует отметить, что круг его прав более обширен, чем у всех остальных групп.

К сожалению, на сегодняшний день наблюдаются факты неисполнения или ненадлежащего исполнения требований закона, что, в первую очередь, проявляется в грубом нарушении прав и интересов граждан. Конституция РФ закрепляет предоставление гарантии защиты прав и свобод каждому гражданину. Получается, что в этой связи, государство взяло на себя обязанность по защите общественных прав и свобод, что реализуется путем наделения соответствующими полномочиями государственных органов. Участие прокурора в рассмотрении дела является залогом соблюдения законности.

Участники производства по делам об АПН, безусловно, являются основными субъектами данного вида производства. Их административно-правовой статус находится в прямой зависимости от того, какую роль они выполняют в данном производстве.

От определения специфических особенностей и характеристик участников административного производства, их прав и обязанностей зависит протекание процесса по делу, а также его законность и доступность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турчин, П. И. Правовой статус участников производства по делам об административных правонарушениях / П. И. Турчин // Вестник науки. – 2024. – Т. 4, № 3(72). – С. 185-193.
2. Давыдов, М. В. Понятие «потерпевший» и проблемы реализации его административно-

правового статуса в производстве по делам об административных правонарушениях / М. В. Давыдов, Р. А. Лубский // Философия права. – 2023. – № 1(104). – С. 14-20.

3. Редкоус, В. М. К вопросу о правовом статусе и правовом положении юридических лиц - участников производства по делам об административных правонарушениях / В. М. Редкоус, Н. Ю. Дуванов, С. В. Зарицкий // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 6, № 1(25). – С. 88-95.

4. Петрова, Ю. С. Правовой статус эксперта как участника производства по делам об административном правонарушении / Ю. С. Петрова // Студенческий вестник. – 2023. – № 43-5(282). – С. 27-28.

УДК 342.33

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНИЯ О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТЕЙ В РОССИИ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ

Калабкина Мария Фёдоровна, магистрант

Слатимов Георгий Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807095@ruc.su; st808105@ruc.su

FORMATION OF THE TEACHING ABOUT THE SEPARATION OF POWERS IN RUSSIA DURING THE EMPIRE

Kalabkina Maria Fedorovna, Master's Degree student

Slatimov Georgy Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы о формировании научных идей и воззрений относительно разделения властей в России в XVIII – начала XX века (период Российской империи).

Ключевые слова: государственная власть, разделение властей, ветви государственной власти.

The article examines questions about the formation of scientific ideas and views regarding the separation of powers in Russia in the 18th – early 20th centuries (the period of the Russian Empire).

Keywords: state power, separation of powers, branches of government

В XVIII веке в России, «модные» и популярные в либеральных кругах Европы идеи о разделении властей, тоже начали прокладывать себе дорогу и стали популярным в кругах ряда отечественных мыслителей и политиков. Европа в то же время из идиом античности и собственных размышлений сформировала идеологию «Просвещения», важной частью которой была фокусировка на признании и защите прав и свобод людей, которые вмещались в понятие «права и свободы человека». Видный русский ученый-правовед и просветитель С. Е. Десницкий, разделяя подобные взгляды, в своем труде «Представление о учреждении законодательной, судебной и наказывающей власти в Российской империи» [1] с некоторой опаской относился к возможности учреждения института разделения властей в России. Признавая ее необходимость, он благора-

зумно подмечал, что нельзя просто разделить власть между разными органами государства, но нужно создать орган надзора над ними, дабы ограничить их вседозволенность, не дать им выходить за пределы своих полномочий, тем самым предупреждая возникающую опасность.

М.М. Сперанский, либеральный реформатор XVIII-XIX веков и вовсе считал, что законность государства и его возможности в области права напрямую исходят из его структуры в области разделения властей. Так власть законодательная находится в ведении Государственной Думы – двухпалатного парламента, исполнительная власть остается в руках царя, а судебная власть переходит в руки выстроенной системы судом. Таким образом, «три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судебная» [2].

Идеи конституционализма и республиканства нашли серьезный отклик в лице молодых представителей русской знати, многие из которых предложили и свои проекты государственного устройства. Так П. И. Пестель видел будущее государственного устройства России, в конституционной республике, в которой законодательная власть принадлежит Народному Вече, судебная власть – Верховному Собору, а исполнительная власть – Державной Думе, которая не формировалась бы народом непосредственно, а которую выбирало бы Народное Вече, что делает проекта государства Пестеля близким к некому подобию парламентской республики настоящего времени.

Помимо проекта П. Пестеля, свой проект государственного устройства России представил и другой видный деятель декабристского движения Н. М. Муравьев. Его мысли об устройстве государства уже более консервативны, так как предполагалось сохранение в России монархической формы правления, но с ограничением его власти. Власть законодательная, по его мнению, должна принадлежать парламенту, судебная власть судам, власть исполнительная должна быть у монарха, которая должна будет ограничена властью парламента, также монарх теряет некоторую идеологическую часть, характеризующую его власть, более он не признавался источником власти, вместо этого народ отныне занимал это место, а правитель становился лишь «верховным чиновником империи». Такая десакрализация власти, выглядела крайне нетипична для государственного устройства России начала XIX века.

Конец века XIX и начало века XX поставили перед российскими мыслителями и учеными-правоведами множество сложных и, казалось бы, неразрешимых вопросов, связанных с организацией власти. Политическая и правовая традиция России, известная как «самодержавие», характерная для отечественной формы правления, как вариация европейского абсолютизма, не допускала ни разделения, ни ослабления власти монарха, что, однако, не мешало попыткам найти различные возможности к совмещению этих двух противоположных концепций. Российский профессор права и публицист А. Д. Градовский пытался совместить их путем не сколько разделения, сколько путем выделения отдельных государственных органов, не самостоятельных, но действующих от имени государя, за которым конечно же оставалась вся полнота власти. Сами же выделенные органы были посредниками между властью императора и своими полномочиями, действуя в рамках них самостоятельно [3]. Важно отметить, что

подобные попытки говорят о сложностях в реализации наиболее прогрессивного принципа внутреннего формирования государства в России.

Сложности в примирении этих двух принципов подмечало большинство государственных деятелей и ученых-юристов, и потому эти попытки уступали мыслям о реформировании государства, превращения его из абсолютистской монархии в монархию конституционную. Видный сторонник данной идеи Б. Н. Чичерин по праву может считаться основоположником конституционного (государственного) права России. Считая конституционную монархию наиболее предпочтительной формой правления, он полагал, что подобное государство сможет лучше реализовывать поставленные перед собой цели и задачи. Согласно Чичерину перед монархом, стояли задачи быть посредником между аристократией и народом, уравнивая их влияния и оставаясь источником власти, не допуская пагубного влияния, которое оказывали бы аристократы и народ на государство, в том случае если бы имели всю полноту власти.

Он считал, что гармония между этими тремя элементами, царем, аристократией и народом, должна обеспечить благоприятную среду для развития общества и свободы для входящих в него индивидов. Чичерин, несмотря на благой взгляд на народные массы и на демократические элементы в государстве, был явным противником всеобщего избирательного права, так как поддерживал систему избирательного ценза. Власть, несмотря на свою разделенность, находится под управлением одного лица – монарха. Система разделения властей не должна допускать перекоса одной части государственной власти по отношению к другой, что требует создания собственной системы сдержек и противовесов. Монархическая власть для Чичерина была поставлена в особое положение, довлея и вмешиваясь в законодательные и судебные процессы, в дополнение к контролю за исполнительной властью становясь как бы выше остальных ветвей власти. Ее долг – удерживать государство в единстве, защищая слабых и смиряя сильных, защищая не конкретные интересы личности, а интересы общества, интересы большинства.

Политическое кредо такой формы правления можно выразить следующим образом: «Либеральные меры, которые предоставляют обществу самостоятельность, свободу мысли и совести, и дают возможность высказываться всем законным желанием. Сильная власть, которая обеспечивает государственное единство, связывает и сдерживает общество, охраняет порядок, строго следит за соблюдением закона, и дает гражданам уверенность, что во главе государства есть сильный лидер, на которого можно положиться, и разумная сила, которая будет защищать общественные интересы против анархии и реакционных партий» [4].

Другой видный государственный деятель, юрист и политик В. М. Гессен, который внес значительный вклад в развитие юриспруденции в России, также считал и твердо верил в то, что принцип разделения властей должен быть основой для устройства Российской Империи, как конституционного государства. Гессен исходил из того, что разделение властей необходимо для существования государства, основанного на праве и воле народа, так как только при разделении исполнительной власти от законодательной и судебной, можно говорить об

ослаблении правительства. Парламент для Гессена был особенно важен, так как именно через него народ, осуществлял свое представительство, без которого его воля не могла быть услышана. Так, являясь представителем воли народа, парламент освобождался от каких-либо функций бюрократического управления, концентрируя свое внимание на выражении народной воли, а не на службе государственной машине. Законодательная власть должна быть первостепенна по отношению к другим ветвям власти, так как только так можно обеспечить народовластие над правительством и установить правовые отношения между ним и народом. Вся власть исходит из этого представительного органа, именно он наполняет силой правительство, даруя ему обязанности и полномочия.

Такое виденье государства шло строго в разрез с абсолютистским правлением в Российской Империи. Индивид в абсолютистском государстве – это объект власти, подданный, не обладающий публичными правами и не могущий осуществлять защиту своих интересов. В конституционном государстве Гессена жители государства есть субъекты права, правомочные граждане, у которых есть публичные права и обязанности. Хрупкая конструкция такого государства требовала сильной представительной власти, парламента, способного подчинить себе правительство и защитить свою демократическую, народовластную природу. В. Гессен, также затрагивал вопросы и судебной власти.

Суд – это орган, в чьи задачи входит прежде всего защита публичных прав и неприкосновенность публичных прав, без которых невозможно разделение властей. Защита прав – важнейший признак правового государства.

Видный ученый юрист и философ права Н. М. Коркунов также внес вклад в русскую правовую мысль о разделении властей. По его мнению, разделение властей должно иметь не статичный, а исключительно динамичный характер. Закон и свобода должны быть обеспечены не только распределением власти между тремя ветвями, но и дальнейшим ее дроблением между различными учреждениями, притом они не обязательно должны быть даже формально подконтрольны кому-либо их властной триады [5].

Стагнация и застой в государстве непременно могут привести к идеям форсированного его развития. Революция – это действенный метод изменения государства. Однако более предпочтителен эволюционный подход к праву. Многие ученые-юристы и социологи, такие как М. М. Ковалевский и К. Д. Кавелин придерживались этого подхода в развитии страны. Они полагали, что Россия должна иметь форму конституционной монархии и только так можно гарантировать поступательное развитие страны, внедряя законы не ущемляющие, но защищающие права и свободы граждан.

Ю. С. Гамбаров также считал, что исторически правильный путь России есть путь в правовое государство, видя в отсутствии разделения властей не только преграду перед правовым государством, но и прекрасную среду для рождения злоупотреблений властью и нарушениям прав и достоинства людей.

Список российских юристов, ученых, философов, политических деятелей, выступающих за разделение властей можно продолжать и дальше. Так, видный государственный деятель Н. И. Лазаревский считал, что принципы разделения властей, подотчетности их друг другу, независимости и сильной законодатель-

ной власти являются основой для правового государства, приводя в пример конституции таких стран, как США, Польша и Франция. Б. Э. Нольде, еще один известный русский юрист, отстаивая принципы независимости властей, высказывал критические замечания относительно законов Российской Империи, считая, что возможность царя распустить Государственную Думу и при этом заниматься законотворчеством в обход соответствующих органов есть ничто иное как отход от принципов разделения властей и злоупотребление властью. Л. И. Петражицкий, философ и правовед, основавший школу психологического права, также признавал необходимость правового государства, считая состояние права в государстве определенным фактором ментального состояния граждан, что его наличие отражает и влияет на нравственное поведение граждан, выводя из этого необходимость парламентского государства и конституционно закрепленных прав населяющих его граждан. Общественный и политический деятель Павел Иванович Новгородцев, юрист и философ, также выступал за правовое государство, отстаивая принципы народного правления, верховенства права, свободы и естественного права, считая, что определенный их набор присущ всем от рождения. Важной подспорьем его взглядов служило Евангелие, а точнее те нравственные ориентиры, которая оно проповедовало. Их распространение и защита виделись возможными лишь в условиях защиты прав граждан, их суверенитета. Разделение властей виделось как необходимый шаг к недопущению тирании, сохранению властного баланса и независимого общества.

Начало XX века в истории Российской Империи было временем, когда идеи правового государства и теория разделения властей окончательно утвердилось в умах не только мыслителей и ученых, но большой прогрессивной массы населения России.

Известный российский юрист Б. А. Кистяковский в своих трудах рассуждал так. Неограниченная власть государства, является не столько помехой, сколько принципиальным ограничением на пути построения правового, конституционного государства, которое невозможно без формализации и закрепления прав личности. Равенство между гражданами страны также занимало определенное место в рассуждениях Б. А. Кистяковского. Для него социальная справедливость и равенство людей, являясь самоценными, должно было быть достигнуто через создание правового государства с разделением властей [6].

Русский правовед Н. Н. Ворошилов был менее оптимистичен в отношении теории разделения властей. Несмотря на то что он был сторонником данной теории и высоко оценивал стоящие за ней аргументы, он был сторонником царской власти. Он, однако, излагал не идеологические аргументы, а строго практические. Россия была слабо развитой страной в сфере политической жизни и монарх, должен был скреплять ее до тех пор, пока ситуация не изменится к лучшему [7].

Итак, идеи и воззрения о разделении властей в истории России, периода империи занимали умы многих отечественных мыслителей, философов и ученых. Плоды их дум и чаяний, во многом, легли в основу современной российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий, С. Е. Представление о учреждении законодательной судительной и наказательной власти в Российской империи // Сообщ. А. Успенский. Санкт-Петербург, 1905.
2. Дамдинова, Д. А. Конституционная реформа о месте правительства РФ в системе исполнительных органов государственной власти. 2022. № 18 (413). С. 251-253.
3. Градовский, А. Д. Собрание сочинений. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000023254/
4. Чичерин, Б. Н. Философия права. Избранные сочинения. Москва : Юрайт. 2024.
5. Коркунов, Н. М. Русское государственное право. Том I. Введение и общая часть. Издание шестое. – Санкт-Петербург, 1909. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/korkunov_nm_russkoe_gosudarstvennoe_pravo_tom_i_vvedenie_i_obshchaya_chast/
6. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва : М. и С. Сабашниковы. 1916. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/socialnye_nauki_i_pravo_ocherki_po_metodologii_socialnyh_nauk_i_obshchej_teorii_prava_kistyakovskij_ba/
7. Ворошилов, Н. Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль: Тип. Ярослав. губ. зем. управы, 1871. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/61405-voroshilov-n-n-kriticheskij-obzor-ucheniya-o-razdelenii-vlastey-yaroslavl-1871>

УДК 342.33

ПОНИМАНИЕ ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Калабкина Мария Фёдоровна, магистрант

Слатимов Георгий Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807095@ruc.su; st808105@ruc.su

UNDERSTANDING THE THEORY OF SEPARATION OF POWERS AND ITS EVOLUTION

Kalabkina Maria Fedorovna, Master's Degree student

Slatimov Georgy Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы понимания и формирования теории разделения властей. Предпосылки становления теории разделения властей обнаружили себя в античной политико-правой мысли, а ее классическое изложение сформировалось в XVII–XVIII веках. Однако политико-правовая мысль XIX–XX веков также оказала на нее влияние.

Ключевые слова: теория разделения властей, государственная власть, ветви власти.

The article discusses issues of understanding and forming the theory of separation of powers. The prerequisites for the formation of the theory of separation of powers were found in ancient political-right thought, and its classical presentation was formed in the 17th-18th centuries. However, political and legal thought of the 19th and 20th centuries also influenced it.

Keywords: theory of separation of powers, state power, branches of government.

Теория разделения властей является наиболее масштабной и популярной

доктриной, касающейся проблем деятельности и структурной организации органов государственной власти. В ней разработаны вопросы, отнесенные в том числе к взаимодействию государства с обществом. Это важно для понимания природы и смысла политико-правовой идеи, в которой раскрывается теория разделения властей.

Идея о необходимости ограничения абсолютной государственной власти путем ее «разделения» возникает в ходе развития политико-правовой мысли, порожденной эволюцией социально-политических взаимоотношений в обществе. Эта концепция не является искусственной, умозрительной существующей исключительно в качестве воззрения. В настоящее время она представляет собой определенную модель практической деятельности государства, его воздействия с обществом и в некотором смысле является ключевым этапом развития государства. Идея о разграничении власти вытекает из долгих перипетий философских, научных, теологических и повседневных представлений о природе власти, которые основаны на обширном социально-политическом опыте человечества.

Взаимоотношения между индивидуумом и коллективом, обществом и государством обладают двойственным характером, включая как противоречия, так и взаимные потребности. Несмотря на разнообразие ценностей индивидуума, общества и государства, их взаимодействие необходимо им для собственного существования. Для государственной власти общество является окружающей средой, в которой она функционирует, в то время как для общества государственная власть является главным способом самоорганизации в современной социальной системе. Взаимоотношения в формуле индивид – государство являются сложными и противоречивыми, это обусловлено тем, что живя в государственно-организованном обществе, человек утрачивает значительную часть своей личной и социальной свободы, но, с другой стороны, за защитой своих прав и интересов вынужден обращаться к государству. Таким образом, возникновение посредника между обществом и отдельным индивидом стало следствием необходимости создания баланса в противоречиях, существующих в обществе.

Теорию разделения властей следует рассматривать в первую очередь как правовую концепцию и теорию, из которой следует ряд юридических и политических изменений в структуре государства, наиболее явные из которых выражаются в разделении власти суверенного государства между классической государственной триадой властей: властью судебной, законодательной и исполнительной.

Подобное дробление и диффузия властных полномочий прежде всего служат подспорьем для создания такого положения наделенных властью субъектов государства входящих в его состав, которое исключало бы и предотвращало саму возможность узурпации власти, которая не могла бы привести к игнорированию интересов общества, отдельных групп лиц, граждан либо могла бы привести к нанесению вреда как отдельным лицам, так и всему обществу. Принцип разделения властей по праву считается основой и краеугольным камнем современных правовых обществ – чтящих закон, направленный на защиту интересов своих граждан, их свобод, достоинства, при этом являясь не столько

набором обширных, жестко структурированных норм, охватывающих все стороны жизни государства, сколько узкую систему конституционных норм, делящих властные полномочия, находящиеся в руках, государства на три части: законодательную, судебную и исполнительную части. Систему государственной власти, что строится на принципах разделения властей, можно охарактеризовать через следующие его признаки:

- государство передает часть своих властных полномочий в руки различных органов государственной власти, распределяя ее между ними;

- государство уравнивает властные полномочия разных ветвей государственной власти, и не допускает перекаса какой-либо из них;

- государство помимо установления властного равновесия также устанавливает и правовое равенство между органами государственной власти;

- государство обеспечивает автономность различных ветвей власти, то есть законодательной, судебной и исполнительной, их способность самостоятельно осуществлять свои властные полномочия и функции;

- государство распределяет обязанности по функционированию государства между служащими государственного аппарата;

- государство создает такие правовые нормы, которые включают в себя такое право, как право контроля, право участия в деятельности государства, право вето;

- государство выстраивает отношения между ветвями государственной власти таким образом, чтобы они посредством своих полномочий и задач могли сдерживать власть друг друга, обеспечивая баланс государственной власти.

Целью разделения властей является предотвращение возникновения диктаторского, тиранического режима путем ограничения власти каждой из трех ветвей государственной власти.

Теория разделения властей преподносит себя как метод наиболее рационального и эффективного построения властных отношений в правовом государстве, ведь подобное разделение позволяет привести высшие органы власти к состоянию взаимного контроля за деятельностью друг друга и, что немаловажно, эффективному взаимодействию между собой. Данное разделение призвано способствовать возникновению особого типа правовых инструментов – сдержек и противовесов. Инструментов призванных устранить либо свести к минимуму, неизбежно возникающие во время работы ошибок и не допускать единоличного принятия важных для государства решений.

Во времена далекой античности множество политических мыслителей и философов задавались вопросами о существовании отдельных от основного государственного тела частей, несущих на себе часть его задач, что говорит о том, что проблемы распределения полномочий нельзя назвать новыми или относительно новыми, вероятнее всего, человечество сталкивалось с ними с начала образования государства. Взаимодействуя между собой, эти части могут поддерживать друг друга либо же мешать, если одна часть получает чрезмерные властные преимущества. Выдающийся философ античности Платон уподоблял государство человеку, отмечая, что как в человеческом естестве находят свое проявления три начала, так и в государстве должны находиться три социальных

страты. Правителям-философам он отводил разумное начало человека; воинам – яростное; земледельцам и ремесленникам – вожделеющее. Платон считал, что разумное распределение между ними властных полномочий, задач и обязанностей поможет обеспечить процветание государства [1].

Древнегреческий историк Полибий считал, что наиболее благоприятной для свободы и процветания граждан является такая форма политической организации общества, при которой государственную власть между собой делят консул, сенат и народное собрание. Важно поддерживать динамическое равновесие между этими структурами, где каждая будет обеспечивать и укреплять другую, а также контролировать власть остальных. Полибий отмечает, что хотя каждый из этих органов имеет потенциал помогать или наносить вред другим, они все же единодушны в любых обстоятельствах. Полибий, исходя из этих рассуждений, считал подобное устройство государства наиболее совершенным в сфере устройства и властных отношений [2].

В своем труде «Политика» Аристотель высказывал мнение, что существуют три основных компонента любой политической системы, влияющих на благополучие общества. Он выделял следующие элементы: орган, занимающийся законодательной деятельностью (общественное собрание, на котором должны присутствовать все свободные граждане); орган управления, имеющий исполнительные полномочия (правительство); суд, занимающийся разрешением споров.

По мнению этого древнегреческого философа, когда отдельные части государственной системы функционируют наилучшим образом, само государство выглядит более благородным. Он считал, что совет, занимающийся созданием законов, играет ключевую роль в управлении государством. Несмотря на то, что эти структуры являются фундаментом любой формы правления, он не рассматривал их как нечто отдельное друг от друга или как просто более автономные части единой государственной власти, а скорее как сформированный облик государственного устройства. Говоря об идее разделения властей, можно отметить, что исследования древних мыслителей играли важную роль в истории политической мысли, их мысли и идеи можно считать основой для последующих рассуждений. Хотя древние философы не говорили о концепции разделения властей в современном ее понимании, их взгляды на организацию государства и право были должным образом восприняты учеными новой эпохи и оказали свое влияние на развитие теории разделения властей.

Родоначальником теории разделения властей по праву может считаться английский политический философ Джон Локк. Его работа XVII века «О гражданском правлении» является одним из первых трудов, в котором не только явно обоснована причина, по которой власть должна быть разделена, но и выделена классическая триада властей, создан один из наиболее часто применимых принципов структурирования государства. Необходимостью разделения государственной власти он считал опасность концентрации всей полноты власти в рамках одного государственного органа, лица или группы людей, которые могут начать злоупотреблять ею в своих корыстных целях. Причиной же именно такого структурного выделения он считал различный набор задач, присущий

государству. Законодательная власть, по Локку, должна была быть верховной, подчиняя своей волей все остальные ветви, так как именно она олицетворяет собой всех членов общества. Исполнительная и судебная власти должны иметь более подчиненный статус по отношению к законодательной власти [3].

Дж. Локк видел в верховенстве законодательной власти естественный порядок, который не только разумен, но и необходим, вытекает из ее представительной природы. Другого мнения придерживался Шарль Луи де Монтескье, французский философ эпохи Просвещения, который был сторонником куда большей независимости друг от друга различных ветвей государственной власти. Монтескье считал необходимым ввести более обширную систему контроля властей друг над другом, не наделяя при этом верховенством какую-либо из них. В своем политическом труде «О духе законов» он также выделял три ветви власти – власть законодательную, власть судебную и исполнительную [4]. Их функции исходят из их названия, законодательная – создает и принимает законы, исполнительная – следит за выполнением принятых законов и принуждает к их выполнению, а судебная – осуществляет правосудие в соответствии с законами, разрешая на их основе споры и конфликты, возникающие между различными субъектами права.

Для предотвращения злоупотреблений властью и нарушений гражданских свобод необходимо распределение различных видов власти между органами государственной власти. Парламент, как представительный орган, что репрезентирует мнение и волю населения, обладает полнотой законодательной власти. Монарх либо другое суверенное лицо, над которым не довлеет парламент, должен обладать исполнительной властью, а власть судебная должна быть осуществлена лицами, назначаемыми из народа для осуществления правосудия. Подобно Дж. Локку, Ш.-Л. Монтескье придает более важное значение законодательной власти. Французский философ-просветитель Ж.-Ж. Руссо также внес значительный вклад в развитие теории разделения властей. Он считал, что не только законодательная, но и другие ветви власти есть проявление народной воли. Народ, как носитель и источник власти, влияет на них, заставляя их следовать единым курсом и тем самым определяя первостепенные задачи органов государственной власти по защите жизни и свободы человека, его политических прав и имущества. Классическая теория разделения властей сформировалась в середине XVII века благодаря работам трех великих мыслителей – Монтескье, Локка и Руссо. Они создали совершенно новую концепцию разделения властей, которая нашла свое воплощение в законодательстве и государственном строительстве большинства стран.

Теория разделения властей была дальше развита в работах мыслителей последующих лет. Такие философы и политические мыслители, как Джон Лилберн, Вильгельм Гегель и Макс Вебер также внесли свой вклад в развитие данной теории [5]. Лилберн видел в ней возможность установления демократического правления и предотвращения тирании, Гегель скорее выступал за гармоничное соединение властей. Целью разделения он выделил в защите публичных прав и свобод личности.

Однако не все соглашались с такой структурой разделения власти. Если фи-

лософы XVII–XVIII веков ратовали за верховенство законодательной власти, то немецкий социолог Макс Вебер был сторонником сильной исполнительной власти. Для Вебера Президент, являясь избираемым народом лицом, должен иметь возможность в некоторой степени игнорировать парламент, выходя из-под его контроля. Став полностью суверенной в своем правлении силой, он мог напрямую исполнять волю народа, освобожденный от бюрократического контроля законодательной власти.

Итак, теория разделения властей, безусловно, стала популярной, востребованной и распространенной концепцией организации и деятельности государства, однако при этом она подвергалась и подвергается переосмыслению и критике. Выйдя за пределы исключительно теоретических размышлений, она превратилась в основополагающий принцип построения государства, его внутренней структуры, а цели, которые она была призвана выражать, сегодня стали целями любого современного демократического правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблаева, Э. Б. История развития теории разделения властей / Э. Б. Аблаева // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – № 4. – С. 52-61.
2. Юмашев, Ю. М. Конституция: идея и история (на примере античности, Англии, Франции, США и Германии) / Ю. М. Юмашев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4. – С. 31-46.
3. Лезина, Е. П. Политико-правовое учение Джона Локка / Е. П. Лезина, Д. Э. Голов // Контентус. – № 1. – С. 11-26.
4. Рузиев, Х. Д. Учение Ш. Монтескье «О духе законов» / Х. Д. Рузиев, А. И. Каримова // Academic research in educational sciences. – № 5. – С. 384–388.
5. Воеводин, Я.А. Киян, М.Ш. Роль судебной власти в концепции разделения властей Джона Лильберна и ее отражение в современном государстве / Я. А. Воеводин, М. Ш. Киян // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 91. – С. 79-82.

УДК 340

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Келейникова Екатерина Сергеевна, магистрант

Архипов Игорь Олегович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ikeleynikova@gmail.com; arxipow13@yandex.ru

COUNTERING CORRUPTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN PUBLIC POLICY

Keleynikova Ekaterina Sergeevna, Master's Degree student

Arkhipov Igor Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена исследованию противодействия коррупции в условиях цифровизации и анализу перспектив реализации эффективных мер на уровне государственной политики. Рассматриваются ключевые аспекты использования цифровых инструментов для повышения прозрачности и подотчетности государственных структур. Особое внимание уделяется анализу успешных мировых практик и кейсам из опыта стран, которые внедрили инновационные решения для борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, цифровизация, государственная политика, антикоррупционные технологии, прозрачность, подотчетность, инновационные решения, социальная ответственность.

The article is devoted to the study of anti-corruption in the context of digitalization and the analysis of prospects for the implementation of effective measures at the level of public policy. The key aspects of using digital tools to increase transparency and accountability of government structures are considered. Special attention is paid to the analysis of successful global practices and case studies from the experience of countries that have implemented innovative solutions to combat corruption.

Keywords: corruption, digitalization, public policy, anti-corruption technologies, transparency, accountability, innovative solutions, social responsibility.

Коррупция (лат. corruption – подкуп) определяется как преступная деятельность, которая заключается в использовании должностными лицами властных полномочий для личного обогащения. Определение *corruptio* в римском праве понималось как «разрушать, ломать, подкупать» и являлось противоправным действием в отношении должностных лиц. Данный термин означал сговор нескольких участников, целью которых было неправомерное влияние, например, на судебный процесс и слом нормального хода управления общественными делами [1].

Цель данного исследования заключается в анализе влияния цифровых технологий на борьбу с коррупцией в государственной политике. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить и систематизировать понятие коррупции и её проявлений в современных условиях.
2. Исследовать традиционные формы коррупции и их изменения.
3. Изучить, как цифровые технологии могут спровоцировать её новые формы.

Цифровизация государственного управления, экономики, образования, здравоохранения и других сфер государственной и общественной жизни стала общемировым трендом. Не является исключением и правовая система Российской Федерации, все структурные элементы которой испытывают влияние цифровых технологий. На современном этапе использование цифровых технологий в борьбе с коррупцией стали одной из основных государственных задач, о чем в послании от 1 марта 2018 г. Федеральному Собранию заявил Президент РФ: «Цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции».

Депутаты Самарской Губернской Думы предложили закрепить в законодательстве цифровизацию системы государственного правления в качестве одного из принципов противодействия коррупции наряду с иными принципами, перечисленными в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О про-

тивоедействию коррупции», где в ст. 3 зафиксированы принципы публичности и открытости деятельности государственных органов, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых и других мер.

Влияние цифровых технологий на коррупцию, следовательно, двустороннее. С одной стороны, технологии могут служить эффективным инструментом в борьбе с коррупцией. Например, использование блокчейн-технологий может повысить прозрачность финансовых операций и снизить возможности для манипуляций. С другой стороны, как уже было упомянуто, новые технологии могут также создавать дополнительные возможности для коррупции, как это видно на примере использования анонимных финансовых инструментов для уклонения от налогов и отмывания денег.

В последние десятилетия цифровизация стала не только глобальной тенденцией, но и мощным инструментом в борьбе с коррупцией. Развитие новых технологий открывает новые горизонты для повышения прозрачности, подотчетности и эффективности государственного управления. В данном контексте важно рассмотреть, как именно цифровые технологии, такие как электронные бюджеты, системы мониторинга и аналитика больших данных, могут способствовать успешной реализации антикоррупционных инициатив [2].

Цифровизация охватывает широкий спектр технологий, используемых в антикоррупционной деятельности. К ним можно отнести информационные системы, электронные платформы для предоставления государственных услуг, а также инструменты аналитики. Например, создание электронных бюджетов позволяет обеспечить прозрачное распределение государственных средств, формировать отчеты и проводить мониторинг исполнения бюджета в реальном времени. Это значительно снижает риск коррупционных злоупотреблений, связанных с манипуляциями с финансовыми потоками.

Другим важным инструментом являются системы мониторинга за исполнением государственных контрактов. Они обеспечивают открытость процессов закупок, позволяют гражданам и организациям отслеживать, как используются государственные средства, и выступают в качестве механизма общественного контроля.

В разных странах мира можно наблюдать успешное применение цифровых технологий в борьбе с коррупцией. Например, в Эстонии электронная система государственного управления позволила значительно сократить время на получение государственных услуг и снизить уровень коррупции. Через систему e-Government граждане могут быстро и просто получать документы, подавать заявки и взаимодействовать с государственными органами, что снижает необходимость в личных встречах и возможностях для взяток [3].

В Южной Корее была внедрена система, которая отслеживает и анализирует закупки, что позволило значительно сократить случаи коррупции в государственном секторе. Благодаря созданию открытых баз данных, общественность имеет доступ к информации о расходах, что увеличивает уровень доверия к государственным институтам.

Аналитика больших данных выступает в качестве мощного инструмента для

выявления коррупционных схем и предотвращения злоупотреблений. Сбор и анализ больших объемов данных позволяют идентифицировать аномалии, которые могут указывать на коррумпированные действия. К примеру, использование алгоритмов машинного обучения для обработки информации о государственных контрактах может помочь выявить несоответствия и подозрительные паттерны, которые требуют дальнейшего расследования.

Применение таких технологий уже дало свои плоды в многих странах. Например, в Сингапуре была разработана система, которая автоматически анализирует данные о закупках и выявляет потенциальные коррупционные риски, что значительно ускоряет процесс обнаружения и наказания нарушителей.

Разработка и реализация антикоррупционных стратегий и программ являются важными аспектами государственной политики. Многие государства, создавая законодательные инициативы, обращают внимание на необходимость интеграции цифровых технологий для достижения поставленных задач. Важнейшими целями таких программ являются улучшение прозрачности, усиление контроля за расходами и укрепление гражданского участия в процессе принятия решений [4].

Например, в России реализуется Национальная стратегия противодействия коррупции, в рамках которой акцентируется внимание на интеграции информационных технологий для повышения открытости государственных процессов.

Цифровизация выступает как катализатор изменений в государственной политике. Она не только помогает улучшить качество управления, но и формирует новую философию взаимодействия между государством и гражданами. Открытость данных и доступ к информации создают среду для вовлечения граждан в процесс контроля за действиями властей, что, в свою очередь, способствует снижению уровня коррупции.

В условиях цифровизации задачи и цели государственной политики в борьбе с коррупцией становятся более разнообразными. Во-первых, необходимо создать правовую основу для использования цифровых технологий в управлении. Во-вторых, важно развивать инфраструктуру для сбора и хранения данных, что сделает процессы более прозрачными и доступными для общественности. Кроме того, следует активно привлекать гражданское общество и бизнес к совместной деятельности по мониторингу и контролю за коррупционными проявлениями.

В условиях стремительной цифровизации многие страны осознают необходимость интеграции передовых технологий в системы государственного управления. Это приносит новые возможности в борьбу с коррупцией, но, чтобы воспользоваться всеми преимуществами, необходимо разработать и внедрить целый ряд рекомендаций и мер, которые позволят эффективно реализовать антикоррупционные программы [5].

Первым шагом к эффективной реализации антикоррупционных программ является создание четкой и доступной инфраструктуры для граждан, позволяющей сообщать о коррупционных правонарушениях. Необходимо развивать платформы, которые позволяют анонимно сообщать о фактах коррупции, что станет важным шагом для повышения уровня доверия граждан к государствен-

ным институтам. Образовательные программы, направленные на повышение уровня правовой грамотности населения, также сделают граждан активными участниками борьбы с коррупцией.

Для интеграции цифровых технологий в государственные процессы необходимо создать унифицированные электронные платформы. Они должны объединять все услуги, предоставляемые государственными органами, таким образом, чтобы граждане могли легко и быстро получать доступ к необходимой информации и услугам. Например, внедрение единой системы электронных подписей упростит процесс оформления документов и повысит степень уверенности в их подлинности.

Помимо этого, использование блокчейн-технологий может стать эффективным инструментом для обеспечения прозрачности транзакций и снизить риск подделки документов. Технологии больших данных и аналитика помогут в выявлении аномалий и подозрительных транзакций, что может стать основой для дальнейших проверок и расследований [6].

Подводя итоги исследования, можно сказать, что цифровизация открывает обширные возможности для борьбы с коррупцией. Однако для достижения ощутимых результатов необходима комплексная стратегия, которая будет включать в себя как технологические, так и организационные меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Adam, I.* Are emerging technologies helping win the fight against corruption in developing countries? / *I. Adam, M. Fazekas.* Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series. No. 21. Oxford. URL: http://www.govtransparency.eu/wp-content/uploads/2022/02/ICTcorruption-24Feb19_FINAL.pdf (дата обращения: 25.10.2024).
2. Alliance for Integrity (2020). Compliance and Digitalisation: How technology can foster transparency in African countries. URL: https://www.allianceforintegrity.org/wAssets/docs/publications/Own-Publications/Compliance_and_Digitalisation.pdf (дата обращения: 25.10.2024).
3. *Andersen, T. B.* E-Government as an anti-corruption strategy // *Information Economics and Policy*, 21(3), 201–210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2020.11.003> (дата обращения: 25.10.2024).
4. *Агibalов, В. Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2020.
5. *Бессонова В. В.* К вопросу об участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции / В. В. Бессонова, А. С. Жукова // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2021. – № 10.
6. *Васильев В. И.* Борьба с коррупцией и местное самоуправление // *Журнал российского права*. – 2022. – № 4.

УДК 347.97/.99

АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козеев Владимир Владимирович, магистрант

Кучаева Эльвира Ренатовна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807096@ruc.su; st807100@ruc.su

ARBITRATION COURTS IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kozeev Vladimir Vladimirovich, Master's Degree student

Kuchaeva Elvira Renatovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы о месте и роли арбитражных судов в судебной системе РФ. Арбитражные суды – это особый, специализированный вид судов, в чью область компетенций входит решение споров, вытекающих из предпринимательской и иной экономической деятельности. Осуществляя правосудие в этой сложной и весьма значимой области жизнедеятельности общества и государства, арбитражные суды решают важнейший комплекс задач по укреплению и обеспечению законности и правопорядка, реализации принципов социальной справедливости, гарантирование прав и законных интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, которые лежат в основе арбитражного правосудия как незыблемые его приоритеты.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, арбитражный суд, правосудие, арбитражное судопроизводство.

The article discusses questions about the place and role of arbitration courts in the judicial system of the Russian Federation. Arbitration courts are a special, specialized type of court whose area of competence includes resolving disputes arising from business and other economic activities. Exercising justice in this presidential and very innovative area of life of society and the state, arbitration courts solve the most important complexes of problems of development and ensuring law and order, the implementation of social justice, guaranteeing the rights and legitimate interests of subjects of business and other economic activities, which are excluded on the basis of financing, such as his unshakable priorities.

Keywords: judiciary, judicial system, arbitration court, justice, arbitration proceedings.

Аппарат государства, структурированный из ветвей государственной власти, как основных его элементов, выступает концептуальной формой организации публичной власти современного государства, базирующегося на принципах правового демократического государства. Ветви государственной власти – законодательная, исполнительная и судебная – взятые в единстве, системообразующие, институционально-организационные, наделенные полномочиями, решающие задачи в определенных сферах жизнедеятельности государства юридически оформленная легитимная сила государства.

Судебная ветвь власти, как, в сущности, законодательная и исполнительная, обладает своей спецификой и исключительностью в реализации функций государства. Судебная власть – это особая ветвь власти, призванная посредством деятельности судов осуществлять правосудие. Правосудие в РФ осуществляется исключительно судами в формах конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Суды РФ образуют систему, получившую законодательное понятие как судебная система РФ, в которую входят Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов РФ [1].

Арбитражные суды специализируются на разрешении споров, вытекающих

из предпринимательской и иной экономической деятельности. Иными словами, органы судебной власти, образующие данный вид судов, осуществляют правосудие в сфере отношений хозяйствующих субъектов, и иных, смежных с экономической деятельностью, субъектов, реализуют свои полномочия в особом процессуальном порядке судопроизводства – арбитражном.

Специфика арбитражных судов вытекает не только из сферы их деятельности, но и места в структуре судебной системы РФ. Специфической особенностью арбитражных судов является их исключительная принадлежность федеральному уровню судебной власти. Субъекты РФ неправомерно создавать суды, осуществляющие правосудие в сфере экономической деятельности, т.е. арбитражные суды либо иные тождественные с их полномочиями судебные органы. Федеральная юрисдикция арбитражных судов распространяется вне зависимости от территории нахождения судебного органа и зоны его компетенции.

Основными законодательными актами, закрепляющими правовой статус арбитражных судов, являются Конституция РФ, федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации», «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Рассматривая дела, вытекающие из предпринимательской и иной экономической деятельности, данный вид судов концентрируется на разрешении возникающих споров между организациями, хозяйствующими субъектами, различных организационно-правовых форм и форм собственности, индивидуальными предпринимателями, тогда как органы публичной власти и граждане выступают субъектами арбитражного судопроизводства, в качестве стороны арбитражного процесса, только в случаях прямо предусмотренных законом.

Например, в введении арбитражных судов находятся споры:

- об отказе в государственной регистрации, то есть о внесении в государственный реестр сведений о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе;

- о несостоятельности (банкротстве), то есть о признании судом неспособности должником исполнять денежные обязательства в полном объеме перед кредиторами, работниками, уполномоченными органами публичной власти и перед иными субъектами, случаях, предусмотренных законом;

- по спорам, в которых участвуют публично-правовые компании, то есть таких организаций, которые ведут свою деятельность в интересах общества и государства;

- о защите прав интеллектуальной собственности, в тех случаях, когда авторские права принадлежат организации;

- о деловой репутации в предпринимательской и экономической сфере, так как это напрямую может отразиться на финансовых возможностях и состоятельности организации;

- дела по иным спорам, которые входят в компетенцию арбитражного суда.

Из полномочий, не связанных с разрешением споров, вытекающих из сферы компетенции арбитражных судов, закон закрепляет следующие отдельные их полномочия:

- обобщение судебной практики;
- подготовка предложений по совершенствованию текущего законодательства;
- анализ судебной практики.

Структура арбитражных судов имеет трехзвенный уровень и один особый вид суда, выделяющийся из системы. К первому звену относится Арбитражный суд округа. В чьем ведении находится проверка судебных актов нижестоящих судов в кассационном порядке, пересмотр своих судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам, анализ и обобщение судебной практики и ряд иных полномочий, предусмотренных законом.

Согласно ч. 2, ст. 24 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», арбитражных судов округов в РФ насчитывается десять: Арбитражный суд Волго-Вятского округа (г. Нижний Новгород), Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа (г. Иркутск), Арбитражный суд Дальневосточного округа (г. Хабаровск), Арбитражный суд Западно-Сибирского округа (г. Тюмень), Арбитражный суд Московского округа (г. Москва), Арбитражный суд Поволжского округа (г. Казань), Арбитражный суд Северо-Западного округа (г. Санкт-Петербург), Арбитражный суд Северо-Кавказского округа (г. Краснодар), Арбитражный суд Уральского округа (г. Екатеринбург), Арбитражный суд Центрального округа (г. Калуга) [2].

Второе звено арбитражных судов состоит из арбитражных апелляционных судов, которые занимаются проверкой в порядке апелляционной инстанции законности и обоснованности судебных актов арбитражных судов субъектов РФ. Помимо этого, данный вид судов занимается изучением и обобщением судебной практики, подготовкой предложений по совершенствованию законов и иных нормативно-правовых актов, анализом судебной статистики. Всего в России насчитывается двадцать один апелляционный суд. Название каждого из судов соответствует номеру места, которое он занимает. Так, Первый арбитражный апелляционный суд, находится в г. Владимир и носит название «Первого арбитражного апелляционного суда», как и двадцать первый находится в г. Севастополь и имеет аналогичное в номерном выражении название.

Третье звено состоит из арбитражных судов субъектов РФ. Это нижнее звено арбитражных судов, которые располагаются в субъектах нашей страны, в областях, краях, республиках и т.д. В некоторых субъектах, где экономическая деятельность столь обширна и динамичная, могут действовать несколько арбитражных судов субъектов РФ, так как количество возникающих споров перегружает локальную систему арбитражного правосудия.

Арбитражным судам субъектов РФ законодательно отнесены все дела судов первой инстанции, которые входят в их компетенцию, в том числе по пересмотру ранее рассмотренных дел и принятым по ним решениям, в тех случаях, когда были открыты новые обстоятельства. Как и районный суд судов общей юрисдикции, арбитражный суд субъектов РФ рассматривает большую часть дел, что делает его ключевым и центральным звеном судом данной системы.

Особняком стоит специализированный арбитражный суд по интеллектуальным правам, который занимается исключительно делами о рассмотрении спо-

ров, вытекающих из интеллектуальных прав. Данный Суд имеет особенности не только в силу своей специализации, но и по причине того, что сам является частью специализированной, отдельной системы судов. Такая «матрешка» структуры и полномочий не удивительна, поскольку экономические дела требуют от судьи значительных навыков и юридической подкованности в экономической сфере, не говоря уже о специфике ее понимания. Судьям Суда по интеллектуальным правам, в свою очередь, требуются дополнительные знания и навыки, выходящие за границы привычных компетенции судей арбитражных судов. Годом начала деятельности Суда по интеллектуальным правам является 2013. Это молодой суд в судебной системе РФ, следствием этого является то, что еще не устоялась судебная практика и имеет место пробельность и несовершенство отраслевого законодательства. Поскольку вопрос полномочий Суда по интеллектуальным правам шире темы нашего исследования, постольку более подробно на этом вопросе мы останавливаться не будем.

Итак, в судебной системе РФ арбитражные суды занимают особое место и призваны решать специфический комплекс задач, осуществляя правосудие в важнейшей сфере жизнедеятельности общества и государства – экономической. От качества и полноты осуществляемого арбитражными судами правосудия зависит в первую очередь степень и мера доверия экономического сообщества к судебной власти и государству в целом. Укрепление и обеспечение законности и правопорядка, реализация принципов социальной справедливости, гарантирование прав и законных интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности лежат в основе арбитражного правосудия как незыблемые его приоритеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.] // Официальный интернет портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

УДК 342.56

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Козлова Валерия Владимировна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807097@ruc.su

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIARY IN RUSSIA

Kozlova Valeria Vladimirovna, Master's Degree student
*Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)*

Роль и актуальность реформирования и развития органов судебной системы в России обусловлены необходимостью повышения качества и доступности национального правосудия. Так как именно органы судебной системы могут обеспечить фундаментальную судебную защищенность верховенства права в стране.

Ключевые слова: суд, судебная власть, судебная система, история суда, становление судебной власти.

The role and relevance of reforming and developing the judicial system in Russia is due to the need to improve the quality and accessibility of national justice. Since, it is the judicial system that can provide fundamental judicial protection of the rule of law in the country.

Keywords: court, judicial power, judicial system, court history, formation of judicial power.

Судебная система, ключевой элемент общественной структуры, играет центральную роль в урегулировании правовых и социальных споров, оказывая тем самым влияние на социальные динамики. Защищая общественные и, в конечном итоге, государственные интересы, эта система не только воплощает в себе исторически сложившиеся подходы к организации гражданского общества, но и строго следует закрепленным в законодательстве структурам, ролям и статусам, адаптируясь к изменениям в социокультурном контексте. Ее действия, опирающиеся на неизменные принципы и уникальные для данного института правила, направлены на формирование и поддержание стандартов поведения в обществе.

Вопрос наличия проблем в развитие судебной власти в Российской Федерации является достаточно острым и «жизненно важным» для государственности в целом. В то же время указать на все проблемные аспекты в рамках одной научной статьи не представляется возможным, поэтому обозначим самые острые из них, а на некоторых остановимся более подробно. В качестве первостепенной проблемы системы правосудия выступает ненадлежащая мотивация судебных решений, которая заключается в том, что после знакомства с решением суда стороны обнаруживают, что в судебном решении не получили оценки доводы и возражения, которые были представлены ими суду в процессе слушания дела.

В последнее время можно отметить, что в России стали чаще приговаривать людей к заключению под стражу, а также реже удовлетворять просьбы о досрочном освобождении. Это указывает на усиление репрессивных тенденций в системе правосудия, проявляющихся через различные неблагоприятные изменения в деятельности судебных органов.

Практика деятельности Верховного Суда РФ после передачи полномочий Высшего арбитражного суда и его упразднения, показала, что наличие единого высшего суда не усложнило «реальные возможности инстанционного контроля в отношении общего массива судебных решений». В то же время ряд исследователей в 2014–2015 годах указывали на возникновение проблем в связи с упразднением высшего судебного органа в системе арбитражных судов России. Необходимо отметить, что после судебной реформы 2014 года более самостоятельной и независимой стала система судебной власти.

Защита фундаментальных принципов конституционного устройства и, как следствие, обеспечение справедливого исполнения обязанностей судьями в со-

ответствии с действующими законами во многом зависит от принципа неприкосновенности судей. Это ключевой элемент, поддерживающий их независимость. Вместе с тем не всё так однозначно в вопросах неприкосновенности. К примеру, в ходе оценки одного из положений Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» Конституционным Судом РФ было вынесено решение, подчеркивающее, что неприкосновенность судей не является безусловной.

Процесс возможного обжалования решения о начале уголовного преследования в отношении судьи в вышестоящем суде подчеркивает реальную защиту прав как самого судьи, так и лиц, пострадавших от его возможно незаконных действий. Наличие такой меры законодательства и механизмов ее применения на практическом уровне подтверждает основополагающее право каждого на судебную защиту, включая защиту прав и свобод, которые гарантируются Конституцией РФ. Процесс привлечения судьи к ответственности предусматривает наличие весомых и законно-закрепленных оснований с соответствующими доказательствами. Такие действия должны быть осуществлены только при условии строгого соблюдения всех обозначенных процессуальных действий, определенных федеральным законодательством, основываться на принципах справедливости и законности. Исходя из вышеупомянутого, возможно не только временное приостановление его полномочий, но и полная их отмена.

В то же время необходимо сказать о положительных моментах реформы судебной системы, которые спустя десять лет более чем очевидны, можно проследить тенденцию роста и более плотного сотрудничества между органами государственной власти и судейского сообщества. Благодаря таким нововведениям можно констатировать о наличии тесного «контакта» между государственными органами законодательной, исполнительной и судебной власти, который приобрел конструктивный и эффективный уровень взаимодействия с учетом современного положения дел. Эффективное взаимодействие, обусловленное механизмами реализации на практическом уровне, оказало положительное влияние на аспекты построения гражданского общества, присущего демократическому строю, что означает огромную роль в осуществлении государственной власти гражданами Российской Федерации.

Глобальное внедрение информационных технологий привело к формированию «информационного общества», а оно в свою очередь заставляет государственную власть находить все более новые решения по способам осуществления государственной власти, предоставлению гражданам услуг и возможностей, демонстрации работы государственных органов, государственных служащих перед лицом граждан страны. Такие примеры свидетельствуют о том, что исполнительная, законодательная и судебная власти составляют максимально единую систему государственной власти Российской Федерации. Органы всех трех ветвей власти активно внедряют, применяют, складывают единую систему межведомственного электронного документооборота, которая налаживает полный обмен информацией и повышает эффективность осуществления государственной власти в целом.

Тема внедрения электронного документооборота (ЭДО) в деятельность су-

дебной системы является центральной в программах, направленных на цифровизацию страны. Несмотря на то, что рассматриваемому вопросу посвящено большое количество исследований, а стратегическая важность перехода к цифровизации документальных ресурсов и организации электронного документооборота доказана, некоторые суды продолжают систематизировать (в ряде случаев дублировать) часть канцелярской работы на бумажных ресурсах и носителях и это несмотря на то, что полная конфиденциальность и сохранность информации – важное преимущество электронного документооборота.

В то же время у суда должна быть определенная степень «целесообразности» рассмотрения при согласовании участия в заседании в режиме онлайн. Так как бесспорным моментом являются ситуации, когда нужно отличать «одно от другого»: например, в судебном заседании принимает участие физическое лицо, находящееся в отдаленном от суда регионе страны, и в случае, когда в заседании участвует банковская организация, которая имеет развитую сеть филиалов по всей стране [1].

Улучшение доступности и эффективности правосудия, а также более быстрая обработка судебных дел не только укрепляют веру народа в судебную систему, но и подталкивают к увеличению числа обращений за судебной защитой. Это ведет к росту нагрузки на суды, особенно заметно в экономически развитых областях. Чтобы справиться с этим вызовом, предлагаются как уже известные способы уменьшения судебной загруженности, например расширение использования упрощенных методов рассмотрения дел, внесудебное разрешение споров и улучшение исполнения судебных решений, так и реформы в определенных областях законодательства, включая законы о банкротстве [2].

Значимость перехода к цифровым технологиям в судебной системе – это тот путь, на который все равно придется перейти, но когда и как (в каком объеме и как быстро) зависит от восприимчивости системы к нововведениям. Такие меры должны включать в себя не только проведение судебных заседаний в онлайн-формате, о которых уже было сказано, но и более широкое внедрение электронных методов для обращения в суд, включая подачу документов через Интернет и ознакомление с материалами дела в цифровой форме [3].

Постоянное и систематизированное применение таких мер не только обеспечивают экономию времени для всех участников процесса и сотрудников судебных органов, но и должно способствовать снижению риска распространения вирусных инфекций, минимизируя необходимость личных встреч в помещениях суда. В будущем можно ожидать, что подача и обработка судебных документов через онлайн-платформы станут стандартной практикой, которая будет внедрена повсеместно [4].

Рассмотрение инициативы по универсализации процесса цифровизации входящих документов в судебные инстанции путем создания специализированных должностей для обработки и сканирования судебных материалов представляется актуальным. Такая инициатива обязательно, должна содержать в качестве элемента интеграцию отдельных подразделений или специалистов в структуру каждого суда или соответствующего отдела Судебного департамента. В современных реалиях способы обработки документов иногда значительно различа-

ются в разных судебных учреждениях, что часто приводит к неоправданным задачам для секретарей судебных заседаний, хотя эта работа выходит за рамки их прямых обязанностей.

Только время поможет в полном объеме оценить изменения российской системы судебного производства и судебного устройства. Так, например, можно точно оценить период изменений реформ 90-х гг. XX в., полностью перестроившим судебную систему страны. По нашему мнению, для утверждения справедливости в судебной власти следует развивать присутствие представителей народа в судопроизводстве. Следует обратить внимание на недопустимость формализации правосудия.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы реализации судебной власти в России, повышения ее эффективности носят характер системного и долгосрочного решения, в котором проблема построения механизма реализации на практическом уровне занимает ведущее место. Внедрение новых цифровых технологий и современных механизмов функционирования должно быть направленно на улучшение работы всей судебной системы нашего государства, а эффект от таких преобразований возможно будет оценить в дальнейшем совершенствовании системы правосудия в целом. Исследователями, экспертами и всем ученым сообществом должен продолжаться поиск наиболее оптимальных мер, способных обеспечить высокую доступность и качество правосудия, а также преодолеть имеющееся среди населения нашей страны недоверие к судебной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44-49.
3. Котляров, С. Б. Понятие и принципы правотворческого процесса / С. Б. Котляров, Д. П. Зверев // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. – С. 198–207.
4. Ямбушев, Ф. Ш. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. Ш. Ямбушев, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

УДК 328.185

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРИСТИКА

Котляров Сергей Борисович, кандидат исторических наук, доцент
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)

Кукушкин Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: kandidatistorii@rambler.ru, ovkuk@mail.ru

LEGAL SYSTEM: CONCEPT, ESSENCE, CHARACTERISTICS

Kotlyarov Sergey Borisovich, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Kukushkin Oleg Viktorovich, PhD (Philosophy), Associate Professor

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Сегодня понятие «правовая система» имеет три интерпретации, то есть выражается как: правовая семья, или как комплекс социально-юридических компонентов, или как иерархическая выстроенная система источников права. Эти три интерпретации стоит раскрыть более подробно.

Ключевые слова: правовая семья, правовая система, органы государственного управления, право, идеология, правовое государство.

Today, the concept of "legal system" has three interpretations, that is, it is expressed as: a legal family, or as a complex of socio-legal components, or as a hierarchical system of sources of law. These three interpretations are worth revealing in more detail.

Keywords: legal family, legal system, public administration bodies, law, ideology, legal state..

Правовая семья раскрывается через призму множества разновидностей правовых семей, а именно – романо-германской, англосаксонской, религиозной или же семьи обычного права.

Комплекс социально-юридических компонентов раскрывается через присоединение к себе помимо своей нормативной правовой сферы дополнительно – правового творчества, правового применения, толкования, а также и идеологической сферы.

Иерархическая выстроенная система раскрывается через взаимодействие федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, а также через взаимодействие с подзаконными актами.

В свою очередь существует множество разных теорий, определяющих правовую систему. С. С. Алексеев утверждает, что «правовая система» – это цельное понятие, в котором аккумулируются все конституционные элементы реальной, существующей сегодня правовой действительности, которая в дальнейшем находит своё закрепление в конкретном государстве. О. Ф. Скакун в свою очередь придерживается той мысли, что «правовая система» – это созданный вне воли граждан объективными закономерностями развития общности целостный комплекс согласованных средств правового воздействия на общественные отношения, который применяется людьми и государством в целях достижения и реализации интересов, а также для реализации правового порядка. Ю. А. Тихомиров предполагает, что «правовая система» – это упорядоченный массив нормативных правовых актов, которые действуют на основе взаимозависимых принципов.

Своеобразное видение характеристики правовой системы говорит Д. А. Керимов, по его мнению, правовая система есть в первую очередь как объективность с внутренним объединением в одно – и правовых норм, и их деление на отрасли.

В чём заключается сущность правовой системы, ее значимость? Она создаёт баланс различных классов, различных групп людей. В таких сообществах появляются различные интересы – они же и получают закрепление в праве, а также законах и других элементах системы. Дополнительно к этому закрепляется возможность принуждения (императивности) к правомерному поведению граждан, а также наказание за несоблюдение правовых предписаний. Конкретно сущность правовой системы заключается в её стабилизации и организации.

Итак, на сегодняшний день известно, что признаки несут за собой именно ту самую характеристику. Они раскрываются в следующем: 1. Как всем известно – самым главным элементом любого общества считается, как не трудно догадаться, именно правовая система. Очевидно, что её появление тесно соединено с такими общественными системами, как экономика и политика – из самых главных, на наш взгляд; 2. Что есть правовая система – это в первую очередь сложная по организации система. 3. Правовая система имеет в себе двойственность, своих же элементов: общность и разобщённость. Это заключено во внутренней органической связанности процессов, правовых явлений, которые в обязательном порядке взаимосвязаны и взаимосогласованы. 4. Правовая система по праву является отождествлением, неким костяком суверенитета любого государства нашей планеты, которая в свою очередь обладает и автономией в том числе. 5. Правовая система служит трансформатором писанных нормативных правовых предписаний в право реальное, существующее, которое выражается в каких-либо действиях людей, а также в действиях каких-либо обществ или же групп. 6. Имеет свою упорядоченную структуру. Имеет совокупные правовые средства и явления, которые составляют единую систему, которая в свою очередь согласована и взаимосвязана друг с другом. 7. Так как правовая система имеет свою динамичность, то этим самым она позволяет проявлять и достигать собственных задач и целей каких-либо субъектов права, в том числе в целях общественного правового порядка в любом обществе любого государства.

Изучая правовую систему, стоит разобраться и в самой структуре правовой системы. Структурой правовой системы является в первую очередь связь и единство её элементов, которые реализуются через взаимное взаимодействие. Что есть элементы правовой системы? – всё обязательное для использования правового регулирования.

Однако существует ещё мнение таких учёных правоведов, как М. ванн де Каршов и Ф. Ост, они заявляют о том, что необходимо выделить следующие элементы правовой системы: в первую очередь – нормы права (они же правовые нормы) они выражаются в актуальности, коммуникативности – то есть как реальное право, реальное поведение граждан (субъектов права); во вторую очередь рассматриваются институты; в третью – отрасли права, сюда же можно включить их взаимосвязь, функции, а также иерархию; в четвёртую – основные принципы; в пятую – идеи; в шестую – правовые ценности, сюда относят в большей степени проявления ментальности, несущие за собой определение содержания и саму характеристику правовой системы.

А. С. Петкова заключает, что целесообразно будет рассматривать как образующий состав правовой системы следующие элементы: первый – системы за-

конодательства и система права, в ключе федеративности, вертикальности и, соответственно, отраслями; второй – организации и ведомства (правоохранительные и юридические); третий – правовая инфраструктура: местная и региональная; четвёртый – подсистема надзора и контроля; пятый – социальный контроль, а также механика систематизации профилактики правовых нарушений; шестой – правовая информация, её систематизация; седьмой – юридическое образование, систематизация; восьмой – «головные (мозговые) центры» истоков и повторения идеологии права (юриспруденции). Сюда можно отнести научные исследовательские институты, разнообразные фонды, центры и так далее в таком ключе.

Один из самых известных правоведов, автор либертатного подхода определения права В. С. Нерсисянц в своих научных трудах высказывает мнение, что в правовой природе существует четыре группы элементов правовой системы. К первой группе необходимо отнести понятия и категории права, а также правовое понимание – в рамках доктринальной философии. Вторая группа – общность реального (действующего) права, в обществе (правовые нормы) – в рамках нормативности. Третья группа – правовые учреждения в сфере правотворчества и правоприменения – в рамках институциональности. Четвёртая группа – юридическая практика, правоприменение, правоотношение – в рамках социологии [1].

Крайне важным является максимальное подробное раскрытие элементов внутренней систематизации правовой системы, которые, по нашему мнению, являются чрезвычайно важными.

Что такое правоприменительная юридическая деятельность (или же правоприменение вообще)? В первую очередь это неоднозначное явление. Имеет правовой характер, подкреплённый государственно-властной поддержкой. В своём арсенале имеет свои стадии и этапы, а также функции. Субъект – исключительно компетентный орган. В конечном итоге результатом является правоприменительный акт. Возникает логичный вопрос «что же такое правоприменение вообще?» Это реализация права другими субъектами, например путём акта применения права, или же создание записи актов гражданского состояния [2].

Система права подразумевает под собой право изнутри. Имеет свои элементы, общность норм права. Как было выяснено, система права состоит из элементов. Каких именно?

На нулевом (базисном месте) расположена правовая норма (она же норма права). Вспомним, что такое норма права? Это правило поведения людей в обществе. Правило, которое единично, всегда имеет формальное закрепление, то есть оно записано где-то, письменно закреплено (например, правила содержит гражданский кодекс, или иные кодексы). Отсюда следует, что правило обязательно для всех субъектов – граждан. И, конечно же, такое правило всегда иницируется императивно государством в целях урегулирования общественных отношений.

На первом месте расположена отрасль. Чем является отрасль? Под отраслью принято считать общность норм права, которые имеют регулирование в какой-либо сфере одних и тех же общественных отношений. Например, существуют

такие отрасли права, как трудовое право, гражданское право, уголовное право.

На втором – подотрасль. Они ярко выражены в самых значимых и больших отраслях права. Например, в гражданском праве – делят подотрасли на наследственное право, патентное право и на авторское право.

На третьем – институты. Они заключены во всех отраслях права.

На четвёртом – субинституты права. Чем они являются? Это самые низовые по взаимосвязи нормы права, которые тоже выступают регуляторами общественных отношений. Например, рассмотрим трудовое право. В нём есть институт рабочего времени и времени отдыха, они же могут быть выделены в субинституты времени отдыха и субинституты рабочего времени соответственно.

Также дополнительно выделяют следующие элементы, входящие в систему права: первая группа – внутригосударственное (национальное) право и международное право; вторая группа – частное право и публичное право. Стоит вспомнить, что в частном праве государство имеет меньше влияния, или же практически не вмешивается, а в публичном – влияние государства существенно преобладает. И последняя, третья группа – процессуальное право и материальное право. Здесь можно вспомнить, что отличительностью в процессуальном праве является связь с судебной системой, то есть с процессуальностью.

Правовая идеология – Она всецело раскрывается через функцию права, а именно идеологическую. Исходя из смысла этой функции, становится, очевидно, право само по себе ускоряет процесс формирования в обществе граждан, в их сознании то, какие существуют правила должного (нормального) поведения.

Необходимо более детально разобраться в правовой идеологии. Нужно начать с того, главным толчком в изучении правовой идеологии стала проблематика, а именно с момента падения СССР. Из-за этого исчезла советская идеология, затем последовал высокий уровень правового нигилизма, у общества стали опускаться руки, исчезло стремление развивать право и государственность дальше. Нужно осознать, что правовая идеология есть составная часть правового сознания, а оно уже перетекает в сознание общественное.

Итак, что же такое правовая идеология? Это целостная система, имеющая общие идеи, убеждения, взгляды, мысли, теории, которые в совокупности заключают суждение к самому праву. При этом правовая система рассматривается в статике и динамике, через призму сущего и должного.

Правовая культура – это качественное положение правовой сущности общества, которое заключается в необходимом уровне развития правовой реальности, правовой доступности – с помощью обмена и предоставления правовой информации, правотворчества, правореализационной и правоприменительной деятельности. Она представляет собой нормативную и ценностную систему, держащую путь на основы правовых и исторических памятников, верховенства права и гуманизма. Вместе с тем и на основы правовых убеждений, ориентации и взгляды, которые в свою очередь позволяют лучше изучить и уяснить право, а также спрогнозировать правовые действия, последствия и события. В том числе умение применять законодательство и в целом правовые нормы в целях поддержания общественных отношений, иными словами, это способность применять различные правовые механизмы в сегодняшней ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция: основные тенденции противодействия / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : НП «СибАК», 2015. – 196 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 347.97

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: МЕСТО И РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА

Коченов Александр Юрьевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su

JUDICIAL POWER: PLACE AND ROLE IN THE MECHANISM OF THE STATE

Kochenov Alexander Yuryevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование освещает конституционные основы судебной власти в России, акцентируя внимание на трехветвевом делении властей, предусмотренном ст. 10 Конституции РФ, подробно рассматривая роль и место судебной власти в государственном механизме.

Особое внимание уделено взаимодействию судебной власти с законодательной и исполнительной ветвями, а также независимости судов, которая закреплена в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», и основным принципам функционирования судебной системы, включая её правоприменительный характер и нацеленность на реализацию обеспечения прав и свобод граждан.

Ключевые слова: конституционная структура, судебная власть, трехветвевая система, взаимодействие ветвей власти, независимость судебной системы.

The study covers the constitutional foundations of the judiciary in Russia, focusing on the three-branch division of powers provided for in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation, and examining in detail the role and place of the judiciary in the state mechanism.

Particular attention is paid to the interaction of the judiciary with the legislative and executive branches, as well as the independence of the courts, which is enshrined in the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation", and the basic principles of the functioning of the judicial system, including its law enforcement nature and focus on the implementation of ensuring the rights and freedoms of citizens.

Keywords: constitutional structure, judicial power, three-branch system, interaction of branches of power, independence of the judicial system..

В конституционном устройстве Российской Федерации, согласно ст. 10 Конституции РФ, власть распределена между тремя ветвями: законодательной, исполнительной и судебной [1]. Данное разделение обеспечивает функционирование автономных государственных структур, каждая из которых независимо друг от друга исполняет свои функции, однако при этом существует система взаимодействия между ними, что способствует сбалансированной работе всей государственной машины.

Конституционный Суд Российской Федерации выполняет контроль за соответствием нормативно-правовых актов, издаваемых законодательной и исполнительной властями, основным законам страны. Судебная власть, являясь одной из трех ветвей, действует через независимые судебные органы, которые занимаются разрешением правовых споров [2, с. 20].

Согласно ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», исключительное осуществление судебной власти предоставлено судебным органам, действующим через судей в соответствии с установленным законодательством РФ. Рассматривая ключевые атрибуты судебной власти, важно отметить, что она является одной из трех основных форм государственной власти, что закреплено в ст. 10 Конституции РФ.

Так, исполнение полномочий судебной власти возложено на специализированные государственные органы – суды РФ, к числу которых относятся: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ (суды общей юрисдикции и арбитражные суды), а также суды субъектов РФ. Функционирование судебной власти осуществляется только посредством данных государственных органов, причем никому, кроме судов и судей, не дано права осуществлять правосудие, что также закреплено в ст.ст.11 и 118 Конституции РФ.

Судебная власть независима от остальных ветвей власти, её автономия проявляется как во внешней, так и внутренней формах.

Сущность внешней автономии заключается в том, что судебная система функционирует независимо от законодательной и исполнительной ветвей, при этом суды подчинены исключительно Конституции РФ и принятым в стране законам [3, с. 200].

Внутренняя же автономия судебной власти выражается через независимость судей всех уровней в осуществлении правосудия и взаимодействиях с другими участниками судебного процесса.

Судебная власть реализуется через судопроизводство, которое разделяется на пять основных типов: конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное. При этом она играет ключевую роль в обеспечении прав и свобод человека, контролируя действия законодательной и исполнительной власти на предмет их соответствия законам [4, с. 150].

Такая дефиниция, как «власть» охватывает множество аспектов и варьируется в зависимости от сферы воздействия (государственная, муниципальная и т.д.).

В общем смысле, власть можно охарактеризовать как способность влиять на сознание и поведение людей через следующие механизмы: авторитет, принуждение, законы, применение силы и др.

Все три ветви власти при осуществлении своей деятельности являются независимыми, представляя собой самостоятельные структуры, что является ключевым элементом теории разделения властей.

Данная модель так называемых «сдержек и противовесов», предложенная Шарлем Луи де Монтескье ещё в 1748 г., способствует взаимному контролю и управлению государственными делами, исключая произвол и злоупотребление властью, и успешно применяется во всех без исключения демократических странах.

Принцип трехветвевое разделения власти, закрепленный в конституционных нормах, гарантирует независимость судебной системы от исполнительной и законодательной ветвей власти. Данная концепция была впервые предложена Джоном Лилльберном в период между XVII и XVIII вв. и нашла своё отражение и реализацию в РФ в начале 1990-х годов.

В настоящее время судебная власть функционирует и развивается как независимый институт, однако её деятельность и структура заметно отличаются от других ветвей государственной власти.

Законодательная власть отвечает за разработку законов по специальной законодательной процедуре в виде их принятия и одобрения, работая при всём этом коллегиально и обладая возможностью делегирования полномочий.

Исполнительная власть, в свою очередь, исполняет законы, тем самым управляя обществом на основании данных законов, принимаемых законодательной властью, и имеет подзаконный характер, располагая при этом определёнными административными ресурсами, такими как полиция и армия.

Особенностью судебной власти является её прямая связь с правом и наличие специфических, присущих только ей полномочий и механизмов для его реализации, в отличие от других ветвей власти, которые не обладают аналогичными полномочиями.

Существуют две основные модели разделения властей: гибкая и жесткая. Гибкая модель, типичная для парламентских систем, как в Великобритании, и жесткая модель, характерная для президентских систем, как в Соединенных Штатах. В США конституционный судебный контроль играет важную роль, обеспечивая соблюдение законности и верховенства права.

Большинство ученых связывают начало конституционного судебного контроля в США с решением Верховного Суда по делу Мэрибэри против Дж. Мэдисона в 1803 году. В международных публикациях также подчеркивается важность этого решения для американского конституционализма, так как оно впервые закрепило принцип конституционного судебного контроля. Однако некоторые исследователи, такие как У. Андерсон и Э. Уайндер, считают, что конституционный судебный контроль произошел из более широкого толкования определенных статей Конституции США.

Исследования по этому вопросу часто проводятся без учета всех предпосылок и факторов, что указывает на отсутствие унифицированного подхода к анализу возникновения конституционного судебного контроля в США.

Конституционный судебный контроль практиковался на уровне штатов еще до официального принятия Конституции США и возникновения дела Мэрибэри против Дж. Мэдисона в 1803 году.

Примером служит дело Баярд против Синглтона в Северной Каролине в 1787 г., когда суд признал закон, противоречащий конституции штата, недействительным, создав тем самым один из первых прецедентов конституционного судебного контроля на уровне штатов. Другие дела, такие как Содружество против Кантона в штате Вирджиния в 1782 г., также рассматривали вопросы несоответствия законов конституции штата. В своем исследовании Уильям Треанор обнаружил тридцать одно решение на уровне штатов, касающееся со-

ответствия законов конституции, что позволяет утверждать, что идея конституционного судебного контроля возникла задолго до 1803 г.

Обладая особым положением, судебная система имеет свои особенности и отличия от других сфер государственного управления.

Независимость является одной из ключевых характеристик судебной власти, выражаясь в её функционировании как отдельной ветви, которая не делегирует свои полномочия с другими ветвями власти. Тем не менее эту независимость не следует воспринимать как изоляцию от других ветвей власти.

Судебная система влияет на процесс принятия решений судов как через внешнее, так и внутреннее воздействие.

Внешнее воздействие проявляется в полной независимости суда от исполнительной и законодательной ветвей, что позволяет судам выносить объективные и непредвзятые решения, руководствуясь при этом только законом и справедливостью [5].

Внутреннее воздействие происходит через иерархичную структуру управления, что создаёт иерархическую систему, в которой каждый суд действует автономно. Но при этом судьи, действуя в пределах своих полномочий, обязаны самостоятельно принимать решения, исходя из своих внутренних убеждений и собственного понимания и толкования законодательства.

Судебная власть, обособленная от исполнительной и законодательной ветвей, служит основой для справедливого и независимого судопроизводства, но при этом по отношению к ней есть надзор, что в свою очередь позволяет эффективно контролировать действия судей и исключать политическое вмешательство.

Закон запрещает повторное пересмотренные судебных решений, которые уже вступили в законную силу, за исключением случаев их судебной отмены через судебный процесс, что в свою очередь обеспечивает стабильность и справедливость в функционировании судебной системы, предотвращая случайные или умышленные в неё вмешательства.

Суды осуществляют правосудие на основе действующего законодательства, вынося такие юридические акты, как: постановления, решения, приговоры и определения, но при этом не имея права самостоятельно принимать новые правовые нормы. Их роль заключается в контроле за соблюдением установленных законов, что подчёркивает правоприменительный характер судебной власти, в отличии от законодательной ветви власти, принимающей и одобряющие законы в рамках своей правотворческой деятельности по специально предусмотренной для этого законодательной процедуре.

Таким образом, обособленное положение судебной власти от законодательной и исполнительной ветвей гарантирует справедливость, независимость и беспристрастность правосудия.

Решения судов, которые уже обрели законную силу, не подлежат повторному рассмотрению, за исключением случаев отмены только в судебном порядке, что способствует стабильности и надежности судебной системы, исключая возможность произвольных или преднамеренных изменений судебных актов.

Суды действуют на основании существующего законодательства, принимая

правоприменительные акты, такие как постановления, решения, приговоры и определения, но они не наделены законодательной функцией и как следствие способностью издавать новые правовые нормы. Их задачей является обеспечение соблюдения действующих законов, что ещё раз подчёркивает правоприменительную роль судебной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 25 декабря 1993 г. – № 237.
2. Бурдина, Е. В. Развитие судебной системы в условиях информационного общества // Российское правосудие. – 2018. – № 7. – С. 18-22.
3. Егорова, О. А. Настольная книга судьи. Методика написания судебных постановлений. – Москва, 2021.
4. Мамыкин, А. С. Организационно-техническое обеспечение деятельности судов : учебное пособие. – Москва, 2017. – С. 150.
5. Свод судебной практики. Книга 1. Систематизированные решения, постановления и определения высших судебных инстанций. – Москва, 2020. – С. 826.

УДК 342.7

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Круглова Анжелика Андреевна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807098@ruc.su

METHODS AND MEANS OF REGULATING RELATIONS IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

Kruglova Angelika Andreevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Наука информационного права содержит развернутую систему методов, направленных на обслуживание информационной безопасности, при этом в качестве базиса выступает правовой метод обеспечения информационной безопасности, к таковым можно отнести также и результаты юридической деятельности по толкованию норм права об информационной безопасности, систематизации правовых норм.

Ключевые слова: информация, система регулирования, информационная безопасность, методы информационной безопасности, средства информационной безопасности.

The science of information law contains a detailed system of methods aimed at servicing information security, while the basis is the legal method of ensuring information security, which can also include the results of legal activities on the interpretation of information security law and the systematization of legal norms.

Keywords: information, regulatory system, information security, information security methods, information security tools.

В науке информационного права предложена развернутая система методов обеспечения информационной безопасности. В большинстве современных ис-

следований к правовым методам обеспечения информационной безопасности необходимо отнести также и достижения (результаты) юридической деятельности по толкованию норм права об информационной безопасности, систематизации правовых норм.

В качестве такого метода с безусловным положительным эффектом могло бы стать практическое обобщение Верховным Судом Российской Федерации материалов судебной практики по отдельным категориям дел, так или иначе касающихся вопросов информационной безопасности, и доведение результатов этого обобщения до сведения нижестоящих судов, иных правоприменителей, юридической общественности в виде Постановления Пленума Верховного Суда РФ или иного руководящего документа.

Для более глубокого понимания механизма регулирования следует изучить Положения (Уставы) большинства федеральных министерств, федеральных служб, федеральных агентств, а также их территориальных подразделений, которые функционируют на территориях отдельных субъектов Российской Федерации. Проанализировав данные из открытых источников сети Интернет, с сайтов вышеуказанных государственных органов исполнительной власти, можно утверждать, что почти все они содержат лишь упоминание о вопросах информационной безопасности, однако без какой-либо «расшифровки» сущности деятельности по обеспечению информационной безопасности, средств и форм такой деятельности, стратегии и тактики обеспечения информационной безопасности. На сайтах органов исполнительной власти федерального и региональных уровней в подавляющем большинстве случаев содержится только ссылка (отсылка) к нормам неназванных в тексте нормативных правовых актов. Например, в виде следующих обобщенных фраз: «Информационная безопасность деятельности ... обеспечивается в соответствии с законодательством Российской Федерации» и т.п.

В указанной части, по нашему мнению, целесообразно во взаимосвязи с правовыми методами рассматривать также научные методы, включая концепции, методики и т.п. [1]

В первую группу средств обеспечения информационной безопасности можно выделить средства, так или иначе связанные с техническими, математическими или иными физическими характеристиками как средства, так и объекта защиты. Разумеется, все указанные выше средства могут быть применены и в комплексе.

Так, например, в качестве физических средств защиты выступают, как правило, механические, электронно-механические устройства, специально предназначенные для образования физических препятствий на возможных путях проникновения и доступа возможных нарушителей к компонентам автоматической системы и защищаемой информации, а также технические средства визуального наблюдения, связи и охранной сигнализации. Также выделяют аппаратные средства защиты, программные средства защиты, их симбиоз – аппаратно-программные средства защиты, криптографический метод защиты информации и другие [2].

В качестве второй группы средств обеспечения информационной информации следует причислить способы, относящиеся к организации тех или иных

информационных процессов, организации работы с информацией и другие организационные моменты. Так, например, административный метод защиты – это средство организационного характера, регламентирующее процессы функционирования системы обработки данных, применением ее ресурсов, деятельность обслуживающего персонала, а также порядок взаимодействия пользователей с системой так, чтобы в максимальной степени затруднить или исключить возможность реализации угроз безопасности или минимизировать размер потерь в случае их реализации.

В третью группу исследуемых средств можно объединить социальные средства обеспечения информационной безопасности: правовые, морально-этические и иные.

Таким образом, можно предложить учитывать необходимые характеристики методов правового регулирования в исследуемой сфере, дополнительно к которым предлагается выделять близкие научные методы. Следует отметить, что сформулированное авторское определение информационной безопасности не претендует на безусловность и полное признание, хотя и содержит собственные специфические разработки.

Во-первых, предлагается предметом правоотношений в сфере информационной безопасности считать или любой информационный объект (априори нуждающийся в защите), или индивиды (их коллективы), государство и общество. При этом необходимо учитывать, что выделение нескольких объектов является ошибочным, так как объект таких правоотношений всегда объединен в единое целое. В качестве такового объекта выступает именно информационная безопасность, представляющая из себя «состояние защищенности данных предметов». Ошибочным мнением считаем причисление к объектам какие бы то ни было права и интересы. В то же время, по нашему мнению, такой подход не исключает классификации объектов защиты по самым разнообразным критериям.

Во-вторых, в числе прочего мы пришли к выводу о том, что правоотношения в сфере регулирования информационной безопасности можно рассматривать с позиций их структуры. Основным комплексным элементом структуры выступает здесь субъектно-объектный состав, который неоднороден и предполагает участие различных лиц самых разнообразных статусов в процессе передачи информации. В работах по информационному праву такая позиция авторами не обосновывалась, поэтому также полагаем ее новой в науке.

В-третьих, в качестве основы для возникновения правоотношений в сфере обеспечения информационной безопасности выступают такие факторы, которые составляют совокупность: наличие в реальной деятельности информационного объекта и наличие объективных угроз, в том числе тех, которые могут возникнуть в будущем, для такого объекта.

В-четвертых, мы не можем согласиться с указаниями отдельных авторов на обязательность наличия у правоотношений в данной сфере явных позитивных ценностных характеристик; видимо, ценными (эффективное достижение необходимого уровня информационной защищенности) будут только результаты таких правоотношений, да и то не во всех случаях.

Как быть, например, когда информационный ресурс в сети Интернет, распространяющий вредоносную информацию, настолько хорошо технически защи-

щен, что его блокировка органами контроля (надзора) в информационной сфере представляется затруднительной? Видимо, такая высокая степень защищенности, напротив, будет препятствовать целям деятельности уполномоченных в данной области органов власти, задачам информационного права. Или же, другой случай: на упомянутый ресурс совершено «хакерское нападение», то есть в отношении защищаемого объекта осуществлены противоправные действия, однако, исходя из характера и свойств содержащейся на ресурсе информации (ее вредности), право информационной безопасности относится к таким действиям безразлично. С точки зрения уголовного права о составе преступления говорить можно и нужно, но с позиций института информационной безопасности право должно отказать данному объекту в защите. Результатом правоотношений в сфере информационной безопасности будет состояние информационной защищенности конкретных предметов: индивида, государства и общества.

В-пятых, следует иметь в виду также еще и то обстоятельство, что установленный (достигнутый) уровень информационной безопасности должен быть необходимым и достаточным. Излишняя защита информации (или защита от информации при ее вредоносности) могут свести на нет саму полезность информации как объекта права, значительно затрудненный доступ к ней (или доступ, сопряженный со значительными издержками) понижает и даже нивелирует ценность такой информации. Этот вопрос мы полагаем рассматривать с позиций теории «дерева целей», когда одна из предыдущих целей (или все они в совокупности) становится условием для достижения последующей. Поэтому первоначальным результатом (траекторной целью) будет достижение состояния защищенности информационных объектов, последующим результатом (промежуточной целью) станет наличие в реальной действительности возможности для безопасного и беспрепятственного осуществления индивидами (коллективом индивидов), государством и обществом своих информационных прав и интересов и в качестве конечного результата (главной, основной цели) должны выступить наиболее полное удовлетворение индивидами (коллективом индивидов), государством и обществом своих информационных потребностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило, И. Л. Компьютерное право. Методология и практика // Безопасность информационных технологий. – 1997. – Вып. 2. – С.70-78.
2. Котляров, С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49-51.

УДК 342.2

СОВРЕМЕННЫЕ СПРАВОЧНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кузина Екатерина Александровна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807099@ruc.su

MODERN REFERENCE AND LEGAL SYSTEMS IN THE INFORMATION SUPPORT SYSTEM: PROBLEMS, ADVANTAGES, DEVELOPMENT PROSPECTS

Kuzina Ekaterina Alexandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В центре внимания данного обсуждения находится влияние права на формирование и развитие общественных отношений, которое играет ключевую роль в структурировании взаимодействий между людьми и группами. Право не только отражает эволюцию человеческой цивилизации, но и активно направляет ее, стремясь к упорядочению и созданию условий для согласованного существования различных интересов. Важность изучения эффективности и реализации правовых стандартов не утрачивает своей актуальности на фоне этих процессов. В представленном материале основное внимание уделяется анализу реального применения норм права и их соответствия общепринятым правовым принципам, включая доступ к знаниям о законе и информации.

Ключевые слова: права человека и гражданина, принципы права, информационное обеспечение, информация, естественные права, справочная правовая система.

The focus of this discussion is the influence of law on the formation and development of social relations, which plays a key role in structuring interactions between people and groups. Law not only reflects the evolution of human civilization, but also actively guides it, striving to streamline and create conditions for the coordinated existence of various interests. The importance of studying the effectiveness and implementation of legal standards does not lose its relevance against the background of these processes. The presentation focuses on the analysis of the real application of the rule of law and their compliance with generally accepted legal principles, including access to knowledge about the law and information.

Keywords: human and citizen rights, principles of law, information support, information, natural rights, reference legal system.

В Российской Федерации функционируют интегрированные информационные платформы, ориентированные на юридическую сферу, включающие в себя данные о законах, судебных решениях, нормативных документах и прочей правовой информации. Целью указанных платформ является обеспечение доступности к актуальной, проверенной и надежной правовой информации, которая используется в профессиональной деятельности адвокатов, бизнесменов, нотариусов, юридических служб. Помимо указанных сфер деятельности такая информация, а соответственно возможность доступа к ней необходимы и для обычных граждан. Такая информация необходима в первую очередь для эффективного решения профессиональных задач определенной сферы деятельности, которые основываясь на таких параметрах, как тип и статус документа, номер статьи, ключевые слова, дату вынесения решения и уровень судебной инстанции позволят эффективно находить и анализировать данные для решения повседневных задач.

Доступные для граждан современные юридические информационные системы в России отличаются своей продвинутой функциональностью, простотой в использовании, возможностью настройки под индивидуальные нужды и гибкостью доступа к необходимой и «востребованной в данных условиях» информации через любое подключенное к интернету устройство. Следует отметить, что

российские справочно-правовые системы не только упрощают процесс поиска и обработки юридических документов, значительно сокращают сам процесс поиска и повышают производительность работы юристов и других заинтересованных лиц. Такие современные и актуальные системы предлагают удобный доступ к обширным базам данных, энциклопедиям, предоставляют возможность получения разъяснений по законодательным вопросам и профессиональных комментариев. В научной литературе существуют несколько концепций, которые пытаются охарактеризовать содержание данных явлений. Группировка носит весьма условный характер, она основывается на многообразии взглядов, применяемых при определении терминов «правовая охрана» и «правовая защита»[1–3].

Одним из существенных отличий справочных правовых систем от источников официального опубликования, который был наиболее явным на первом этапе их существования, является направленность справочных правовых систем на распространение актуальных (консолидированных) редакций нормативно-правовых актов. В свою очередь официальные государственные сайты правовой информации прошли большой путь развития от вспомогательного источника официальной информации до единственного источника официального опубликования некоторых видов актов. Предполагая дальнейшее развитие справочно-правовых систем, необходимо выдвинуть гипотезу, что сейчас существует тенденция централизации правовой информации в государстве, что является следствием политики правовой информатизации общества и перехода к использованию таких российских разработок не только в системе гражданин – государство, а и в системе гражданин – государство – гражданское общество – правовое государство.

Институт официального опубликования для большинства государств является окончательным этапом законотворческого процесса. Следующий виток развития института официального опубликования был обусловлен достижениями научно-технического прогресса. Появление возможности предоставления правовой информации в машиночитаемой форме позволило существенно сократить разрыв между централизованным принятием (изменением) нормы и доведением информации об этом до населения. Также именно с этим необходимо связывать возникновение термина «официальный текст», который был оторван от материального носителя, что значительно повысило эффективность обработки и применения (получения) информации. Увеличение доступа к информации – это прямое следствие доступности и упрощения получения информации в контексте формулы «здесь и сейчас».

В современном мире, где количество законодательных и нормативных документов растет с каждым днем, пользователи справочно-правовых систем сталкиваются с рядом вызовов. В качестве основополагающей проблемы выступает затрудненность в навигации по обширному объему правовой информации, что создает объективную «преграду» поиска необходимых данных сложной процедурой требующей определенных навыков работы в этой сфере. К тому же проблема актуализации данных в этих системах стоит особенно остро и вызывает появление новых «преград» на пути эффективного использования справочно-

правовыми системами. Изменения в законодательстве и внесение новых законов могут не отражаться в базах данных в реальном времени, что в свою очередь ведет к риску ложного воспроизведения и дальнейших действий или суждений на устаревшей (неактуальной) или неполной информации.

У пользователя (непрофессионала) возникает проблема «информационного неравенства»: доступ к некоторым юридическим базам данных ограничен и предназначен исключительно для специализированных групп, включая адвокатов и правительственные учреждения. Доступ к значительной части правовых документов может быть ограничен, требуя при этом уплаты за подписку или предлагаясь исключительно в установленные часы и дни, что усугубляет проблему доступности информации для широких слоев населения. Кроме того, общая проблематика справочно-правовых систем заключается в их неспособности предоставлять динамичный обмен информацией. В подавляющем большинстве случаев у пользователей отсутствует возможность задавать вопросы или получать специализированные рекомендации, что существенно снижает шансы на получение обновленной и всесторонней информации, необходимой для решения конкретных правовых вопросов.

Объективная необходимость в исправлении сложившихся ситуаций, а также развитие системы эффективной и достоверной справочно-правовой информации становится очевидной для повышения пользы в работе с юридическими данными. Несмотря на имеющиеся недостатки, такие системы представляют собой ценный инструмент, опережающий использование обычного интернета при взаимодействии с законодательной и другими типами нормативной документации. В качестве неоспоримого преимущества выступает возможность экономии времени при поиске и анализировании как документов целиком, так и их отдельных частей; предоставление доступа к надежной и обновленной информации; а также уведомление о любых изменениях в законах и других нормативных актах в режиме реального времени по системе «здесь и сейчас».

Возможность поддержания официального текста нормативно-правового акта в актуальном состоянии приводит к разделению деятельности по правовой информатизации на несколько направлений: развитие систем электронного опубликования и создание комплекса государственных ресурсов, которые нацелены на доведение правовой информации до населения. Обособление указанных ресурсов обосновывается различием их целей [4].

Также важно отметить, что доктринальная разработанность роли информационных посредников в распространении правовой информации на данный момент достаточно низкая [5], а всплеск научного интереса был разово вызван преимущественно перспективной введением электронного опубликования [6].

В качестве основного вопроса на сегодняшний день выступает достоверность распространяемой юридически значимой информации в общем и в частности текстов нормативно-правовых актов так как институт официального опубликования достиг ограничения, которое было задано дозированным способом распространения информации (официальное опубликование преимущественно первых редакций и соответствующих изменяющих (дополняющих) актов). Роль основного канала распространения правовой информации на данный момент взяли на себя частные справочно-правовые системы, которые более того явля-

ются и важным инструментом толкования права и формирования правовой позиции по конкретному делу, а это подразумевает появление у таких систем не только прав, но и наложение определенных обязанностей.

В то же время нельзя отрицать факт того, что эти системы необходимы, особенно в профессиональной сфере, они обладают потенциалом для дальнейшего усовершенствования в рамках возложенных на них обязанностей и предоставленных прав. Улучшение взаимодействия с пользователем и повышение удобства использования выступают ключевыми направлениями в их дальнейшем развитии. Внедрение функций, позволяющих пользователям оставлять отзывы и комментировать качество информации, а также разработка персонализированных решений, учитывающих индивидуальные запросы и предпочтения, являются важными аспектами совершенствования этих систем с целью повышения эффективности. Такое положение свидетельствует о значимости использования справочно-правовых систем в профессиональной и непрофессиональной сферах предоставления-получения актуальной информации.

Одним из направлений эволюции информационно-правовых сервисов станет повышение их взаимодействия с разнообразными данными. Представьте, что такие сервисы начнут активно предоставлять доступ к актуальным судебным решениям, научным работам и прочим материалам, имеющим отношение к праву. Это даст пользователям возможность глубже погружаться в контекст интересующих их вопросов и осуществлять выбор на основе более широкого объема информации. К тому же не стоит отметить вероятность применения технологий искусственного интеллекта, что существенно усилит процесс поиска, обработки и интерпретации юридических данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров, С. Б.* Институты гражданского общества – феномен правового государства / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // *Право и образование*. – 2017. – № 7. – С. 117-122.
2. *Киварина, М. В.* Современные модели регионального развития в концепции государственного управления РФ / М. В. Киварина // *Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции*, Челябинск, 25 января 2018 года. – Челябинск : ОМЕГА САЙНС, 2018. – С. 167-171.
3. Особенности экономического взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и бизнес структур / Ю. И. Каргин, О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // *Механизмы решения проблем социально-экономического развития / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева*. – Пенза : Наука и Просвещение, 2016. – С. 92-123.
4. *Котляров, С. Б.* Классификация прав человека в Российской Федерации: современное использование алгоритмических систем / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин, Е. А. Кукушкина // *Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Казань, 25 марта 2022 года. – Казань ЮрЭксПрактик, 2022. – С. 129-134.
5. Strategic judicial protection of public interests: Legal aspects / E. A. Kirillova, V. V. Bogdan, O. E. Blinkov [et al.] // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2017. – Vol. 8, No. 5. – P. 1537-1543.
6. *Кулажников, В. В.* Цифровые права – новый объект гражданских прав в Российской Федерации / В. В. Кулажников, А. В. Усов // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции*, Иркутск, 06–07 июня 2019 года / Восточно-Сибирский институт МВД России. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. – С. 304-305.

УДК 347.97/.99

СИСТЕМА СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ИНСТАНЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кучаева Эльвира Ренатовна, магистрант

Фиров Дмитрий Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807100@ruc.su; st802408@ruc.su

SYSTEM OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION OF THE FIRST AND SECOND INSTANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kuchaeva Elvira Renatovna, Master's Degree student

Firov Dmitry Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы организации деятельности судов общей юрисдикции первой и второй инстанций в Российской Федерации. В судебной системе Российской Федерации суды первой и второй инстанций выступают основными звеньями судов общей юрисдикции. Основной акцент в статье сделан на становлении и функционировании института мировых судей как первичного звена судебной системы в России.

Ключевые слова: суд, судебная система, мировые судьи, районные суды, суды субъектов РФ.

The article discusses the issues of organizing the activities of courts of general jurisdiction of the first and second instances in the Russian Federation. In the judicial system of the Russian Federation, courts of first and second instances act as the main links of courts of general jurisdiction. The main emphasis in the article is on the formation and functioning of the institution of justices of the peace, as the primary link of the judicial system in Russia.

Keywords: court, judicial system, magistrates, district courts, courts of constituent entities of the Russian Federation.

Отмена крепостного права в 1861 г. повлекла за собой изменение базовых общественных отношений, а за ними с неизбежностью последовали изменения норм права, эти общественные отношения регулирующих. Реформы 60-х годов XIX в. затронули не только центральное и местного управление, но и вопросы военного устройства и суда.

Подготовкой судебной реформы несколько лет занималась комиссия из лучших юристов того времени. В нее входили Н. И. Стояновский, К. П. Победоносцев, С. И. Зарудный, Д. А. Ровинский, А. М. Плавский, Н. А. Буцковский.

20 ноября 1864 г. колоссальная работа была закончена и Александр II утвердил новые Судебные уставы. Это были четыре взаимосвязанных между собой устава, по-повому определяющие все судопроизводство Империи. В «Учреждении судебных установлений» была утверждена новая судебная система страны [1]. Реформам подверглось гражданское и уголовное судопроизводство. Устав о наказаниях определил исчерпывающий перечень уголовных и «исправительных» наказаний. Вместо сословных судов вводились общие для всех сословий, с единым порядком судопроизводства.

Крестьяне, получившие личную свободу, могли теперь обращаться за решением своих споров не к помещику, а в мировой суд. В этих целях создавались новые судебные учреждения. Название суда пошло от «мирового посредника», который после отмены крепостного права призван был не столько карать, сколько мирить крестьян и помещиков, склонять оппонентов к принятию мирового соглашения.

Мировые судьи должны были разгрузить общие суды от большого количества малозначительных дел. В их юрисдикции находились гражданские иски небольшой цены, проступки и мелкие преступления. Мировой судья рассматривал дело единолично.

Институт мировых судей практически в неизменном виде просуществовал вплоть до его отмены в 1917 году Декретом «О суде» [2]. Советской судебной системой мировые суды не предусматривались.

После глубоких общественно-политических изменений в стране, проходящих в 90-е годы XX века, и уравнивания всех форм собственности, ситуация изменилась и законодатель вновь вспомнил о мировых судах в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О концепции судебной реформы в РСФСР» [3]. Она признавала мировые суды судами первой инстанции. Эта новелла законодателя, сначала, вызвала недоумение и осторожность в оценке граждан, но позднее, зарекомендовала себя как эффективный институт защиты прав граждан.

Практически сразу после принятия Концепции законодатель перешел к разработке нового закона «О мировых судьях в Российской Федерации». Профильной комиссией принимались во внимание положения закона двухсотлетней давности, но в современной интерпретации. В 1998 г. Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» был принят Государственной Думой.

Документ определил, что мировые судьи входят в судебную систему страны и являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ. В связи с этим они назначаются на должность в порядке, установленном законом соответствующего субъекта РФ.

Каждый субъект РФ поделен на судебные участки, в котором и осуществляют свою деятельность мировые судьи. Так, например, город Москва разделен на 471 судебный участок, в Нижегородской области 179 таких участков. В республике Мордовия насчитывается всего 44 судебных участка, из которых 16 расположены непосредственно в Саранске [4].

Полномочия мировых судей по гражданским делам закреплены в ст. 23 ГПК РФ. Они рассматривают дела о расторжении брака, если отсутствует спор о детях, о выдаче судебного приказа, о мелких имущественных спорах до 50000 рублей (чаще всего это задолженностям за ЖКУ), о нарушении прав потребителя (до 100000 руб) и др.

Подсудность дел об административных правонарушениях закреплена в ст. 23.1 КоАП РФ. Чаще всего мировые судьи рассматривают дела о мелком хулиганстве, о распитии спиртных напитков, появлении в общественных местах, в

состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство (ст. 20.1, 20.20, 20.21 КоАП РФ), об управлении транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, о невыполнении водителем требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ) и другие.

Вместе с тем мировые судьи рассматривают и уголовные дела, максимальное наказание по которым в соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК РФ не превышает 3 лет лишения свободы. Вышестоящей инстанцией по отношению к мировым судьям являются районные суды.

Их с уверенностью можно назвать основным звеном российской судебной системы. До 1997 года районные суды назывались «народными судами». Их территориальная подсудность ограничивается пределами административно-территориальной единицы (судебного района).

Районные (межрайонные, городские) суды рассматривают гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции. Исключением являются дела, отнесенные законодателем к компетенции других судов. В целях создания условий для независимого осуществления правосудия и оптимальной работы в каждом районном суде имеется свой аппарат, куда входит председатель, заместители председателя и судьи. Вышестоящим судом по отношению к районному являются суды субъекта РФ (областные, краевые и т.д.)

Например, Саранский кооперативный институт расположен в Октябрьском районе г. Саранска (по адресу Саранск, ул. Транспортная дом 17.) Юрисдикция Октябрьского районного суда распространяется на Октябрьский и Кочкуровский районы. Общая численность судей и сотрудников в Октябрьском районном суде и постоянном судебном присутствии в с. Кочкурово составляет 112 человек.

Сложности с отправлением правосудия пока сохраняются на новых территориях России. Это связано с ведением СВО на территориях, обслуживаемых судами. По сложившейся практике на этих территориях действуют, пока, межрайонные суды.

Так, в сентябре 2023 года в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ [5] началась деятельность судов РФ на территории Херсонской области, созданных в соответствии с Федеральным законом «О создании судов РФ на территории Херсонской области» [6]. В связи с тем что в настоящее время в территория города Херсона еще не освобождена от украинских вооруженных сил, областной суд находится в городе Геническе. Федеральные судьи новых российских территорий находятся под постоянной государственной охраной, в связи с реальными угрозами, которые им поступают с украинской стороны. Часто их данные внесены в экстремистский сайт «Миротворец».

Еще одним элементом судебной системы являются краевые и областные суды, верховные суды республик, суды городов федерального значения, автономной области и автономных округов. В связи с присоединением к России новых территорий, в 2023 году таких судов стало 89.

В Приволжском федеральном округе расположено 14 субъектов Федерации (Мордовия, Татарстан, Чувашия, Удмуртия, Башкортостан, Марий-Эл, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области и Пермский край) и соответственно 14 судов-субъектов РФ.

Их принято считать «средним звеном» российской судебной системы. Часто их называют «суды субъектов РФ». Они признаются высшими судебными органами соответствующего субъекта РФ по гражданским, уголовным, административным и иным делам. Эти суды действуют в пределах территории соответствующего субъекта РФ. Они равнозначны между собой по положению в российской судебной системе и имеют одинаковые полномочия.

Согласно статье 26 ГПК РФ суды субъектов РФ в качестве суда первой инстанции рассматривают гражданские дела, связанные с государственной тайной, а также дела, связанные с признанием и исполнением решений иностранных судебных органов (глава 45 ГПК РФ).

В качестве первой инстанции эти суды рассматривают тяжкие уголовные преступления, перечисленные в п.1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, наказанием за которые предусмотрено более 15 лет лишения свободы или пожизненное заключение, а также дела, содержащие в своих материалах государственную тайну.

В соответствии с ч. 3 ст. 109 УПК РФ судьи судов среднего звена могут продлять срок содержания под стражей свыше 12 месяцев, в отношении обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

В аппарат суда входят судебные коллегии по гражданским, административным и уголовным делам. Судебные коллегии формируются из числа судей. Составы судебных коллегий утверждаются президиумом суда.

Таким образом, можно сделать вывод, что система судов общей юрисдикции включает в себя несколько уровней. На уровне субъекта РФ – мировые судьи, на нижнем уровне – районные, межрайонные или городские суды, средний уровень судебной системы занимают областные и иные региональные суды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебные уставы с изложением разъяснений, на коих они основаны. Второе дополнительное издание. – Санкт-Петербург, 1867. – С. 265.
2. Декрет Совета народных комиссаров «О суде» от 24 ноября 1917 г. № 1. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Постановление Верховного Совета РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР» от 24 октября 1991 г. № 1801-1. – URL: <https://base.garant.ru/6318369/> (дата обращения: 12.10.2024).
4. Информация о деятельности судебных участков мировых судей / Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: https://sudrf.ru/index.php?id=300&act=go_ms_search&searchtype=ms&var=true&ms_type=ms&court_subj=13/ (дата обращения: 10.10.2004).
5. Постановление Пленума Верховного Суда России от 19.09.2023 № 32 «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Херсонской области». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457546/ (дата обращения: 10.10.2024).
6. Федеральный закон «О создании судов РФ на территории Херсонской» области от 3 апреля 2023 года № 88-ФЗ // Российская газета. – 6 апреля 2023 г. – № 74.

УДК 343.121.5

**ПОНЯТИЕ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ»
В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Маланкина Наталья Александровна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808902@ruc.su

**THE CONCEPT OF «CONFLICT OF INTEREST»
IN RUSSIAN SCIENCE AND LEGISLATION**

Malankina Natalia Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Государственные служащие должны бороться за общественное благо, но иногда их личные интересы и интересы социальных групп могут мешать этому. Поэтому конфликт интересов – это серьезная проблема, обсуждаемая в международных и внутренних законах. Когда общественность видит, что интересы государственных служащих не соответствуют общественным потребностям, это может подорвать их доверие к добросовестности и честности государственных служащих.

Ключевые слова: интересы, конфликт интересов, законодательство, защита прав человека, государство, государственная власть.

Public servants must fight for the public good, but sometimes their personal interests and the interests of social groups can interfere with this. Therefore, conflict of interest is a serious issue discussed in international and domestic laws. When the public sees that the interests of public servants do not correspond to public needs, this can undermine their trust in the integrity and honesty of public servants.

Keywords: interests, conflict of interest, legislation, protection of human rights, state, state power.

Конфликт интересов представляет собой достаточно сложное понятие, которое имеет несколько неоднозначных определений. Вопрос конфликта интересов активно обсуждается и регулируется как на международном уровне, так и в рамках законодательства России. Это понятие стало ключевым в обсуждениях о государственной службе, борьбе с коррупцией и других аспектах государственного управления, находя отражение в разнообразных нормативных документах. Несмотря на его важность и наличие в российских законах с 2004 года, ученые до сих пор не пришли к единому пониманию того, что же на самом деле представляет собой конфликт интересов в контексте государственной и гражданской службы. Следовательно, требуются дополнительные исследования и разработки для более глубокого понимания и определения этого понятия в рамках управленческой практики. В современной научной литературе развернулась достаточно серьезная дискуссия вокруг этой темы, которая породила различные точки зрения на вопрос, что же считать конфликтом интересов, и это неудивительно, ведь, как справедливо отмечает Щеколдин С. Ю., «на практике его чрезвычайно трудно охарактеризовать, поскольку границы между государственными и личными интересами не всегда четко определены» [1].

Исследуя российские законы, приходишь к выводу, что конфликты интере-

сов часто считаются чем-то исключительно отрицательным из-за их коррупционного и вредного происхождения. Однако изучение научных работ показывает, что это явление обладает своей спецификой: его последствия могут быть разнообразными, иногда даже способствуя эффективности управления. Это подтверждают исследования С. С. Фролова и других, указывающие на потенциальную полезность таких конфликтов для государственных структур. А. Г. Здравомыслов, А. К. Зайцев и другие ученые утверждают, что конфликты интересов могут способствовать формированию более совершенных систем управления. В то время как другие исследователи, такие как Н. Н. Обозов, видят в конфликтах интересов стремление к доминированию, подавлению конкурентов для получения выгод, что указывает на сложность и многогранность данного явления [2].

В. Я. Кикоть, например, указывает, что противоречие может стать конфликтом только тогда, когда один отдельный субъект, либо группа субъектов понимают то, что их интересы противопоставляются друг другу, но не собираются уступать друг другу [3].

Стоит отметить, что в качестве «камня преткновения» для понимания всей сложности понятия «конфликта интересов» выступает обстоятельство — конфликт интересов объективно является динамичным и постоянно видоизменяющимся явлением с элементами адаптации к сложившимся условиям в развитии управленческих отношений. Возникновение конфликта интересов заключается в том, что он проходит определенные стадии развития, адаптации, видоизменения и проявления в различных ситуационных проявлениях, именно поэтому предупреждение, а не борьба с ним должны стать главной задачей государственного механизма власти и управления.

Доктор юридических наук Д. И. Дедов, один из крупнейших исследователей темы «конфликта интересов», предлагает свое понимание этого явления: «противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего), и личными интересами этого уполномоченного» [4].

Когда речь заходит о конфликте интересов, особенно в контексте государственной службы, его сложность и многогранность становятся очевидными. Этот феномен охватывает различные области: от права до социальных наук, включая политологию и психологию, не говоря уже о культурологии и институциональных исследованиях. Сложность его понимания усугубляется тем, что оценка конфликта интересов часто носит субъективный характер, что делает его анализ на стыке множества дисциплин ещё более запутанным.

До 2001 года российское законодательство не содержало определения понятия «конфликт интересов» вообще или в частности. Первым упоминанием косвенного характера является норма права в федеральных законах: «О рынке ценных бумаг», «Об инвестиционных фондах», «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» и др. Следует отметить, что в большинстве случаев законодатель либо только употребляет термин «конфликт интересов», либо упоминает о нем, но не раскрывает содержательную составляющую этого понятия-явления.

Впервые понятие конфликта интересов было использовано в постановлении Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг». В постановлении конфликт интересов определялся как противоречие между имущественными и иными интересами профессионального участника рынка ценных бумаг и клиента, в результате которого действия (бездействие) профессионального участника причиняют убытки клиенту и (или) влекут иные неблагоприятные последствия для клиента. Необходимо также учитывать, что конфликт интересов – понятие межотраслевое и в каждой отрасли права имеющее собственный смысл.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» дано понятие конфликта интересов педагогического работника, это ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником профессиональных обязанностей вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся.

В ходе исследования концепции конфликта интересов в сфере законодательства и академическом дискурсе становится очевидным, что данная концепция все еще находится в стадии развития и не получила окончательного определения в научных кругах. Это указывает на необходимость более тщательного изучения и теоретической разработки понятия. Особенности конфликта интересов в личной сфере могут включать следующие аспекты (но не ограничиваются ими): взаимное противоречие интересов, действия, выходящие за рамки закона или вызывающие значительные потери, а также связь между этими факторами. Важно подчеркнуть, что определения этих характеристик не являются универсальными и адаптируются под специфику различных областей, таких как публичная служба и борьба с коррупцией, чтобы отвечать их уникальным требованиям и задачам.

Существует недостаток единства в понимании того, что такое конфликт интересов, включая его основные характеристики, разновидности и классификации. Изучение конфликта интересов в контексте законодательства России выявляет, что это довольно новая концепция для российской юридической системы, применяемая как в секторе частного, так и государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щеколдин, С. Ю.* Сложные аспекты нормативно-правового понимания категории «Конфликт интересов» / С. Ю. Щеколдин // Вестник ВГУ. Серия Право. – 2009. – № 1. С. 210-220.
2. *Гражданское общество в российских регионах* / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
3. *Метлякова, Л. А.* Конфликтология : учебно-методическое пособие / Л. А. Метлякова. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016. – 210 с.
4. *Дедов, Д. И.* Конфликт интересов / Д. И. Дедов. – Москва : Волтерс Клувер, 2024. – 273 с.

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

Муталимов Расул Асимович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807082@ruc.su

MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN STATE POWER AND BUSINESS

Mutalimov Rasul Asimovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассмотрены факторы, определившие современное состояние, тенденции развития и механизмы взаимодействия власти и бизнеса в России. Дается краткий анализ методики применения эффективных направлений совершенствования, такого взаимного взаимодействия с учетом современных реалий.

Ключевые слова: государственная власть, государство, бизнес, гражданское общество, правовое регулирование.

The article considers the factors that determined the current state, development trends and mechanisms of interaction between government and business in Russia. A brief analysis of the methodology for applying effective areas of improvement, such mutual interaction, taking into account modern realities is given.

Keywords: state power, state, business, civil society, legal regulation.

В последние двадцать с лишним лет эволюция России как государства поддается анализу через разнообразные методики. Интересным углом для рассмотрения является взаимодействие между правительством и предпринимателями, которое оказывает значительное влияние на ключевые общественные аспекты. Несмотря на это, до сих пор не сформировалось однозначного понимания этой темы. Особую роль в этом контексте играет такое явление, как GR (government relations), или связи с государственными институтами, широко распространенное в странах с развитой экономикой, включая Западную Европу и США. Это отчасти объясняет, почему анализ взаимосвязей между государством и бизнесом все еще остается относительно малоисследованным направлением.

Принципы GR, которые эффективно работали при формировании связей между властными структурами и бизнес-сектором в западных странах, оказываются переданными в контекст российских условий без должного теоретического подкрепления их работоспособности на новой территории. Различия в политической и экономической сферах между Россией и Западом настолько велики, что прямое применение зарубежных методов GR может не дать ожидаемого результата. Следовательно, взаимодействие между государственной властью и бизнесом в России требует более глубокого и всестороннего анализа, учитывая уникальность отношений с органами власти, а также необходимость их основательного теоретического изучения.

В последнее время наблюдается усиление взаимодействия между бизнесом и государственной властью, что выразилось в формировании специализированных отделов в компаниях, занимающихся анализом и подготовкой предложений для государственных структур, с целью обеспечения принятия решений, благоприятных для бизнеса. Это отражает стремление компаний адаптироваться к условиям активизирующегося государственного регулирования в экономической сфере. В этом контексте Государственные отношения (GR) представляют собой инструментарий, направленный на выполнение краткосрочных задач в рамках более обширной стратегии взаимоотношений между бизнесом и государством. Таким образом, в то время как стратегическое планирование взаимоотношений между этими сферами охватывает широкий спектр вопросов, GR фокусируется на решении конкретных, тактических задач.

Возникновение открытых платформ для общения бизнеса с официальными лицами при различных министерствах свидетельствует о движении российского государственно-частного взаимодействия в сторону более прозрачных и цивилизованных форм. В то же время существует распространенное мнение о том, что формирование профессионалов в области связей с государственными органами является задачей непреодолимой. Это часто объясняется особенностями взаимоотношений между властью и бизнесом в нынешней России, которые больше напоминают искусство или ремесло, нежели точную науку. Считается, что эффективный диалог с государством требует не только профессиональных навыков, но и личного опыта в сфере бизнеса или работы в госаппарате. Однако эту позицию можно оспорить.

Накопленный исторический опыт процесса взаимодействия власти и бизнеса указывает на то обстоятельство, что в качестве основополагающего момента перед внедрением эффективных моделей «взаимодействия» является разработка идеологической основы и установление правил. Несомненно, что наличие квалифицированных и обладающих достаточной компетенцией сотрудников данного «взаимодействия» должно выступать в качестве основополагающего момента всего успеха предпринимаемого процесса. Такие специалисты становятся основными действующими лицами в обмене информацией между различными уровнями в рамках национальной политической арены, что особенно актуально из-за изоляции, которую испытывают политические институты в России, где межсекторальный диалог случается нечасто.

В действительности, несмотря на определенные сложности, государственная власть активно ищет способы эффективного взаимодействия с частным сектором, стремясь выйти из тупика через административные реформы и новые формы сотрудничества. Такой процесс поиска должен учитывать интересы и мнения представителей бизнес-среды, которые затем лежат в основе политических решений, официально объявляемых представителями государства. Также наблюдается тенденция к тесному переплетению интересов бизнеса и власти, что влечет за собой изменение ролей и функций участников в этом взаимодействии [1].

Говорить о достижении цели в современных условиях не приходится, несмотря на определенные положительные моменты и подвижки. В современных

санкционных условиях бизнес сталкивается с ограничениями в возможности участвовать в решении ключевых задач, что приводит к уменьшению независимости крупных компаний в политической арене и значительному снижению их способности защищать свои интересы на федеральном уровне. С 2000 года наблюдается тенденция исключения крупного бизнеса из процесса принятия, формирования и дискуссии важных политических и социальных инициатив, что фактически сводится к полному исключению из политической жизни. Такое отношение к крупному бизнесу недопустимо в современной России.

В ситуации, где центральное правительство больше не видит необходимости в стратегическом партнерстве с коммерческим сектором, бизнес ищет способы адаптации к этим изменениям, акцентируя внимание в двух ключевых аспектах:

а) укрепление и расширение своих возможностей влиять на политику и лоббировать свои интересы на федеральном уровне посредством укрепления уже существующих и создания новых ассоциаций предпринимателей;

б) разработка и реализация новых, более разнообразных подходов на местном уровне.

Однако попытки усилить свои позиции на федеральном уровне не принесли ожидаемых результатов. В то же время взаимодействие с региональными властями претерпело заметные изменения: если раньше крупный бизнес стремился к доминированию, то теперь ориентир смещается в сторону равноправного партнерства. Кроме того, изменения во внутренней организации крупного бизнеса значительно влияют на стоимость и условия сотрудничества с региональными администрациями.

В последние двадцать лет модель взаимодействия между властью и бизнесом эволюционировала, принимая особые черты, среди которых выделяются дублирование функций между различными государственными органами и уменьшение открытости в принятии ключевых решений. В этом контексте становление компаний как доминирующей формы ведения крупного бизнеса в России приводит к обесцениванию их статуса, в то время как регионы испытывают противоположный эффект – увеличение их значимости. В свете этого выбор стратегии взаимодействия с властью, заключающейся в партнерстве с лидирующими силами, является наиболее предпочтительным для бизнеса путем.

В строительстве отношений с правительственными структурами нельзя недооценить значимость ведущих фигур компаний. Коррупционные практики, к сожалению, закрепились как стойкая черта. Вместо традиционной партийной системы в политической арене доминируют кланы и номенклатурные группировки, не давая партиям выйти на первый план. Ключевую роль в политическом и экономическом ландшафте играют региональные кланы. Эти условия создают высокий уровень политических рисков для бизнеса, побуждая его к диверсификации и поиску безопасности за границей, включая привлечение зарубежных инвесторов и выход на международные публичные рынки акций.

Технологические стратегии, направленные на создание и балансировку различных влиятельных центров, являются ключевыми; в то же время часто встречается сложность в определении истинных владельцев бизнеса из-за нечеткости структур собственности, что затрудняет понимание их реального влияния и

возможностей. Отдельного внимания заслуживают психологические характеристики лиц, ответственных за принятие решений, а также особенности процесса получения ими информации. Несмотря на некоторые проблемы, связанные с централизацией процесса принятия решений у верховного руководства компании, что может негативно отразиться на эффективности бизнеса, основатели и ключевые руководители предпочитают сохранять прямые коммуникации в сфере государственного предпринимательства. Это объясняется опасениями потерять важные контакты, если специалист по связям с государственными органами уйдет работать в другую компанию, что делает их наиболее эффективными коммуникаторами, несмотря на риски для бизнес-процессов.

В рамках российской экономической системы, предпринимательский сектор имеет уникальную возможность влиять на формирование законодательной базы и стратегическое планирование государственных мероприятий. Это достигается благодаря активному участию бизнес-сообщества в профессиональных объединениях. Ключевые государственные институты, включая Федеральное собрание, Общественную палату, основные министерства и официальные представительства президента в регионах, инициируют создание экспертных советов. Эти советы занимаются анализом и обсуждением ключевых аспектов экономической деятельности в разнообразных отраслях, обеспечивая тесное взаимодействие между государством и бизнес-сектором.

Бизнес-сообщество и правительственные органы взаимодействуют посредством двух ключевых форматов организаций. В основном это включает в себя учреждения, которые не были изначально созданы для защиты политических интересов.

Основной целью создания некоторых организаций было представление и защита интересов их членов перед структурами государственной власти, что фактически означало занятие позиций лоббирования. В эту категорию в первую очередь входят различные объединения и ассоциации предпринимателей, а также фонды, направленные на поддержку предпринимательской деятельности. Среди примеров наиболее влиятельных и активных крупных корпоративных группировок в бизнес-сфере стоят Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Торгово-промышленная палата РФ.

Недавно образовались две организации, нацеленные на защиту прав малого и среднего предпринимательства. Инициатива пятидесяти бизнес-ассоциаций привела к созданию организации «ОПОРА РОССИИ», фокусирующейся на поддержке малого предприятия. В то же время «Деловая Россия», ранее известная как депутатское объединение, трансформировалась в организацию, отстаивающую интересы среднего бизнеса. Кроме того, специализированные отраслевые объединения, такие как Союз нефтепромышленников и Российское газовое общество, активно работают на благо предпринимателей в своих секторах [2].

В то время как представлено, что ассоциации бизнесменов выступают за интересы малых и средних предприятий, на деле получается, что их действия не всегда соответствуют обещаниям. Малые и средние компании часто остаются за бортом в плане участия в управлении и представительстве в этих ассоциациях. С другой стороны, средний и малый бизнес активно стремится к хорошим

отношениям с местными властями, пытаюсь наладить связи даже на уровне муниципалитетов. В свою очередь, государственные структуры также заинтересованы в наличии надежных партнеров из бизнес-сообщества для осуществления масштабных проектов, которые без поддержки частного сектора не могут быть реализованы.

В странах Запада уже давно устоялись практики сотрудничества между государственным и частным секторами. В то время как в России процесс внедрения таких механизмов еще только начинается, предоставляя основания для ожиданий более активного развития этих взаимоотношений в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апрядкин, В. А.* Взаимодействие бизнеса и власти как стратегическое русло развития современной экономики / В. А. Апрядкин, Н. И. Морозова // Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике : материалы I Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 января 2023 года. – Ростов-на-Дону : Изд-во Манускрипт, 2023. – С. 237-239.

2. *Панфилов, М. А.* Взаимодействие власти и бизнеса в России: модели и механизмы / М. А. Панфилов, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2016 : сборник статей победителей IV международного научно-практического конкурса, Пенза, 30 ноября 2016 года. – Пенза : Наука и Просвещение, 2016. – С. 302-306.

УДК 340.9

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И БИЗНЕС-СТРУКТУР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Муталимов Расул Асимович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807082@ruc.su

INTERACTION OF STATE AUTHORITIES, SOCIETY AND BUSINESS STRUCTURES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Mutalimov Rasul Asimovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Для успешного развития страны необходимо активное взаимодействие муниципальных и государственных структур с представителями бизнеса. Это поможет достичь поставленных целей и обеспечить стабильный экономический рост. В представленной статье рассмотрены различные аспекты, способствующие достижению высоких темпов развития и эффективному управлению государством.

Ключевые слова: государственная власть, государство, бизнес, гражданское общество, правовое регулирование.

For the successful development of the country, active interaction of municipal and state structures with business representatives is necessary. This will help achieve the set goals and ensure stable economic growth. The presented article discusses various aspects that contribute to achieving high rates of development and effective government.

Keywords: state power, state, business, civil society, legal regulation.

Повышение экономической и политической устойчивости России является одной из основных задач любых социальных изменений, коснувшихся различных субъектов власти и экономики за последние десятилетия жизнедеятельности страны. Развитие и функционирование государственной структуры требуют непрерывного обновления и совершенствования методов взаимодействия между его органами и внутри них, что включает в себя как поиск инновационных подходов, так и оптимизацию уже существующих процессов. Вопросы, касающиеся эволюции государства, могут быть как чрезвычайно специализированными, так и широкими, подразумевающими обоюдное воздействие и кооперацию, особенно когда речь идет о взаимоотношениях между государственными структурами и частным сектором.

Исследовательское внимание к вопросам взаимодействия государственных структур и предпринимательских организаций имеет множество причин, связанных с ключевыми тенденциями экономических и политических систем. Создание уникальных моделей взаимодействия между бизнесом и государством в России играет важную роль в успехе экономических реформ и способствует ускорению темпов роста экономики, а также оказывает влияние на эффективность деятельности политической системы.

Взаимодействие государственной власти с бизнес-сектором в огромном смысле зависит от уровня развития экономических и политических структур страны. Современная заинтересованность в этом направлении усиливается из-за необходимости эффективного решения управленческих задач. Такое положение связано с обеспечением успешного сотрудничества, в котором ключевым является создание подходящих институциональных рамок и определение эффективных методов их применения в действительности.

Процесс эффективного обсуждения того, как улучшить взаимодействие между государственными структурами и предпринимателями, становится ключевым моментом для развития эффективного партнерства. Проблемы, мешающие этому сотрудничеству в России, включают в себя не только недочеты в правовом поле и неэффективные формы взаимодействия, но и отсутствие равных возможностей для всех участников, а также слабо развитые инвестиционные и инновационные процессы. Таким образом, имеется объективная потребность в разработке новых подходов к регулированию и укреплению связей между бизнесом и властью.

Организации, объединяющие представителей бизнеса, становятся все более значимыми в развитии отношений между частным сектором и официальными ведомствами. Рост их важности непосредственно связан с углублением их роли в социальных и экономических преобразованиях в стране, подчеркивая их изменчивую сущность. Чтобы повысить эффективность такого взаимодействия, критично важно инициировать новое исследование, которое бы измерило успех совместной работы государственных структур и бизнеса посредством этих ассоциаций и определило бы ключевые аспекты для его дальнейшего развития.

Возникновение открытых платформ для общения бизнеса с официальными

лицами при различных министерствах свидетельствует о движении российско-го государственно-частного взаимодействия в сторону более прозрачных и цивилизованных форм. В то же время существует распространенное мнение о том, что формирование профессионалов в области связей с государственными органами является задачей непреодолимой. Это часто объясняется особенностями взаимоотношений между властью и бизнесом в нынешней России, которые больше напоминают искусство или ремесло, нежели точную науку. Считается, что эффективный диалог с государством требует не только профессиональных навыков, но и личного опыта в сфере бизнеса или работы в госаппарате. Однако эту позицию можно оспорить.

Предпосылкой для успешного внедрения эффективных моделей «взаимодействия» между властью и бизнесом является создание идеологической базы и установление правил. основополагающую роль в этом процессе играют квалифицированные и компетентные специалисты, которые становятся ключевыми участниками обмена информацией на национальной политической арене. Это особенно важно в контексте изоляции политических институтов в России, где межсекторальный диалог не является обыденным явлением.

В действительности, несмотря на определенные сложности, государственная власть активно ищет способы эффективного взаимодействия с частным сектором, стремясь выйти из тупика через административные реформы и новые формы сотрудничества. Такой процесс поиска должен учитывать интересы и мнения представителей бизнес-среды, которые затем лежат в основе политических решений, официально объявляемых представителями государства. Также наблюдается тенденция к тесному переплетению интересов бизнеса и власти, что влечет за собой изменение ролей и функций участников в этом взаимодействии [1].

В условиях санкций современного мира крупные компании сталкиваются с ограничениями в участии в решении ключевых вопросов, что уменьшает их влияние на политической арене и затрудняет защиту интересов на федеральном уровне. С начала 2000-х годов заметно исключение крупного бизнеса из процесса формирования и обсуждения важных политических и социальных инициатив, что фактически означает их полное отчуждение от политической жизни. Такое отношение к крупному бизнесу несовместимо с современной Россией, несмотря на некоторые позитивные моменты и движения в этом направлении.

За последние двадцать лет произошли значительные изменения в отношениях между властью и бизнесом. Наблюдается увеличение количества государственных органов, которые выполняют одни и те же функции, и снижение прозрачности в процессе принятия важных решений. В результате компании теряют свой статус, в то время как регионы становятся более значимыми. Поэтому сейчас наиболее выгодной стратегией взаимодействия с властью для бизнеса является партнерство с влиятельными силами.

В построении взаимоотношений с государственными структурами необходимо учитывать важность влиятельных лидеров компаний. Неправомерные действия, к сожалению, закрепились как постоянная черта. Политическую арену заполняют кланы и группы номенклатуры, оттесняя партии на второй план

вместо традиционной партийной системы. Региональные кланы играют ключевую роль в политическом и экономическом контексте. Такие условия повышают политические риски для бизнеса, стимулируя его к разнообразию и поиску безопасности за рубежом, в том числе через привлечение иностранных инвесторов и выход на международные финансовые рынки.

В процессе перехода Российской Федерации в рыночную экономику появилось очень много так называемых «плохих» законов, исполнение которых ведет к коррупции. Исполнение некоторых законов в силу своей противоречивости, желания чиновников не быть привлеченными к уголовной и административной ответственности на фоне борьбы с коррупцией порождает уголовно-правовые и административно-правовые нормы, которые могут привести к остановке производственных процессов и тормозят развитие бизнеса.

Возможности для предпринимательского сектора в российской экономической системе закладываются через активное участие бизнес-сообщества в профессиональных объединениях. Экспертные советы, созданные государственными институтами, включая Федеральное собрание, Общественную палату, важнейшие министерства и региональные представительства Президента, занимаются анализом и обсуждением экономических аспектов в различных сферах деятельности. Таким образом, участие бизнес-сектора способствует взаимодействию с государством и формирует стратегическое планирование государственных мероприятий и законодательной базы.

Организации, созданные для представления интересов членов перед государственной властью, формируют важные взаимоотношения между бизнес-сообществом и правительственными органами. Эти учреждения, включая различные объединения предпринимателей и фонды поддержки бизнеса, выступают в качестве лоббистов. Среди таких организаций особенно выделяются Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Торгово-промышленная палата РФ, которые считаются наиболее влиятельными и активными в бизнес-сфере.

Законодательные акты крайне важны для государственной политики в области поддержки бизнеса. В первую очередь они помогают определять предприятия для поддержки (финансирование, помощь в оформлении документов, налогообложение и прочее). Также важно знать, к какой категории относится предприятие для внесения его в реестр различных государственных и муниципальных органов для отчетности в экономическом плане. Более того, государству необходимо знать, у какой из категорий бизнеса есть проблемы, чтобы организовывать конкретные органы по поддержке и развитию[2].

Хотя часто утверждается, что ассоциации, представляющие интересы бизнеса, нацелены на поддержку малого и среднего предпринимательства, реальность показывает обратное: обещания защиты интересов не всегда находят отражение в их действиях. В результате малые и средние предприятия редко получают возможность влиять на решения, принимаемые внутри этих ассоциаций, и зачастую оказываются исключенными из процессов управления и представления своих интересов. Вместе с тем для улучшения своего положения эти предприятия активно стремятся к развитию отношений с органами местного

самоуправления, пытаюсь установить партнерские связи на уровне городов и поселений. Это взаимодействие важно и для государственных органов, которые заинтересованы в привлечении частного сектора к реализации крупных проектов, требующих поддержки и ресурсов, которыми обладает только бизнес.

На Западе давно уже сложились традиции взаимодействия между частными и государственными секторами, в то время как в России аналогичные методы сотрудничества ещё находятся на начальном этапе развития. Это создаёт предпосылки для предвидения усиления этих связей в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апрядкин, В. А.* Взаимодействие бизнеса и власти как стратегическое русло развития современной экономики / В. А. Апрядкин, Н. И. Морозова // Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике : материалы I Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 января 2023 года. – Ростов-на-Дону : Манускрипт, 2023. – С. 237-239.

2. Особенности экономического взаимодействия государственных и муниципальных органов власти и бизнес структур / Ю. И. Каргин, О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Механизмы решения проблем социально-экономического развития / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. – Пенза : Наука и Просвещение, 2016. – С. 92-123.

УДК 34.01

МЕТОДИКИ И СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Немов Ярослав Олегович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802204@ruc.su

METHODS AND METHODS OF REGULATING RELATIONS ON THE USE OF PERSONAL DATA

Nemov Yaroslav Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Для полноценного понимания проблемы закона о персональных данных необходимо учитывать, что в юридической сфере рассматривались лишь те аспекты, которые относятся к улучшению законодательного обеспечения области персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, правоотношения, объект, субъект, информационное право, защита прав.

For a full understanding of the problem of the law on personal data, it is necessary to take into account that only those aspects related to improving the legislative support of the field of personal data were considered in the legal sphere.

Keywords: personal data, legal relations, object, subject, information law, protection of rights.

В основании правового регулирования методики по использованию персональных данных складываются механизмы правового регулирования, в основе

которых лежит право участников правоотношений выбрать то или иное поведение и действие в соответствии с ним. Такое поведение должно соответствовать нормам права и не нарушать законодательство. Таким образом формируется способ регулирования отношений по использованию персональных данных соответствующий действующему законодательству в рамках дозволения и разрешения государственного регулирования.

Одной из важнейших методик регулирования, признанной во всем мире, является безальтернативное соблюдение принципа законности, соответствие принципу справедливости при соотношении с нормами законодательства, которое ограничивает и устанавливает «пределы» использования (хранения, обработки) персональных данных. Российское законодательство в полном объеме учитывает и соответствует этим критериям, не забывая о национальном интересе и специфике современных условий осуществления работы с персональными данными.

Правоотношения в области, регулирующей обращение с персональными данными, строятся на фундаменте законодательства, действующего в настоящий момент в отношении информационного права. В таком случае субъекты таких отношений обладают правом и обременены обязанностями, которые в особом порядке гарантируются и охраняются государством и государственными органами власти. В юриспруденции существует несколько точек зрения, выражающих сущностные характеристики правоотношений, но все они выражают категории, которые присущи всем правоотношениям. Во-первых, государство посредством специально уполномоченных органов регулирует такие отношения, гарантирует их участникам защиту прав и контролирует несение ответственности за ненадлежащее исполнение таких обязанностей.

Идентификация понятия «персональные данные» включает в себя любую информацию, обращенную к воспринимающему и идентифицированному или неидентифицируемому лицу, что подразумевает персонализацию данных. По мнению государства (в лице Роскомнадзора) под любыми идентификаторами указываются персональные данные, для определения которых необходимы исходные данные. Поэтому необходимо исходить из контекста и понимать, действительно ли эти данные относятся к условному лицу, есть ли там какие-либо идентифицирующие признаки физического лица, которые указывают на такое положение в правовом пространстве.

В дискуссии о регуляции персональных данных, первостепенную важность приобретает анализ юридических факторов, лежащих в основе возникновения, трансформации и завершения соответствующих правовых отношений. Правовые отношения при этом выступают в качестве того переломного момента, который разграничивает понятийный аппарат «дозволенного» и «необходимого», которые должны соответствовать критериям законности и соблюдения сохранности персональных данных. При этом критически важно различать юридические действия, включающие в себя как акты, так и поступки, и юридически значимые события. Основываясь на этом, следует детально рассмотреть причины и механизмы, способствующие формированию, изменению и прекращению данных отношений, а также точно определить круг лиц, участвующих в этих

процессах, их права и обязанности. Важно также четко описать содержание этих отношений, их структурные элементы и определить объект, на который они направлены.

Наличие на официальном сайте регистрации по электронной почте, возможность доступа к личному кабинету пользователя — это и есть элемент хранения (обработки, использования) персональных данных. Такой доступ служит для отделения одного лица от другого для совершения с какими-либо юридически значимыми действиями. Идентификаторы, которые передаются на сайте статистического сервиса, также являются персональными данными.

Следует обратить внимание на субъективный состав правоотношений в сфере регулирования института персональных данных. Так, например, согласно федеральному законодательству выделяется отдельная правовая категория субъекты персональных данных, основополагающей характеристикой которой выступает их идентификация (или таковая возможность). Однако юридические лица не попадают под такую идентификацию и соответственно не выступают в качестве персональных данных.

В свою очередь индивидуализированное хранение гарантирует, что в случае единичной утечки будет нарушена лишь безопасность биометрических данных конкретного индивида, а не миллионов индивидов. В частности, это особенно актуально в случае с проектами электронной паспортизации населения. Во-вторых, принцип шифрования биометрических данных в случаях их централизованного хранения на общих серверах, в тех случаях, когда оператор биометрических данных может обосновать целесообразность централизованного хранения. Персональные данные выступают как объект пристального внимания со стороны системы правоохранительных органов, особенно это актуально в современных условиях: перенасыщенность информационного пространства, внедрение информационных технологий во все сферы деятельности человека, пристальное внимание к безопасности в сети Интернет и скорости обмена данными.

Поэтому острая необходимость в разработке критериев как некогда актуальна в современных условиях, в которых любая биометрическая аутентификация не должна обязывать оператора получать отдельное согласие на обработку биометрической информации. Люди, работающие с персональными данными, несут ответственность за разную деятельность, включая предоставление ответов на запросы людей о том, как используются их персональные данные: это включает в себя обязательство информировать людей о последствиях, если они решат не предоставлять свои данные там, где это требуется по закону. Особенно важен момент когда перед началом обработки данных, полученных не напрямую от человека, люди, работающие с персональными данными, должны уведомить его об этом, объяснив, кто они такие (с указанием имени и адреса), зачем и на каком основании они будут использовать эти данные, кому данные могут быть переданы, какие права имеет человек в отношении своих данных и откуда эти данные были получены.

Затрагивая вопрос обсуждения возраста, начиная с которого лица могут быть привлечены к юридической ответственности за обращение с персональными

данными, важно обратить внимание на особенность: ключевым моментом является достижение 18-летнего возраста. Согласно российскому законодательству это именно тот возраст, при котором обычно наступает так называемая деликтоспособность. Однако стоит учесть, что существуют определенные обстоятельства, при которых полная юридическая ответственность может быть приписана ранее (ранняя эмансипация или вступление в брак до достижения совершеннолетия, как это предусмотрено статьями 27 и 21 Гражданского кодекса РФ). Еще одним исключением выступает как административное, так и уголовное законодательство, которые устанавливают возрастную планку в 16 лет для наступления ответственности, что также необходимо учитывать при анализе деликтоспособности [1].

Учитывая такие особенности, касающихся персональных данных, выделяют две ключевые интерпретации. Во-первых, существует мнение, основанное на многогранном взгляде, согласно которому: основным объектом являются сами персональные данные. Во-вторых, одноаспектная интерпретация, в центр внимания ставит действия лиц, участвующих в обмене этими данными, отмечая уникальность контекста в каждой ситуации. По мнению большинства исследователей, к таким идентификаторам предлагается отнести: имя, фамилию, домашний адрес, личный адрес электронной почты, номер паспорта, данные геолокации, уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной на основе стеки протоколов TCP/IP, файлы куки, рекламные идентификаторы персональных мобильных устройств, врачебная информация, позволяющая идентифицировать конкретное лицо.

В силу постоянного развития технологий, которые получают возможность идентификации лиц на основе все более широкого перечня данных, предлагается сохранить возможность для широкой трактовки понятия персональных данных и не делать перечень закрытым. В то же время необходимо гарантировать, что вышеперечисленные идентификаторы будут всегда признаваться персональными данными.

При этом не следует забывать, что персональные данные, как специфическая категория информации, наследуют её основные свойства. Персональные данные являются продуктом человеческой деятельности, что исключает возможность относить их к объектам материальной собственности или полностью приравнивать к объектам интеллектуальной собственности, учитывая, что не все персональные данные являются результатом творчества. К тому же персональные данные обладают свойством неисчерпаемости, позволяя бесконечное число раз использоваться безграничным количеством лиц без изменения своей сущности. Это основание для исключения их из категории материальных активов и основание для специфического регулирования в рамках информационного права, в отличие от других правовых областей [2].

В контексте обработки информации персональные данные выделяются как ценный актив, играющий ключевую роль в развитии экономических систем, социальной области и структур, обеспечивающих безопасность государства. Их неограниченный потенциал подчеркивает важность законодательного контроля за доступом к этим данным, включая возможные ограничения использования некоторых категорий данных согласно правовым нормам. В то же время персо-

нальные данные могут стать угрозой для безопасности не только отдельной личности и персоны, но и для целого сообщества или даже государства. К тому же персональные данные обладают уникальной особенностью быть независимыми от любого физического носителя, на котором они могут быть зафиксированы, что делает их самостоятельными объектами в правовых и информационных системах.

Необходимо одновременно передавать права: как на физический носитель, так и на содержащиеся в нем персональные данные, что определяет особенности данного процесса. И только учитывая такую специфику можно гарантировать сохранение персональных данных в рамках современного законодательства. Любое отступление (нарушение) указанных правил напрямую ставит персональные данные в уязвимую позицию и создает риск их потери и утраты с последующими непредсказуемыми последствиями.

Необходимость обеспечения информационной безопасности персональных данных подтверждается появлением национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», который сосредоточен на актуальной проблеме безопасности персональных данных. К 2020 году данный проект создал каркас инфраструктуры безопасности цифровой экономики. К сегодняшнему дню в состав информационного законодательства входит около 400 законов, которые регулируют отношения, складывающиеся по поводу информации и информационных технологий, также создано около 3700 нормативных правовых актов с поправками и изменениями этих законов, сотни постановлений Правительства РФ также с последующими изменениями, около 100 указов Президента РФ. Такое многообразие правовых решений вызывает и последующие изменения в других законах, а также объясняется большой динамикой в информационной сфере [3].

Таким образом, методики и способы регулирования отношений по использованию персональных данных в Российской Федерации определяются законами, содержащими нормы, согласно которым основным назначением персональных данных является идентификация конкретного человека, то есть выделение его из множества на основе достоверно установленной системы идентификационных признаков. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что качество «неисчерпаемости», с одной стороны, превращает персональные данные в стратегический ресурс и важнейший фактор прогресса экономики, социальной сферы, систем обеспечения национальной безопасности, а с другой стороны, обуславливает необходимость правового регулирования доступа к персональным данным, в том числе введение ограничений на доступ к определенным видам персональных данных в специально оговоренных законом случаях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мараева, А. А.* Правовой анализ последних изменений в законодательстве об обработке персональных данных / А. А. Мараева // 74-я Международная студенческая научно-техническая конференция: Материалы, Астрахань, 08–13 апреля 2024 года. – Астрахань : АГТУ, 2024. – С. 242-244.
2. *Мараев, А. А.* Объекты, субъекты правоотношений в сфере регулирования института

персональных данных в России / А. А. Мараев // IX Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. – Саранск: Рузаевский печатник, 2023. – С. 234-238.

3. Берлявский, Л. Г. Цифровая конституция как научное направление: основные тенденции // Legaltech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : сборник докладов IX Московского юридического форума : в 4 ч. XXI Международная научно-практическая конференция, Москва, 14–16 апреля 2022 года. Часть 3. – Москва : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. –С. 33-37.

УДК 34.01

ПРАВООТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ОБРАЩЕНИЕ С ПЕРСОНАЛЬНЫМИ ДАННЫМИ

Немов Ярослав Олегович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802204@ruc.su

LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF REGULATION OF THE INSTITUTE OF PERSONAL DATA IN RUSSIA

Nemov Yaroslav Olegovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В области персональных данных существует разделение обязанностей на активные, требующие от участников определённых действий, и пассивные, которые в большей степени касаются основополагающих прав лиц, чьи данные обрабатываются. Законодательные нормы устанавливают эти разнообразные требования.

Ключевые слова: персональные данные, правоотношения, информационное право, защита прав.

In the field of personal data, there is a division of duties into active, requiring participants to take certain actions, and passive, which are more related to the fundamental rights of persons whose data is processed. Laws set these varied requirements.

Keywords: personal data, legal relations, information law, protection of rights.

Необходимость обеспечения информационной безопасности персональных данных подтверждается появлением национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», которая сосредоточена на актуальной проблеме безопасности персональных данных. К 2020 году данный проект создал каркас инфраструктуры безопасности цифровой экономики.

Правоотношения в области, регулирующей обращение с персональными данными, строятся на фундаменте законодательства действующего в настоящий момент в отношении информационного права. В таком случае субъекты таких отношений обладают правом и обременены обязанностями, которые в особом порядке гарантируются и охраняются государством и государственными органами власти. В юриспруденции существует несколько точек зрения, выражающих сущностные характеристики правоотношений, но все они выражают

категории, которые присущи всем правоотношениям. Во-первых, государство посредством специально уполномоченных органов регулирует такие отношения, гарантирует их участникам защиту прав и контролирует несение ответственности за ненадлежащее исполнение таких обязанностей.

В дискуссии о регуляции персональных данных, первостепенной важности приобретает анализ юридических факторов, лежащих в основе возникновения, трансформации и завершения соответствующих правовых отношений. Правовые отношения при этом выступают в качестве того переломного момента, который разграничивает понятийный аппарат «дозволенного» и «необходимого», которые должны соответствовать критериям законности и соблюдения сохранности персональных данных. При этом критически важно отличать юридические действия, включающие в себя как акты, так и поступки, от юридически значимых событий. Основываясь на этом, следует детально рассмотреть причины и механизмы, способствующие формированию, изменению и прекращению данных отношений, а также точно определить круг лиц, участвующих в этих процессах, их права и обязанности. Важно также четко описать содержание этих отношений, их структурные элементы и определить объект, на который они направлены.

Следует обратить внимание на субъективный состав правоотношений в сфере регулирования института персональных данных. Так, например, согласно федеральному законодательству выделяется отдельная правовая категория субъекты персональных данных, основополагающей характеристикой которой выступает их идентификация (или таковая возможность). Однако юридические лица не попадают под такую идентификацию и соответственно не выступают в качестве персональных данных. Публичность их функционирования не позволяет сделать их субъектами защиты информации.

Также стоит упомянуть, что существует подробное разделение субъектов персональных данных на категории, включая граждан России, иностранцев и лиц без гражданства. Кроме того, выделяются лица, которые потенциально могут быть вовлечены в отношения, связанные с персональными данными, в частности, те, кто имеет доступ к этим данным или кому эти данные могут быть предоставлены. Однако в эту группу не включаются сотрудники оператора данных. Важно также подчеркнуть роль государственных органов, задачей которых является обеспечение защиты прав владельцев персональных данных.

Ясно, что влияние участников в области управления персональными данными варьируется в зависимости от их юридического статуса. Этот статус, в свою очередь, формируется из таких компонентов, как способность к правам и обязанностям, действия в рамках закона и ответственность за правонарушения.

В ряде современных исследований предлагается создание особого правового режима защиты биометрических данных с целью повышения защищенности биометрических персональных данных. Следует исходить из того, что объективно и фактически биометрические персональные данные являются особым видом персональных данных. Если рассмотреть способность участников к правам и обязанностям в контексте управления персональными данными, то она указывает на их возможность выступать в качестве субъектов прав и обязанно-

стей. При этом соблюдение баланса взаимного дополнения делает их объектом особого правового регулирования.

В свою очередь индивидуализированное хранение гарантирует, что в случае единичной утечки будет нарушена лишь безопасность биометрических данных конкретного индивида, а не миллионов индивидов. В частности, это особенно актуально в случае с проектами электронной паспортизации населения. Во-вторых, принцип шифрования биометрических данных в случаях их централизованного хранения на общих серверах, в тех случаях, когда оператор биометрических данных может обосновать целесообразность централизованного хранения. В качестве альтернативной позиции выступает мнение, согласно которому утверждается, что право субъекта персональных данных на доступ к его персональным данным может быть ограничено в соответствии с федеральными законами [5]. С целью более эффективного обмена данными, в условиях рыночной экономики, установилась процедура обработки и хранения персональных данных – прямой контакт и обмен данными с потенциальными субъектами потребления товаров и услуг.

Персональные данные выступают как объект пристального внимания со стороны системы правоохранительных органов, особенно это актуально в современных условиях: перенасыщенность информационного пространства, внедрение информационных технологий во все сферы деятельности человека, пристальное внимание к безопасности в сети ИНТЕРНЕТ и скорости обмена данными.

Необходимо и обоснованно разработать критерии, когда подобная биометрическая аутентификация не должна обязывать оператора получать отдельное согласие на обработку биометрической информации. Люди, работающие с персональными данными, несут ответственность за разную деятельность, включая предоставление ответов на запросы людей о том, как используются их персональные данные. Это включает в себя обязательство информировать людей о последствиях, если они решат не предоставлять свои данные там, где это требуется по закону. Кроме того, перед началом обработки данных, полученных не напрямую от человека, они должны уведомить его об этом, объяснив, кто они такие (с указанием имени и адреса), зачем и на каком основании они будут использовать эти данные, кому данные могут быть переданы, какие права имеет человек в отношении своих данных и откуда эти данные были получены.

В соответствии с действующим законодательством, операторы, обрабатывающие персональные данные, обязаны использовать серверы, расположенные на территории Российской Федерации для ряда операций с данными граждан России, включая их запись, систематизацию, хранение, обновление и другие действия. В то же время, существуют определенные условия, при которых оператор может быть освобожден от обязанности предоставления информации, указанной в третьей части 18-й статьи федерального закона о персональных данных. Исключения не препятствуют исполнению законодательных требований, они дополняют их и гарантируют защиту личной информации от вмешательства со стороны третьих лиц. К таким исключениям относится ситуация, когда

данные были публично размещены самими субъектами данных, а также случаи, когда обработка данных необходима для достижения статистических, исследовательских целей или осуществляется в рамках журналистской, научной и творческой деятельности.

Указывается, что в любой ситуации оператор должен гарантировать соблюдение прав участников. Кроме того, оператор вправе отказать в доступе к информации, если это может повлечь за собой ущемление прав и законных интересов других лиц.

Основываясь на понимании, что только индивидуумы обладают способностью осуществлять свои права и нести за это ответственность, данный аспект преимущественно связан с индивидами, чьи персональные данные обрабатываются. Как правило, когда человек достигает 18 лет, он приобретает полную юридическую способность и ответственность за свои действия. В то же время организации, работающие с персональными данными, уже изначально рассматриваются как полностью дееспособные и обладающие правом на ведение деятельности. Касательно возможности нести ответственность за правонарушения, люди, чьи данные используются, становятся полностью ответственными за свои поступки после достижения 18-летнего возраста.

При этом надо отметить, что правоспособность субъектов персональных данных возникает с момента их рождения, а правоспособность операторов возникает в порядке, установленном законом «О персональных данных».

В контексте обсуждения возраста, начиная с которого лица могут быть привлечены к юридической ответственности за обращение с персональными данными, важно отметить, что ключевым моментом является достижение 18-летнего возраста. Это возраст, при котором обычно наступает так называемая деликтоспособность. Однако стоит учесть, что существуют определенные обстоятельства, при которых полная юридическая ответственность может быть приписана ранее. К таким обстоятельствам относятся ранняя эмансипация или вступление в брак до достижения совершеннолетия, как это предусмотрено статьями 27 и 21 Гражданского кодекса РФ. Кроме того, в рамках регулирования вопросов, связанных с персональными данными, как административное, так и уголовное законодательство устанавливают возрастную планку в 16 лет для наступления ответственности, что также необходимо учитывать при анализе деликтоспособности [1].

В контексте оценки правовых аспектов, касающихся персональных данных, выделяют две ключевые интерпретации. Согласно первой, придерживающейся многогранного взгляда, основным объектом являются сами персональные данные. Вторая, одноаспектная интерпретация, в центр внимания ставит действия лиц, участвующих в обмене этими данными, отмечая уникальность контекста в каждой ситуации. К таким идентификатором предлагается отнести имя, фамилию, домашний адрес, личный адрес электронной почты, номер паспорта, данные геолокации, уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной на основе стеки протоколов TCP/IP, файлы куки, рекламные идентификаторы персональных мобильных устройств, врачебная информация, позволя-

ющая идентифицировать конкретное лицо. В силу постоянного развития технологий, которые получают возможность идентификации лиц на основе все более широкого перечня данных, предлагается сохранить возможность для широкой трактовки понятия персональных данных и не делать перечень закрытым. В то же время необходимо гарантировать, что вышеперечисленные идентификаторы будут всегда признаваться персональными данными.

Важно подчеркнуть, что персональные данные, как специфическая категория информации, наследуют её основные свойства. Они являются продуктом человеческой деятельности, что исключает возможность относить их к объектам материальной собственности или полностью приравнивать к объектам интеллектуальной собственности, учитывая, что не все персональные данные являются результатом творчества. К тому же персональные данные обладают свойством неисчерпаемости, позволяя бесконечное число раз использоваться безграничным количеством лиц без изменения своей сущности. Это основание для исключения их из категории материальных активов и основание для специфического регулирования в рамках информационного права, в отличие от других правовых областей [2].

В контексте обработки информации персональные данные выделяются как ценный актив, играющий ключевую роль в развитии экономических систем, социальной области и структур, обеспечивающих безопасность государства. Их неограниченный потенциал подчеркивает важность законодательного контроля за доступом к этим данным, включая возможные ограничения использования некоторых категорий данных согласно правовым нормам. В то же время персональные данные могут стать угрозой для безопасности не только отдельной личности и персоны, но и угрозой для целого сообщества или даже государства. К тому же, персональные данные обладают уникальной особенностью быть независимыми от любого физического носителя, на котором они могут быть зафиксированы, что делает их самостоятельными объектами в правовых и информационных системах.

Необходимо одновременно передавать права как на физический носитель, так и на содержащиеся в нем персональные данные, что определяет особенности данного процесса. Только так можно гарантировать сохранение персональных данных в рамках современного законодательства. Любое отступление от этих правил подвергает персональные данные риску.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мараева, А. А.* Правовой анализ последних изменений в законодательстве об обработке персональных данных / А. А. Мараева // 74-я Международная студенческая научно-техническая конференция: Материалы, Астрахань, 08–13 апреля 2024 года. – Астрахань : АГТУ, 2024. – С. 242-244.

2. *Мараев, А. А.* Объекты, субъекты правоотношений в сфере регулирования института персональных данных в России / А. А. Мараев // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. – Саранск, 2023. – С. 234-238.

**ПРИМЕРЫ И ПРАВИЛА ИЗЛОЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
НОРМАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ АКТОВ**

Орехов Александр Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807103@ruc.su

**EXAMPLES AND RULES FOR OUTLINING THE CONTENT
OF NORMATIVE LEGAL ACTS**

Orekhov Alexandr Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье проводится анализ теоретических и методологических принципов, а также практических аспектов гибкости формулировок юридических правил в тексте законодательных и других нормативных документов. Обращается внимание на важность корректного использования юридической терминологии и структур в юридическом документообороте, где критически важны методы и нормы представления правовых положений в текстовом содержании нормативных актов. Возникновение обозначенной проблемы связано с различием в восприятии и интерпретации внутренней и внешней формы права. Отмечается, что рассматриваемая тема привлекает внимание не только с точки зрения теории права, но и в контексте ее значимости для юридической практики.

Ключевые слова: правовое регулирование, правотворчество, система права, систематизация норм права, дифференциация норм права, интеграция норм права, правотворческая институционализация, институты права.

This article analyses theoretical and methodological principles, as well as practical aspects of flexibility in the wording of legal rules in the text of legislative and other normative documents. Attention is drawn to the importance of correct use of legal terminology and structures in legal document flow, where methods and norms of presentation of legal provisions in the textual content of normative acts are critically important. The emergence of the indicated problem is connected with the difference in the perception and interpretation of the internal and external form of law. It is noted that the topic under consideration attracts attention not only from the point of view of legal theory, but also in the context of its significance for legal practice.

Keywords: legal regulation, lawmaking, system of law, systematisation of norms of law, differentiation of norms of law, integration of norms of law, lawmaking institutionalization, institutes of law.

Нормативные акты – это официальные документы, создающие правила, которые обязаны соблюдать все участники правоотношений на территории соответствующего государства или его частей. Аккуратное изложение правил, содержащихся в этих документах, играет решающую роль для осмысления закона и его правильного применения в практике. Ошибки в интерпретации нормативных актов могут привести к неправомерным действиям и сопутствующим юридическим проблемам. Поэтому глубокое понимание этих документов и умение корректно излагать их суть, необходимы не только профессиональным юристам и работникам органов государственного управления, но и обычным гражданам, сталкивающимся с необходимостью правильного взаимодействия с законодательством.

Основы структурирования содержимого нормативно-правовых актов:

Точное и комплексное представление. Текст должен верно передавать суть Нормативно-правового акта (НПА), исключая ошибки и пропуски. Необходимо охватить все ключевые аспекты, в том числе исключения и условия. Избегать упрощений или переформулировок, меняющих первоначальный замысел.

2. Систематизация

Данные следует систематизировать и упорядочить по принципу логики. Это подразумевает рассредоточение по категориям, подкатегориям, элементам, применяя рубрики и подрубрики для облегчения восприятия и осмысления.

3. Понятность и практичность. Данные должны быть представлены таким образом, чтобы они были легко воспринимаемы предполагаемыми пользователями. Важно избегать использования запутанной правовой лексики без соответствующих разъяснений. Внедрение лаконичных и разборчивых фраз помогает повысить эффективность понимания содержания.

4. Нейтральность. Подача информации должна сохранять объективность и непредвзятость. Любые субъективные суждения, оценочные мнения и личные толкования не допускаются. Ключевая задача – донести суть нормативно-правовых актов в нейтральной манере, акцентируя внимание на верифицируемых данных [1].

5. Указание на источник. Важно предоставить детализированную ссылку на нормативно-правовой акт (НПА), содержащую его наименование, номер, дату утверждения и прочие идентификационные данные, что даст возможность читателям самостоятельно оценить подлинность изложенных сведений и напрямую обратиться к оригинальному документу.

Давайте проанализируем статью из Гражданского кодекса, касающуюся процесса оформления сделки купли-продажи:

– статья 454 о договоре купли-продажи «В соответствии с соглашением купли-продажи, одной из сторон (продавцом) предусматривается обязательство по передаче объекта (товара) в собственность другого участника сделки (покупателя), тогда как покупатель, в свою очередь, должен осуществить приемку предмета соглашения и выполнить выплату установленной денежной суммы (стоимости)».

Анализ положений статьи. В соответствии с 454-й статьей Гражданского кодекса РФ, основой договора купли-продажи является неотъемлемое обязательство продавца передать актив в собственность покупателя, в то время как покупатель обязуется принять данный актив и произвести его оплату. В фундаменте такого договора лежат важнейшие моменты: передача актива, его приемка и выполнение платежных обязательств.

Статья 454 Гражданского кодекса РФ [2] уточняет понятие договора купли-продажи как юридически обязывающее соглашение, в рамках которого продавец гарантирует передать объект (товар) во владение покупателю, в то время как покупатель, в свою очередь, соглашается этот объект получить и выполнить оплату согласно договоренной стоимости. Это определение подчеркивает ответственность обеих сторон по выполнению взятых на себя обязательств. Осуществление передачи товара в собственность покупателю является централь-

ным элементом данного соглашения, тогда как выполнение расчета установленной денежной суммы выступает в качестве основного долга со стороны покупателя.

При оформлении изложения с принятием во внимание гипотетических исключений, рассмотрим предположение о наличии специфической статьи в данном кодексе, задающей особые условия для отдельных категорий товаров, в частности для предметов искусства. В этом контексте важно включить в изложение уточнения относительно данных исключений и изучить, каким образом эти отступления модифицируют стандартное применение общего правила, зафиксированного в статье 454.

Давайте обсудим ключевые вызовы и потенциальные стратегии их преодоления:

I. Проблемы формы изложения:

Языковая неопределенность в нормативно-правовых актах (НПА) часто становится причиной юридической неясности. Использование многосмысловой терминологии, профессиональных выражений, нераскрытых аббревиатур, а также перегруженности сложными, излишне запутанными конструкциями усложняет их интерпретацию и понимание, создавая препятствия даже для квалифицированных специалистов в области права.

Чтобы эффективно решить данную задачу, важно придерживаться принципов ясности и доступности текста. Это включает в себя точное объяснение основных понятий, избегание специализированного сленга, полное раскрытие аббревиатур и упрощение сложноструктурированных предложений путем их декомпозиции на более понятные фрагменты. Ключевым аспектом является также следование лексическим и грамматическим нормам для поднятия уровня восприятия текста.

2. Перегрузка и несогласованность. Нормативно-правовые акты могут быть перегружены лишней информацией, содержать повторяющиеся положения, встречать внутренние диссонансы и конфликты с другими документами такого же уровня. Это порождает замешательство и усложняет определение актуальных регламентов.

Для устранения этой проблемы требуется внимательная редактура; организация и упорядочение законодательных документов; идентификация несоответствий и конфликтов при формировании и одобрении; применение новейших методов юридического анализа.

3. Неэффективная компоновка и организация данных. Иррациональное устройство текста без последовательной иерархии заголовков, подразделов и абзацев, а также сложная система нумерации, усложняет навигацию и извлечение информации.

Решением является формирование унифицированных стандартов создания нормативно-правовых актов (НПА), применение строгой иерархической структуризации, логичное упорядочивание разделов и статей, облегченная нумерация, а также внедрение прямых и перекрестных ссылок на документацию [3].

II. Вопросы, связанные с содержанием изложения:

1. Недостаточность нормативно-правового регулирования. Нормативные

правовые акты могут не включать в себя полный перечень аспектов урегулирования соответствующих отношений, создавая юридические вакуумы.

Принятие решения включает в себя глубокое изучение контролируемого сектора, анализ всех потенциальных обстоятельств и формулирование всеобъемлющих правил и стандартов.

2. Чрезмерная конкретика. Перегруженность нормативных актов излишними деталями может осложнить их использование и гибкость в приспособлении к новым обстоятельствам.

Оптимальный подход – гармония между конкретизацией и основополагающими правилами; применение обобщенных стандартов, где это оправдано; делегирование полномочий на выработку нормативных актов уполномоченным структурам.

3. Отсутствие инструментов реализации. Нормативно-правовой акт может не включать инструменты для эффективного применения предписаний (например, не определены процессуальные этапы, временные рамки исполнения, распределение ответственности).

Определение – детальная разработка всех шагов внедрения правил; выделение точных инструментов, временных рамок, ответственных лиц; формирование системы мониторинга за выполнением задач.

4. Регулятивы, конфликтующие с конституционными положениями или нормами международного права: Утверждение нормативных правовых актов, коллидирующих с ключевыми законодательными документами, приводит к юридической нестабильности и спорам.

Решение подразумевает проведение детализированного анализа на соответствие основному закону государства и международным правовым актам; использование принципов надзора за соблюдением Конституции.

Общие подходы к решению проблем:

1. Внедрение стандартов правописания и оформления НПА. Разработка и внедрение единых стандартов позволит улучшить качество и доступность НПА.

2. Обучение разработчиков НПА. Проведение специальных курсов и тренингов для повышения квалификации работников, занимающихся разработкой НПА.

3. Усиление правовой экспертизы. Более тщательная юридическая экспертиза проектов НПА на всех стадиях их подготовки и принятия.

4. Обратная связь с пользователями: Использование механизмов обратной связи для улучшения качества НПА на основе опыта применения.

5. Использование современных технологий. Привлечение современных информационных технологий для создания, хранения, поиска и распространения НПА.

Устранение трудностей в интерпретации нормативно-правовых актов (НПА) является сложной задачей, которая предусматривает вовлечение усилий со стороны законотворцев, исполнительных органов и экспертов в домене юриспруденции. Только целенаправленное взаимодействие, опирающееся на последние достижения в методологии и инновационных технологиях, предоставит возможность сделать юридическую систему более открытой, ясной и результативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фаткуллин, Ф. Ф.* К вопросу об изложении нормы права в нормативном правовом акте // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izlozhenii-normy-prava-v-normativnom-pravovom-akte> (дата обращения: 24.10.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
3. *Валиев, Р. Г.* Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 27-39.

УДК 340.115

ПРИЁМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Орехов Александр Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807103@ruc.su

SLEIGHT OF HAND

Orekhov Alexandr Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Данная работа посвящена исследованию приёмов юридической техники как важнейшего инструментария в правотворческой и правоприменительной деятельности. В исследовании рассматриваются основные способы, правила и методы подготовки юридических документов, включая нормативные правовые акты. Особое внимание уделяется таким аспектам, как язык права, структурирование правовых текстов, использование юридических конструкций и терминологии. Анализируются современные тенденции развития юридической техники в условиях цифровизации правовой системы.

Ключевые слова: юридическая техника; нормативно-правовые акты; правила составления документов; систематизация законодательства; правотворчество; юридические конструкции.

This work is devoted to the study of legal techniques as the most important tools in law-making and law-enforcement activity. The study examines the main ways, rules and methods of preparing legal documents, including normative legal acts. Special attention is paid to such aspects as the language of law, structuring of legal texts, use of legal constructions and terminology. Modern trends in the development of legal technique in the conditions of digitalization of the legal system are analyzed.

Keywords: legal technique; normative legal acts; rules of drafting documents; systematization of legislation; lawmaking; legal constructions.

Юридическая техника представляет собой совокупность профессиональных юридических правил, средств и приемов, используемых при составлении правовых актов и осуществлении юридической деятельности. В российской правовой системе значение юридической техники постоянно возрастает, что обусловлено усложнением общественных отношений и необходимостью их эффективного правового регулирования.

Основополагающим приемом юридической техники в российском законодательстве является правильное использование юридической терминологии. Современная практика нормотворчества демонстрирует необходимость точного и единообразного применения правовых терминов. Например, в Гражданском кодексе РФ термин «существенное нарушение договора» имеет четко определенное значение и используется последовательно во всем тексте кодекса. Это способствует формированию единообразной судебной практики и правильному толкованию норм права [1].

Важным техническим приемом выступает юридическая конструкция, представляющая собой типовую схему правоотношений. В российском праве широко используется конструкция договора как основания возникновения обязательств. Практика показывает эффективность данной конструкции: в 2023 году Верховный Суд РФ в нескольких определениях подтвердил значимость точного следования договорной конструкции при разрешении споров между хозяйствующими субъектами.

Существенное значение имеет прием презумпции в юридической технике. Наиболее яркий пример – презумпция невиновности в уголовном процессе. Статистика показывает, что применение данного приема способствует защите прав обвиняемых: количество оправдательных приговоров в российских судах хоть и остается небольшим (менее 1 %), но сам институт презумпции невиновности обеспечивает необходимые гарантии справедливого судебного разбирательства.

Правовая фикция как прием юридической техники также активно используется в российском законодательстве. Например, признание гражданина умершим при длительном отсутствии сведений о его местонахождении позволяет решать важные правовые вопросы в интересах других лиц. Судебная практика демонстрирует эффективность данного института: ежегодно суды рассматривают около 3000 дел о признании граждан умершими, что способствует стабильности гражданского оборота.

Отдельного внимания заслуживает прием отсылок в юридической технике. В российском законодательстве широко используются как прямые, так и бланкетные отсылки. Например, Уголовный кодекс РФ содержит множество бланкетных норм, отсылающих к другим нормативным актам. Это позволяет обеспечить системность правового регулирования и избежать излишнего дублирования норм.

Техническим приемом является структурирование нормативного материала. Современное российское законодательство использует сложную иерархическую структуру: разделы, главы, статьи, части, пункты, подпункты. Практика показывает, что четкая структура нормативных актов способствует их правильному применению. Например, структура Налогового кодекса РФ, состоящего из общей и особенной частей, позволяет эффективно регулировать налоговые правоотношения [2].

Существенное значение имеет прием правового моделирования. В российской практике он активно используется при разработке новых правовых институтов. Показательным примером является введение института медиации: зако-

нодатель смоделировал процедуру альтернативного разрешения споров, учитывая международный опыт и российскую специфику. Статистика показывает рост числа успешных медиаций: в 2023 году около 15 % коммерческих споров было урегулировано с помощью медиаторов.

В современной юридической технике активно используется прием правового эксперимента. Например, эксперимент по введению специального налогового режима для самозанятых граждан начался в четырех регионах, а затем, после подтверждения эффективности, был распространен на всю страну. Статистика показывает успешность данного эксперимента: к 2024 году более 4 миллионов граждан зарегистрировались в качестве самозанятых.

Особое значение имеет прием юридических дефиниций. В российском законодательстве наблюдается тенденция к увеличению количества легальных определений. Например, Федеральный закон «О персональных данных» содержит развернутый понятийный аппарат, что способствует единообразному применению его положений. Судебная практика подтверждает важность четких дефиниций: большинство споров в сфере защиты персональных данных разрешается именно на основе легальных определений.

Значимым приемом является установление правовых аксиом. В российском праве аксиоматический характер имеют положения о верховенстве Конституции, независимости судей, неотчуждаемости прав человека. Практика Конституционного Суда РФ демонстрирует фундаментальное значение правовых аксиом при разрешении конституционно-правовых споров.

В современных условиях возрастает роль приема цифровизации юридической техники. Внедрение электронного правосудия, цифровых сервисов государственных услуг требует адаптации традиционных приемов юридической техники к новым технологическим реалиям. Статистика показывает рост электронных обращений в суды: в 2023 году более 60 % документов поступило в арбитражные суды в электронном виде.

Анализ практики применения приемов юридической техники в РФ выявляет ряд проблем. Часто встречаются случаи несогласованности терминологии в различных нормативных актах, что создает трудности в правоприменении. Например, термин «предпринимательская деятельность» имеет различное содержание в гражданском и налоговом законодательстве. Требуется совершенствования техника изложения бланкетных норм: множественные отсылки затрудняют понимание правовых предписаний.

Перспективными направлениями развития юридической техники в России являются: стандартизация юридической терминологии, совершенствование цифровых инструментов нормотворчества, развитие механизмов оценки регулирующего воздействия нормативных актов. Важным является внедрение современных информационных технологий в процесс создания и применения правовых актов.

По нашему мнению, юридическая техника представляет собой сложный и многогранный феномен правовой действительности, требующий глубокого теоретического осмысления. Анализируя сущность юридической техники через призму её инструментального характера, необходимо отметить, что техниче-

ские устройства, предметы деятельности и орудия труда выступают неотъемлемыми компонентами любой технической системы [3].

В контексте юридической техники данные элементы трансформируются в особую категорию «средств», которые приобретают специфическое содержание и функциональное назначение. Современная юридическая наука рассматривает средства юридической техники как комплексный инструментарий, направленный на обеспечение качества и эффективности правовых актов.

Глубинный анализ природы средств юридической техники позволяет выявить их дуалистический характер. С одной стороны, они выступают материальным воплощением технической составляющей юридической деятельности, а с другой – служат интеллектуальным инструментарием, обеспечивающим логическую структуру и содержательное наполнение правовых документов.

Особое значение приобретает вопрос о роли средств юридической техники в процессе правотворчества. Именно благодаря грамотному использованию данного инструментария достигается системность, непротиворечивость и эффективность нормативных правовых актов. Средства юридической техники позволяют обеспечить точность юридических формулировок, логическую последовательность изложения правовых норм и их взаимную согласованность.

В современных условиях развития информационного общества происходит существенная трансформация традиционных средств юридической техники. Цифровизация правовой сферы приводит к появлению новых инструментов, основанных на использовании современных информационных технологий. Электронные справочные правовые системы, автоматизированные системы подготовки документов, программные средства анализа юридических текстов становятся неотъемлемой частью юридической техники [4].

Эффективность использования средств юридической техники напрямую зависит от уровня профессиональной компетентности правотворческих субъектов. Владение современным инструментарием юридической техники требует не только глубоких теоретических знаний, но и практических навыков их применения в конкретных правовых ситуациях.

Методологическое значение средств юридической техники проявляется в их способности структурировать правовой материал, обеспечивать его внутреннюю согласованность и системность. Они выступают своеобразным связующим звеном между абстрактными правовыми идеями и их практическим воплощением в тексте нормативных правовых актов.

Особую актуальность приобретает вопрос о стандартизации средств юридической техники. Унификация технических требований к оформлению правовых документов способствует повышению качества правотворческой деятельности и облегчает правоприменительную практику. При этом важно сохранять баланс между стандартизацией и возможностью учета специфики конкретных правовых ситуаций.

Нельзя не отметить роль средств юридической техники в обеспечении правовой определенности и предсказуемости правового регулирования. Четкость и однозначность юридических формулировок, достигаемая благодаря грамотному использованию технического инструментария, способствует формированию единообразной правоприменительной практики.

В контексте международной правовой интеграции особое значение приобретает вопрос о гармонизации средств юридической техники различных правовых систем. Унификация технических требований к оформлению международных правовых актов способствует повышению эффективности международного правового сотрудничества.

Перспективы развития средств юридической техники связаны с дальнейшей цифровизацией правовой сферы. Внедрение искусственного интеллекта в процесс подготовки правовых документов, использование больших данных для анализа правоприменительной практики открывают новые возможности для совершенствования юридического инструментария.

Исследуя сложную природу юридической техники, необходимо отметить особую значимость взаимосвязи между её фундаментальными компонентами - приемами и средствами. Данная взаимосвязь представляет собой многогранную систему отношений, характеризующуюся глубокой интеграцией и взаимным влиянием рассматриваемых элементов.

Анализируя соотношение приемов и средств юридической техники, следует подчеркнуть их диалектическое единство при сохранении качественного своеобразия каждого из компонентов. Приемы юридической техники выступают в роли методологического инструментария, определяющего алгоритм применения соответствующих средств для достижения поставленных правотворческих целей. При этом важно понимать, что сами по себе приемы не могут существовать в отрыве от средств, поскольку именно последние обеспечивают материальную основу для реализации технико-юридического инструментария.

Рассматривая процесс правотворчества через призму применения приемов юридической техники, необходимо отметить их системообразующую роль в формировании качественного нормативного материала. Правильный выбор и использование приемов позволяет обеспечить логическую стройность, внутреннюю согласованность и эффективность создаваемых правовых норм. При этом каждый прием представляет собой уникальный способ организации и структурирования правового материала, требующий применения специфического набора средств юридической техники.

Особую значимость приобретает вопрос о механизме взаимодействия приемов и средств юридической техники в процессе правотворческой деятельности. Данный механизм характеризуется сложной структурой и многоуровневым характером, что обусловлено необходимостью решения различных задач на каждом этапе создания правовых норм. При этом выбор конкретных приемов и соответствующих им средств определяется спецификой регулируемых общественных отношений и целями правового регулирования.

Следует обратить внимание на то, что эффективность применения приемов юридической техники во многом зависит от правильности выбора и использования соответствующих средств. В этом контексте особую роль играет профессиональное мастерство правотворца, его способность определить оптимальное сочетание приемов и средств для решения конкретных правотворческих задач.

Аспектом рассматриваемой проблематики является вопрос о критериях оценки эффективности применения приемов и средств юридической техники. В

качестве основных критериев можно выделить достижение поставленных целей правового регулирования, обеспечение системности и непротиворечивости нормативного материала, а также его доступность для понимания адресатами правовых норм.

Необходимо подчеркнуть, что процесс применения приемов юридической техники носит творческий характер и требует учета множества факторов, влияющих на качество создаваемых правовых норм. При этом важно соблюдать баланс между формальной определенностью правовых предписаний и их содержательной наполненностью, что достигается путем грамотного использования различных технико-юридических средств.

Анализируя практические аспекты применения приемов и средств юридической техники, следует отметить необходимость их постоянного совершенствования в условиях динамично развивающихся общественных отношений. Это требует разработки новых подходов к организации правотворческой деятельности, основанных на использовании современных технологий и методов работы с правовой информацией.

Особое значение приобретает вопрос о роли правовой доктрины в развитии теоретических представлений о природе и сущности приемов юридической техники. Научное осмысление данной проблематики позволяет выявить закономерности взаимодействия различных элементов технико-юридического инструментария и определить перспективные направления его совершенствования.

В контексте современных тенденций развития права важно учитывать влияние процессов глобализации и цифровизации на трансформацию традиционных представлений о приемах и средствах юридической техники. Появление новых форм правового регулирования требует адаптации существующего технико-юридического инструментария к изменяющимся условиям общественной жизни.

Исследование взаимосвязи приемов и средств юридической техники имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Понимание механизмов их взаимодействия позволяет оптимизировать процесс правотворчества, повысить качество создаваемых нормативных правовых актов и обеспечить эффективность правового регулирования общественных отношений.

Таким образом, приемы юридической техники в Российской Федерации представляют собой динамично развивающийся инструментарий правотворчества и правоприменения. Их эффективное использование способствует повышению качества нормативных актов и обеспечению единообразной правоприменительной практики. Современные тенденции указывают на необходимость дальнейшего совершенствования юридической техники с учетом цифровизации правовой системы и усложнения общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, О. Г. Применение уголовного права: проблемы содержания и соотношения понятий / О. Г. Соловьев // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2020. – № 2. – С. 239-242.

2. *Ермалаева, К. О.* Роль юридической техники в повышении эффективности права / К. О. Ермалаева, А. П. Кукина // *Инновации. Наука. Образование.* – 2021. – № 28. – С. 441-444.

3. *Каландия, В. Г.* Фикции в конституционном праве как феномен современной правовой реальности / В. Г. Каландия // Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 204-208.

4. *Балахонский, В. В.* Денотация и коннотация как логический приём в юридической технике / В. В. Балахонский, С. М. Марков // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* – 2021. – № 4(92). – С. 10-17.

УДК 342.591

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Прохоров Антон Сергеевич, магистрант

Савлов Евгений Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808103@ruc.su; st808104@ruc.su

MECHANISM FOR IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY IN LOCAL SELF-GOVERNMENT

Prokhorov Anton Sergeevich, graduate student

Savlov Evgeniy Alexandrovich, graduate student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Для эффективного решения проблем, возникающих на местном уровне, необходимо упорядочить механизм применения норм и принципов конституционно-правовой ответственности.

Ключевые слова: ответственность, конституционно-правовая ответственность, система права, государственная власть, органы местного самоуправления.

To effectively solve problems arising at the local level, it is necessary to streamline the mechanism for applying the norms and principles of constitutional and legal responsibility.

Keywords: responsibility, constitutional and legal responsibility, the legal system, state power, local governments.

Процесс обеспечения соблюдения конституционных норм и законов, а также защиты основных прав и свобод граждан, включает в себя множество разнообразных процедур и методов. Эти действия направлены на предотвращение возможных нарушений в действиях государственных структур и их представителей, обеспечивая тем самым основы конституционного порядка. Важной частью этого процесса является конституционно-правовая ответственность, которая предусмотрена для регулирования поведения должностных лиц и органов власти. Применение такой ответственности является средством защиты от нарушений и способствует поддержанию правового порядка, в том числе и путем предотвращения возможных нарушений в будущем.

В современных условиях институт местного самоуправления выступает в качестве основного элемента эффективного механизма называемого «государственное и муниципальное управление», основной целью существования и функционирования является решение вопросов местного значения. Конституционно-правовая ответственность в местном самоуправлении включает в себя ответственность за качество и своевременность предоставления муниципальных услуг, а также за соблюдение процедур, установленных законодательством, при проведении торгов, заключении контрактов и других действий, связанных с управлением муниципальными делами [1]. В качестве «ограничителя» эффективного функционирования системы местного самоуправления выступает проблематика нехватки собственных средств для решения и разрешения всех вопросов, находящихся в местном управлении, в результате чего муниципалитеты часто неспособны эффективно выполнять свои обязанности. Как результат нерешенности вопросов местного значения образуется ряд негативного настроения к местной власти и как предсказуемый результат негативное отношение к государственной власти.

В современных реалиях стало очевидно, что существующая система местного управления в России не отвечает современным потребностям. Местные власти сталкиваются с обширными проблемами, и это негативно сказывается на работе их учреждений. Муниципальная юридическая ответственность, например, предполагает предоставление качественных и своевременных муниципальных услуг, соблюдение законодательных норм при ведении местных дел. Соответственно, целью муниципальной юридической ответственности является установление верховенства закона и защита интересов отдельных лиц при максимальном использовании финансовых и других ресурсов, доступных муниципалитетам. Важно провести тщательное исследование для выявления ключевых слабых точек и направить ресурсы на их преодоление. Определение роли местного самоуправления, его функций и взаимодействия с обществом четко прописаны в правовых документах страны, в том числе в Конституции и в федеральном законодательстве о местном самоуправлении.

На практическом уровне применения законодательства о местном самоуправлении, в рамках реализации его «составляющего эффекта» становится очевидным тот момент, что не все обязанности возможно реализовать на практическом уровне на это нет достаточного количества средств, нет ресурсов и фактического «эффекта возможностей», а иногда банального желания со стороны представителей местной администрации решить вопрос местного населения в короткий и ограниченный по времени период. Механизмы функционирования местной власти берут свое начало в истории формирования российской государственности (вече Новгорода и Пскова, реформа 1864 года, создание советов в период большевиков и т.д.). В то же время ряд современных принципов местного самоуправления не всегда полностью могут быть реализованы на практическом уровне: разделение власти и независимость органов управления в принятии своих решений.

Проблема финансирования местных органов самоуправления крайне остро стоит на повестке дня. Изменения в российской системе государственного

управления привели к отходу от изначальных основ государственности, что усугубляет положение муниципалитетов, чьи бюджеты часто оказываются недостаточными не только для осуществления возложенных на них функций, но и для решения локальных проблем.

Несмотря на то, что Российская конституция предусматривает обязательные гарантии для местного самоуправления, включая свободу действий в рамках местных инициатив, предоставление возможности для рассмотрения предложений и жалоб граждан в строго установленные сроки, эффективную защиту интересов в судебном порядке, как показывает практика их реализации эти гарантии невозможно реализовать в той или иной ситуации и это не единичные случаи, а зачастую закономерность и обыденность [2].

В местном самоуправлении субъекты ответственности могут варьироваться в зависимости от особенностей организации самоуправления. В современных реалиях можно констатировать, что органы местного самоуправления испытывают множество проблем, так или иначе связанных с нехваткой финансового объема для решения всех вопросов местного значения, с которыми жители сталкиваются повседневно и все без исключения. От решения таких вопросов зависит не только местная власть и ее авторитет, но и государственная власть и ее авторитет среди местного населения. Поэтому пространство деятельности местного самоуправления можно рассматривать как систему взаимосвязанных экономических компонентов. В эту систему входят деятельность хозяйствующих субъектов, инфраструктурные объекты, доступность трудовых и финансовых ресурсов, а так же транспортные и логистические системы. Так, они могут включать в себя органы местного самоуправления, а также должностных лиц, занимающих руководящие должности в этих органах, это могут быть председатели муниципальных советов, руководители департаментов и другие должностные лица, отвечающие за функционирование местного самоуправления [3].

Социальные и культурные институты также играют значительную роль, создавая уникальную экономическую среду в определенной территории местного значения. Ключевым элементом экономического пространства местного самоуправления является его инфраструктура, охватывающая дорожное строительство, транспортную доступность и оснащенность, коммуникационные сети, а так же общекультурные и просветительские учреждения. Развитая инфраструктура местности способствует повышению эффективности экономического роста местности и привлечению отчислений в местный бюджет, что в конечном результате способствует эффективному решению вопросов местного значения в кратчайшие сроки и в лучших экономических условиях. Это «идеальная картина функционирования», но к ней необходимо стремиться и прикладывать все возможные усилия и только в этом случае возможно создание местного самоуправления самостоятельного и достаточного, а также относительно независимого от «возможностей» получения помощи от государства.

В целом, меры конституционно-правовой ответственности направлены на защиту конституционных прав и свобод граждан, обеспечение законности и справедливости в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Они призваны предотвратить нарушения и обеспечить надле-

жащее исполнение обязанностей государственных служащих и органов власти в целях защиты интересов граждан и общества. Реализация на практическом уровне механизма удаления главы муниципального образования в отставку представляет собой многоэтапный процесс, в который входит: инициатива, исходящая от высшего должностного лица субъекта, а также депутатов представительного органа, при этом их количество должно быть не менее двух третей.

Проведя анализ практических примеров проведения механизма реализации, следует сделать вывод о том, что существует разнообразие мнений среди ученых относительно того, следует ли рассматривать «конституционно-правовую ответственность» как отдельную категорию в рамках юридической ответственности. В то же время большинство исследователей придерживается точки зрения, согласно которой юридическую ответственность необходимо выделять как самостоятельный вид. Наличие дискуссионного процесса по вышеуказанному вопросу не только не мешает, но и стимулирует дальнейшее изучение этой проблемы, что может способствовать более четкому определению и закреплению соответствующих понятий в законодательствах. В то же время отдельное выделение конституционно-правовой ответственности может укрепить ее роль в противодействии правонарушениям и повысить эффективность применения конституционных норм.

В понимании современных исследователей понятие ответственности приобретает все более глубокий и широкий контекст: «терминология» подразумевает, что каждый человек должен быть осознанно готов к тому, что за свои действия придется отвечать, вплоть до принятия возможных последствий и наказаний за них. Выступая в качестве сложной и многогранной концепции, ответственность охватывает различные аспекты жизни общества и законодательного регулирования. В частности, в России активно развивается и придается большое значение аспекту ответственности, урегулированному на конституционном уровне, что подчеркивает ее важную роль в правовой науке.

Необходимо подчеркнуть, что процесс обеспечения ответственности на уровне конституционно-правовых норм должен отличаться высокой степенью эффективности и открытости. Жители должны обладать способностью наблюдать за работой муниципальных учреждений и их представителей, которые, в ответ, обязаны обеспечивать публичный доступ к информации о своих мерах и решениях. Из проведенного исследования видно, что на сегодняшний день институт конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления в российском законодательстве еще не сформирован в полном объеме. Существующее большинство пробелов и проблем в законодательстве позволяют говорить о дальнейшей работе над этим вопросом. В настоящее время одной из наиболее важных проблем является отсутствие детальной процедуры применения сроков, порядка привлечения и обжалования указанной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князев, С. Д. Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики / С. Д. Князев // Журнал российского права. – 2005. – № 6(102). – С. 81-88.

2. Чичеров, Е. А. Участие населения в правотворчестве органов местного самоуправления / Е. А. Чичеров, С.Б. Котляров // 20 лет Конституции РФ: юридическая наука и практика в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 11–12 декабря 2013 года. – Саранск : ООО ЮрЭксПрактик, 2013. – С. 152-157.

3. Колоколова, Е. О. Полномочия органов местного самоуправления в реализации государственной жилищной политики Российской Федерации / Е. О. Колоколова, С. Б. Котляров // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 6-8.

УДК 342.98

**КОМИССИИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ТРЕБОВАНИЙ
К СЛУЖЕБНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ И УРЕГУЛИРОВАНИЮ
КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: СОСТАВ И ПОРЯДОК
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Пулова Елена Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807310@ruc.su

**COMMISSIONS ON COMPLIANCE WITH THE
REQUIREMENTS FOR OFFICIAL CONDUCT OF PUBLIC
CIVIL SERVANTS AND CONFLICT OF INTEREST
RESOLUTION: COMPOSITION AND PROCEDURE
OF FUNCTIONING**

Pulova Elena Vasilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья посвящена изучению вопроса правовых и организационных основ деятельности Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов. Автором изучается нормативная правовая база различных уровней правового регулирования, а также рассмотрена практика применения ведомствами вышеназванного органа как инструмента, направленного на разрешение конфликтов интереса. Выделены проблемные аспекты, которые возникают при реализации их полномочий.

Ключевые слова: государственная служба, урегулирование конфликта интересов, комиссия, состав, порядок функционирования.

The article is devoted to the study of the issue of the legal and organizational foundations of the activities of Commissions on compliance with the requirements for the official conduct of public civil servants and the settlement of conflicts of interest. The author studies the regulatory legal framework of various levels of legal regulation, and also examines the practice of using the above-mentioned body by departments as a tool aimed at resolving conflicts of interest. The problematic aspects that arise during the implementation of their powers are highlighted.

Keywords: civil service, conflict of interest settlement, commission, composition, functioning procedure.

Мероприятия по противодействию коррупции в Российской Федерации тре-

буют особой организационной структуры. Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов является органом, функционирующим при каждом министерстве и ведомстве, целью которого является деятельность по разрешению конфликта интересов на государственной службе.

Данный орган рассматривает достаточно широкий перечень вопросов, например, недостоверные или неполные сведения о доходах, имуществе служащих, вопросы, связанные с этическими нормами поведения служащих, что обуславливает достаточно высокий уровень профессиональных компетенций лиц, разрешающих конфликты.

Правоотношения по разрешению конфликтов интересов характеризуется специфичным субъектным составом, который частично совпадает с составом комиссии, и включает в себя как представителей государственной службы (сам служащий и представитель нанимателя), а также экспертное и научное сообщество, являющееся важным гарантом независимости при принятии решения по рассматриваемому вопросу.

Стоит выделить особую роль Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ. Это основополагающий акт по данному вопросу, определяющий понятие конфликта интересов, пути преодоления, а также состав комиссии [1]. Помимо этого, закон содержит отсылочные нормы к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ, более детально регулирующие данные правоотношения [2].

Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 представляет собой акт, устанавливающий правовые и организационные основы деятельности, определяет цели и задачи, перечень рассматриваемых вопросов, состав комиссии, а также закрепляет иные положения [3].

В Республике Мордовия на основе вышеуказанных нормативных правовых актов было построено региональное законодательство, представленное Указом Главы Республики Мордовия от 16.08.2010 № 149-УГ [4], который практически пересказывает содержание правового акта федерального уровня, но учитывает региональную специфику.

Еще одним уровнем рассмотрения вопроса разрешения конфликтов является локальное регулирование на уровне министерств и ведомств. Данные акты также содержат в себе положения о составе комиссии и порядке ее работы.

Так, например, в Министерстве экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия правовые основы деятельности комиссии утверждены Приказом от 24.03.2016 № 41-П [5].

Согласно данному приказу, уведомление подается на имя министра в отдел организации и ведения специальных работ, обязательно имеет письменную форму. В случае принятия уведомления к рассмотрению комиссией, первоначально оно передается лицу, ответственному за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений, который обязан осуществить предварительное рассмотрение, пользуясь наделенными полномочиями, в течение двух рабочих дней. Итогом данного этапа является составление мотивированного заключения.

Впоследствии необходимые материалы передаются на рассмотрение комис-

сии, где по итогу ее председателем в лице министра принимается одно из решений: наличие или отсутствие конфликта интересов либо же рассмотрение уведомления с нарушениями требований.

Рассмотрев локальные правовые акты министерства Республики Мордовия, стоит привести пример из практической деятельности по урегулированию конфликтов интересов.

В 2022 году в Министерстве экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия состоялось заседание Комиссии, основаниями для проведения которой являлись следующие обстоятельства:

1) поступившее уведомление некоммерческой организации - ГАУ Республики Мордовия «МФЦ» о заключении трудового договора с гражданином, замещавшим должность государственной службы в Министерстве экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия.

2) уведомление государственного служащего Министерства о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов [6].

Рассмотрев правовые акты, отражающие практическое применение норм закона на практике, следует выделить следующие основные особенности и проблемы в деятельности Комиссии:

1) В связи с тем, что активная деятельность комиссии основана на заявительной основе со стороны заинтересованных лиц, то мы можем наблюдать относительную пассивность их деятельности, что с одной стороны может иметь положительную сторону, так как это может означать, что конфликт интересов возникает редко, с другой стороны – можно предположить, что не все прецеденты обнародованы и отданы под урегулирование комиссии. Однако стоит учитывать, что функционирование комиссии не предполагает под собой отдельных штатных единиц, а формируется из лиц уже осуществляющих свою трудовую функцию по основному направлению деятельности.

2) Важным аспектом является участие экспертного сообщества в проведении заседаний, что, в свою очередь, способствует прозрачности и открытости государственной службы – важнейшим принципам гражданской государственной службы.

3) Несмотря на то, что в деятельности комиссий обязательно необходимо участие независимых членов, однако вопрос их степени профессиональной подготовки никакими положениями не урегулирован. Указ Президента лишь дает указание на то, что они должны иметь отношение к высшему, среднему или дополнительному образования, а также иметь специальный профиль – государственная служба.

4) Интересным аспектом является отсутствие законодательного закрепления количества возможных участников заседания комиссии, что, в свою очередь, может сказаться на качестве процедуры, однако при этом способствовать открытости и гласности [7]. Действующие правовые нормы как федерального, так и регионального законодательства закрепляют лишь пропорциональное соотношение категорий участников, прописанных в нормативном правовом акте.

5) Существенным аспектом является отсутствие государственно-властных

полномочий у комиссии. Однако в научных кругах поддерживается мнение, что такими полномочиями их стоит наделить, так как предписания, носящие рекомендательный характер, могут быть не приняты представителем нанимателя к исполнению, что, в свою очередь, отражается на возможности защиты нарушенных прав. Следовательно, следует положительно оценить предложения изменить характер предписаний комиссии и сделать их обязательными для исполнения с последующим предоставлением соответствующей отчетности [8].

6) Следующая особенность вытекает из предыдущего пункта – невозможность административного обжалования решений комиссии поскольку предмет обжалования отсутствует по той причине, как мы отмечали уже выше, что решение комиссии носит не императивный характер. Однако в данной ситуации есть альтернативный способ оспаривания вынесенного решения – обжалование в вышестоящем коллегиальном органе.

Таким образом, на современном этапе деятельность Комиссии является достаточно важной и значимой как с точки зрения противодействия коррупции, так и соблюдения законности в целом. Однако, как практически в любой деятельности, здесь также имеются особенности и проблемные аспекты, связанные с непосредственной деятельностью, а также с качественным и количественным составом самих участников. Тем не менее, устранение различных пробелов важно производить в первую очередь на федеральном уровне, чтобы впоследствии данные изменения нашли свое отражение на региональном и локальных уровнях правового регулирования. Это имеет важное значение для закрепления комиссии как эффективного инструмента противодействия коррупции, способствующего обеспечению соблюдения законности и кодекса этики, а также служебного поведения государственных служащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.07.2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228
3. Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (вместе с «Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов») // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3446
4. Указ Главы Республики Мордовия от 16 августа 2010 г. № 149-УГ «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Республики Мордовия и урегулированию конфликта интересов» (с изменениями и дополнениями) // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
5. Приказ от 24 марта 2016 г. № 41-П «Об утверждении Положения о порядке сообщения о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов» // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
6. Заседание Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Минэкономки Республики Мордовия и урегулированию

конфликта интересов в 2022 году // Официальный портал органов государственной власти: сайт. URL: <https://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/protivodeystvie-korrupsii/zasedaniya/zasedaniya/> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Канков, А. Н. Административно-правовое регулирование функционирования комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов // Право. Общество. Государство : сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 62-66.

8. Киреева, А. Е. Проблемные аспекты деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов / А. Е. Киреева, И. Г. Гришаева // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика. Материалы 21-ой заочной Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией И. В. Потаниной. – Воронеж, 2023. – С. 56-59.

УДК 342.98

МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Пулова Елена Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807310@ruc.su

MECHANISM FOR IDENTIFYING AND RESOLVING CONFLICTS OF INTEREST IN THE CIVIL SERVICE

Pulova Elena Vasilyevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Коррупция на государственной службе представляет собой серьезную проблему практически для всех стран современного мира. Безусловным является то, что коррупция в указанной сфере негативно сказывается на социально-экономическом развитии страны, уровне доверия ее граждан к политическим институтам, возникновении теневой экономики. В связи с этим проблема профилактики коррупции и ее различных проявлений является чрезвычайно серьезной и важной, в том числе и в России. Значительное место в системе такой профилактики на сегодняшний день занимает механизм выявления и разрешения конфликта интересов.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, конфликт интересов, разрешение конфликта интересов.

Corruption in the civil service is a serious problem for almost all countries of the modern world. It is undeniable that corruption in this area has a negative impact on the socio-economic development of the country, the level of trust of its citizens in political institutions, and the emergence of the shadow economy. In this regard, the problem of preventing corruption and its various manifestations is extremely serious and important, including in Russia. A significant place in the system of such prevention today is occupied by the mechanism for identifying and resolving conflicts of interest.

Keywords: corruption, anti-corruption, conflict of interest, conflict of interest resolution.

Государственная служба является специальным государственным институтом, наделенным функциями по подготовке и реализации общественно значи-

мых решений, посредством реализации которых осуществляется государственная политика. Одним из основных принципов государственной службы является реализация и защита прав и свобод человека и гражданина. Нереализация данного принципа порождает коррупцию в системе государственной службы и, наоборот, коррупция в системе государственной службы препятствует реализации этого принципа.

Коррупция как социальное явление многообразна и многогранна. Во-первых, она серьезно подрывает международный авторитет страны. Она снижает интерес иностранных инвесторов к ведению бизнеса на отечественном рынке и способствует оттоку капитала. Во-вторых, коррупционные проявления негативно отражаются на экономической деятельности субъектов малого и среднего бизнеса и способствует экономической стагнации и экономическим потерям для всех участников рынка [1].

Исходя из этих фактов, справедливо будет сказать, что коррупция является реальной угрозой национальной безопасности нашей страны. Основные негативные последствия этого явления заключаются в том, что оно ослабляет и искажает власть государства изнутри, способствуя ее неэффективности. Потеря доверия граждан ставит власть в невыгодное положение и становится препятствием для реализации полноценной государственной политики на всех уровнях.

Это приводит к стагнации в политическом, экономическом и культурном развитии общества. В конечном счете, коррупция препятствует реализации интересов государства, приводит к многочисленным нарушениям прав и свобод личности, осложняет социальную и инвестиционную политику, наносит ущерб отношениям в сфере экономического сотрудничества с рядом международных организаций и других государств.

В процессе выполнения государственными служащими своих служебных обязанностей могут возникать ситуации, которые принято называть «конфликтом интересов», когда личная заинтересованность государственных служащих влияет или может повлиять на выполнение ими своих служебных обязанностей. Авторы правовой доктрины подчеркивают отдельные области, которые характеризуются наибольшей вероятностью возникновения конфликта интересов (схема 1).

Законодатель осуществил правовое определение указанного термина, закрепив его в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2].

Можно определить принципы урегулирования конфликтов на государственной службе, а именно:

- служение общественным интересам;
- обеспечение прозрачности и общественного контроля;
- повышение личной ответственности и личного примера;
- принцип создания организационной культуры, недопустимой к конфликтам интересов.

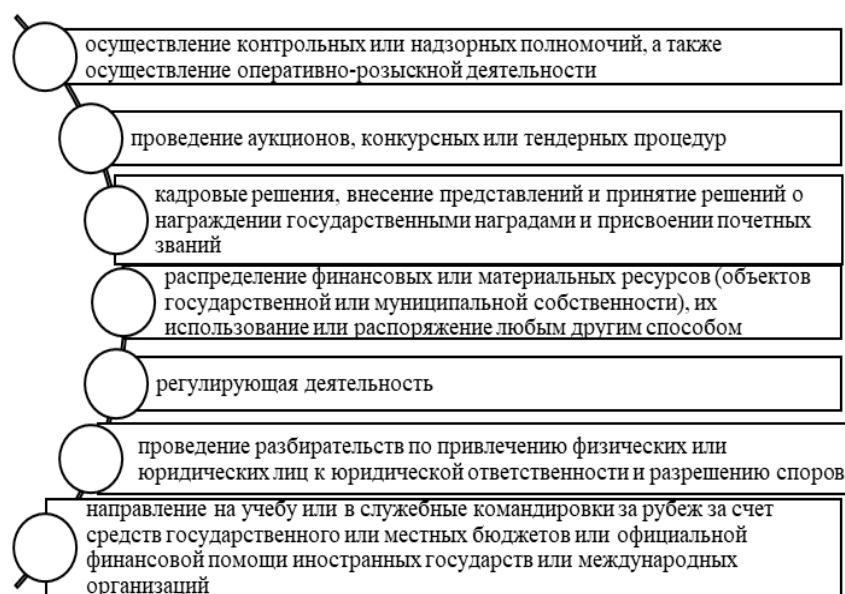

Схема 1. Основные сферы возникновения конфликта интересов в деятельности государственных служащих

Указанные принципы реализуются посредством установления конкретных ограничений, связанных с прохождением службы на должности государственного служащего. Такие ограничения предусматриваются как федеральным законодательством, регулирующим правовой статус госслужащих, так и специальным законодательством, среди которого можно отдельно выделить блок антикоррупционного направления. Основные ограничения связаны с возможностью получения госслужащими подарков, совмещения нескольких трудовых функций, совместную работу близких лиц и деятельность бывших государственных служащих [3].

В случае возникновения конфликта интересов предусмотрен определенный механизм его разрешения, который включает в себя ряд составляющих (схема 2).

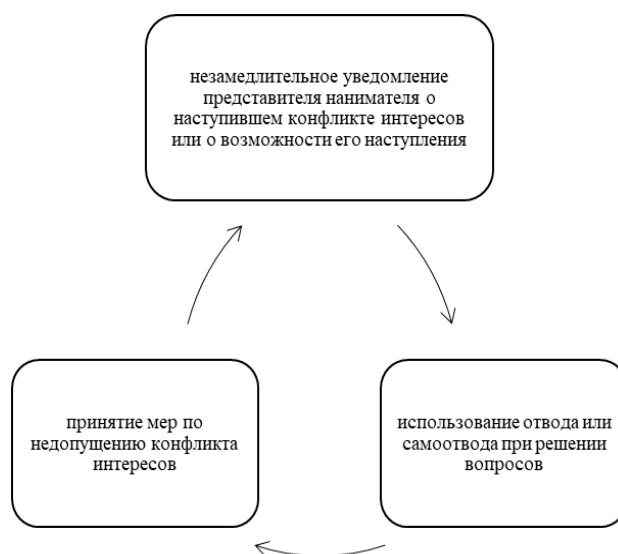

Схема 2. Составляющие механизма разрешения конфликта интересов на государственной службе

В заключение необходимо отметить, что обозначенные меры не содержат в себе профилактического направления, предупреждающего возникновение конфликта в рассматриваемой сфере как такового, а направлены исключительно на разрешение уже возникшей ситуации. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее совершенствование действующего законодательства РФ с целью включения в него мер по предотвращению возникновения конфликта интересов на госслужбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс.
2. Кондакова, Д. А. Возникновение конфликта интересов на государственной службе / Д.А. Кондакова // Вестник современных исследований. – 2019. – № 3.9(30). – С. 8-12.
3. Шевердяев, С. Н. Управление конфликтом интересов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности: конституционно-правовой анализ : монография. Москва, 2021. – 392 с.

УДК 342.5

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ И СРЕДСТВА

Ратникова Ольга Александровна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807105@ruc.su

OVERCOMING LEGAL NIHILISM IN THE RUSSIAN FEDERATION: WAYS AND MEANS

Ratnikova Olga Aleksandrovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Для борьбы с правовым нигилизмом необходимо применить многоаспектный метод, который ориентирован на уменьшение и ликвидацию его оснований. Это включает в себя следующие меры: улучшение уровня правосознания среди населения, обновление и доработка нормативных актов, предупреждение преступлений, борьба с коррупцией, соблюдение и активная защита прав человека, а также обширные программы по образованию и воспитанию граждан в духе законопослушности. Важнейшая задача в рамках правового образования – это внедрение и укрепление патриотических ценностей, представляющих собой ключевую национальную концепцию.

Ключевые слова: нигилизм, право, правосознание, правовая культура, правовое воспитание.

To combat legal nihilism, it is necessary to apply a multidimensional method that is focused on reducing and eliminating its foundations. This includes the following measures: improving the level of legal awareness among the population, updating and finalizing regulations, preventing crimes, combating corruption, observing and actively protecting human rights, as well as extensive programs for education and education of citizens in the spirit of law-abiding. The most important task in the framework of legal education is the introduction and strengthening of patriotic values, which are a key national concept.

Keywords: nihilism, law, legal awareness, legal culture, legal education.

Преодоление правового нигилизма в России предполагает комплексный подход, поскольку затрагивает различные общественные отношения.

Главным направлением преодоления правового нигилизма в России является выход общества из глубокого системного кризиса – политического, экономического, духовного, нравственного. Многое зависит как от действий и взвешенных решений государственной власти, проводимых реформ, так и от граждан России, от того, насколько будет осознана важность права в обществе.

Правовое воспитание граждан Российской Федерации, на сегодняшний день, находится в тесной взаимосвязи с многими другими сферами жизнедеятельности общества и его развития.

Правовое воспитание должно сопровождаться созданием благоприятных условий для развития личной дисциплины, организованности и ответственности.

Главная цель правового воспитания – формирование уважительного отношения к праву и законопослушного поведения граждан. Как замечает О.Р. Чудинов: «если знание правовых текстов можно приобрести в процессе обучения, то формирование убеждений (положительные правовые ценностные ориентации) – только в процессе длительного и кропотливого правового воспитания» [1].

В современный период важным и сложным является вопрос внутреннего организационного строения механизма правового воспитания и внешнего выражения и степени воздействия на воспитательную среду.

Совершенствование качества правотворчества является фактором повышения значимости и уважения закона, эффективности правоприменения. Нормативно-правовая система требует модернизации, она должна соответствовать потребностям развития общества, целям и задачам, стоящим перед ним.

Потребность в непрерывном обновлении нормативно-правовой системы актуализирует задачу повышения уровня правотворческой деятельности, которую изначально можно решить снижением до минимума числа неэффективных правотворческих решений. В первую очередь целесообразно повысить качество правотворческой деятельности, которое зачастую страдает от недостаточного профессионализма ее субъектов. По мнению О. Г. Шадского, «значительно большую роль на подготовительном этапе должны играть ученые-правоведы и специалисты соответствующих сфер в целях выявления и устранения ошибок и различного рода недостатков текстов проектов правовых актов» [2].

Как верно замечает М. М. Османов, в том случае, когда общество самостоятельно убедится в возможности права защищать свой народ, его законные интересы, народ добровольно будет стремиться соблюдать все предписанные законы и препятствовать нарушению законов другими [3]. Антикоррупционная политика – это долгосрочная, поступательная и перспективная политика эффект от которой может быть получен через достаточно длительный период проведения. Она должна создать механизмы способствующие значительному снижению уровня коррупции в российском обществе. В таком ракурсе процесс

борьбы и противодействия коррупции выступает комплексной задачей, реализация которой предполагает усилия со стороны как органов государственной власти, так и институтов гражданского общества и обычных граждан. Одной из основных задач является увеличение значения уровня просветительской работы среди служащих, с целью поднятия общественной антикоррупционной ответственности и уменьшения противоправной деятельности среди определенной категории граждан.

Сегодня медиа не только служат главным источником юридически значимой информации, но и играют ключевую роль в образовательном процессе, связывая различные элементы системы правового воспитания. Важно сосредоточить усилия на сокращении распространения отрицательного контента, такого как сообщения о преступлениях и коррупции, и уделить больше внимания вопросам, касающимся защиты прав и свобод граждан в наше время.

Перспективным инструментом преодоления правового нигилизма, повышения уровня развитости правосознания является сфера интернет-коммуникаций.

Как уже отмечалось, в сети Интернет содержится много недостоверной информации. 7 марта 2019 года уже были приняты поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ч. 1 ст. 15.3) и ст. 13.15 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), направленные на противодействие так называемым «фейковым» новостям.

С целью противодействия распространению недостоверной информации Роскомнадзор в марте 2022 года принял беспрецедентное решение, заключающееся в блокировке доступа к сети Facebook, принадлежащей всеми известной компании Meta Platforms, Inc., которая признанная на территории Российской Федерации экстремистской организацией, помимо этого, ограничена работа на территории РФ некоторых информационных иностранных сайтов, включая «Голос Америки», Meduza, «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (внесены Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов), а также русской службы BBC и немецкой телерадиокомпании Deutsche Welle (вещание прекращено в РФ). Блокировка объясняется тем, что вышеперечисленные ресурсы распространяли ложные сведения относительно военной спецоперации на Украине, проводимой российскими Вооруженными силами. Социальные сети, принадлежащие компании Meta Platforms, содержали призывы к насилию в отношении россиян, в том числе военнослужащих.

Принимаемые меры необходимы для обеспечения психологического здоровья граждан, в первую очередь детей и подростков, защиты их от травли и оскорблений.

Предусмотрено распространение программ дополнительного образования для населения, повышение уровня юридической грамотности педагогов, подготовка преподавателей учебного предмета «Право», совершенствование подготовки преподавателей правовых дисциплин; в целях научно-методического обеспечения правового образования предусмотрено также проведение научно-исследовательских работ.

Как уже отмечалось ранее, одной из причин правового нигилизма является отсутствие в российском государстве национальной идеи. Представляется, что

наличие национальной идеи, имеющей высшую социальную ценность, способствовало бы не только сплочению общества, но и препятствовало бы проявлению в нем правового нигилизма. Национальный патриотизм, в качестве основной идеологии государства, станет необходимым трамплином в новый мир, где народ является единым живым организмом, способным выстоять перед любыми геополитическими угрозами.

Преодолеть сложившийся правовой нигилизм возможно с помощью постепенного планомерного повышения правовой культуры населения, опираясь на развитие правовых институтов, стоящих на страже прав, свобод и законных интересов граждан.

В случае отсутствия необходимого правового воспитания, современное российское подрастающее поколение, усваивает определенный негативный набор ценностей, который по многим своим характеристикам значительным образом отличается от ценностей, принятых во взрослом мире. Разногласия между двумя возрастными категориями обусловлено явным пренебрежением к нормам морали, права, в связи, с чем и возникает острая напряженность среди слоев населения. Таким образом, формирование правовой культуры у населения, является необходимой составной частью развития общества в целом, заключающаяся в профилактике противоправного поведения. Особое место в данном процессе, должно занимать семейное воспитание, а также образовательные организации, воздействуя комплексно на все основные сферы жизнедеятельности человека.

С целью преодоления правового нигилизма, на базе учебных учреждений целесообразно создавать юридические клиники, коворкинг пространство по правовому воспитанию, где каждый молодой человек, взаимодействуя со своими сверстниками-студентами юридического факультета, более подкованными в вопросах права и вплотную взаимодействующими с преподавателями, могут помочь в получении компетентной помощи.

В современный период мы находимся в центре событий, оценить которые трудно даже взрослому человеку, а тем более школьникам. Поиск информации о происходящих событиях в сети Интернет может привести к неоднозначной оценке пользователей либо фейковой информации.

Преодолеть правовой нигилизм возможно путем совершенствования законодательства, повышения правовой культуры всех граждан России, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. Считаем, что работа по развитию правовой культуры должна быть систематизированной, более организованной и всеохватывающей, а само главное – непрерывной. С этой целью предлагается принятие государственной программы «Развитие правовой культуры граждан Российской Федерации» на трехлетний период. Конечные результаты реализации программы позволили бы проследить уровень правовой культуры в динамике за трехлетний период и скорректировать ее в соответствии с новыми социальными реалиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и

критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.

2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

3. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 223-231.

УДК 342.56

МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПУТЕМ РЕГРЕССА

Салихова Диляра Фаилевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807144@ruc.su

MECHANISM FOR APPLYING LEGAL ENTITY LIABILITY BY RECOURSE

Salikhova Dilyara Failevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Важность механизма применения ответственности в России и за рубежом несравненно высока, но условия и основания возникновения ответственности варьируются в зависимости от специфики каждой конкретной правовой системы. В данной статье мы рассмотрим основные виды оснований гражданско-правовой ответственности юридического лица путем регресса, характеристики и примеры применения в различных ситуациях.

Ключевые слова: юридические лица, гражданско-правовая ответственность, регресс, основания возникновения ответственности, судебная практика.

In the Russian Federation and in foreign countries, the mechanism of application of responsibility is very important, but the grounds and conditions for the occurrence of responsibility may differ depending on the specific legal system. In this article, we will consider the main types of grounds for civil liability of a legal entity by recourse, characteristics and examples of application in various situations.

Keywords: legal entities, civil liability, regression, grounds for liability, judicial practice.

Механизм применения ответственности юридического лица путем регресса является одним из способов обеспечения возмещения ущерба, причиненного третьим лицам. Регресс представляет собой процесс, при котором юридическое лицо, выплатившее компенсацию или возместившее ущерб, имеет право обратного искусственного требования (регресса) в отношении других участников, которые могут нести субсидиарную ответственность за это нарушение или ущерб. Такой механизм позволяет распределить ответственность между участниками в зависимости от их вклада в нарушение или причинение ущерба.

Для того, чтобы понять механизм применения ответственности юридического лица, необходимо определить само понятие «гражданско-правовая ответ-

ственность». Гражданско-правовая ответственность является одним из ключевых понятий в сфере права, которая выступает в качестве ключевой категории гражданско-правовых отношений. Говоря о правовой природе гражданско-правовой ответственности, следует отметить, что она основывается на законах, подзаконных нормативно-правовых актах и правовых принципах, направленных на соблюдение законности. Она является частью общей правовой системы государства и строится на принципах верховенства права, равенства всех перед законом, справедливости и законности. Гражданско-правовая ответственность представляет собой обязанность лица возместить ущерб, причиненный другому субъекту в результате нарушения закона или договора. Основания гражданско-правовой ответственности могут быть разнообразными и включать как действия, так и бездействие стороны. Важно разбираться в основаниях гражданско-правовой ответственности, чтобы эффективно защищать свои права и интересы, а также понимать свои обязанности перед другими участниками правоотношений.

Правовая политика государства – это не только система мер жесткого, репрессивного законодательства и правоприменения, но в первую очередь это механизм эффективного исполнения российского законодательства, а также комплекс мер, направленных на профилактику правонарушений. Нарушение обязательств может включать невыполнение, ненадлежащее выполнение или задержку исполнения. Другим важным основанием гражданско-правовой ответственности юридических лиц является причинение вреда третьим лицам. В случае, когда действия или бездействие юридического лица приводят к причинению физического, материального или морального ущерба, последнее должно возместить этот ущерб в полном объеме.

В сфере экономической деятельности основанием гражданско-правовой ответственности юридических лиц может являться нарушение конкурентных правил. В России данная сфера регулируется Федеральным законом «О защите конкуренции», который запрещает недобросовестную конкуренцию, злоупотребление доминирующим положением и иные нарушения правил свободной конкуренции [1].

Защита прав интеллектуальной собственности – это важное направление в сфере юридической ответственности. В случае нарушения этих прав законом об авторском праве и патентах, возможны компенсации и ущерб. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц также может быть применима к со-владельцам или тем, кто действует от их имени [2].

Гражданско-правовая ответственность юридических лиц считается значимым элементом гражданского права и имеет корни в различных правовых системах. Подходы к основаниям гражданско-правовой ответственности в зарубежных странах схожи и отличаются от практики в России.

Разработка системы правовой ответственности для юридических лиц – это важный момент в обеспечении справедливости и защите прав граждан. Профилактическую роль в этом процессе играет соблюдение законов, что способствует честной конкуренции и доверию между участниками рынка. Доверительные отношения между участниками рынка подталкивают к более тесному сотру-

ничеству и способствуя инвестированию и долгосрочному планированию. Все эти положительные моменты напрямую делают систему еще более эффективной.

Основные механизмы применения ответственности юридического лица путем регресса включают:

1. Исковые требования. Юридическое лицо, которое возместило ущерб пострадавшему, может обратиться в суд с иском о регрессе против других участников, имеющих субсидиарную ответственность. Суд рассматривает иск, определяет степень вины и вклад каждого участника в нарушение или причинение ущерба, и в случае обоснованности регрессного иска, может принять решение о возмещении ущерба от других участников.

2. Договорные отношения. В некоторых случаях механизм регресса может быть предусмотрен в договорных отношениях между юридическими лицами. Договор может содержать условия о возможности обратного требования компенсации ущерба или ответственности от одного юридического лица к другому в случае нарушения обязательств или причинения ущерба третьим лицам.

3. Судебные прецеденты. Применение механизма регресса основывается на судебной практике и прецедентах. Решения судов, принятые в предыдущих делах, могут служить основой для применения регресса в конкретных ситуациях. Это обеспечивает справедливость и предсказуемость в определении ответственности и возмещении ущерба.

Законодательство может устанавливать нормы и правила, регулирующие механизм регресса и его применение. Оно определяет условия, пределы и процедуры для применения регресса, а также основания и обязанности участников в этом процессе.

Применение механизма ответственности юридического лица путем регресса позволяет распределить ответственность и обеспечить возмещение ущерба с учетом вклада различных участников в нарушение или причинение ущерба. Это способствует справедливости и обеспечению полного возмещения ущерба третьим лицам.

Отсутствие в Гражданском Кодексе РФ понятия и четкого обоснования критериев регрессных требований, а наличие лишь характерных черт свойственных обратным требованиям, приводит к тому что проблема становится очевидной: она связана с определением круга регрессных требований и отграничением их от иных, в том числе суброгационных требований.

В российской правовой науке отсутствует единое понимание концепции регресса, что затрудняет разграничение регрессных требований от аналогичных видов требований. Это приводит к неопределенности в вопросах, касающихся обратных требований, особенно когда речь идет о действиях поручителей и гарантов, выполняющих обязательства вместо должников. Обсуждение этих аспектов в научном сообществе обычно основывается на сравнении двух подходов, которые могут быть похожи в некоторых аспектах - регрессного и суброгационного. Четкое понимание и классификация обратных требований крайне важны, ведь от этого зависит, какие требования будут предъявлены и как они будут удовлетворены, что имеет значительное практическое значение.

С целью окончательного объективного и всестороннего решения вопроса об определении правовой природы регрессных требований необходимо выделить отдельные признаки регрессных требований на основании анализа норм гражданского права о регрессных требованиях. Необходимо выделить такие критерии в качестве отдельных и независимых, только в этом случае можно говорить об объективности решения указанной проблемы.

Важно подчеркнуть, что мы сталкиваемся с комплексными взаимоотношениями, которые выстраиваются либо между жертвой и нанесшим ущерб, в контексте обязательств, возникающих из причинения вреда, либо между одной стороной в качестве должника и другой стороной в качестве кредитора при наличии обязательств по договору, где требования к солидарности присутствуют. Для удобства, давайте назовем эти связи взаимодействиями на внешнем уровне.

Когда появляется пострадавший с нарушенными правами, а также лицо, которое возместило ущерб или выплатило долг, возникают регрессные иски. В этой ситуации, тот, кто компенсирует ущерб или осуществляет платеж, выступает в роли истца, инициируя регрессный иск, в то время как обязанное лицо или непосредственный причинитель вреда рассматривается как ответчик в данном деле.

Когда лицо, возместившее ущерб, связано с первичным требованием (это может быть долг перед кредитором или обязанность по возмещению ущерба потерпевшему, где такое лицо называется в Гражданском кодексе РФ «лицом, компенсировавшим ущерб») и, кроме того, имеет требование к тому, кто непосредственно причинил вред или несет за это ответственность, возникают регрессные обязательства.

Регрессные требования являясь денежными характеризуются тем что этот признак выделяет их на остальном «фоне». В российском законодательстве объем этих требований определяется в общем порядке: в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом. Возможное отступление от принципа «равенства долей» может вытекать из отношений между солидарными должниками. В случае, если вред причинен совместно, лицо, возместившее совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины этого причинителя вреда. Если степень вины определить невозможно, доли признаются равными (п. 2 ст. 1081 ГК РФ). Такая же формула распределения долей действует и при причинении морального вреда. В соответствии с п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» судом при распределении по регрессному требованию причинителя вреда, исполнившего солидарную обязанность перед потерпевшим, долей между причинителями морального вреда, учитывается степень вины каждого из причинителя вреда.

В процессе установления размера требований по регрессу, судебные органы обязаны исключать возможность повторного наказания лица, ответственного за ущерб, за одно и то же действие. Важно понимать, что механизм регресса

предусматривает четкое разделение финансовых обязательств между регредитентом, тем кто возместил ущерб, и регрессантом, непосредственным причинителем ущерба, так, чтобы не допустить перекалывания личных долгов на плечи регрессанта. Это подразумевает, что при формировании регрессных исков следует аккуратно подходить к определению их объема, обеспечивая справедливое распределение ответственности и избегая повторного привлечения к ответственности за те же самые нарушения.

При анализе регрессных требований важно осознавать, что, несмотря на их автономность, они обусловлены взаимоотношениями, которые складываются между пострадавшей стороной и тем, кто причинил ущерб, а также между долговыми обязательствами и правами кредитования в контексте совместной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмаева, Р. И. О возможных стратегиях развития российских компаний в посткризисный период / Р. И. Акмаева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 2. – С. 7-18.

2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.

УДК 342.56

ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Салихова Диляра Фаилевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807144@ruc.su

GROUND FOR CIVIL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES AND PERSONS MANAGING A LEGAL ENTITY

Salikhova Dilyara Failevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Гражданско-правовая ответственность юридических лиц имеет широкое применение как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, но основания и условия возникновения ответственности могут различаться в зависимости от конкретной правовой системы. В данной статье мы рассмотрим основные виды оснований гражданско-правовой ответственности, их характеристики и примеры применения в различных ситуациях.

Ключевые слова: ответственность, гражданско-правовая ответственность, юридическое лицо, ответственность юридических лиц, судебная практика.

Civil liability of legal entities is widely used both in the Russian Federation and in foreign countries, but the grounds and conditions for liability may differ depending on the specific legal system. In this article, we will consider the main types of civil liability grounds, their characteristics and examples of application in various situations.

Keywords: liability, civil liability, legal entity, liability of legal entities, jurisprudence.

Гражданско-правовая ответственность является одним из ключевых понятий в сфере права, которая выступает в качестве ключевой категории гражданско-правовых отношений. Говоря о правовой природе гражданско-правовой ответственности, следует отметить, что она основывается на законах, подзаконных нормативно-правовых актах и правовых принципах, направленных на соблюдение законности. Она является частью общей правовой системы государства и строится на принципах верховенства права, равенства всех перед законом, справедливости и законности. Гражданско-правовая ответственность представляет собой обязанность лица возместить ущерб, причиненный другому субъекту в результате нарушения закона или договора. Основания гражданско-правовой ответственности могут быть разнообразными и включать как действия, так и бездействие стороны. Важно разбираться в основаниях гражданско-правовой ответственности, чтобы эффективно защищать свои права и интересы, а также понимать свои обязанности перед другими участниками правоотношений.

Правовая политика государства, это не только система мер жесткого, репрессивного законодательства и правоприменения, но, в первую очередь, это механизм эффективного исполнения российского законодательства, а также комплекс мер, направленных на профилактику правонарушений. Перечень оснований гражданско-правовой ответственности юридических лиц в Российской Федерации установлены в Гражданском кодексе, а также в специальных законах, регулирующих конкретные сферы деятельности. Одним из основных оснований гражданско-правовой ответственности юридических лиц является нарушение договорных обязательств. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, стороны договора обязаны исполнять свои обязательства добросовестно и в установленные сроки. Нарушение обязательств может включать невыполнение, ненадлежащее выполнение или задержку исполнения.

Другим важным основанием гражданско-правовой ответственности юридических лиц является причинение вреда третьим лицам. В случае, когда действия или бездействие юридического лица приводят к причинению физического, материального или морального ущерба, последнее должно возместить этот ущерб в полном объеме.

В сфере экономической деятельности основанием гражданско-правовой ответственности юридических лиц может являться нарушение конкурентных правил. В России данная сфера регулируется Федеральным законом «О защите конкуренции», который запрещает недобросовестную конкуренцию, злоупотребление доминирующим положением и иные нарушения правил свободной конкуренции [1].

Защита прав интеллектуальной собственности - это важное направление в сфере юридической ответственности. В случае нарушения этих прав законом об авторском праве и патентах, возможны компенсации и ущерб. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц также может быть применима к со-владельцам или тем, кто действует от их имени. В России действующее законо-

дательство устанавливает возможность привлечения к ответственности за такие нарушения [2].

В правовой практике России принято предполагать виновность юридического лица при возникновении гражданско-правовой ответственности, что означает, что данная организация несет ответственность за нарушение обязательств или причинение ущерба без возможности доказать свою невиновность. Гражданско-правовая ответственность юридических лиц считается значимым элементом гражданского права и имеет корни в различных правовых системах. Подходы к основаниям гражданско-правовой ответственности в зарубежных странах схожи и отличаются от практики в России.

Разработка системы правовой ответственности для юридических лиц – это важный момент в обеспечении справедливости и защите прав граждан. Профилактическую роль в этом процессе играет соблюдение законов, что способствует честной конкуренции и доверию между участниками рынка. Доверительные отношения между участниками рынка подталкивают к более тесному сотрудничеству и способствуя инвестированию и долгосрочному планированию. Все эти положительные моменты напрямую делают систему еще более эффективной [3; 4; 5].

За последние двадцать четыре года произошли значительные изменения в отношениях между властью и бизнесом. Увеличение количества государственных органов, которые выполняют одни и те же функции, и снижение прозрачности в процессе принятия важных решений, привело к тому, что компании теряют свой «статус», в то время как региональные власти становятся более значимыми [6]. Поэтому сейчас наиболее выгодной стратегией взаимодействия с властью для бизнеса является партнерство с влиятельными силами, при этом данное партнерство всегда должно быть «взаимовыгодным» для обеих сторон участников.

В построении взаимоотношений с государственными структурами необходимо учитывать важность влиятельных лидеров компаний. Неправомерные действия, к сожалению, закрепились как постоянная черта. Политическую арену заполняют кланы и группы номенклатуры, отесняя партии на второй план вместо традиционной партийной системы. Региональные кланы играют ключевую роль в политическом и экономическом контексте. Возможности для предпринимательского сектора в российской экономической системе закладываются через активное участие бизнес-сообщества в профессиональных объединениях. Экспертные советы, созданные государственными институтами, включая Федеральное собрание, Общественную палату, важнейшие министерства и региональные представительства президента, занимаются анализом и обсуждением экономических аспектов в различных сферах деятельности. Таким образом, участие бизнес-сектора способствует взаимодействию с государством и формирует стратегическое планирование государственных мероприятий и законодательной базы.

Гарантированная поддержка со стороны государства и общества обеспечивает улучшение репутации и конкурентоспособности компаний, действующих в соответствии с законодательством. Важнейшими аспектами наступления граж-

данско-правовой ответственности для юридических лиц на территории Российской Федерации являются установление вины и причинной связи. Для доказывания этих условий требуется соответствующее подтверждение, что в результате обязанность компенсации причиненного ущерба становится неотъемлемой частью процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмаева, Р. И. О возможных стратегиях развития российских компаний в посткризисный период / Р. И. Акмаева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 2. – С. 7-18.
2. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. 196 с.
3. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
4. Предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности : учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров, В. Ю. Перепелкин ; Саранский кооперативный институт (филиал). – Саранск : Редакционно-издательский центр МГПИ, 2019. – 108 с.
5. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.
6. Малышкин, П. В. Основы гражданского процесса: практикум: учебное пособие / П. В. Малышкин, С. Б. Котляров, В. В. Данилов. – Саранск : ИП Афанасьев В. С., 2022. – 18 с.

УДК 342.9

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Свешникова Лариса Николаевна, старший преподаватель

Байков Роман Владимиров, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: egor751348@yandex.ru; st807084@ruc.su

PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES FOR VIOLATION OF THE LAW ON ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Sveshnikova Larisa Nikolaevna, Senior Lecturer

Baykov Roman Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Неисполнение требований исполнительных документов рассматривается в качестве отдельных административных правонарушений. В статье особое внимание уделяется специфике этой категории правонарушений, а также анализируются актуальные проблемы, возникающие при осуществлении производства по данной категории дел.

Ключевые слова: нарушение законодательства об исполнительном производстве, должностное лицо ФССП РФ, обеспечительные меры, административное расследование.

Failure to comply with the requirements of executive documents is considered as separate administrative offenses. The article pays special attention to the specifics of this category of offenses, as well as analyzes the current problems that arise during the implementation of proceedings in this category of cases.

Keywords: violation of the law on enforcement proceedings, an official of the FSSP of the Russian Federation, interim measures, administrative investigation.

Результат исполнительного производства выражается в наделении его субъектов, в частности должников, обязанностью по надлежащему исполнению требований исполнительного документа. В противном же случае, то есть при неисполнении установленных требований – данный факт будет рассматриваться в качестве отдельного правонарушения.

При объективной оценке уровня ответственности должностного лица в случаях, когда административное правонарушение стало итогом выполнения решения коллегиального органа юридического лица, необходимо выяснить ряд обстоятельств, главным из которых является то, принимало ли данное лицо меры по информированию коллегиального органа о рисках совершения потенциального административного правонарушения в ходе исполнения решения.

Уполномоченный сотрудник ФССП РФ при выявлении факта совершения правонарушения инициирует процедуру привлечения к ответственности согласно следующему установленному законом алгоритму действий: во-первых, должностное лицо принимает решение о необходимости применения обеспечительных мер, о чем указывается в соответствующем протоколе; во-вторых, после сбора достаточного объема доказательств составляется протокол об административном нарушении; в-третьих, если обстоятельства дела требуют более глубокого анализа и выяснения дополнительных фактов уполномоченным лицом принимается решение о проведении административного расследования.

Правомочия сотрудников службы судебных приставов распространяются на определенные законом составы правонарушений. Их, в зависимости от объема реализуемых полномочий, целесообразно объединить в две подгруппы. Составы, относящиеся к первой подгруппе, предполагают право должностных лиц лишь на возбуждение дела (п.77 ч.2 ст.28.3, абз.2 ч.3 ст.28.3, п.12 ч.5 ст.28.3). Вторая группа включает в себя составы, которые кроме инициирования подлежат рассмотрению уполномоченными сотрудниками, например ст.23.58 и ст. 23.29 КоАП РФ [1].

В ч.1 ст.28.1 утверждены основания и субъект возбуждения дела об административном правонарушении. Так, дело возбуждается должностным лицом службы судебных приставов, уполномоченным составлять соответствующие протоколы об административном правонарушении, при наличии как минимум одного основания, предусмотренного статьей.

Перечень должностных лиц, обладающих полномочиями вынесения постановления по делу с назначением наказания без составления протокола, строго определен законом в ч.2 ст.23.68 КоАП РФ.

Статья 28.7 КоАП РФ закрепляет, что в случае выявления факта нарушения административного законодательства в сфере защиты прав и законных интере-

сов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности, выполняется ряд процессуальных действий и проводится административное расследование.

Последнее представляет собой систему определенных законодательством действий, реализуемых уполномоченными на это должностными лицами с целью сбора и анализа необходимой информации. К таким действиям относятся: проведение различных экспертиз, выявление потерпевших, опрос свидетелей, подготовка заключений. Местом проведения расследования является либо место совершения правонарушения, либо место его обнаружения.

В рамках законодательства об административных правонарушениях (ст. 27.2 КоАП РФ) закреплена возможность применения так называемых обеспечительных мер, целью которых выступает осуществление надлежащего процессуального производства.

Рассмотрим первую обеспечительную меру в виде доставления, которая представляет собой правовой механизм принудительного перемещения лица с целью составления протокола, в связи с отсутствием возможности осуществления данной процедуры на месте инцидента.

В целях соблюдения законности уполномоченным сотрудником составляется протокол о доставлении гражданина, в отношении которого инициировано административное производство. Должным образом данный факт отражается и в протоколе об административном правонарушении и в некоторых случаях протоколе об административном задержании.

Административное задержание как обеспечительная мера представляет собой краткосрочное ограничение свободы лица с целью недопущения совершения им нового правонарушения или обеспечения его явки в орган, рассматривающий дело. Как правило, административное задержание сопровождается процедурами, направленными на установление личности и место фактического проживания.

Законодательством закреплено положение о применении данной меры при любых правонарушениях в здании судов, а также исчерпывающий перечень деяний: ст. 5.35.1, ст. 17.3, ст. 17.9, ст. 17.15 КоАП РФ. Процессуальным подтверждением факта задержания, аналогично доставлению, является протокол.

Привод, в свою очередь, также является процессуальным действием, осуществляемым по требованию уполномоченного должностного лица, по отношению к лицам, которые не являются по повесткам и уклоняются от исполнения обязательств.

Представляется необходимым выделить задачи административно-юрисдикционной деятельности службы судебных приставов по делам об административных правонарушениях:

- выявление фактов совершения административных правонарушений и осуществление своевременного разрешения дела путем комплексного анализа всех собранных сведений;
- вынесение итоговых постановлений по делу и обеспечение их исполнения;
- анализ факторов, способствовавших совершению правонарушения, с целью их профилактики в будущем.

Для эффективного выполнения названных задач уполномоченное должностное лицо службы судебных приставов наряду с иными обстоятельствами, должно выяснить какие конкретно незаконные действия/бездействия имели место и какие законодательные требования были нарушены в данном случае.

При принятии решения относительно вида и размера наказания за совершенное административное правонарушение, должностное лицо ФССП России действует в рамках КоАП РФ. Так, в соответствии с принципами справедливости и соразмерности, должностное лицо определяет вид и размер административного наказания, не выходя за границы санкций, установленных Кодексом. На вид и размер наказания кроме личностных и имущественных сведений, влияет наличие смягчающих (признание вины, семейное положение, отсутствие ранее совершенных деяний) и отягчающих (продолжение противоправного поведения, многократное совершение деяния) обстоятельств [3].

Особое внимание хотелось бы уделить актуальным на сегодняшний день проблемам административно-юрисдикционной деятельности ФССП.

Во-первых, проблема применения полномочий административной юрисдикции в отношении должников по алиментам, в части определения и расчета периодов их неуплаты.

По установленным правилам, периодом неуплаты алиментных обязательств признается их неуплата не менее двух месяцев подряд в рамках возбужденного исполнительного производства. Данный срок начинает отсчитываться на следующий день после окончания срока, определенного для уплаты единовременного или ежемесячного платежа на основании судебного акта или соглашения об уплате алиментов.

К примеру, гражданин не осуществлял уплату алиментов в течении октября, первым днем отсчета является 1 ноября, а правонарушение будет окончено 1 декабря, именно с этой даты возможно привлечение его к административной ответственности.

На эту проблему было обращено внимание и Пленумом Верховного суда РФ. Так, согласно его позиции, судебные инстанции и органы надзора выражают свое несогласие со сложившейся практикой ФССП России по данному вопросу, а именно касающейся методов исчисления сроков неисполнения алиментных обязательств. В частности, речь идет о неоднозначности в составлении протоколов, касающихся привлечения по ст. 5.35 КоАП к ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов [4].

Сроки давности, как инструмент правового регулирования, служат необходимой гарантией принципа своевременного восстановления нарушенных прав и привлечения к ответственности нарушителей, поскольку они ограничивают временные рамки, в течении которых возможна реализация мер административного воздействия.

В этой связи, как отмечают юристы-практики, не теряет своей значимости проблема процессуальных сроков привлечения к административной ответственности, вытекающая из уклонения от уплаты административного штрафа по ч.1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Истечение сроков давности обусловлено наличием определенных правовых

коллизий в системе нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения. Законодательство об исполнительном производстве строго регламентирует обязательность исполнения итогового судебного акта в течении одного года с момента его вступления в законную силу. В ходе анализа положений действующей редакции КоАП, нами было установлено, что по истечению трех месяцев с момента выявления факта совершения правонарушения, виновный подлежит освобождению от ответственности.

Возникает риск правовой неопределенности, когда нарушители могут умышленно избегать уплаты штрафов, рассчитывая на истечение сроков давности. Такая ситуация ставит под сомнение справедливость равенства перед законом и создает трудности для органов правоприменения.

Одним из ключевых требований, направленных на обеспечение законности при привлечении лица к административной ответственности, выступает уведомление правонарушителя о месте и времени составления протокола надлежащим образом. На практике часто возникают ситуации, когда судебные приставы-исполнители сталкиваются с трудностями при установлении фактического местонахождения правонарушителей.

Необходимо отметить, что мировые судьи не вправе рассматривать материал по назначению наказания в виде административного ареста по ч.1 ст.20.25 КоАП РФ при отсутствии самого виновного, что обуславливается правилами исчисления срока ареста. В соответствии с ними данный срок подлежит отсчету с момента осуществления фактического задержания лица.

Даже после того, как судебный пристав ОУПДС обеспечит привод лица к судебному приставу-исполнителю и составит соответствующий протокол, должностные лица ФССП не уполномочены задержать его и доставить в суд для разрешения административного дела. В результате этого возникают ситуации, когда правонарушитель игнорирует судебные повестки и по истечении установленного срока давности, судья вынужден прекратить производство по делу.

Таким образом, производство по делам об административных правонарушениях, связанным с нарушением законодательства об исполнительном производстве, является важным инструментом для обеспечения правопорядка и защиты прав участников исполнительного производства. Однако выявленные практические проблемы деятельности ФССП России указывают на необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
2. Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание : Приказ Федеральной службы судебных приставов от 20.02.2021 № 62 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
3. Гусаков, С. Ю. Обзор позиций Верховного Суда РФ по вопросам исполнительного производства // Вестник исполнительного производства. – 2019. – № 4. – С. 15-25.
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей

или нетрудоспособных родителей: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

10. Problems of Fighting Crimes on the Internet / E. A. Kirillova, R. A. Kurbanov, N. V. Svechnikova [et al.] // Journal of advanced research in law and economics. – 2017. – Vol. 8, No. 3. – P. 849-856.

11. Вахонин Н. Л. О духовных скрепах патриотизма / Н. Л. Вахонин, Н. В. Романенко, А. В. Антонов // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2018. – № 2. – С. 124-131.

УДК 347.962.6

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

Серикова Карина Владимировна, магистрант

Замотаева Ольга Николаевна, кандидат философских наук,

доцент

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ozamotaeva@ruc.su; esina.kar@yandex.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL RESPONSIBILITY

Serikova Karina Vladimirovna, Master's Degree student

Zamotaeva Olga Nikolaevna, PhD (Philosophy) Associate Professor

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается институт дисциплинарной ответственности судей. В работе представлен детальный анализ положений кодекса этики судей на конкретных примерах из судебной практики, сделаны выводы о специфике применения положений кодекса. Также в статье сформулированы предложения по изменению кодекса этики с учетом современных условий деятельности судей и складывающейся практики правоприменения. В заключение работы авторы делают вывод о перспективах развития института дисциплинарной ответственности судей, которые непосредственно связаны с изменением кодекса этики.

Ключевые слова: дисциплинарная коллегия, дисциплинарная ответственность, кодекс этики, судья, этика поведения.

The article examines the institution of disciplinary responsibility of judges. The paper presents a detailed analysis of the provisions of the Code of Ethics of judges, using specific examples from judicial practice, conclusions are drawn about the specifics of the application of the provisions of the code. The article also contains proposals to amend the code of ethics, taking into account the current conditions of judges' activities and the emerging practice of law enforcement. In conclusion, the authors conclude about the prospects for the development of the institution of disciplinary responsibility of judges, which are directly related to the amendment of the code of ethics.

Keywords: disciplinary board, disciplinary responsibility, code of ethics, judge, ethics of conduct.

Правовой статус судьи в современном мире урегулирован многочисленными нормативными актами, определяющими характер его профессиональной дея-

тельности, а также поведение вне исполнения служебных обязанностей. Судьи, как и любые должностные лица несут ответственность за принимаемые решения и совершаемые действия, при этом это вопросы не связаны с административной либо уголовной ответственностью, они затрагивают сферу исполнения судьей своих должностных обязанностей.

Данный вид юридической ответственности именуется дисциплинарной, то есть связанной непосредственной с должностным статусом судьи и выполнения им профессиональных обязанностей. Необходимо обратить внимание, что специфика привлечения судей к административной и уголовной ответственности также присутствует, так как они являются специальным субъектом. Сама процедура привлечения их к вышеназванным видам ответственности имеет свои особенности и предполагает дополнительное уведомление соответствующих должностных лиц.

Наибольшие споры и необходимость исследования вызывает именно институт дисциплинарной ответственности судей. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что нормы, регулирующие порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности, содержат достаточно много оценочных понятий, что обуславливает их неоднозначное толкование в правоприменительной практике. Именно поэтому данный вид ответственности достаточно активно обсуждается как в научных кругах, так и среди практикующих юристов.

Векторы развития института дисциплинарной ответственности судей определяются существующим правоприменением и современными реалиями, например, информатизацией. Безусловно, институт дисциплинарной ответственности развивается, исходя из действующих нормативных положений, а также с учетом ранее накопленного практического опыта.

Основополагающая норма о дисциплинарной ответственности закреплена в статье 12.2 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», которая определяет понятие дисциплинарного проступка судей, виды накладываемых на них дисциплинарных взысканий, а также порядок привлечения их к дисциплинарной ответственности. Дефиниция дисциплинарного проступка судей, закрепленная в вышеуказанной статье, предполагает возможность применения мер ответственности не только за ненадлежащее исполнение функциональных обязанностей, но и за нарушение кодекса судейской этики и настоящего закона, которое повлекло за собой соответствующие последствия.

Более подробно требования к этике поведения судьи отражены в кодексе судейской этики, утвержденном в 2012 году на Всероссийском съезде судей. Указанный документ имеет обязательный характер для судей и активно применяется при осуществлении в отношении них дисциплинарного производства. Принятие кодексов этики, чести достаточно распространено среди государственных служащих, судебная ветвь власти также не является исключением. Анализ данного документа показал, что его положения содержат достаточно много оценочных понятий, наличие которых создает их неоднозначное толкование и применение на практике.

Очевидно, что осуществление оценки этики поведения судей в служебное и внеслужебное время невозможно осуществить без использования оценочных

понятий, с другой стороны, применять указанные оценочные понятия необходимо в совокупности со многими факторами и исходить из общепринятого их понимания. Фактически кодекс этики устанавливает две сферы регулирования этики поведения судей – это модель поведения при исполнении обязанностей и модель поведения в повседневной жизни.

Полагаем, что оценивать с этической точки зрения поведение судей в служебное время гораздо проще, так как оценка принятого решения, порядок ведения процесса с участниками производства, принятие иных решений при осуществлении правосудия осуществляется не только на основании кодекса этики, но и опирается на другие материальные и процессуальные нормы права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российской газете. – 1992. – 29 июля.
2. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 2.
3. О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 6.
3. Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017–2018 гг. и первом полугодии 2019 г (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».
4. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 19 декабря 2018 г. по делу № ДК18-73 // СПС «Гарант».
5. Румянцева, М. А. Дисциплинарная ответственность судей в Российской Федерации: проблемы и перспективы / М.А. Румянцева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – №7. – С. 139-142.
6. Факеева, Л. Е. К вопросу об участии судей в социальных сетях в рамках статуса судьи / Л. Е. Факеева // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45. – № 1. – С. 123-132.

УДК 342.7

ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ НЕПРАВОМЕРНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Танюшкин Антон Дмитриевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808106@ruc.su

PECULIARITIES AND REASONS FOR UNLAWFUL RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN RUSSIAN LEGISLATION

Tanyushkin Anton Dmitrievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В условиях развития конкретного государства и общества рано ли поздно возникают непростые, не свойственные обычным условиям критические ситуации, при которых введение конституционных ограничений правомерно рассматривается как основа обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: права человека и гражданина, органы власти, органы государственной власти, защита прав человека, ограничение прав и свобод.

In the conditions of the development of a particular state and society, sooner or later, difficult, unusual for ordinary conditions, critical situations arise in which the introduction of constitutional restrictions is rightly considered as the basis for ensuring national security.

Keywords: human and civil rights, authorities, state authorities, protection of human rights, restriction of rights and freedoms..

Проведенное исследование свидетельствует о том, что необходимость ограничений прав и свобод человека и гражданина может быть обусловлена разными обстоятельствами и факторами, но при этом, руководствуясь конституционными ценностями, связана с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, защитой конституционного строя и государственной целостности, обеспечением национальной безопасности и безопасности населения страны. Однако существование пределов соответствующих ограничений приводит к возникновению риска неправомерных ограничений прав и свобод и формирования эффективных механизмов противодействия им. Относительно определения неправомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в отечественной правовой науке разногласий практически не возникает. Большинство исследователей определяет их как такое ограничение конституционных прав и свобод, которое:

- не соответствует требованиям законодательства;
- не имеет общественно значимой цели или не соразмерно ей;
- не содержит причинно-следственной связи между целью введения и действиями уполномоченных органов;
- не имеет под собой объективной необходимости, так как соответствующая проблема может быть решена за счет использования иного средства правового регулирования [1–3].

Действующая Конституция РФ для обозначения неправомерных ограничений прав и свобод личности использует разные термины: «умаление прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 55, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ); «отрицание прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 и 2 ст. 55 Конституции РФ); «отмена прав и свобод человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ).

В свою очередь, утрата представляет собой устранение конкретного права из правовой системы в результате изменения законодательства. При любом из подобных проявлений возникает вопрос о правомерности ограничения конституционных прав, который дополнительно осложняется отсутствием в российском законодательстве эффективного и четко прописанного механизма ограничения прав. Для устранения соответствующей проблемы его необходимо разработать и внедрить. Для этого необходимо внесение изменений в федеральное законодательство. В качестве наиболее подходящего закона в данном случае выступа-

ет федеральный закон «О безопасности». Основной целью данного закона выступает правовое регулирование вопросов обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации, в связи с чем идеальным образом подходит для определения базовых теоретических и правовых основ ограничения конституционных прав и свобод, поскольку, каким бы ни было конкретное основание для таких ограничений, они все равно, так иначе, связаны с вопросами национальной безопасности. Это подтверждается и данными ретроспективного анализа.

Введение многочисленных ограничений, особенно на начальном этапе распространения пандемии, в отсутствии опыта, с одной стороны, и при необходимости остановить распространение коронавирусной инфекции – с другой, стало причиной расхождений принимаемых решений, в особенности, на региональном уровне, повлекло за собой вопросы о том, являются ли вводимые региональными властями ограничения прав и свобод законными и соответствуют ли имеющимся у них полномочиям. Для юридической оценки сложившейся ситуации стоит помнить о том, что особенности государственной политики в условиях чрезвычайных ситуаций, разрабатываются, безусловно, с учетом конституционных положений, но дополнительно детализируются и в других нормативных правовых актах.

Таким образом, введенные ограничения были обусловлены необходимостью ограничения дальнейшего распространения инфекции, соображениями национальной безопасности населения. И несмотря на то, что споры и дискуссии относительно законности отдельных ограничений начались практически сразу и в отдельных случаях продолжают до настоящего времени, соответствующие ограничения конституционных прав, с учетом характера распространения инфекции и ее негативных последствий, возникших угроз национальной безопасности, – являются оправданными и правомерными.

Таким образом, в особых условиях, в том числе в критических обстоятельствах при возникновении чрезвычайной ситуации порядок и особенности соблюдения прав и свобод, равно как и их ограничений, приобретает особую значимость. В данном случае, думается, стоит руководствоваться степенью общественной опасности и необходимостью в таких условиях рационально оценивать соотношение личных прав и общественных интересов, равно как и тем, что человек и в особенности гражданин страны обладает не только правами, но и несет определенные обязанности.

Современный этап развития общества связан с развитием и активным использованием информационных технологий, вовлечением их во все сферы деятельности. Использование информационных технологий значительно облегчает доступ населения к отдельным ресурсам, социальным благам и государственным ресурсам, но и влечет за собой возникновение особых рисков, связанных с особенностями реализации и ограничения свободы слова, обеспечения информационной безопасности.

При этом распространение информации в сети Интернет обладает определенными особенностями, связанными с динамичным характером, охватом аудитории, сложностью государственного контроля. Но при этом в условиях

развития современного общества информационное электронное пространство остается действенным инструментом воздействия на общественное мнение и настроение населения, что может повлечь за собой, при распространении, например, непроверенной или намеренно лживой информации, массовую панику, общественные волнения, негативное влияние на социальную стабильность и устойчивость, также угрожая безопасности государства, общественным интересам, препятствуя реализации отдельных прав и свобод человека и гражданина.

Для того чтобы нормы действующего законодательства в полной мере соответствовали особенностям развития общества и все более активному использованию информационных технологий в различных сферах деятельности современного человека, все большее количество изменений вносится в действующие нормативные акты. Так, например, все большее количество обращений граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, право на которые закреплено в законодательстве, осуществляется в электронном виде. Соответствующие возможности предоставлены в связи с активным развитием и продвижением официальных сайтов органов власти, созданием на них сервисов обратной связи, виртуальных приемных. Дополнительные условия для обращения созданы в связи с работой общероссийского портала «Госуслуги». В результате электронная форма обращения в органы государственной власти стала более простой и даже более доступной по сравнению с традиционным письменным обращением. Это потребовало законодательного регулирования и определения статуса таких обращений, в связи с чем в Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» были внесены изменения, которыми статус письменных и электронных обращений в органы государственной власти был уравнен между собой, а в составе Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» появились нормы, регулирующие порядок и особенности взаимодействия представителей органов государственной власти и общественности через страницы официальных сайтов органов государственной власти в сети Интернет. Одной из особенностей организации электронного взаимодействия органов государственной власти и представителей общественности, оказания государственных услуг в электронной форме выступает создание соответствующей материальной базы и технической инфраструктуры, а также формирование условий и алгоритмом обеспечения безопасности, в связи с чем стало необходимым принятие Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», а в 2019 г. внесены изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

И несмотря на все имеющиеся преимущества и необходимость цифровизации, все более активное проникновение информационных технологий в различные сферы жизни общества, позитивное влияние на эффективность работы государственных органов, качество и оперативность взаимодействия должностных лиц с представителями общественности, возникают в этой связи и дополнительные проблемы. Прежде всего, все большее количество исследователей

применяют сегодня термин «право на интернет», или «право на доступ к интернету» [4]. В зависимости от состояния инфраструктуры, а также некоторых юридических ограничений для отдельных групп людей, оно далеко не всегда может быть реализовано, в связи с чем возникают спорные ситуации.

При этом интернет-пространство остается местом, которое открыто для выражения собственного мнения, в связи с чем традиционное право на информацию принимает несколько иной вид в условиях информационного общества. Обилие информации в сети, отсутствие четких механизмов регулирования и контроля ее распространения, неоднозначный характер контента определяют особенности информационных потоков, понятие и пределы ограничений, которые должны быть связаны с качеством, достоверностью, содержанием распространяемой информации. Все более актуальным в этой связи становится повышение уровня информационной и юридической грамотности граждан. А так как электронное пространство имеет определенные особенности, в условиях его развития право на информацию трансформируется и требует особого подхода и к законодательному регулированию в целом, и к регулированию ограничений.

Ряд ограничений связан с необходимостью обеспечения общественной безопасности, заботы о морально-нравственных ценностях общества при размещении информации в сети Интернет. И в связи с отсутствием в настоящее время разработанного механизма контроля, ограничения на размещение в сети определенного рода информации приобретают особое значение. Современное общество, таким образом, находится на той стадии своего развития, когда информационные технологии и цифровые решения прочно вошли в его жизнь. Соответственно, чем раньше будет сформирована необходимая правовая база, тем большее количество противоречий будет решено максимально оперативно и мирным путем. При этом должны быть безусловно учтены как интересы государства, вопросы национальной, в том числе, информационной безопасности так и необходимость создания условий для того, чтобы права граждан не были нарушены.

В соответствии с этим необходимо разработать эффективные системы ограничений доступа несовершеннолетних граждан к информационным ресурсам сети, создать и внедрить правовые, технические и организационные основы фильтрации контента для несовершеннолетних в сети Интернет. Кроме того, необходимо установить степень и меры ответственности для родителей, которых предварительно обязать к принятию мер, связанных с ограничением детей от нежелательной информации, не соответствующей возрастным ограничениям. Всеми соответствующими вопросами при этом должны заниматься органы государственной власти, представители образовательных учреждений и организаций, правоохранительные органы, представители общественных объединений. Но для этого соответствующие граждане, сотрудники, руководители и должностные лица сами должны обладать соответствующим уровнем развития цифровых навыков, что делает вопрос повышения цифровой грамотности актуальным как для населения в целом, так и для государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
2. Котляров, С. Б. Права и свободы граждан как критерий формирования гражданского общества и правового государства в современной России // II Юридические чтения: материалы заочной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, Саранск, 09 ноября 2016 года. – Саранск : ООО «ЮрЭксПрактик», 2016. – С. 23-24.
3. Котляров, С. Б. Историческое развитие института политических прав и свобод человека и гражданина / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2020. – № 2. – С. 4.
4. Портнова, А. А. Актуальные проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в условиях введения специальных административно-правовых режимов в России / А. А. Портнова, Н. В. Орлова // Социология и право. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 236-245.

УДК: 34:32:342.5

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Тараканова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент
Пяткина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель
*Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)*
E-mail: n.g.tarakanova@ruc.su; t.yu.pyatkina@ruc.su

PUBLIC LAW FOUNDATIONS OF STATE POWER

Tarakanova Natalya Gennadievna, PhD (History), Associate Professor
Pyatkina Tatyana Yurevna, Senior Lecturer
*Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)*

В статье рассматриваются основные аспекты формирования и сущности социальной и государственной власти. Выделяются особенности государственной власти как публично-правового образования. Определяется место государственной власти среди других публично-правовых образований. Обращается внимание на противоречия и проблемы развития государственной власти. Анализируется сущность концепции единства и разделения властей. Отмечается значимость государственной власти для реализации общесоциальных целей и задач.

Ключевые слова: власть, публичный, государство, общество, право, разделение властей.

The article examines the main aspects of the formation and essence of social and state power. The features of state power as a public legal entity are highlighted. The place of state power among other public legal entities is determined. Attention is drawn to the contradictions and problems of the development of state power. The essence of the concept of unity and separation of powers is analyzed. The importance of state power for the realization of general social goals and objectives is noted.

Keywords: power, public, state, society, law, separation of powers

Несмотря на многочисленные и многолетние споры ученых о происхождении и природе государства, его целях и сущности, почти ни у кого не возникает со-

мнения в том, что необходимую принадлежность каждого государства составляет власть. В то же время истинную природу государственной власти нельзя глубоко познать без комплексного анализа самой природы социальной власти. Власть – многогранное явление, социальный феномен, который нельзя исчерпывающе определить с позиции какого-то одного научного подхода. Поэтому власть по-своему исследуют все социально-гуманитарные науки, в том числе и правовые. Формируется даже специальная наука о власти – кратология

Власть – один из универсальных и древнейших социальных институтов. Общество всегда нуждалось и будет нуждаться во власти как в необходимом условии своего функционирования. С. А. Котляревский, говоря о природе социальной власти, замечал: «...признавая, что власть первоначально создается сознанием зависимости и повиновением, мы не можем смотреть на нее, как на проекцию состояний, переживаемых подвластным» [2, с. 75]. Следует учитывать, что есть еще такая психологическая реальность, как воля к власти. Борьба человека за свое существование сопряжена с борьбой за преобладание, со стремлением захватить «чужое».

В современной науке одной из общих концепций социальной власти выступает коллективистско-волевая, которая исходит из того, что любая форма социальной власти присуща общественному субъекту (коллективу). «Абстрактно – исторически власть, это как правило, продолжение особой формы руководства коллективом, которое проистекает из общих интересов и необходимости выполнения общих дел. Такое руководство на определенной стадии является предтечей властвования и при особых условиях может перерасти в социальную власть» [4, с. 11]. Осуществление социальной власти порождает необходимость руководства и подчинения. Руководство предполагает также наличие элементов принуждения, так как в любом сообществе неизбежно возникают разногласия и противоречия, хотя бы по поводу форм и методов реализации того или иного общего интереса.

В основе подчинения одного лица другому лежит неравенство, которое может быть естественным (физиологическим, интеллектуальным и т.п.) или социальным (статусное, экономическое и т.п.). Власть, возникающая на основе естественного неравенства, всегда носит характер межличностного взаимодействия, всегда персонифицирована. Мы подчиняемся конкретному человеку до тех пор, пока он будет способен демонстрировать свое преимущество, если же он в какой-либо ситуации не проявит этой способности, мы вряд ли будем продолжать выполнять его указания.

Власть, основанная на социальном неравенстве, утрачивает свою персонифицированную форму, она носит более определенный и устойчивый характер. Мы подчиняемся руководителю отдела или директору предприятия независимо от того, признаем ли его умнее или физически сильнее нас. Такая власть воспроизводится в обществе независимо от ее конкретных участников. Она существует в постоянных формах в устоявшихся местах социального пространства (в семье, школе, на предприятии, в муниципальном образовании, в государстве и т.д.). Причина устойчивости такой власти – в ее институционализации. Власть, основанная на социальном неравенстве, является социальным институтом.

Но само по себе социальное неравенство автоматически не влечет за собой отношения власти. Власть возникает там и тогда, где устанавливаются общественные нормы и правила, позволяющие определенным группам или лицам принимать те или иные управленческие решения, которым другие должны подчиняться. При этом подчинение может быть как добровольным, так и с использованием специально предусмотренных нормами принудительных мер.

Таким образом, социальная власть понимается как основанное на действующих нормах и принуждении социальное отношение, проявляющееся в возможности и праве управления отдельными лицами, их коллективами и обществом в целом, осуществляемое для достижения социально полезных результатов.

Что касается основных признаков власти, то среди них необходимо выделить волю, доминирующее положение субъекта, а также наличие различных средств реализации власти.

Следует иметь в виду, что не всякая социальная власть имеет публичный характер, поэтому и формы принуждения и обязывания могут разными.

Наиболее жесткие формы принудительного воздействия присущи только публично-правовым образованиям, каким является государство.

Самые общие методологические предпосылки для исследования государственной власти сводятся к следующему:

- изучая государственную власть, следует учитывать ее постоянное развитие, момент изменчивости (принцип историзма);
- научный анализ государственной власти невозможен без учета многообразных связей, существующих между различными сферами общественной жизни;
- следует изучать государственно – правовые явления, ориентируясь на юридическую практику, на государственно – правовую действительность.

Государственная власть в общих чертах это «отношения публично-политического характера господства-подчинения между субъектами данной власти, опирающееся на государственное принуждение» [1, с. 553].

Однако государство в современном мире не является единственным носителем публичной власти, есть и другие публично-правовые образования, которые осуществляют властные полномочия публичного, то есть общественного характера. К таковым относятся муниципальные образования, некоторые виды территориальных автономий, а также субъекты федерации. Как отмечает Е. М. Чиркин, «любая модель публичной власти предполагает создание органов публичной власти, которые в масштабе своей территории осуществляют властное управление» [4, с. 24].

Отличительной особенностью государственной власти является ее распространение на всей территории страны и ее верховенство по отношению к другим субъектам публичной власти. Государственная власть носит по отношению к ним учредительный характер, создавая для них правовую основу, легитимизирует существование других публично-правовых образований.

Государство выступает монополистом принуждения, это юридически выражается в том, что эта власть трактуется как первоначальная, ниоткуда не заимствованная. Она, в отличие от патриархальных видов власти отделена от подвластных. Положение подданного или гражданина, выражающие его связь с

государством, гораздо более отвлеченно, чем положения члена родовой или общинной организации. В государственный союз входят разнообразные группы людей, зачастую не связанные между собой и даже противостоящие друг другу.

Нельзя отрицать, что в государственной власти есть внутренняя противоречивость. С одной стороны, в ней есть опасность полного порабощения, которое может вступить в противоречия с чувством самосохранения подвластных, а с другой, она способна выступать культурно-этической ценностью и выполнять социально значимые задачи и функции, которые не может взять на себя ни один властный институт.

Одной из закономерностей развития государственной власти является расширение ее общесоциальных функций и правовых начал. Правовой характер, присущий государственной власти, является необходимым условием для обеспечения господства права среди других общественных институтов.

Это власть легитимная, что означает признание и поддержку гражданами государства и его институтов. В отличие от легальности, легитимность в большей степени состояние не юридическое, а фактическое и неформализованное (т.е. не имеющее формального закрепления). Легитимация, т.е. приобретение властью общественного признания, напрямую связана с интересами людей, которыми данное государство управляет. Но поскольку интересы разных социальных групп неодинаковы, то легитимность оценивается с точки зрения ее соответствия интересам большинства населения или наиболее общим потребностям всех граждан (обеспечение безопасности, социального благополучия, порядка и т.п.).

Еще одним важным аспектом, связанным с характеристикой государственной власти, является сочетание единства и разделения государственной власти. С одной стороны, государственная власть едина по своим сущностным и целевым параметрам, а, с другой, в ней могут быть заложены принципы разделения властей, с учетом социальной и политической необходимости.

Но следует согласиться с мнением известного правоведа И.Я. Фойницкого, который, критически оценивая известную теорию Ш. Монтескье, писал: «Взаимное отношение ветвей государственной власти не может быть понимаемо в смысле механического их разграничения. Государство – не мертвый механизм, слагающийся из частей, которые живут самостоятельной жизнью, а органическое целое; власть государственная – не совокупность властей, а единая власть, в разных сферах проявляющаяся». Общий закон разделения труда с развитием культуры отражается и на государстве, вызывая разделение его функций по нормированию отношений, разрешению юридических споров, ведению внутренней и внешней политики, и создание для каждой из них особых, наиболее пригодных органов [3, 159с.].

Единство власти совсем не предполагает сосредоточение ее в одних руках. Оно подразумевает, что единым является источник власти – нация, народ, от лица которого и в интересах которого осуществляется общее управление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомеров, И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. – Москва, 2002.

2. Котляревский, С. А. Власть и право. Проблема правового государства. – Москва, 1915.
3. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т.1. Изд. 4. – Санкт-Петербург, 1912.
4. Чиркин, В. Е. Модели публичной власти и современность // Вопросы правоведения. – 2015. – № 4. – С. 10-31.

УДК 342.2

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ
В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Федоров Валерий Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807311@ruc.su

**ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE FEDERAL BAILIFF
SERVICE IN THE FIELD OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS**

Fedorov Valery Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Современному этапу общественного развития свойственно укрепление государственности и повышение качества государственного управления. Для института судебных приставов также характерна высокая степень динамизма в обновлении законодательных подходов к регулированию исполнительного производства и деятельности в его рамках ФССП.

Ключевые слова: федеральная служба, судебные приставы, судебное решение, исполнительное производство, государственное управление.

The modern stage of social development is characterized by strengthening statehood and improving the quality of public administration. The institution of bailiffs is also characterized by a high degree of dynamism in updating legislative approaches to the regulation of enforcement proceedings and activities within its framework of the FSSP.

Keywords: federal service, bailiffs, court decision, enforcement proceedings, public administration.

Важнейшим параметром обеспечения успешности и эффективности функционирования судебной системы в целом является надлежащее исполнение судебных решений. Своевременное и полное воплощение в жизнь заключений суда служит основным гарантом соблюдения интересов и прав граждан, поскольку само принятое решение реализует присущую ему функцию их восстановления только в результате неукоснительного и точного исполнения. Соответственно, неисполненное решение суда по гражданским делам своей цели не достигает и утрачивает свой смысл и предназначение, дискредитируя судебную деятельность. Конечно, оптимальным вариантом представляется исполнение судебного (либо иного юрисдикционного органа) акта обязанным субъектом в добровольном порядке. Тем не менее, практика неоднократно доказывала, что более результативным во многих случаях оказывается метод внешнего принуж-

дения, чем действия конкретного субъекта в соответствии со своим внутренним убеждением. Следовательно, потребность в существовании исполнительного института бесспорна и диктуется фактическими и юридическими отношениями, существующими в современном обществе, поскольку решение суда, вступившее в законную силу, имеет обязательный характер и подлежит безусловному исполнению в силу конституционного принципа законности.

Специфическая особенность исполнительного производства заключается в его принудительности, не зависящей от желания и воли обязанных лиц. В период зарождения судебной системы как органа разрешения споров происходило самостоятельное восстановление своего нарушенного права пострадавшей стороной, несмотря на принятое в ее пользу решение. В процессе укрепления государственности исполнительские функции приняло на себя государство в лице специальных органов, призванных их выполнять, и выработав соответствующие регламенты их действий.

Федеральный закон от 02 октября 2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», регламентирующий механизмы и процессы исполнительного производства не содержит нормативного определения данной юридической детерминанты и ограничивается отсылкой к общим положениям. Статья 1 указанного закона, устанавливая сферу его действия, называет акты, подлежащие исполнению, субъекты и содержание (передача денежных средств либо имущества, совершение конкретных действий либо воздержание от них) воздействия, реализуемого в процессе исполнения. При этом в качестве основной задачи Закона ставится своевременное и точное исполнение названных актов, нацеленных на защиту и восстановление нарушенных интересов и прав, решение которой служит условием для достижения целей исполнительного производства.

Отсутствие законодательно закреплённой трактовки конструкции «исполнительное производство» позволяет придавать ей несколько отличную смысловую нагрузку в зависимости от взглядов на природу данного явления. Например, словарь юридических терминов трактует исполнительное производство как законодательно установленный «порядок принудительной реализации постановлений судов и других юрисдикционных органов; заключительную стадию гражданского и арбитражного процесса» [1]. При этом подчеркивается, что содержание указанной стадии заключается в реализации либо судебного акта, защищающего права и интересы конкретных субъектов, либо актов иных органов, уполномоченных на вынесение таковых в отношении граждан и организаций. Совокупность действий и процессов по исполнению требований, определенных актами гражданской юрисдикции, выполняют соответствующие государственные органы.

В учебной литературе встречаются и иные толкования сущности дефиниции «исполнительное производство», и во многом разница формулирования обуславливается тем, как видят их авторы место данного юридического феномена в отечественной системе законодательства.

Говоря о месте исполнительного производства в российском законодательной системе, следует отметить наличие в литературе нескольких подходов к решению данного вопроса.

Так, на рубеже XIX–XX вв. в юридической науке имела место позиция, в соответствии с которой исполнительному производству придавался внепроцессуальный характер в силу его бесспорности либо исполнительное производство воспринималось как «полицейское право», поскольку спор уже разрешен в судебном порядке и исполнение решения выходит из сферы судебной власти.

В соответствии с традиционной точкой зрения, пришедшей из советской эпохи, исполнительное производство рассматривают в качестве части гражданского процессуального права, а конкретно – заключительной стадии гражданского судопроизводства. В процитированном выше определении из словаря юридических терминов отражен именно этот подход. Данная концепция исходила из того факта, что регламентирование исполнения судебных решений содержалось в нормах Гражданского процессуального кодекса, и доминировала до 1997 г., до момента первого обновления законодательства об исполнительном производстве, тем не менее, известна и поддерживается она и сегодня. Приверженцы данной позиции, среди которых А. Т. Боннер, Г. Л. Осокина, А. К. Сергун, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот и др., обосновывали ее тем, что стадия исполнения, во-первых, реализует функцию защиты субъективных законных интересов и гражданских прав; во-вторых, есть следствие рассмотрения гражданского дела, т.к. принятое судом и вступившее в силу судебное решение обязательно к исполнению; в-третьих, заканчивает процесс гражданского судопроизводства по конкретному делу и не переходит ни в какую иную его стадию. Также сходство принципов гражданского и арбитражного процессов, действующих в сфере исполнения, позволяет сторонникам рассматриваемого подхода говорить об общем методе исполнительного производства, несмотря на опору на различные процессуальные кодексы.

Кроме того, участие суда в ходе исполнительного производства в части, например, приостановления, прекращения и т.д. исполнительных действий, по мнению юристов, считающих исполнительное производство заключительным элементом гражданского процессуального права, является дополнительным аргументом для доказательства своей правоты. Однако в современных реалиях с данной позицией трудно согласиться, поскольку действующим законодательством исполнительное производство из сферы судебной власти выведено. Органы исполнения не участвуют в разрешении правовых конфликтов и работают с уже готовыми решениями, и не только судебными.

Известен также подход, сформировавшийся в 1997 г. после произошедшей реформы исполнительного производства, в соответствии с которым исследуемый юридический феномен рассматривается как подотрасль административного права (административного процесса) на том основании, что служба судебных приставов как орган принудительного исполнения обладает особым правовым положением. Как должностное лицо исполнительного органа власти, судебный пристав-исполнитель наделен определенными властными полномочиями в отношении других субъектов исполнительного производства. Комментируя данную позицию, важно обратить внимание на несколько моментов. Если речь идет о соотношении правовых норм, регламентирующих исполнительное производство, и норм административного права, то нельзя отрицать того, что об-

ществленные отношения, возникающие в сфере принудительного исполнения, организационные вопросы деятельности органов принудительного исполнения, вопросы правового статуса судебных приставов и особенности прохождения ими службы, имеющей статус государственной и т.д., составляют предмет регулирования административного права. Но, как справедливо отмечает Д. Я. Малешин, существует две причины, не позволяющие включать правовые нормы исполнительного производства в структуру административного права: действиям судебного пристава в рамках исполнительного производства присуща определенная процессуальная форма, опирающаяся на отдельные принципы гражданского процесса; суд принимает участие в исполнительном производстве как самостоятельный участник в части судебных постановлений, и его деятельность относится к сфере регулирования административного права [2].

Сомнительным представляется и мнение о сходстве уголовно-исполнительного права и исполнительного производства. Да, в обоих случаях специальные органы выполняют властные предписания, выработанные в процессе рассмотрения юридических дел. Но для норм уголовно-исполнительного права характерна направленность на личность правонарушителя. Исполнительное производство связано с изменением имущественного статуса его субъектов посредством принуждения к определенным действиям, либо напротив, к воздержанию от них. Это ключевое отличие и влечет разницу в методах и принципах правового регламентирования.

Таким образом, природа исполнительного производства имеет неоднородный характер. Следует подчеркнуть, что практически все авторы, работающие в рассматриваемой юридической области, указывают на различие дефиниций «исполнительное производство» и «исполнительное право», и, тем не менее, необоснованно их смешивают в ходе дискуссий и часто используют в качестве синонимов. На самом деле исполнительное право более широкое понятие, чем исполнительное производство.

Безусловно, законодательство, регламентирующее исполнительное производство, опирается на Конституцию РФ. Кроме того, просматривается тесная связь исполнительного права с другими сферами общей правовой системы (гражданской, семейной, трудовой, жилищной и др.), как процессуальными, так и материальными, что только подчеркивает его самостоятельность.

Важной содержательной характеристикой исполнительного производства является сочетание в нем черт и диспозитивности, и императивности. Спор о праве в исполнительном производстве отсутствует, оно не состязательно. Юрисдикционный акт, вступивший в законную силу, уже устанавливает обязанности и права сторон. Наличие самого исполнительного документа и соответствующего органа, уполномоченного на его исполнение, придает данному процессу авторитарные качества. В ходе исполнительного производства требуется только эффективная и быстрая реализация назначенных предписаний, не меняющая их сущности, и отношения, возникающие при этом имеют характер власти-подчинения. В данной ситуации правовое положение взыскателя детерминируется в большей части диспозитивными свойствами правового регулирования. Для правового положения должника, напротив, на первый план выходят импе-

ративные начала, поскольку он, в силу обязанности выполнить принятое решение, располагает ограниченным количеством вариантов поведения.

Ряд принципов, на которые опирается правовое регулирование исполнительного производства не нашло непосредственного законодательного закрепления. Так, в рамках принудительного исполнения важное значение имеет принцип равенства его субъектов перед законом и органами принудительного исполнения, который базируется на конституционных положениях равенства граждан перед законом вне зависимости от социальных, экономических, политических и прочих обстоятельств. Тем не менее, на основании соответствующего постановления Конституционного суда РФ действует принцип преимущественной защиты интересов взыскателя [3].

Итак, исполнительное производство представляет собой конкретную юридическую деятельность, существующую вне судебного процесса, но в рамках целостной системы правового регулирования. Содержание исполнительного производства составляют определенные исполнительные действия и допустимые меры принудительного характера, способствующих достижению конкретной цели – фактического исполнения требований, изложенных в правоустанавливающем документе. Важнейшим свойством исполнительного производства является его принудительность, не зависящая от желания и воли обязанных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь юридических терминов. – URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/604/ispolnitelnoe-proizvodstvo.htm?ysclid=lbopwj0y5b85047995>(дата обращения: 23.10.2024).
2. Малешин, Д. Я. Исполнительное производство : учебное пособие. – Москва : Статут, 2020. – 144 с.
3. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 342.2

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДАЧ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Федоров Валерий Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807311@ruc.su

GENERAL DESCRIPTION OF THE TASKS OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA AND THEIR CLASSIFICATION

Fedorov Valery Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Цели и задачи конкретного органа государственной власти определяют его предназна-

ние в общей системе государственного управления и порядок функционирования в качестве субъекта административных правоотношений.

Ключевые слова: федеральная служба, судебные приставы, судебное решение, исполнительное производство, государственное управление.

The goals and objectives of a particular public authority determine its purpose in the general system of public administration and the procedure for functioning as a subject of administrative legal relations.

Keywords: federal service, bailiffs, court decision, enforcement proceedings, public administration.

Цели и задачи конкретного органа государственной власти определяют его предназначение в общей системе государственного управления и порядок функционирования в качестве субъекта административных правоотношений. В рамках понятийного аппарата современной правовой доктрины часто производится смешивание категорий «цели» и «задачи». В законодательных актах действует та или иная дефиниция, либо обе вместе. Законодательство, регламентирующее исполнительное производство, активнее оперирует понятием задачи, полагая, что результативное их решение способствует успешному достижению цели. Задачи ФССП как основы государственной системы принудительного исполнения имеют законодательное закрепление и призваны обеспечивать претворение в жизнь целей и задач исполнительного производства, а более конкретно – защиты законных интересов и прав конкретных субъектов.

Перечень задач, возложенных на органы принудительного исполнения, к коим относится ФССП, содержит статья 6.5 Закона «Об органах принудительного исполнения». Кроме того, основные задачи службы судебных приставов зафиксированы в Положении о ФССП, утвержденном соответствующим Указом Президента РФ. Иначе говоря, задачи, поставленные государством перед органом исполнительной власти, обретают возможность их реализации посредством их постановки перед должностными лицами (судебными приставами) данной властной структуры, в рамках их профессиональной деятельности.

Приведенный список достаточно обширен и разнообразен. Названные задачи регулярно дублируются в ежегодно обновляемой Публичной декларации целей и задач ФССП. Линейное перечисление задач, которым пользуется законодатель, подчеркивает обязательность выполнения каждой из них, невозможность пренебрежительного отношения к какой-либо конкретной задаче. Вместе с тем, понимание того, что образование конкретного органа власти детерминировано необходимостью решения одной или нескольких первоочередных, первостепенных по важности задач, приводит к необходимости их иерархической классификации. Потребность систематизации задач ФССП проистекает из их неравноценности в деятельностном плане и способствует более глубокому их пониманию и, соответственно, более четкому и точному их решению.

Если в качестве критерия систематизации рассматривать социальную значимость конкретной поставленной задачи ФССП России в рамках системы отечественных конституционно-правовых ценностей, сопутствующей современному этапу общественного развития в России, то можно выделить два уровня задач: структурообразующие; сопутствующие [1].

Задачами структурообразующего характера обусловлено образование конкретного органа исполнительной власти, в данном случае – ФССП, а также формирование его обособленного и специфического статуса. Сопутствующие задачи имеют вспомогательные свойства, а структурообразующие задачи, безусловно, должны доминировать. Эффективность деятельности службы судебных приставов зависит от степени успешности воплощения именно структурообразующих задач в рамках административно-исполнительной деятельности.

Ведущая направленность деятельности ФССП к принудительному исполнению юрисдикционных актов правильно и своевременно позволяет именно эту задачу выделить в качестве структурообразующей. Эффективное решение данной задачи показывает действенность всего механизма государственного правового регулирования. Как вспомогательные задачи в данном случае можно рассматривать определение порядка и условий работы механизма принудительного исполнения, решение организационных вопросов.

Однако следует заметить, что задача по обеспечению деятельности судов различных инстанций, в контексте именно исполнительного производства имеет все-таки второстепенный, сопутствующий характер. С одной стороны, если отталкиваться от понимания задач органов принудительного исполнения в широком смысле, то задачи по обеспечению деятельности судов и по исполнению актов юрисдикционных органов, то названные задачи первоочередные и равноценные. С другой стороны, если исходить из основной задачи исполнительного производства, поле деятельности сотрудников ФССП несколько сужается и дифференцируется. Тогда названные задачи уже не выглядят эквивалентными.

Исполнение юрисдикционных актов является следствием, логически вытекающим из факта выработки и принятия данных актов. Данные действия производятся в целях защиты ущемленных интересов и прав. Гарантированность работы органов, выносящих соответствующие акты для последующего исполнения, обеспечение их надлежащего функционирования достигается с помощью приставов по ОУПДС, выполняющих важную и необходимую вспомогательную задачу по отношению к непосредственному исполнению документа.

Возвращаясь к обозначенной классификации задач Федеральной службы судебных приставов, следует отметить неоднородность задач вспомогательного характера, которые можно дифференцировать в зависимости от формы обеспечения выполнения основной стержневой задачи на фактические (непосредственные) и юридические (косвенные) [2].

Следует заметить, что при анализе дознавательской деятельности сотрудников ФССП речь идет задаче, связанной с реализацией законодательства из области уголовного судопроизводства в пределах подследственности ФСПП. Данная конструкция представляется неудачной. Формулировка задачи как «исполнение законодательства» не конкретна и не дает ее качественных характеристик. Деятельность должностных лиц службы в данном случае опосредует определенную стадию уголовного процесса. В этой связи более целесообразным представляется данную задачу именовать как «обеспечение досудебного производства в виде дознания в отношении действия, относимого к подследственности ФССП».

Что касается административно-деликтной деятельности ФССП, то специалисты, бесспорно, признают судебных приставов в качестве полноценных субъектов административной юрисдикции. Работая в данном направлении, должностные лица службы воздействуют на нарушителей закрепленного порядка исполнения юрисдикционных актов, чем, в целом, способствуют соблюдению установленного порядка государственного управления. Поэтому логично деятельность ФССП в рамках административно-деликтной юрисдикции считать сопутствующей, но самостоятельной задачей данного органа исполнительной власти, требующей адекватного закрепления в законодательстве.

Межгосударственный розыск лиц, вмененный судебным приставам в качестве задачи, подразумевает исполнительно-розыскные действия в отношении обязанных лиц, реализуемые при взаимодействии с компетентными органами зарубежных стран, в рамках исполнения судебных решений. Сложившаяся в стране негативная практика коллекторских агентств дискредитировала данную сферу и остро поставила вопрос об ее контроле и регулировании. Вектор взаимодействия государственной исполнительной системы и коллекторских организаций, реализуемый посредством работы с реестром юридических лиц, сферу деятельности которых составляет возврат просроченных задолженностей, направлен к максимально продуктивной защите прав и интересов граждан, организация и общества в целом.

Значимость каждой из выделенных групп сопутствующих задач во многом определяется общим состоянием гражданского общества в стране и уровнем правовой культуры личности. Так, в условиях низкой правовой сознательности граждан силовое, физическое обеспечение деятельности службы будет превалировать. По мере развития и роста правосознания происходит смещение в область позитивно-обязывающей составляющей процесса исполнения правоустанавливающих актов, и объем задач, решаемых для фактического обеспечения выполнения структурообразующей задачи, будет снижаться. Соответственно, значимость задач юридического обеспечения будет усиливаться.

Безусловно, решение сопутствующих задач способствует более эффективно и продуктивно решению базисных задач. Однако излишнее увлечение вспомогательными задачами, возрастание их объема идет в ущерб структурообразующей деятельности, отвлекая от нее и время, и силы.

Итак, задачи ФССП конкретны и детерминированы реальными возможностями государства. Ясное понимание данных задач способствует адекватной организации деятельности Федеральной службы судебных приставов, решению связанных административно-правовых вопросов и, в конечном итоге, определяет социальное назначение данной государственной структуры в сложившейся системе общественно-государственных координат. В этой связи представляется возможным весь перечень задач, законодательно назначенных службе, классифицировать на задачи структурообразующего качества и сопутствующие задачи, являющиеся вспомогательными, способствующими оптимальному функционированию ФССП в целом как органа государственной власти, действующего в целях правовой защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малешин, Д. Я. Исполнительное производство : учебное пособие. – Москва : Статут, 2020. – 144 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.

УДК 34

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Федотова Клавдия Семеновна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: klavdiya_fedotova00@mail.ru

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE LIABILITY OF MINORS

Fedotova Klavdia Semenovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассмотрены нормативно-правовые акты федерального и международного законодательства, имеющие прямое отношение к административной ответственности несовершеннолетних. Рассмотрены пробелы в законодательной части нормативной базы, предложены варианты их закрытия. Внесены предложения по созданию единого нормативного акта административной ответственности несовершеннолетних и предложена проектная деятельность в области данной темы.

Ключевые слова: правовое регулирование, международные нормативно-правовые акты, законодательная база, административная ответственность, федеральное законодательство, защита прав и свобод несовершеннолетних.

The article examines the normative legal acts of federal and international legislation that are directly related to the administrative responsibility of minors. Gaps in the legislative part of the regulatory framework are considered, and options for closing the gaps in them are proposed. Proposals are made to create a single normative act on administrative responsibility of minors and project activities in the field of this topic are proposed.

Keywords: legal regulation, international normative legal acts, legislative framework, administrative responsibility, federal legislation, protection of the rights and freedoms of minors.

Актуальность темы административной ответственности несовершеннолетних обусловлена важностью защиты их прав и интересов, а также необходимости профилактики правонарушений среди молодежи. Нормативно-правовое регулирование данного вопроса включает в себя комплекс законодательных актов и процессуальную направленность на справедливое и гуманное отношение к несовершеннолетним правонарушителям. В связи с ростом числа правонарушений среди несовершеннолетних, требуется пересмотр действующего законодательства, устранения пробелов. Необходимо разграничить особенности привлечения к ответственности несовершеннолетних от привлечения к ответственности взрослых лиц и закрепить их на законодательном уровне.

Российская Федерация – дипломатическое государство, которое взаимодействует с внешними странами, придерживается принципов, являющихся основополагающим началом любого демократического государства, отдает приоритет правам и свободам человека и гражданина.

В нашей стране существуют несколько видов юридической ответственности – уголовная, дисциплинарная, гражданско-правовая и административная. Распространенным видом юридической ответственности среди несовершеннолетних – административная. Нормативное регулирование этой сферы, кроме отечественного законодательства, носит международный характер и рассматривается на мировой арене.

Конституция Российской Федерации является главным источником закона, фундаментальной основой российского законодательства, закрепляет права и свободы каждого гражданина, независимо от возраста. Ст. 38 Конституции РФ закрепляет, что «материнство и детство, семья, находятся под защитой государства». Статья определяет важность обеспечения интересов несовершеннолетних, включая и административную ответственность [1].

Принятие в 2002 году Кодекса об административных правонарушениях, ознаменовало собой некое закрепление правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Возраст, с которого могут привлечь подростков к ответственности по КоАП – 16 лет. В нём закреплены правонарушения, которые не влекут за собой наступления уголовной ответственности (мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков, употребление наркотических веществ, нарушение правил дорожного движения) [2].

К примеру, такое административное правонарушение, как хулиганство есть в уголовном законодательстве. Зачастую подростки, совершая хулиганство, не совсем понимают характер своих деяний и попадая под статью, начинают говорить, что их действия носили случайный характер. От этого и происходит путаница, возможно, законодателю следует более подробно разграничить отличительные черты административного хулиганства от уголовного. Распространенные меры наказания для несовершеннолетних – это предупреждение и штраф. Однако к ним могут быть применены иные меры: помещение несовершеннолетних по решению суда в специальные воспитательные учреждения закрытого типа.

Так же следует рассмотреть вопрос о возрасте наступления административной ответственности. Она наступает с 16 лет, однако подростки вполне отдают себе отчет в своих действиях и с 14 лет. В этом возрасте они получают свой первый правовой документ – паспорт. Получение паспорта стоит расценивать со стороны государства как доверие их возрасту.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определяет систему мер профилактики и предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, а также участие различных государственных и общественных организаций в этом процессе. Предупреждение безнадзорности, правонарушений и антиобщественных действий – приоритетные задачи государственной политики в интересах детей. В основном действие документа распространяется на детей, которые живут в неблагополучных семьях, воспитываются родителями-

одиночками. Следовательно, отследить таких детей, намного проще. Так же есть случаи, когда правонарушения совершают дети из благополучных семей, и этому не придают особого значения. К примеру, в этот нормативный документ следует добавить несколько положений: выявление на раннем этапе таких детей, работа с психологами, проведение работы с семьями [3].

Федеральное законодательство в отношении детей в основном складывается из нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав и свобод несовершеннолетних, охрану здоровья, воспитания в семье. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» предусматривает создание комиссий по делам несовершеннолетних, оказание психологической и медицинской помощи детям.

Вопросы безнадзорности, административных правонарушений, профилактики безнадзорности, напрямую касаются международных нормативно-правовых актов. В комплексе с федеральным законодательством правовому регулированию придается международный статус [4].

В работе с несовершеннолетними, оказавшихся перед лицом правосудия – судьи, адвокаты, специалисты руководствуются международным актом Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 10 декабря 1985 г. В документе собраны рекомендации по обращению с несовершеннолетними. Прописаны принципы: презумпция невиновности, индивидуализация обращения с нарушителями и другие. Международные нормативно-правовые акты должны применяться и быть обязательными к исполнению. Зачастую при отправлении правосудия ссылаются на федеральное законодательство, игнорируя международное. Российская Федерация – дипломатическая страна, поэтому международное законодательство имеет место быть [5].

Конвенция о правах ребенка от 05 декабря 1989 г., оказывает непосредственное влияние на отечественное законодательство, включая вопросы административной ответственности. Положения Конвенции направлены на защиту интересов ребенка, защиту своих прав, применения альтернативных мер воздействия, способных понять и избежать негативных факторов, способствующих распространению преступной деятельности. Тем не менее, после ратификации Конвенции о правах ребенка, отечественное законодательство придерживается принципов в соответствии с её положениями.

Проводя анализ международных нормативно-правовых актов, касающиеся вопросов обеспечения прав ребенка, профилактики правонарушений, условий обращения с несовершеннолетними, можно сделать вывод, что международное законодательство имеет достаточную нормативную систематизацию. Они охватывают все сферы прав и свобод несовершеннолетних [6].

В стране широко набирает оборот проектная деятельность. Некоторые проекты могут помочь решить реальные проблемы общества. Следует рассмотреть создание какого-либо полезного и современного проекта для несовершеннолетних в сфере административной ответственности. В качестве примера интересно разработать мобильное приложение, где будут предоставлены советы, актуальная информация, и важный пункт, обеспечен доступ к голосовому помощнику по вопросам административной ответственности, как для подростков, так и для

родителей. Такой проект будет иметь свою практическую значимость и легкость в применении.

Подводя итог вышесказанному, следует перечислить проблемы и перспективы нормативного регулирования данного вопроса.

Во-первых, пробелы и недостатки законодательной базы. Например, в КоАП не проработаны вопросы мер принудительного воспитательного воздействия, мало уделено внимания профилактике работы с детьми.

Во-вторых, при отправлении правосудия не всегда соблюдаются международные рекомендации, почти игнорируются вопросы справедливости при привлечении несовершеннолетних к ответственности. Следует повысить квалификацию сотрудников, работающих с такими подопечными.

В-третьих, перспективы. Необходимо усовершенствование законодательной базы и правоприменительной практики в вопросе административной ответственности несовершеннолетних. Разработка современных методов, новых подходов в профилактике правонарушений, внедрение новых программ реабилитации.

Все вышеперечисленные нормативно-правовые акты затрагивают административную ответственность несовершеннолетних частично. Разработка единого кодифицированного документа в этой области поможет создать единый подход к привлечению их к ответственности, а также систематизировать нормы административной ответственности, обеспечив при этом соблюдение их прав и интересов [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (в ред. от 04.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144 (8198).

2. Кодекс об административных правонарушениях: федеральный закон от 20.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 14.10.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 18. – Ст. 1721.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 21.11.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

УДК 343.121.5

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Филиппова Людмила Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807109@ruc.su

PROSPECTS FOR IMPROVING LEGISLATION ON THE RIGHTS OF MINORS

Filippova Lyudmila Yurievna, master's student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринята попытка переосмысления особенностей конституционно-правового статуса ребенка во всей совокупности составляющих его элементов в связи с принятыми в 2020 году поправками в Конституцию Российской Федерации о приоритете ребенка в государственной политике и обязанности государства обеспечить российским детям достаточные условия для всестороннего развития.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, законодательство о несовершеннолетних, защита прав детей, государство.

The article made an attempt to rethink the peculiarities of the constitutional and legal status of the child in the totality of its constituent elements in connection with the adopted amendments of 2020, to the Constitution of the Russian Federation, on the priority of the child in state policy and the obligation of the state to provide Russian children with sufficient conditions for comprehensive development.

Keywords: minors, children, legislation on minors, protection of children's rights, state.

Принятие поправок в Конституцию Российской Федерации обуславливает одно из направлений государственной политики по защите детей в виде совершенствования законодательства в целях реального обеспечения заявленных целей предоставления российским детям достойных условий жизни, широких возможностей их всестороннего развития, а также исполнения обязанностей государством по правовой защите и социальной поддержке детей. Выявленные недостатки юридического механизма защиты прав несовершеннолетних, а также многочисленные трудности в реализации их прав, обуславливающие бедственное положение детей в Российской Федерации, требуют действенных мер, прежде всего, на законодательном уровне. Провозглашенные в Конституции РФ и федеральных законах принципы, права ребенка и гарантии их реализации не находят практического применения в правоотношениях с участием несовершеннолетних должным образом. Наличие объективной необходимости совершенствования законодательства создает предпосылки для научных исследований законодательных пробелов и перспектив развития российской правовой системы в рамках института защиты детей.

Ряд авторов в своих работах утверждают, что «право ребенка на жилье: некоторые проблемы обеспечения» утверждает, что «в силу наличия кровных уз и родства факт существования семейных отношений не может зависеть от совместного или раздельного проживания либо наличия или отсутствия родственных чувств между родителями и детьми» [1–3]. Авторы также критикует положения статьи 31 Жилищного кодекса РФ и судебную практику ее применения, поскольку родитель обязан обеспечить ребенка жильем, следовательно, не вправе лишать ребенка жилого помещения на основании раздельного проживания, причем в силу несамостоятельности, зависимости и уязвимости ребенок не имеет возможности определять, с кем из родителей и в каком жилом помещении он будет жить [4–6].

В процессе защиты конституционных прав несовершеннолетних на общедоступное бесплатное образование Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка выявлены многочисленные проблемы реализации данного права, связанные с общедоступностью и бесплатностью дошкольного и начального общего образования, проблемами транспортной и пешеходной доступности образовательных учреждений, аварийным состоянием зданий, организацией проведения государственной итоговой аттестации [7].

Вышеперечисленные проблемы нарушений основополагающих конституционных прав несовершеннолетних на жизнь, защиту от жестокого обращения, любых форм и проявлений насилия, жить и воспитываться в семье в условиях, достаточных для всестороннего развития, на содержание, социальную помощь, обеспечение жильем, доступное бесплатное образование и медицинскую помощь свидетельствуют об острой необходимости неотложных мер.

В целях полноты исследования проблемы конституционно-правового статуса ребенка в Российской Федерации в первую очередь представляется необходимым определить понятие «ребенок» (во множественном числе – «дети») как субъекта правового статуса, носителя предоставленных ему российским законодательством прав и обязанностей. С понятием «ребенок» в юридической литературе, а также в нормативных правовых актах Российской Федерации неразрывно связаны смежные понятия «дети», «подросток», «несовершеннолетний» [8].

Особенностями конституционно-правового статуса ребенка являются специальный конституционный принцип приоритета интересов детей в политике государства, дополнительные юридические гарантии защиты семьи и детства, обеспечения достаточных условий для всестороннего развития ребенка, приоритет семейного воспитания, реализация прав и свобод несовершеннолетних посредством наложения соответствующих обязанностей на их родителей или заменяющих их лиц, а также юридическая ответственность последних за неправомерное поведение детей, повлекшее причинение имущественного вреда или нарушение общественной безопасности и правопорядка. Ответственность несовершеннолетних за дисциплинарные проступки, административные правонарушения и уголовные преступления смягчена законодателем в сравнении с ответственностью совершеннолетних лиц.

Во-первых, представляется необходимым уточнить понятийный аппарат в действующем законодательстве Российской Федерации. Проблема разграничения понятия «ребенок», употребляющегося как в смысле несовершеннолетнего субъекта права, так и в значении его юридической взаимосвязи с родителями создает высокий риск юридических ошибок в правильном толковании контекста понятий, от которого напрямую зависит эффективность правоприменения. Например, говоря о ребенке как о члене родительской семьи, предполагается первостепенная ответственность родителей за его благополучие. Ребенок как самостоятельный несовершеннолетний субъект права может в соответствии с конституционными принципами рассчитывать на поддержку общества. Разграничение указанных понятий положит начало формированию социальной ответственности совершеннолетних граждан, в первую очередь лиц, обязанных заботиться о ребенке в силу профессиональной компетенции (должностные лица в сфере защиты детей, работники медицины, образования, культуры и спорта и другие), повлечет изменения в правосознании в виде понимания принципа «каждый ребенок является национальным достоянием. Благополучие детей – ответственность каждого из нас». Для этих целей предлагается для определения ребенка как субъекта правоотношений использовать исходное понятие «ребенок». В контексте взаимосвязи ребенка с родителями в законодательстве ис-

пользовать расширенные понятия «родной ребенок», «усыновленный ребенок», «приемный ребенок», в правоприменительной практике – «ребенок как член семьи» с целью недопущения дискриминации детей по признаку формы их семейного устройства.

Во вторых, представляется целесообразным внести изменения в Семейный кодекс Российской Федерации: обязать родителей открывать номинальный счет, на который подлежат зачислению социальные пособия на ребенка, а также любые иные положенные ребенку выплаты, в том числе алименты и выплаты по потере кормильца и отчитываться перед органом опеки и попечительства о расходовании средств с номинального счета.

Аналогичное положение содержится в статье 37 Гражданского кодекса Российской Федерации, которой предусмотрены ограничения по распоряжению денежными средствами опекуном (попечителем) в интересах подопечного. Так, распоряжение доходами подопечного осуществляется с предварительного согласия органа опеки и попечительства. Для зачисления алиментов, социальных выплат, компенсаций вреда здоровью, выплат по потере кормильца и всех иных аналогичных выплат опекун (попечитель) открывает специальный номинальный счет, распоряжается этими средствами в интересах подопечного по своему усмотрению и предоставляет отчет о расходовании средств с номинального счета органу опеки и попечительства [9].

На наш взгляд, подотчетность родителей за расходование причитающихся ребенку выплат исключительно в интересах ребенка будет способствовать обеспечению ребенка достаточными условиями жизни, необходимыми для его всестороннего развития, особенно в неблагополучных семьях, в отношении которых такая форма контроля за денежными содержанием ребенка позволит оперативно выявлять злоупотребления родителей и восстанавливать нарушенное право ребенка на содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коррупция: основные тенденции противодействия : коллективная монография / Л. А. Андреева, Ф. Г. Альжанова, Е. В. Епифанова [и др.] ; под редакцией Л. А. Андреевой. – Новосибирск : НП «СибАК», 2015. – 196 с.
2. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
3. Кукушкин, О. В. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 9-1. – С. 9-15.
4. Милежик, А. В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность: Учебно-методическое пособие / А. В. Милежик, А. В. Усов, Н. А. Шабельникова. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 80 с.
5. Котляров, С. Б. Развитие конституционного механизма защиты прав и свобод человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. – С. 193-198.
6. Котляров, С. Б. Теоретические основы понимания конституционного государства / С. Б. Котляров, Е. А. Кукушкина // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. С. 187-192.

7. Милежик, А. В. История России : учебное пособие для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / А. В. Милежик, Н. А. Шабельникова, А. В. Усов. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2022. – 160 с.

8. Филиппова, Л. Ю. Теоретические основы правового положения несовершеннолетних / Л.Ю. Филиппова // IX Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. – Саранск, 2023. – С. 346-351.

9. Котляров, С. Б. Гражданское общество – социальная основа правового, демократического, социального государства / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VIII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 17–18 ноября 2022 года / редколлегия: Р.Р. Хайров (отв. редактор) [и др.]. – Саранск, 2022. – С. 209-213.

УДК 343.121.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Филиппова Людмила Юрьевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807109@ruc.su

LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS INVOLVING MINORS

Filippova Lyudmila Yurievna, master's student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье предпринята попытка развития одного из направлений государственной политики по защите детей в виде совершенствования законодательства в целях реального обеспечения заявленных целей предоставления российским детям достойных условий жизни, широких возможностей их всестороннего развития, а также исполнения обязанностей государством по правовой защите и социальной поддержке детей.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, законодательство о несовершеннолетних, защита прав детей, государство.

The article made an attempt to develop one of the directions of state policy for the protection of children in the form of improving legislation in order to really ensure the stated goals of providing Russian children with decent living conditions, wide opportunities for their all-round development, as well as fulfilling the duties of the state for legal protection and social support of children.

Keywords: minors, children, legislation on minors, protection of children's rights, state.

Важность детализированной регламентации правоотношений с участием детей трудно переоценить, так как речь идет о наиболее уязвимой, зависимой и незащищенной части общества в силу объективных психофизиологических особенностей ребенка. Мировое сообщество к настоящему времени не только полностью осознало ключевое значение проблемы защиты прав и интересов детей, но и выработало международные стандарты (принципы), которым следует придерживаться каждому государству в национальном законодательстве для обеспечения практической реализации юридических механизмов защиты детей, в первую очередь, их жизни и здоровья, привития демократических ценностей через гуманное обращение, воспитания граждан с высоким уровнем сознания и

правовой культуры, всесторонне развитых личностей и компетентных профессионалов, которые в будущем станут опорой для своей Родины и привнесут собственный вклад в культурное достояние человечества.

Женевская декларация прав ребенка, принятая 26 ноября 1924 года Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве, установила пять важнейших принципов для защиты детей и улучшения их благосостояния. Изложенные принципы послужили предпосылкой становления международного института защиты прав ребенка, создали основы для осознания мировым сообществом проблемы защиты детства, интересов несовершеннолетних людей, а также нашли последующее развитие и распространение в международных договорах в процессе формирования общемировых гуманистических принципов и стандартов.

Помимо вышеперечисленных документов, занимающих центральное место в международном праве по поводу защиты детей, права ребенка охраняются следующими международными Декларациями, Конвенциями и Соглашениями, размещенными на официальном сайте в сети Интернет Организации Объединенных Наций. Таким образом, международным законодательством заложены основополагающие принципы в области правового регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних, освещен целый комплекс проблем, подлежащих урегулированию в рамках национального законодательства государств, разделяющих мировые общечеловеческие ценности.

Особенностями конституционно-правового статуса ребенка являются специальный конституционный принцип приоритета интересов детей в политике государства, дополнительные юридические гарантии защиты семьи и детства, обеспечения достаточных условий для всестороннего развития ребенка, приоритет семейного воспитания, реализация прав и свобод несовершеннолетних посредством наложения соответствующих обязанностей на их родителей или заменяющих их лиц, а также юридическая ответственность последних за неправомерное поведение детей, повлекшее причинение имущественного вреда или нарушение общественной безопасности и правопорядка. Ответственность несовершеннолетних за дисциплинарные проступки, административные правонарушения и уголовные преступления смягчена законодателем в сравнении с ответственностью совершеннолетних лиц.

В связи с произошедшими изменениями, затрагивающими конституционные основы правового положения детей, представляется целесообразным детализировано регламентировать условия и процедуру исполнения указанных обязательств на законодательном уровне в соответствующих нормативных правовых актах, уточнить круг должностных лиц, уполномоченных от имени государства исполнять данные функции, а также ужесточить административную и уголовную ответственность указанных должностных лиц в случае ненадлежащего исполнения ими своих профессиональных обязанностей, особенно при причинении вреда несовершеннолетним вследствие такого неисполнения. Развитие конституционных положений в отраслевом законодательстве является необходимым для их практической реализации, что обеспечивает состояние законности и стабильности в обществе [1; 2].

Аналогичное положение содержится в статье 37 Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации, которой предусмотрены ограничения по распоряжению денежными средствами опекуном (попечителем) в интересах подопечного. Так, распоряжение доходами подопечного осуществляется с предварительного согласия органа опеки и попечительства. Для зачисления алиментов, социальных выплат, компенсаций вреда здоровью, выплат по потере кормильца и всех иных аналогичных выплат опекун (попечитель) открывает специальный номинальный счет, распоряжается этими средствами в интересах подопечного по своему усмотрению и предоставляет отчет о расходовании средств с номинального счета органу опеки и попечительства.

Учитывая исторически сложившуюся общественную тенденцию, закрепленную в международных актах и национальных законах, приоритетным является нахождение ребенка в семье [3]. Поскольку семья представляет собой социальный институт, взаимоотношения, включая правоотношения, в семье заслуживают особого внимания ученых, законодателей и правоприменителей. Ряд исследователей ставит две взаимосвязанные задачи для правового регулирования отношений между родителями или заменяющими их лицами и детьми [4]. С одной стороны, законодателю следует учитывать специфику родственных, особо доверительных отношений между родителями и детьми.

Однако, с другой стороны, при наличии угрозы нарушения прав ребенка, в случае выявления жестокого обращения или насилия в любой форме, государство должно незамедлительно предпринимать меры для защиты несовершеннолетнего. При правомерном поведении родителей государственное вмешательство во внутренние дела семьи, по мнению автора, следует минимизировать. Кроме того, ученый отмечает изначальное неравенство субъектов правоотношений – родителей и детей. Юридическое неравенство, обусловленное социальными, психофизиологическими и иными особенностями отношений взрослый – ребенок необходимо учитывать как в законодательстве, так и в процессе правоприменения.

На наш взгляд, подотчетность родителей за расходование причитающихся ребенку выплат исключительно в интересах ребенка будет способствовать обеспечению ребенка достаточными условиями жизни, необходимыми для его всестороннего развития, особенно в неблагополучных семьях, в отношении которых такая форма контроля за денежными содержанием ребенка позволит оперативно выявлять злоупотребления родителей и восстанавливать нарушенное право ребенка на содержание.

Порядок реализации права несовершеннолетнего на труд и особенности трудовых отношений с гражданами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, определен Трудовым кодексом Российской Федерации. Статьями 63, 70, 92 установлены условия трудоустройства несовершеннолетних в зависимости от возраста, запрет устанавливать несовершеннолетним работникам испытательный срок, максимальную продолжительность рабочего дня и рабочей недели, сокращенную по отношению к совершеннолетним работникам. Другие особенности детского труда изложены в главе 42 Трудового кодекса РФ. Их характеризует явно выраженная направленность на охрану здоровья работников и обеспечение условий для продолжения ими образования.

Из вышеприведенного анализа законодательных актов, регулирующих отношения с участием несовершеннолетних, можно сделать вывод, что правовые нормы во многих случаях не детализированы, отсутствует подробная юридическая регламентация действия механизмов по обеспечению и защите прав детей, что создает препятствия для их эффективного применения в процессе действительных общественных отношений.

Таким образом, в ходе настоящего исследования были выявлены значительные пробелы в действующем российском законодательстве, регулирующем правоотношения с участием несовершеннолетних, среди которых: отождествление детей с нетрудоспособными взрослыми в вопросах ограничения дееспособности; отсутствие ясной дифференциации понятий «ребенок» как несовершеннолетнее лицо и «ребенок» в качестве юридической связи с родителями или усыновителями (удочерителями); отсутствие юридической ответственности и подотчетности родителей или иных законных представителей ребенка за расходование денежных средств, юридически находящихся в собственности ребенка – алиментов, социальных пособий и иных обязательных выплат. Несмотря на исключительную важность защиты прав детей как будущих трудоспособных членов общества, законодательные нормы, регулирующие исследуемые правоотношения, носят обобщенный характер и содержат в себе пробелы, свидетельствующие о необходимости дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в соответствии с потребностями общества, в частности, наиболее важной и уязвимой его части – несовершеннолетних детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское общество в российских регионах / М. К. Акимова, И. Г. Брызгалова, Т. А. Гужавина [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2015. – 140 с.
2. Милежик, А. В. Власть, общество и реформы в России: традиции и современность : учебно-методическое пособие / А. В. Милежик, А. В. Усов, Н. А. Шабельникова. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 80 с.
3. Котляров, С. Б. Развитие конституционного механизма защиты прав и свобод человека в России / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. – Саранск, 2021. – С. 193-198.
4. Котляров, С. Б. Теоретические основы понимания конституционного государства / С. Б. Котляров, Е. А. Кукушкина // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2021 года. Саранск, 2021. – С. 187-192.

УДК 34.096

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фролов Максим Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808613@ruc.su

CONTEMPORARY PROBLEMS OF EXECUTIVE POWER IN RUSSIAN FEDERATION

Frolov Maxim Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Проводится анализ современного состояния исполнительной власти в Российской Федерации, проблем, возникших после ее формирования, а также рассматриваются возможные пути решения указанных проблем в контексте влияния на общество.

Ключевые слова: Конституция, исполнительная власть, государство, правительство, президент.

Analysis of the current state of executive power in the Russian Federation, problems that arose after its formation, as well as possible solutions to these problems in the context of the impact on society.

Keywords: constitution, executive power, state, government, president

Мысль о необходимости разделения власти на три независимых друг от друга ветви сформировалась в недрах трудов Дж. Локка и Ш. Монтескьё в XVIII в. и нашла свое применение в организации системы публичной власти во многих правовых и демократических государствах мира, включая и Россию. Такая дефиниция, как «власть» охватывает множество аспектов и варьируется в зависимости от сферы воздействия (государственная, муниципальная и т.д.) [1].

В общем смысле власть можно охарактеризовать, как способность влиять на сознание и поведение людей через следующие механизмы: авторитет, принуждение, законы, применение силы и др.

Процесс приобщения к демократическое системе разделения структуры государственной власти на три основные ветви: судебную, законодательную и исполнительную, занял у мирового сообщества не одно столетие. Все три ветви власти при осуществлении своей деятельности являются независимыми, представляя собой самостоятельные структуры, что является ключевым элементом теории разделения властей.

Данная модель так называемых «сдержек и противовесов» предложенная Шарль Луи де Монтескьё ещё в 1748 г. способствует взаимному контролю и управлению государственными делами, исключая произвол и злоупотребление властью, и успешно применяется во всех без исключения демократических странах. Принцип трехветвевое разделение власть, закрепленный в конституционных нормах, гарантирует независимость судебной системы от исполнительной и законодательной ветвей власти. Данная концепция была впервые предложена Джоном Лильберном в период между XVII и XVIII вв. и нашла своё отражение и реализацию в РФ в начале 1990-х годов. В настоящее время судебная власть функционирует и развивается как независимый институт, однако её деятельность и структура заметно отличаются от других ветвей государственной власти. Законодательная власть отвечает за разработку законов по специальной законотворческой процедуре в виде их принятия и одобрения, работая при всём этом коллегиально и обладая возможностью делегирования полномочий.

В России принцип разделения власти нашел свое отражение только с начала демократических преобразований конца 80-х – начала 90-х годов XX века и закреплён в Конституции принятой в 1993 г. Использование данного принципа позволило сформировать самостоятельные в своей компетенции органы государственной власти. Обладая рядом исключительных полномочий исполнительная власть имеет свои особенности и отличается от судебной и законодательной не только по специфике возложенных обязанностей, но и по характеру влияния на жизнь граждан и общества в целом. Таким образом, наиболее значимой функцией исполнительной власти является реализация принятых нормативно-правовых актов. Поэтому в современных условиях изучение и создание фактического механизма решения проблем деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации приобретает актуальный характер.

Изучение проблем государственного управления, его функций, методов и их практического использования в современных условиях приобретает новое значение. Актуальность данной темы связана с исключительно значимой ролью, которую призваны исполнять государственные органы [2–4].

Органы исполнительной власти несут ответственность за реализацию законодательных актов, используя при этом различные законные способы, в том числе и принуждение, чтобы воплотить эти акты в реальность. Однако их роль выходит за рамки простого исполнения установленных правил и норм. Исполнительная власть обладает специфическими и присущими только ей функциями. Основная ее функция – это реализация принятых нормативно-правовых актов.

В статье 77 Конституции Российской Федерации установлено, что «в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации» [5].

Систему исполнительных органов России составляют федеральные органы (Правительство Российской Федерации; министерства, государственные комитеты и ведомства при Правительстве Российской Федерации); органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации (главы администраций субъектов Федерации, их правительства, министерства, государственные комитеты и ведомства).

В системе исполнительной власти, которую возглавляет Правительство Российской Федерации, ключевую роль играют определенные структуры, служащие ее основой. Эти структуры могут быть созданы решением руководящих органов исполнительной власти или образованы путем прямого голосования граждан. Тем не менее важно подчеркнуть, что в различных странах мира полномочия главы государства в сфере исполнительной власти часто носят скорее символический характер. В парламентских монархиях и республиках реальное исполнение власти осуществляется правительством или советом министров, который действует в соответствии с указаниями президента, несмотря на то, что формально решения принимаются самим правительством.

В контексте президентской республики, в отличие от парламентской, исполнительная власть отвечает непосредственно перед главой государства, который берет на себя руководство исполнительной функцией, при условии, что конституция определяет правительство как единственного обладателя исполнительной власти. Это положение вносит в конституционную структуру Российской Федерации ряд уникальных особенностей и принципов, порождающих определенные противоречия в рабочем процессе и развитии системы исполнительной власти [6; 7].

Здесь возникают две проблемы. В соответствии с первым пунктом статьи 110 Конституции Российской Федерации, лидерство в исполнительной ветви власти принадлежит Правительству России. Характерной чертой здесь является некая амбивалентность в организации этой властной сферы. При этом обращают на себя внимание две важные особенности.

Рассматривая ч. 1 статьи 110 Конституции РФ, можно сделать вывод, что исключительная компетенция деятельности Правительства – это осуществление всей исполнительной власти в России.

Важно подчеркнуть, что разработчики Основного закона страны преднамеренно избегали использования терминологии «исполнительная власть» в качестве названия соответствующего раздела. Это решение было обусловлено тем фактом, что многие функции исполнительной власти фактически перешли к Президенту России. В отличие от изначального проекта Конституции, Президент не возглавляет исполнительную власть, несмотря на это, первый пункт статьи 110 Конституции дает определение, которое можно считать не вполне корректным. Таким образом, следует признать, что произошло реальное разграничение полномочий между Президентом и Правительством в рамках исполнительной ветви власти.

В контексте обсуждаемой ситуации, ключевую роль исполняет Правительство Российской Федерации, задействованное в прямом управлении и распределении экономических и материальных активов. Важно подчеркнуть, что полный объем полномочий Правительства РФ не находит своего отражения в тексте Конституции страны, а определяется на основе Федерального конституционного закона, носящего название «О Правительстве РФ» [8]. Следует особо отметить тот факт, что в случае если постановления и распоряжения, выпущенные Правительством, окажутся в несоответствии с Конституцией, указами Президента или другими федеральными законами, Президент РФ имеет право аннулировать их, опираясь на положения статьи 115 часть 3 Конституции Российской Федерации.

Одно из ключевых прав президентской власти включает в себя возможность решать судьбу Правительства РФ, будь то его самостоятельное решение уйти в отставку или же результат выражения недоверия со стороны Государственной Думы Российской Федерации. Кроме того, Конституция РФ предоставляет Президенту РФ полномочия инициировать отставку Правительства РФ.

Вторая проблема – это зависимость Правительства РФ от действий Президента РФ и непосредственная «оглядка» на него. В обсуждении организационных аспектов власти в России возникает интерес к оптимальному формату

«Президентуры». Анализируя контекст, можно выделить две ключевые стратегии. Одна из стратегий предполагает официальное закрепление за Президентом полномочий непосредственного управления исполнительной ветвью власти через изменения в Конституции РФ. Другая стратегия предлагает роль Президента как главного координатора в системе, основанной на разделении властей, с переходом к форме смешанной республики. Таким образом, стоит рассмотреть, какой из этих подходов представляет собой более предпочтительный вариант для структурирования властных отношений в современной России.

На сегодняшний день можно констатировать, что институт президентства в России является крайне перегруженным в части исполнительной власти, что в конечном итоге влияет на возможности Правительства РФ в плане полномочий. Внесение изменений в полномочия института «Президента» даст возможность главе государства заниматься в большей части стратегической политикой. Так поправки в Конституцию РФ в 2020 году уже сформировали тенденцию к усилению роли института Президента в системе органов исполнительной власти. Правительство же сможет направить больше своих усилий на решение основных экономических и социальных задач внутри государства.

Исследовав данную проблему, логично напрашивается вывод, что необходимо совершенствовать структуру органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровне, а также рациональное распределение полномочий между ними, в частности исключив дублирующие функции. Согласимся с утверждением, что этот процесс является поэтапным и достаточно длительным, но он необходим для эффективного механизма функционирования исполнительной власти. Создание эффективного механизма исполнения решений на местах, на уровне субъектов и муниципалитетов, способствует укреплению вертикали власти и созданию системы управления способной справиться с любыми непредвиденными и непреодолимыми препятствиями на пути построения правового государства в нашей стране.

Таким образом, в условиях социально-экономических, политических и правовых преобразованиях во многих сферах жизни общества, эффективное и качественное осуществление своих полномочий органами исполнительной власти, и в частности института Президентства, является важнейшим фактором для обеспечения деятельности государства на благо общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права, конституционное и муниципальное право: проблемы и критерии развития / О. Е. Алексикова, А. С. Борисов, Я. В. Коженко [и др.]. – Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2016. – 196 с.
2. Котляров, С. Б. Закон как основной источник российского права: понятие, виды и сущность источников права / С. Б. Котляров // *Право и образование*. – 2023. – № 4. – С. 14-22.
3. Кукушкин, О. В. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // *Вопросы российского и международного права*. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 223-231.
4. Ямбушев, Ф. III. Реализация концепции правового государства в конституционно-правовой модели Российской Федерации / Ф. III. Ямбушев, С. Б. Котляров // *Вопросы российского и международного права*. – 2019. – Т. 9, № 10-1. – С. 44-52.

5. Котляров, С. Б. Закон как основной источник российского права: понятие, виды и сущность источников права / С. Б. Котляров // Право и образование. – 2023. – № 4. – С. 14-22.
6. Чичеров, Е. А. Институты гражданского общества и их взаимодействие с правовым государством / Е. А. Чичеров, С. Б. Котляров // III юридические чтения : материалы научно-практической конференции, Саранск, 16 ноября 2017 года. – Саранск : Принт-Издат, 2017. – С. 20-22.
7. Котляров, С. Б. Необходимость технического совершенствования актов применения права / С. Б. Котляров, Е. А. Чичеров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4(27). – С. 49-51.
8. Киварина, М. В. Гражданское общество: понятие, сущность и структурные особенности / М. В. Киварина // Труды института бизнес-коммуникаций / под общей редакцией М. Э. Вильчинской-Бутенко. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 9-14.

УДК 342.9

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ
ПРАВОНАРУШЕНИИ**

Чернов Денис Владимирович, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807110@ruc.su

**PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS
OF THE VICTIM IN THE CASE OF ADMINISTRATIVE OFFENSE**

Chernov Denis Vladimirovich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Процессуально-правовой аспект отражается в наделении потерпевшего процессуальными правами и возложении на него процессуальных обязанностей, указанных в административном законодательстве.

Ключевые слова: правовой статус, административный процесс, участники процесса, судебная система, государственная власть.

The procedural and legal aspect, in turn, is reflected in the assignment of procedural rights to the victim and the imposition of procedural duties on him specified in the administrative legislation.

Keywords: legal status, administrative process, participants in the process, judicial system, state power.

Практически все авторы юридических публикаций указывают на наличие двух правовых аспектов, необходимых для реализации потерпевшим прав и исполнения возложенных на него в административном производстве обязанностей. Первым аспектом является материально-правовой, вторым – процессуально-правовой. В связи с этим, для полного понимания правового статуса потерпевшего следует рассмотреть содержание данных аспектов и уяснить их сущность.

Материально-правовой аспект отражает правоотношения, возникающие

между нарушителем и потерпевшим после совершения первым административного деликта, в результате которого второй претерпевает неблагоприятные последствия, выражающиеся в причинении ему физического, морального или материального вреда.

Наличие такого рода правоотношений является обязательным условием, необходимым для рассмотрения и разрешения судом административного дела с вынесением обязательного к исполнению решения о возмещении вреда, полученного потерпевшим, в соответствии с частью 1 статьи 4.7 КоАП. Содержание данной статьи указывает на материально-правовую основу статуса потерпевшего в административном процессе. В качестве связующего элемента рассматриваемых правоотношений выступает непосредственно право потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда, а неотъемлемым условием возникновения статуса потерпевшего выступает нарушение этого права причинителем вреда.

Процессуально-правовой аспект отражается в наделении потерпевшего процессуальными правами и возложении на него процессуальных обязанностей, указанных в административном законодательстве.

Однако некоторые ученые-правоведы считают, что возникающие процессуальные отношения – есть следствие норм, составляющих административное право, поэтому они выполняют вспомогательную, служебную роль.

Представляется, что правильным будет считать необходимыми оба рассмотренных аспекта, поскольку лицо становится потерпевшим при наличии установленного факта нанесения ему какого-либо вреда, ответственность за который предусмотрена административным законодательством. При этом реализация его прав в административном производстве возможна только в предусмотренной законодательством процессуальной форме и в порядке, который регламентирован КоАП.

Потерпевший, как и любой другой участник правоотношений, имеет собственный правовой статус. Однако в КоАП не указан конкретный момент, с которого лицо, получившее ущерб в результате правонарушения, получает статус потерпевшего в административном деле.

Предполагается в таком случае, что этим моментом является фактическое причинение ему вреда, даже если правонарушитель неизвестен. При этом КоАП указывает, что лицо, в отношении которого ведется административное производство, приобретает свой процессуальный статус с момента составления административного протокола или в момент задержания при выявлении уполномоченными лицами совершенного или совершаемого правонарушения, подпадающего под административную юрисдикцию. Это указывает на то, что потерпевшему предоставляется возможность воспользоваться своими процессуальными правами в административном производстве с момента применения процессуальных мер к предполагаемому правонарушителю.

В отношении лиц, не имеющих российского гражданства, возможно применение исключительного административного наказания – выдворения за пределы страны. При назначении такого вида наказания, нарушитель в принудительном порядке и под контролем выдворяется за пределы Российской Федерации.

Возможен также и контролируемый самостоятельный выезд лиц, нарушивших административное законодательство, при наличии обстоятельств, указанных в статье 3.10 КоАП.

Исходя из вышеизложенного, государственная принадлежность физических и юридических лиц является важной составляющей их правового статуса в административном процессе, определяющей вид и размер наказания в случае привлечения таких лиц к административной ответственности.

После рассмотрения спектра прав и обязанностей лица, в отношении которого возбуждено и ведется административное производство, следует перейти к вопросу обеспечения его прав и интересов, в особенности – основополагающего конституционного права на защиту.

Возможность использования субъективных прав в ходе административного производства тесно связана с наличием или отсутствием рабочего механизма, позволяющего гарантировать использование рассматриваемым лицом законных способов процессуальной защиты от несения административной ответственности при неправомерных или несправедливых действиях со стороны представителей власти.

В административном процессе система гарантий базируется на том, что каждое право лица, в отношении которого ведется производство, подкреплено обязанностью рассматривающего дело органа или должностного лица, возникающей при его использовании, целью которой выступает обеспечение его реализации.

Мнения некоторых юристов относительно системы гарантий прав человека до сих пор разнятся. Однако большинство авторов понимают под ней сумму общих гарантий, к которым относятся политические, идеологические, социальные, экономические, и юридических, которые призваны обеспечивать действительную охрану, реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Юридические гарантии по своему назначению можно разделить на:

- а) призванные обеспечить реализацию предоставленных законом прав;
- б) призванные обеспечить охрану и защиту имеющихся прав.

К средствам обеспечения реализации человеком своих прав и законных интересов ученые-правоведы относят: установление четких границ предоставляемых законодательно прав, свобод и случаев наступления юридической ответственности; наличие справедливой процессуальной формы реализации прав; юридические факты, связанные с реализацией лицом своих прав; различные льготы и иные способы поощрения инициативы по реализации прав, если она осуществляется в соответствии с нормами законодательства.

К средствам охраны и защиты, в свою очередь, относятся: различные контрольные и надзорные меры; юридические меры, направленные на обеспечение деятельности представителя; процессуальные формы охраны лицом своих прав; юридические меры, устанавливающие ответственность для обязательных участников процесса.

Ряд авторов, например, Н. В. Витрук, к средствам охраны и защиты прав относят, помимо вышеперечисленных, профилактические и превентивные меры,

направленные на недопущение нарушений, а также рассмотрение уполномоченным органом или лицом поступающих заявлений и жалоб [1].

Изучая средства, обеспечивающие реализацию прав, обязанностей, а также законных интересов лица, в отношении которого возбуждено и ведется административное производство, следует обратить особое внимание на процессуальные гарантии, под которыми понимаются установленные административным законодательством нормы, позволяющие обвиняемому в административном правонарушении лицу должным образом реализовать свои права в административном делопроизводстве.

Основной процессуальной гарантией прав лица, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, выступает максимально проработанная регламентация на законодательном уровне обязанностей органов и должностных лиц, являющихся правоприменителями. Полнота и целесобразность их обязанностей, указанных в нормативных правовых актах, позволит обеспечить полноценную реализацию прав лица, в отношении которого возбуждено и ведется административное производство. При этом лицо, обвиняемое в административном проступке, вправе предъявлять требования государственным органам и иным представителям власти об исполнении законодательно возложенных на них юридических обязательств, непосредственно затрагивающих правовой статус лица, в отношении которого ведется производство [2].

Важной гарантией прав лица, привлекаемого к административной ответственности, выступает обеспечение возможности возмещения вреда при незаконном или необоснованном привлечении его к административной ответственности или применении к нему обеспечительных мер, а также понесенных им убытков при рассмотрении административного дела.

Данная возможность выступает составным элементом института реабилитации, под которым следует понимать обеспеченное государством восстановление характеристик статуса лица по причине признания необоснованными и не соответствующими законодательным нормам действий или бездействия государственных органов, являющихся носителями публичной власти [3]. При этом в отношении реабилитации по административным делам, в отличие от уголовных, не предусмотрен упрощенный порядок ее реализации, она инициируется посредством подачи искового заявления в порядке гражданского делопроизводства.

Практика применения права свидетельствует о том, что ситуации, требующие возмещения вреда, несправедливо причиненного субъектом, рассматривающим административное дело, и понесенных убытков, возникают довольно часто, что обуславливает необходимость их регламентации в административном законодательстве [4].

На данный момент, возмещение вреда и убытков осуществляется на основании гражданского законодательства, в частности - статьи 1069 ГК РФ. Потерпевший имеет возможность обжаловать вынесенное уполномоченным лицом или органом постановление по административному делу в районный суд, а затем – в вышестоящий (областной). В случае подачи апелляционной жалобы, на

суд возлагается обязательство осуществить проверку решения, принятого субъектом, рассмотревшим административное дело, на соответствие его действующему законодательству. Также, посредством обращения в суд можно оспорить конкретные действия уполномоченных лиц в ходе административного производства или привлечь их к ответственности в случае нарушения ими административного или уголовного законодательства. Судебная защита позволяет обеспечить соблюдение законных прав потерпевшего в случаях, когда «не сработали» иные вышеперечисленные гарантии. Поэтому возможность обращения в суд следует расценивать как средство, способствующее укреплению гарантий, обеспечивающих реализацию потерпевшим своих прав в административном процессе. Исследование института обеспечения прав потерпевшего в административном производстве позволяет сделать вывод о проработанности системы гарантий его процессуальных прав, позволяющей обеспечить их при рассмотрении административного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н. В. О юридических средствах обеспечения реализации и охраны прав советских граждан / Н.В. Витрук // Правоведение. – 1964. – № 4. – С. 30-35.
2. Стахов, А. И. Административно-процедурная регламентация деятельности органов исполнительной власти в России : учебное пособие / А. И. Стахов. – Москва : Российский научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2016. – 195 с.
3. Гуляков, А. Д. Конституционно-правовые основы реабилитации человека и гражданина / А. Д. Гуляков, А. А. Яшина // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 30-31.
4. Палатин, А. В. Правовая ответственность государства при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как составная часть института административно-правовой реабилитации / А. В. Палатин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 4. – С. 131-144.
5. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Чернов Денис Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807110@ruc.su

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF THE PERSON SUBJECT TO ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Chernov Denis Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Изучение правового статуса лица, в отношении которого ведется административное дело, следует начать с рассмотрения базовых принципов, служащих правовой основой законодательства Российской Федерации в области осуществления лицами защиты своих прав.

Ключевые слова: правовой статус, административный процесс, участники процесса, судебная система, государственная власть.

The study of the legal status of a person in respect of whom an administrative case is being conducted should begin with a consideration of the basic principles that serve as the legal basis for the legislation of the Russian Federation in the field of the exercise by persons of their rights.

Keywords: legal status, administrative process, participants in the process, judicial system, state power.

Статья 1 Конституции РФ провозглашает Россию правовым государством. Органы как законодательной, так и исполнительной власти, должны в своей деятельности исходить из указанных в Международном пакте о гражданских, политических правах и Всеобщей декларации прав человека, ратифицированных большинством государств, приоритетов и базисных принципов, закрепляющих фундаментальные права и свободы человека.

Статья 2 Конституции РФ в качестве главной ценности устанавливает человеческие права и свободы. Властные органы, выполняющие свои функции от лица государства, обязуются признавать и защищать их в процессе осуществления своей управленческой деятельности, опираясь при этом на действующее законодательство.

Конституция РФ также указывает на непосредственное действие прав и свобод как лица, имеющего российское гражданство, так и человека, не являющегося гражданином России. Смысл, содержание и применение нормативно-правовых законодательных актов строится на основе установленных Конституцией РФ базисных прав и свобод и осуществляется органами исполнительной, законодательной и муниципальной власти. Обеспечивает же нормальное функционирование таких актов судебная власть путем отправления правосудия.

Из этого следует, что обеспечение защиты установленных Конституцией РФ неотъемлемых прав, свобод и законных интересов при их оспаривании или нарушении осуществляется органами государственной власти.

При вступлении человека в правовые отношения с органами государственной власти, непосредственно связанные с применением последними императивных действий, которыми выступают как административно-правовые, так и уголовно-правовые, данная защита обретает особое значение.

Только при полноценном функционировании институтов правового государства защита основных прав и свобод из теоретически обозначенных постулатов превращается в реально действующую модель правопорядка, гарантируемую государством. В.П. Грибанов указал, что данное лицу субъективное право, не защищенное должным образом, представляет собой право, которое де-факто является декларативным [1].

Административно-правовой статус - это конкретизированная часть правового статуса в широком его понимании. Он обладает такой же совокупностью составных элементов, но относится при этом к области административно-юрисдикционных правоотношений, регулируемых по большей части КоАП.

Ученые не смогли прийти к общему мнению относительно содержания административно-правового статуса. Но всё же, они признают в качестве его основы права и обязанности субъекта в области административного процесса. Д.Н. Бахрах отметил, что «число лиц, способных ощущать отрицательные последствия противоправного поведения, гораздо больше, чем лиц, которые несут в связи с этим административную ответственность, поскольку большой пласт правонарушений не выявлен, либо совершившие их нарушители правопорядка не установлены, либо истекли сроки давности, в течение которых лицо возможно привлечь к административной ответственности и т.д.» [2]. Поэтому, следует рассматривать статус субъектов административного процесса, в отношении которых возбуждено и ведется делопроизводство, который по своей сути является специально-правовым.

Лицо, в отношении которого возбуждено административное делопроизводство, выступает неотъемлемым участником административно-процессуальных правоотношений. Его правовой статус должен быть не только соответствующим образом законодательно оформлен и закреплён, он также должен полноценно и всесторонне рассматриваться теоретически, поскольку общность мнений различных авторов заметно упрощает корректировку административного законодательства.

Как и в уголовном, в административном законодательстве действует презумпция невиновности обвиняемого. Лицо, в отношении которого возбуждено административное производство, исходя из положения статьи 1.5 КоАП, не может считаться виновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном процессуальном порядке и подтверждена вступившим в законную силу постановлением лица или органа, рассмотревшего административное дело [3].

И. Д. Перлов вполне справедливо отметил, что требуется подробно в законодательстве закрепить права обвиняемого. Однако при этом следует не менее тщательно продумать систему гарантий в ходе производства, которая в полной мере обеспечивала бы эти права [4].

Ходатайства должны оформляться в письменной форме и приноситься конкретным лицом, не анонимно. Просьба, указанная в ходатайстве по существу административного дела, должна быть четко и конкретно сформулирована, текст документа не должен противоречить действующему законодательству или общественно признанным нормам морали [5]. Согласно части 2 статьи 24.4 КоАП, ходатайства должны быть рассмотрены уполномоченным лицом или органом, ведущим дело об административном правонарушении, незамедлительно, по итогам их рассмотрения в обязательном порядке выносится решение в форме определения;

Рассматриваемое лицо, как и иные участники административного процесса, вправе давать показания на языке, носителем которого он является, или на другом, которым он владеет, и бесплатно пользоваться услугами переводчика. Если участник дела об административном деликте страдает глухотой или является немым, ему предоставляются бесплатные услуги сурдопереводчика. Участник административного делопроизводства вправе самостоятельно выбрать человека, который будет осуществлять перевод.

Данное право позволяет потерпевшему выступать наравне с остальными участниками административного процесса, что обеспечивает принцип равенства сторон и позволяет должным образом рассмотреть административное дело.

В качестве одного из важнейших прав, позволяющего отменить вынесенное решение по итогам рассмотрения дела, выступает возможность обжалования. В течение 10 суток с момента вынесения постановления по факту рассмотрения административного дела, привлеченное к ответственности лицо может подать на него жалобу в вышестоящий властный орган, вышестоящему должностному лицу или в суд следующей инстанции. Если постановление, вынесенное уполномоченным субъектом, связано с осуществлением лицом какой-либо экономической деятельности, жалоба подается в арбитражный суд.

При рассмотрении административного дела в отношении несовершеннолетнего лица, возможно его отстранение от процесса выяснения и изучения обстоятельств дела, если их обсуждение может отрицательно сказаться на его состоянии.

Согласно общему правилу, субъектами административно-юрисдикционной ответственности являются лица, которые совершили одно или несколько противоправных действий, попадающих под административную юрисдикцию [6].

Как было отмечено ранее, существуют также категории лиц, в отношении которых административное производство осуществляется в особом порядке в силу их правового статуса. «Правовой статус лица не зависит от его численности: человек и юридическое лицо имеют равный спектр прав и обязанностей. При этом конкретные структурные элементы правового положения данных лиц могут иметь свою правовую специфику. В данном случае говорится о наличии гражданства и особой правосубъектности», отмечает Н. И. Матузов [7].

В особом порядке к административной ответственности привлекается ряд специальных субъектов (президент, депутаты, прокуроры, судьи и т.д.), а также лица, в отношении которых невозможно применить определенные виды административных наказаний (беременные женщины, военные, инвалиды первой и второй групп инвалидности и др.).

Гражданская принадлежность является важным критерием для определения комплекса прав и обязанностей. Нормы, указанные в ч.1 и ч.3 статьи 2.6 КоАП, устанавливают административно-юрисдикционную ответственность иностранных лиц и апатридов за нарушение административного законодательства на территории России согласно санкциям, предписанным в КоАП.

Нарушения, предусмотренные частью 2 статьи 8.16, статьями 8.17, 8.18, 8.19, 8.20 и частью 2 статьи 19.4 КоАП, совершенные лицами без гражданства или иностранными гражданами на континентальном шельфе Российской Федерации или в ее исключительной экономической зоне, также влекут административную ответственность согласно положениям КоАП [8].

Учитывая правовую специфику исключительной экономической зоны и континентального шельфа, выражающуюся в особом (смешанном) правовом режиме, апатриды и иностранные лица при совершении административного деликта на их территории могут быть привлечены к административной ответственности лишь в случаях, когда были нарушены права Российской Федерации, входящие в перечень исключительных. Закреплены такие права в двух Фе-

деральных законах: «О континентальном шельфе РФ» и «Об исключительной экономической зоне РФ».

Однако незакрепленность института реабилитации лица, незаконно привлеченного к ответственности, в административном законодательстве иногда приводит и к отказу в реабилитации. В связи с этим, представляется целесообразным внедрение института реабилитации в административное законодательство посредством создания системы административных судов и возложением на них обязанности рассматривать дела о возмещении вреда, причиненного субъектами административного процесса, и компенсации убытков, связанных с участием в производстве по делу об административном правонарушении.

Следует отметить, что под правовым статусом лица, в отношении которого было возбуждено и ведется административное делопроизводство, следует понимать установленную законодательством совокупность прав и обязанностей, которые складываются между властными субъектами, уполномоченными вести административное дело, и рассматриваемым лицом вследствие обнаружения первыми деликта, попадающего под административную юрисдикцию, а также гарантий, обеспечивающих полноценное участие рассматриваемого лица в административно-процессуальных правоотношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – Москва : Статут, 2000. – 411 с.
2. Бахрах, Д. Н. Юридическая ответственность по административному праву / Д. Н. Бахрах // Административное право и процесс. – 2010. – № 1. – С. 2-5.
3. Омариева, А. Н. Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия / А.Н. Омариева // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 72-78.
4. Перлов, И. Д. Право на защиту : учебное пособие / И. Д. Перлов. – Москва : Знание, 1969. – 79 с.
5. Осинцев, Д. В. Административное право : учебник для бакалавриата и специалитета / Д.В. Осинцев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 485 с.
6. Реформа административной ответственности в России. – Москва : Изд-во ВШЭ, 2019. – 419 с.
7. Алексеев, С. С. Правовая система и личность. Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 293 с.
8. Котляров, С. Б. Понятие, признаки и структура гражданского общества: проблемы современного развития / С. Б. Котляров, Е. С. Келейникова // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 1(76). – С. 32-36.

УДК 343.6.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Чиняков Олег Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент

Варламова Ольга Александровна, магистрант

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

E-mail: Chinyakov.oleg@yandex.ru; olya_kylachkina@inbox.ru

LIABILITY FOR INTENTIONAL INFLICTION OF SERIOUS HARM TO HEALTH, RESULTING IN THE DEATH OF A PERSON BY NEGLIGENCE, IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Chinyakov Oleg Evgenievich, PhD (History), Associate Professor

Varlamova Olga Alexandrovna, Master's Degree student

N. P. Ogarev Mordovian State University

В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека, в уголовном законодательстве зарубежных стран. Приводятся характерные черты рассматриваемого состава преступления, анализируются формы вины, а также меры наказания за совершенное деяние. Уголовная ответственность за данное преступление рассматривается на примере зарубежных стран, относящихся к разным правовым системам.

Ключевые слова: тяжкий вред здоровью, уголовная ответственность, неосторожность, зарубежное уголовное законодательство.

The article examines the features of criminal liability for causing serious harm to health, resulting in the death of a person by negligence, in the criminal legislation of foreign countries. The characteristic features of the considered corpus delicti are given, the forms of guilt are analyzed, as well as the penalties for the committed act. Criminal liability for this crime is considered on the example of foreign countries belonging to different legal systems.

Keywords: serious harm to health, criminal liability, negligence, foreign criminal law.

Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека, криминализовано не только в Российской Федерации, но и в иностранных государствах. Рассмотрим более подробно ответственность за совершение данного деяния в уголовном законодательстве зарубежных стран.

Например, в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия от 15.05.1871 г. в разделе семнадцатом, который именуется «Уголовно- наказуемые деяния против телесной неприкосновенности», параграф 226 содержит норму, предусматривающую наказание за тяжкое телесное повреждение. В вышеуказанном параграфе представлены признаки тяжкого телесного повреждения, под которым, в частности, понимается утрата потерпевшим каких-либо органов чувств, других органов или конечностей, паралич, потерю способности к размножению, а также различные психические или «душевные» заболевания. Санкция за данное преступление варьируется от 1 до 10 лет неволи. В этом параграфе также отдельное внимание обращается на санкцию совершенного деяния, если последствием причинения вреда здоровью является тяжкое телесное повреждение, в этом случае наказание начинается от 3 лет заключения [1, С.220].

Диспозиция ст. 111 УК РФ и 226 параграфа УК РФ фактически идентичны, различие состоит лишь в мере наказания, которое строже в уголовном законодательстве Германии. Следующий параграф УК Германии криминализирует деяние, если вред здоровью повлек за собой смерть потерпевшего, при этом не имеет значение, какой степени тяжести был причинен вред здоровью. В нашей стране уголовная ответственность наступает, только если смерть потерпевшего явилась следствием причинения тяжкого вреда здоровью.

В УК КНР от 14.03.1997 г. норма аналогичная ст. 111 УК РФ именуется причинением тяжкого телесного повреждения, признаки данного состава описаны в Общей части ст. 95 УК КНР, которая предусматривает также потерю органа или его частей, утрату органов слуха, отдельно выделяется такое последствие, как обезображивание лица, а также иное серьезное расстройство здоровья. При этом необходимо отметить, что в Особой части УК КНР аналогичная норма отсутствует.

В Особой части УК КНР существует ст. 234, где предусмотрена ответственность за умышленное причинение травмы третьему лицу, которое повлекло смерть человека. Санкция за совершение данного деяния начинается от 10 лет заключения, наиболее строгой мерой наказания считается пожизненное лишение свободы или смертная казнь [2]. При этом совсем не обязательно, чтобы травма соответствовала признакам тяжкого телесного повреждения.

Понятие травмы, и то какой она должна быть в УК КНР не конкретизировано, императивно отмечено лишь то, что данная травма должна влечь за собою смерть человека. Следовательно, характер повреждения может быть любой, а составообразующим элементом выступают последствия нанесения травмы, то есть смерть человека.

По УК РФ необходимо, чтобы смерть наступила в результате причинения именно тяжкого телесного повреждения. Существенная разница прослеживается и в мерах наказания за данные деяния. В Китае она существенно строже, что возможно обусловлено господствующим политическим режимом и применением в стране смертной казни. Этим отличаются положения УК КНР от УК РФ. Ст. 234 УК КНР так же, как и ст. 111 УК РФ криминализует деяние с умышленной формой вины.

В государствах с англо-саксонской правовой семьей понятие телесного повреждения включает в себя также утрату органа или его функций, причинение уродств, а также угрозу причинения смерти потерпевшему [3, С. 145]. При изучении уголовного законодательства США, в части криминализации тяжкого вреда здоровью, необходимо отметить, что базовые положения закреплены на федеральном уровне в примерном Уголовном кодексе, на который должны ориентироваться другие штаты.

В параграфе 210.10 примерного УК причинение тяжкого вреда здоровью обозначается термином «нападение», которое может быть тяжким и обычным телесным повреждением, доставляющим физические страдания потерпевшему. Телесное повреждение в параграфе 211.1 именуется нападением, совершаемым в форме умысла и небрежности [4, С. 132]. В УК штата Нью-Йорк параграф 125.20 криминализует ответственность за совершение простого убийства, которое совершается с умыслом причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему, однако влечет последствия в виде его смерти или смерти третьего лица [5, С. 289].

Обращаем внимание, что УК штата Нью-Йорк разделяет убийство, по степеням тяжести, при этом первая и вторая степень убийства совершаются умышленно.

В параграфе 19.01 главы 19 УК штата Техас также криминализировано тяж-

кое убийство, которое по объективной стороне идентично ч. 4 ст. 111 УК РФ, то есть умысел виновного направлен на причинение тяжкого вреда здоровью, однако в результате его действий наступает смерть пострадавшего, вина к которой выражается в неосторожности.

Помимо тяжкого убийства УК штата Техас криминализует простое убийство, убийство с неосторожной формой вины или по небрежности, а также убийство, за которое предусмотрена наивысшая мера наказания – смертная казнь.

Из анализа выше рассмотренных положений уголовного законодательства отдельных штатов США можно сделать следующие выводы. Состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ, относится к одному из видов убийства, что является особенностью, в отличие от российского уголовного законодательства, которое рассматриваемый состав относит к преступлениям против здоровья, а не против жизни.

Полагаем, что подобное различие в квалификации рассматриваемого деяния обусловлено тем, что причинение смерти по неосторожности в штатах США рассматривается как убийство. И само убийство достаточно дифференцировано, то есть различие в понимании причинения тяжкого вреда здоровью, которое по неосторожности повлекло смерть потерпевшего, обусловлено разными подходами к пониманию убийства.

В связи с тем, что в Великобритании судебный прецедент является официальным источником права – это отличительная особенность стран, относящихся к англо-саксонской правовой семье, единый свод уголовных законов в соединенном королевстве отсутствует. Преступления против жизни и здоровья регламентированы законами «О преступлениях против личности» от 1861 года, «О детоубийстве» от 1938 года, «Об убийстве» от 1957 года, «О самоубийстве» от 1961 года [6, С. 496]. Согласно закону «Об убийстве» от 1957 года, убийство подразделяется на три вида, в зависимости от специфики субъективной стороны. К убийству принято относить простое умышленное убийство, причинение смерти по небрежности, неосторожное лишение жизни, тяжкое убийство – которое является основным составом убийства, все остальные производные от него.

УК Италии также криминализует действия лица, которые причиняют пострадавшему тяжкий вред здоровью. Признаками данных действий является повреждение какого-либо органа, в том числе и органов чувств, их функций, лишение трудоспособности более чем на 40 дней, а также причинение иного вреда здоровью потерпевшего, которое ставит его жизнь под угрозу. Признаком причинения особо тяжкого телесного повреждения является утрата органа или конечности, обезображивание внешнего облика, заболевание неизлечимой болезнью. Мера наказания за причинение особо тяжкого вреда здоровью составляет от 6 до 12 лет заключения. Признаки вышеуказанных составов раскрыты в ст. 543 УК Италии.

Норма аналогичная ч.4 ст. 111 УК РФ криминализована в УК Италии в ст. 584. Данные действия именуются «претеринтенционное убийство», которые по своей объективной и субъективной стороне полностью повторяют отечествен-

ный состав преступления в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, которое по неосторожности повлекло его смерть. Также, как и в уголовном законодательстве штатов данные действия относятся к преступлениям, посягающим на жизнь потерпевшего, а не на его здоровье. Санкция за данное преступление в уголовном законодательстве Италии достаточно строгая и составляет от 10 до 18 лет неволи [7, С. 50].

Уголовные кодексы стран постсоветского пространства, в частности Республик Казахстан и Беларусь, предусматривают статьи, положения которых абсолютно идентичны ч. 4 ст. 111 УК РФ, незначительные отличия лишь в мерах наказания.

Проведенный анализ уголовного законодательств стран, относящихся к различным правовым системам, показал следующее: ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, а также за причинение вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, установлена в законодательстве большинства государств.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления, в общем и целом, идентична в уголовном законодательстве всех рассмотренных стран, признаки тяжкого вреда здоровью связаны с утратами органов, их функций, обезображиванием лица, утратой трудоспособности. Отличия заключаются в санкции, предусмотренной за совершение данного деяния, а также в видовой принадлежности данного состава, так как в большинстве случаев он относится к преступлениям против жизни и квалифицируется одним из видов убийств. Как правило, в уголовном законодательстве таких государств убийство совершается с неосторожной формой вины, то есть по небрежности, в уголовном законодательстве нашей страны, убийство – это исключительно умышленное деяние.

В странах с романо-германской правовой системой законодательство может содержать разные положения криминализации тяжкого вреда здоровью, которое по неосторожности повлекло смерть потерпевшего. Это зависит от страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / под ред. Д. А. Шестакова. – Москва : Юрид. Центр Пресс, 2003. – 524 с.
2. Информационно-аналитический портал. Законодательство КНР. – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Усачева А. П. Привилегированные виды причинения вреда здоровью в уголовном законодательстве стран англо-саксонской системы права // Вестник Краснодар. ун-та МВД России. – 2017. – № 4. – С. 143-147.
4. Аистова Л. С. Уголовное право зарубежных стран. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. – 272 с.
5. Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. – Москва : Юрайт, 2015. – 779 с.
6. Старовойтова Ю. Г. О противоправности причинения смерти как признаке убийства по уголовному праву Англии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2016. – С. 495-499.
7. Игнатова М. А. Уголовное право Италии (основные институты) : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 138 с.

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ САРАНСКА
В ГОДЫ 1-й МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Шабает Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: shakofil@yandex.ru

**MEASURES FOR THE IMPROVEMENT OF SARANSK
DURING THE 1ST WORLD WAR**

Shabaev Viktor Viktorovich, PhD (History), Associate Professor

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются причины проведения подготовительных мероприятий городской управы Саранска в рамках реализации комплекса мероприятий в сфере благоустройства городской территории; условия проведения изыскательских работ; условия оплаты выполненных по договору работ; результаты деятельности подрядной организации в рамках выполнения договорных условий по производству изыскательских работ.

Ключевые слова: Всероссийский союз техников, городская дума, городской голова, городская управа, договор, дренажирование, дренажная система, изыскательские работы.

The article discusses the reasons for the preparatory measures of the city council of Saransk as part of the implementation of a set of measures in the field of improvement of the city territory; conditions of survey work; conditions for payment of work performed under the contract; The results of the contracting organization as part of the implementation of contractual conditions for the production of survey work.

Keywords: All -Russian Union of Technicians, City Duma, City Head, City Administration, Agreement, Drainage, Drainage System, Review Work.

Исследование деятельности органов городского самоуправления в период Первой мировой войны не является новой темой в историографии. Данной проблеме посвящено достаточно большое количество исследований как общероссийского, так и регионального уровня [1, 315].

Первая мировая война внесла серьезные коррективы в деятельность городских органов самоуправления – городской думы и городской управы Саранска, перед которыми встало множество проблем и новых задач, требовавших неотложного решения: органы городского самоуправления были включены в общегосударственную систему оказания помощи воюющей армии, раненым и больным воинам, семьям военнослужащих, призванных в действующую армию; расквартирования призванных на войну военнослужащих, приема и обустройства беженцев; размещения военнопленных. На плечи городского самоуправления легло обеспечение продовольствием и товарами первой необходимости в условиях нарастающего товарного дефицита, спекуляции и резко ускорившейся инфляции через организацию централизованных закупок и общественной продажи предметов первой необходимости; установление максимальных розничных цен (т.н. такс) на товары первой необходимости и некоторые виды услуг (например, на услуги легковых и ломовых извозчиков); централизованное

снабжение горожан топливом. Но даже в условиях такого многократного увеличения направлений деятельности органов городского самоуправления и встраивания городской жизни в реалии мировой войны они продолжили заниматься решением повседневных вопросов развития городского хозяйства и благоустройства городской территории, возложенными на них Городовым положением 1892 года.

Летом 1917 года городская управа провела подготовительные работы по реализации комплекса мероприятий в сфере благоустройства городской территории. Так, 10 июня 1917 года саранская городская управа заключила с саранским отделением Всероссийского союза техников договор о проведении подготовительных работ по дренажированию¹ городской территории.

Неотложная необходимость проведения работ по дренажированию городской территории обосновывалась в докладной записке городского головы М.Н. Никитина, в которой он охарактеризовал ситуацию с грунтовыми водами сложившуюся в Саранске на протяжении нескольких лет:

«Последние дождливые годы принесли Саранску чрезвычайно тревожную угрозу: сделать его улицы непроезжими в дождливое время, произвести санитарное состояние в угрожающее положение и, наконец, разрушить жилища граждан имевших несчастье поселиться на улицах, идущих по откосам к водоему, создать овраги по улицам города и уничтожить значительную площадь городской земли, унося ее в водоем.

Наличие крайне неровного очертания водонепроницаемого слоя и заиливания прослоек почвы, по которым грунтовые воды могли бы уходить в ближайшие водоемы, приводило к повышению уровня грунтовых вод во многих районах города настолько велика, что в некоторых местах находится выше промерзающего слоя. Такое явление влечет за собой размягчение грунта, разрушение его прочности и тем самым делает грунт невозможным для езды, вредя земляному полотну разжижением его и заставляя терять его свою сопротивляемость колесам, дождевые же и снеговые воды, действуя также размягчающим образом на грунт, вместе с тем уносят его частицы, придавая проезжей части улицы не выпуклую форму, как то настоятельно необходимо, а на оборот, вогнутую по середине, обуславливающую скопление вод в проезжей части полотна, размягчают грунт, расстраивают так твердую одежду улицы и образуют в более слабых местах трудно засыхающие ямы, представляющие трудно преодолимое препятствие для передвижения.

При отсутствии мостовых представляется безусловно необходимым придать улицам выпуклое по середине поперечное сечение и устройство водоотводных каналов по бокам. Однако для Саранска и такое устройство при наличности высокого уровня грунтовых вод не обеспечит хорошее состояние улиц и даже мощение их без отвода грунтовых вод не даст более или менее хороших результатов, на что ясно указывает состояние имеющихся мостовых в городе.

Высокий уровень грунтовых вод оказывал крайне негативное влияние и на санитарное состояние города, так как при отсутствии канализации в городе все отходы жизнедеятельности растворяясь в сточных водах, просачивались вместе с водой и насыщали почву «миазмами». Даже деревянные дома отсыревают и

становятся невозможными для жилья, вызывая всевозможные легочные и другие заболевания; постройка же каменных домов без тщательной и крайне дорогой бутировки фундаментного слоя не допустима. В этом отношении может помочь и отвести беду отведение грунтовых вод дренажирование. А затем дальнейшей канализацией города. Наилучшим доказательством такого положения служит то обстоятельство, что из имеющихся почти в каждом дворе колодцев вода не только не пригодна для питья, но и для омовений.

Если рассмотренные случаи, являющиеся причиной высокого уровня грунтовых вод, еще могли бы вызвать некоторые колебания в неотложной спешной необходимости дренажирования улиц города, то факты близкого разрушения некоторых жилищ граждан на Садовой улице, вследствие образования оползней, сползание самой улицы, что несет за собой прекращение сообщения и дальнейшую опасность для следующего ряда домов, образование на 2-ой Богословской улице оврага с угрозой домам стоящим по бокам его и сползание горы в овраг при Малом колодце, что повлекло уже в этом году значительную потерю ценной городской земли, подтверждают настоятельную спешную необходимость произвести дренажирование города» [2].

С учетом всех вышеназванных факторов оптимальным техническим решением для отвода грунтовых вод было признано обустройство дренажной системы по городским улицам.

Для выполнения работ по дренажированию городской управой было признано необходимым немедленно провести изыскательские работы и составить проект дренажирования со сметой стоимости работ.

В ходе изыскательских работ планировалась полная нивелировка всех улиц города Саранска с указанием на профилях уровня грунтовых вод, для чего в некоторых местах, где отсутствуют колодцы, предполагалось производство мелкого разведочного бурения.

В докладной записке городского головы также предлагалось, не ожидая окончания обследования и представления окончательного проекта дренажирования, немедленно приступить к производству работ по прекращению дальнейшего образования оврагов их укреплением и частичной засыпкой, устройством канав для стоков воды и предотвращение оползней частичным дренажированием наиболее оползнеопасных участков городской земли.

Результаты изыскательских работ планировалось использовать не только для проведения работ по дренажированию Саранска, но и для последующих работ «по удовлетворению культурных потребностей города»: для замощения улиц, проведению водопровода и канализации города и дальнейшего развития Саранска до уровня «мало-мальски культурного города».

По предварительным расчетам, представленным саранским отделением Всероссийского союза техников, стоимость подготовительных изыскательских работ должна была составить семь тысяч рублей.

Заключению договора предшествовала подготовительная работа, по итогам которой отделение союза техников представило городской управе предварительную смету на производство исследований по определению высот грунтовых воды составление проекта дренажирования города с исполнением подроб-

ных профилей улиц. Саранское отделение союза техников в соответствии со сметой, представленной в городскую управу 18 мая 1917 года должно было произвести следующие работы:

1. Производство около 50 буровых скважин по двадцать рублей каждая, считая по одной в день, силами четырех человек – 1000 рублей.

2. Нивелирование улиц города общей протяженностью 52 версты, считая по одной версте в день при одном ведущем съемку (10 рублей в день) и 4 рабочих (по 4 рубля в день) 1352 рубля.

3. Исполнение продольных профилей улиц с нанесением уровней грунтовых вод (2 человека по 200 рублей – 2 месяца) – 800 рублей.

4. Исполнение плана города с нанесением нивелировочных высот (1 человек по 200 рублей – 1 месяц) – 200 рублей.

5. Исполнение полного подробного рабочего проекта дренажирования города (3 человека: 1 – по 100 рублей, 1 – по 150 рублей, 1 – по 250 рублей в месяц, срок 3 месяца) – 1500 рублей.

6. Исполнение сметы работ по выполнению проекта дренажирования (3 человека: 2 по 100 рублей, 1 по 300 рублей, срок 2 месяца) – 1000 рублей.

7. Общий надзор за все время – 1148 рублей [3].

Стоимость всех работ указанных в смете должна была составить семь (7000) тысяч рублей. Но в процессе предварительных переговоров к моменту заключения договора его стоимость была снижена до пяти (5000) тысяч рублей.

В рамках исполнения договора саранское отделение Всероссийского союза техников принимало на себя обязательства по определению нивелированием продольного профиля всех улиц Саранска, общей протяженностью 50-60 верст, а в местах неровных и с крутыми спусками определение нивелированием уровня воды в существующих колодцах.

Саранская городская управа брала на себя обязательство уплатить исполнителю работ 5000 рублей, производя оплату по мере исполнения работ, а также предоставить для чертежных работ бесплатное помещение и за свой счет все необходимые чертежные материалы: клетчатка, калька, тушь и прочее. Срок окончания договора – 1 августа 1917 года. Но начавшиеся осенью 1917 года революционные события не позволили осуществить задуманное: дренажная и канализационная системы в Саранске будут сооружены уже в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гавриков, Ф. А.* Города русской провинции в условиях Первой мировой войны: на примере Курской губернии : дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2006. – 307 с.; *Забелин, П. В.* Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2013. – 23 с.; *Нагорная, М. С.* Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны: 1913 – февраль 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. 206 с.; *Судаков, Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой Мировой войны : дис. ... д-ра ист. наук. – Москва, 2002. – 462 с.

2. ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 1. Д.95. Л. 1, 1 об, 2.

3. ЦГА РМ. Ф. 75. Оп. 1. Д.95. Л. 7.

4. ЦГА РМ. Ф.75. Оп. 1. Д. 95. Л.10.

**СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА В ОТДЕЛЬНЫХ
СФЕРАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Шикаев Михаил Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st453056@ruc.su

**SPECIFICITY OF APPLICATION OF LAW IN SEPARATE
AREAS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY**

Shikaev Mikhail Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы применения права в отдельных сферах правоприменительной деятельности. Применение права есть специфическая форма реализации права, имеющая властно-организующий характер, осуществляемая уполномоченными на то субъектами публичной власти или, в рамках делегирования, субъектами, осуществляющими свою деятельность в публично-правовой сфере, решающими отдельные задачи государства и реализующие часть его функций.

Ключевые слова: применение права, правоприменительная деятельность, судебное правоприменение, органы исполнительной власти.

The article discusses issues of application of law in certain areas of law enforcement. The application of law is a specific form of implementation of law, which has a power-organizing nature, carried out by authorized subjects of public authority or, within the framework of delegation, by subjects carrying out their activities in the public legal sphere, solving individual tasks of the state and implementing part of its functions.

Keywords: application of rights, law enforcement, judicial enforcement, executive authorities.

Правоприменительная деятельность представляет собою властно- организованную деятельность органов публичной власти, а также иных субъектов права, которых государство уполномочила осуществлять такую деятельность, осуществляемую ими на основании и во исполнение полномочий установленных законом, как правило, в процессуальных формах, и сопровождаемая изданием (принятием) исполнительно-распорядительных актов, в целях решения задач государства во всех значимых его сферах жизнедеятельности.

Процесс правоприменения в различных органах публичной власти, уполномоченных на данный вид юридической деятельности, имеет свои отличия. Обусловлено это спецификой правоприменительной деятельности конкретных органов публичной власти и их должностных лиц, их задачами, целями и организационными особенностями.

Так, в частности, правоприменительная деятельность, осуществляемая судебными органами, имеет свою специфическую особенность, выраженную в том, что она осуществляется в виде правосудия, в соответствующих закрепленных законом формах судопроизводства. Порядок их деятельности по применению юридических норм строго регламентирован и вытекает из отраслей процессуального права.

Судебное правоприменение, как выше было отмечено, представляя собой особую разновидность применения права, реализуется в строго установленном законом порядке, нацеленном на разрешение правового конфликта (юридического спора) или установление юридического факта посредством принятия акта судебного правоприменения по рассматриваемому юридическому делу [1, с. 46].

Обоснованность и справедливость судебного решения, вытекающие из презумпции о окончательном установлении обстоятельств и истины по делу судом, являются целью судебной правоприменительной деятельности [2, с. 47].

Вступивший в законную силу правоприменительный акт судебного органа, являющийся юридическим основанием разрешения правового конфликта (юридического спора), является обязывающим всех субъектов руководствоваться положениями данного акта и исполнять его, а также руководствоваться юридической оценкой фактов изложенных в нем.

Обоснованность акта судебного правоприменения и установление всех обстоятельств по рассматриваемому делу вытекают из обязанности судом всесторонне исследовать все очевидные и относящиеся к делу факты.

Особым специфическим признаком судебного правоприменения следуют назвать судебское усмотрение, которое представляет собой правоинтерпретационную деятельность суда, связанную с формированием и утверждением, установленных по делу выводов, как допустимых и обоснованных положений, вытекающих из содержания и смысла правовых норм.

Признак справедливости судебного решения, принимаемый в процессе судебного правоприменения, предполагает ситуацию, когда равенство сторон перед судом и перед законом не только провозглашается, но и реализуется, а также претворяется постулат о соразмерности деяния и воздаяния.

Требование целесообразности в судебном правоприменении характеризуется обеспечением соблюдения интереса каждой конкретной стороны судебного процесса, как в отношении индивида, организации, так и в государства и его органов.

Абстрактный характер правовых норм, не во всех случаях жизненных обстоятельств позволяет гарантировать в полной мере защиту субъективных прав и законных интересов субъектов права, именно в этой связи целесообразно вести речь в судебном правоприменении о судебском усмотрении в разрешении конкретных юридических споров.

Требования, обуславливающие судебное правоприменение, также выражаются и в судебной практике, как особой форме правоприменительной деятельности судов, связанной как с претворением правовых норм, так и их интерпретацией.

Сущность деятельности органов государственного управления, осуществляемая органами исполнительной власти в установленных законом различных формах исполнительно-распорядительной деятельности, обусловлена тем, что они претворяют в жизнь, в областях отнесенных законом к их компетенции, положения правовых норм через издание правоприменительных актов, обязательных к исполнению подчиненными им органами и должностями лицами, юри-

дическими и физическими лицами. Безусловным требованием к деятельности органов государственного управления является их обязанность руководствоваться законом и действовать во исполнение законов.

Среди особенных признаков исполнительной власти, необходимо выделить следующие:

- исполнительная власть, наряду с законодательной и судебной, обладает определенной самостоятельностью, но при этом активно сотрудничает и взаимодействует с иными ветвями власти;
- функции исполнительной власти находятся в прямой зависимости от практической реализации законов в масштабе всей страны;
- органы исполнительной власти осуществляют свою деятельность в пределах полномочий и масштаба их реализации, предписанных законом конкретному органу;
- исполнительная власть, в лице его органов, наделена правом использования в своей деятельности принуждения;
- исполнительная власть, реализуя требования закона, проявляет себя в правоприменительной деятельности.

В тоже время в прямом ведении и распоряжении реализующих исполнительную власть субъектов находятся особенно важные структуры государственной власти: вооруженные силы, органы безопасности, полиция, финансы и др. [3, с. 275].

Органы государственного управления для достижения положительного результата в процессе своей деятельности, в пределах своей компетенции, обладают оперативной самостоятельностью, в пределах установленных нормативно-правовыми актами, что согласуется с требованиями эффективного управления делами государства и общества и оперативного реагирования на различные социальные ситуации.

Не умоляя значение каждого из органов исполнительной власти, особо следует остановиться на органах внутренних дел, который является одним из федеральных органов исполнительной власти, ведающий самым широким спектром дел вытекающих из общественных отношений охватывающих важные сферы жизни общества, государства и отдельной личности.

В Соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации», Министерство внутренних дел Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере миграции [4].

Правоприменение в деятельности ОВД выражается в реализации ими полномочий в рамках процессуальных норм соответствующих отраслей права, а также в обеспечении законной деятельности иных участников правоотношений, в том числе в осуществлении мер процессуального принуждения.

Рассмотрим специфику применения права в деятельности общественных организаций, на примере такой общественной организации как профессиональные союзы (профсоюзы).

Согласно Федеральному закону «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», профсоюзы, их объединения (ассоциации), первичные профсоюзные организации и их органы представляют и защищают права и интересы членов профсоюзов по вопросам индивидуальных трудовых и связанных с трудом отношений, а в области коллективных прав и интересов – указанные права и интересы работников независимо от членства в профсоюзах в случае наделения их полномочиями на представительство в установленном порядке» [5].

Деятельность профсоюзов представляет собой реализацию правовых норм направленных на защиту прав, свобод и законных интересов работников, а также осуществления функций и задач социального партнерства.

Профсоюзы, в рамках делегированных функций, осуществляют правозащитную деятельность, решая часть задач государства в социальной и экономической сферах жизнедеятельности общества.

Таким образом, правоприменительная деятельность профсоюзов является публично-правовой, выражающей интересы и потребности общества и отдельных ее социальных групп, коими являются работники их трудовые коллективы.

Профсоюзы, помимо всего прочего, наделены правоприменительными функциями. Однако реализуя правовые нормы, связанные с защитой прав и законных интересов работника, профсоюз уполномочен действовать от его имени и с его согласия. Это значит, что оперировать документами, принимаемыми в качестве доказательств нарушения прав работника, профсоюз может только тогда, когда сам работник на то даст свое согласие и, соответственно, правом обращения в федеральную инспекцию труда и (или) в суд профсоюз, представляющий интересы работника, также может обратиться с его согласия.

Из этого мы видим, что деятельность профсоюзов по защите прав и законных интересов работника без его письменного согласия не порождает полномочия у профсоюза и не влекут юридически значимых последствий.

Итак, правоприменение представляет собой важный социальный фактор и сферу деятельности, преимущественно органов публичной власти, оказывающий значительное, а в отдельных областях общественной жизни, решающее влияние на правовое регулирование. По мере возрастания влияния права на общественные отношения, правоприменение представляет собой особую форму трансформации правовой нормы в практику.

В различных областях общественной жизни, общественные отношения, урегулированные нормами права, имеют конкретные особенности правоприменительной деятельности. Это обусловлено спецификой деятельности субъектов правоприменения, вытекающей из целей и задач их деятельности, места в системе правоприменительной деятельности, их полномочий и организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин, А. В.* Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. – 2021.
2. *Ситникова, О. В.* Суд и нотариат: общие и специфические черты правоприменительной деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина // Гражданин и право. – 2020. – № 10.

3. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2010.

4. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 1.03.2011 г. № 248 [в ред. от 30.09.2022 г.] // Российская газета. – 2 марта 2011 г. – № 43.

5. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ [в ред. от 1.01.2022 г.] // Российская газета. – 1996. – № 12.

УДК 340.132

АКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Шикаев Михаил Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st453056@ruc.su

ACTS OF LAW ENFORCEMENT AND THEIR LEGAL CHARACTERISTICS

Shikaev Mikhail Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы, посвященные пониманию акта правоприменения как особой разновидности юридического акта-документа с присущими только ему признаками и свойствами.

Правоприменительный акт в своих основных признаках представляет собой индивидуально-определенный документ, издаваемый уполномоченным на то субъектом публичной власти в установленном порядке, по конкретному юридическому делу, в целях его разрешения, исходя из пределов действия акта.

Ключевые слова: акт применения права (правоприменительный акт), публично-властный, индивидуально-правовой, юридическое дело.

The article discusses issues related to understanding the act of law enforcement as a special type of legal act-document with features and properties inherent only to it.

A law enforcement act, in its main features, is an individually defined document issued by an authorized subject of public authority in the prescribed manner, on a specific legal matter, in order to resolve it, based on the scope of the act.

Keywords: act of application of law (law enforcement act), public-authority, individual-legal, legal matter.

Издание акта правоприменения является итоговой стадией правоприменительной деятельности субъектов, наделенных полномочиями осуществлять данный вид юридической деятельности. В настоящее время юридическая наука изобилует определениями «правоприменительный акт», в которых авторы данных определений акцентируют внимание на тех или иных существенных свойствах и признаках правоприменительного акта. Однако, по нашему мнению, наиболее содержательным, выражающим юридическое содержание правоприменительного акта и его суть, представлено в определении данное В. В. Лазаревым, в котором под правоприменительным актом понимается «государственно-

властный индивидуально-определенный акт, издаваемый компетентным субъектом права по конкретному юридическому делу с целью определения наличия или отсутствия субъективных прав и юридических обязанностей и определения их меры на основе соответствующих правовых норм и в интересах их нормального осуществления» [1, с. 106].

Правоприменительные акты классифицируются исходя из множества вариаций и оснований.

Правоприменительные акты имеют соответствующие названия, которыми облачают свои решения те или иные правоприменительные органы, в строгом соответствии с требованиями законодательства. Такими правоприменительными актами являются: указы, распоряжения, постановления, приговоры, приказы, решения и т.д.

Каждый правоприменительный акт издается в целях воплощения требований правовых норм в конкретной области правоотношений: конституционно-правовых, уголовно-правовых, финансово-правовых, административно-правовых, и т.д., т.е. исходя из предмета правового регулирования.

Акты правоприменения влекущие те или иные юридические последствия классифицируются на: правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие. Такое деление носит относительно условный характер, т.к. один и тот же акт способен породить каждое из указанных юридических последствий.

В зависимости от действия правоприменительного акта по кругу лиц, принято выделять: акты индивидуального и общего действия.

Исходя из целей и задач правоприменительной деятельности, принято классифицировать правоприменительные акты по типу (режиму) правового регулирования на:

- акты, на основании которых первоначально устанавливают, а в итоге заключают истинное правовое положение лица в конкретном периоде времени. Такие акты называются регистрационными;

- акты, которые фиксируют согласие компетентного органа на возможность применения отдельным субъектом конкретно определенного права установленных правоприменительным органом или должностным лицом обстоятельствах, учитывающих условия времени, места, порядка применения нормы права и т.д. Такие акты называются разрешительными;

- акты, вводящие запрет на совершение тех или иных конкретных действий. Такие акты называются запретительными;

- акты, которые устанавливают ограничения, направленные на конкретное лицо (лиц). Такие акты называются ограничительными.

В юридической науке содержатся и иные основания классификации правоприменительных актов, нами рассмотрены лишь основные.

Правоприменительному акту, как разновидности юридического документа, отличающего его от иных видов юридических актов, присущи особые признаки и свойства. Остановимся на отдельных его признаках и рассмотрим их.

Одним из основных признаков правоприменительного акта является его подзаконный характер. Данный признак вытекает из такого его понимания, что правоприменительные акты издаются строго на основании и во исполнение за-

конов Российской Федерации, на уровне же субъектов Российской Федерации, законов субъектов Российской Федерации.

Другим, вытекающим из понимания правоприменительного акта признаком, является его публично-властный характер. Правоприменительные акты издаются органами публичной власти и их должностными лицами, уполномоченными на это, имеющие обязательное для его адресатов значение, обеспечиваемые силой государственного принуждения. При этом следует отметить, что у адресатов правоприменительного акта есть право обжаловать содержащееся в нем решение в вышестоящем органе публичной власти либо в суде.

Индивидуально-правовой характер акта применения права выступает другим типичным его признаком. Действие правоприменительных актов направлено на строго определенный круг лиц (лицо), являющихся субъектами реализации полномочий органа публичной власти, в рамках рассматриваемого юридического дела.

Данный признак, является одним из отличительных свойств, который отличает акт применения права от нормативно-правового акта. Последний свою юридическую силу распространяет на неопределенный круг лиц, с многократным осуществлением в отношениях, в которых субъекты абстрактны и имеют обобщенный характер [2, с. 492].

Специфичная, утвержденная нормативно-правовым актом форма выражения правоприменительного акта, является еще одним из его особых признаков. Решение, обозначенное в акте правоприменения, находит свое выражение в официальной, чаще всего, письменной форме. Это, однако, не говорит о том, что письменная форма является обязательной. Законом допускается выражение волеизъявления компетентного органа в устной и конклюдентной формах. Данное свойство правоприменительных актов является еще одним отличительным от нормативно-правовых актов признаком, тогда как нормативно-правовые акты приобретают свою юридическую силу в результате их официального опубликования в письменной форме, если иное не установлено законом.

Специально-формализованный характер правоприменительных актов выступает еще одним специфическим их признаком. Правоприменительные акты при подготовке к изданию проходят строго установленные стадии и процедуры, экспертизу и юридическую оценку. Официально утвержденная форма, наименование и реквизиты правоприменительного акта, есть его атрибутивные признаки [3, с. 116].

Правоприменительные акты порождают определенные юридически значимые последствия, в связи с чем они являются разновидностью юридических фактов, вызывающих, изменяющих и прекращающих соответствующие правоотношения.

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует вывод, что правоприменительные акты – юридические документы, как следствие, содержащие в себе текст, подготовленный и изложенный в соответствии с правилами юридической правоприменительной техники. В целях поддержания в должном порядке правоприменительную работу, акты применения права имеют стандартизированную форму.

Ранее мы упоминали о признаке структурированности правоприменительного акта, теперь остановимся подробнее на этом его свойстве.

Классическая структура правоприменительного акта предполагает наличие четырех его частей:

- предшествующая всему остальному тексту правоприменительного акта структурная его часть, которая содержит сведения о наименовании акта, места и времени его издания, а также органа или должностного лица, издающего данный акт, в том числе и сведения о сторонах правоприменительного процесса – это вводная часть.

- часть правоприменительного акта, в которой описываются фактические обстоятельства рассматриваемого дела, в рамках его предмета, в том числе место, время, субъекты по делу и способы совершения действий – это описательная часть.

- сведения о доказательствах, их анализ, установление фактических обстоятельств дела, их обоснование, выбор правовой нормы или норм, руководство официальными их разъяснениями и, в целом, юридическая квалификация дела – это мотивировочная часть акта применения права.

- структурная часть правоприменительного акта, содержащая само решение по рассматриваемому делу, вид и меру государственного воздействия – это резолютивная часть.

Отдельные правоприменительные акты могут не содержать описательную и мотивировочную части [4, с. 24].

Как известно, нормативно-правовые акты отличаются своим действием в пространстве, во времени и по кругу лиц. Акты правоприменения в данном случае не являются исключением и в то же время обладают собственной спецификой действия.

Также следует понимать, что правоприменительный акт необязательно приобретает юридическую силу к моменту его исполнения. Соответственно, необходимо разграничивать такие понятия как «вступление правоприменительного акта в силу» и «исполнение (реализация) правоприменительного акта».

Помимо этого, утрата действия акта правоприменения имеет место быть в случаях его пересмотра либо прекращения производства по юридическому делу.

Изменение или прекращение правового отношения, в рамках которого был издан правоприменительный акт, может выступать одним из оснований прекращения действия правоприменительного акта или условий его реализации.

Действие правоприменительных актов в пространстве, имеет свою специфику, которая выражается в следующих способах его действия:

- на всей территории страны;
- на территории определенного субъекта РФ;
- на территории конкретного муниципального образования;
- на локализованной территории (предприятие, организация и т.п.).

Таким образом, правоприменительные акты – это юридические документы, представляющие собой индивидуально-распорядительные, публично-властные решения уполномоченных на данный вид юридической деятельности органов

публичной власти и их должностных лиц, издаваемые на основании и во исполнение правовых норм, по конкретному юридическому делу.

Классифицируют правоприменительные по множеству оснований, в зависимости от их юридической цели, задач и функций.

Правоприменительный акт характеризуется не только определенным набором присущих только ему признаков, но и особенностями его структурирования. Правоприменительный акт имеет четкую структуру, включающую, как правило, четыре части.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лазарев, В. В.* Эффективность правоприменительных актов. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1975.

2. Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом : материалы Международной научно-практической конференции (20 ноября 2021 г.) : в 2 т. Том 2 / под общ. ред. В. Л. Кудрявцева. – Челябинск : Филиал МПГУ ЮУПИ, 2021.

3. *Тихомиров, Ю. А.* Действие закона. – Москва : Инфра-М, 2019.

4. *Витрук, Н. В.* Акты применения в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 23-29.

УДК 347.133

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Юськаева Любовь Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807306@ruc.su

PARTICULAR PROBLEMS OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Yuskaeva Lyubov Mikhailovna, master's student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Одним из практически значимых вопросов является проблема разграничения института неосновательного обогащения от последствий признания сделки недействительной. Настоящая редакция Гражданского кодекса Российской Федерации оставляет простор для трактовок в отношении порядка применения кондиционных и реституционных требований, что приводит к конкуренции исков.

Ключевые слова: сделка, виды сделок, недействительные сделки, гражданское право, правомерность.

One of the practically significant issues is the problem of distinguishing the institution of unjust enrichment from the consequences of declaring a transaction invalid. This edition of the Civil Code of the Russian Federation leaves room for interpretation regarding the procedure for applying conditional and restitution requirements, which leads to competition of claims.

Keywords: transaction, types of transactions, invalid transactions, civil law, legality.

Исследование и применение принципа эстоппеля, который заслужил значительное внимание среди российских юристов и нашел свое место в судебных делах, становится все более актуальным в рамках современной правовой практики, особенно при разделении требований, основанных на условиях или возврате. Несмотря на отсутствие четкого определения в законодательстве, его роль в гражданском деле остается неоспоримой. Этот принцип, получивший широкое распространение в международной юридической среде, в последнее время подвергается тщательному изучению, что помогает выделить различия между условными и возвратными исками. Важно также обратить внимание на научные работы, посвященные разбору его сущности и применения в правовых спорах, особенно в контексте конкуренции. Согласно позиции К. А. Роор «под эстоппелем необходимо понимать частное проявление принципа добросовестности, заключающееся в запрете участникам гражданских правоотношений действовать непоследовательно: создавать у контрагента определенное понимание юридической ситуации, ожидая, что последний будет разумно на ее полагаться, а затем изменить свою позицию» [1]. По мнению М. З. Шварца, доктрина эстоппель состоит в «запрете противоречивого поведения, в запрете извлекать преимущества из смены своей позиции, в запрете сначала создавать иллюзию у контрагента в добропорядочности, а потом отступить от ранее сделанных заявлений» [2].

Толкования норм, которые закреплены в п. 2, п. 5 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), позволяет сделать вывод, что если во время заключения сделок одна из сторон вела себя непоследовательно и в ее действиях усматривается противоречивость, то у нее пропадает право ссылаться на недействительность сделок. Подобное поведение может рассматриваться как недобросовестное, что в свою очередь противоречит принципу добросовестности, закреплённому в ст. 1 ГК РФ. В подтверждение данной позиции можно привести мнение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации, согласно которой «требования должника о признании договора займа недействительным могут свидетельствовать о наличии злоупотребления правом в том случае, если таковые заявлены после предъявления иска о взыскании долга по договору, в то время как действия заемщика давали займодавцу основания рассчитывать на действительность сделки».

Основываясь на вышеизложенном и применении законодательства и судебной практики можно говорить о двух разновидностях эстоппеля в контексте оспаривания сделки. Если при заключении сделки лицо было осведомлено о ее потенциальной недействительности, оно не имеет оснований для ее оспаривания. Когда же лицо действует недобросовестно, его право на контестацию сделки также отсутствует. Хотя на первый взгляд эти обстоятельства кажутся схожими, существуют отличия в их интерпретации в рамках судебной практики, где применяются различные подходы к использованию принципа эстоппеля.

В особом рассмотрении оказывается, что сфера применения эстоппеля в случае недобросовестности лица значительно шире. Во-первых, положения норм п. 2 ст. 166 ГК РФ применяются только к оспоримым сделкам, то во втором, п. 5 ст. 166 ГК РФ касается всех ничтожных сделок. Подтверждающие факты такого

положения дел можно найти в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «где указано, что в случае недобросовестного поведения лица сделанное им в любой форме заявление о недействительности сделки и о применении последствий недействительности сделки не имеет правового значения».

Примером, иллюстрирующим эту проблематику, служат ситуации, когда сделки заключаются с нарушением нормативных актов, неизвестных сторонам в момент подписания договора. Интересный инцидент, произошедший еще до того, как спорный принцип был официально включен в Гражданский кодекс РФ, лишь подчеркнул необходимость его применения. Ситуация, достигшая рассмотрения в Верховном Суде РФ, касалась иска от иностранной банковской структуры к российскому заемщику о возврате кредитных средств.

В соответствии с законами РФ, в частности с положениями, изданными Центральным Банком России, кредитные учреждения иностранные не имеют статуса банка в пределах Российской Федерации, а следовательно, не обладают правом предоставления кредитов. Эта концепция легла в основу решений судов первой инстанции, которые обозначили договоры между россиянами и зарубежными кредиторами как недействительные.

Необходимо обратить внимание, что это классический случай, который удачно и наглядно показывает переменчивость поведения сторон в процессе осуществления обязанностей по сделкам. Делаем вывод, что именно для предотвращения подобных ситуаций, принцип эстоппель введен в российское законодательство и в этом его основное предназначение.

Отличие в использовании разделов 2 и 5 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации заключается в особенностях требований к доказательствам. При обращении к разделу 2 статьи 166 необходимо убедить в том, что обе стороны осознавали обстоятельства, которые они сейчас пытаются оспорить для признания сделки недействительной на момент ее заключения. В контексте раздела 5 той же статьи, требуется демонстрация конкретных действий другой стороны, которые можно расценить как недобросовестные. Важно понимать, что различие в подходах к применению этих статей важно не только с теоретической точки зрения. Оно имеет конкретное практическое значение, особенно когда речь идет о доказывании недобросовестности действий одной из сторон в судебном порядке.

Применение принципа эстоппеля в области гражданского права сталкивается с множеством препятствий. Исследования показывают, что правовая система страны пока не полностью адаптирована к таким нововведениям, и часто возникают сложности с пониманием предпосылок, заложенных законодателем. Важно, чтобы лица, применяющие закон, осознавали, что доктрина эстоппеля не может быть применена, если обе стороны демонстрируют недобросовестность в той или иной форме.

Необходимо, чтобы законодатель сосредоточил усилия на обеспечении consistency в использовании эстоппеля, но уже само появление таких норм свидетельствует о значительном шаге в направлении защиты интересов честных участников в гражданском деле.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип эстоппеля является средством сдерживания недобросовестного поведения сторон, выполняет предупредительную функцию в контексте противоречивого поведения сторон.

Как отмечалось выше, реституция является одним из основных последствия недействительности сделки, ее правовую природу мы раскрыли выше. Отметим, что в теории гражданского права ведутся дискуссии по поводу правового положения данного института.

Представляется, что в законодательстве не предусмотрены все случаи, которые возникают на практике в связи с тем, что имущество может быть утеряно или испорчено, или напротив было несоразмерно улучшено, а в таких случаях применение реституции усложняется. В таких случаях начинает действовать другие нормы Гражданского Кодекса, а именно в соответствии со статьей 1103 «... если иное не установлено настоящим кодексом, другими законами или правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила, предусмотренные главой 60 ГК РФ, подлежат также применению к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке».

На практике возникают случаи, когда эти обязательства конкурируют между собой. Конкуренция предполагает наличие общих черт между институтами, в процессе применения одного из них у лица может возникнуть практическая выгода.

На основании ст. 27.1 КоАП Российской Федерации должностное лицо государственных органов, наделенное соответствующими служебными полномочиями российским административным законодательством имеет процессуальное право и соответственно может осуществлять меры обеспечения, направленные на обеспечение административного производства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кондикционные и реституционные требования соотносятся по двум основным аспектам.

Во-первых, реституция может быть рассмотрена как требование из неосновательного обогащения в случаях ничтожных сделок, когда основание к обогащению отсутствовало в силу правовой конструкции. При этом у потерпевшего возникает дополнительная выгода заявить требования о неосновательном обогащении, так как в этом случае возникает возможность заявить требования о возмещение доходов из пользования имуществом.

В случаях с оспоримыми сделками следует заметить, что их правовая конструкция базируется на том, что основание для обогащения, существовавшие изначально, в последствие отпало. Однако в предмете иска определена не индивидуально-определенная вещь, то возникает конкуренция между реституцией и кондикцией. В таком случае в качестве главенствующей объекта истребования имущества по оспоримой сделке, является тот факт, что такая сделка должна быть признана судом недействительной, то есть чтобы предъявить требования неосновательного обогащения необходимо решение суда, что усложняет процесс.

Во-вторых, соотношение кондикции и реституции базируется на том, что в нормах о недействительности сделок не прописаны положения для сложных случаев, которые могут возникнуть на практике и тогда для разрешения спор-

ных ситуаций необходимо руководствоваться нормами о неосновательном обогащении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роор, К. А. Понятие и сущность эстоппеля / К. А. Роор // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7(92). – С. 71-81.
2. Шварц, М. З. Некоторые размышления над институтом эстоппель / М. З. Шварц // Арбитражные споры. – 2016. – № 1. – С. 95-99.

УДК 347.133

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

Юськаева Любовь Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807306@ruc.su

LEGAL DESCRIPTION OF INVALID TRANSACTIONS

Yuskaeva Lyubov Mikhailovna, master's student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В условиях особой необходимости развития бизнеса преодоление санкционного воздействия и увеличения количества обходных путей субъекты хозяйственной деятельности нуждаются в понятном и четком механизме защиты своих прав. Таким механизмом, бесспорно, является институт признания сделки недействительной.

Ключевые слова: сделка, недействительные сделки, условия недействительности сделок, гражданское право, правомерность.

In conditions of a special need for business development, overcoming the sanctions impact and increasing the number of workarounds, business entities need an understandable and clear mechanism for protecting their rights. Such a mechanism is undoubtedly the institution of invalidating the transaction.

Keywords: transaction, invalid transactions, terms of invalidity of transactions, civil law, legality.

Сложность и неоднозначность трактовки статей, например статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся недействительности сделок, вызывает многочисленные споры и дебаты среди юридического сообщества и академиков. Это неопределенность в законодательных формулировках делает российское гражданское законодательство трудным для осмысления и эффективного использования в жизни. Таким образом, вопросы, связанные с недействительностью сделок, часто оказываются предметом судебного разбирательства, что подчеркивается упоминанием о «судебной практике применения законодательства». Сама сущность современного гражданского законодательства в РФ подвергается критике за создание условий, при которых подлинность сделок оспаривается, что, в свою очередь, порождает юридические сложности и различия во мнениях специалистов.

Когда дело доходит до оспаривания подобных мнимых сделок в суде, ключевым моментом является подготовка к возможным сложностям в доказывании их недействительности, особенно если прямых свидетельств недобросовестности одной из сторон нет.

Следовательно, важно провести глубокий анализ всех факторов, которые имеют отношение к совершению сделки, и разработать свою стратегию, опираясь на всесторонний анализ для подтверждения того, что сделка является недействительной.

Исследование и применение принципа эстоппеля, который заслужил значительное внимание среди российских юристов и нашел свое место в судебных делах, становится все более актуальным в рамках современной правовой практики, особенно при разделении требований, основанных на условиях или возврате. Несмотря на отсутствие четкого определения в законодательстве, его роль в гражданском деле остается неоспоримой. Этот принцип, получивший широкое распространение в международной юридической среде, в последнее время подвергается тщательному изучению, что помогает выделить различия между условными и возвратными исками. Важно также обратить внимание на научные работы, посвященные разбору его сущности и применения в правовых спорах, особенно в контексте конкуренции.

В современном мире понятия, как «юриспруденция», «законы», «нормы», и «ответственность» невозможно игнорировать. Их важность подчеркивается, когда бизнес и обычные граждане сталкиваются с неопределенностями, вынуждены искать справедливости в судах, защищая свои права. Это указывает на необходимость переоценки и обновления законодательных норм, касающихся недействительности сделок, чтобы предотвратить ненужные затраты и задержки для участников этих сделок. Ключевым аспектом становится разработка более ясных критериев.

Примером, иллюстрирующим эту проблематику, служат ситуации, когда сделки заключаются с нарушением нормативных актов, неизвестных сторонам в момент подписания договора. Интересный инцидент, произошедший еще до того, как спорный принцип был официально включен в Гражданский кодекс РФ, лишь подчеркнул необходимость его применения. Ситуация, достигшая рассмотрения в Верховном Суде РФ, касалась иска от иностранной банковской структуры к российскому заемщику о возврате кредитных средств.

В соответствии с законами РФ, в частности с положениями, изданными Центральным Банком России, кредитные учреждения иностранные не имеют статуса банка в пределах Российской Федерации, а следовательно, не обладают правом предоставления кредитов. Эта концепция легла в основу решений судов первой инстанции, которые обозначили договоры между россиянами и зарубежными кредиторами как недействительные.

Чтобы улучшить прозрачность и эффективность в области правоприменения, необходимо оптимизировать механизмы, которые позволяют устанавливать факт недействительности сделок. В контексте правоприменения, определенные виды сделок, включая мнимые и притворные, определенные статьей 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляют собой значительные

трудности для доказывания их недействительности. Эта сложность усугубляется тем, что ответчики часто уклоняются от участия в судебных процессах или предъявляют неоспоримые аргументы в пользу законности этих сделок. Мнимые сделки, которые оформляются без истинного намерения сторон вступить в юридически значимые отношения, выделяются на общем фоне и привлекают особое внимание в сфере правоприменения.

Важно осознавать, что некоторые сделки создаются не с целью породить легальные обязательства, а скорее для того, чтобы внешне удовлетворить формальные требования, тем самым маскируя отсутствие истинных намерений вести юридически значимые действия. Эти операции ориентированы на внешнее соблюдение процедур, в то время как их реальная цель - лишь создать видимость заключения сделки без намерения придавать ей юридическую силу.

Отличие в использовании разделов 2 и 5 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации заключается в особенностях требований к доказательствам. При обращении к разделу 2 статьи 166 необходимо убедить в том, что обе стороны осознавали обстоятельства, которые они сейчас пытаются оспорить для признания сделки недействительной на момент ее заключения. В контексте раздела 5 той же статьи, требуется демонстрация конкретных действий другой стороны, которые можно расценить как недобросовестные. Важно понимать, что различие в подходах к применению этих статей важно не только с теоретической точки зрения. Оно имеет конкретное практическое значение, особенно когда речь идет о доказывании недобросовестности действий одной из сторон в судебном порядке.

Применение принципа эстоппеля в области гражданского права сталкивается с множеством препятствий. Исследования показывают, что правовая система страны пока не полностью адаптирована к таким нововведениям, и часто возникают сложности с пониманием предпосылок, заложенных законодателем. Важно, чтобы лица, применяющие закон, осознавали, что доктрина эстоппеля не может быть применена, если обе стороны демонстрируют недобросовестность в той или иной форме. Подойдя к вопросу рассмотрения дел судами, важно учитывать, какая из совершенных сделок принесла вред третьей стороне, а какая принесла пользу. В результате анализа, необходимо рассматривать совокупность этих факторов для объективного вынесения решения [1].

Необходимо, чтобы законодатель сосредоточил усилия на обеспечении consistency в использовании эстоппеля, но уже само появление таких норм свидетельствует о значительном шаге в направлении защиты интересов честных участников в гражданском деле.

Как отмечалось выше, реституция является одним из основных последствия недействительности сделки, ее правовую природу мы раскрыли выше. Отметим, что в теории гражданского права ведутся дискуссии по поводу правового положения данного института.

Представляется, что в законодательстве не предусмотрены все случаи, которые возникают на практике в связи с тем, что имущество может быть утеряно или испорчено, или напротив было несоразмерно улучшено, а таких случаях применение реституции усложняется.

На практике возникают случаи, когда эти обязательства конкурируют между собой. Конкуренция предполагает наличие общих черт между институтами, в процессе применения одного из них у лица может возникнуть практическая выгода.

На основании ст. 27.1 КоАП Российской Федерации должностное лицо государственных органов, наделенное соответствующими служебными полномочиями российским административным законодательством имеет процессуальное право и соответственно может осуществлять меры обеспечения, направленные на обеспечение административного производства.

Кондикционные и реституционные требования соотносятся по двум основным аспектам:

1. Реституция может быть рассмотрена как требование из неосновательного обогащения в случаях ничтожных сделок, когда основание к обогащению отсутствовало в силу правовой конструкции. При этом у потерпевшего возникает дополнительная выгода заявить требования о неосновательном обогащении, так как в этом случае возникает возможность заявить требования о возмещении доходов из пользования имуществом. В случаях с оспоримыми сделками следует заметить, что их правовая конструкция базируется на том, что основание для обогащения, существовавшие изначально, в последствие отпало. Однако в предмете иска определена не индивидуально-определенная вещь, то возникает конкуренция между реституцией и кондикцией. В таком случае в качестве главенствующей объекта истребования имущества по оспоримой сделке, является тот факт, что такая сделка должна быть признана судом недействительной, то есть чтобы предъявить требования неосновательного обогащения необходимо решение суда, что усложняет процесс.

2. Соотношение кондикции и реституции базируется на том, что в нормах о недействительности сделок не прописаны положения для сложных случаев, которые могут возникнуть на практике и тогда для разрешения спорных ситуаций необходимо руководствоваться нормами о неосновательном обогащении [2].

В заключение стоит отметить, что глубокое понимание и тщательное изучение категорий недействительных сделок критически важно для поддержания законности и защиты прав участников. Устойчивость юридических взаимоотношений и предотвращение будущих споров возможно лишь при условии детального рассмотрения и точного выявления случаев, когда сделки не имеют юридической силы. Ключевым аспектом является осознание того, что в определенных ситуациях необходимо провести процесс оспаривания сделок с целью их аннулирования, что может быть обусловлено различными факторами, в том числе нарушениями законодательства, недействительностью договоренностей или неосведомленностью участников о ключевых аспектах сделки.

Важность выбора правильного метода разрешения споров, будь то судебные разбирательства, переговоры, медиация или арбитраж, не может быть недооценена, особенно когда речь идет о защите прав и интересов участников. Эффективное оспаривание сделок, которое часто приводит к признанию их недействительными в судебном порядке, подчеркивает необходимость обращения за профессиональной юридической помощью. Это обеспечивает не только пра-

вильное следование процедуре, но и повышает шансы на успешное разрешение спора. От правильного выбора стратегии разрешения зависит поддержание правопорядка и защита законных интересов всех сторон. В результате, добиваясь отмены сделок, можно значительно укрепить основы правопорядка и справедливости в социальной структуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муртазалиева, Н. К. Проблемы правовой квалификации недействительных сделок / Н.К. Муртазалиева // Студенческая наука: созидая будущее : Всероссийская научно-практическая конференция. – Курск : Курский государственный университет, 2024. – С. 463-467.
2. Семенюк, Т. Г. Сделки в обход закона и их отличие от мнимых и притворных сделок / Т. Г. Семенюк // Colloquium-journal. – 2020. – № 47(56). – С. 78-79.

УДК 343.352

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ямбусhev Файль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Голов Сергей Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su; st806125@ruc.su

LEGAL BASIS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yambushev Fail Shamilevich, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Golov Sergey Alexandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Формирование эффективной антикоррупционной политики в Российской Федерации является необходимым условием нормального функционирования всех сфер жизнедеятельности государства и общества, основанным на строгом соблюдении требований закона.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, противодействие коррупции.

The formation of an effective anti-corruption policy in the Russian Federation is compliance with the conditions of the normal regime of the entire sphere of life of the state and society, based on strict compliance with the requirements of the law.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, anti-corruption.

Государственная антикоррупционная политика является одной из ведущих направлений и сфер деятельности современного российского государства и представляет собой систему научных, финансово-экономических, правовых, организационных, информационных, идеолого-пропагандистских средств, направленных на формирование в обществе стойкого негативного отношения к коррупционным проявлениям и искоренению их причин и условий.

Говоря о правовой природе антикоррупционной политики, следует отметить,

что она основывается на законах, подзаконных нормативно-правовых актах и правовых принципах, направленных на противодействие коррупции. Она является частью общей правовой системы государства и строится на принципах верховенства права, равенства всех перед законом, справедливости и законности.

В своем Послании Федеральному Собранию РФ В. В. Путин делал акцент на том, что «антикоррупционная деятельность – это не театральная постановка, а серьезное мероприятие, для выполнения которого требуется профессионализм и ответственность, только в таком случае можно получить положительный результат, и вместе с этим осознанную, широкую поддержку со стороны общества» [1].

Коррупция в стране настолько системна, что сложна не только для выявления, но и для эффективного противодействия, поэтому все программы и проекты, направленные на пресечение этого социально опасного явления, должны быть ориентированы на достаточно длительный период времени. Все это обусловлено тем, что коррупционные связи формировались не один десяток лет, и коррупция стала неотъемлемой частью обыденной жизни российского общества, поэтому нельзя рассчитывать на скорый результат той или иной программы по противодействию коррупции в короткие сроки. Борьба с коррупцией должна проводиться планомерно и поэтапно, добиваясь своей результативности.

Для пресечения коррупционных правонарушений, в масштабах приемлемых для безопасности общества и нормального его функционирования, необходимо направить все необходимые ресурсы государства на устранение факторов возникновения коррупции как явления.

В нашей стране за последние годы сформирована и упорядочена полноценная антикоррупционная правовая база. При этом необходимо отметить, что в правовой антикоррупционной базе происходят серьезные изменения в связи с проведением СВО и общемировой политической обстановкой.

Правовая, экономическая и организационная система отношений по противодействию коррупции в нашей стране формировалась в последние десятилетия на основе международных договоров.

Одним из основополагающих международных договоров по вопросам противодействия коррупции являлась Конвенция Совета Европы (СЕ) «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Council of Europe Criminal Law Convention Corruption) [2].

В настоящее время Россия прекратила свое членство в Совете Европы, что привело к денонсации данной Конвенции нашей страной. 9 января 2023 г. Президент РФ внес в Государственную Думу проект закона о денонсации Конвенции. 15 февраля 2023 года Государственная Дума одобрила денонсацию.

Но выход из Конвенции не означает, что Россия лишается международного сотрудничества и отмену в России антикоррупционного законодательства.

Россия остается активным участником международных отношений в вопросах противодействия коррупции. Среди основных международных договоров Российской Федерации в противодействии коррупции являются: Конвенция ООН против коррупции (UNCAC) от 31.10.2003 г., Конвенция ООН против

транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г., Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 15.02.1999 г., Конвенция Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 17.12.1997 г. и др.

Международная обстановка, сложившаяся в мире в связи с проведением СВО и, как следствие, введенные в отношении России многочисленные санкции, существенно нарушили связи и контакты с многими государствами по вопросам международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Российская Федерация, в этой сложной международной обстановке, перестраивает свою финансово-экономическую систему, работу органов публичной власти всех уровней и организаций. Это обстоятельство, однако не умоляет и фундаментально не подрывает выстроенную в нашей стране антикоррупционную правовую систему, в которую многие международные договоры уже имплементированы.

Основным специальным законодательным антикоррупционным актом в Российской Федерации является Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ [3].

В Указе Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности на период до 2030 года» отмечаются многочисленные угрозы в сфере экономической безопасности РФ, но одной из серьезнейших угроз указана коррупция [4].

В последнее десятилетие в Российской Федерации принимаются антикоррупционные национальные программы и планы. Указом Президента Российской Федерации от 03.12.2013 г. № 878 создано Управление по вопросам противодействия коррупции. Генеральной прокуратурой РФ и Министерством внутренних дел РФ от 30.06.2022 г. № 361/11/1 утвержден Перечень преступлений коррупционной направленности.

Необходимо отметить, что наряду с правотворческой деятельностью органов публичной власти, значительную и заметную роль в отношениях по противодействию коррупции играют суды. Так, в частности, определениями Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 г. № 2650-О, 2652-О, 2653-О, 2654-О установлена правомерность и законность обращения в доход государства незаконного обогащения, определив это таким видом обогащения, законность получения которого чиновником не подтверждена, возложив обязанность разумно обосновать и доказывать этот факт на коррупционера [5]. Исходя из этого можно говорить о необходимости закрепления официального законодательного определения понятия «незаконного обогащения, связанного с коррупционными правонарушениями».

Также целесообразно формально раскрыть дефиницию понятия «коррупционное правонарушение» в Федеральном законе «О противодействии коррупции», так как при отсутствии в Законе этой дефиниции, «коррупционное правонарушение» представляется расплывчатой, не строго конкретной юридической категорией.

Стоит согласиться с тем, что все причины коррупции взаимосвязаны как

напрямую, так и косвенно с несовершенным механизмом функционирования государственной власти.

Органы государственной власти являются основной средой проявления коррупции. Это связано с тем, что государственные служащие обладают организационными, исполнительными, контрольно-надзорными, юрисдикционными и разрешительными полномочиями.

Коррупционные правонарушения полностью искоренить не представляется возможным ни в одной стране мира, но это не повод не работать над этой проблемой и оправдывать этим слабую эффективность антикоррупционной политики. Необходимо стремиться к снижению масштабов коррупции до такого уровня, что она перестанет быть проблемой, не будет наносить существенного вреда обществу, государству и бизнесу, в частности, оказывая негативное влияние на него, повышая транзакционные издержки предпринимателей и формируя не здоровую экономическую среду.

Наиболее эффективным способом противодействия коррупционным проявлениям, требующим меньших экономических, организационных, правовых и иных затрат, является профилактика. Так, в целях профилактики коррупционных правонарушений Указом Президента РФ от 25.04.2022 г. № 232 введена в действие государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон» [6].

Президентом РФ были внесены изменения в отдельные законодательные акты РФ, в части, в использовании государственных информационных систем на государственной гражданской службе РФ, где буквально, создал «реестр коррупционеров», которые в случае увольнения со своих должностей в связи с утратой доверия будут находиться в этом списке на протяжении пяти лет [7].

Говоря о перспективах антикоррупционной политики в РФ, хотелось бы отметить тенденцию более активного внедрения технологии искусственного интеллекта (ИИ) в сфере противодействия коррупции.

Для реализации целей внедрения ИИ в отношения по противодействию коррупции в обществе и органах публичной власти необходимо самым тщательным образом подойти к формированию соответствующей правовой базы, так как эта область отношений делает свои первые шаги и следовательно неизбежны просчеты, пробелы и иные сложности в правовом регулировании данной области отношений.

Изучая тенденции воплощения в жизнь антикоррупционной политики государства, был сделан вывод о том, что для противодействия коррупции, необходимо обеспечить реализацию программ и проектов, нацеленных на длительный период времени, от пяти до десяти лет.

Основной целью антикоррупционной политики в современном российском обществе должно быть формирование нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям, для чего необходимо разработать методику антикоррупционной борьбы, надзор за которой должен осуществлять орган особой компетенции в лице Генеральной прокуратуры РФ.

Только строгое соблюдение законов Российской Федерации обеспечит благоприятную среду и создаст необходимые условия для решения основных задач

страны – роста экономики, сокращения числа населения, находящегося за чертой бедности, формирование стабильного и неуязвимого среднего класса, да и в целом заложит фундамент эффективного государства, что приведет к конкурентоспособности страны на мировой арене, что особенно актуально для нашей страны в настоящее время.

Антикоррупционная правовая политика государства – это не только система мер жесткого, репрессивного законодательства и правоприменения, но в первую очередь это механизм эффективного исполнения антикоррупционного законодательства, а также комплекс мер, направленных на профилактику коррупционных правонарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 г. // Российская газета. – 2016. – № 7142.
2. Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 27.01.1999 г. – URL: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/173.htm>
3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 8.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
4. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
5. Определения Конституционного Суда РФ 02.10.2019 г. № 2650-О, 2652-О, 2653-О, 2654-О. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72782576/>
6. Указ Президента РФ от 25.04.2022 г. № 232 (ред. от 26.10.2023) «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/news/1540876/>
7. Федеральный закон от 28.12.2017 г. № 423-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования государственных информационных систем на государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – № 74631.

УДК 35.08

ПОНИМАНИЕ ГАРАНТИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Ямбушев Фаиль Шамильевич, кандидат юридических наук, доцент

Лысова Екатерина Вячеславовна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: f.sh.yambushev@ruc.su; st807353@ruc.su

UNDERSTANDING THE GUARANTEES OF PUBLIC CIVIL SERVANTS

Yambushev Fail Shamilevich, PhD (Jurisprudence) Associate Professor

Lysova Ekaterina Vyacheslavovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы понимания гарантий государственных гражданских служащих как элемента их правового статуса.

Ключевые слова: государственная служба, государственный гражданский служащий, гарантии.

The article discusses the issues of understanding the guarantees of state civil servants as an element of their legal status.

Keywords: civil service, state civil servant, guarantees.

Государственную гражданскую службу можно назвать достаточно специфичным видом профессиональной деятельности. Государственный гражданский служащий является представителем государства и, наравне с тем, исполняет свои обязанности по защите прав и законных интересов граждан, обеспечению безопасности и стабильности государства, его экономического и социального развития.

Государственный гражданский служащий имеет уникальный правовой статус [1, с. 96]. Специальным законом, регулирующим правовой статус государственного служащего в российской Федерации, является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2]. Помимо данного Закона, правовой статус государственного гражданского служащего регулируется целым рядом иных нормативно-правовых актов, конкретизирующих и дополняющих положения Закона.

Одним из элементов правового статуса государственного гражданского служащего являются гарантии, система которых закреплена в нормах действующего законодательства.

В рамках данной статьи, мы рассмотрим основные гарантии государственно-гражданского служащего в РФ. В научной литературе имеется ряд определенных рассматриваемого нами понятия. Исходя из взглядов отдельных ученых-юристов, вопрос о гарантиях государственного гражданского служащего является обязанностью для государства. Это требование должно быть неукоснительно соблюдено в отношении к рассматриваемой нами категории граждан.

Так, в частности, Ю. Н. Стариков полагает, что гарантии государственных гражданских служащих необходимы для того, чтобы обеспечить защиту их права и законных интересы, а также эффективную работу государственных органов, в которых они проходят государственную службу. Гарантии включают в себя юридическую защиту, социальную защиту, право на профессиональное развитие, а также защиту от увольнения без достаточных на то оснований. Их соблюдение позволяет государственным служащим работать на благо общества и предоставлять качественные государственные услуги [3, с. 201].

Л. В. Вагина считает, что гарантии представляют собой эффективное средство, направленное на реализацию прав и обязанностей госслужащих. По сути, гарантии выражаются в виде определенных мер организационного, социального, экономического характера для надлежащего исполнения должностных обязанностей госслужащего [4, с. 47].

В работе М. Д. Неупокоева излагается мысль о том, что нормальное функционирование института государственной гражданской службы и поддержание правового статуса каждого государственного гражданского служащего зависит

напрямую от предоставленных государством гарантий [5, с. 5].

Таким образом, в юридической науке сформировалось понимание гарантий государственных служащих, которое нашло свое выражение в нормах действующего законодательства.

Классификация гарантий государственного гражданского служащего, также является областью научных исследований. Так, Е. В. Охотским предлагается классифицировать гарантии на следующие группы:

- гарантии служебно-правовой защиты;
- гарантии социально-экономического характера;
- социальные гарантии по завершению государственной службы [6, с. 42].

Глава 11 Федерального закона «О государственной гражданской службе» закрепляет перечень гарантий. Кроме того, могут предоставляться дополнительные гарантии, предусмотренные нормами действующего законодательства, в том числе, для отдельной категории государственных гражданских служащих.

Кроме того, государственные гарантии государственных служащих могут включать меры социальной поддержки, которые предоставляемые в соответствии с законодательными актами и подзаконными правовыми актами. Например, это могут быть дополнительные выплаты и льготы для государственных гражданских служащих, занятых на определенных видах деятельности или в регионах с особыми условиями труда. В целом, государственные гарантии государственных гражданских служащих направлены на обеспечение условий труда, отвечающих требованиям безопасности, социальной защиты и достойного уровня жизни.

Законодательством Российской Федерации закреплена дефиниция «гарантии». Она регламентируется статьей 164 ТК РФ, согласно которой под гарантиями понимают «средства, способы и условия, при помощи которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений» [7].

Нельзя не согласиться с П. А. Пауловым, который под гарантиями понимает определенные условия, направленные на обеспечение деятельности государственного служащего, с учетом действующих запретов и ограничений [8, с. 48].

Такие условия гарантируют стабильность материального положения государственных служащих, а также защищают их от внешних субъективных факторов, которые могут негативно влиять на их жизнь и качество осуществляемой служебной деятельности.

В целом, гарантии государственных служащих направлены на создание для них условий эффективного выполнения служебных обязанностей и обеспечения устойчивости правового статуса в соответствии с требованиями законодательства. В свою очередь, это обеспечивает права государственных служащих на реализацию государственных функций в сферах, к которым они исполняют свои служебные обязанности.

На наш взгляд, гарантии государственного гражданского служащего в РФ представляют собой целостную систему, направленную на защиту их прав и законных интересов, обеспечение достойного уровня жизни и предотвращение негативных последствий связанных с надлежащим осуществлением функций

государственного гражданского служащего.

Остановимся на отдельных преимуществах и недостатках гарантий государственных гражданских служащих в РФ. К преимуществам можно отнести следующее:

- государственные гражданские служащие обеспечиваются стабильным заработком без серьезных социальных колебаний;
- достойный уровень денежного вознаграждения и стимулирования;
- государственная защита прав и законных интересов.

На наш взгляд, недостатками гарантий является:

- в работе государственных служащих слишком много бюрократических моментов, что замедляет решение задач и увеличивает время на их выполнение;
- государственный сектор на сегодняшний день нередко считается монополизированным, не конкурентным, что не лучшим образом сказывается на развитии страны;
- высокий уровень гарантий, предусмотренный законодательством РФ, а также их реализация на практике, зачастую мотивируют государственных служащих работать без особого энтузиазма;
- не высокий уровень социальной ответственности государственных служащих, которые зачастую не несут полной ответственности за свои ошибочные и недостаточно обоснованные решения.

Способами стимулирования деятельности государственных гражданских служащих, являются материальное стимулирование (денежные вознаграждения, социальный пакет, льготы и т.д.) и нематериальное стимулирование (возможность карьерного роста по службе, профессиональные конкурсы, дополнительное время отдыха и т.д) [9, с. 29].

Одним из главных инструментов стимулирования деятельности государственных гражданских служащих является система оплаты труда. В России введена система окладов, которая устанавливает единые ставки для всех государственных гражданских служащих на основе их должностей и квалификационных разрядов. Кроме того, предусмотрены дополнительные премии и вознаграждения за высокие результаты работы или выполнение дополнительных задач.

Так называемый «социальный пакет» для государственных гражданских служащих также имеет большое значение. Он включает в себя медицинское страхование, пенсионное обеспечение, ежегодный оплачиваемый отпуск, возможность бесплатного обучения, переподготовки, повышения квалификации и многое другое.

Карьерный служебный рост, это еще один важный аспект стимулирования труда государственных гражданских служащих. Государство предоставляет возможность профессионального карьерного роста и повышения квалификации, что позволяет государственным служащим замещать служебные должности и получать более высокое вознаграждение за свой труд.

Профессиональные конкурсы также являются эффективным способом стимулирования труда государственных служащих. Победители конкурсов могут получить дополнительные премии, повышение по должности или другие воз-

возможности для профессионального роста и развития.

Достойное и справедливое стимулирование труда государственных гражданских служащих – это не только финансовые и материальные вознаграждения, но и создание условий для полноценной работы, улучшения технического и информационного обеспечения, улучшения организации труда и других аспектов служебной деятельности, которые позволяют государственным гражданским служащим эффективно работать и достигать высоких результатов.

Стимулирование в служебной деятельности, как правило, всегда имеет положительное воздействие на государственного служащего, с помощью использования внешних «мотиваторов» для создания у него желания к качественному выполнению служебной деятельности.

Таким образом, государственные гражданские служащие имеют право, как на основные, так и на дополнительные гарантии. При этом, отметим, что в отраслевом законодательстве о государственной гражданской службе отсутствуют дефиниция понятия «гарантии» и «стимулирование». Мы полагаем, что отсутствие законодательного закрепления этих понятий может приводить к отождествлению на практике этих категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мифтяхов, Р. Х. Правовой статус государственных служащих // Инновационные научные исследования. – 2021. – № 1-2 (3). – С. 93-105.
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004. № 79-ФЗ (ред. от 8.8.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
3. Стариков, Ю. Н. Государственная служба и служебное право. – Москва : НОРМА, 2023.
4. Вагина, Л. В. Актуальные проблемы реформирования государственной службы Российской Федерации. – Москва, 2006. – С. 47.
5. Неупокоев, М. Д. Социальные гарантии государственных гражданских служащих: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2004. – С. 5.
6. Охотский, Е. В. Государственная служба : учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2024.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001. № 197-ФЗ (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
9. Паулов, П. А. Принципы реализации гарантий на государственной и муниципальной службе // Электрон. науч. журнал «Дневник науки». 2021. № 6 (54). – URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/6/law/Paulov_Egorova.pdf
9. Иванова, Е. Ю. Анализ и совершенствование системы стимулирования служащих на государственной гражданской службе / Е. Ю. Иванова, Я. Ю. Радюкова // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2021. – № 1. – С. 27-34.

УДК 342.9

ШТРАФ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Янбухтин Руслан Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

FINE AS A TYPE OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT: HISTORICAL ASPECT AND MODERN LEGAL SIGNIFICANCE

Yanbukhtin Ruslan Anatolyevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье рассматривается становление и развитие административного права в целом и его института наказаний на разных исторических этапах. В частности, изучается штраф как один из основных видов административных наказаний, его правовое значение для государства и общества.

Ключевые слова: полицейское право, Кодекс об административных правонарушениях, административное право, правовые нормы, виды административных наказаний, административный штраф.

This scientific article examines the formation and development of administrative law in general and its institution of punishment at different historical stages. In particular, the fine is studied as one of the main types of administrative penalties, its legal significance for the state and society.

Keywords: police law, Code of Administrative Offences, administrative law, legal norms, types of administrative penalties, administrative fine.

Процесс развития российского административного права справедливо считается долгим и поступательным, поскольку во многом зависел от различных сфер общественной и государственной жизнедеятельности на разных временных этапах.

Многие ученые-теоретики пришли к выводу, что зарождение административного права произошло среди племен восточных славян. Аргументируется это тем, что в это время любые правоотношения между соплеменниками регулировались вождем, а уже позже появились старейшины и вечевые собрания, где разрешались важные вопросы, касающиеся устройства быта и построения взаимоотношений.

Естественно, с усложнением общественных и государственных отношений, появилась острая необходимость в унификации законов на всей территории страны, что означало запуск процесса создания действенной законодательной базы.

В науке закрепилось мнение о том, что административное право выделилось в качестве самостоятельной отрасли в XIX веке. Связанно это было с повсеместным внедрением и официальном закреплении так называемого полицейского права в период абсолютной монархии.

Послереволюционное административное право характеризуется воплощением в жизнь командно-административной системы управления государством и обществом. В период Советского Союза административная система изменялась относительно часто и основательно: к примеру, сначала широко действовали сталинские репрессии, потом были приняты Основы законодательства об административных правонарушениях в 1980 года, а после и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 года [1, с. 276].

Стоит отметить, что таким же образом, то есть под влиянием различных исторических событий с одной стороны и изменениями государственного устройства с другой, происходило становление и развитие института административных наказаний.

Известно, что долгое время понятия административного и уголовного наказания вообще не обособлялись друг от друга, были единым целым. С выделением административного права в самостоятельную отрасль начинается и постепенное формирование института административных наказаний. Этот процесс требовал времени, поскольку изначально никакой системы, в привычном ее понимании, не существовало, а просто закреплялись отдельные виды наказаний.

Ряд отечественных ученых-административистов придерживается мнения о том, что основы института административного наказания были прочно заложены еще в дореволюционной России и связывают это с великими реформами Александра II. Однако в Советский период происходили кардинальные изменения, в корне меняющие государственное устройство, а административные наказания из статуса карательных мер перетекли в профилактические.

Рассматривая штраф как вид административного наказания, стоит отметить, что еще в период Древней Руси с ее карательной системой мер именно данный вид ответственности служил основой, имеющей чисто экономический характер.

Русская Правда содержит в себе нижние и верхние пределы виры, которые варьировались в зависимости от тяжести совершенного преступления. Причем данный документ все также отождествляет уголовное преступление с административным проступком. Особенность заключалась в том, что при невозможности наложения на нарушителя штрафной санкции, из-за его имущественного положения, к нему применялся определенный вид уголовной ответственности.

Судебник Ивана IV содержит положение о штрафе за должностные преступления: в статьях 2-7 дается определение данного вида преступлений и указываются пределы материальной ответственности, в основном зависящие от социального статуса потерпевшего. Также, Судебник включал в себя и самостоятельные виды штрафов, назначавшиеся за оскорбления, например.

В рассматриваемых временных рамках только начинает постепенно формироваться отраслевое законодательство, поэтому нельзя точно утверждать, что уже тогда штраф был прерогативой административного права. Отнесение его к одному из видов административного наказания довольно относительно.

В начале XX века в нашей стране, как бы это удивительно не звучало, вообще не существовало какой-либо общей законодательной базы по поводу применения административных штрафов. Это было реальной и довольно дискуссионной проблемой в масштабе территорий Российской Федерации, поскольку государственные органы в лице своих должностных лиц были компетентны, соблюдая административный порядок, налагать штрафы. В свою очередь, данный порядок не был регламентирован ни одним НПА.

Активная деятельность по систематизации в рамках данного вопроса началась в 1961 году, когда принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке». Данный правовой акт определил острую необходи-

мость в конкретизации оснований и размеров денежных взысканий (штрафов), которые могут налагаться в административном порядке. Однако кодификации законодательство, регулирующее административную ответственность, так и не получило. Правовые нормы, касающиеся административных штрафов, продолжали свое существование в немалом количестве законов и подзаконных актов, а также в решениях органов местного самоуправления.

Важно отметить, что кодификация норм административного характера одновременно шла на федеральном и региональном уровнях. Возможно, именно из-за этого нередко возникали правовые коллизии.

КоАП РФ 2001 года является успешным синтезом правовых норм СССР и РФ в области административного права в целом, а также административной ответственности и ее видов. Таким образом, Административный кодекс закрепил согласованную систему административных наказаний, их принципы и виды.

На современном этапе, согласно статистике, административный штраф выступает довольно широко распространенным видом наказания. Вероятнее всего это связано с тем, что штраф является не только мерой воздействия на правонарушителей, но и значимой статьей дохода государства.

Важным показателем является понимания гражданами того, что на них может быть наложена штрафная санкция за определенное деяние. Именно это во многом удерживает их от совершения правонарушений, поскольку все лишения имущественного характера доставляют значительные неудобства и дискомфорт, а тем более, когда размер таких санкций варьируется в зависимости от ситуации и вида противоправного деяния.

Административный штраф – это одновременно и мера принуждения, и имущественная санкция. Через две эти категории просматривается сущность данного вида наказания. Представляется законным и допустимым ограничивать права и свободы отдельных граждан, совершивших правонарушение, путем наложения такой санкции [2, с. 18].

Поскольку административный штраф является одним из видов административной ответственности, он так же, как и остальные, применяется с учетом принципов ответственности (административной) в целом. Например, всегда должен соблюдаться принцип вины, без наличия которого в принципе невозможно определить состав правонарушения, а значит, и назначить меру наказания. Кроме того, штраф налагается всегда исключительно индивидуально, непосредственно на правонарушителя.

В РФ штраф, согласно КоАП РФ, выражается в рублях, а его размер ограничивается. На практике штраф используют в качестве основного вида наказания за конкретное правонарушение, в то время как другие виды наказаний могут выступать как в качестве основных, так и в качестве дополнительных.

Действующий на данный момент Административный кодекс РФ включает в себя статьи, посвященные полномочиям органов исполнительной власти по взысканию штрафов с физических лиц и организаций, а также процедуре названного действия [3, с. 50].

Важно отметить, что при наложении штрафа принимается во внимание ряд определенных аспектов:

- 1) характер правонарушения, которое было совершено;
- 2) личность лица, являющегося нарушителем;
- 3) наличие и степень вины;
- 4) имущественное положение нарушителя;
- 5) наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Представляется важным отметить, что КоАП РФ в одной из своих статей перечисляет лиц, к которым вообще не может применяться штраф в качестве меры воздействия.

Итак, подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. Процесс становления и развития административного права в целом и института его наказаний прошел длительный и нелегкий путь на протяжении исторического развития общества и государства. Зарождение данной правовой отрасли берет свое начало еще со времен Древней Руси и начинает получать свой расцвет с XIX века. Во многом это предопределилось изменениями в экономической, социальной и политической сферах жизнедеятельности.

2. Административное право всегда было и продолжает оставаться достаточно динамичной отраслью российского права, поскольку регулирует и регламентирует значительный пласт общественных отношений, которые постоянно находятся в «движении». Его нормы подстраиваются под современные реалии для наиболее эффективного воздействия на правонарушителей и защиту прав и интересов противоположной стороны, не допуская ее ущемления.

3. Штраф, как одна из форм принуждения, считается довольно распространенным и действенным, выступая в качестве основного вида административного наказания. Его частое применение на протяжении различных временных периодов объясняется тем, что помимо карательной санкции, он выступает еще одной из доходных статей бюджета государства.

4. На сегодняшний день, административный штраф все также эффективно применяется на практике и имеет важное правовое значение для пресечения правонарушений, восстановления нарушенных прав и, в целом, для качественного поддержания правопорядка в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варакосов, Д. В.* Эволюция правовых основ регулирования института назначения административного наказания в РСФСР и России / Д. В. Варакосов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11(227). – С. 275-278.
2. *Корнеев, А. А.* Административный штраф как мера административного взыскания: проблемы реализации и пути их решения / А. А. Корнеев // Студенческий вестник. – 2021. – № 3-2(148). – С. 17-18.
3. *Волкова, В. В.* Эффективность административных наказаний: анализ и перспективы (на примере административного штрафа) / В. В. Волкова, Я. С. Примаков // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 3-1. – С. 42-52.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ: ГРАЖДАНСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 343

ПРАВОСУДИЕ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Мартынов Виталий Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st808599@ruc.su

JUSTICE AS AN OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Martynov Vitaly Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Конституция РФ охраняет жизнь и здоровье граждан, что является основой правового государства. Государство обязано защищать каждого человека с помощью своих правовых механизмов. Поэтому помимо реформ законодательства необходимо развивать правовую этику для поддержания более высокого уровня моральной ответственности в обществе как гражданском, так и государственном. Преступления против правосудия составляют совокупность уголовных преступлений, направленных на осложнение легитимной деятельности органов судебной власти. Данные правонарушения затрагивают процессы, которые необходимы для реализации основных конституционных прав, в том числе права на судебную защиту прав и свобод. Также подобные преступные деяния способны нарушить законные процедуры сбора доказательств и мешать оперативному реагированию соответствующих ведомств на уголовные преступления.

Ключевые слова: суд, судебная система, правосудие, преступления против правосудия, реализация правосудия, выявление, противодействие, привлечение.

The Constitution of the Russian Federation protects the life and health of citizens, which is the basis of the rule of law. The state has an obligation to protect every person through its legal mechanisms. Therefore, in addition to legislative reforms, it is necessary to develop legal ethics in order to maintain a higher level of moral responsibility in society, both civil and state. Crimes against justice constitute a set of criminal offenses aimed at complicating the legitimate activities of the judiciary. These offenses affect processes that are necessary for the implementation of fundamental constitutional rights, including the right to judicial protection of rights and freedoms. Also, such criminal acts can disrupt legal procedures for collecting evidence and interfere with the prompt response of relevant agencies to criminal offenses.

Keywords: court, judicial system, justice, crimes against justice, implementation of justice, identification, counteraction, attraction.

Первый уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал в себя главу с уже привычным для нас современным названием – «Преступление против правосудия». В данной главе описывались и регламентировались все аспекты, связанные с соответствующими видами преступлениями.

Стоит отметить немаловажный факт, что в эпоху послереволюционного времени данные законы часто использовались не в пользу улучшения качества правосудия, а наоборот, для укреплений властных полномочий всевозможными путями. В Уголовном кодексе 1960 года список подобных преступлений претерпел значительные изменения, кратно увеличившись в объёме. К уже известным по прошлым кодексам преступлениям в этой редакции кодекса добавились такие правонарушения как: принуждение к даче показаний, разглашение тайны следствия и незаконное освобождение от уголовной ответственности [1, с. 100].

Принятый в 1966 году Уголовный кодекс РСФСР стал важным этапом для развития юриспруденции и уголовного права в СССР. В новом кодексе для преступлений против правосудия была выделена отдельная глава, в которой в лучшей форме за всю историю правовой практики в России были описаны подобные преступления. В данном документе было введено большое количество новых составов преступлений, которые более полно раскрывали проблему подобных деяний и регламентировали такие аспекты жизнедеятельности, о которых ранее не говорилось в официальных документах [2, С. 21].

К таким составам относятся препятствие в осуществлении правосудия и предварительного расследования, неуважение к суду, раскрытие сведений о мерах безопасности, касающихся судей и участников уголовного процесса и тому подобное.

Также значимым нововведением стал закон об ответственности для должностных лиц за преступления против правосудия, включая наказания за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц или их незаконное освобождение.

В дальнейшем и по сей день законодательство в данной сфере активно развивается и претерпевает изменения. В условиях современного динамично развивающегося мира как никогда важно держать руку на пульсе и своевременно реагировать на изменения в социуме. Изучение исторических аспектов крайне важно для исследования в любой научной области. Анализ исторического контекста подчёркивает важные моменты, например, необходимость системного подхода в решении вопросов, связанных с законодательством. Ведь с течением времени и изменениями в обществе законодательная база в сфере преступлений против правосудия претерпевает большие динамические изменения.

Обращаясь к истории и грамотно оценивая факторы изменения правовых норм в контексте времени, можно сказать с уверенностью, что развитие законодательства в данной сфере остаётся актуальной проблемой, требующей постоянного внимания. Это крайне необходимо для грамотного проведения реформ в этой области права и соответственно повышения эффективности борьбы с подобными правонарушениями [3].

Современная судебная система в лице судей и лиц, осуществляющих правосудие, выполняют свои функции на основе действующего законодательства,

вынося такие юридические акты, как: постановления, решения, приговоры и определения, но при этом не имея права самостоятельно принимать новые правовые нормы. Основная роль лиц, осуществляющих функции правосудия заключается в контроле за соблюдением установленных законов, что подчёркивает правоприменительный характер судебной власти, в отличие от законодательной ветви власти, принимающей и одобряющей законы в рамках своей правотворческой деятельности по специально предусмотренной для этого законодательной процедуре.

Интересы правосудия так же, как и другие социально значимые интересы человека, общества и государства попадают под противоправную деятельность лиц, действия которых наносят большой ущерб для правоохранительной системы, а главное, подрывают общественное доверие к институтам права. Данные действия направлены на независимость судебной власти; нормальные условия функционирования правоохранительных органов; законность действий должностных лиц; выполнения гражданами своих обязанностей в сфере противодействия преступной деятельности; эффективное пресечение правонарушений; защита прав и свобод человека.

Речь идет о преступлениях против правосудия. Преступление против правосудия – это грубое вмешательство в работу органов следствия, дознания, судопроизводства разных уровней, а также органов исполнительной власти, которые занимаются комплексным и беспристрастным расследованием правонарушений различной квалификации и степени тяжести, а также надлежащим исполнением судебных решений. Система таких правонарушений основывается непосредственно на объекте посягательства, при этом основным объектом в таком случае является общественные отношения, на которых осуществляется судебная власть [4].

Основными методами по предотвращению преступлений против правосудия является проведение грамотной кадровой политики в коллективе. Рекомендуется изначально проводить тщательный отбор сотрудников на замещаемые должности, в особенности на те, которые наиболее подвержены влиянию коррупционных действий. Необходима также постоянная ротация кадров на любых уровнях. Не мало важным фактором является недопущение проникновения криминальных групп и элементов в систему правоохранительных органов [5, С. 45].

Ужесточение служебной дисциплины возможно через регулярный и плановый контроль за соблюдением основных принципов законности и правосудия в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Но не смотря на всё вышеперечисленное наиболее положительную динамику можно наблюдать при корректировке негативных установок и любых проявлений демотивации на индивидуальном уровне. Так же большую роль в противодействии таких преступлений является воспитание в коллективе норм морали и правильной корпоративной этики [6, С.92].

Так же не нужно забывать о специальных органах, которые занимаются выявлением, борьбой и противодействием преступлений в данной сфере, а также созданием оптимальных условий для ведения следствия. Увеличение эффек-

тивности их работы зависит от различных факторов, например, от использования негласных методов расследования или благодаря постоянному оперативному контролю за деятельностью должностных лиц. Также крайне важна совместная работа с другими органами следствия, это позволит быстрее и более эффективно противодействовать преступлениям в сфере правосудия.

В заключение можно сделать следующие выводы по теме исследования:

- анализ истории отечественного законодательства в сфере преступлений против правосудия имеет большое значение для правовой науки, так как освещает ключевые аспекты правовой системы в динамике времени и её способность защищать основные принципы права. В условиях современного мира, когда вопрос коррупции и злоупотребления полномочиями стал особо острым, изучение исторических аспектов правовых норм, регулирующие данные вопросы, позволяет выявить причины текущих проблем и разработать более эффективные пути их разрешения;
- актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из факта опасности для общества и судебной системы преступлений, совершаемых против правосудия. Противоправные деяния, совершаемые в данной сфере, могут нанести серьёзный ущерб репутации правоохранительных органов и подорвать веру общества в принципы верховенства права;
- проблема привлечения к ответственности за совершение преступных деяний против основ судебной системы становится ещё более актуальной в контексте современного общественного и экономического устройства, в котором имеет место быть такие криминогенные факторы как, коррупция и хорошо организованная преступность, а также активно развивается киберпреступность;
- классификация преступлений против правосудия не только позволяет систематизировать полученные знания в этой области, но и помогает более активно и грамотно разрабатывать меры по предупреждению и предотвращению подобных действий и их последствий;
- грамотный анализ различных аспектов данной области правовой науки способствует созданию более действенных норм для обеспечения защиты правосудия;
- исследования данной темы могут активно использоваться для разработки новой законодательной базы в этой области на базе уже прошедшего опыта. В современных условиях глобализации необходимо учитывать любой исходный опыт для более корректной работы в области уголовно-правовой охраны интересов правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горнов, А. И. Преступления против правосудия в отечественном законодательстве: исторический очерк // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика : материалы IX международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2020. – С. 98-102.
2. Дорская, А. А. Эволюция преступлений против правосудия в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 3. – С. 15-23.
3. Летягина, Е. А. Исторические этапы и предпосылки развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против правосудия // Юридическая наука и

практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1(49). – С. 58-62.

4. Гельдибаев, М. Х. Классификация преступлений против правосудия : монография. СанктПетербург, 2021. – 288 с.

5. Волосова, Н. Ю. Преступления против правосудия : учебное пособие для обучающихся по образовательным программам высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2022. – 199 с.

6. Преступления против правосудия : учебное пособие / Н. Н. Артеменко, Р. С. Бурганов, А. Ю. Епихин, М. А. Ефремова. – Казань, 2024. – 154 с.

УДК 343

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Савинов Александр Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st808086@ruc.su

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LAW IN THE SPHERE OF CRIMES AGAINST JUSTICE

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Savinov Alexander Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность анализа истории отечественного законодательства в сфере преступлений против правосудия имеет большое значение для правовой науки, так как освещает ключевые аспекты правовой системы в динамике времени и её способность защищать основные принципы права. В условиях современного мира, когда вопрос коррупции и злоупотребления полномочиями стал особо острым, изучение исторических аспектов правовых норм, регулирующих данные вопросы, позволяет выявить причины текущих проблем и разработать более эффективные пути их разрешения. Кроме того, подобные исследования могут активно использоваться для разработки новой законодательной базы в этой области на базе уже прошедшего опыта. В современных условиях глобализации необходимо учитывать любой исходный опыт для более корректной работы в данной области.

Ключевые слова: преступление против правосудия, законодательные реформы, исторический анализ, судебная система.

The relevance of the analysis of the history of domestic legislation in the field of crimes against justice is of great importance for legal science, as it highlights the key aspects of the legal system in the dynamics of time and its ability to protect the basic principles of law. In the conditions of the modern world, when the issue of corruption and abuse of power has become particularly acute, the study of the historical aspects of legal norms regulating these issues allows us to identify the causes of current problems and develop more effective ways to resolve them. In addition, such studies can be actively used to develop a new legislative framework in this area based on past experience. In the modern conditions of globalization, it is necessary to take into account any initial experience for more correct work in this area.

Keywords: crime against justice, legislative reforms, historical analysis, judicial system.

Ни для кого не секрет что социум на протяжении многих лет пытается упорядочить и структурировать общественные отношения по средствам введения в общество различных норм и правил. Со временем и развитием правовой науки эти нормы начали приобретать всё более обширный и исчерпывающий характер, и сфера преступлений против правосудия не стала исключением.

К предкам правовых норм в этой области можно отнести свод законов, который был прописан ещё в древнейшем правом сборнике Киевской Руси – «Русская Правда». Разумеется, специальной главы по данному вопросу в книге выделено не было, но в некоторых статьях всё же предусмотрены санкции за подобные правонарушения. Например, была установлена ответственность за укрывание бегового холопа, что вполне можно считать предшественником статьи об укрывании преступников.

С развитием централизованного российского государства развивалась и юридическая наука. В судебнике 1497 года, разработанном при Иване Третьем вводится термин «Лжесвидетельство», что естественно обозначало дачу ложных показаний, и предусматривается ответственность за подобные правонарушения. Также можно отдельно выделить появление ответственности за клевету и подобные противоправные деяния [1].

Далее в судебнике Ивана Грозного, который был издан в 1550 году список правонарушений, направленных против правосудия, расширяется, приобретая двусторонний характер. В это документе была введена ответственность для судей за вынесение несправедливых или не правомерных приговоров, что тоже находит свои отголоски в современной отечественной юриспруденции.

Следующий этап в становлении правовой науки в сфере преступлений против правосудия произошёл во времена правления Петра Первого. При нём 6 мая 1715 года был издан «Воинский артикул», который стал первым уголовным военным кодексом в истории России. Кодекс состоял из 24 глав, в которые входили 209 артикула, то есть стати. Согласно артикулу преступления делились на 9 видов, и среди них отдельно выделялись «Преступления против порядка управления и суда». К данной категории относились такие правонарушения как:

- 1) Срывание и истребление указов,
- 2) Подделка печатей,
- 3) Фальшивомонетчество
- 4) Подлог
- 5) Лжеприсяга
- 6) Лжесвидетельство [2].

Многое из того, что было описано в данном документе применяется сейчас не только в военной, но и в гражданской правовой практике.

Помимо Воинского Артикула различные правовые нормы были закреплены в свыше четырёхсот указов и других нормативно-правовых актах, наказах, регламентах. Пётр Первый не отменял действующее на тот момент «Соборное уложение» а развивал его. Так, например, в 1719 году появился указ «О вершении дел без всякого замедления», в 1720 году был принят «Морской устав». В последнем, в свою очередь, активно развивалось уголовное право, в том числе и в сфере преступлений против правосудия. Например, была описана ответственность за ложную присягу, что могло повлечь за собой серьёзные последствия,

вплоть до смертной казни при наличии крупного ущерба. Также внимания заслуживает глава 19 Морского кодекса под названием «Кого велено взять, а он будет противиться», которая содержала всего единственную одноимённую статью, в которой устанавливается ответственность за оказание сопротивления при аресте, при этом большое внимание уделялось именно лицам, осуществляющим сам арест. Воспрещалось причинять вред, а тем более убивать тех лиц, чьи показания могли бы быть крайне важны для следствия, например бунтовщиков или изменщиков. За подобные должностные преступления могла последовать даже смертная казнь. Также, в данном кодексе большое внимание уделялось нарушениям судебного производства, в частности со стороны должностных и официальных лиц.

Далее известной нам попыткой изменить уголовный кодекс стал проект уголовного уложения 1754–1756 годов. Преступления против правосудия были прописаны во второй части документа, главе 44 «О проступках, совершённых в судебных местах судьями, а также со стороны челобитчиков и ответчиков, в случае если кто-либо будет оскорблять другого словами или действиями». В статьях 1–5 указано информация о то, что все присутствующие при осуществлении правосудия должны вести себя в соответствии с требованиями профессиональной, общественной этики и морали. Данным законодательным документом запрещалось ругаться, использовать грубые слова и выражения, клеветать как письменно, так и устно. Данные правила распространялись на всех участников процесса, даже на судей. Если всё же противоправное деяние совершалось, то за такие проступки полагалось наложение определённых санкций, таких как: лишение чести, увольнение, заключение под стражу, кнут или каторга. Также в качестве наказания могли применить штрафные санкции в размере 50 рублей [3].

Следующей главой из данного документа, на которую стоит обратить внимание, является глава 53 под названием «О лжесвидетельстве». В ней описывались статьи, регулирующие крестное целование, своего рода клятвы, которая также применялась и в судебной практике. Целование креста выступало аналогом нынешней присяги или акта о неразглашении. При условии совершения какого-либо должностного или уголовного преступления после данной процедуры, наказание кратно ужесточалось. За дачу заведомо ложных показаний можно было получить смертную казнь.

Свод законов Российской империи 1832 года и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1846 года значительно обновил и расширил перечень преступлений, которые можно отнести к категории «против правосудия». В Уложении о наказаниях, например имелась глава под названием «О противодействии правосудию», в которой описывались наказания за различные преступные деяния в сфере осуществления правосудия, такие как: отказ от исполнения судебных решений, укрывательство преступников, ложный донос и тому подобные действия. Также в данном правовом документе внимания заслуживает раздел пятый «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». В нём встречаются такие главы как, «О превышении власти и противозаконном бездействии оной», и «О мздоимстве и лихоимстве». В первой из приведённых глав регламентируются нормы поведения в отношении с

заклѹченными и подозреваемыми, определяется мера пресечения в случае совершения служащими преступлений связанных с превышением должностных полномочий. Во второй же из приведенных глав говорится о коррупционных действиях на гражданской и военной службе, приводятся рекомендации по предотвращению данных прецедентов и описываются санкции, которые могут быть применены к государственным и военным служащим, а также физическим лицам за совершения преступлений в данной сфере.

Далее, в не вступившем в силу Уголовном уложении 1903 года тоже находилась глава с названием «О противодействии правосудию», но с некоторыми значительными изменениями. Впервые в Русской юридической практике была описана ответственность за разглашение материалов предварительного следствия [4].

После революции 1917 года начинается новая веха в истории отечественного права в сфере преступлений против правосудия и уголовного права, в частности. Первый уголовный кодекс РСФСР 1922 года включал в себя главу с уже привычным для нас названием «Преступление против правосудия», в ней описывались и регламентировались все аспекты, связанные с соответствующими преступлениями. Но стоит отметить и тот не мало важный факт, что в эпоху послереволюционного времени данные законы часто использовались не в пользу улучшения качества правосудия, а наоборот, для укреплений властных полномочий всевозможными путями. В Уголовном кодексе 1960 года список подобных преступлений претерпел значительные изменения, кратно увеличившись в объеме. К уже известным по прошлым кодексам преступлениям в этой редакции кодекса добавились такие правонарушения как: принуждение к даче показаний, разглашение тайны следствия и незаконное освобождение от уголовной ответственности.

Принятый в 1966 году Уголовный кодекс РСФСР стал важным этапом для развития юриспруденции и уголовного права в СССР. В новом кодексе для преступлений против правосудия была выделена отдельная глава, в которой в лучшей форме за всю историю правовой практики в России были описаны подобные преступления. В данном документе было введено большое количество новых составов преступлений, которые более полно раскрывали проблему подобных деяний и регламентировали такие аспекты жизнедеятельности, о которых ранее не говорилось в официальных документах, например:

- Препятствие в осуществлении правосудия и предварительного расследования;
- Неуважение к судебным инстанциям;
- Раскрытие сведений о мерах безопасности, касающихся судей и участников уголовного процесса.

Также значимым нововведением стал закон об ответственности для должностных лиц за преступления против правосудия, включая наказания за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц или их незаконное освобождение [5].

В дальнейшем и по сей день законодательство в данной сфере активно развивается и претерпевает изменения. В условиях современного динамично развивающегося мира как никогда важно держать руку на пульсе и своевременно ре-

агировать на изменения в социуме. Изучение исторических аспектов крайне важно для исследования в любой научной области. Анализ исторического контекста подчёркивает важные моменты, например необходимость системного подхода в решении вопросов, связанных с законодательством. Ведь с течением времени и изменениями в обществе законодательная база в сфере преступлений против правосудия претерпевает большие динамические изменения.

Обращаясь к истории и грамотно оценивая факторы изменения правовых норм в контексте времени, можно сказать с уверенностью, что развитие законодательства в данной сфере остаётся актуальной проблемой, требующей постоянного внимания. Это крайне необходимо для грамотного проведения реформ в этой области права и соответственно повышения эффективности борьбы с подобными правонарушениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурова, М. А. Проблемы квалификации заведомо ложного доноса, как преступления против правосудия // Аллея науки. – 2024. – Т. 2, № 5(92). – С. 735-738.
2. Преступления против правосудия : учебное пособие / Н. Н. Артеменко, Р. С. Бурганов, А. Ю. Епихин, М. А. Ефремова. – Казань, 2024. – 154 с.
3. Уголовное право: общая и особенная части : учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, И. Ю. Янина, В. В. Данилов ; Российский университет кооперации. – Саранск, 2018. – 208 с.
4. Абдульмянова, Т. В. Уголовная ответственность за неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 133-137.
5. Чекмезова, Е. И. Преступления против правосудия. – Омск : Сибирский юридический университет, 2024. – 293 с.

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «РАЗМЕР» И «УЩЕРБ» В КОНТЕКСТЕ ИХ СОДЕРЖАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Чудаев Максим Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st808604@ruc.su

CRIMES AGAINST PROPERTY: CORRELATION OF THE CATEGORIES «SIZE» AND «DAMAGE» IN THE CONTEXT OF THEIR CONTENT AND EFFECTIVENESS OF THEIR APPLICATION IN THE CRIMINAL LEGAL FIELD OF RUSSIA

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Chudaev Maxim Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Сегодня рассмотрение и исследование понятий, включенных в уголовное законодательство Российской Федерации, приобретают особую актуальность, особенно с гносеологической точки зрения применительно к категориям, относящимся к преступлениям против собственности. В статье после оценки категорий при квалификации преступлений против собственности выдвигаются предложения по части соединения воедино или включения в определенную группу рассматриваемых понятий «размер» и «ущерб», использующихся в УК РФ.

Ключевые слова: размер, приобретение права собственности, преступление против собственности, хищение, признаки.

Today the consideration and research of concepts included in the criminal legislation of the Russian Federation acquire special relevance, especially from the epistemological point of view in relation to the categories related to crimes against property. In the article, after the evaluation of categories, in the qualification of crimes against property, proposals are put forward on the part of joining together or including in a certain group of the concepts under consideration “size” and ‘damage’ used in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: size, acquisition of property right, crime against property, theft, signs.

Собственность как объект уголовно-правовой охраны занимает второе место среди всех других объектов, что подчеркивает значимость этих общественных отношений. Значимость уголовно-правовой охраны отношений собственности обусловлено также тем, что, согласно статистике, эти виды преступлений на протяжении достаточно длительного периода времени занимают лидирующее положение в структуре преступлений и составляют неизменный показатель +/- 50% [5].

Дефиниция хищения раскрывается в примечании к ст. 158 УК РФ, в которой в числе основополагающих признаков хищения указан такой признак, как ущерб. По конструкции составов составы, представляющие формы хищения, характеризуются как материальные, т.е. признак – наличие ущерба обязательен (исключением выступает разбой, который характеризуется усеченным составом, являясь формой хищения, такой признак, как ущерб, разбоем также характерен) [1].

Раскрывая понятие хищения, в примечании к ст. 158 законодатель указывает на такой обязательный признак, как «причинение ущерба». Однако в особо квалифицированных составах, предусматривающих ответственность за преступление против собственности, указывается такой признак, как «размер».

Под ущербом понимается не просто потеря имущества, а ухудшение имущественного положения потерпевшего, который лишается каких-либо материальных благ, что препятствует обеспечению того уровня жизни, который был у потерпевшего до совершения преступления.

В уголовном праве понятие ущерба рассматривается с позиции понимания «материального ущерба», который в гражданском праве является видом убытков.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ и ПП ВС РФ [2] под убытками понимается:

- реальный ущерб – утрата или повреждение имущества, а также расходы, которые произведены (или будут произведены в будущем) лицом, право которого нарушено, для его восстановления;

- упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо, которому причинен вред, могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Следовательно, понятие ущерба в уголовно-правовом смысле сопоставимо с понятием реального ущерба в гражданско-правовом смысле. Употребление термина ущерб в уголовном законодательстве подразумевает наличие исключительно реальных материальных потерь без учета упущенной выгоды (те доходы, которые лицо могло бы получить в случае не причинения реального ущерба) как вида убытков.

Законодатель в УК РФ указывает исключительно на материальный ущерб, который связан с лишением имущества или его повреждением, относительно преступлений против собственности. Моральный ущерб, определяемый как физические и нравственные страдания, не является объектом уголовно-правовой охраны. Физический вред, причиненный в результате совершения преступлений против собственности, рассматривается как объект уголовно-правовой охраны в отдельных преступлениях против собственности, например, ст.ст. 161, 162 УК РФ [1].

При описании основного и квалифицированного составов преступлений против собственности законодатель при раскрытии понятия хищения указывает на такой признак, как ущерб:

Административная преюдиция при квалификации преступлений против собственности – ст. 158.1 УК РФ – в диспозиции указывается на хищение, признаком которого, согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, выступает ущерб;

Простой ущерб, в диспозиции указывается на хищение, признаком которого, согласно примечанию к ст. 158, выступает ущерб – ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159–159.6, 160, 161 УК РФ и т.д. [6];

Значительный ущерб – п. «и» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160 УК РФ и т.д.

При описании особо квалифицированных составов объективной стороны преступлений против собственности законодателем используется такой термин, как «размер»:

– крупный размер (п. «в» ч. 3 ст. 158, ч.ч. 3, 6 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, ч. 3 ст. 159.2, ч. 3 ст. 159.3, ч. 3 ст. 159.5, ч. 3, ст. 159.6, ч.ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ и т.д.;

– особо крупный размер п. «б» ч. 4 ст. 158, ч.ч. 4, 7 ст. 159, ч. 4 ст. 159.1, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 159.3, ч. 4 ст. 159.5, ч. 4 ст. 159.6, ч. 4 ст. 160 УК РФ и т.д.

Основываясь на гносеологии как разделе философии, можно сказать, что такие понятия, как «размер» и «ущерб» являются понятиями разными. Под ущербом понимается оценка, которая выступает субъективной категорией, следовательно, оценивается потерпевшим самостоятельно. Под размером понимается объективная оценка, даваемая субъектом, в отношении которого не совершалось преступное деяние, применительно к УК РФ оценка дается законодателем [7].

Исходя из этого, законодателем использование терминов «размер» и «ущерб» видится практически правильным применительно к квалифицированным и особо квалифицированным составам, где вполне верно, с позиции гносеологии, использованы понятия «размер» и «ущерб» [4].

При оценке значительного ущерба, согласно примечаниям к ст. 158, учитывается имущественное положение лица как субъективный критерий. При этом законодатель указывает на минимальный порог – не менее 5 тыс. рублей. ПП

ВС РФ рекомендует при вменении этого признака «учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др.» [8]. В данном случае ущерб можно охарактеризовать как субъективно-объективную категорию.

В особо квалифицированных составах законодателем использован термин «размер». Учитывая, что данный термин является объективной категорией, вполне логично, что законодатель указал четкие нижние и частично верхние границы размера:

- крупный размер от 250 тыс. руб. и до 1 млн. руб.;
- особо крупный от 1 млн. руб.

Возникает вопрос относительно терминологии частей первых рассматриваемых составов. Используя термин «хищение» в диспозициях, при их характеристике вполне логично говорить об ущербе, который является субъективной категорией, использование этого термина не совсем верно, так как законодатель четко регламентировал нижние и верхние пределы при привлечении к уголовной ответственности: за кражу, мошенничество, присвоение или растрату - от 2500 до 5 000 руб. В данном случае правильнее говорить о размере как объектовой категории [3].

Таким образом, можно сказать, что понятие «ущерб» применимо исключительно к имущественному вреду, являясь составной частью вреда в целом. Ущерб - это имущественные потери потерпевшего. Понятие же размера конкретизирует сумму ущерба, устанавливая верхние и нижние границы.

Сочетание этих двух понятий в словосочетании «размер ущерба» указывает на конкретную сумму в денежном выражении, при установлении которой, как необходимого условия, наступает уголовная ответственность.

Рассмотренные признаки являются основанием для привлечения к уголовной ответственности и используются как признаки, создающие отягчающие обстоятельства при квалифицированных и особо квалифицированных составах, представляя в своей совокупности, так называемые размерные признаки уголовного законодательства.

Ущерб и размер выступают формально-стоимостными критериями, влияющими на квалификацию при определении конкретного состава преступления, а также являются стоимостным выражением причиненного вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51 -ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/40874008> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной

практике по делам о краже, грабеже и разбое». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2024).

4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2024).

5. Володин, А. А. Институт уголовно-правовой ответственности в системе институтов уголовного права / А. А. Володин, А. М. Васильев // Правовая позиция. – 2023. – № 3(39). – С. 46-49.

6. Лукина, К. А. Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности // Молодой ученый. – 2022. – № 1(396). – С. 175-179.

7. Пудовочкин, Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Lex russica (Русский закон). – 2023. – № 76 (1). – С. 110-125.

УДК 347

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ ОВД

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент

Макеев Николай Александрович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su, st808921@ruc.su

ANTI-CORRUPTION DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Makeev Nikolay Aleksandrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В научной статье изучается проблема коррупции и предлагаются меры по борьбе с ней в рамках органов внутренних дел. Также отмечается важность решения проблем с коррупцией на сегодняшний день. Обращается внимание на тот факт, что коррупция зародилась с самого начала человеческой цивилизации, однако на сегодняшний день ее масштабы стали слишком колоссальными. Коррупция – это явление, которое пронизывает все сферы общественной жизни, и правоохранительные органы должны пресекать факты коррупции, задерживать субъектов коррупции и всяческими образами с ней бороться. Однако даже в органах внутренних дел (далее – ОВД) функционирует и развивается коррупция, как и в остальных сферах, что является достаточно актуальной проблемой. Можно сказать, что орган, одной из целей которого является борьба с коррупцией, сам погряз в ней. Таким образом, нами были обозначены основные причины данной проблемы, ее сущность и возможные пути ее решения, поскольку ОВД должны стоять сугубо на защите прав граждан, а коррупция сильно ухудшает ее функционирование и теряется надежда на справедливое общество.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коммерческая организация, уголовная ответственность юридических лиц, профилактика коррупционных явлений.

The scientific article studies the problem of corruption and proposes measures to combat it within the framework of internal affairs agencies. It also notes the importance of solving problems with corruption today. However, it should be noted that corruption originated from the very beginning of human civilization, but today its scale has become too colossal. Corruption is a phenomenon that permeates all spheres of public life, and law enforcement agencies must suppress the facts of cor-

ruption, detain subjects of corruption and fight it in every possible way. However, even in the internal affairs agencies (hereinafter - IAA), corruption functions and develops as in other areas, which is a fairly urgent problem. It can be said that the agency, one of the goals of which is to combat corruption, is itself mired in this corruption. Thus, we have identified the main causes of this problem, its essence and possible ways to solve it, since the IAA should stand strictly on the protection of the rights of citizens, and corruption greatly worsens its functioning and hope for a fair society is lost.

Keywords: anti-corruption, commercial organization, criminal liability of legal entities, prevention of corruption.

Сущность коррупции обуславливается в различных общественных явлениях, с которыми она имеет тесную связь. Так, в первую очередь сюда относятся правовой нигилизм, нравственное разложение общества, безграмотность граждан в сфере права, и ряд других. Однако касаясь появления коррупции в сфере ОВД сюда следует относить в первую очередь предательство своей родины и утрата офицерской чести.

По мнению И. Е. Ильичева, современная коррупция в нашем государстве обладает некой системностью, захватывающей все отрасли общественной жизни (здравоохранение, правоохранительные органы, армия, суды и др.), а также возникают различные коррупционные сети как по вертикали, так и по горизонтали [5, с. 12].

Сущность проблемы в том, что в своем большинстве коррупция является латентным преступлением. Данная система функционирует за счет кругового денежного обращения, участия в ней высокопоставленных лиц, и сложным контролем (или вовсе невозможностью контроля) за многими органами, в которых коррупция развивается.

Законодательство России содержит четкое определение понятие «коррупция». Так, в соответствии с ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под коррупцией понимается дача и получение взятки, злоупотребление служебным положением, полномочиями, коммерческий подкуп и когда физическое лицо незаконно использует свое должностное положение для получения выгоды и виде финансовых средств, ценностей, услуг и иных имущественных прав с целью получения выгоды как для себя, так и для других лиц. Кроме того, сюда также относится совершение должностным лицом поступка в интересах какого-либо юридического лица или выступает от его имени [1].

Коррупция негативно влияет на функционирование государства и ОВД в частности, что выражается в следующих фактах:

- бюджетные средства, выделяемые на функционирование ОВД, тратятся не по назначению, в результате чего возникают проблемы в работе, что чревато последствиями;
- ущемление прав физических и юридических лиц, поскольку со временем у коррупционера возникает желание работать только за взятку;
- социальное неравенство, поскольку тот, кто может заплатить сразу становится в приоритете;
- потеря уважения к ОВД, что влечет недовольство народа их работает и неподчинением требований.

В соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции», профилактика кор-

рупции может осуществляться посредством применения ряда основных мер:

- антикоррупционная экспертиза законодательства;
- воспитание у граждан негативного отношения к коррупции;
- тщательный отбор граждан, претендующих на замещение государственных должностей, проверка их на коррупционные факторы;
- развитие органов парламентского и общественного контроля с целью их отслеживания исполнения ОВД законодательства о коррупции;
- установление оснований для увольнения лиц, не представивших сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представивших заведомо ложные или неполные сведения, а также представивших заведомо ложные сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

В законодательстве РФ существует идея о государственно-правовой структуре системы противодействий коррупции, которая функционирует в определенном формате:

- федеральные органы государственной власти;
- органы государственной власти субъектов РФ;
- органы местного самоуправления.

Данное функционирование системы борьбы с коррупцией согласуется с федеративной моделью государственного устройства России. Данное строение изучается посредством анализа предмета совместного ведения России и ее субъектов за соблюдением законодательства в сфере борьбы с коррупцией, поскольку разнопланово и отдельно друг от друга борьба с коррупцией будет невозможной или неэффективной.

Так, в антикоррупционном законодательстве РФ обозначены некоторые инструменты борьбы с коррупцией, в числе которых:

- антикоррупционный мониторинг;
- антикоррупционные экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов;
- антикоррупционные программы;
- антикоррупционная пропаганда.

Данные инструменты эффективно функционируют во всех сферах борьбы с коррупцией, в том числе в ОВД. Таким образом возникла системы работы по борьбе с коррупцией, включающей в себя:

- разделение функций между государственными органами, а также четкое обозначение зон действий и предоставленных полномочий;
- создание антикоррупционной нормативно-правовой базы, а также определение механизма ее выполнения;
- поддержку функционирования специальных подразделений, функцией которых является борьба с коррупцией;
- использование СМИ, агитационных баннеров, деятельность общественных организаций и объединений, направленных на борьбу с коррупцией;
- поддержка со стороны государства научной деятельности, занимающейся путями борьбы с коррупцией [3, с. 37].

В СССР уровень коррупции был значительно ниже из-за правильного воспи-

тания людей, моральный долг у граждан был на первом месте. В ОВД висели плакаты о противодействии коррупции, и на многих сотрудников это действительно оказывало значительное влияние. Сегодня таких плакатов уже почти нет, что можно назвать проблемой в сфере борьбы с коррупцией в ОВД.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии со своими конституционными полномочиями и на основе федерального законодательства обеспечивают выполнение федеральных антикоррупционных программ, принимают законы и иные нормативные правовые акты по вопросам предупреждения коррупции (в том числе специальные региональные программы), осуществляют меры по пресечению административных и дисциплинарных коррупционных правонарушений. При необходимости в субъектах Федерации могут создаваться специализированные подразделения по борьбе с коррупционными правонарушениями [2, с. 15].

В ст. 7 ФЗ «О противодействии коррупции» перечислены 21 основных направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, в числе которых проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции; создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества; и др. Безусловно, они оказывают значимое влияние на борьбу с коррупцией на территории нашей страны.

Российская Федерация в соответствии с международными договорами РФ и на основе принципа взаимности сотрудничает в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями. Целями такого сотрудничества являются:

- 1) установления лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям;
- 2) выявления имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения;
- 3) предоставления в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз;
- 4) обмена информацией по вопросам противодействия коррупции;
- 5) координации деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией [3, с. 73].

Следует добавить и тот факт, что в различных субъектах нашей страны законодательство о противодействии коррупции имеет яркий контраст. Именно борьба с коррупцией на уровнях субъектов РФ представляет наибольшую важность, поскольку именно бытовая коррупция всегда гражданами наблюдается, и от нее они терпят больший урон (тут и взятки, злоупотребление должностными полномочиями, кумовство и др.). Кроме того, ВЦИОМ в 2023 году проводил опрос на тему, какие институты больше пронизаны коррупцией, и более 36% голосов было отдано именно за власть на местах. Таким образом, можно сделать вывод, что именно в субъектах уровень коррупции достаточно высокий, а

все это в совокупности дает нам знать, что коррупция развивается по всей стране.

К примеру, в Республике Мордовия функционирует закон от 08.06.2007 № 54-ФЗ «О противодействии коррупции в Республике Мордовия», где обозначены все принципы, способы борьбы с коррупцией, задачи, направления и др.

Стоит подчеркнуть тот факт, что на сегодняшний день борьба с коррупцией в ОВД набирает все большую актуальность. Так, в связи с участием нашей страны в СВО на Украине, мы считаем недопустимым коммерческий подкуп сотрудников так как могут пострадать огромное число жизней. Нужно более тщательно относиться ко всем возможным угрозам, а если сотрудник коррумпирован, то диверсанты смогут с легкостью его подкупить и осуществлять какие-либо противозаконные дела в ущерб России.

Меры борьбы с коррупцией должны опираться на элементы материального, морального, общественного и социального воздействия, которые способны преобразовать негативные явления в ОВД в положительные, при этом оказывая внимание и на мотивацию сотрудников, повышение их патриотизма и морального долга.

По нашему мнению, для успешной борьбы с коррупцией в ОВД необходимо, чтобы сотрудники стажировались в странах, где коррупция находится на низком уровне. Необходимо совершенствовать литературу по борьбе с коррупцией, вводить новые способы и методы раскрытия таких преступлений. Так, сейчас многие коррупционные преступления осуществляются посредством перевода денежных средств через крипто-валюту, однако далеко не все сотрудники ОВД знают, как ей пользоваться и как такие преступления раскрывать. Однако борьба с коррупцией может осложняться по целому ряду причин:

- политические;
- моральные;
- нравственные;
- финансовые;
- правовые и др.

Так как коррупция является системным явлением, меры борьбы с ней должны также затрагивать различные сферы жизни общества. На наш взгляд, приоритетной задачей ОВД по борьбе с коррупцией должно выступать именно противокоррупционная агитация, вызывать у рядовых сотрудников неприязнь к данному явлению и страх. Сугубо законодательный запрет на коррупцию, по нашему мнению, полностью не справляется со своей целью, необходимо именно изменение наказания за совершенные коррупционные преступления, чтобы общество еще больше презирало таких людей [6, с. 63]

Кроме того, эффективным будет взаимодействие между ОВД и общественными объединениями и гражданами. Необходимо воспитывать нетерпимость к коррупции с самого детства, поэтому важно проводить открытые уроки о вреде коррупции в школах, ВУЗах, оказывать внимание и студентам юристам, будущим правоохранителям. Кроме того, если деятельность сотрудников ОВД будет более открытой, то совершить коррупционную составляющую будет куда сложнее. Однако здесь также встает проблема невозможности гласной деятельности многих сотрудников ОВД и целых подразделений. Однако контроль за

такими сотрудниками все равно должен осуществляться органами государственной власти в той мере, насколько это возможно.

Таким образом, в заключение исследования можно подытожить, что в Российской Федерации функционирует эффективное и современное антикоррупционное законодательство, которое доказывает свою результативность. В общем и целом, именно посредством выполнения норм законодательства России о противодействии коррупции и осуществляется борьба. Кроме того, в нашей стране действует Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 гг., которые регулируют взаимосвязь функционирования субъектов России и обозначают систему мер по борьбе с коррупцией. Таким образом, можно сделать вывод, что ОВД осуществляют активную работу по борьбе с коррупцией как во всех сферах, так и в самих ОВД в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
2. Деккерт, Д. В. Формирование антикоррупционной направленности в поведении сотрудников органов внутренних дел // Надежность и компетентность: актуальные направления психологического обеспечения подразделений полиции : сборник материалов конференции. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2017. – С. 43-46.
3. Емлина, К. Д. Органы внутренних дел: коррупция и борьба с ней / К. Д. Емлина // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 232-234.
4. Евстифеев, В. В. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел / В. В. Евстифеев // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 34-49.
5. Ильичев, И. Е. МВД России в системе противодействия коррупции // ППД. – 2019. – № 1. С. 93-112.
6. Сторчилова, Н. В. Коррупция в органах внутренних дел и ее предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва : ВНИИ МВД РФ, 2010. – 230 с.

УДК 343

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ КАК ДОЛЖНОСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Авдеева Татьяна Александровна, магистрант
Тиньгаева Екатерина Викторовна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st808595@ruc.su, st808932@ruc.su

RECEIVING BRIBE AS AN OFFICIAL CRIME: CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS AND FEATURES OF QUALIFICATIONS

Avdeeva Tatyana Aleksandrovna, Master's Degree student
Tingayeva Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

На сегодняшний день взяточничество полностью искоренить не представляется возможным ни в одной стране мира, но это не повод не работать над этой проблемой и оправдывать этим слабую эффективность современной антикоррупционной политики, которая направлена именно на искоренение данного негативного социального явления. В реалиях необходимо стремиться к снижению масштабов взяточнических проявлений любой формы до такого уровня, чтобы оно перестало быть проблемой, не наносило существенного вреда обществу, государству, бизнесу и экономике.

Авторы данной статьи рассматривают общую характеристику получения взятки как распространенного должностного преступления, приводят практику привлечения к уголовной ответственности за получение взятки именно должностных лиц как специальных субъектов рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, получение взятки, должностное преступление, должностная преступность, должность, специальный субъект.

Today, it is not possible to completely eradicate bribery in any country in the world, but this is not a reason not to work on this problem and justify the weak effectiveness of modern anti-corruption policies, which are aimed specifically at eradicating this negative social phenomenon. In reality, it is necessary to strive to reduce the scale of bribery of any form to such a level that it has ceased to be a problem and will not cause significant harm to society, the state, business and the economy.

The authors of this article consider the general characteristics of taking a bribe as a common official crime, and cite the practice of holding officials criminally liable for taking a bribe, as special subjects of the crime in question.

Keywords: corruption, bribery, taking a bribe, malfeasance, malfeasance, position, special subject.

В современном мире взяточничество, пожалуй, является одной из наиболее распространенных форм коррупции в мире [1]. Оно имеет давнюю историю, и ответственность за виновное противоправное деяние развивалось на протяжении многих веков [2].

На данный момент практически каждому человеку известен тот факт, что в России практически всегда и абсолютно все должностные лица когда-либо прибегали к взяткам для личностного обогащения [3].

Получение взятки является наиболее опасной формой посягательства на принципы построения и деятельности государственной и муниципальной власти.

Высокая общественная опасность принятия взятки обусловлена тем, что этим деянием подрывается авторитет, дискредитируются органы власти в глазах граждан и общества в целом. Результатом этого является недоверие к любым действиям властей со стороны населения, игнорирование законов, правомерных требований представителей власти, что, в свою очередь, расшатывает нравственные устои общества и подрывает основы государства [4, с. 366].

Получение взятки (ст. 290 УК РФ) – получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взят-

кодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе».

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является нормальное функционирование органов государственной власти, государственной службы и органов местного самоуправления [5].

Так, например, следователи по особо важным делам СК по Мордовии завершили расследование уголовного дела в отношении 46-летнего бывшего инспектора ДПС Отдела МВД России по Рузаевскому району Сергея Агейкина. Мужчине предъявили обвинения по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки). По данным следствия, 22 июля прошлого года жительница Рузаевки, чтобы освободить от административной ответственности несовершеннолетнего внука, управлявшего транспортным средством без водительского удостоверения, перевела в качестве взятки полицейскому 30 тысяч рублей. При этом деньги переводились на карту приятеля Агейкина. Убедившись, что деньги поступили, полицейский с коллегой отпустили молодого человека без составления протокола. После задержания Агейкин полностью отрицал свою причастность. Но суду хватило оснований, чтобы заключить полицейского под стражу до конца прошлого года. Сейчас он находится на свободе, но с запретом определенных действий. В ходе следствия в целях обеспечения исполнения приговора был наложен арест на сбережения, находящиеся на банковском счете бывшего инспектора ДПС. Вместе с тем в СК собрали достаточно улик и направили материалы для рассмотрения в суд. Уголовное дело в отношении соучастника преступления выделено в отдельное производство.

С объективной стороны рассматриваемое преступление выражается в получении должностным лицом или через посредника взятки за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или предоставляемых им лиц. Если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, оно, в силу должностного положения, может способствовать такими действиями (бездействием) интересам взяткодателя, а равно осуществлять общее покровительство по службе [6, с. 35].

Так, например, Октябрьским межрайонным следственным отделом СУСК России по Республике Мордовия было установлено, что в 2023-август 2024 годы мужчина, занимая должность старшего следователя, получил от обвиняемого по уголовному делу лично и через посредников взятку в общей сумме около 30 тысяч рублей. Незаконное денежное вознаграждение передавалось фигуранту за неизменение подследственному меры пресечения на более строгую и неоднократное обеспечение нахождения его вне места содержания под домашним арестом. Денежные средства передавались мужчине как лично, так и путем перечисления на банковскую карту. Стоит отметить, что ранее приговором суда он признан виновным в совершении мошенничества при использовании служебного положения.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, как

следует из смысла закона, характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Должностное лицо, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации (взятокополучатель) осознает, что ему вручается взятка за совершение действий по службе в интересах дающего ее, т.е. что оно получает противоправную материальную выгоду и желает ее получить [7, с. 11–15].

Так, например, бывший сотрудник исправительной колонии предстанет перед судом по обвинению в получении взяток. Мужчине предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст. 290 УК РФ; ч.3 ст. 30, ч.1 ст.291.2 УК РФ; ч.1 ст.291.2 УК РФ (получение взятки; покушение на мелкое взяточничество; мелкое взяточничество). По данным следствия, в апреле 2024 года обвиняемый, используя свои должностные полномочия и обязанности вопреки интересам службы, из корыстных побуждений, неоднократно проносил на территорию исправительного учреждения и передавал одному из осужденных запрещенные к использованию предметы, в том числе мобильные телефоны. За указанные незаконные действия фигурант получил взятку в виде денег и имущества. Во время получения из пункта выдачи электрического триммера, предназначенного ему в качестве взятки, мужчину задержали оперативные сотрудники УФСБ и УФСИН России по Республике Мордовия.

Получателем взятки может быть только специальный субъект, а именно должностное лицо. Такими должностными лицами являются председатели советов различных коммерческих и некоммерческих учреждений, предприятий или организаций, генеральные директора различных товариществ, президенты и вице-президенты акционерных обществ; лица, могущие в связи со своим служебным положением оказать помощь в проведении предвыборной кампании; выпустить или разместить нужную рекламу, оказать содействие в ее распространении, в частности, посредством радио- и телепередач, предоставить кредиты или ссуды; содействовать созданию лжепредприятий и открытию счета в банке без юридического оформления; приобрести различного вида недвижимость, в том числе федеральную или муниципальную собственность, по низким ценам, минуя аукционы; организовать туристические поездки и т.д.

Так, например, главный ветеринарный врач признан виновным в получении взяток. Мужчина признан виновным в совершении двух эпизодов преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Следствием и судом установлено, что с октября 2017 по февраль 2023 года фигурант, работая в указанной должности, на регулярной основе получал от представителей коммерческих организаций взятки за оформление ветеринарных сопроводительных документов на перевозимую хозяйствующими субъектами мясную продукцию без фактического ее осмотра и проведения иных обязательных проверочных мероприятий. Всего таким образом им было получено около 600 тысяч рублей, которые он потратил на собственные нужды. Приговором суда ему назначено наказание в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Или другой пример. В Саранске судебно-медицинский эксперт признан ви-

новным в получении взятки за сведения об умерших горожанах. Как сообщает Следком Мордовии, с февраля 2022 по март 2023 года врач судебно-медицинский экспертизы сообщал представителю ритуальных агентств конфиденциальную информацию о фактах смерти граждан, их персональные данные и месте нахождения их тел. За каждое такое сообщение он получал от 1,5 до 5 тысяч рублей. В итоге сумма взятки составила 36,5 тысяч рублей. Деньги мужчина потратил на личные нужды. Суд приговорил его к 3 годам лишения свободы условно со штрафом в размере трехкратной суммы взятки и лишением права заниматься экспертной деятельностью в учреждениях здравоохранения на 1,5 года.

В заключение можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день взяточничество полностью искоренить не представляется возможным ни в одной стране мира, но это не повод не работать над этой проблемой и оправдывать этим слабую эффективность современной антикоррупционной политики, которая направлена именно на искоренение данного негативного социального явления. В реалиях необходимо стремиться к снижению масштабов взяточнических проявлений любой формы до такого уровня, что оно перестало быть проблемой, не будет наносить существенного вреда обществу, государству, бизнесу и экономике.

Несомненно, должностные коррупционные преступления наносят значительный ущерб физическим и юридическим лицам, страдают интересы общества и государства, дискредитируется государственная власть, подрывается уверенность в защищённости прав и законных интересов. Кроме того, следует отметить, что проводятся различные исследования как российскими, так и международными организациями по уровню должностной, коррупционной преступности в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Получение взятки (ст. 290 УК РФ) в системе коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 1(47). – С. 132-136.
2. Ивашнева, А. А. Развитие наказания за получение взятки / А. А. Ивашнева // Потенциал социально-гуманитарного знания в решении актуальных проблем системы исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом. – Пермь, 2024. – С. 76-80.
3. Гребенников, Р. Б. Особенности уголовной ответственности за получение взятки должностным лицом на государственной службе // Вестник науки. – 2024. – Т. 3, № 5(74). – С. 360-365.
4. Александров, И. В. Криминалистика : учебник для вузов. – 3-е изд. – Москва, 2024. – 409 с.
5. Уголовная ответственность за получение взяток // URL.: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proceducation> (дата обращения: 01.10.2024).
6. Максимчева, П. М. Уголовно-правовая характеристика получения взятки в Российской Федерации // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции. – Анапа, 2024. – С. 11-15.
7. Агафонов, В. В. Криминалистика. Полный курс : учебник для вузов. 6-е изд. – Москва, 2024. – 778 с.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ИГРОВЫХ ЭКОСИСТЕМАХ**

Авдошкин Александр Анатольевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: sasha.avdoshkin@gmail.com

LEGAL REGULATION OF CRIMES IN GAMING ECOSYSTEMS

Avdoshkin Alexander Anatolievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из популярности использования игровых торговых площадок, экосистем, онлайн-сервисов распространения компьютерных игр и игровых ценностей. Спорная ситуация правового регулирования ставит пользователей в шаткое положение касательно их прав на приобретение, распоряжение и использование электронных ценностей. Сравнивая практику разных стран и разработку новых технологий в этой сфере, можно выделить наиболее актуальные пути решения проблемы с оборотом электронных товаров в виде игр и ценностей внутри них.

Ключевые слова: компьютерные игры, пользователь, игровые экосистемы.

The relevance of the study of the problem under study comes from the popularity of the use of gaming trading platforms, ecosystems, online services for the distribution of computer games and game values. The controversial situation of legal regulation puts users in a precarious position regarding their rights to purchase, dispose of and use electronic valuables. Comparing the practice of different countries and the development of new technologies in this area, it is possible to identify the most relevant ways to solve the problem of the turnover of electronic goods in the form of games and values inside them

Keywords: computer games, user, gaming ecosystems.

Развитие индустрии компьютерных игр в последние 35 лет происходит очень стремительно. Постепенная цифровизация общества, переход от реальных развлечений к виртуальным заставляют законодателей множества развитых стран задуматься о разработке правовых норм, которые бы устанавливали границы дозволенного в рамках правового поля.

Такие развлечения приносят много удовольствия и при этом очень доступны для населения. Будь то простейшие «Кликеры» на смартфоне или масштабные «AAA проекты», которые запускаются лишь на дорогостоящих компьютерах, пользователь имеет множество вариантов проведения досуга в зависимости от своих возможностей и финансового состояния. При этом играть можно, где и когда угодно: в перерывах на работе, на природе, в транспорте или лёжа на диване. Постепенный переход социальной жизни в виртуальную реальность, несомненно, отразился на общественном сознании населения.

В то же время появляются сразу несколько вопросов, касающихся правового регулирования. Во-первых – авторское право. С уверенностью можно сказать, что компьютерные игры совмещают в себе сразу несколько отраслей искусства: например, художественные изображения, 3D модели, объекты искусства, аудио

произведения или общий визуальный дизайн, должны соблюдаться исключительные права автора свои произведения, даже без непосредственной регистрации [п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации – далее ГК РФ]. Обычно студии разработки отдают свои работы на аутсорсинг, сохраняя при этом за авторами их права. Конкретно в России это регулируется ст. 1295 ГК РФ «Право на служебное произведение». То есть во время сдачи работы художники или иные лица выполняют свои трудовые обязанности и при этом «делят» право на результат с работодателем, сохраняя за собой исключительное право. Также возможно использование уже готовых произведений в своих играх, особенно это заметно в музыкальном сопровождении.

Существует возможность использовать произведения народного творчества или перешедшие в общественное достояние. При этом не возникает никаких правовых проблем в связи с их свободным распространением [ст. 1282 ГК РФ].

С другой стороны, существует использование произведений при помощи приобретения лицензии или заключения лицензионного договора. Как уже было сказано, игры совмещают в себе множество объектов авторского права, в законодательстве существует понятие сложного произведения, конкретно компьютерная игра попадает под категорию мультимедийного продукта [ст. 1240 ГК РФ].

Наиболее актуальна проблема незаконного использования игровых продуктов нелегальным способом. В современных реалиях это явление называется «Пиратство». В России при скачивании файлов исключительно для личного пользования через такие файлообменники как: «MediaGet», «Qbit torrent», «uTorrent» рядовому пользователю никакого наказания не предусмотрено, законодатель может выделить лишь факт распространения, которое повлекло за собой убытки малого или крупного размеров, которые регулируются разными отраслями права: административного [7.12 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях] и уголовного [146 Уголовный кодекс Российской Федерации – далее УК РФ]. Привлечь к такой ответственности очень затруднительно из-за отсутствия специальных служб и методов, контролирующих в полной мере интернет-трафик. Учитывая популярность скачивания пиратских файлов, и отсутствие материальных норм, наказывать каждого пользователя нецелесообразно и дорогостояще.

Если обратить взгляд на судебную практику других стран, то в Германии за использование торрент-файлов в личных целях ответственность не установлена, но при этом малейшее распространение файлов наказывается огромными штрафами, а при особо крупной раздаче – вплоть до лишения свободы. Япония в этом направлении отличается жестокостью наказания – за использование нелегальных игровых продуктов даже без цели распространения, наказывается лишением свободы. Причем программы для обмена файлов устроены так, что при скачивании, одновременно происходит и раздача, поэтому граждане, даже не имея цели распространения, попадают в группу риска уголовной ответственности.

В связи со сложившейся обстановкой в мировом сообществе Россия находится под огромным количеством санкций и ограничений, это затронуло и сфе-

ру игровой индустрии. Прошли те времена, когда компьютерные игры считались развлечением исключительно для детской аудитории.

По сути, присутствие множества предложений на рынке вынуждает разработчиков искать пути продажи своего продукта, при этом гарантируя правовую безопасность. Что касается потребителей, то создание удобной площадки для реализации игр и программ упростило бы покупку и продажу игр и игровых ценностей. С одной стороны, площадка, выступая посредником между двумя сторонами, обеспечивает успешное заключение сделок, а с другой - покупатель и продавец остаются защищены от мошенничества или дезинформации. Площадки по продаже игр и игровых ценностей зачастую включают в себя множество опций: общение, реализация, обратная связь, акции и события сообществ, всё это образует «Игровую экосистему».

Старшее поколение может сказать, что траты больших сумм на игры – глупость. Но если рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения, то мы получим бизнес невероятных масштабов. По данным исследовательской фирмы DFC Intelligence в мире более 3,1 млрд геймеров, это около 40% населения планеты. Рынок игр в последнее десятилетие испытывает значительный подъем, а с условием цифровизации общества, такая тенденция сохранится и далее. Игровые ценности сейчас не просто «пиксели на экране» – это товары, подлежащие регулированию, соответственно, имея с них прибыль, гражданин обязан уплатить налог.

Например, в популярнейшей на территории СНГ игре «Counter Strike 2» игровые предметы могут стоить до нескольких миллионов рублей, со временем цена на них неизбежно повышается. Одновременно с этим повышается риск мошенничества с целью перепродажи ценностей. В нашей стране такие преступления квалифицируются по статье 159.6 УК РФ. Но во всех игровых сервисах ведёт свою активную деятельность служба поддержки. Пользователям сначала стоит обратиться с заявлением к администрации проекта, а уже после, если вопрос не был решен, идти в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела. Многие жертвы мошенников не имеют глубоких знаний о своих правах из-за низкого уровня правового сознания, поэтому обращений по этим типам преступлений крайне мало. Считаю, что игровым площадкам следует расширять правовой кругозор пользователей и разъяснять возможные действия в случае правонарушений.

При запуске большинства компьютерных игр, пользователь обязан согласиться с правами пользования или же лицензионным соглашением. Особенность его состоит в том, что продукт выдается на бессрочное пользование, а не во владение, владельцы продукта могут в любой момент отобрать право пользования, при нарушении правил, прописанных в соглашении. Но, как показывает практика, читают это соглашение единицы, из-за этого можно прописать некоторые сомнительные пункты. Например, 1 апреля 2010 года британский интернет-магазин GameStation внёс в пользовательское соглашение пункт, согласно которому покупатель отдавал свою душу в вечное пользование магазину. При этом можно было отказаться от этого, нажав на определенный пункт в соглашении. Но 88% пользователей согласились на эти условия, что ещё раз по-

казывает небрежное отношение к заключению договоров. Хотя это и было создано ради шутки, с нарушением конституционных прав человека, но, при правильном подходе, можно навязать невыгодные условия, и непрофессионалу в юридических вопросах очень легко попасться в такую ловушку. Предлагаемое мной решение – сохранение сути лицензионного соглашения и придания ему более сокращенного и понятного вида ради большей доступности пользователям. Документы, устанавливающие права и обязанности не то, чем стоит пренебрегать и пропускать мимо своего внимания.

В связи с массовыми ограничениями иностранных ресурсов по требованиям Роскомнадзора и обилием санкций, наложенных на игровые площадки, игроки вынуждены искать обходные меры для приобретения товаров. Игровая экосистема «Steam», являясь популярнейшей во всем мире, ограничила методы пополнения баланса кошелька, с которого можно купить игры и игровые ценности. Одновременно появилось множество сервисов пополнения, от более-менее официальных: через мобильных операторов или на данный момент недействующего банка «QIWI», до частных сайтов, с сомнительными гарантиями. Именно вторую категорию стоит рассмотреть подробнее. Стоимостная оценка посреднических услуг сервисов выражается в сборе комиссии при пополнении. Люди, в поисках выгоды, склонны выбирать наиболее выгодный вариант, исключаящий большую переплату. Этим и пользуются мошенники, выставляя минимальную комиссию, накручивая поддельные отзывы, создавая подменные сайты, они применяют тщательно продуманную схему обмана.

Распространена практика маскировки под настоящие сайты с услугами. Например, сайт steamcommunity.com, который отвечает за площадку Steam. Граждане попадают на рекламу подарочных карт с определенными суммами денег, но, чтобы их получить, нужно перейти по ссылке на ресурс, злоумышленники меняют несколько букв в названии сайта, и доверчивый пользователь вводит свои данные, тем самым давая доступ ко всем играм и ценностям, находящимся на аккаунте. Проблематика этого вопроса состоит в том, что возникают трудности отслеживания средств в сети интернет, а использование VPN и прокси протоколов делает невозможным определение местонахождения мошенника. Нужно развивать практику повышения осведомленности о способах мошенничества путём проведения мероприятий просветительского характера, массовой рассылки от уполномоченных органов, проведением форумов и конференций, направленных на решение проблемы. Также можно рассмотреть возможность разработки активной защиты от фишинговых сайтов прямо в интернет-браузерах. Такая защита активно разрабатывается компанией Яндекс.

В заключение можно сказать, что игровые экосистемы и входящие в неё элементы подлежат отдельному правовому регулированию, наличие материальных норм и обилие судебной практики, несомненно, приведет к улучшению ситуации с правонарушениями, а содействие граждан в этих вопросах даст возможность для разработки отдельного института права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Собрание Законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1), ст. 5496.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25, ст. 2954.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПО ПРИЗНАКУ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Агафонов Дмитрий Владимирович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808074@ruc.su

FEATURES OF QUALIFICATION OF ILLEGAL DRUG TRAFFIC ACCORDING TO THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

Agafonov Dmitry Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Незаконное распространение наркотических средств и их производных в свою очередь является мощным «толчком» к распространению и причиной роста организованной преступной деятельности, особенно совершению тяжких и особо тяжких преступлений против человека, против населения и общества. Автором статьи подробно характеризуется данное негативное явление современного общества, рассматриваются, какие преступные действия попадают под квалификацию незаконного оборота наркотических средств по объективным признакам.

Ключевые слова: наркопреступления, наркотики, уголовный закон, незаконный оборот, наркопреступность, противодействие наркотизму.

The illegal distribution of narcotic drugs and their derivatives, in turn, is a powerful «impetus» for the spread and cause of the growth of organized criminal activity, especially the commission of serious and especially serious crimes against individuals, against the population and society. The author of the article characterizes in detail this negative phenomenon of modern society, considers which criminal acts fall under the classification of illicit drug trafficking based on objective criteria.

Keywords: drug crimes, drugs, criminal law, illegal trafficking, drug crime, counteraction to drug addiction, drug crimes.

Незаконное распространение наркотических веществ как негативное социальное явление способствует увеличению преступности, связанной с наркобизнесом, что проявляется в росте коррупции, преступлениях, связанных с перераспределением рынков и каналов сбыта наркотиков, а также в поиске средств для финансирования их производства [1, с. 108].

Не утешает и тот факт, что статистические цифры «наркозависимых» каждый год продолжают расти в сторону увеличения [2, с. 47].

Таким образом актуальность темы исследования обусловлена особой обще-

ственной опасностью наркомании как негативного явления. Теоретическая основа исследования особенности квалификации незаконного оборота наркотиков по признакам объективной стороны представлена доктринальными идеями тех исследователей, труды которых признаны основой современного учения о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, таких как М. М. Абдул-кадирова, М. М. Гитинова, Ю. В. Грачева, А. А. Бимбинов, С. А. Боженко, Р. М. Акутаев, А. А. Компаев, А. А. Алиев, Э. Ф. Ахметшина, Г. М. Бадасян, А. М. Балафендиев, А. Ф. Мухаметзянов, Ю. А. Белоусов, Р. В. Беспалов, А. С. Лупиногина, А. В. Богданов, Ю. В. Папазова, Е. Н. Хазов, В. С. Власевская, С. В. Габеев, И. В. Кудашова, П. Н. Сбирунов, В. В. Семенова, Н. Б. Сергиенко, П. Е. Сироткин, Л. А. Спектор, А. Д. Малютин, М. Ю. Суворова, Э. Р. Сулейманов, А. А. Фарваев, Р. Г. Юсупов и других.

Методологию исследования составил криминологический и уголовно-правовой анализ преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на основе современных тенденций, специфики личности преступника, причинного комплекса и мер противодействия рассматриваемого вида преступления.

Основу законодательства по борьбе с незаконными изготовлением, хранением и сбытом наркотических и психотропных веществ составляют Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, а также некоторые международные договоры, в том числе Конвенция о психотропных веществах, принятая ООН в 1971 году.

Вышеуказанные правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны жизни и здоровья граждан, укрепления национальной безопасности России [3, с. 77].

Говоря о противодействии наркотизму, необходимо упомянуть, что в настоящее время Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 утверждена и приведена в действие Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

Под незаконным оборотом наркотических средств понимается разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ в нарушение законодательства РФ, то есть без специального разрешения уполномоченных государственных органов [4, с. 108].

Изучение основного содержания рассматриваемых статей УК РФ показывает, что объективная сторона незаконного деяния имеет определенные отличительные черты в виде действий, содержание которых подробным образом раскрывает Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 15.06.2006 № 14.

Так, объективная сторона ст. 228 УК РФ – это всегда действие, направленное на получение наркотиков различными способами, обладание ими, перемещение, извлечение и переработка.

Так же следует дать краткую характеристику некоторых преступных дей-

ствий, входящих в признаки объективной стороны незаконного оборота наркотических средств.

Незаконное приобретение наркотических средств без цели сбыта – это получение их любым доступным для физического лица способом (покупка, получение в дар, оплата за услуги) [5, с. 147].

Так, например, Иванов совершил деяние, попадающее под квалификацию по ч. 2 ст. 228 УК РФ. Деяние было совершено при следующих обстоятельствах. Как было выяснено, 21 июня 2024 года наркоман заказал через интернет-магазин мефедрон. Получив координаты тайника, он попросил своего товарища отвезти его в лесополосу, чтобы забрать закладку. При этом зачем именно едет, горожанин друга посвящать не стал. На обратном пути машину остановили инспекторы ДПС. Выйдя из салона, наркоман сбросил сверток с 5 граммами мефедрона на землю. Свою вину он в итоге признал.

Незаконное хранение наркотических средств – это противозаконное обладание ими с целью дальнейшего потребления. Период времени, в течение которого данные средства хранились, не оказывает влияние на квалификацию, и преступление характеризуется как длящееся [6, с. 70].

Так, например, 23-летний житель Рузаевки Рытовский попросил своего приятеля отвезти его за город. В этот момент в салоне было несколько человек. Как позже выяснится, мужчина заказал в даркнете наркотики, но что едет их забирать – друзьям не рассказал. Забрав закладку с мефедроном, молодой человек сразу употребил дозу, забрав остальное с собой. По пути домой иномарку остановили оперативники УНК регионального МВД. Увидев это, Рытовский в спешке стал избавляться от улики, высыпая запрещенные вещества под ноги. Часть наркотиков оказалась на коврике, другая – под ним. Эксперты смогли собрать в салоне 1,56 грамма мефедрона, которых хватило, чтобы привлечь виновного к уголовному преследованию по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Или другой пример. Четвертый отдел полиции Саранска возбудил уголовное дело в отношении 25-летнего жителя Иссы, работающего вахтовым методом в Чамзинском районе. Мужчина подозревается по ч. 2 ст. 228 УК РФ «Незаконное хранение наркотических средств». 17 сентября молодого человека остановили оперативники УНК республиканского МВД около дома по улице Победы. Увидев сыщиков, он разорвал и выбросил на землю сверток с веществом. Согласно исследованию, содержимым оказался мефедрон массой 2,65 гр. Житель Иссы признался, что купил наркотик в даркнете для себя. Получив координаты местоположения тайника, он на такси приехал в Саранск, но как только он забрал закладку, его задержали. Свою вину полностью признал, расследование уголовного дела продолжается.

Под незаконной перевозкой понимают осознанные действия лица по перемещению без цели сбыта названных выше объектов из точки «А» в точку «Б». Следует оговориться, что незаконное перемещение (перевозка) наркотиков будет иметь место, если они были перемещены виновными лицами на любом виде транспорта. Данный факт и различие транспортного средства не будет влиять на квалификацию преступления.

Так, например, в г. Рузаевке Республики Мордовия сняли с поезда 43-летнего

петербуржца, который вез с собой мефедрон. Пассажир поезда сообщением «Санкт-Петербург – Оренбург» привлек внимание сотрудников Рузаевского линейного отдела МВД России на транспорте своим поведением. Когда 43-летний мужчина увидел людей в форме, то сильно занервничал. Пассажира решено было досмотреть. При нем обнаружили и изъяли пакет с порошком общей массой 2,85 грамма. После проведенной экспертизы было установлено, что это было наркотическое средство дезоморфин. Позднее на допросе житель Санкт-Петербурга признался, что купил и забрал «закладку» в северной столице. Употребив часть наркотика, остальное он забрал с собой в дорогу. По факту незаконного оборота запрещенных веществ следователи транспортной полиции Рузаевки завели уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Под незаконным сбытом, в том числе следует понимать: дарение, обмен, уплату долга наркотическим средством, дачу в займы наркотического средства, введение инъекций другому лицу, а также любой другой способ передачи наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Так, например, 18-летний юноша 22 марта 2024 года купил в даркнете партию гашиша, которую забрал из тайника в Лямбирском районе. Наркотик весом не менее 3,82 граммов он расфасовал в своей квартире на четыре свертка и готовил для сбыта. В дальнейшем он сделал «закладки» возле двух многоэтажек в северо-западной части Саранска. Спустя два дня студент вновь забрал из тайника в Лямбирском районе очередную партию гашиш уже общей массой 24,6 грамма. Но по пути домой его задержали сотрудники Госавтоинспекции и УНК МВД по Мордовии, обнаружив во внутреннем кармане куртки в ходе личного досмотра запрещенные вещества. В ходе обысковых мероприятий в квартире задержанного оперативники нашли упаковочный и фасовочный материалы, весы, изоленту и устройство для употребления наркотиков. После возбуждения уголовного дела 18-летнего студента заключили под стражу. Суд признал его виновным в совершении вменяемого ему преступления и назначил ему наказание в виде 7 (семи) лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

Или другой пример. Житель Мордовии в день рождения подруги подарил ей дозу гашиша и попался полицейским. 25 июля сотрудники Управления по контролю за оборотом наркотиков республиканского МВД проводили оперативные мероприятия в Ромодановском районе. Поздно вечером по пути из Алатыря Чувашской республики в райцентр они остановили машину, в салоне которой находился 40-летний мужчина. В его кошельке и сумочке подруги, сидевшей рядом, сыщики обнаружили гашиш общей массой более 2,34 гр. Как позже рассказал наркоман, в день рождения подруги он через интернет-магазин заказал наркотик. Закладку нужно было забрать в Алатыре, поэтому он попросил товарища отвезти его с женщиной на точку. Забрав гашиш из тайника, он в качестве подарка сбыл 42-летней подруге часть наркотика. На обратном пути иномарку остановили полицейские. Следователи по факту сбыта и хранения запрещенных веществ возбудили два уголовных дела на мужчину, а именинницу привлекли к административной ответственности по ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконные приобретение, хранение, без цели сбыта наркотических средств»

Все вышерассмотренные преступные деяния имеют формальный состав, т.е. в момент совершения одного из действий, перечисленных в статье УК РФ, преступление считается уже оконченным. [7, с. 221–224].

Современная государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту направлена на установление строгого контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Предотвращение зависимости экономически гораздо более эффективно, чем лечение. Зависимость стоит дорого, что приводит к затратам на здравоохранение, потере производительности и участию уголовного правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметишина, Э. Ф.* Незаконный оборот наркотиков (ст. 228, 228.1): вопросы квалификации // *Инновационная наука*. – 2024. – № 2-2. – С. 107-109.
2. *Балафендиев, А. М.* Ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров по УК РФ // *Студенческий вестник*. – 2023. – № 46-3(285). – С. 45-50.
3. *Габеев, С. В.* Усиление ответственности как основная тенденция реформирования действующего уголовного законодательства о незаконном обороте наркотиков // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2022. – № 12(126). – С. 45-49.
4. *Абдульмянова, Т. В.* Уголовное право. Особенная часть : краткий курс лекций : учебное пособие. – Раздел VIII. – Саранск, 2023. – 100 с.
5. *Гираев, М. И.* Проблемы эффективности уголовного наказания за незаконный оборот наркотических средств в России // *Закон и право*. – 2024. – № 7. – С. 146-149.
6. *Гордеев, С. А.* Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // *Трибуна ученого*. – 2022. – № 4. – С. 65-80.
7. *Абдульмянова, Т. В.* Профилактика наркомании среди молодежи нормами уголовного законодательства Российской Федерации // *Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции*. – Ч. 2. Саранск, 2021. – С. 221-224.

УДК 340

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Алукаев Абдурахман Бясырович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808093@ruc.su

THE CURRENT STATE OF MONEY CIRCULATION IN RUSSIA: FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS

Alukaev Abdurakhman Byasyrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассмотрены особенности современного денежного обращения, раскрыты плюсы и минусы применения существующих форм денег. Подробно рассматривается вопрос обращения цифрового рубля, его основные преимущества и недостатки.

Ключевые слова: деньги, денежное обращение, цифровой рубль, цифровая валюта, безналичный расчет, наличные средства.

The article examines the features of modern money circulation, reveals the pros and cons of using existing forms of money. The issue of circulation of the digital ruble, its main advantages and disadvantages are considered in detail.

Keywords: money, money circulation, digital ruble, digital currency, cashless payment, cash.

Развитие информационных технологий приводит к изменениям во всех сферах деятельности государства, в том числе и в сфере денежного обращения. В частности, если ранее в России существовало только две формы денег: наличные и безналичные, то в настоящий момент происходит активное внедрение цифрового рубля.

За последние несколько лет произошел существенный рост расчетов без применения наличных денежных средств. Указанное обусловлено, во-первых, удобством применения безналичной формы расчетов, а, во-вторых, развитием торговли через маркетплейсы и применением банками различных бонусных программ за осуществление безналичных расчетов.

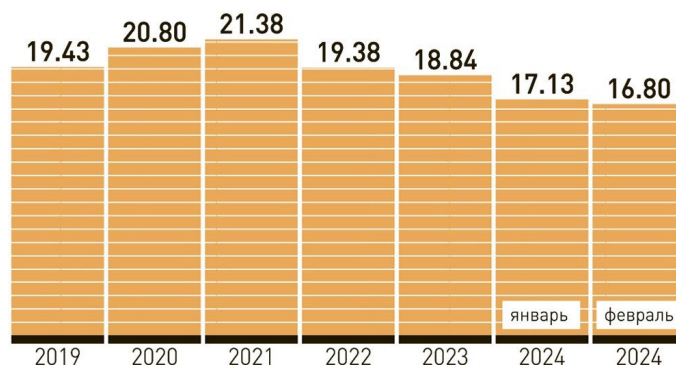

Рисунок 1. Доля наличных в структуре денежной массы, %

Стоит отметить, что развитие безналичной формы расчетов имеет ряд преимуществ не только для населения, но и для государства. Так, расчеты, которые проводятся в безналичной форме, обеспечивают прозрачность денежных операций и позволяют осуществлять контроль за теневой экономикой.

Однако наряду с преимуществами существуют и определенные недостатки. Так, например, появление возможности оплаты через QR-коды лишает банки комиссий и платы за эквайринг.

Но несмотря на указанное, специалисты отмечают, что наличные денежные средства вряд ли исчезнут из обращения. Так, к примеру, они пользуются популярностью у пожилого населения и привлекательны для малого бизнеса ввиду дороговизны эквайринга [1, с. 140].

Тем не менее нельзя не отметить, что наличные расчеты во многом не отвечают требованиям современности. Всё большую популярность приобретает рынок интернет-торговли, который предусматривает именно безналичные расчеты. По итогам 2023 года объем такого вида торговли вырос на 28 % [2]. Кроме того, нельзя не отметить, что наличные денежные средства становятся предметом совершения преступлений, в частности при изготовлении поддельных

денежных знаков. По данным Банка России количество выявляемых подделок снижается, но, как представляется, происходит указанное ввиду снижения обращения наличных денежных средств. Например, по итогам 3 квартала 2024 года количество выявленных подделок снизилось на 33,8 % по сравнению с аналогичным периодом [3].

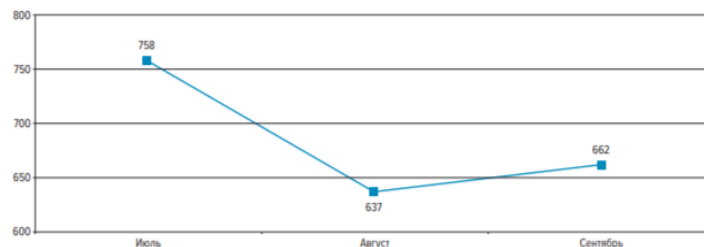

Рисунок 2. Выявление поддельных денежных знаков Банка России в 3-м квартале 2024 года, в штуках

Возрастающий спрос на получение товаров и услуг дистанционным способом, влекущий необходимость развития именно безналичных расчетов, неизбежно ведет к необходимости цифровизации финансового рынка.

Как отмечает Васянина Е.Л., появление новых форм денег всегда было связано с достижениями в науке и технике [4, с. 24]. Так, современные бумажные деньги пришли на смену металлическим деньгам после изобретения бумаги. Соответственно, происходящие процессы цифровизации неизбежно ведут к переводу денег в электронный, то есть безналичный формат.

Указанное привело к началу процесса внедрения в экономику России цифрового рубля. В частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации было закреплено понятие такой формы денег. Так же законодатель отнес цифровой рубль к объектам гражданских прав, что сделало возможным его передачу по наследству [5]. Примечательно, что закон предусматривает возможность передачи таких денежных средств наследнику до даты вступления в наследство, если они необходимы для осуществления погребения наследодателя.

На сегодняшний день в рамках пилотного проекта 11 банков участвуют в тестировании платежей с использованием нового вида национальной валюты [6]. Предполагается, что повсеместное внедрение цифрового рубля начнется в 2025 году, при этом его использование будет полностью добровольным.

По своей сути цифровой рубль – это цифровой код, не имеющий аналогов и хранящийся на электронном кошельке. Он имеет некоторые сходства с наличными денежными средствами, поскольку так же, как и банкноты, эмитируется Банком России и идентифицируется через определенную комбинацию цифр. Кроме того, только две указанных формы денег могут применяться как платежное средство в офлайн режиме.

Несмотря на имеющееся на первый взгляд сходство между цифровым рублем и безналичными денежными средствами, две указанных формы денег существенно отличаются друг от друга. В частности, безналичные рубли хранятся на специальных счетах в банках и на них по программам лояльности могут начис-

ляться проценты и различные бонусные баллы, которые можно переводить в рубли либо расплачиваться ими у партнеров банка. Цифровой рубль не имеет таких преимуществ, однако, как уже указывалось, расплачиваться им можно без доступа к Интернету, что в случае с безналичными денежными средствами невозможно.

Отдельно стоит отметить, что цифровой рубль не является криптовалютой, которая представляет собой вид цифровой валюты, не имеющий конкретного эмитента и не обеспеченный чем-либо. Курс криптовалюты в основном зависит от интереса к ней и от происходящих в мире событий, что делает его крайне нестабильным. Так, на курс криптовалюты может повлиять критика со стороны властей либо информация о мошеннических действиях с её применением. Например, в настоящий момент из-за предстоящих выборов в США происходит стремительное падение курса биткоина, являющегося главным видом криптовалюты [7].

Между тем, наиболее актуальным вопросом в контексте применения цифрового рубля является обеспечение безопасности расчетов с ним. Так, по данным Банка России за 2023 год путем мошеннических действий у граждан было похищено 15,8 млрд рублей [8]. При этом в основном граждане самостоятельно предоставляют мошенникам свои личные данные, открывающие им доступ к денежным средствам, хранящимся на счетах в банках. Соответственно, при внедрении цифрового рубля существуют аналогичные риски хищения денежных средств с применением различных мошеннических схем.

Как указывают в Банке России, уровень защиты цифрового рубля является самым надежным в мире, что достигается за счет применения новейших разработок в сфере криптографической защиты [9]. Кроме того, Банк России устанавливает жесткие требования к коммерческим банкам, которые должны будут осуществлять операции с цифровым рублем [10]. В том числе рассматривается возможность установления штрафов для банков, которые не смогут обеспечить к дате полномасштабного запуска применения цифрового рубля полное соответствие своих систем установленным требованиям.

Но несмотря на все усилия законодателя в части обеспечения безопасности цифрового рубля, высокими остаются риски самостоятельного предоставления гражданами своих данных мошенникам. Решение указанной проблемы видится во введении в законодательство так называемого «периода охлаждения», в течение которого граждане могли бы отменить совершенную денежную операцию. При этом обеспечить безопасность обеих сторон при расчетах можно за счет установления обязанности предоставления документов, которые могут обосновать правомерность либо неправомерность отмены операции.

Таким образом, на сегодняшний день в России применяются три формы денег, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки. Они существуют в определенной взаимосвязи, дополняя возможности друг друга. Но при этом стоит заключить, что продолжающееся развитие научно-технического прогресса обуславливает снижение популярности использования наличных расчетов, на смену которым приходят новые, более удобные в применении и отвечающие потребностям современности формы денег.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильданова, М. М. Особенности правового регулирования расчетов в наличной и безналичной формах в России // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 135-147.
2. Интернет торговля выросла в 2023 году // Официальный сайт Альфа Банка России. – URL: <https://alfabank.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
3. Статистика выявления поддельных денежных знаков Банка России // Официальный сайт Банка России. – URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
4. Васянина Е.Л. О правовом обеспечении денежного обращения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 24-35.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; в ред. от 08.08.2024 // Российская газета. – 1994. – № 238-239.
6. Банки-участники пилота операций с реальными цифровыми рублями // Официальный сайт Банка России: URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
7. Как крипторынок готовится к выборам в США // Новостной портал РБК: сайт: URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
8. Мошенничество с банковскими картами в 2023 году // Коммерсантъ: сайт: URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
9. В ЦБ назвали гарантией безопасности цифрового рубля контроль ФСБ // Новостной портал РБК. – URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 24.10.2024).
10. О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля: положение Банка России от 07.12.2023 № 833-П // Вестник Банка России. – 2024. – № 1.

УДК 343

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ В ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Антипова Елена Григорьевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su

LEGAL FEATURES OF NEGLIGENCE AS A LEGAL CATEGORY IN IATROGENIC CRIMES

Antipova Elena Grigoryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование направлено на анализ юридических и психофизиологических аспектов неосторожности как формы вины в контексте медицинских ошибок, приводящих к ятрогенным преступлениям.

В статье освещается сложность правовой квалификации действий медицинских работников, когда непреднамеренные ошибки влекут за собой тяжкие последствия, такие как тяжкий вред здоровью или смерть пациента. Особое внимание уделяется различию между умышленными преступлениями и преступлениями, совершенными по неосторожности, при этом подчеркивается отсутствие мотива и цели у последних. В работе анализируется судебная практика и правоприменительные сложности в интерпретации действий медицинского персонала

как профессиональной неосторожности. При этом особое внимание уделяется психофизиологическим факторам, влияющим на принятие решений в критических ситуациях, что добавляет сложности при оценке формы и степени вины медицинского работника.

Ключевые слова: неосторожность, ятрогенные преступления, уголовная ответственность, медицинская ошибка, психофизиологические аспекты вины, профессиональная деятельность врачей, судебная практика, квалификация преступлений.

The study is aimed at analyzing the legal and psychophysiological aspects of negligence as a form of guilt in the context of medical errors leading to iatrogenic crimes. The article highlights the complexity of the legal qualification of the actions of medical workers when unintentional errors entail serious consequences, such as serious harm to health or death of the patient. Particular attention is paid to the difference between intentional crimes and crimes committed through negligence, emphasizing the lack of motive and purpose in the latter. The authors of the article analyze judicial practice and law enforcement difficulties in interpreting the actions of medical personnel as professional negligence, drawing attention to the need to take into account all aspects of the doctor's activities before making a judicial decision. Also, psychophysiological factors influencing decision-making in critical situations are studied, which adds complexity to the assessment of the guilt and intentions of the doctor.

Keywords: negligence, iatrogenic crimes, criminal liability, medical error, psychophysiological aspects of guilt, professional activity of doctors, judicial practice, qualification of crimes.

Все преступления совершаются при совокупности объективных и субъективных признаков. К субъективным признакам противоправного деяния следует относить субъект и субъективную сторону общественно-опасного деяния.

Так, субъект преступлений, санкционированных ст. 109, 118 УК РФ – это вменяемое лицо, которому исполнилось на момент совершения преступления 16 лет [1].

Говоря про субъективную сторону преступлений предусмотренных ст.ст 109, 118 УК РФ важно отметить что они являются неосторожными, следовательно в отличии от умышленных преступлений они не содержат мотива и цели.

Иллюстрацией служат следующий случай, квалифицированный по ч. 2 ст. 109 УК РФ – это причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей.

«При доставлении бригадой скорой помощи З. в инфекционное отделение в ходе оформления медицинской сестрой Л. истории болезни стационарного больного со слов последнего на титульный лист истории были внесены сведения о наличии у З. побочного действия (непереносимости) на «Цефтриаксон», после чего З. отказался от госпитализации и покинул отделение. При повторном доставлении бригадой скорой помощи З. в инфекционное отделение больницы медицинская сестра Б.Т., используя ранее заполненную медицинскую карту стационарного больного, проводила пациента в лечебный бокс, а историю болезни положила на рабочий стол заведующей инфекционным отделением Коржавиной Т.В.

В дальнейшем заведующая и врач-инфекционист инфекционного отделения Коржавина Т.В. после осмотра больного З. в отделении определила последнему предварительный диагноз, однако не выяснила у пациента наличие у него непереносимости лекарственных препаратов, после чего, не ознакомившись должным образом с историей болезни стационарного больного на имя З., содержащей информацию о наличии у пациента непереносимости лекарственного пре-

парата «Цефтриаксон», назначила внутривенное введение лекарственного средства «Цефтриаксон», указав об этом в листе врачебных назначений, который передала для исполнения процедурной медицинской сестре А.Н.».

В данном случае субъектом является врач.

Субъективная сторона – вина в форме неосторожности.

Неосторожность – это форма вины по уголовному закону. Вина – это не только умысел. В данном случае врач не хотел, чтобы больной умер, поэтому квалификация не по ст. 105 УК РФ. Однако если бы врач был внимателен и осторожен, как это требуется при исполнении своих профессиональных обязанностей, то пациент остался бы жив.

Ст. 238 УК РФ в отличие от ст.ст. 109, 118 УК РФ – это преступление с 2 формами вины: умысел – на деяние (действие, бездействие), неосторожность – к последствиям (тяжкий вред здоровью, смерть) [2; 3].

Рассмотрим следующим пример из практики с квалификацией деяния врача по ст. 238 УК РФ:

Акушер-гинеколог, частным порядком (в одиночку), в городской больнице, где она работает, без оформления гражданско-правового договора с пациентом, проводит косметическую операцию на лице женщины.

В результате передозировки анестетиком лидокаин женщине становится плохо, врач же не предпринимает никаких действий, направленных на её спасение, а беспокоится не о том, как спрятать пациента. Пациент в итоге умирает.

Субъективная сторона:

1. Вина (ст. 238 УК РФ – это преступление с 2 формами вины: умысел – на действия, неосторожность – к последствиям).

Врач умышленно провела процедуру за денежные средства, понимая и осознавая, что делает именно то, чего по закону делать нельзя, и хотела сделать именно это.

При этом умысла на убийство у акушера-гинеколога не было, она и не хотела, чтобы пациентка умерла, это случилось по неосторожности, так как врач до последнего надеялся, что она не умрёт, даже когда её состояние ухудшилось.

2. Мотив – корыстный.

3. Цель – незаконное обогащение.

Аналогичным образом квалифицируется по ст. 238 УК РФ деяние и без причинения смерти пациенту, так врачом-хирургом была проведена хирургическая операция при полном отсутствии медицинских показаний, при следующих обстоятельствах:

Врач-хирург, осознавая, что у пациента нет острого аппендицита провёл аппендэктомию, рассчитывая после операции получить «благодарность», (не считающуюся взяткой), с этой целью он безосновательно подтверждает диагноз острого аппендицита, с которым больного привезла в стационар скорая помощь, и проводит ему операцию, несмотря на то, что по результатам осмотра и обследования хирург понял, что у пациента на самом деле почечная колика, т.е. аппендэктомия ему не нужна. В процессе операции хирург случайно десерозировал (ободрал) кишку, но зашивать её не стал, дренаж в брюшной полости не оставил, к пациенту в палату двое суток после операции не заходил, пока у того

не начался перитонит из-за перфорации в кишке. При всём этом анализы не смотря на высокую температуру вовремя назначены не были.

Тем самым он проводит опасное для данного человека внутрибрюшное хирургическое вмешательство, наркоз, в объёме удаления аппендикса.

Так, первая форма вины по ст. 238 УК РФ – это умысел.

Преступный умысел хирурга заключается в том, что хирург осознаёт, что пациент не болен той патологией, от которой он его «лечит».

Мотив – корысть, цель – незаконное обогащение.

Последствие – пациент подвергнут опасности при отсутствии объективной необходимости.

Вторая форма вины – это неосторожность.

Тот факт, что хирург случайно десерозировал (ободрал) кишку, но зашивать её поленился и дренаж в брюшной полости не оставил, и к пациенту в палату двое суток после операции не заходил, пока у того не начался перитонит из-за маленькой перфорации (дырки) в кишке, и анализы не назначил, несмотря на высокую температуру. Это тоже вина, но это – это неосторожность, потому что врач рассчитывал на то, что общественно-опасные последствия не наступят, полагаясь на своё мастерство и опыт.

Последствие наступили – тяжкий вред здоровью больного, в виде перитонита, но умысла на то, чтобы причинить тяжкий вред, у врача не было.

Таким образом, операция, которая пациенту была не нужна, проведена умышленно, а перитонит развился по неосторожности, в результате чего данное деяние было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Ключевую роль в квалификации преступления медицинского работника по ст. 238 УК РФ играет умысел на оказание опасных услуг, а не на причинение вреда здоровью или смерти. В случае его отсутствия квалификация по данной статье невозможна, даже несмотря на допущенные дефекты при оказании медицинской помощи. Если же на этапе следствия при отсутствии умысла у медицинского работника на оказание опасных услуг данное деяние было квалифицировано по ст. 238 УК РФ суд должен вынести оправдательный приговор.

Так, в рабочее время осужденная находилась на своем рабочем месте, кроме ребёнка, оказывала медицинскую помощь брату последнего, который в результате его лечения выздоровел, а также другим находящимся на излечении в стационаре детям. При этом фактов умышленного уклонения от исполнения своих обязанностей врача при оказании медицинской помощи судом в приговоре не установлено.

Согласно указанным актам ведомственных проверок качества медицинской помощи и заключениям судебно-медицинских экспертов, допущенные при оказании медицинской помощи дефекты в целом являются следствием недооценки врачом-педиатром малолетнего возраста ребёнка, перенесенных им ранее заболеваний, сведений, содержащихся в медицинских документах, общего состояния здоровья ребенка, а также тяжести заболевания и состояния ребёнка, при поступлении в больницу и нахождении в педиатрическом отделении, что в свою очередь повлияло на полноту поставленного рабочего (клинического) диагноза при поступлении и лечении, объем диагностических исследований, ин-

тенсивность наблюдения за ребенком, а также правильность и своевременность лечения и перевода в отделение реанимации и интенсивной терапии, что в совокупности свидетельствует о ненадлежащем выполнении осужденной своих обязанностей врача и ее вине в форме неосторожности, а не об умышленном преступном бездействии при оказании медицинской помощи (медицинских услуг).

При постановке рабочего диагноза не было исключено наличие пневмонии. Однако факт наличия у ребенка пневмонии при поступлении его в больницу, согласно медицинским документам и по выводам судебно-медицинских экспертиз, судом достоверно установлен не был. Согласно выводам заключения судебно-медицинской экспертизы и показаниям эксперта-рентгенолога, по рентгенологическим данным признаки пневмонии на снимке при поступлении в стационар отсутствуют и выявлены только на снимке после перевода в отделение реанимации. Об отсутствии признаков пневмонии на рентген-снимке также показал врач-рентгенолог, производивший описание снимка при поступлении ребенка в стационар, которым при постановке диагноза в совокупности с личным изучением снимка также руководствовалась педиатр, при этом, согласно заключению дополнительной судебно-медицинской экспертизы и показаниям эксперта, при проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы экспертами лишь предположены признаки пневмонии на рентген-снимке и возможное наличие у ребенка пневмонии изначально на момент его поступления в больницу.

Причины возникновения у ребёнка нарушения дыхания (апноэ) и, как следствие, десатурации в педиатрическом отделении в дальнейшем ни врачами в ходе лечения, ни экспертами при проведении экспертиз в ходе предварительного следствия, в том числе имеющими более высокую квалификацию и больший опыт работы, чем врач-педиатр, достоверно установлены не были. Согласно выводам заключения судебно-медицинской экспертизы, эпизоды остановки дыхания у детей являются не до конца изученными явлениями в современной педиатрии. Одной из причин могли быть изменения в мозге, возникающие в период родов, когда мозг претерпевает кислородное голодание и происходят различного рода повреждения мозговой ткани в связи с родовой деятельностью.

Эпизод десатурации до 84 % и ухудшения состояния ребенка произошли в 3 часа 30 минут, когда у педиатра был выходной, при этом в это время ребенок находился под наблюдением дежурного врача, которая вместе с врачом-реаниматологом в ночное время приняла решение об оставлении ребёнка в педиатрическом отделении. Несмотря на сохранение утром оснований для перевода ребёнка в отделение реанимации и интенсивной терапии (по выводам заключения дополнительной судебно-медицинской экспертизы) после устранения эпизода десатурации у ребёнка и её стабилизации до уровня 94 %, сохранение таких оснований для педиатра было неочевидно, поскольку при осмотре ребёнка в 8 часов утра дежурным врачом и более опытным врачом-реаниматологом оснований для перевода ребёнка в отделение реанимации и интенсивной терапии не установлено, о чем педиатру также было известно, что, по убеждению судебной коллегии, свидетельствует об отсутствии у педиатра прямого умысла на бездействие при оказании медицинской помощи путем несвоевременного

перевода в отделение реанимации и интенсивной терапии. При этом после установления снижения сатурации кислорода до 93 % в 14 часов 30 минут, так как согласно требованиям нормативных документов уровень сатурации ниже 94 % требует интенсивного наблюдения и является показанием к оксигенотерапии, педиатром совместно с заведующей педиатрическим отделением приняты меры к незамедлительному переводу ребёнка в отделение реанимации и интенсивной терапии.

Так, наличие у осужденной высшего медицинского образования, специальности врача-педиатра и опыта работы врачом-педиатром с октября 2015 года, несмотря на допущенные дефекты при оказании медицинской помощи, сами по себе не свидетельствуют о наличии прямого умысла на оказание в процессе лечения медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В результате судом был вынесен оправдательный приговор так как у врача отсутствовал умысел на оказание опасных услуг, а согласно ч. 4 ст. 14 УПК РФ на врача распространяется презумпция невиновности, следовательно, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ – это причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей является жизнь человека. Непосредственный объект преступления предусмотренных ст. 118 УК РФ – здоровье человека.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 118 УК РФ, выражается в совершении действий, которые нарушают соответствующие предписания порядков, стандартов и клинических рекомендаций оказания медицинской помощи. Клинические рекомендации обязательны для их применения, несмотря на то что они не являются НПА, поскольку обязательно их применения указана в 323 ФЗ [2; 3].

Объективная сторона данных преступлений обладает признаками в виде: действий, причинно-следственной связи и наступление общественно-опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти пациента.

Причём с уголовно-правовой точки зрения, преступным признаётся не действие врача, от которого как правило наступает смерть больного, а элемент бездействия в этом действии, невыполнение обязательных действий.

Уголовная ответственность по ч.2 ст. 109 УК РФ аналогична ст. 108 УК РФ за исключением увеличения максимально возможного и средненазначаемого судом срока ограничения свободы и лишения права работать в сфере медицины [4].

В заключение статьи, посвященной анализу неосторожности как формы вины в медицинских преступлениях, акцентируется внимание на значимости комплексного подхода к оценке действий медицинских работников.

Исследование подчеркивает, что неосторожность в медицинской практике часто является результатом целого ряда факторов, включая недостатки в системе здравоохранения, ошибки в профессиональной подготовке и недооценку рисков при лечении. Таким образом необходимо подходить более тщательно к правовой и профессиональной оценке каждого случая медицинской неосторож-

ности, предлагая уделить особое внимание обучению и систематическому контролю за деятельностью здравоохранения.

Кроме того, исходя из указанных проблем, возникающих при вынесении приговоров и расследовании уголовных дел данной категории, появляются вопросы и сложности при доказывании неосторожности, а также в разграничении преднамеренного и неосторожного причинения вреда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018 № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2018. – № 18. – Ст. 2515.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.12.2020г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.10.2024).

3. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. №18 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327674/ (дата обращения: 23.10.2024).

4. Артемьева Е. В. Правовые аспекты квалификации ятрогенных преступлений // Вестник Тольяттинского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – № 3. – URL: <https://vektornaukipravo.ru/jour/article/view/521> (дата обращения: 26.10.2024).

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА БАНДИТИЗМА

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Малышкин Павел Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; p.v.malyshkin@ruc.su

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT AND THE SUBJECTIVE SIDE OF THE COMPOSITION OF BANDITISM

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), Associate Professor

Malyshkin Pavel Viktorovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье произведен уголовно-правовой анализ и дана уголовно-правовая характеристика субъекта и субъективной стороны состава бандитизма.

Ключевые слова: бандитизм, состав совершения бандитизма, субъект совершения бандитизма, субъективная сторона совершения бандитизма, цель, мотив совершения бандитизма, вина, умысел совершения бандитизма.

The article provides a criminal legal analysis and provides a criminal legal characteristic of the subjects and the subjective side of banditry.

Keywords: banditry, elements of committing banditry, the subject of committing banditry, the

subjective side of committing banditry, purpose, motive for committing banditry, guilt, intent to commit banditry.

Одним из признаков преступления является виновность, поэтому определение виновности является важным при расследовании и судебном разбирательстве, это позволяет определить наличие преступления, а также решить вопросы, встающие перед квалификацией соответствующего деяния, поскольку от формы вины зависит наличие того или иного состава преступления.

Познать содеянное обозначает установление не только объекта и объективной стороны, но и субъекта и субъективной стороны, поскольку сами действия всегда являются результатом их запуска, вполне определённым субъективными механизмами.

Внешне похожее на преступление деяние вовсе может и не быть преступлением, поскольку может являться результатом причин, которые не имеют ничего общего с виновностью, например, это может быть необходимая оборона или крайняя необходимость, совершение общественно опасных действий невменяемым также не образует состава преступления, а потому не может влечь уголовной ответственности, то есть, вполне очевидно то, что для квалификации мало знать объект и объективную сторону, необходимо также знать субъект и субъективную сторону, общественно опасное деяние может быть результатом невиновных действий, а потому не влечь за собой уголовную ответственность.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, может являться только вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, то есть, субъект бандитизма является общим, то есть, определённый ст. 20 УК РФ, при этом, законодатель полагает то, что конкретное лицо способно осознавать общественную опасность действий, составляющих бандитизм, с возраста 16 лет, а потому способно с этого возраста нести уголовную ответственность [1, с. 402].

Данный возраст определяется тем, что в основном люди, его достигшие обладают достаточным интеллектом и волей необходимых для понимания смысла своих действий, а также способных управлять ими.

В практике правоприменения возник вопрос о правильности квалификации в том случае, если только один член банды достиг возраста 16 лет, остальные же либо младше этого возраста, либо являются невменяемыми.

Может ли в этом случае наступить уголовная ответственность за бандитизм для единственного члена группы, которому исполнилось 16 лет? Ведь он является единственным, установленным законом субъектом, который может отвечать за бандитизм, в настоящее время не сложилось единой позиции по этому вопросу, обусловлено это тем, что традиционно группой именуется объединение вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лиц.

В данном же случае имеется лишь одно такое лицо [2, с. 354], вместе с тем, фактически преступление совершается группой лиц и его эффективность существенно выше именно из-за того, что эти лица составляют банду.

Для разрешения этой проблемы необходимо соответствующее разъяснение Верховного Суда РФ, представлялась бы в этом случае квалификация для названного единственного достигшего возраста уголовной ответственности лица по ст. 209 УК РФ, помимо этого, данное лицо должно быть привлечено к

уголовной ответственности по ч. 4 ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в совершение особо тяжкого преступления).

Представляется, что уголовная ответственность за бандитизм должна быть снижена с 16 до 14 лет [4, с. 117], это обусловлено тем, что в настоящее время – время больших объёмов информации, доступной широким массам людей, осознание общественной опасности вооружённых групп имеется уже в 14 лет, в этом же возрасте имеется возможность контролировать свои действия.

Это подтверждается и научными исследованиями, и соответствующей судебной практики, из которых видно то, что лицо, достигшее 14 лет хорошо осознаёт, что такое банда, в чём состоит её общественная опасность, и вполне способно отдавать себе отчёт за участие в её деятельности, в её организации и руководстве, это особенно актуально, поскольку в настоящее время наблюдается то, что организованная преступность (одной из форм которой является бандитизм) молодеет, однако при анализе ст. 209 УК РФ обращает на себя внимание ч. 3, в которой указано на то, что бандитизм может совершаться лицом с помощью его служебного положения.

Из этого следует вывод о том, что помимо общего субъекта в ст. 209 УК РФ назван также и специальный субъект, то есть лицо, наделённое определёнными служебными полномочиями, которые оно использует для достижения преступных целей, это указывает на специальный субъект бандитизма – лицо, которое использует свои полномочия для организации, руководства или участия в банде, также оно может использовать служебные полномочия для совершения преступлений бандой, при этом важным для квалификации является то, что специальным субъектом рассматриваемого преступления может быть не только должностное лицо, но и иное лицо, которому предоставлены определённые служебные полномочия, использование которых может служить достижению преступной цели.

Судебная практика идёт по пути расширительного толкования термина «служебные полномочия» [5], она использует этот термин не только в смысле того, что лицо использует предоставленные ему функциональные права и реализует свои должностные обязанности, но и то, что соответствующее лицо использует атрибутику, форму и предоставленное по службе оружие ради достижения преступных целей, также под использованием служебных полномочий при толковании названной нормы понимают предоставление служащим информации, которой он обладает в связи с выполняемой им работой, в связи с этим, под специальным субъектом ст. 209 УК РФ следует понимать достаточно широкий круг лиц, который не ограничивается только должностными лицами, это могут быть любые лица, обладающие служебными полномочиями, которые могут быть использованы при совершении бандитизма.

Субъективная сторона преступления традиционно рассматривается, как внутренняя сторона, раскрывающая механизм, лежащий в основе конкретной преступной деятельности [6, с. 149], она отображает психические процессы конкретного человека, которые проявляются в форме совершения вполне определённых действий.

Субъективная сторона во многом обусловлена субъектом, поскольку особенности его психики отображаются на переживаемых им психических процессах

[7, с. 141], благодаря этому познание субъекта возможно посредством познания его психических процессов [8, с. 19], также психические процессы способны многое объяснить в выполняемой преступной деятельности.

В уголовном праве субъективную сторону принято раскрывать с помощью трёх признаков: вины, мотива и цели, такой подход является традиционным и не вызывает каких-либо дискуссий, за этими тремя признаками стоят наиболее существенные психические процессы, влияющие на соответствующее деяние [9, с. 284], они определяют преступность этого деяния, а также то, насколько оно представляет общественную опасность.

Ведь вполне очевидно то, что если даже деяние причинило определённый вред, то при отсутствии вины оно может и не иметь никакой общественной опасности, а в некоторых случаях даже быть общественно полезным, как это имеет место с необходимой обороной.

Вина является признаком преступления, а потому она является обязательным признаком состава преступления, при квалификации любого преступления обязательно должно быть установлено наличие вины, при этом, вина основывается на мотивах, целях и эмоциях, целый ряд преступлений сопровождается бурей эмоций и часто саму вину рассматривают в качестве совокупности эмоций, особо ярким тому примером является совершение преступлений против жизни и здоровья в состоянии аффекта.

Аффект – это эмоциональное состояние, которое включает механизм преступной деятельности, направленный либо против жизни, либо против здоровья человека, однако преувеличивать значение эмоций также нельзя в формировании умысла, они имеют значение, но, как правило, в совокупности с мотивом и целью.

Особенностью бандитизма является то, что он совершается лишь с прямым умыслом, невозможно совершение бандитизма с косвенным умыслом, по неосторожности или небрежности, на наличие прямого умысла прямо указано в ст. 209 УК РФ, где в категорической форме сказано: создание, руководство, участие, в названной норме определена безальтернативность действий, что указывает на прямой умысел, кроме того, на прямой умысел указывает, во-первых, наличие организованной преступной группы, во-вторых, - наличие специальной цели, состоящей в нападениях на граждан и организации.

Виновное лицо целенаправленно стремится к созданию банды, поскольку с её помощью рассчитывает реализовать преступные замыслы, добиться этого возможно только при наличии осознания реальности добиться поставленной цели и на основании этого желать того, чтобы эта цель обернулась вполне конкретным результатом, поэтому указанием на создание, руководство и участие в группе законодатель чётко и однозначно определил то, что бандитизм может совершаться только с прямым умыслом, кроме того, в названной норме закона достаточно определённо указано на то, что преступная группа создаётся для нападения на организации и граждан [10, с. 78].

Под нападением понимаются, как было уже ранее сказано, вполне определённые, осмысленные и подготовленные действия, ориентированные на достижение преступных целей, то есть, это также является однозначным указанием

на то, что бандитизм может совершаться только с прямым умыслом.

Другим важным признаком бандитизма является цель создания устойчивой, вооружённой группы, в ч. 1 ст. 209 УК РФ на этот счёт достаточно однозначно сказано, что она создаётся для осуществления насилия над гражданами и организациями, значение цели в конструкции названной нормы уголовного закона состоит в том, что она определяет направленность умысла, благодаря ей становится очевидным то, для чего совершается названное преступление.

Однако наряду с заявленной уголовным законом названной целью бандитизма имеются и иные цели, которые прямо в ст. 209 УК РФ не названы, но наличие которых предполагается, на это указывается конструкцией названной нормы, в частности, в зависимости от насильственного преступления, которое совершается бандой, это может быть здоровье граждан или их имущество, которым виновные желают завладеть.

Помимо этих целей могут быть и цели, которые не выступают в качестве квалифицирующих, это, к примеру, цель сокрытия преступления, которая иногда имеет место в преступной деятельности отдельных банд, цель является значимой для понимания всего состава бандитизма, поскольку позволяет увидеть то, для чего создаётся банда, определить в полной мере степень её общественной опасности.

В силу того, что, как уже говорилось, состав бандитизма формальный, то есть для его квалификации достаточно совершения противоправного деяния, предусмотренного ст. 209 УК РФ и последствия вовсе не обязательны, цель здесь ограничивается созданием банды, только эта цель из множества названных имеет квалифицирующее значение, другие цели имеют значение для квалификации преступлений по совокупности, либо для установления во всей полноте обстоятельств совершения преступной деятельности банды и её членов, при этом, цель создания банды имеет значение даже в том случае, если банда не была создана по независящим от субъекта преступления причинам.

Как видно, цель – это важная составляющая для квалификации действий ответствующих лиц за совершение бандитизма.

Как было отмечено выше, признаком, составляющим субъективную сторону, также является мотив, однако следует отметить то, что мотив является не обязательным признаком для квалификации всех преступлений, его не называет, в частности, ст. 209 УК РФ, то есть, он не принимается во внимание при квалификации бандитизма, но это вовсе не значит того, что бандитизм не имеет мотива, вполне очевидно то, что банды создаются для совершения корыстных преступлений, а потому мотив корысти лежит в основе не только совершаемых бандой преступлений, но и в основе самого бандитизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шостак, О. С.* Особенности субъекта бандитизма и лиц потерпевших от бандитских нападений // Студент. Аспирант. Исследователь. – 2021. – № 10. – С. 402-407.
2. *Сальников, А. В.* Проблемы квалификации бандитизма по признакам субъекта преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – Москва, 2020. – С. 354-359.
3. *Бычков, В. В.* Уголовно-правовое, криминологическое и криминалистическое противодействие бандитизму. – Челябинск, 2021. – 398 с.
4. *Богун, И. А.* К вопросу о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность //

Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3. – С. 117-119.

5. Приговор по уголовному делу № 1-273/2020 Старооскольского городского суда Белгородской области от 23.09.2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/H5DgSfEJxnWv>

6. Усманова, Е. Ф. Алгоритм коммуникативного взаимодействия в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов / Е. Ф. Усманова, П. В. Малышкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 9. – С. 149-152.

7. Малышкин, П. В. Тактические особенности предварительной проверки сообщений о криминальных банкротствах и их выявления / П. В. Малышкин, А. В. Чукуров // Вестник Мордовского университета. – 2009. – Т. 19. – № 4. – С. 141-145.

8. Малышкин, П. В. Юридическая сила судебных решений (постановлений, определений) в современном российском гражданском судопроизводстве. / П. В. Малышкин // Материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2022. – С. 19-24.

9. Куишов, Р. Х. Субъективная сторона преступления: виды умысла // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 7. – С. 284-291.

10. Брыксина, Ю. А. Место мотивов, целей и эмоций в субъективной стороне преступления // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2021. – № 7. – С. 78-83.

УДК 343

НЕОСТОРОЖНОСТЬ КАК ФОРМА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Антипова Елена Григорьевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; st802389@ruc.su

NEGLIGENCE AS A FORM OF GUILT IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Asanova Irina Pavlovna, PhD (Philology), associate professor

Antipova Elena Grigoryevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках данного исследования особое внимание уделяется изучению вины как фундаментального элемента, определяющего возможность привлечения к уголовной ответственности. Одной из ключевых задач исследования является глубокий анализ неосторожности как формы вины, её теоретических и практических аспектов, что позволяет всесторонне осветить вопросы квалификации деяний и назначения наказания. В контексте уголовно-правовой науки неосторожность выступает как критерий, позволяющий разграничить умышленные действия и действия, совершенные без намерения причинить вред, но с нарушением должной осмотрительности.

Ключевые слова: уголовное право, неосторожность, вина, уголовная ответственность, квалификация преступлений, умысел, переквалификация деяний, судебная практика, правоприменение, Уголовный кодекс РФ.

In this study, special attention is paid to the study of guilt as a fundamental element that determines the possibility of criminal liability. One of the key objectives of the study is a deep analysis

of negligence as a form of guilt, its theoretical and practical aspects, which allows for a comprehensive coverage of the issues of qualification of acts and sentencing. In the context of criminal law, negligence acts as a criterion that allows for distinguishing intentional actions from actions committed without the intent to cause harm, but with a violation of due diligence.

Keywords: Criminal law, negligence, guilt, criminal liability, qualification of crimes, intent, reclassification of acts, judicial practice, law enforcement, Criminal Code of the Russian Federation.

Введение в уголовное законодательство России в 1996 г. определения форм вины, где вина может быть классифицирована как умышленная или неосторожная, знаменует собой важный этап в развитии уголовно-правовой мысли.

Так, согласно ч. 1 ст. 24 УК РФ «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности» [1].

Это определение значительно обогатило доктринальные исследования и практику применения норм, обеспечивая более чёткое и обоснованное привлечение к ответственности. Разграничение форм вины на основе волевых компонентов предоставило правоприменителям инструмент для разграничения уголовной ответственности, что нашло отражение в реформировании уголовного законодательства, нацеленного на справедливость и соразмерность наказания.

В некоторых составах Особенной части УК РФ указана непосредственно неосторожная форма вины: ст. 168 УК РФ «Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности», а также ст. 118 УК РФ: «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности».

Особую роль в этом процессе играет анализ судебной практики, иллюстрирующий применение теоретических положений о неосторожности на практике.

Рассмотрим следующий пример из судебной практики:

В ходе предварительного расследования уголовного дела в отношении И. он был обвинен в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью З. с использованием оружия (п.з., ч.2, ст. 111 УК РФ). В процессе судебного разбирательства детально анализировались и оценивались представленные сторонами доказательства.

Основываясь на всестороннем и всеобщем исследовании представленных в суд допустимых доказательств, суд счёл доказанной вину И. в совершении преступления. Однако при этом суд не нашел достаточных оснований, свидетельствующих о наличии у И. прямого умысла на причинение тяжкого вреда здоровью З.

Таким образом в данном деле подлежит доказыванию и всестороннему исследованию как субъективная, так и объективная сторона преступления, (ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Суд указал на то, что согласно ст. 26 УК РФ, преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо осознавало возможность наступления общественно опасных последствий своих действий или бездействия, но без достаточных на то оснований самонадеянно полагало, что сможет предотвратить эти последствия.

Также учитывается, что неосторожность может быть признана в случае, если лицо не осознавало возможности наступления вреда от своих действий или бездействия, хотя при должном внимании и предусмотрительности должно было и могло это предвидеть. В результате суд пришел к заключению, что в действиях

И. отсутствовал прямой умысел на причинение тяжкого вреда здоровью З.

Следовательно, преступление, совершенное Ивановым, было квалифицировано по ч. 1 ст. 118 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и учитывая примирение подсудимого с потерпевшим, освободил его от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ, применяя положения ст. 25 УПК РФ.

Таким образом, изучение дела, рассмотренного Ярцевским городским судом, где первоначальные обвинения в умышленном причинении вреда были переквалифицированы в деяния, совершенные по неосторожности, демонстрирует важность тщательного разбора обстоятельств дела и правильного определения мотивов и намерений обвиняемого.

Переквалификация в данном контексте позволила учесть реальное психологическое состояние деятеля в момент совершения преступления и, как следствие, назначить справедливое наказание, соответствующее реальной общественной опасности поступка.

При анализе уголовного законодательства можно заметить, что в конкретных составах преступлений не уточняется форма вины. Одной из ключевых проблем концепции «формы вины» является её неопределённость и нечеткость в контексте практического применения. В прошлом, при квалификации преступлений, зачастую возникали сложности с определением, по какой именно из двух форм вины следует квалифицировать деяние.

С целью разрешения данной проблемы в уголовное законодательство Российской Федерации были внесены значительные изменения. Согласно ч.2 ст. 24 УК РФ, преступное действие, совершенное по неосторожности, признается таковым только если это явно указано в соответствующей статье Особенной части Кодекса (в редакции Федерального закона от 25.06.1998 № 92-ФЗ). Это положение ясно демонстрирует, что в случаях, когда в Особенной части не уточнена форма вины как «неосторожность», преступление автоматически может рассматриваться как совершенное умышленно. Это новшество значительно ограничило применение неосторожности в сфере уголовного права.

Неосторожность – это отдельная самостоятельная форма вины, имеющая свои уникальные характеристики и отличия, подобно умыслу. Важное отличие между умыслом и неосторожностью заключается в том, что лицо, действующее по неосторожности, относится отрицательно к последствиям своих действий, наступление которых оно не предвидело и не желало [3; 5].

В Черемховском городском суде Иркутской области, был вынесен приговор, согласно которому Кудряшов Д. А. признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

В ходе судебного заседания, Кудряшов Д. А. полностью признал свою вину в преступлении, факты которого были установлены и подтверждены совокупностью допустимых доказательств. В результате анализа которых, действия Кудряшова были квалифицированы согласно ст. 118 ч. 1 УК РФ, как «Причинение тяжкого вреда здоровью, выполненное по неосторожности» [3; 4].

Согласно ст. 26 УК РФ, деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности, квалифицируется как преступление, совершенное по неосторожности.

Таким образом, неосторожность как юридический термин описывается как форма вины, отражающая отрицательное отношение лица к возможным преступным последствиям, которые оно не предвидело, не желает и не допускает.

В итоге, судом был вынесен приговор о виновности Кудряшова Д.А. по ст.ст. 118 ч. 1 и 222 ч. 1 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 15 000 рублей и одного года ограничения свободы.

В рамках углублённого анализа уголовного законодательства, особое внимание уделяется различиям между неосторожной и умышленной формами вины, что позволяет уточнить правовую природу и последствия преступных действий.

Законодательство не подразумевает, что лицо, действующее по неосторожности, осознаёт общественно опасный характер своего деяния; такое лицо либо вовсе не предвидит возможные общественно опасные последствия своих действий, либо ошибочно полагает, что сможет их предотвратить [4; 5].

В соответствии с УК РФ, преступление, совершённое по неосторожности, квалифицируется как таковое только если это явно предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части Кодекса. Это определение подчеркивает, что неосторожность в уголовном праве не влечёт ответственности без наступления общественно-опасных последствий, тем самым ограничивая сферу применения данной формы вины.

Преступления по неосторожности тесно связаны с личностными качествами преступника, такими как безответственность или беспечность, что имеет непосредственное влияние на определение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за неосторожные преступления зависит от фактических последствий деяния и, в случаях отсутствия таковых, действие или бездействие не влечёт за собой уголовную ответственность.

В определённых обстоятельствах, ответственность может наступить, если действия создавали угрозу возникновения серьёзных последствий. Несмотря на то, что неосторожные преступления считаются менее опасными по сравнению с умышленными, они представляют значительную угрозу обществу, особенно учитывая современный научно-технический прогресс, влияющий на динамику таких преступлений [6].

С ростом технологического развития возрастает число преступлений, совершаемых по неосторожности, таких как экологические преступления или нарушения в сфере дорожного движения.

Таким образом, неосторожность представляет собой специфическую форму вины, характеризующуюся особым психическим отношением виновного к вредным последствиям его действий или бездействия, и исходя из анализа судебной практики становится очевидным, что преступления по неосторожности занимают значительную долю в структуре совершаемых преступлений, требуя от юридического сообщества особого внимания и правильной квалификации для соразмерного и справедливого определения объема и размера уголовной ответственности, и наказания.

Данное исследование подчеркивает значимость неосторожности как формы вины в уголовном праве и требует дальнейшего развития доктринальных исследований в этой области для обеспечения соразмерной и единообразной пра-

воприменительной практики, и укрепления законности и справедливости в российском правосудии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 22.10.2024).
2. Постановление №1-13/2019 от 24 декабря 2019 г. По делу №1-13/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CG9H5Y5bZDln/> (дата обращения: 22.10.2024).
3. Приговор № 1-152/2015 от 27 августа 2015 г. по делу № 1-152/2015. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jUnvcXvWJdVX/> (дата обращение: 22.04.2024).
4. *Попов, А. Н.* Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ) : конспект лекций / А. Н. Попов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 124 с.
5. *Прохорова, Л. А.* Уголовное право : учебник / Л. А. Прохорова, М. Л. Прохорова. – Москва : Юристь, 1999. – С. 58-61.
6. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. Том I : лекции / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург : 1902. – С. 79-80.

УДК 343

ЭКСТРЕМИЗМ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, БОРЬБА С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Асанова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент

Малышонков Никита Игоревич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: i.p.asanova@ruc.su; st808974@ruc.su

EXTREMISM: GENERAL CHARACTERISTICS, FIGHT AGAINST EXTREMIST CRIMES

Asanova Irina Pavlovna, candidate of philological sciences, associate professor

Malyshonkov Nikita Igorevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках настоящего юридического исследования даётся общая характеристика такого явления как экстремизм, а также осуществляется глубокий анализ проблематики, связанной с преступлениями экстремисткой направленности, предусмотренные главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации. Изучение данной проблематики позволяет констатировать, что отсутствие четко выстроенной стратегией по борьбе с экстремизмом ведет к диспаратности в правоприменении, что снижает эффективность правосудия в целом.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, уголовно-правовая борьба, квалификация экстремистских преступлений, социальная стабильность, информационное регулирование, права человека и свободы, международное сотрудничество, образовательные программы противодействия, профилактика экстремизма, роль СМИ и интернет в экстремизме, социально-экономические факторы экстремизма, правовая база борьбы с экстремизмом, безопасность общества.

Within the framework of this legal study, a general description of such a phenomenon as extrem-

ism is given, and a deep analysis of the problems associated with crimes of an extremist nature, provided for in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, is carried out. The study of this problem allows us to state that the absence of a clearly structured strategy for combating extremism leads to disparity in law enforcement, which reduces the effectiveness of justice as a whole.

Keywords: extremism, counteraction to extremism, criminal-legal struggle, qualification of extremist crimes, social stability, information regulation, human rights and freedoms, international cooperation, educational programs of counteraction, prevention of extremism, role of media and the Internet in extremism, socio-economic factors of extremism, legal basis for combating extremism, public safety.

Отношение к экстремизму как к маргинальному явлению, охватывающему все слои общества, нашло свои корни в далеком прошлом, когда первые процессы социального расслоения были причиной для социального недовольства, становясь плодородной почвой для радикализации. Сегодня, несмотря на уровень жизни и стремление государств к социально-экономическому развитию, не исключено усиление конфликтов на почве социального неравенства, расизма и религиозного фанатизма, что подчеркивает необходимость активной борьбы с экстремистскими проявлениями.

Термин «экстремизм», происходящий от латинского слова *extremus*, которое переводится как «крайний», в наше время приобрел негативный оттенок, указывая на крайние формы политической борьбы и социальной агрессии. Эта концепция стала особенно актуальной в начале XX века, когда политические движения начали активно использовать радикальные методы для достижения своих целей, что наглядно демонстрирует проблему управления экстремистскими элементами в обществе.

В современной России проблема экстремизма занимает важное место в научных и правовых дискурсах, поскольку разнообразие определений отражает сложность и многогранность данного явления. Экстремистская деятельность, включающая пропаганду и насилие, является ключевым элементом для юридического определения и понимания мер, необходимых для эффективного противодействия этой угрозе. Так, 25 июля 2002 г. был принят ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ [1; 2].

Международное сотрудничество, такое как Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом и принятая Конвенция по противодействию экстремизму, подчеркивает стремление мирового сообщества к унификации подходов к регулированию экстремистских действий. Это важно для создания общих стандартов в борьбе с экстремизмом и для обеспечения мира и безопасности в глобальном масштабе.

Экстремизм, как правовое явление не имеет общей причины возникновения, в качестве ключевых причин можно выделить как экономическое состояние общества и государства, так и социальные, политические и духовно-нравственные причины, что может повлечь за собой радикализм в любой форме его проявления.

Экономическая причина возникновения экстремизма обусловлена низким уровнем достатка населения, а морально-нравственные причины обуславлива-

ют деградацию личности, что влечёт за собой подмену морально-нравственных категорий.

Проблемы экстремизма неоднократно поднималась высшим руководством нашей страны. Так, В. В. Путин, являясь Президентом Российской Федерации, неоднократно говорил о насущных проблемах в области борьбы с экстремизмом в своих посланиях Федеральному Собранию от 27 апреля 2007 г., 3 декабря 2015 г., 03 апреля 2024 г. на расширенном заседании коллегии министерства внутренних дел и т.д. Отмечая при этом такую значимую причину его появления и распространения как нелегальная миграция, которая во многих случаях является питательной средой для экстремистской деятельности и уголовных преступлений [2; 4].

Статистика МВД РФ и Генеральной Прокуратуры РФ показывает неуклонный рост преступлений экстремистского характера, из чего можно сделать вывод о том, что ключевым фактором повышения количества преступлений экстремистского характера является проведение специальной военной операции РФ по денацификации и демилитаризации Украины (далее по тексту СВО).

Говоря о мерах борьбы с экстремизмом важно отметить такой способ как отмена решения о приобретении человеком гражданства, если он «предоставил заведомо ложные сведения» в заявлении, которое им заполнялось при соискании российского гражданства.

Такая возможность предусмотрена ст. 22 ФЗ «О гражданстве РФ», после внесения в неё поправок в 2017 г. Они приравнивали судимость по ряду «террористических» и «экстремистских» преступлений к сообщению заведомо ложных сведений – о себе и о своём намерении соблюдать российские законы. По своей сути можно сказать, что новое регулирование стало приобретать черты публично-правовой санкции, хотя согласно Определению КС РФ по делу Алексея Новикова, отмена решения о приобретении гражданства за терроризм и экстремизм – это не санкция, а «конституционно-восстановительная мера». Поэтому её нельзя считать лишением гражданства по смыслу части 3 статьи 6 Конституции [1; 3].

Идеология экстремизма предполагает распространение своих идей через сети Интернет для устрашения населения, поиска пособников. Слабо контролируемой законодательством сети Интернет является благоприятной почвой для распространения своей деятельности среди молодежи.

Общественное мнение и стереотипы, формируемые СМИ, имеют значительное влияние на восприятие и отношение к экстремизму. Средства массовой информации не только информируют, но и могут способствовать формированию предвзятого отношения к определенным социальным группам или явлениям, что требует ответственного подхода к освещению событий, связанных с экстремизмом.

Таким образом, современные средства массовой информации несут огромный пропагандистский потенциал, что активно используют сторонники идеологии экстремизма.

Пропаганда, основанная на расовой, религиозной или национальной превосходстве, признана одним из проявлений экстремистской деятельности, что требует активных действий для предотвращения распространения экстремистских

идей. Это особенно важно в условиях, когда средства массовой информации и интернет играют ключевую роль в формировании общественных взглядов и убеждений. Понимание того, как информационные каналы могут использоваться для пропаганды или антипропаганды, является критически важным аспектом в стратегиях противодействия экстремизму.

За последние пять лет органами прокуратуры совместно с правоохранительными органами выявлено более 2500 информационных материалов, которые были признаны экстремистскими.

Активное участие в блокировки сайтов, связанных с экстремистской деятельностью, принимает государственный орган власти – Роскомнадзор. Сайты, попадающие под признаки экстремизма, попадают в единый федеральный реестр. Принимаются меры по включению экстремистской информации, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов», формирование и ведение которой стало возможным принятием ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный закон облегчает процесс занесения сайта в единый реестр [3; 4].

Особое внимание в рамках борьбы с экстремизмом уделяется молодежи, которая часто становится целью экстремистских группировок. Радикальные идеи могут привлекать молодых людей, что делает важным проведение работ по воспитанию правосознания и законопослушности среди подростков. Программы, направленные на повышение уровня образованности и культурного развития молодежи, могут сыграть ключевую роль в предотвращении притягательности экстремистских идей.

Судебная практика в России также подчеркивает стремление к конкретизации и ужесточению наказаний за экстремистскую деятельность. Примеры таких дел, как дело организации «Свидетели Иеговы», подтверждают серьезность подхода к любым формам экстремизма, включая те, которые могут маскироваться под религиозную деятельность.

В этом контексте, подростковая субкультура и интернет-сообщества становятся аренами, где могут формироваться и распространяться экстремистские взгляды. Интернет, особенно социальные сети и платформы, такие как TikTok, становятся местами, где молодежь может столкнуться с радикальным контентом, что делает важным контроль и мониторинг таких платформ.

Не маловажную роль в информационном противодействии могут оказывать медийные центры, осуществляющие контрпропаганду в сети «Интернет».

Одно из важных условий успешной борьбы с экстремизмом это контролирование ситуации по противодействию экстремизма и обеспечение безопасности населения в Северо-Кавказском федеральном округе. К мерам противодействия преступлений экстремистской направленности должно включать:

- 1) Проведение оперативными подразделениями правоохранительных органов профилактических мер с лицами:

- а) имеющие умысел или подготовку к совершению преступления экстремистского характера;

б) имеющие общие связи с лицами, осуществляющими экстремистскую деятельность;

в) ранее судимыми по статьям, предусмотренными за совершение преступлений экстремистской направленности;

г) проходившие обучение в специальных религиозных учреждениях;

д) лица, принимавшие участия в боевых действиях за границей (Сирия, Ирак, Ливия, Афганистан и др.);

е) прибывшие на территорию СКФО и распространяющие радикальные религиозные взгляды.

2) Привлечение общественных организаций к профилактике преступлений экстремистской направленности в СКФО.

3) Привлечение СМИ к проведению мероприятий по информированию граждан о последствиях осуществления экстремистской деятельности.

4) Повышение уровня образования и светской грамотности населения.

5) Повышение контроля за процессами внутренней и внешней миграции на территории СКФО.

6) Мониторинг сети Интернет в целях выявления фактов пропаганды идей экстремизма, пособничества и вовлечения в экстремистскую деятельность.

7) Профилактика экстремизма в местах лишения свободы.

Таким образом, термин «экстремизм», происходящий от латинского слова *extremus*, которое переводится как «крайний», в наше время он приобрел негативный оттенок, указывая на крайние формы политической борьбы и социальной агрессии. В современной России проблема экстремизма занимает важное место в научных и правовых дискурсах, поскольку разнообразие определений отражает сложность и многогранность данного явления.

Для противодействия экстремизму и экстремистской деятельности существуют как международные, так и национальные НПА, поскольку в настоящее время экстремизм приобрёл транснациональный характер и распространился по всему миру. Национальная правовая система адаптировалась к противодействию экстремизму, в результате чего своевременно были введены поправки в законодательство о гражданстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. с поправками, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993.

2. О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон : [принят Гос. Думой 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. от 23 ноября 2015 г.] // Российская газета. – 2002. – № 138-139.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон : [принят Гос. Думой 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ] // Российская газета. – 2006. – № 31 (часть 1). – Ст. 3448.

4. Путин В. В. Послания Федеральному Собранию РФ. – Москва, 27 апреля 2007 г.; 3 декабря 2015 г.; 3 апреля 2024 г.

**ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК ВИД ХИЩЕНИЯ
ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ВИДЫ**

Баранов Дмитрий Иванович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808076@ruc.su

**TELEPHONE FRAUD AS A TYPE OF THEFT OF OTHERS'
PROPERTY: CONCEPT, FEATURES AND TYPES**

Baranov Dmitry Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Автором в данной статье рассматривается особенность телефонного мошенничества как одной из форм хищения чужого имущества, также характеризуются виды мошеннических действий при осуществлении телефонного мошенничества.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, сим-карты, электрическая и почтовая связь, сотовая связь, мобильные операторы, мобильные приложения, сотовые аппараты, киберпреступность, законодательство, абонент, пенитенциарные учреждения, осужденные, телефонная опция, регистрация абонентов, информационные технологии, интернет-магазины, спецконтингент, интернет-услуги, онлайн-оплата, мобильный кошелек.

The author of this article examines the peculiarities of telephone fraud as one of the forms of theft of someone else's property, and also characterizes the types of fraudulent actions when carrying out telephone fraud.

Keywords: telephone fraud, SIM cards, electric and postal communications, cellular communications, mobile operators, mobile applications, cellular devices, cybercrime, legislation, subscriber, penitentiary institutions, convicts, telephone option, subscriber registration, information technology, online stores, special contingent, Internet services, online payment, mobile wallet.

Мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием [1, с. 55].

С мошенничеством связана профессиональная преступность. Криминальные сообщества могут получать свой доход как в чистом виде от совершения данного вида преступления, так и маскировать им свой реальный род деятельности, например, проституцию, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. В случае, если организованная преступная группировка получает свой постоянный доход от мошеннических действий, например, с помощью создания фиктивных фирм и организаций, то они будут использовать для этого и фиктивные документы бухгалтерской отчетности.

Сегодня внимания требует неотступное развитие и совершенствование такого вида мошенничества, как телефонное мошенничество.

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека обусловила возникновение цифровых форм мошенничества. Развитие информационных технологий и стремительный технологический прогресс, без сомнения, играет одну из ключевых ролей в современном мире. Ежедневно миллионы людей по всему миру пользуются средствами современных информационных технологий, такими

как: интернет, сотовые телефоны, мобильные приложения и многое другое [2, с. 45].

Развитие информационных технологий и стремительный технологический прогресс, без сомнения, играет одну из ключевых ролей в современном мире. Ежедневно миллионы людей по всему миру пользуются средствами современных информационных технологий, такими как: интернет, сотовые телефоны, мобильные приложения и многое другое. Распространение мобильных приложений и интернет-услуг породило новый вид преступления с использованием современных средств телефонной и мобильной связи. Конкуренция между сотовыми операторами, осуществляющими свою деятельность на территории страны и безответственное отношение к предоставлению услуг способствуют формированию благоприятных условий для злоумышленников занимающийся преступными деяниями в данной сфере.

Телефонное мошенничество – это очень распространенный в настоящее время вид мошеннических действий, направленный на обогащение путем обмана телефонного собеседника без визуального контакта с ним.

Так, только в сентябре 2024 мошенники похитили у жителей Мордовии более 54 000 000 рублей. С начала года ущерб превысил 302 000 000 рублей. Как посчитали в региональном МВД, жертвами аферистов стали более 180 жителей республики. Самыми распространенными способами обмана в прошедшем месяце стали «продление действия сим-карты и договоров услуг связи», «защита от несанкционированного списания и оформления кредита неизвестными с последующим переводом сбережений на так называемый резервный счет», а также возможность дополнительного заработка на маркетплейсах. Подобным образом более 70 жителей Мордовии лишились порядка 37 миллионов рублей. Еще 25 человек перечислили мошенникам около 11 миллионов под предлогом трудоустройства и инвестирования денег. Почти 3 миллиона рублей потеряли потерпевшие во время продажи и покупки товаров на сайте бесплатных объявлений, в социальных сетях и на платформах популярных маркетплейсов. Около 300 тысяч рублей люди потеряли, оказывая финансовую помощь якобы знакомым, попавшим в трудную ситуацию, от имени которых писали аферисты в социальных сетях и мессенджерах.

К наиболее распространённым видам мошенничества по телефону, можно отнести [3]:

– Мошенничество с банковскими картами и счетами. Одним из атрибутов современного человека давно уже стала банковская карточка, люди всё меньше стали использовать наличные деньги. Данный способ оплаты, безусловно, удобен, но зачастую получение доступа к средствам на счету, к которому эта самая карточка привязана, становится целью мошенничества. Например, потенциальная жертва решила продать имущество и поместила объявление на одном из популярных интернет платформ, здесь номер её телефон и нашёл мошенник. Позвонил и сказал о том, что очень хочет купить объект, описанный в объявлении, он не собирается просить уступок в цене и готов рассчитаться по полной стоимости прямо сейчас, однако платить может только на карту. Для этого «покупатель» просит сообщить информацию, касающуюся номера карты, срока её

действия, SVC-код и код, из СМС. Даже если «продавец» сообщит часть информации, недостающие элементы можно узнать, воспользовавшись хакерскими приёмами. И в результате счёт жертвы опустошается и все имеющиеся на нём деньги улетают на электронный кошелёк.

– Звонки от «служб безопасности» банков. В процессе разговора мошенники сначала пытаются напугать жертву, сообщая о подозрительном списании средств, сбой программы, хакерских атаках на личный кабинет, потом пытаются максимально втереться в доверие, предлагая помощь и способы решения проблемы. Далее предлагают перевести средства на «безопасный» счёт, сообщить какие-то данные или установить программу. Любое из этих действий приведёт к потере жертвой средств.

Так, жительница Республики Мордовия, предотвращая оформление кредита, перечислила неизвестным 1 миллион рублей. В дежурную часть ОП №3 УМВД России по г.о. Саранск обратилась 34-летняя жительница. Как рассказала заявительница, ей поступил звонок якобы от сотрудника финансовой организации, который сообщил, что мошенники пытаются получить от ее имени кредит. С целью предотвращения несанкционированных действий собеседник предложил девушке оформить кредит и временно поместить полученные деньги на безопасные счета. Не предполагая, что общается с мошенником, она через приложение онлайн-банка взяла заем на сумму 1 миллион рублей и перевела деньги на продиктованные ей реквизиты. После того, как все указания неизвестного были выполнены, связь прервалась. Спустя несколько минут девушка осознала, что стала жертвой мошенников и обратилась в полицию.

– Звонки от «сотрудников» правоохранительных органов и государственных служб. Схема похожая, только помимо банковских историй, выступая, например, в роли сотрудников Пенсионного фонда, могут сообщать о появлении новых социальных выплат, для получения которых также необходимо сообщить конфиденциальную информацию.

– Звонки с подменных номеров. Данный метод позволяет проще и быстрее влиться в доверие к жертве, ведь звонок якобы поступает с общеизвестного официального номера той или иной организации.

– Махинации со счетами мобильных телефонов. Схема выглядит следующим образом – на номер потенциальной жертвы поступает звонок или сообщение с просьбой вернуть деньги по ошибке переведённые на счёт её мобильного телефона. При этом никаких денег жертве не поступало.

– Сообщения о попавшем в беду родственнике и просьбы о помощи. Достаточно жестокий приём, вводящий жертву в состояние шока, как правило, такие сообщения поступают ночью, от чего эмоциональный эффект возрастает. Цепочка проста: с близким человеком беда – переведите деньги.

– Сообщения о выигрыше в лотерею. Этот метод уже направлен на усыпление бдительности за счёт положительных эмоций. Заключается в сообщении о том, что жертва стала владельцем «счастливого билетика», но, для того чтобы получить выигрыш, необходимо отправить определённую сумму на покрытие технических расходов. Данная просьба, по сути, противоречит законодательству, ведь все расходы должны ложиться на организаторов. Но, к сожалению, не всем это известно.

Так, житель г. Саранска потерял почти 500 000 рублей, «победив» в лотерее, в которой он не участвовал. Очередной жертвой интернет-мошенников стал 55-летний горожанин. На днях он обратился в первый отдел полиции Саранска с заявлением о хищении у него 485 тысяч рублей. Как рассказал мужчина, днем 15 сентября он просматривал в смартфоне новости. Неожиданно на экране появилось сообщение, в котором говорилось о том, что в результате проведенной лотереи горожанин выиграл крупную сумму. Не заподозрив обмана, мужчина прошел по ссылке, зарегистрировался на неизвестном сайте, ввел все свои персональные данные и реквизиты банковской карты, в том числе, код на ее оборотной стороне. Через несколько минут пришло смс-сообщение, но не о пополнении баланса, а о списании всех денег со счета. Горожанин обратился в полицию, где по факту мошенничества начали проверку

– Сообщения – «грабители». В данном случае приходит сообщение с просьбой позвонить по определённому номеру для получения важного информационного сообщения – указанный характер новости зависит от фантазии мошенника (выигрыш в лотерею, получение наследства, возмещение расходов на оплату ЖКХ). Совершаемый звонок осуществляется на заранее зарегистрированный мошенниками платный сервис, благодаря чему списываются средства.

– Сообщение на короткий номер – схема похожа на сообщения – «грабители». При заказе услуги для её подключения необходимо отправить сообщение на короткий номер – сообщение с абонентской платой.

Последний вид мошенничества, о котором пойдёт речь – телефонные вирусы, распространение которых происходит через ссылки, отправленные в мессенджеры [4, с. 42].

Рассматриваемая тема является на сегодняшний день особенно актуальной по ряду причин, главными из которых выступают связанные со значительной устойчивостью количественных показателей преступлений по ст. 159 УК РФ. К таким факторам представляется правильным отнести и материальный ущерб, причиняемый преступлениями данного вида. Он является довольно значительным в рамках современной экономики, как Российской Федерации, так и зарубежных стран. Жертвы телефонных мошенничеств страдают от глобальных масштабов последствий данной категории преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть : краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. Раздел VIII. Саранск, 2023. 100 с.
2. Гомонова, О. А. Телефонное мошенничество как комплексная социальная проблема // Социология и право. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 38-47.
3. Мошенничество по телефону // URL: <https://www.kp.ru/expert/tronika/moshennichestvo-ro-telefonu/> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Гундорова, М. А. Телефонное мошенничество // Новые вызовы цифровизации в стратегическом развитии регионов : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Владимир, 2024. – С. 39-43.
5. Зеленова, Д. А. Телефонное мошенничество как угроза национальной безопасности // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5(233). – С. 265-267.

**КРАЖА КАК ФОРМА ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА:
ПОНЯТИЕ И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ**

Баранов Дмитрий Иванович, магистрант

Басанин Михаил Валерьевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808076@ruc.su; st453059@ruc.su

**THEFT AS A FORM OF THEFT OF OTHERS' PROPERTY:
CONCEPT AND QUALIFYING FEATURES**

Baranov Dmitry Ivanovich, Master's Degree student

Basanin Mikhail Valerievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Уголовно-правовая охрана собственности остается в настоящее время одной из важнейших функций государства. Каждое второе корыстное преступление – это хищение в форме кражи, поэтому изучение практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие преступные деяния, показывает, что судебными органами зачастую допускаются ошибки в их квалификации.

Ключевые слова: хищение, тайное хищение, чужое имущество, покушение на хищение, квалифицирующие признаки, кража.

Criminal law protection of property currently remains one of the most important functions of the state. Every second acquisitive crime is theft in the form of theft, therefore, a study of the practice of bringing to criminal liability persons who have committed the corresponding criminal acts shows that the judicial authorities often make mistakes in their qualifications.

Keywords: theft, secret theft, someone else's property, attempted theft, qualifying features, theft.

В соответствии с действующим уголовным законодательством РФ кража является формой хищения чужого имущества. Нужно сказать, что из всех форм хищения, предусмотренных нормами уголовного законодательства, именно кража является самой распространенной формой хищения, так как в соответствии с судебной статистикой совершается чаще, чем другие формы хищения.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации количество корыстных преступлений против собственности ежегодно увеличивается. Так, в Российской Федерации в 2019 году осуждено 945 529 лиц, осуществивших хищение в форме кражи, в 2020 году – 946 515 лиц, в 2021 году – 946 881 лицо, в 2022 году – 947 174 лица, в 2023 году – 947 893 лица [1].

Констатируя в Российской Федерации ежегодный рост хищений в форме кражи, следует учитывать высокий уровень латентности данных общественно опасных деяний.

Широкая распространенность хищений в форме кражи, увеличение их количества, многообразие мнений относительно вопросов квалификации хищений в форме кражи, отграничения кражи от смежных составов преступлений свиде-

тельствуют о необходимости теоретического и практического осмысления правовой сущности хищений в форме кражи, а также разработки предложений, направленных на совершенствование уголовно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере преступного посягательства на собственность [2].

Статья 158 УК РФ структурно состоит из четырех частей. Данное обстоятельство позволяет утверждать о том, что преступление, запрещенное ст. 158 УК РФ, состоит из четырех составов [3, С. 244]:

1) основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ) представлен одним видом хищения чужого имущества – кражей, совершенной без отягчающих обстоятельств.

Так, например, Смирнов и Столбов предварительно обговорив между собой план их действий, взломали дверь склада оптовой организации, проникли внутрь помещения и похитили 3 ящика водки, 2 мешка сахара, 15 кг колбасных изделий на общую сумму 25 тысяч рублей. Все похищенное они перенесли в автомобиль, который они припарковали недалеко от склада и перевезли в гараж Смирнова. Через 3 дня все похищенное было обнаружено сотрудниками полиции при обыске гаража. Суд квалифицировал совершенное преступление по ч. 1 ст. 158 УК РФ [4].

2) квалифицированный состав кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ) представлен четырьмя видами хищения чужого имущества:

а) группой лиц по предварительному сговору. Так, например, Фадеев, Попов и Нефедов, распивая спиртные напитки в гараже у Фадеева, договорились вскрыть соседний гараж, принадлежащий Нуянзину, и завладеть строительным инструментом, который там хранился. Осуществив задуманное Фадеев, Попов и Нефедов перетасили весь строительный материал и инструменты в гараж Фадеева, который планировали в дальнейшем продать и разделить прибыль поровну. На стадии продажи строительного материала и инструментов, были задержаны сотрудниками правоохранительных органов. Фадеева, Попова и Нефедову суд назначил наказание в виде 1,5 лет лишения свободы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

б) с незаконным проникновением в жилище или иное хранилище. Так, например, Сафронов, проходя мимо дома Кафтановой, увидел, что одно из окон дома приоткрыто, а хозяйка в это время была у соседки. Перепрыгнув через забор, Сафронов прошел по участку до дома, открыл окно и залез в дом Кафтановой. Проникнув в дом, Сафронов собрал все ценное имущество Кафтановой и покинул его тем же способом (через окно). Через некоторое время Сафронов был задержан у себя в комнате общежития, где проживал. Всё похищенное Сафронов успел сбыть по соседям общежития. Суд назначил наказание в виде двух лет лишения свободы по п. «б» ч. 2. Ст. 158 УК РФ.

в) с причинением значительного ущерба гражданину. Так, например, в г. Ковылкино Республики Мордовия за кражу велосипеда у местного жителя был осужден дачник Иванов. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах: Иванов обратил внимание на оставленный без присмотра велосипед, когда проходил мимо магазина. В отсутствие свидетелей Иванов взял его и

откатил за угол здания. Убедившись, что за ним никто не побежал, мужчина сел на велосипед и поехал к себе на дачу. Транспортное средство он спрятал в сарае, предполагая оставить в личное пользование. Судом было назначено наказание в виде двух лет лишения свободы (условно) по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившейся при потерпевшем.

В частности, для того чтобы содеянное виновными квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ необходимо установить, что тайное хищение чужого имущества осуществляли двое или более лиц, отвечающих требованиям надлежащего субъекта преступления, между которыми состоялся сговор на совершение хищения чужого имущества тайным способом – до начала выполнения объективной стороны общественно опасного деяния.

3) особо квалифицированный состав кражи (ч. 3 ст. 158 УК РФ) представлен четырьмя видами хищения чужого имущества

а) с незаконным проникновением в жилище;

б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода;

в) в крупном размере. Так, например, в Чамзинском районе Республики Мордовия два студента предстали перед судом по обвинению в краже имущества. По данным следствия, в конце декабря 2023 года соучастники, являвшиеся несовершеннолетними, помогали разгружать товарно-материальные ценности из грузового автомобиля, съехавшего в кювет возле поселка Чамзинка. В это время они решили совершить хищение части товара, который в последующем продать. Ночью обвиняемые пришли на участок местности, где был сложен товар, и похитили оттуда несколько упаковок чая и две головки блока цилиндров всего на сумму 296.000 рублей. Похищенное имущество они закопали в снегу, а затем переместили в гараж к местному жителю. В последующем похищенное имущество было изъято из гаража и передано представителю потерпевшего. Следствием им предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража).

г) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Так, например, Зотов О. Н. нашел на тротуаре банковскую карту, принадлежащую потерпевшей Алёнкиной А.В. В этот же день Зотов О. Н. в нескольких магазинах «Магнит» и «Пятерочка» расплатился с помощью «находки», похитив тем самым около 25 тысяч рублей. Суд квалифицировал его действия по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, приговорив к полутора годам лишения свободы [5].

Или другой пример. Жительница Ковылкинского района Республики Мордовия привлечена к уголовной ответственности за кражу 40 000 рублей с карты приятеля. Следователи полиции предъявили обвинения 35-летней сельчанке в преступлении, предусмотренном п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража». Как было установлено, 21 августа потерпевший попросил обвиняемую приобрести ему спиртное в магазине. Для расчетов передал ей свою банковскую карту и назвал от нее пин-код. После этого оба пошли в квартиру к мужчине. Как только приятель уснул, женщина воспользовалась ситуацией, взяла карту и в ближайшем банкомате сняла с нее 40 000 рублей. Вернувшись в квартиру, она положила платежное средство на стол и ушла. О краже потерпевший узнал следующим

утром, когда проснулся и увидел уведомление в своем телефоне. Мужчина позвонил знакомой, с которой отдыхал накануне вечером, но женщина заявила, что денег не брала. После этого мужчина обратился в полицию. Благодаря записям с камеры видеонаблюдения, установленных в месте расположения банкомата, сотрудники уголовного розыска вычислили личность похитительницы и задержали ее. Свою вину она признала и рассказала, что потратила украденные деньги на личные нужды. Виновной было предъявлено обвинение п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

4) исключительно квалифицированный состав кражи (ч. 4 с. 158 УК РФ) представлен двумя видами хищений чужого имущества:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере. Так, в Мордовии зарегистрирован факт хищения более 1,1 млн рублей под предлогом замены электросчетчика. В отдел полиции №3 УМВД России по г.о. Саранск обратилась 72-летняя местная жительница с сообщением о совершении в отношении нее факта кражи под предлогом оказания услуги по замене электросчетчика. Сумма ущерба составила 1 133 000 рублей. Выяснилось, неизвестные вышли на связь с заявительницей утром 10 сентября 2024 года. Они сообщили о необходимости замены индивидуального прибора учета электроэнергии в квартире и предложили оформить заявку. В ходе дальнейшей беседы звонившие пояснили, что услуга по замене электросчетчика бесплатная, необходимо лишь установить на телефон приложение компании и зарегистрироваться в нем. Пожилая женщина, согласившись, выполнила все рекомендации неизвестных, в том числе указала свои персональные данные и данные банковской карты, на счету которой находилось 900 тысяч рублей. После этого с ней должны были связаться представители подрядной организации для согласования даты и времени. Однако больше ей никто не звонил от энергокомпании, а с банковского счета были списаны все сбережения. Кроме того, в тот же день на пенсионерку был оформлен онлайн-кредит на сумму 200 000 рублей, деньги злоумышленники перевели на неизвестный счет. Потерпевшая в результате обратилась в полицию.

Или другой пример. Участники организованной группы Б. и В. по указанию руководителя организованной группы Х. на грузовом автомобиле под управлением Б. прибыли к участку подъездного железнодорожного пути, где стали ожидать железнодорожную платформу, груженую старогодними деревянными шпалами третьей категории в количестве 200 штук, принадлежащими ОАО «РЖД». В свою очередь, Х., как руководитель организованной группы, с целью незаконного обогащения и обеспечения тайности хищения, привлек к совершению кражи подчиненного ему, и находящегося на смене неустановленного составителя поездов производственной базы, дав ему указание подать железнодорожную платформу, находящуюся на территории базы, груженую указанными шпалами, на участок подъездного железнодорожного пути. Не установленный составитель поездов на предложение Х. согласился, вступив тем самым в предварительный сговор, направленный на тайное хищение чужого имущества.

В это время участники организованной группы Б. и В., находясь возле указанного участка подъездного железнодорожного пути, залезли на железнодо-

рожную платформу и скинули с неё на землю принадлежащие ОАО «РЖД» 200 старогородных деревянных шпал третьей категории, общей стоимостью 6000 руб., которые частями, загружая в кузов грузового автомобиля, и в целях конспирации, укрывая их фрагментом геотекстиля под управлением Б. перевезли на огороженный земельный участок, где впоследствии участники организованной группы использовали их в строительстве гаража [6].

Для определения квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков кражи необходимо учитывать все обстоятельства совершения преступления, которые были рассмотрены выше.

Уголовно-правовая охрана собственности остается в настоящее время одной из важнейших функций государства. Каждое второе корыстное преступление – это хищение в форме кражи, поэтому изучение практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших соответствующие преступные деяния, показывает, что судебными органами зачастую допускаются ошибки в их квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Судебная статистика 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 годов. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 16.09.2024).
2. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. – Раздел VIII. – Саранск, 2023. 100 с.
3. Столярова, Ю. Н. Некоторые вопросы квалификации кражи чужого имущества // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 11 (114). – С. 243-245.
4. Уголовное дело № 6-52/2018 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. – URL.: <http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).
5. Уголовное дело № 3-42/2020 / Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. – URL: <http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.09.2024).
6. Приговор № 1-100/2018 / Архив Ковылкинского районного суда Республики Мордовия. – URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 01.10.2024).

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА: КОГДА ЛЕЧЕНИЕ СТАНОВИТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Горлиенко Николай Витальевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808078@ruc.su

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY OF A MEDICAL WORKER: WHEN TREATMENT BECOME A CRIME

Gorlienko Nikolay Vitalievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Жизнь является неотъемлемым благом любого человека. Никто не имеет права никакими способами лишать человека данного блага. Особенная актуальность данной темы состоит в том, что данные виды преступлений могут совершаться и лицами, которые по сути и сфере своей деятельности обязаны осуществлять действия, направленные на поддержание здоровья и жизни человека. Речь идет о медицинских работниках (врачах, медицинских сестрах и т.п.).

Автором в данной статье рассматриваются виды и особенности уголовной ответственности медицинских сотрудников при совершении преступлений против жизни человека по неосторожности; приводится статистика совершения таких видов преступлений и примеры судебной практики привлечения медицинских работников к ответственности за такой вид преступлений.

Ключевые слова: неосторожное преступление, медицинский работник, медицинская деятельность, причинение смерти, жизнь человека, врач, профессиональные обязанности, здоровье человека, защита интересов пациента, медицинская помощь, медицинская этика, благополучие общества.

Causing harm to the health or death of a person through negligence is one of the types of crimes that damage the health and life of another person. The particular relevance of this topic is that these types of crimes can also be committed by persons who, in the essence and scope of their activities, are obliged to carry out actions aimed at maintaining human health and life. We are talking about medical workers (doctors, nurses, etc.).

The author of the article reveals the general characteristics of the sphere of medical care and medical services as an object of legal protection, the main classifications of iatrogenic crimes, criminal legal analysis of objective and subjective characteristics of criminally punishable medical errors, features of their qualifications, the basics of preventing iatrogenic crimes.

Keywords: reckless crime, medical worker, medical activity, causing death, human life, doctor, professional duties, human health, protecting the interests of the patient, medical care, medical ethics, welfare of society.

Жизнь является неотъемлемым благом любого человека.

Преступления против жизни могут совершаться и лицами, которые по сути и сфере своей деятельности обязаны осуществлять действия, направленные на поддержание здоровья и жизни человека.

Актуальность темы привлечения медицинских сотрудников к уголовной ответственности выражается в том, что защита жизни и здоровья населения в общем и каждого человека в частности является одной из составляющей благополучия всего населения государства.

Все виды преступлений, совершаемые медицинским персоналом, варьируются от преступной халатности до причинения смерти по неосторожности в следствии неправильного и безосновательного способа применения определенного лечения, применяемого к пациенту [1].

В сфере медицинской помощи, помимо важной социальной миссии, возлагается значительная ответственность перед пациентами. Тем не менее, несмотря на высокие профессиональные стандарты, иногда медицинский персонал совершает небрежные действия или пренебрегает своими обязанностями, что может рассматриваться как преступление согласно уголовному законодательству. Такая неосторожная преступность при оказании медицинской помощи может иметь серьезные отрицательные последствия для здоровья и жизни пациентов.

Преступления против жизни, совершаемые медицинскими работниками по

неосторожности, имеют определенные проблемы в расследовании и применении норм уголовного закона, в отношении лиц, виновных в их совершении.

В уголовном праве неосторожная преступность определяется как совершение преступления в результате неосторожных действий или бездействия, когда лицо, осознавая возможные последствия своих действий, не предпринимает достаточных мер предосторожности.

В контексте медицинской помощи такая неосторожность может выражаться в неправильном назначении лекарств, неправильном проведении медицинских процедур, недостаточном наблюдении за пациентами и других промахах, которые приводят к негативным последствиям.

Медицинская помощь играет важную роль в уголовном праве, так как направлена на сохранение жизни и благополучие общества.

Рассматривая особенности уголовной ответственности медицинских работников следует назвать и особенности оказываемой или оказанной медицинской помощи этими лицами. Актуальность этих особенностей состоит в необходимости их учета при рассмотрении правовых вопросов при назначении уголовного наказания. Это:

- взаимное доверие и зависимость между пациентами и медперсоналом, требующие защиты интересов пациентов;
- медицинская этика и профессиональные стандарты, нарушение которых может рассматриваться как неосторожное преступление;
- сложность и специфика медицинской помощи, требующая учета доступных ресурсов и квалификации персонала при оценке их действий;
- необходимость баланса интересов пациентов, медицинского сообщества, общества и государства при принятии решений [2].

Анализируя судебную практику привлечения к уголовной ответственности за все виды преступлений, можно сделать вывод, что основными преступлениями, совершаемыми именно медицинскими сотрудниками (врачами, медицинскими сестрами и тому подобное), а это более 90% возбужденных дел являются следующие составы преступных деяний

Первым из составов по статистическим данным является неоказание помощи больному при наличии последствий – смерти или существенного вреда здоровью пациента (ст. 109 УК РФ).

Вот некоторые примеры действий медицинских работников, которые могут рассматриваться в соответствии со ст. 124 УК РФ: неявка врача на вызов пациента домой; отказ принять пациента в больницу; отказ в оказании помощи пациенту, находящемуся в медицинской организации.

Так, например, врач-хирург в нарушении алгоритма действий при приеме поступивших пациентов в приемный покой медицинского учреждения, не произвел надлежащего первичного осмотра пациента Иванова, не взял анализ крови при поступлении и не провел ультразвуковое исследование брюшной полости, что повлекло в дальнейшем развития строго аппендицита, в дальнейшем переросшего в осложненную форму – перитонит. Через пять часов Иванов скончался.

Следующим составом является причинение смерти по неосторожности, со-

вершенное вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Так, например, после родов пациентка Смирнова скончалась от осложнений двухсторонней пневмонии, вызванной сепсисом, и сопутствующей острой почечной недостаточностью. Во время расследования данного случая было установлено, что лечащим врачом была назначена недостаточная и неадекватная антимикробная терапия. Как было установлено следствием, что в случае проведения своевременной диагностики пневмонии и проведения иной антибактериальной терапии смерть пациентки могла быть предотвращена.

И третьим составом является халатность (ч. 2 ст. 293 УК РФ). Согласно ст. 293 УК РФ, халатность – неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинским сотрудником своих обязанностей в результате недобросовестного или небрежного отношения к своим обязанностям.

Так, например, медицинская сестра, плохо изучив назначения врача ввела пациенту, находящемуся на лечение в стационаре, препарат, который был ему противопоказан, что вызвало аллергический шок и в дальнейшем смерть пациента.

Не смотря на тот факт, что преступления против жизни пациентов являются тяжким преступлением, при назначении наказания медицинским работникам суд учитывает смягчающие обстоятельства совершения преступлений.

Из всех определенных ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание, можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся в делах с медицинскими работниками:

- совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;
- наличие малолетних детей у виновного;
- явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления;
- оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда.

Кроме того, в связи с недавними условиями работы медицинских работников в период пандемии COVID-19, судами стали учитываться и новые обстоятельства, смягчающие наказание. Данные обстоятельства не указаны в нормах статей уголовного закона, но тем не менее учитываются судами при решении правовых вопросов назначения наказания. К таким обстоятельствам относят:

- медицинский работник имел риск заражения новой коронавирусной инфекцией, но все равно работал в режиме оказания постоянной экстренной и плановой хирургической и травматологической помощи населению;
- наличие благодарности за высокий профессионализм и успехи при организации и оказании медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией и в связи с празднованием дня медицинского работника;
- значительные объемы нагрузки в работе медицинских работников при исполнении ими их основных служебных [3].

В заключение можно сказать, что медицина – это одна из самых рискованных деятельности, которая никогда не будет совершенной.

Неосторожность как форма вины медиков является практически наиболее частым основанием привлечения их к уголовной ответственности. Поэтому необходимо искать формы взаимодействия с медицинским сообществом, тем самым искореняя сокрытие медицинских ошибок, которые приводят к печальным последствиям – смерти пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченко, М. Ю. Судебно-медицинская экспертиза при причинении смерти по неосторожности: современные методы и технологии // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. – Таганрог, 2024. – С. 241-242.

2. Абдульмянова, Т. В. Преступления против личности: особенности квалификации и следования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.

3. Голубовский, В. Ю. Медицинские преступления и врачебные ошибки: пределы разграничения // Проблемы права. – 2020. – № 4(78). – С. 61-64.

УДК 336.71

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Горшкова Юлия Евгеньевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807090@ruc.su

LEGAL REGULATION OF CYBERSECURITY OF THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: TOPICAL ISSUES

Gorshkova Yulia Evgenievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы по обеспечению кибербезопасности деятельности кредитных организаций и защиты прав получателей банковских услуг в условиях цифровизации банковского сектора в контексте правового регулирования.

Ключевые слова: защита информации, информационная инфраструктура, кредитная организация, Банк России, правовое регулирование.

The article discusses topical issues related to ensuring cybersecurity in the activities of credit institutions and protecting the rights of recipients of banking services in the context of digitalization of the banking sector in the context of legal regulation.

Keywords: information protection, information infrastructure, credit institution, Bank of Russia, legal regulation.

Общественное развитие современного российского государства законода-

тельно определено как построение информационного общества в России [1], что обусловлено в том числе широким внедрением информационных технологий, роботизации, автоматизации отраслей, сфер, отношений и связей в рамках продвижения цифровой экономики.

Процесс цифровизации на сегодняшний день актуализирован не только практической значимостью, как условие включения в глобальную экономическую систему в условиях новой реальности. Интерес в научном сообществе больше вызван необходимостью теоретического переосмысления сфер общественной жизнедеятельности при определении проблемных аспектов содержания цифрового процесса.

Банковская сфера не только не стала исключением, но и является фундаментальной в цифровой экономике, передовой по внедрению IT-технологий и вовлечению хозяйствующих субъектов и населения в цифровую среду.

Полномасштабная цифровизация российской банковской среды во многом предопределяется глобальным цифровым проектом, продвигаемым Международным банком реконструкции и развития (входит в группу Всемирного банка), в том числе на электронно-цифровую форму расчетов как на межгосударственном уровне, так и непосредственном участии в них частных лиц (позиционирование одного из преимуществ цифровой валюты для негосударственных образований) [2].

Очевидные преимущества цифровизации банковского сектора экономики во многом стали дискуссионными и обусловили необходимость поиска путей разрешения проблемных вопросов, вызванных новыми финансовыми рисками и угрозами, связанных с правовой защитой персональных данных клиентов кредитных организаций и информационных баз данных, программного обеспечения, проведения финансовых транзакций, сохранности финансовых активов в целом.

Информация в соответствии с нормами гражданского законодательства всегда выступала объектом гражданского права, и одним из условий признания ее таковой является недоступность третьим лицам и явная либо потенциальная ценность. В современном информационном обществе именно разного рода сведения выступают необходимым условием в становлении и развитии бизнеса на основе информационных площадок и потому стали высокорисковой зоной.

Правовое понимание «финансовой информации» содержится в ст. 142.1 Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ, в которой, по мнению законодателя, представлен исчерпывающий перечень. Однако с учетом повсеместного внедрения и использования цифровых продуктов в финансовую сферу полагаем необходимым внести соответствующие изменения в рассматриваемую норму.

И речь идет не столько о защите информационно-технологического обеспечения кредитных организаций, для которых информационная и правовая защита выступает обязанностью в соответствии с нормами банковского (ст.ст. 57.4, 57.5 № 86-ФЗ) [3], информационного законодательства [4].

Банк России в вопросе развития информационной безопасности (кибербезопасности) кредитно-финансовой сферы получил особые нормативные полно-

мочия; совместно с компетентными исполнительными государственными органами власти он обеспечивает безопасность информационной инфраструктуры кредитно-финансовой сферы.

Как показывает анализ правоприменительной практики и материалов СМИ, самой незащищенной стороной в реализации цифровых возможностей является клиент, или получатель виртуальных банковских услуг. Комфортность онлайн-банкинга не вызывает сомнений и становится привлекательной для все большего количества обывателей.

Однако такое удобство не только делает доступным виртуальную финансовую среду, но включает в зону финансовых рисков (в том числе финансового мошенничества) потребителей банковских услуг, не обремененных финансовыми, правовыми и IT-знаниями в совокупности.

То есть персональные данные лиц, использующих банковские сервисы, продукты и услуги, с одной стороны, не обеспечены надлежащим уровнем защищенности, а, с другой, находятся по разным причинам в общественном доступе (пример – мобильные телефонные номера, на которые идет привязка различных онлайн сервисов).

Поэтому в рамках финансовых махинаций используются пробелы в законодательстве, элементарные знания по автоматизированным системам банков и навыки психологического воздействия, что в конечном итоге приводит к незаконному снятию денег со счетов, получению прямого доступа к финансовой информации клиента и др.

Особую значимость данная проблема приобретает в контексте продвижения цифровой валюты, вытесняющую систему безналичного расчета [5]. Уже сегодня многие концептуальные аспекты продвижения цифрового рубля Банком России мошенниками взято на вооружение, что позволяет им получить действенный результат как среди экономически непросвещенного населения, так и более финансового продвинутого контингента. К примеру, мошенники выступают от имени Банка России по вопросам установления счета цифрового рубля – виртуального кошелька на платформе ЦБ РФ, что прямо предусмотрено банковским законодательством.

Кроме того, угрозой финансовой безопасности частным лицам при использовании ими цифровых возможностей банковских продуктов без должного уровня знаний в области информатики становятся программное обеспечение на основе использования искусственного интеллекта (ИИ).

Так более 90% специалистов по кибербезопасности в наиболее технологически развитых странах мира ожидают, что преступники будут использовать ИИ против компаний, в которых он применяется [6].

Здесь важно понять, что банки ввиду незащищенности своих клиентов сами потенциально становятся мишенью. Стремительное развитие IT-технологий делает вполне вероятным взлом/незаконное проникновение в информационную инфраструктуру банка, что, в свою очередь, гипотетически может существенно повлиять на устойчивость финансовой системы в целом.

В этой связи необходимость реального финансового просвещения и комплексной правовой защиты финансовых данных не вызывают сомнений. По-

скольку, еще раз отметим, что несмотря на существующие правовые предписания в области обеспечения кибербезопасности в банковском секторе, не закреплены нормы по защите цифровой финансовой информации, у потребителя банковских услуг физически нет технических средств защиты собственных персональных данных (это могли быть программы по сути цифрового фильтра, блокиатора и др.).

И несмотря на высокорисковость внедрения искусственного интеллекта в информационную инфраструктуру банков, именно использование возможностей самого ИИ становится условием обеспечения кибербезопасности и укрепления существующих информационных баз данных и операционных систем.

На сегодняшний день высокую эффективность в защите финансовых данных своих клиентов показывает Т-банк в рамках локальной финансово-кредитной и мобайл политики и собственной информационной инфраструктуры, несмотря на равные условия по финансовым рискам с другими банками.

Данную положительную практику необходимо на законодательном уровне ввести для крупнейших банков страны, которые пользуются своим брендом для привлечения клиентов, но должным образом не обеспечивающих кибербезопасность получателям своих услуг.

Кроме того, несмотря на всеобъемлющую цифровизацию банковской среды актуальной сохраняется тема «человеческого фактора», т.е. уровень этичности сотрудников кредитной организации в силу отсутствия правовой регламентации системы их доступа к базам данным и мониторинга активности.

В совокупности нормативного закрепления и реализации рассмотренных мер вполне реальной становится минимизация рисков совершения финансовых преступлений и защита прав получателей банковских услуг, тем самым повышаются уровень доверия и репутационная составляющая не только банковского сектора, но прежде всего государства, осуществляющего всецелое правовое регулирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Всемирный банк. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/> (дата обращения: 30.10.2024).
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // Российская газета. – № 127. – 13.07.2002.
4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации от 26.07.2017 № 187-ФЗ: ред. от 10.07.2023 // Российская газета. – № 167. – 31.07.2017.
5. *Kostikova, E.* Prospects of legal regulation and use of the digital rouble / E. Kostikova, D. Alekseeva, S. Rybakova, A. Savina // International Scientific and Practical Conference «Law and the Information Society: Digital Approach» (LISID-2020): SHS Web Conf. – 2021. – Vol. 109 (дата обращения: 30.10.2024).
6. *Горохова, С. С.* Искусственный интеллект: инструмент обеспечения кибербезопасности финансовой сферы или киберугроза для банков? // Банковское право. – 2021. – № 1. – С. 35-46.

УДК 349.3

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАБОТНИКОВ ПЕНСИЯМИ
ПО СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ**

Дудочкин Виктор Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail:st807128@ruc.su

**ON THE ISSUE OF PROVIDING EMPLOYEES WITH
PENSIONS UNDER THE COMPULSORY PENSION
INSURANCE SYSTEM**

Dudochkin Viktor Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются вопросы пенсионного обеспечения работников по системе обязательного пенсионного страхования в виде страховых пенсий. На сегодняшний день система обязательного пенсионного страхования работников как основной механизм пенсионного обеспечения граждан в России еще недостаточно совершенна и имеет некоторые проблемы. Для стабильного функционирования пенсионной системы требуют пересмотра продолжительность основных условий для назначения страховых пенсий – страхового стажа и индивидуального пенсионного коэффициента.

Ключевые слова: обязательное пенсионное страхование, страховые пенсии, пенсионная система, страховое обеспечение, страховой стаж.

The article discusses the issues of pension provision for employees under the system of compulsory pension insurance in the form of insurance pensions. To date, the system of compulsory pension insurance for employees, as the main mechanism for providing pensions to citizens in Russia, is still not sufficiently perfect and has some problems. For the stable functioning of the pension system, the duration of the basic conditions for the appointment of insurance pensions – the insurance period and the individual pension coefficient - must be reviewed.

Keywords: compulsory pension insurance, insurance pensions, pension system, insurance coverage, insurance experience.

Одним из индикаторов развития любого демократического, правового государства и социального благополучия общества является отношение государства к пенсионерам, создание им условия для достойной жизни. В последние годы многие страны мира вынуждены осуществлять или, по крайней мере, обдумывать возможность проведения реформ для придания новой динамики развитию своих экономик. В рамках осуществления реформ особое внимание уделяется социальной сфере и, в частности, пенсионной системе. Это объясняется прежде всего постепенным старением населения, приводящее к росту пенсионных расходов. Подход стран к реформированию пенсионной системы определяется в первую очередь уровнем социально-экономического развития страны, сложившимися отношениями между государством и населением в сфере социальной защиты, а также степенью политической активности граждан в защите своих интересов.

Современная система пенсионного обеспечения граждан в России, прежде

чем прийти к ее нынешнему виду, прошла долгий путь становления и перешагнув рубеж тысячелетий, пережила уже 4 пенсионные реформы. Их результатами стало наличие трех уровней пенсионного обеспечения: пенсии по системе обязательного пенсионного страхования, пенсии по государственному пенсионному обеспечению гражданам, не участвующим в системе пенсионного страхования по объективным причинам и негосударственное (корпоративное) пенсионное обеспечение.

Последняя пенсионная реформа 2018 – 2019 гг. по повышению пенсионного возраста, как одного из условий назначения страховых пенсий по старости, была крайне негативно воспринята гражданами России, но все же была проведена. Необходимость такого повышения обосновывается изменением соотношения числа лиц, занятых в народном хозяйстве, и лиц, получающих пенсии. С каждым годом в России увеличивается число граждан старше трудоспособного возраста. Это связано не с тем, что старые люди ныне живут дольше, а с тем, что сократилась рождаемость, численность детей и людей трудоспособного возраста. То есть целью повышения пенсионного возраста является снижение демографической нагрузки на пенсионную систему.

Обязательное пенсионное страхование является основным механизмом формирования страховых пенсий в РФ. Институт обязательного пенсионного страхования гарантирует гражданину выплаты в виде пенсии при достижении определенного возраста, наступлении инвалидности или в случае потери кормильца. Вопросы пенсионного законодательства затрагивают интересы широких групп лиц.

Объектом страховой защиты обязательного пенсионного страхования является трудоспособность работника, предметами – наступление пенсионного возраста, достижение профессионального стажа работы, наступление инвалидности и потеря кормильца.

Ключевыми участниками системы обязательного пенсионного страхования являются страхователи, осуществляющие уплату страховых взносов за своих работников (застрахованных). За счет данных платежей формируется бюджет Социального фонда России (страховщика), основной статьей расхода которого является выплата страховых пенсий.

Страховая пенсия – наиболее распространенный вид пенсии. В России более 41 миллиона пенсионеров, из которых получателями страховых пенсий являются 39 млн. 170 тыс. человек, а более 90 % пенсионеров (35 млн. 559 тыс. человек) получают страховую пенсию по старости.

Развитие обязательного пенсионного страхования является важным направлением государственной финансовой политики Российской Федерации, так как материальная обеспеченность нетрудоспособных граждан обладает высокой социальной значимостью и на эти цели выделяются значительные финансовые ресурсы государства.

Следует сказать, что к обязательному пенсионному страхованию, как основному механизму пенсионного обеспечения Россия пришла не сразу. Впервые перенятая из европейских стран «бисмарковская» модель государственного пенсионного страхования функционировала еще в дореволюционной России.

Но в 1917 году обязательное пенсионное страхование как буржуазный элемент было упразднено и заменено выплатами пенсий из федерального бюджета. Однако государство не справилось с взятыми на себя обязательствами, и при дефиците бюджетных средств выплата пенсий стала непомерной ношей. Тогда по образцу западных стран Россия выбирает модель обязательного пенсионного страхования в качестве основной в системе пенсионного обеспечения, и дело накопления пенсий было переложено на плечи самих граждан. Для управления системой пенсионного обеспечения в декабре 1991 года был создан Пенсионный фонд России, который 1 января 2023 был объединен с Фондом социального страхования РФ и ныне носит название Фонд пенсионного и социального страхования (Социальный фонд РФ), продолжая выполнять все функции по пенсионным обязательствам.

На Пенсионный фонд, как на специализированное финансово-кредитное учреждение была возложена задача по консолидации, накоплению и распределению средств, полученных на пенсионное обеспечение.

В настоящее время Социальный фонд России является системно-структурным и организационно-правовым ядром системы стабилизации общественных отношений в пенсионной сфере. Он задает ориентир проведения пенсионной политики государства, выступая балансом устойчивости социально-экономической системы.

Понятие обязательного пенсионного страхования дано в ст. 3 федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ». Это система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения [1].

Обязательное страховое обеспечение – исполнение страховщиком своих обязательств перед застрахованным лицом при наступлении страхового случая посредством выплаты страховой пенсии.

Понятие страховой пенсии, круг лиц, имеющих на нее право, а также условия и нормы ее назначения определяются федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [2].

Страховым случаем признаются достижение пенсионного возраста, наступление инвалидности, потеря кормильца.

Страховщиком в этих отношениях выступает Социальный фонд и его территориальные органы, составляющие единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации. Наряду с Социальным фондом РФ страховщиками по обязательному пенсионному страхованию могут являться негосударственные пенсионные фонды. Порядок формирования в негосударственных пенсионных фондах средств пенсионных накоплений и инвестирования ими указанных средств, порядок передачи пенсионных накоплений из Социального фонда РФ и уплаты страховых взносов в негосударственные пенсионные фонды, а также пределы осуществления негосударственными пенсионными фондами полномочий страховщика устанавливаются Федеральным законом [3].

Страхователями по обязательному пенсионному страхованию являются лица, производящие выплаты физическим лицам, в том числе: организации; индивидуальные предприниматели; адвокаты и физические лица, добровольно вступающие в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию.

Застрахованные лица – граждане РФ, а также проживающие на территории РФ иностранные граждане и лица без гражданства:

1) работающие по трудовому договору или по договору гражданско-правового характера, предметом которого являются выполнение работ и оказание услуг, а также по авторскому и лицензионному договору;

2) самостоятельно обеспечивающие себя работой (индивидуальные предприниматели, частные детективы, занимающиеся частной практикой нотариусы, адвокаты);

3) являющиеся членами крестьянских (фермерских) хозяйств;

4) работающие за пределами территории РФ в случае уплаты страховых взносов в соответствии со ст. 29 Закона об обязательном пенсионном страховании, если иное не предусмотрено международным договором РФ;

5) являющиеся членами родовых, семейных общин малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования.

Ставка страхового взноса на обязательное пенсионное страхование в 2024 г. остается на прежнем уровне – 22 % от годового фонда оплаты труда работника в пределах годового лимита (предельный размер базы для исчисления) и увеличивается на 15,1 % при сумме заработка, превышающей предельный годовой лимит. В 2024 году предельная база по сумме выплат в пользу работника составляет 2 225 000 рублей. Взимание страховых взносов при сохранении предела выплат по страховой пенсии приведет к тому, что работодатели будут стараться часть зарплаты выплачивать по серым схемам, что найдет понимание у работников, ведь наследование страховых сумм, накопленных за время отчисления страховых взносов в Социальный фонд, в России не предусмотрено. В связи с этим у граждан отсутствует стремление увеличения накоплений в Социальном фонде ввиду отсутствия гарантий их обратного получения. Наследование пенсионных накоплений возможно только при выборе варианта пенсионного обеспечения с накопительной пенсией. Однако в связи с отсутствием информирования граждан по вопросам накопительной пенсии, мало желающих использовать двойной вариант накоплений.

Таким образом, на сегодняшний день система обязательного пенсионного страхования работников, как основной механизм пенсионного обеспечения граждан в России, еще недостаточно совершенна и имеет некоторые проблемы. Так, некоторые исследователи этой темы, считают, что требуют пересмотра продолжительность основных условий назначения страховых пенсий – страхового стажа и индивидуального пенсионного коэффициента. Действующие в настоящее время минимальные границы этих показателей не являются достаточными для установления пенсий в достойных размерах. Кроме того, фактические показатели лиц, выходящих на пенсии подтверждают это. В настоящее время средняя величина ИПК для лиц, выходящих на пенсию составляет около 85 баллов [4, с. 31]. С другой стороны, при увеличении минимальных показате-

лей страхового стажа и ИПК, лица, не имеющие их, лишаются права на страховую пенсию, пополняя ряд лиц, претендующих на социальную пенсию. Таким образом, вопросы обязательного пенсионного страхования работников требуют пристального внимания государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об обязательном пенсионном страховании: федер. закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ (дата обращения: 28.09.2024)/
2. О страховых пенсиях: Федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 28.09.2024)/
3. О негосударственных пенсионных фондах : Федер. закон от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 19. – Ст. 2071.
4. *Моисеева, Е. Н.* К вопросу об условиях назначения страховой пенсии по старости // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 10А. – С. 25-32.

УДК 343

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭКСТРЕМИЗМА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Калабаев Дмитрий Юрьевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st802389@ruc.su

LEGAL NATURE OF EXTREMISM: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

Kalabaev Dmitry Yuryevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование направлено на анализ правовой природы экстремизма и определение его понятия и признаков. Экстремизм рассматривается как сложное социально-политическое явление, активно обсуждаемое в научных кругах и на международных площадках. В статье осуществляется попытка отграничения экстремизма от таких явлений, как терроризм и др., а также предлагается внесение изменений в действующее национальное законодательство.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, правовая природа экстремизма, терроризм, национальное законодательство, международное право, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

The research is aimed at analyzing the legal nature of extremist activity, defining its concepts and signs based on the study of legislation aimed at combating extremism and scientific works. Extremism is considered as a complex socio-political phenomenon, which is actively discussed in scientific circles and on international platforms. The article attempts to distinguish extremism from such phenomena as terrorism, etc., and also proposes amendments to the current national legislation.

Keywords: extremist activity, the legal nature of extremism, terrorism, national legislation, international law, Federal Law “On Countering Extremist activity”.

Нынешняя внутренняя и в особенности внешняя, непосредственно связанная с проведением СВО на территории Украины, а также самостоятельной и независимой от кого-либо политики, деятельность РФ характеризуется обилием

угроз экстремисткой направленности. Уровень экстремизма представляет собой показатель эффективности государства по решению проблем, в частности по профилактике самого экстремизма.

В настоящее время вызывает наибольшее опасение такое социально-политическое явление в обществе, как экстремизм, несмотря на это сущность экстремизма не была выделена и сформирована в полном объёме. Для того чтобы это сделать, необходимо определить его характерные признаки и провести четкое разграничение с другими смежными идеологиями, которые также могут проявляться в формах, признаваемых преступными.

В современной международной правовой доктрине концепция экстремизма закреплена в различных правовых актах, однако значение и интерпретации данного термина в разных источниках существенно отличаются и частично даже противоречат друг другу.

Так, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом классифицирует экстремизм как явление, угрожающее международному миру и безопасности, акцентируя внимание на его связи с политической деятельностью, которая использует насильственные методы для достижения своих целей [1].

В отличие от этого, Резолюция парламентской Ассамблеи Совета Европы определяет экстремизм как форму политической деятельности, которая является противоположностью принципам парламентской демократии и строится на основе нетерпимости и ультранационализма. Данные различия в определениях подчеркивают сложность и многогранность понятия экстремизма в международном правовом контексте, выделяя необходимость унификации понимания данного явления для эффективной борьбы с ним на международном уровне [2].

В современной России проблема экстремизма занимает важное место в научных и правовых дискурсах, поскольку разнообразие определений отражает сложность и многогранность данного явления.

Так, 25 июля 2002 г. был принят № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее по тексту № 114-ФЗ), в котором понятие экстремизма закреплено в широком смысле, что позволяет квалифицировать как экстремистскую деятельность практически всё от политической критики до философских рассуждений [3]. При этом важно отметить, что в настоящее время в государстве сформирована в большей степени административная правовая система по борьбе с экстремизмом, а также РФ вносит посильный вклад в реализацию программ по противодействию угроз экстремизма, как на международном, так и внутреннем уровне. При этом национальном уровне среди административно-правовой основы по противодействию экстремизму в первую очередь стоит выделить Конституцию РФ.

Учёные, такие как Е. П. Сергун, определяют экстремизм через призму угрозы основам конституционного строя и демократическим правам, подчеркивая его преступный характер и связывая его с понятиями, закрепленными в уголовном законодательстве, такими как подготовка к преступной деятельности и наличие умысла на совершение действий, направленных на разрушение или угрозу дестабилизации конституционного строя РФ, что в свою очередь является объектом данного преступления [4; 6]. Из чего следует, что экстремизм может прояв-

ляться не только в виде активных действий, но и как идеология, без её непосредственной реализации. Это позволяет осознать необходимость глубокого изучения мотивов, приводящих к экстремистской деятельности, и подходов к её предотвращению.

Если обратиться к юридической литературе, направленной на изучение такого явления как экстремистская деятельность то можно обнаружить крайняя её форма – это терроризм, несущий в себя угрозу национальной и мировой безопасности, посредством террористических актов, осуществляемых по всему миру.

На этой основе появилась новая научная дисциплина – «террология», изучающая терроризм во всех его проявлениях. Данное направление в науке стремится понять причины и условия, способствующие распространению экстремистских идеологий и методов, и предлагает стратегии для их предотвращения и борьбы.

В контексте размышлений о правовой природе преступлений экстремистской направленности возникают сомнения относительно того, можно ли считать терроризм радикальной формой экстремизма, учитывая разные НПА, посредством которых закреплено противодействие данным явлениям.

Тем самым российское законодательство предусматривает различие между этими правовыми категориями в виде того, что приняты разные Федеральные законы, один из которых направлен на борьбу с экстремистской деятельностью, а другой – на противодействие терроризму. Данные различия подчеркивают необходимость отдельного рассмотрения каждого явления в юридической практике.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – это основополагающий акт, выделяющий разницу между экстремизмом и терроризмом, называя первое насильственным захватом власти или попытками изменения конституционного строя государства. В то время как терроризм описывается как идеология насилия и практика, направленная на воздействие на принятие решений государственными или международными органами через устрашение населения и насильственные действия.

В национальных нормативно-правовых актах, таких как Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму», терроризм рассматривается не только как экстремистская деятельность, но и как действие, имеющее более специфическую цель – создание угрозы или осуществление насилия для достижения политических изменений [4; 5]. Данное различие в определениях и подходах к регулированию указывает на сложность и многоаспектность в правовом рассмотрении экстремистских деяний и терроризма, требующих детального анализа и возможно, пересмотра существующих нормативных определений для обеспечения более эффективного право применения.

Эффективность существующего законодательства о противодействии терроризму и экстремизму часто подвергается критике за неоднозначность и возможность квалификации практически любого деяния как экстремистской деятельности, что приводит к юридическим неопределенностям и сложностям в применении.

В таких нормативных актах, как Указ Президента РФ «О мерах по противо-

действию терроризму» и Федеральный закон «О противодействии терроризму», делается попытка охватить максимально широкий круг действий, включая организацию и планирование террористических актов, а также прямое участие в них. Однако, несмотря на старания законодателя обеспечить стабильность и однозначность правового регулирования, практика показывает, что множество случаев остаются в так называемой «серой зоне», где определение границ между преступной и законной деятельностью остается предметом правовых споров [5; 6].

Особенно это касается тех случаев, когда действия, мотивированные идеологически, нацелены не столько на насилие, сколько на выражение политического протеста или критику государственной власти, что зачастую ошибочно квалифицируется как экстремизм. В этом контексте возникает необходимость более детального рассмотрения критериев, которые позволяют четко отделить экстремистскую деятельность от законных форм политического изъяснения воли.

Сущность и дефиниция таких социально-правовых явлений как терроризм и экстремизм схожа по своей цели и методам, посредством которых осуществляется воздействия на общество и государство. Данные виды преступлений направлены на влияние на принятие решений органами власти, однако осуществляется это при помощи разных методов и способов.

Терроризм характеризуется применением насильственных действий, целью которых является устрашение населения и демонстрация этого власти при помощи убийств невинных жертв посредством террористических актов, что представляет собой крайнюю форму воздействия на общественное сознание, политическую систему и конституционный строй всего государства.

Несмотря на то что экстремизм также может представлять собой насильственные действия, основной его целью является изменение устоявшегося порядка общественных отношений и достигается это как через насильственные, так и ненасильственные методы.

Таким образом, основное отличие между этими двумя явлениями в методах и целях, что вызывает необходимость их точного разграничения в правовом поле, при этом экстремизм как более обширное понятие требует более точного и детального рассмотрения методов и мотивов, в то время как терроризм, по своей сути характеризуется более четкими и радикальными признаками насильственного воздействия.

Следовательно, является целесообразным внесение изменений в действующее законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом в виде исключения дефиниции экстремизма из понятия террористическая деятельность.

Также интересным является сравнение геноцида с экстремизмом, первый из которых является признанным международным преступлением, направленным на уничтожение национальных или этнических групп, и имеет другие мотивы и цели, нежели экстремизм.

По своей сути экстремизм представляет собой многогранный идеологически насыщенный феномен, характеризующийся отдельными присущими только ему признаками.

В завершение хотелось бы отметить, что под экстремизмом следует пони-

мать, как идеологию, имеющую антисоциальный характер и основывающуюся на мотивах политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, а также на ненависти или вражде к социальным группам.

При этом важно отметить, что в настоящее время в государстве сформирована в большей степени административная правовая система по борьбе с экстремизмом, а также РФ вносит посильный вклад в реализацию программ по противодействию угроз экстремизма, как на международном, так и внутреннем уровне. На национальном уровне среди административно-правовой основы по противодействию экстремизму в первую очередь стоит выделить Конституцию РФ, а также различные федеральные законы, основным из которых является № 114-ФЗ, в который предлагается внести соответствующие изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // СЗ РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.
2. Резолюция «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» (2003) // URL: [http://www.coe.int/T//parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp](http://www.coe.int/T//parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp) (дата обращения: 10.10.2024).
3. О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [принят Гос. Думой 27 июня 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. от 01 июля 2021 г. № 270-ФЗ] // Российская газета. – 2002. – № 138-139.
4. О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ [принят Гос. Думой 26 февраля 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. от 26 мая 2021 г. № 155-ФЗ] // Российская газета. – 2006. – № 48.
5. Указ Президента РФ от 15.02.2006г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // СЗ РФ. – 2006. – № 8. – Ст. 897;
6. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 235 с.

УДК 336.225

ГОСУДАРСТВО И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДОХОДЫ ИЛИ РАСХОДЫ БЮДЖЕТА

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Хозин Александр Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; st807312@ruc.su

STATE AND MUNICIPALITIES

IN THE SYSTEM OF INVESTMENT RELATIONS:

INCOME OR EXPENSES OF THE BUDGET

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Khazin Alexander Vladislavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются актуальные вопросы определения сущности и содержания государственных инвестиций сквозь призму бюджетной политики, а также правовой специфики инвестиционных отношений с участием государства и муниципальных образований.

Ключевые слова: доходы бюджета, право, бюджетные инвестиции, государство, федеральный закон.

The article considers topical issues of determining the essence and content of public investment through the prism of budgetary policy, as well as the legal specifics of investment relations with the participation of the state and municipalities.

Keywords: budget revenues, law, budget investments, state, federal law.

Инвестиционные отношения – это та сфера, которая привлекательна своей внешней простотой и доступностью понимания результата инвестиционной деятельности (получение прибыли), но при этом требует глубоких финансово-экономических знаний, аналитических способностей, определенной доли риска, что оставляет рынок инвестиций в его содержании не самым востребованным у большей части населения российского государства.

Государство и муниципальные образования также выступают субъектами инвестиционных отношений и обладают компетенциями в области инвестиционной деятельности. И важно понимать, что государственное участие в инвестиционном процессе проявляется многогранно, имеет свои формы и особенности.

Спецификой выступает социальный характер (направленность) государственных инвестиций, обусловленный социальными функциями государства. Для инвестиционных правоотношений с участием государства характерен также приоритет административно-правовых и финансово-правовых норм, т.е. публично-правовой характер в силу его государственно-властных полномочий. При этом, если инвестором выступают муниципальные образования, то частно-правовые начала в инвестиционных правоотношениях преобладают, поскольку у муниципалитетов нет того круга полномочий в выстраивании системы инвестиционной модели, как у Российской Федерации и ее субъектов, чьи полномочия связаны с системой регулирования инвестиционной деятельности. К примеру, Минфин России и Федеральное казначейство как федеральные органы исполнительной власти уполномочены регулировать сферы инвестиционной деятельности государства, связанные с бюджетным инвестированием.

Инвестиционные отношения комплексно регулируются нормами финансового, гражданского, международного, административного и других отраслей права, но прежде всего федеральными законами, составляющими основу специального инвестиционного законодательства.

Инвестиции (перевод с англ. «investments») рассматриваются как экономическое явление в форме капиталовложений. Действия по вложению неких средств (имущества) с целью получения доходов или иного полезного эффекта являются инвестиционной деятельностью.

В Определении ВС РФ [1] указано, что деятельность, которая не ставит своей целью получение прибыли, не является инвестиционной, что актуально в вопросах бюджетного инвестирования.

На практике в виду громоздкого инвестиционного законодательства возникает много споров, связанных с неопределенностью и многозначностью видов инвестиций и сфер инвестиционной деятельности.

К примеру, инвестиции могут стать реальными расходами или существовать в виде любых имущественных и неимущественных активов. Объектом вложения могут быть не только капитальные ресурсы, но и неограниченный круг активов, как показывает современная практика.

Неопределенность в правовом поле касается и субъектов инвестирования. Законодатель указывает на инвестора, пользователя объектами инвестирования, заказчика, подрядчика и иных лиц, но из ст. 4 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» следует, что это физические и юридические лица, участвующие в инвестиционных отношениях на договорной основе [2].

То есть, инвестиционные правоотношения между субъектами возникают при заключении ими договора или государственного контракта. И данный юридический факт в правоприменительной практике вызывает немало вопросов, требующих квалификации так называемого инвестиционного договора для определения его правовых последствий. В многочисленных судебных спорах руководствуются позицией ВАС РФ [3], согласно которой инвестиционный договор – это разновидность гражданско-правового договора, который может быть смешанным или непоименованным. В правовой практике не выделяется самостоятельный инвестиционный договор, и в этом случае следует понимать договор купли-продажи, подряда, простого товарищества.

Здесь важно обратиться к положениям ст. 16 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ [4], где дается определение специального инвестиционного контракта, существенно отличающееся от определения гражданско-правового договора, заключаемого в рамках инвестиционной деятельности.

Во-первых, обязательной стороной выступает само государство (в лице уполномоченных субъектов), во-вторых, контракт заключается в интересах РФ и строго определенные законом сроки. В-третьих, то он заключается в рамках осуществления государственных мер стимулирования деятельности в сфере промышленности (модернизация, освоение технологий и др.) в соответствии с федеральным законодательством.

В Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ [5] установлено понятие договора инвестирования. Законодатель ввел в оборот данное понятие, но существенно ограничил его применение только на основе инвестиционных платформ и способами, указанными в законе (закрытый перечень, который соответствует действиям инвестиционных отношений).

Таким образом, понятие инвестиций в соответствии с нормами инвестиционного законодательства является неоднозначным и во многом определяется ви-

дом инвестиции, объектом инвестиционной деятельности, субъектом, формой собственности и др. Инвестиции определяются как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные, иные права, имеющие денежную оценку, направляемые (вкладываемые) для целей извлечения прибыли или получения иного полезного результата в объекты предпринимательской или иной деятельности.

Государство и муниципальные образования выступают субъектами инвестиционных отношений и обладают компетенциями в области инвестиционной деятельности. Суть государственного инвестирования следует свести к правильному выбору объекта вложений, который в дальнейшем сможет принести доход и приумножить вложенный капитал. Эти действия носят целевой характер и направлены на сохранение и преумножение капитала в условиях инфляции; повышение производственных мощностей в реальном секторе экономики; открытие бизнеса. Их можно оценить как тактический способ получения доходов бюджетов, несущий определенные финансово-экономические риски.

Однако для государственных инвестиций, основанных на использовании бюджетных средств, как было указано, характерно социальное содержание, связанное, как пример, с улучшением социальной инфраструктуры, которая априори не считается гарантированным высоко прибыльным источником доходов бюджетов в материальном значении.

Но стратегически важное вложение суверенного государства – это инвестиции в человека: его безопасность, образование, здоровье, устойчивость социальных связей и т.д. Поэтому бюджетные инвестиции крайне сложно однозначно рассматривать как доходы или расходы государства. Поскольку даже с чисто экономической точки зрения инвестиции выступают драйвером, маховиком экономической политики государства, способные привести к устойчивому и общему процветанию общества, развитию экономики на национальном уровне и в глобальном масштабе, что, безусловно, положительным образом скажется на формировании доходной части бюджетов в средне или долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2012 № 5-В12-10 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.12.2021).
2. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений от 25.02.1999 № 39-ФЗ: ред. от 25.12.2023 // СЗ РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2024).
4. О промышленной политике в Российской Федерации от 31.12.2014 № 488-ФЗ : ред. от 25.12.2023 // СЗ РФ. – 2015. – № 1 (часть I). – Ст. 41.
5. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 02.08.2019 № 259-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // СЗ РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

УДК 336.225

**ИНСТИТУТ НАЛОГОВОГО МОНИТОРИНГА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Малыйкина Екатерина Игоревна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; st807102@ruc.su

**INSTITUTE OF TAX MONITORING IN THE RUSSIAN
FEDERATION: MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS**

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Malyikina Ekaterina Igorevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются материальные и процессуальные особенности института налогового мониторинга как формы налогового контроля в соответствии с законодательством о налогах и сборах РФ.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговый мониторинг, процессуальное право, налогоплательщик, налоговый спор, цифровизация.

The article considers the material and procedural features of the institution of tax monitoring as a form of tax control in accordance with the legislation on taxes and fees of the Russian Federation.

Keywords: tax control, tax monitoring, procedural law, taxpayer, tax dispute, digitalization.

Со вступлением в силу Федерального закона от 04.11.2014 № 348-ФЗ, установившего институт налогового мониторинга в части первой Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), вопросы определения его правовой сущности и содержания остаются предметом научных исследований и практических споров [1].

Нормы раздела V.2. НК РФ, закрепляющие налоговый мониторинг как форму налогового контроля, не содержат легального его определения.

Соответствующие разъяснения в Письме ФНС России от 17.12.2014 № ЕД-4-2/26194 позволили прочно закрепить понимание налогового мониторинга как способа расширенного информационного взаимодействия, при котором организация предоставляет налоговому органу доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учета, что, в свою очередь, освобождает организацию от проведения камеральных и выездных налоговых проверок и сохраняет за налоговым органом возможность проверки полноты и своевременности исчисления (уплаты) налогов и сборов [2].

То есть, суть налогового мониторинга состоит в предоставлении субъекту налогового контроля (проверяющему налоговому органу) полного доступа к финансовой отчетности налогоплательщика (проверяемого объекта) в онлайн-режиме в рамках установленных законом целей и задач по своевременному, полному, правильному начислению и уплате налоговозначимых платежей.

В отличие от налоговых проверок (одна из форм налогового контроля),

направленных на получение необходимой информации о деятельности проверяемого объекта при выявлении разного рода несоответствий действия налогоплательщика нормам налогового законодательства с применением методов налогового контроля, при налоговом мониторинге все финансовые операции проверяемого лица для налогового органа являются открытыми. И это становится возможным при обязательном внедрении автоматизированных процессов исчисления и уплаты налогов. Следовательно, контроль в рамках налогового мониторинга носит текущий, а не последующий характер.

При таком взаимодействии сторон на основе применения высокотехнологичных решений в рамках осуществления налогового контроля очевидным выступает их упрощение и облегчение с дальнейшим определением путей и способов цифровизации налогового администрирования.

К примеру, автоматизированная обработка информации существенно сокращает сроки проведения налоговых контрольных мероприятий и позволяет получить налоговое стимулирование в виде налоговых консультаций.

Явные преимущества налогового мониторинга в вопросе повышения собираемости налогов и сборов, страховых взносов, профилактике налоговых правонарушений позволили значительно увеличить количество налогоплательщиков, использующих данный правовой режим контроля со стороны налоговых органов [3].

Речь идет об активном продвижении цифрового налогового мониторинга через систему льгот по налогообложению для субъектов малого и среднего бизнеса [4].

Важно подчеркнуть, что режим налогового мониторинга в соответствии со ст. 105.26 НК РФ предусматривает обязательный (для отдельных категорий крупных налогоплательщиков) и добровольный (заявительный) характер. При этом такого рода цифровизация налоговых правоотношений из добровольной фактически перерастает в обязательную форму.

Так Распоряжением Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р утверждена Концепция развития и функционирования в РФ системы налогового мониторинга, цель которой – широкое включение налогоплательщиков в налоговый мониторинг на основе кратного повышения уровня автоматизации как финансовых транзакций, так и налогового администрирования в целом [5].

В перспективе создание такой абсолютно прозрачной и подконтрольной среды для налоговых органов предполагает отказ от налоговых проверок и иных форм налогового контроля.

При этом, при проведении налогового мониторинга следует обозначить так называемые высокотехнологические риски, обусловленные, с одной стороны, прозрачностью деятельности хозяйствующего субъекта, что представляет безусловный интерес для третьих лиц, с другой – отсутствием гарантий кибербезопасности в функционировании самих информационных платформ.

Здесь интерес представляет ожидаемая с 2023 г. правовая разработка Федеральной налоговой службы в виде Цифрового налогового кодекса. Он предполагается как перечень справочников, единая методологическая модель (единые стандарты при заполнении налоговых регистров) проведения налогового мониторинга [6].

Однако в соответствии с правилами Письма ФНС России применяются новые требования по предоставлению данных в рамках налогового мониторинга, и характерным является то, что для достижения стандартизации отчетов вместо текстов вводятся цифровые коды для полного перехода к машиночитаемым форматам [7]. Бумажные тексты постепенно заменяются электронными символами.

Отметим, что в вопросе использования информационных технологий Россия задолго до официального курса на построение цифровой экономики, провозглашенной Указом Президента РФ от 7.05.2018 № 204, взяла масштабный курс на информатизацию/цифровизацию различных сфер жизни [8]. И в этом процессе ключевая роль принадлежит системе налоговых органов.

Полагаем, что введение максимально автоматизированного контроля по заданным алгоритмам позволит не только снизить трудозатраты налоговых органов, но и направить данный ресурс на разрешение спорных ситуаций, требующих участия человеческого фактора. И считаем необходимым в новом цифровом формате НК РФ нормативно закрепить положения об обеспечении безопасности использования персональных данных налогоплательщиков со стороны налоговых органов, а в их лице государства, а также процессуальный порядок рассмотрения и разрешения такого рода споров.

Безусловным положительным эффектом введения института налогового мониторинга ожидаемо было повышение эффективности системы налогового администрирования и, как следствие, снижение количества обращений в суд для разрешения споров в рамках судопроизводства.

Во многом это было обусловлено процессуальным аспектом налогового мониторинга – процедурой, предусмотренной нормами НК РФ, для которых характерна интеграция специфики материального и процессуального права.

Так анализ норм института налогового мониторинга позволяет рассматривать налоговый мониторинг в двух направлениях. Если в материально-правовом аспекте (сущностная сторона) налоговый мониторинг предоставляет право требования налогоплательщика о получении мотивированного мнения налогового органа, то в процессуальном плане (содержательная сторона) налоговый мониторинг можно представить как способ досудебной защиты прав налогоплательщика [9] или альтернативную форму урегулирования споров [10].

Исходя из положений Налогового кодекса, налоговый мониторинг можно представить как последовательность действий: по обращению налогоплательщика в налоговый орган в заявительном порядке; проведению особой формы налогового контроля с результатом в виде мотивированного мнения налогового органа; при несогласии с мотивированным мнением налоговой службы обращение налогоплательщика с жалобой в вышестоящий орган. И окончательное действие, составляющее процессуальное содержание налогового мониторинга, представляет собой взаимосогласительную процедуру, что определено нормами ст. 105.31 НК РФ.

Достаточно спорно рассматривать взаимосогласительную процедуру как самостоятельный способ урегулирования налоговых споров. Прежде всего это обусловлено тем, что несмотря на свое название речь идет фактически об одностороннем действии Федеральной налоговой службы России по вынесению ре-

шения об изменении или оставлении первоначального варианта мотивированного мнения налогового органа нижестоящего уровня.

Кроме того, законом не определены так называемые пределы изменений, что способно ухудшить положение налогоплательщика. В этой связи, опираясь на нормы законодательства и судебной практики [11], считаем необходимым нормативно закрепить запрет на взыскание дополнительных налоговых платежей, не включенных в содержание мотивированного мнения налогового органа и ухудшающих положение налогоплательщика.

Цифровизация и автоматизация налогового мониторинга имеет тенденцию дальнейшего продвижения и важно, чтобы в развитии данного института соблюдался баланс частных и публичных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федер. закон Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ; ред. от 08.08.2024 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Письмо ФНС России от 17.12.2014 № ЕД-4-2/26194 // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.10.2024).
3. Федеральная налоговая служба : официальный сайт. – URL: <https://www.nalog.gov> / (дата обращения: 15.10.2024).
4. В 2022 году к налоговому мониторингу присоединится еще 131 компания. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11664927/ (дата обращения: 15.10.2024).
5. Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.10.2024).
6. Головина Е., Виноградов Я. Налоговый мониторинг: единая цифровая методологическая модель для его проведения / Е. Головина, Я. Виноградов // ЭЖ-Бухгалтер. – 2024. – № 1 // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.10.2024).
7. Письмо ФНС России от 31.08.2020 № БВ-4-23/13939@ : ред. от 30.09.2020 // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.10.2024).
8. Указ Президента РФ от 7.05.2018 № 204 // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.10.2024).
9. Цветкова, Е. А. Налоговый мониторинг как способ досудебной защиты прав налогоплательщиков // Налоги. – 2023. – № 4. – С. 36-38.

УДК 340

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Алукаев Абдурахман Бясырович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekechaykina@list.ru; st808093@ruc.su

PUBLIC LEGAL ASPECT OF THE DIGITAL RUBLE

AS A TOOL TO COUNTER THE SHADOW ECONOMY

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Alukaev Abdurakhman Byasyrovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются возможные перспективы применения цифрового рубля в борьбе с теневой экономикой в рамках федерального законодательства. Автор раскрывает свойства цифрового рубля, которые позволят государству снизить долю субъектов, занимающихся нелегальной экономической деятельностью, нарушая уголовное, налоговое законодательство РФ.

Ключевые слова: теневая экономика, федеральное законодательство, цифровой рубль, государство, экономическая безопасность.

The article examines the possible prospects for the use of the digital ruble in the fight against the shadow economy within the framework of federal legislation. The author reveals the properties of the digital ruble, which will allow the state to reduce the share of entities engaged in illegal economic activities, violating the criminal and tax legislation of the Russian Federation.

Keywords: shadow economy, federal legislation, digital ruble, state, economic security.

Проблема теневой экономики является одной из наиболее важных проблем, встречающихся в любом государстве. Законодательство не раскрывает содержание рассматриваемого понятия, однако на основе анализа научных подходов к его сущности можно сделать вывод, что теневая экономика представляет собой нелегальное осуществление экономической деятельности с целью сокрытия доходов и неуплаты налогов, что преследуется в соответствии с нормами уголовного законодательства РФ [1, с. 25]. Такая деятельность осуществляется вне контроля государства и наносит существенный ущерб обществу, который заключается не только в неуплате налогов в полном объеме в бюджет и развитии коррупции, но и в нарушении трудовых прав граждан.

Так, по результатам опросов ВЦИОМ неофициальную заработную плату получает около 11 % населения России [2]. Потенциально такие работники находятся в зоне риска, поскольку размер их заработной платы устанавливается на основании устных договоренностей с работодателем и при этом они получают не весь объем социального обеспечения, на который вправе рассчитывать согласно действующему законодательству.

По данным Банка России отраслью, в которой наиболее часто осуществляются сомнительные операции, является строительная. При этом основным способом вывода денежных средств из-под администрирования государства является их обналичивание. Так, по итогам первого полугодия 2024 года среди всех подозрительных операций 38 % приходится именно на обналичивание [3] (рис. 1).

В России в настоящий момент получили распространение несколько видов обналичивания. Один из них предусматривает перечисление организациями денежных средств мелкими суммами большому количеству физических лиц. Из-за того, что суммы перечислений не превышают лимиты, установленные законодательством, автоматизированные системы контроля банков не могут распознать такие операции как подозрительные [4, с. 34].

Еще одним видом обналичивания является перечисление денежных средств физическим лицам с применением различных сложных схем по длинным цепочкам получателей [5, с. 47].

Рисунок 1. Операции повышенного риска, %

В связи с указанным одним из способов борьбы с теневой экономикой является применение цифровых валют, в частности, цифрового рубля. Как инструмент противодействия нарушениям закона в рассматриваемой сфере его позволяют рассматривать присущие ему свойства.

Так, цифровой рубль представляет собой цифровой код, который обладает индивидуальными признаками, что позволяет установить дату эмиссии конкретного цифрового рубля, а также всех лиц, которые когда-либо пользовались им.

К примеру, в настоящий момент в рамках уголовного преследования при даче взяток наличными денежными средствами приходится осуществлять идентификацию денежных средств по серии и номеру купюр путем внесения информации в протокол в соответствии с уголовно-процессуальными нормами. Но это возможно только в том случае, если правоохранительные органы заранее получили информацию о готовящемся преступлении. В иных ситуациях определить, что наличные денежные средства, находящиеся в обороте, были получены преступным путем, практически невозможно. Иначе обстоит ситуация с цифровым рублем.

Соответственно, если в перспективе произойдет полная замена наличных и безналичных денежных средств на цифровые рубли, то совершение коррупционных и мошеннических схем станет нецелесообразным ввиду доступности информации о происхождении каждого цифрового рубля и невозможности внесения изменений в его цифровой код.

Также немаловажным свойством цифрового рубля является прозрачность транзакций. Так, отслеживать движение наличных денежных средств практически невозможно. С безналичными транзакциями ситуация обстоит проще, но в любом случае вся информация о движении безналичных денежных средств находится у коммерческих банков, которые в соответствии с нормами налогового законодательства обязаны предоставлять ее налоговым органам и правоохранительным органам.

Поскольку эмитентом цифрового рубля является Банк России, то все данные о транзакциях и тех, кто их совершил, находятся в его распоряжении. И хотя

Банк России не относится к органам государственной власти, его надежность представляется более высокой, чем банков, осуществляющих свою деятельность на коммерческой основе.

Таким образом, государство посредством использования цифрового рубля может отследить все доходы и расходы как граждан, так и организаций. Соответственно, это упростит задачу установления неуплаты налогов, а также, к примеру, нецелевого использования бюджетных средств. Однако это потребует законодательного ограничения использования иных форм денег.

В мировой экономике есть положительные примеры применения цифрового рубля. Так, например, в Сингапуре достаточно долгое время в качестве платежного средства применяются электронные деньги, эмитентом которых может являться только государство, и исследователи связывают с этим фактом самые низкие в мире темпы развития теневой экономики [6, с. 128].

В свою очередь в Швеции прекращение применения наличных расчетов существенным образом снизило количество ограблений банков и позволило вывести бизнес из тени [7, с. 59].

Тем не менее, применение цифрового рубля как инструмента для противодействия теневой экономики, имеет и определенные недостатки. Так, для того, чтобы его применение действительно имело эффект, необходимо полностью вывести из обращения наличные и безналичные денежные средства. Соответственно, потребуются законодательные изменения и принуждение экономических субъектов к использованию цифрового рубля.

Кроме того, всё еще остается актуальной проблема обеспечения правовой защиты цифрового рубля. Банк России предъявляет жесткие требования к программному обеспечению коммерческих банков, которые будут участвовать в расчетах с применением цифрового рубля, однако, как на практике банки будут выполнять такие требования и насколько тщательным будет контроль за их исполнением, пока еще не ясно.

Определенные проблемы могут возникнуть и с использованием цифрового рубля гражданами, в частности, старшим поколением. Обучение граждан таким новым технологиям может стать очень дорогостоящей и долгосрочной задачей для государства.

Одним из самых серьезных рисков при полном переходе на применение цифрового рубля и, как следствие, сокращении доли теневого бизнеса, является высокая вероятность увеличения безработицы, что повлечет за собой иные социальные и экономические проблемы. Это обусловлено тем, что большинство организаций, которые можно отнести к теневому бизнесу, реализуют существенную часть различных товаров и услуг населению. Но ввиду высокой налоговой нагрузки и необходимости платить иные обязательные платежи не могут работать, уплачивая все налоги, поскольку это сделает бизнес нерентабельным [8, с. 120].

С учетом вышеизложенного, можно заключить, что переход на применение цифрового рубля и отказ от применения иных форм денег должен быть поэтап-

ным и тщательно продуманным, поскольку в любом случае необходимо учитывать особенности российского бизнеса и правовую основу его внедрения.

Между тем, при правильном подходе к введению в повседневную жизнь граждан и бизнеса цифрового рубля, государство, как представляется, может добиться определенных успехов в выводе из теневой экономики основной части финансовых трансакций.

В заключение стоит отметить, что действительно существенных результатов можно добиться только при полном переходе на цифровой рубль и, соответственно, запрете применения иных форм денег. То есть в перспективе единственной формой денег должен стать именно цифровой рубль, что обеспечит эффективную борьбу с угрозами экономической безопасности государства. Однако такая трансформация денежной системы должна будет обеспечена не только законодательной основой с гарантией свобод человека, но и эффективной системой защиты и профилактики от всякого рода рисков и угроз технологического, физического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирагелова, У. А. Теневая экономика в современном мире // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2022. – № 4. – С. 23-38.
2. Выйти из тени, или мониторинг «серых» зарплат // ВЦИОМ новости : сайт: URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
3. Структура подозрительных операций // Официальный сайт Банка России: URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 23.10.2024).
4. Буров, В. Ю. Проблемы противодействия теневой экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Экономика. – 2022. – № 5. – С. 33-49.
5. Батурина, Е. В. О проблемах мониторинга теневой экономики // Вестник университета. – 2022. – № 1. – С. 47-59.
6. Ситник, А.А. Цифровые валюты Центральных банков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 3. – С. 127-129.
7. Корблева, Н. А. Цифровые валюты. Мировой опыт // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 8. – С. 57-63.
8. Минеева, В. М. Причины возникновения теневой экономики в России // Проблемы науки. – 2022. – № 4. – С. 115-127.

УДК 336.71.078

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кечайкина Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Горшкова Юлия Евгеньевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: ekchaykina@list.ru; st807090@ruc.su

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE BANKING SYSTEM IN THE DIGITAL ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kechaykina Elena Mikhaylovna, PhD (History), Associate Professor

Gorshkova Yulia Evgenievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В представленной работе проводится критическая оценка содержания и перспектив правового регулирования банковской системы РФ в условиях цифровой экономики в разрезе законодательства и науки в целях привлечения внимания научного сообщества к существующим противоречиям для последующего анализа и выработки рекомендаций.

Ключевые слова: банковская система, цифровая экономика, реальный сектор экономики, цифровой рубль, законодательство.

In the presented work, a critical assessment of the content and prospects of legal regulation of the banking system of the Russian Federation in the context of the digital economy in the context of legislation and science is carried out in order to draw the attention of the scientific community to existing contradictions for subsequent analysis and development of recommendations.

Keywords: banking system, digital economy, real economy, digital ruble, legislation.

Эффективно действующий банковский сегмент финансового рынка в любом государстве является базовым в современной глобальной кредиториориентированной экономике. Практика показала, что в современной рыночной (капиталистической) экономике огромный процент экономического богатства, как результат реального экономического производства, встал в зависимость от банковского и финансового сектора за счет колоссального роста пакетов акций частных банков. То есть модель создания частных денег оформилась в виде глобальной экономики и «превратилась в одну большую кредиториориентированную экономику» [1].

Поэтому во многом от устойчивости, обеспечения информационной безопасности, перспективности и соответствия современным вызовам и рискам в развитии банковской системы во многом зависит состояние так называемой реальной экономики, суть которой – удовлетворение потребностей человека и создание всесторонних условий (материальных и нематериальных), необходимых для воспроизводства общества.

В этой связи вопросы оценки и определения векторов развития банковской системы через правовое закрепление актуальны как для специалистов в области экономики, так и права не только на уровне национальных экономик.

Если обратиться к анализу программных документов, определяющих развитие банковского сектора российской экономики, то привлекательным является факт отказа от стратегического планирования совместно с Правительством РФ. С принятием Федерального закона от 23.07.2013 № 251-ФЗ с 2015 года Банк России самостоятельно определяет Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации (на определенные периоды). Это обусловлено с законодательным закреплением его особого независимого статуса со сверхполномочиями государственного-властного характера как мегарегулятора финансовых рынков в РФ.

Однако в декабре 2022 года с учетом кардинально изменившихся условий Правительством РФ была разработана Стратегия развития финансового рынка РФ до 2030 года (далее – Стратегия) в целях финансирования ускоренной трансформации российской экономики [2].

Среди трудностей и правовых барьеров в функционировании банковской системы России в юридической литературе выделяют в качестве основных: тенденцию огосударствления банковской системы при отсутствии ее нормативной регламентации; цифровизацию банковской системы в рамках построения цифровой экономики России; санкции в отношении банковского сектора и др. [3].

Если обратиться к Стратегии, то можно обозначить основное направление – развитие банковского сектора и продвижение финансовых услуг через правовое оформление процессов трансформации (цифровизации) финансового рынка как основы для российской экономики.

Цифровая экономика, бесспорно, явление объективное и многоаспектное, которое в своем содержании охватывает разноплановые сегменты экономики и общественные процессы в целом. Причем, процесс цифровизации отдельных сфер и отраслей во многом значительно опережает нормативное регулирование. Согласимся с мнением В. С. Белых, что отставание в правовом регулировании объективно обусловленных процессов связано с традицией «фундаментального», а не «прикладного» регулирования [4].

Поэтому в настоящее время возникла необходимость прикладного банковского регулирования и прежде всего в области информационной безопасности при построении информационного общества в России.

Безусловно, цифровизация банковской системы полно и явно продемонстрировала как свои положительные, так и одновременно не только отрицательные стороны, но и высокие риски как для частных лиц, так и экономики в целом.

К примеру, из положительно явно следуют минимизация затрат на обслуживание финансовых транзакций, скорость в обработке данных и выполнении банковских операций, формирование экосистем в продвижении прибыльности банков за счет продаж небанковских продуктов, т.е. все, что, по сути, составляет экономическую выгоду.

К числу минусов следует отнести так называемые инвестиции в продвижение и функционирование цифрового банкинга. Самое главное и высокорисковое – вопросы кибербезопасности и финансового мошенничества, а отсюда следуют вложения в финансовое просвещение населения, проблемы найма лучших IT-специалистов, внедрение передовых технологий, доступность цифровых финансовых услуг для малоимущего населения и др.

Следовательно, вопросы информационной безопасности (не только для банковской системы, но государства и отдельно взятого лица), конкурентоспособности кредитных организаций, защиты прав потребителей финансовых услуг – это те направления, требующие на сегодняшний день своего не только правового оформления пост-фактум, но и детальной, можно сказать, процессуальной проработки, дабы обеспечить баланс личных и общественных интересов, финансовую стабильность государства.

Рассматривая плюсы и минусы перспектив развития банковской системы

России, отметим, что взятые в качестве примеров факторы носят в основном внутренний характер. Но в Стратегии законодатель указывает на ряд причин/рисков внешнего воздействия на развитие российской экономики и финансового сектора.

Полагаем, что к числу больше рисков, чем плюсов в формировании цифровой среды как на внутреннем рынке, так и на уровне международном станет повсеместное обязательное для всех участников международных расчетов (в том числе и для частных лиц) введение цифровой валюты центральных банков государств (CBDC).

В России введение цифрового рубля 1 августа 2023 года связано с принятием Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ и внесением изменений в гражданское и банковское законодательство.

И, если обозначенные представителями руководства Банка России положительные аспекты введения цифровой валюты вызывают в общественном обсуждении вполне аргументированный скепсис (в заявлениях встречается явное расхождение с положениями о цифровом рубле в законодательстве), то в отношении минусов споры носят минимальный характер [5].

Так достаточно спорным выступает довод о борьбе с помощью цифрового рубля с экономическими преступлениями и теневой экономикой. Современные технологии и сегодня позволяют своевременно предотвращать преступления и вести процессуальные действия, к примеру, в отношении финансовых мошенников. В свою очередь, налоговые органы обеспечивают в полном объеме налоговые поступления в доходы бюджета на основе IT-технологий. А вот что касается установления цифрового контроля с помощью «меченных» цифровых денег (полностью теряется анонимность рубля), то в этом вопросе наблюдается в основном единое мнение при разном «интонационном окрасе».

В заключение важно обозначить фундаментальный и в тоже время проблемный не только в вопросах цифровизации, но и всего материального мировосприятия, что является определяющим в необходимости правового закрепления этических норм взаимодействия между людьми, а также человеком и автоматизированных интеллектуальных систем, базирующихся на искусственном интеллекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байттебье К.* Как экономика стала проблемой (и что с этим делать) : монография / К. Байттебье, В. С. Белых. – Москва : Проспект, 2021. – С. 42-43.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р: ред. от 21.12.2023 // СПС «Гарант» (дата обращения: 30.10.2024).
3. *Тарасенко, О. А.* Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 51. – С. 105-132.
4. Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации: монография / отв. ред. В. С. Белых. – Москва : Проспект, 2022. – С. 144.
5. Оцифровка рубля. – URL: <https://mustread.kept.ru/articles/otsifrovka-rublya/> (дата обращения: 30.10.2024).

УДК 340

ПОНЯТИЕ, ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Кирдяпкин Владислав Викторович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808098@ruc.su

CONCEPT, LEGAL FEATURES OF CREDIT OBLIGATIONS

Kirdyapkin Vladislav Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается правовая специфика кредитных обязательств на основе сравнительного анализа норм банковского и гражданского законодательства РФ.

Ключевые слова: кредитные обязательства, кредитная организация, Банк России, банковское законодательство, правовой режим.

The article examines the legal specifics of credit obligations based on a comparative analysis of the norms of banking and civil legislation of the Russian Federation.

Keywords: credit obligations, credit institution, Bank of Russia, banking legislation, legal regime.

Вопросы правового регулирования кредитных отношений в современном обществе вызывают неподдельный интерес с практической и теоретической стороны как у специалистов в сфере права и финансов, так и обывателей, получателей заемных средств.

К примеру, объем задолженности по кредитам населения на 1 февраля 2022 года составлял 4,7 трлн рублей. По оценкам аналитиков, суммарный долг в среднем на одного экономически активного жителя страны равнялся 328 тыс. руб., а закредитованность населения достигла уровня 55,6 % [1]. То есть с темой кредитования практически каждый знаком не только теоретически, а выступает субъектом (преимущественно должником) кредитных правоотношений.

При этом вопросы определения сущности кредитных обязательств, регулирования вопросов кредитования на практике вызывают немало споров и противоречий, о чем свидетельствуют комментарии практиков и судебные материалы.

Необходимо рассмотреть и выявить суть кредитных обязательств, показать их правовую специфику, обусловленную не только частно-правовой природой обязательственных отношений, но и правовым статусом кредитных организаций и осуществляемой ими банковской операцией кредитования в соответствии с нормами банковского законодательства.

Обязательственный характер кредитных отношений не вызывает сомнений, когда одна сторона (должник) обязана выполнить действия в пользу другой стороны (кредитора) при определенных договором и законом условиях. Поэтому к кредитным обязательствам применимы общие положения об обязательствах гражданского законодательства [2].

Необходимо также отметить, что законодатель в гражданско-правовых нормах закрепил родовую связь заемных и кредитных обязательств.

Заемные отношения носят широкий имущественный характер, им свойствен частно-правовой характер. Безусловно, законодатель определяет рамочные конструкции для защиты прав участников правоотношений (как пример, Закон о потребительском кредитовании) и разграничивает займ имущественный, денежный, банковский, непредпринимательский.

Для заемных отношений законодатель не устанавливает строгих требований или критериев специального характера для займодавца как для кредитора в кредитных отношениях. Кроме того, отношения займа также предусматривают неоплатный характер услуги.

В вопросе определения правовой природы и особенностей кредитных обязательств необходимо рассмотреть существо кредитования.

В современном обществе кредитование является неотъемлемой частью финансово-экономических отношений. Эта наиболее доходная активная банковская операция кредитной организации, суть которой в предоставлении свободных денежных средств в платное пользование субъектам (заемщикам) через посредничество банков (кредитора).

Кредитные обязательства носят возмездный платный характер в виде процентов за пользование предоставленными денежными средствами, комиссией за обслуживание кредита и иных платежей, установленных договором или нормативными актами Банка России.

Именно существо кредитования, особые требования к кредитору (финансово-кредитным организациям) предопределили особенности нормативно-правовой базы кредитных обязательств, правовой режим кредитования.

Законодатель неоднократно подчеркивает приоритет специального законодательства (в частности, норм банковского законодательства) над положениями ГК РФ. Это относится и к вопросу кредитных отношений.

Так кредитные обязательства кроме норм гражданского законодательства нашли свое закрепление в финансовом, банковском, валютном, бюджетном, налоговом законодательстве РФ и др. отраслях российского права.

Изученный материал по содержанию кредитования, как элемента основополагающей триады для определения правового статуса кредитной организации, правовому положению кредитных организаций позволяют в полной мере представить кредитные обязательства как интегративные, объединяющие в себе нормы частного и публичного права.

В то же время правовое регулирование кредитования отличается особым правовым режимом, закрепляющим неравенство сторон в правоотношениях, а объектом кредитного обязательства выступают только денежные средства в наличной или безналичной форме, в национальной или иностранной валюте.

Так кредитный договор в ст. 819 ГК РФ [3] однозначно наделяется публично-правовым характером, поскольку в этом обязательстве кредитором может выступить только кредитная организация (том числе и банк), деятельность которой определяется банковским законодательством и нормативными актами Банка России [4].

Поскольку кредитные организации участвуют в публичных финансовых правоотношениях [5] к ним применяются особые требования, направленные на обеспечение финансовой дисциплины, устойчивости банковского сектора экономики, который выступает «кровеносной системой» экономики любого государства. Контроль и надзор за деятельностью кредитных организаций со стороны Банка России является необходимым инструментом в регулировании финансово-денежной системы государства.

Правовая специфика кредитных отношений подчеркивает неравенство в договорной конструкции кредита. Заемщик выступает наиболее незащищенной стороной кредитных обязательств, поскольку не вправе устанавливать свои условия договора или правила кредитования в целом.

Для кредитных отношений характерна в целом детальная регламентация, преобладание норм предписывающего, властного характера, что минимизирует свободу выбора, инициативность и самостоятельность сторон.

Именно нормы банковского законодательства устанавливают специальные правила в сфере кредитных обязательств, что позволяет в полной мере раскрыть их правовые особенности и конкретизировать положения, не предусмотренные гражданским законодательством. В частности, это вопросы по существенным условиям кредитного договора, разработке алгоритма осуществления отдельных банковских операций.

Кредитные отношения охватывают не только потребительскую сферу, производственные, межбанковские отношения, сферу государственного управления и межгосударственный уровень, однако комплексного единого нормативного определения понятия «кредитование» не закреплено. В этой связи установление единых требований и принципов кредитования, его правовой сущности в публично-правовом поле выступают необходимостью.

Таким образом, правовая специфика кредитных обязательств, их сложность и многогранность вопросов кредитования в полной мере раскрывается при комплексном рассмотрении кредитных отношений на основе норм гражданского законодательства и положений специального законодательства.

С одной стороны, нормы гражданского законодательства устанавливают общие правила по урегулированию обязательственных отношений, в частности заемных и кредитных.

С другой стороны, особый статус кредитора (кредитной организации), предписываемые требования к заемщику в кредитных обязательствах, строго регламентированный порядок осуществления банковской операции по кредитованию, а также особое значение кредитных отношений в масштабе государства обусловили в качестве правовой основы кредитных обязательств нормы банковского, бюджетного, финансового, валютного права, иные нормативные правовые акты, регулирующие отдельные вопросы финансово-кредитной деятельности.

Кредитование как банковская операция составляет основу банковской деятельности кредитной организации, осуществляемой исключительно на основании лицензии, выдаваемой Банком России. Банковская операция - это не просто сделка, регулируемая гражданским законодательством, для нее установлен осо-

бый правовой режим, который носит императивный, публично-правовой характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России : официальный сайт. URL: <https://www.rbc.ru/finances/> (дата обращения: 31.10.24).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ: ред. от 24.07.2023 // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Шилкина, Т. Е. Правоведение: курс лекций. Часть 5. Банковское право / Т. Е. Шилкина, Е. М. Кечайкина. – Саранск : Издатель Афанасьев В. С., 2024. – Электрон. текст. дан. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. Письмо Роспотребнадзора от 01.04.2008 № 01/2973-8-32 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31.10.2024).

УДК 336.71.078

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТНОГО РЫНКА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кирдяпкин Владислав Викторович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808098@ruc.su

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION

CREDIT MARKET IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kirdyapkin Vladislav Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемные аспекты финансово-правового регулирования кредитного рынка в РФ и анализ конструктивных предложений о разработке единых основ в области кредитования в рамках действующего федерального законодательства.

Ключевые слова: кредитный рынок, правовое регулирование, кредитные организации, банковское законодательство, государство.

The article discusses the problematic aspects of financial and legal regulation of the credit market in the Russian Federation and the analysis of constructive proposals for the development of uniform foundations in the field of lending within the framework of current federal legislation.

Keywords: credit market, legal regulation, credit institutions, banking legislation, government.

В современной России практически все сферы финансового рынка получили нормативное закрепление правомерного взаимодействия между его участниками. Кредитный рынок является неотъемлемой частью совокупности финансовых отношений, финансового рынка страны, а потому его правовое регулирование осуществляется нормами финансового законодательства.

В правовом поле, несмотря на активно проводимую кредитно-денежную политику в рамках глобальной кредитоориентированной экономики, не принят специальный нормативный правовой акт, в котором были бы закреплены еди-

ные правила и принципы в области кредитования на микро- и макроуровнях и закреплялось определение кредитного рынка страны.

Вопросы кредитования являются актуальными не только в контексте проводимой кредитно-денежной политики Банком России, но и создавшейся угрозы устойчивости банковской системы. Для рядового обывателя в условиях достижения критичного уровня закредитованности данная тема представляет практический интерес [1].

Изученный материал в области банковского законодательства позволяет прийти к выводу, что вопрос о принятии единого унифицированного специального закона в области кредитования вряд ли является разрешимым.

С одной стороны, это объясняется тем, что среди специалистов в области банковского законодательства не существует единого мнения на правовую природу банковской деятельности и отнесения банковского права к области частных или публичных правовых отношений, соответственно и определения правового характера, закрепления правовых начал кредитных отношений.

С другой стороны, вполне аргументировано звучит мнение о существующем закреплении правовых норм, регулирующих кредитные отношения в частно-правовой сфере, и нормативных актов Банка России, в которых определяются положения о развитии финансово-кредитных отношений в стране исключительно в публично-правовой плоскости.

Однако полагаем, что систематизация правового материала в сфере кредитования является, если не объективной необходимостью, то обуславливается во многом общественной потребностью. Установление, к примеру, единых принципов и стандартов, закрепление видов кредитования, требований к должнику и четких правил привлечения к ответственности сторон в виде рамочного закона на основе действующего законодательства должным образом могло соответствовать принципам правовой ясности и определенности правовой нормы.

Безусловно, кредитный рынок страны охватывает широкий спектр правоотношений и носит комплексный характер, и крайне сложно составить системную ему основу. В то же время, перечисленные выше положения носят базовый характер, условно можно рассматривать как положения общей части законодательства о кредитовании. К примеру, они универсальны как в отношении бюджетного [2;15], банковского и небанковского кредитования.

Важно подчеркнуть, что привычное в понимании банковское кредитование, т.е. предоставление кредитов кредитными организациями (банками), в соответствии с нормами федерального законодательства может иметь и небанковский характер. Сюда следует отнести кредитование в частно-правовой сфере: кредитными кооперативами, ломбардами, микрофинансовыми организациями, негосударственными пенсионными фондами и иными юридическими лицами в соответствии с гражданским законодательством.

В этом проявляется принципиальное отличие в правовом регулировании кредитных отношений: если банковское кредитование регулируется финансовым (банковским) законодательством, которое устанавливает строгие правила адресно правового статуса и деятельности кредитных организаций, то, соответственно, иные виды кредитования регламентированы нормами гражданского законодательства и иных специальных законов.

В целом, для правового регулирования кредитного рынка свойственна некая фрагментарность, требующая приведения действующего законодательства к некоему правовому знаменателю.

Но даже в сфере банковского кредитования, как основы кредитного рынка страны, в финансово-правовом регулировании следует выделить некоторые проблемные вопросы, требующие своего разрешения.

Во многом развитие кредитного рынка определяется стабильностью функционирования кредитных организаций. В частности, это вопросы практического характера о правовой ответственности кредитных организаций и частных лиц.

Действующим законодательством не установлен институт финансово-правовой ответственности кредитных организаций в сфере кредитования [3]. Являясь субъектом публичного банковского права, законом установлены отдельные меры привлечения к ответственности кредитных организаций в части нарушений правил кредитования в рамках уголовного, административного, гражданского законодательства. Однако они не носят комплексный характер, не позволяют системно иметь представление кредитруемому лицу о государственных мерах защиты от неправомерных действий кредитных организаций.

В качестве проблем правового регулирования банковской сферы также выделяют: проблемы формирования устойчивой долгосрочной ресурсной базы банков; правовые аспекты минимизации банковских рисков и др. [4, с. 37].

Что касается ресурсной базы кредитных организаций, то законом предусмотрены обязательные для лицензирования банковской деятельности требования к уставному капиталу, т.е. к собственным средствам (в зависимости от вида получаемой лицензии). Кроме того, по закону банки вправе управлять депозитными средствами клиентов от своего имени.

Важно обратить внимание на правовые проблемы, обусловленные новым способом поддержки ресурсов кредитных организаций с помощью синдицированного кредитования. К примеру, это вопросы ответственности банков друг перед другом и перед заемщиком, вопросы унификации кредитных договоров и др., что не позволяет в полной мере решить вопросы поддержки малых форм бизнеса в рамках государственной программы [5].

Банковская деятельность, как и область финансов в целом, относится к высокорисковой, однако вопросы минимизации банковских рисков регулируются нормативными актами Банка России, что негативно отражается на правоприменительной практике кредитных организаций при том, что банковский сектор непосредственно определяет устойчивость финансового рынка страны.

Кроме того, необходимо пересмотреть практику потребительского кредитования по требованиям к заемщику. В финансовом законодательстве не предусмотрены меры, которые способны предотвратить угрозу банковской системе в виде «безнадежных кредитов» [6].

Таким образом, финансово-правовое регулирование кредитного рынка страны сосредоточено в соответствии с нормами банковского законодательства у Банка России. Сложившаяся практика обусловлена развитием банковской системы в стране и особым конституционным статусом ЦБ РФ. Однако существующие проблемы в правоприменительной практике кредитных организаций,

связанных в том числе с их самостоятельностью, в целом приводит к активизации банковского сектора, но несут предпринимательские риски банкам и социально-экономические угрозы государству. В этой связи необходимо определить финансово-правовые основы регламентации как отдельных механизмов кредитования, так и разработки единых принципов и институтов в виде рамочного закона о кредитовании на основе действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России : официальный сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/> (дата обращения: 30.10.24).
2. Кечайкина, Е. М. Институт ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации / Е. М. Кечайкина, Л. М. Бояркина // V Юридические чтения. Саранск, 2019. С. 12-16.
3. Гартина, Ю. А. Проблемы правового регулирования института банковского кредитования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 107.
4. Бабина, К. И. Проблемы финансово-правового регулирования кредитного рынка в России // Финансовое право. – 2021. – № 11. – С. 38-41.
5. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р: ред. от 30.03.2018 // СПС «Гарант» (дата обращения: 30.10.24).
6. Потребительское кредитование в России: институциональные основы, состояние, перспективы развития : монография / Н. М. Полянская, А. А. Аюшеева, Л. Д. Муравьева [и др.]. – Улан-Удэ, 2019. – С. 65.

УДК 347.6

О КАТЕГОРИИ «РЕБЕНОК» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Колоколова Елена Олеговна, кандидат философских наук, доцент
Панфилов Михаил Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: kolokolovalena@mail.ru; mpanfilov@ruc.su

ABOUT THE CATEGORY “CHILD” IN RUSSIAN LEGISLATION

Kolokolova Elena Olegovna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Panfilov Mikhail Anatolievich, PhD (Pedagogy), Associate Professor
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Авторы анализируют правовое значение категории «ребенок» в системе правовых норм. В ходе исследования выявлена многовариантность трактовки категории «ребенок» в его лексико-формальном понимании. Авторы предлагают соотносить и разграничивать такие понятия, как «ребенок», «малолетний», «несовершеннолетний».

Ключевые слова: ребенок, несовершеннолетний, малолетний, права, правовой статус, субъект.

The authors analyze the legal meaning of the category «child» in the system of legal norms. The study revealed the multivariate interpretation of the category «child» in its lexical and formal under-

standing. The authors propose to correlate and differentiate such concepts as «child», «juvenile», «minor»

Keywords: child, minor, juvenile, rights, legal status, subject

Особенности правового статуса ребенка обусловлены психоэмоциональными, физиологическими и другими аспектами, связанными с определенной незрелостью субъекта в силу возраста.

В российском правовом поле категория «ребенок» имеет легальное закрепление. Так, п. 1 ст. 54 СК РФ закрепляет, что ребенком является лицо, которое не достигло возраста 18 лет (совершеннолетия) [1].

В то же время, нормы семейного и гражданского законодательства предусматривают, что лицо может утратить статус ребенка ранее установленного 18-летнего возраста, например, при вступлении в брак, эмансипации.

Следует отметить, что понятие «ребенок» имеет определенные особенности в различных отраслевых актах. При этом приходится констатировать, что часто происходит смешение понятий «ребенок» и «несовершеннолетний», хотя они имеют различия в смысловом содержании.

Конституция Российской Федерации, определяя ребенка как лицо, не достигшее 18 лет, устанавливает два возрастных периода: с момента рождения до 14 лет (малолетие) и с 14 лет до 18 лет (несовершеннолетие) [2]. Соответственно, правовой статус ребенка в каждом возрастном отрезке имеет определенные особенности.

Статья 28 ГК РФ также закрепляет возраст малолетия 14 годами. При этом устанавливает, что, например, самостоятельное совершение мелких бытовых сделок возможно осуществлять лишь по достижении 6 лет.

В сфере регулирования уголовно-правовых отношений используется термин «малолетний» при применении норм об отягчающих или смягчающих обстоятельствах. Так, наличие у виновного лица малолетнего ребенка может рассматриваться смягчающим обстоятельством. При назначении наказания в виде ареста, при предоставлении отсрочки отбывания наказания учитывается наличие детей в возрасте до 14 лет (ч. 2 ст. 54, ч. 1 ст. 82 УК РФ) [3].

В категориальном аппарате отрасли уголовного права также используются категории «несовершеннолетний», «несовершеннолетний, не достигший 14 лет» и «несовершеннолетний, не достигший 12 лет», которые применяются, в частности, в рамках квалификации преступлений против половой неприкосновенности лиц указанного возраста. Так, в отношении данных видов преступлений установлен императивный запрет о назначении условного осуждения. Также соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетним субъектом уголовной ответственности может быть признано лицо, достигшее возраста 14 лет, но не достигшее 18.

ТК РФ посвящает 42 главу и ряд других норм регулированию особенностей труда лиц, не достигших 18 лет, которые учитывают возрастные особенности таких работников.

По общему правилу заключение трудового договора допускается с лицом, достигшем 16. Однако, несовершеннолетний 15 лет также может привлекаться к

выполнению легкого труда, не приносящего вреда здоровью. Лицо, достигшее 14 лет, при условии получения общего образования может осуществлять легкую трудовую деятельность с письменного согласия родителя и органа опеки и попечительства. Если же такой ребенок еще получает общее образование, то трудиться он может только в свободное от учебы время. Дети младше 14 могут работать в сфере кино, театрального или циркового искусства, концертной деятельности, но при условии, что такая деятельность не причиняет ущерб здоровью и нравственному развитию.

Подобные примеры можно привести и из других отраслей права.

В связи с этим, закрепленное нормой СК РФ, понятие «ребенок» как лицо, не достигшее возраста совершеннолетия (18 лет), нельзя назвать содержательным и отражающим в полной мере суть правового статуса данного субъекта правоотношений, т.к. его наполнение варьируется внутри российской правовой системы в контексте различных отраслей права, исходя из целей и задач, которые включаются в предмет правового регулирования каждой отрасли. Соответственно, данная норма требует корректировки в целях унификации категориального аппарата в отношении понятия «ребенок».

Семейное право, как отрасль, выступающая ведущей в рамках регулирования семейных отношений, содержащая нормы, которые регулируют отношения по установлению происхождения детей, определению степени родства, права и обязанности членов семьи, дефинитивную конструкцию «ребенок» основывает на ст. 1 Конвенции о правах ребенка

Названная выше Конвенция под ребенком понимает «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»[4].

Дублируя общепризнанные нормы международного акта, СК РФ употребляет термин «ребенок» в двух аспектах:

- первый аспект – в рамках квалификации правового статуса специального субъекта семейных правоотношений (например, ст. ст. 54–60, 67–79 и др.);
- второй аспект – для установления биологической связи лица с родителями, а также степени родства с иными родственниками (ст. ст. 85, 87, 88).

При этом буквальное толкование дефиниции «ребенок», закрепленной в п. 1 ст. 54 СК РФ, может быть применено только в контексте первого аспекта, т.к. при установлении происхождения ребенка его возраст не имеет значения именно в рамках установления данного юридического факта. Соответственно, во втором аспекте возрастной ценз не является определяющим для понимания категории «ребенок».

Таким образом, на лицо многовариантность трактовки категории «ребенок» в его лексико-формальном понимании. Не облегчает задачу и употребление в семейно-правовых нормах категории «дети», под которыми, например, в рамках статей 85, 87, 88 СК РФ законодатель понимает совершеннолетних лиц (о чем делается уточнение в указанных нормах).

Сказанное позволяет констатировать, что категория «ребенок» как специальный субъект правоотношений, обладающий особым правовым статусом, должна иметь особую универсальную дефиницию в нормах СК РФ с учетом воз-

возможности ее уточнения в нормах других отраслей права, исходя из их предмета правового регулирования, поставленных целей и решаемых задач.

Нормы международных актов (Конвенция о правах ребенка, Декларация прав ребенка), а также национальное законодательство устанавливают необходимость особой заботы и защиты ребенка в связи с его физической и психологической незрелостью.

Соответственно, основной упор в действующих международных нормативно-правовых актах делается именно на возрастном цензе, но с оговоркой о возможности его снижения при наличии установленных законом юридически значимых обстоятельств.

Поэтому, было бы правильным изложить п. 1 ст. 54 СК РФ с учетом норм международных актов, но с технико-юридической доработкой и с учетом двух аспектного применения категории «ребенок» действующим СК РФ.

Также следует обратить внимание, что употребление в Конвенции о правах ребенка формулировки «любое человеческое существо» дало поле для широкой трактовки момента начала охраны прав ребенка: с момента зачатия или с момента рождения.

Например, Конституции Венгрии (ст. 2), Словакии (ст.15), Филиппин (ст. 12), Сальвадора (ст.1) закрепляют возникновение права на жизнь нерожденного ребенка, устанавливая в качестве начала жизни момент зачатия ребенка [5].

Пункт 2 Ст. 17 Конституции РФ закрепляет, что права и свободы принадлежат человеку от рождения.

В соответствии со ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов [6]. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» устанавливает медицинские критерии рождения [7].

Таким образом, в России специальный правовой статус ребенка приобретает с момента рождения.

Хотя, следует отметить, что в рамках наследственных правоотношений применяется такая категория, как «наститурус», т.е. зачатый при жизни наследодателя и рожденный после его смерти наследник. При наличии такой ситуации нотариус приостанавливает выдачу свидетельств о праве на наследство до момента рождения ребенка, который будет претендовать на долю наследства. Соответственно, по общей российской правовой доктрине субъекта правоотношений еще нет, т.к. не произошел факт рождения, а права и обязанности уже возникли.

Считаем, что следует соотносить и разграничивать также такие понятия как «ребенок», «малолетний», «несовершеннолетний».

Эти категории связаны с возрастным цензом, но имеют разные по правовой сути пределы дееспособности. Можно сказать, что категория «ребенок» является объединяющей в рамках возрастных границ для двух следующих терминов, указанных выше, но последние не имеют значения для категории «ребенок» в

случае установления правовой связи с родителями и иных членов семьи.

Исходя из вышесказанного, следует пункт 1 ст. 54 СК РФ сформулировать следующим образом: «Ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Ребенком признается лицо независимо от возраста в целях установления происхождения, степени родства и иной правовой связи между членами семьи».

Следовательно, категория «ребенок» может применяться в нескольких аспектах, а категории «малолетний» и «несовершеннолетний» только в связи с обозначением носителя прав и обязанностей как лица, не достигшего определенного законом возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: в ред. от ред. от 31.07.2023 // Российская газета. – 1996. – № 17.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020; изм. от 06.10.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: в ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI. – 1993.
5. Библиотека Конституций // <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 10.09.2024).
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ: в ред. от 08.08.2024 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 22.11.2011.
7. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27.12.2011 г. № 1687н: в ред. от 13.10.2021 // Российская газета. – 2012. – № 64.

УДК 343

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ АФФЕКТА

Кондрашов Илья Андреевич, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st802389@ruc.su

PSYCHOPHYSIOLOGICAL AND LEGAL CRITERIA OF AFFECT

Kondrashov Ilya Andreevich, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Исследование направлено на изучение психофизиологических и юридических аспектов аффекта в контексте уголовного права. В статье освещается многогранность аффекта как со-

стояния, вызванного внезапным сильным душевным волнением из-за насильственных или аморальных действий потерпевшего. Анализируются психологические и физиологические механизмы, влияющие на поведение преступника, и юридические последствия такого состояния для оценки степени вины и назначения наказания. Особое внимание уделяется судебной практике и квалификации действий, совершенных в состоянии аффекта, подчеркивая сложности в интерпретации и оценке аффективных состояний в рамках современного уголовного законодательства. Исследование предлагает комплексный взгляд на аффект, рассматривая его через призму современных научных и юридических критериев, и делает акцент на необходимости дифференцированного подхода к каждому случаю преступления, совершенного в аффективном состоянии.

Ключевые слова: убийство, состояние аффекта, Уголовный кодекс РФ, снижение вменяемости, физиологический аффект, психологическое состояние преступника, квалификация преступления, алкогольное опьянение.

The study is aimed at studying the psychophysiological and legal aspects of affect in the context of criminal law. The article highlights the versatility of affect as a state caused by sudden strong emotional distress due to violent or immoral actions of the victim. The psychological and physiological mechanisms influencing the behavior of the offender and the legal consequences of such a state for assessing the degree of guilt and sentencing are analyzed. Particular attention is paid to judicial practice and the qualification of actions committed in a state of affect, emphasizing the difficulties in interpreting and assessing affective states within the framework of modern criminal legislation.

Keywords: murder, state of affect, Criminal Code of the Russian Federation, decreased sanity, physiological affect, psychological state of the criminal, qualification of the crime, alcohol intoxication.

Аффект представляет собой как моментально возникающее интенсивное эмоциональное волнение. Сильное чувственное волнение может быть спровоцировано насильственными действиями, жестоким обращением или глубокими оскорблениями, что порождает у пострадавшего резкую эмоциональную реакцию. Установление наличия состояния аффекта значительно смягчает уголовную ответственность, поскольку учитывает уменьшенную способность лица контролировать свои поступки, что своим образом влияет на строгость назначаемого наказания.

По мнению психиатра Ш. З. Гаджиева, аффект является интенсивным, но обычно коротким по времени эмоциональным всплеском, в ходе которого индивид теряет способность действовать согласно своим волевым качествам, посредством того, что нарушается нормальное функционирование всего организма и препятствует адекватному и полному осознанию последствий своих действий [1; 5].

В современном мире, где роль стресса и эмоционального напряжения становятся все более значимыми, изучение психоэмоциональных состояний человека становится критически важным аспектом для исследований в области юриспруденции и психиатрии.

Так, в области юриспруденции особенно внимательно анализируются специфические психофизиологические состояния, такие как аффект, которые имеют значительное влияние на оценку и квалификацию деяний. Постоянное пребывание в условиях высокого уровня стресса способно нарушить возможность индивида контролировать свои действия. Установление наличия такого специ-

фического состояния, как аффект, описываемое как мгновенное возникновение глубокого эмоционального волнения, требует наличия специальных познаний со стороны высококвалифицированных специалистов, которые должны руководствоваться при его установлении строгими научными критериями в области психиатрии.

Во времена СССР С. Л. Рубинштейном в работе «Основы общей психологии» подробно было описано состояния аффекта со всеми его ключевыми признаками. Он указывал на то, что аффект проявляется внезапно и интенсивно, оставаясь вне зоны контроля сознательного восприятия человека [2; 6].

«Аффект как мощную, обычно непродолжительную эмоциональную реакцию, возникающую в экстремальных ситуациях, когда человек не находит подходящего способа реагирования на внезапно возникшие угрожающие обстоятельства» описывает В. С. Вилюнас [3].

Прежде чем аффект полностью овладеет психикой, должно пройти несколько обязательных фаз, которые в критической ситуации приводят к возникновению резкого эмоционального потрясения, способного спровоцировать преступные действия под влиянием этого состояния.

Так, у психотравмирующей ситуации в психологии как правило принято выделять следующие 3 фазы каждая из которых представляет интерес для детального психологического и юридического анализа:

Начальная фаза, или доаффективная, характеризуется эмоциональным напряжением, возникающим в ответ на провокационные действия или слова, которые воспринимаются как аморальные или глубоко оскорбительные. В этот период человек ещё не демонстрирует видимой реакции и никак не реагирует, однако несмотря на это внутреннее напряжение уже значительно усиливается, что ставит начало потенциальному аффекту.

По мере приближения состояния аффекта ко второй фазе, можно наблюдать начало эмоционального всплеска, при котором сознание начинает постепенно и поэтапно сужаться, в результате чего человек теряет полноту осознания возможных последствий своих действий. Как правило, в таком состоянии уже значительно нарушено восприятие реальности, а действия могут радикально отличаться от обычных жизненных ценностей индивида, что говорит о значительном снижении механизмов контроля психики.

Постаффективная фаза, часто сопровождается так называемым в психиатрии «просветлением», когда человек «просыпается» и осознает реальность и суть произошедшего.

Типичными признаками этого периода являются психическое и физическое истощение, а также глубокие переживания или, напротив, облегчение от осознания окончания стрессовой ситуации. Данная фаза критически важна для юридической оценки состояния виновности, поскольку позволяет анализировать степень осознанности и контроля над своими действиями в момент совершения преступления.

Сравнительный анализ этих фаз предоставляет возможность лучше понять динамику аффекта и его влияние на поведение человека, что в свою очередь имеет ключевое значение для оценки его действий с правовой точки зрения.

Определение момента перехода от одной фазы к другой и их взаимосвязь могут служить основанием для разработки более эффективных методов квалификации деяний и выявления состояния аффекта.

По мнению Д.Ю. Вельтищева при сформированных стрессовых расстройствах ведущим является тревожный аффект как неспецифическое возбуждение, формирующее ядерный аффект [4].

В своей работе данный ученый выделил такой тип аффекта, как ядерный аффект – эмоциональное физическое состояние, которое характеризуется продолжительностью и устойчивостью.

Если же рассматривать состояние аффекта в контексте медицины и медицинской науки, то можно выделить следующие 2 его формы: физиологический и патологический, каждая из которых имеет присущие только ей черты, а также последствия для понимания поведенческих реакций человека.

Физиологический аффект определяется как состояние, возникающее в результате внезапного сильного душевного волнения, которое обычно проявляется кратковременным эффектом. В такие моменты, хотя человек и сохраняет общее понимание ситуации, его способность контролировать свои действия может быть заметно ослаблена.

Напротив, патологический аффект часто связан с глубоким помрачением сознания, вплоть до частичной или полной потери памяти, и обычно встречается у лиц, страдающих определенными психическими расстройствами. Такое состояние как правило ведёт к более длительным и серьёзным нарушениям в поведении человека.

При этом важно отметить, что в случае физиологического аффекта основные когнитивные функции, такие как восприятие и осознание реальности, остаются относительно неизменными, тогда как патологический аффект может привести к их значительному ухудшению.

Однако сам по себе факт нахождения человека в таком состоянии несмотря на то, что он не осознает характер своих действий не говорит о том, что его действия становятся полностью бессознательными. Такое состояние характеризуется отсутствием ясного сознания и невозможностью контроля своего поведения.

При этом при расследовании преступлений ключевым является вопрос «вменяемости», основанный на том, что патологический аффект исключает вменяемость, а физиологический лишь ограничивает. Говоря о правовых оценках аффекта, данное состояние необходимо подтверждать заключением судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Важно при этом отметить, что судья может сам определять имелось ли состояние аффекта у подсудимого или нет в момент совершения деяния без наличия обязательного заключения эксперта признающего для квалификации деяния по ст. 107 УК РФ.

В рамках рассмотрения кейса из судебной практики, можно проанализировать процесс перекалфикации действий С. А. из ч. 1 ст.105 УК РФ (убийство) в ч. 1 ст.107 УК РФ (убийство в состоянии аффекта). В ходе рассмотрения дела было установлено, что С. А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в

селе С. Района П., нанесла своему сыну в результате конфликта шесть ударов топором по голове, что привело к его смерти на месте происшествия.

Действия С. А. были первоначально квалифицированы как убийство, однако судебная коллегия, пересмотрев доводы защиты и обстоятельства дела, пришла к выводу о наличии состояния аффекта. Анализ ситуации показал, что потерпевший регулярно оказывал психотравмирующее воздействие на С. А., в том числе физическое насилие, что и стало катализатором для реакции обвиняемой в виде аффекта. В день инцидента между С. А. и её сыном произошёл конфликт, в ходе которого сын агрессивно вёл себя, оскорблял, а потом напал на С. А. применяя грубую физическую силу, что в конечном итоге спровоцировало её на крайнюю меру.

Принимая во внимание многочисленные показания данные свидетелями и аргументы, которые указывают на систематическое насильственное поведение потерпевшего в отношении С. А., суд постановил изменить квалификацию преступления с убийства (ст. 105 УК РФ), на убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Особый интерес в данном уголовном представляет то, что суд не опирался только на результаты психолого-психиатрической экспертизы, как на самое значимое доказательство, а вместо этого приговор был вынесен на основе анализа всех представленных суду допустимых доказательств. Тем самым реализовав на практике принцип равенства доказательств и гласящий о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» закрепленный в ст. 17 УПК РФ [5].

Таким образом, несмотря на закрепление в уголовном законодательстве такой дефиниции как аффект на практике возникают трудности при квалификации аффективных деяний вызванные отсутствием данной дефиниции в правовых актах регламентирующих деятельность лиц, обладающих специальными познаниями в области человеческой психики и устанавливающими наличие или отсутствие данного состояния у виновного лица [6].

Следовательно, в действующее законодательство в области здравоохранения необходимо внести изменения в виде закрепления такой дефиниции как «аффект». При этом данное определение необходимо закрепить в приказе Минздрава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018 № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. 2018. № 18. Ст. 2515.
2. Надзорное определение Верховного суда Российской Федерации от 28 октября 2002 г. N31-Дп02–23. Электронный ресурс. // Суд. Библиотека. – URL: https://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_22268.htm (дата обращения: 08.09.2024)
3. Виллюнас, В. С. Психические, психофизиологические процессы или явления / В.С. Виллюнас. Электронный ресурс. // Большая Российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/affekt-ee2b02> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Вельтищев, Д. Ю. Аффективная модель стрессовых расстройств, ядерный аффект и депрессивный спектр / Д. Ю. Вельтищев. – 3-е изд. – Москва : Социальная клиническая психометрия, 2006. – С.104–108.

5. Гаджиев, Ш. 3. Проблематика квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта». – 16-е изд. – Санкт-Петербург : Молодой ученый, 2022. – С. 184–186.

6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн // Fort/Da. – URL: http://www.nicevt.ru/wp-content/uploads/2019/10/rubinshteynosnovu_obzhey_psc.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

УДК 343

ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Кондрашов Илья Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su

HISTORICAL AND COMPARATIVE ASPECT OF MURDER COMMITTED IN A STATE OF AFFECT

Kondrashov Ilya Andreevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В работе была выявлена и проанализирована тенденция развития (эволюции) норм права, устанавливающих уголовную ответственность за аффективное убийство. Особое внимание при этом уделяется Уложению 1845 г., а также изменениям в уголовную ответственность за данную категорию преступления внесённым в 1871 г., посредством которых была смягчена уголовная ответственность за аффективное убийство, вызванное провоцирующими действиями со стороны потерпевшего.

В работе также производится сравнение подходов к уголовной ответственности за убийство в состоянии аффекта в различных юрисдикциях: США, Великобритании и Германии. В каждой из данных стран понимание и уголовно-правовая квалификация аффекта реализуется и правоприменяется по-разному, отражая культурные и правовые особенности. В США действует доктрина «heat of passion», снижающая степень преступления до убийства второй степени при наличии адекватной и соразмерной провокации. В Великобритании применяется концепция «loss of control», позволяющая переqualificировать убийство в добровольное убийство без предумышленности. В Германии ключевой особенностью является снижение вменяемости из-за существенного душевного волнения, спровоцированного внешними факторами.

Ключевые слова: убийство, аффект, сравнительный анализ, историческое развитие законодательства, Уголовный кодекс РФ, heat of passion, loss of control, снижение вменяемости, правовые системы, психологическое состояние преступника, смягчение наказания, провокация.

The paper identifies and analyzes the development trend (evolution) of legal norms establishing criminal liability for affective homicide. Particular attention is paid to the Code of 1845, as well as to the amendments to criminal liability for this category of crime introduced in 1871, through which criminal liability for affective homicide caused by provocative actions on the part of the victim was mitigated.

The paper also compares approaches to criminal liability for homicide in a state of passion in various jurisdictions: the USA, Great Britain and Germany. In each of these countries, the understanding and criminal-legal qualification of passion is implemented and applied differently, reflecting cultural and legal features. In the USA, the doctrine of "heat of passion" is in effect, reducing

the degree of crime to second-degree murder in the presence of adequate and proportionate provocation. In Great Britain, the concept of "loss of control" is used, allowing to reclassify murder as voluntary homicide without premeditation. In Germany, the key feature is a decrease in sanity due to significant mental disturbance provoked by external factors.

Keywords: murder, affect, comparative analysis, historical development of legislation, Criminal Code of the Russian Federation, heat of passion, loss of control, decreased sanity, legal systems, psychological state of the criminal, mitigation of punishment, provocation.

Правовые нормы, посредством которых вводится и закрепляется уголовная ответственность за убийство в состоянии аффекта, постоянно эволюционировали и изменялись.

Особое внимание вызывает Уложение от 1845 г., посредством которого была установлена уголовная ответственность в виде каторжных работ сроком на 10-12 лет за убийство в измененном психическом состоянии, так называемом состоянии «запыльчивости» в случае если при этом лицо осознавало противоправность своего деяния.

Спустя 26 лет в Уложение было внесено изменение, согласно которому при наличии таких обстоятельств как: «насильственные действия или серьёзные оскорбления, раздражающие виновное лицо» минимальная планка уголовной ответственности была снижена до 4 лет. Тем самым с момента внесения данных изменений в Уложение стал признаваться и учитываться при назначении наказания факт психофизиологическое состояния преступника, вызванного определёнными обстоятельствами в виде действия со стороны потерпевшего.

«Наказание за убийство не должно смягчаться, если умысел на убийство возник в состоянии аффекта, но сам акт убийства был совершен осознанно и хладнокровно, а также в случаях, когда умысел, возникший в состоянии аффекта, был реализован осмысленно» [1; 2].

В Проекте Уголовного Уложения аффектированные убийства были выделены в отдельную категорию (ст. 387 ПУУ) и были представлены в следующем виде: «лицо, совершившее убийство, задуманное и выполненное в момент сильного душевного волнения, подлежит наказанию каторгой на срок до 8 лет».

При этом если была провокация со стороны потерпевшего в виде насилия, то такая мера наказания как каторга не применялась и заменялась на наказание в виде исправительного дома. Таким образом ключевым фактором, учитываемым при назначении наказания за совершенное деяние и его квалификацию стало поведение со стороны потерпевшего [2; 3].

Так, анализ уголовного законодательства дореволюционного исторического периода позволяет проследить, как менялось отношение к убийствам, совершенным в состоянии аффекта, с акцентом на важность учета обстоятельств, способных спровоцировать такое состояние, что в свою очередь подчеркивает тенденцию к более глубокому пониманию мотивов и условий, при которых происходит преступление, а также служит основанием для дифференцированного подхода к определению уголовной ответственности и соответствующего размера наказания.

В настоящее время, по сравнению с советскими временами стали значительном образом с 3 до 6 расширены вызывающие аффект основания (ст. 107 УК РФ).

Так действующий УК РФ содержит 3 новых основания:

- 1) издевательство;
- 2) аморальные действия;
- 3) длительная психотравмирующая ситуация, возникшая вследствие систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего [3,1].

Помимо изменений, связанных историческими факторами в рамках компаративистского анализа важно отметить, что убийство в состоянии аффекта – это преступление, состав, признаки и ответственность за которое различается еще и в законодательствах разных стран.

В России, например, состояние аффекта может служить как обстоятельство, смягчающее наказание, так и фактором, определяющим квалификацию преступления, в зависимости от фактических обстоятельств дела. Однако интересно сравнить это с законодательством других стран, таких как США, Великобритания и Германия, для понимания общих тенденций и различий в подходах к ответственности по данным составам:

Так, в российском законодательстве, как указано в ст.ст. 107 и 113 УК РФ, убийство или причинение вреда здоровью в состоянии аффекта рассматривается как чрезвычайное психическое волнение, вызванное действиями жертвы, что снижает общественную опасность деяния и размер наказания.

В американском праве концепция аффекта часто обсуждается в контексте «heat of passion» в рамках убийства второй степени. Если доказано, что убийство совершено в момент сильного эмоционального всплеска, вызванного достаточно серьезным провокационным действием жертвы, это ведёт к снижению степени вины с убийства 1-й степени до убийства 2-й степени, что в свою очередь существенно влияет на снижение наказания.

Один из интересных случаев в США, связанных с убийством в состоянии аффекта, – это дело *People v. Berry*. Этот случай стал известен благодаря необычной интерпретации доктрины «heat of passion» апелляционным судом Калифорнии.

Хотя между признанием измены жены и убийством прошло достаточно времени для «остывания», Верховный суд Калифорнии признал, что провокация в данном случае была достаточной для снижения квалификации преступления с убийства до добровольного убийства (*voluntary manslaughter*).

Судебное решение обусловлено тем, что, несмотря на временной промежуток, суд признал эмоциональное состояние обвиняемого непрерывно возбужденным вплоть до момента совершения убийства. Это решение подчеркивает, что в некоторых случаях не столько время между провокацией и действием, сколько непрекращающееся воздействие сильного эмоционального стресса может оказать значительное влияние на уголовную ответственность.

Дело *People v. Berry* является примером, как в юрисдикциях США применяется концепция «heat of passion» для смягчения наказания в случаях, когда преступление совершается под влиянием сильного душевного волнения, вызванного достаточной провокацией. Это также иллюстрирует важность психологического состояния обвиняемого и обстоятельств, предшествующих преступлению, в оценке его действий судом [4].

В британском праве состояние аффекта рассматривается как «provocation», что ранее квалифицировалось как убийство без预умышленности («voluntary manslaughter»). После изменений в уголовном законодательстве при квалификации деяния суд должен учитывать провокацию или потерю самоконтроля как фактор, смягчающий наказание, но не изменяющий квалификацию преступления.

Так, показательным является дело *R v. Duffy* (1949). Этот случай стал ключевым в понимании и применении доктрины «voluntary manslaughter» в британском уголовном праве.

Обвиняемая, Мэрилин Даффи, убила своего мужа ударами молотка после многолетнего физического и психологического насилия. Она действовала в состоянии, описанном как «внезапно возникшее сильное душевное волнение», вызванное последним актом насилия со стороны мужа. Суд признал, что, хотя Даффи действовала умышленно, её вина была значительно смягчена обстоятельствами, что позволило квалифицировать преступление как «voluntary manslaughter» вместо убийства.

Важным элементом в данном деле было признание, что непосредственное душевное волнение, спровоцированное жертвой, может служить основанием для смягчения наказания за убийство до добровольного убийства без预умышленности. Дело Даффи послужило важным прецедентом, уточнившим и расширившим понимание судами факторов, которые должны быть учтены при определении степени ответственности и наказания за подобные преступления.

Решение по делу Даффи продемонстрировало важность учета личных обстоятельств обвиняемого и возможность правовой системы применять гуманный подход к оценке действий, совершенных под воздействием сильного стресса. Этот случай стал прецедентным в юриспруденции Великобритании и использовался в качестве прецедента в защиту других обвиняемых, оказавшихся в схожих обстоятельствах [5].

В Германии аффект (*Affekt*) рассматривается как значительное снижение вменяемости в момент совершения преступления. Если будет доказано, что в момент совершения преступления лицо находилось в состоянии глубокого душевного волнения, это смягчает наказание. При этом всё такое состояние обязательно должно быть вызвано серьезной провокацией со стороны потерпевшего.

Sc. и Wt. работали в одной компании в Штутгарде. Между ними длительное время сохранялись напряженные отношения из-за профессиональной ревности и конфликтов на рабочем месте. Ситуация обострилась после того, как S. получил повышение, на которое также претендовал Wt. По версии обвинения, в день происшествия во время корпоративной вечеринки S. оскорбил W. в присутствии коллег, что вызвало у последнего внезапное сильное душевное волнение.

В состоянии сильного аффекта, вызванного оскорблением, W. подошел к S. и в ходе дальнейшей ссоры нанес ему несколько ударов кулаком, в результате чего W. упал и ударился головой о край стола, что привело к его смерти. S. сразу же вызвал скорую помощь и полицию, признался в содеянном и выразил сожаление по поводу своих действий.

Данный кейс рассматривался в рамках §33 Strafgesetzbuch (УК Германии), который позволяет суду учитывать сильное душевное волнение как смягчающее обстоятельство. Важным аспектом в данном случае было то, что действия S. были прямым и немедленным ответом на провокацию, что является ключевым элементом для применения §33.

В ходе судебного разбирательства были рассмотрены психологические экспертизы, подтверждающие, что S. действовал в состоянии временно ухудшенной способности контролировать свои поступки. Суд пришел к выводу, что, хотя S. и совершил убийство, его действия были спровоцированы действиями жертвы. В результате S. было назначено наказание в виде двух лет условного заключения с обязательным прохождением курса психологической реабилитации.

Таким образом разные юридические системы по-разному подходят к этому вопросу, отражая культурные, исторические и правовые особенности в обработке случаев убийств, совершенных в состоянии аффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018 № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2018. – № 18. – Ст. 2515.
2. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву: Часть особенная. – Санкт-Петербург, 1894. – 115 с.
3. Уголовное Уложение. Проект Редакционной Комиссии и объяснения к нему. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 6. – Гл. 20–27.
4. People v. Berry. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/People_v._Berry (дата обращения: 15.10.2024)
5. House of Lords – Regina v. Smith (On Appeal From The Court of Appeal (Criminal Division)). – URL: publications.parliament.uk (дата обращения: 15.10.2024).

УДК 343

УБИЙСТВО В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Кондрашов Илья Андреевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802389@ruc.su

MURDER IN A STATE OF AFFECT: COMPOSITION OF THE CRIME AND ITS PROBLEM ASPECTS

Kondrashov Ilya Andreevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В рамках настоящего юридического исследования осуществляется глубокий анализ проблематики, связанной с квалификацией убийства в состоянии аффекта, предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации. Судебно-правовая практика выяв-

ляет значительные сложности в правильном и объективном применении данной нормы, что обусловлено несовершенством законодательного определения ключевых концепций и терминов, таких как «аффект». Изучение данной проблематики позволяет констатировать, что отсутствие унифицированного и четко артикулированного определения аффекта ведет к диспаратности в правоприменении и интерпретации судебными органами, что снижает эффективность правосудия в целом.

Ключевые слова: уголовное наказание, убийство, уголовно-правовой характер, аффект, квалификация преступлений, привилегированные составы.

Within the framework of this legal study, a deep analysis of the problems associated with the classification of murder in a state of passion, provided for in Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation, is carried out. Judicial practice reveals significant difficulties in the adequate application of this norm, which is due to the imperfection of the legislative definition of key concepts and terms, such as "affect". The study of this problem allows us to state that the lack of a unified and clearly articulated definition of affect leads to disparity in law enforcement and interpretation by judicial bodies, which reduces the effectiveness of justice in general.

Keywords: criminal punishment, murder, criminal-legal nature, affect, qualification of crimes, privileged compositions.

Вопросы определения основных правовых аспектов в отношении убийств, совершенных в состоянии аффекта изучали такие специалисты, как В. М. Лебедев, А. В. Наумов и др., особо интересны научные публикации таких авторов, как Г. Н. Борзенкова, В. И. Ткаченко, С. Шишкова и др.

Уголовное законодательство России идентифицирует убийство, совершенное в состоянии аффекта, как преступление, совершаемое под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством, тяжким оскорблением или другими противоправными действиями потерпевшего [1].

Тем не менее, возникают проблемы, связанные с квалификацией данных деяний, вызванные отсутствием однозначности в определении понятия «аффект», а также несовершенством указаний на категории лиц, чье поведение может спровоцировать такое состояние. При этом основная сложность квалификации данных составов преступлений проистекает из субъективной стороны, которая, будучи пронизана психологическими особенностями аффекта, требует особой внимательности при правоприменении.

Сущность аффекта как юридического и психологического феномена заключается в его способности изменить психическую активность лица, приводя к временной дезорганизации волевых и когнитивных функций, что ставит под вопрос возможность осознанного формирования умысла на совершение преступления. В контексте уголовного права это создаёт предпосылки для разработки более дифференцированных подходов к оценке деяний, совершаемых под влиянием сильного аффекта, учитывая его непосредственное воздействие как на механизмы принятия решений и поведенческие реакции, так и на весь организм в целом [2].

Специфическое состояние аффекта, проявляющееся в внезапно возникшем сильном душевном волнении, представляет собой феномен, характеризующийся кратковременным, но интенсивным нарушением волевой регуляции и сужением поля сознания, которое провоцирует на немедленную «разрядку» и вызы-

вает активные действия, которые как правильно носят импульсивный характер, повторяются и совершаются с особой жестокостью [3; 5].

Это состояние сильного эмоционального возбуждения вызывает значительные трудности при определении умысла, поскольку детерминирует специфику восприятия обстоятельств субъектом, влияя на его способность к рефлексии и критическому осмыслению своих действий. Убийства в состоянии аффекта могут совершаться только с косвенным внезапно возникающим умыслом. При всем этом лицо подлежит уголовной ответственности так человек способен подавлять начало аффекта на первом этапе его развития.

Признание аффекта как фактора, способного влиять на уровень уголовной ответственности, выражает гуманистический подход к правоприменению, при котором закон стремится учитывать все обстоятельства индивидуального случая, обеспечивая тем самым справедливость и соразмерность наказания совершённого деянию [3; 4].

Субъектом этого преступления является вменяемый человек (физическое лицо), достигший 16-летнего возраста, субъективная сторона характеризуется косвенным внезапно возникающим умыслом. Объектом – жизнь человека, объективной стороной – лишение жизни другого человека, в форме действия и в форме бездействия. Для квалификации деяния по ст. 107 УК РФ требуется обязательный признак состава преступления – это аффектированное состояние субъекта в момент убийства.

Одной из основных проблем, выявленных в ходе исследования, является отсутствие единой методологии в оценке и доказывании наличия аффекта в момент совершения преступления. Это обусловлено не только междисциплинарной природой данного явления, затрагивающей как психологические, так и юридические аспекты, но и недостаточной законодательной регламентацией, касающейся конкретных критериев, которые должны быть учтены при квалификации подобных деяний.

Кроме того, существует ряд трудностей в определении субъективной стороны преступления. Важно точно установить, насколько действия потерпевшего могут быть признаны провоцирующими и как эти действия воспринимаются субъектом, что требует не только тщательного анализа обстоятельств дела, но и привлечения специализированных психологических и психиатрических экспертиз. Особенно это актуально, когда потерпевших множество.

Рассмотрим конкретный пример в виде дела вызвавшего широкий общественный резонанс: в настоящее время признанный виновным в убийстве и осужденный на 24,5 года солдат-срочник Рамиль Шамсутдинов совершил убийство восьмерых человек. Подсудимый, его отец и адвокат с целью существенного смягчения наказания подчеркивали, что преступление стало следствием дедовщины и в момент его совершения Рамиль был в состоянии аффекта и его деяния следовало квалифицировать по ст. 107 УК РФ.

Однако в контексте обсуждения возможности переквалификации уголовного дела Рамиля Шамсутдинова на статью об убийстве в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), необходимо взвешивать все аспекты и трудности, связанные с таким решением. Основной проблемой является установление факта наличия аф-

фекта, что требует подтверждения того, что Шамсутдинов действовал под воздействием внезапного и сильного душевного волнения, которое значительно ограничило его способность оценить ситуацию и контролировать свои действия. Однако, учитывая, что жертв было восемь, аргумент о том, что каждая из них прямо провоцировала его на такое состояние, абсолютно несостоятельно.

Даже если предположить, что двое или трое могли его провоцировать, возникает вопрос о совокупности преступлений, где убийства в состоянии аффекта сочетаются с убийствами, совершенными в более осознанном состоянии, что в любом случае усугубляет ответственность за убийство «двух и более лиц».

Таким образом, в данном деле мы видим стратегию защиты со стороны адвокатов направленную на попытку смягчения наказания и ухода от ответственности, поскольку доказать влияние аффекта на действия Шамсутдинова в отношении каждой жертвы индивидуально невозможно.

Для более глубокого понимания проблем, связанных с квалификацией убийства, совершенного в состоянии аффекта, можно рассмотреть следующие примеры из российской судебной практики:

1. Дело Каренова:

– В 2009 году Каренов был признан виновным в убийстве своей супруги, которое он совершил в состоянии аффекта, вызванного её признанием в измене. Суд первой инстанции признал наличие аффекта и применил статью 107 УК РФ, смягчив наказание до минимального. Однако апелляционная инстанция отменила этот вердикт, указав на недостаточность доказательств, подтверждающих внезапность и интенсивность волнения.

2. Дело Максимовой:

– В 2015 году Максимова была осуждена за убийство своего мужа, который длительное время её избивал. В момент совершения убийства она находилась в состоянии аффекта после очередного насильственного инцидента. Суд учел эти обстоятельства как смягчающие, признав аффект, но также указал на необходимость наказания за умышленное убийство, хотя и с минимальным сроком.

3. Дело Литвиненко:

– В 2017 году Литвиненко убил своего друга в ходе ссоры, которая быстро переросла в драку. Литвиненко заявил, что находился в состоянии аффекта, возникшего в ответ на угрозы и оскорбления. Суд первой инстанции признал, что аффект был, но его не считали достаточным для применения статьи 107 УК РФ, поскольку подсудимый мог уйти и избежать конфликта. Этот случай подчеркивает трудности в оценке поведения обвиняемого и его способности контролировать свои действия.

Эти случаи иллюстрируют различные аспекты судебной практики, связанные с убийствами в состоянии аффекта, включая трудности в оценке состояния аффекта, его причин и последствий для правоприменения. Они также показывают, как субъективные оценки судов могут влиять на исход дел и как важно обеспечить достоверность и объективность судебных разбирательств.

Так, разнообразие судебной практики по данной статье подчеркивает неоднозначность в интерпретации и применении нормы, что ведет к неопределенности в правоприменении и может приводить к несправедливости в оценке действий субъекта и выборе меры наказания.

Так же до настоящего времени нет однозначного решения в отношении квалификации деяния в случае смерти потерпевшего посредством нанесения вреда здоровью нападающим лицом.

Так, по настоящее время среди ученых правоведов существует 2 позиции по данному вопросу:

1) вне зависимости от последствий в виде наступления смерти потерпевшего виновный должен отвечать только за причинение вреда здоровью, совершенного в состоянии аффекта (А. Б. Мельниченко) [4; 5];

2) поскольку происходит повышение общественной опасности деяния подсудимым нужно вменять причинение смерти по неосторожности при этом учитывая, как отягчающее обстоятельство (Ю. А. Шель) [6].

Таким образом, аффект, как привилегированный состав преступления, представляет собой ключевую категорию в уголовном праве, требующую комплексного подхода к анализу и тонкой правовой регламентации, учитывающей все аспекты психоэмоционального состояния лица в момент совершения преступления.

Юридическая квалификация убийства в состоянии аффекта требует точного разграничения формы вины. Несмотря на то что традиционно убийство в состоянии аффекта ассоциируется с умышленными действиями, принимая в расчёт недетерминированность психического состояния виновного, возможна альтернативная квалификация, предполагающая наличие неосторожной формы вины, когда лицо не предвидело наступления общественно опасных последствий, но при должном контроле над своими действиями могло и должно было это сделать.

Для стабилизации правоприменительной практики необходимо четко разграничивать убийства, совершенные под влиянием аффекта, от других видов убийств. Это требует внесения поправок в законодательные акты, уточняющих условия, при которых аффект может рассматриваться как смягчающее обстоятельство, а также разработки методических рекомендаций для судей и следователей по оценке таких дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018 № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2018. – № 18. – Ст. 2515.
2. Гнездилова Д.С. Проблемы квалификации убийств, совершаемых в состоянии аффекта / Д.С. Гнездилова // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 2 (18). – С. 567-570.
3. Залиев А. Р. Убийство в состоянии аффекта: сложности уголовно-правовой квалификации / А. Р. Залиев, И. А. Медведева // В мире науки и инноваций : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 3 частях. – 2019. – 17 с.
4. Мельниченко, А. Б. Мотивы преступлений, совершаемых в состоянии аффекта // Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью. – 2017. – № 11. – С. 45–46.
5. Ремизов, М. В. Совершение преступления в состоянии общепсихологического аффекта: психологическая и уголовно-правовая характеристика, недостатки техники конструирования состава// 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации : материалы Международной научно- практической конференции /ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – 2022. – С. 196-203

УДК 34

**ПРОБЛЕМЫ ЛЬГОТНОГО ЛЕКАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Крылова Людмила Сергеевна, преподаватель

Харитоновна Мария Игоревна, преподаватель

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: l.s.krilova@ruc.su; m.i.haritonova@ruc.su

**PROBLEMS OF PREFERENTIAL DRUG PROVISION FOR CITIZENS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Krylova Lyudmila Sergeevna, Senior lecturer

Kharitonova Maria Igorevna, Senior lecturer

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с льготным лекарственным обеспечением. Проанализированы цели социальной политики в области предоставления льготных лекарственных препаратов. Выделены основные проблемы и представлены пути их решения в данной области.

Ключевые слова: лекарственные препараты, льгота, нуждающиеся граждане, денежная компенсация, медицинская помощь.

The article discusses the main issues related to preferential drug provision. The objectives of social policy in the field of providing preferential medicines are analyzed. The main problems are highlighted and ways to solve them in this area are presented.

Keywords: medicines, benefits, citizens in need, monetary compensation, medical care.

В соответствии с основным законом нашего государства, охрана жизни и здоровья граждан, являются одними из самых приоритетных и неотчуждаемых прав, защиту которых должно обеспечить государство. Жизненный уровень граждан, как правило, зависит от ряда составляющих, а именно, обеспечение жилой площадью, продуктами питания. Важным аспектом в данной группе прав является предоставление качественной медицинской помощи, что позволяет сохранить здоровье нации и будущего поколения страны.

Одним из важных компонентов системы здравоохранения является обеспечение и доступность лекарственных препаратов, особенно это важно для самых незащищенных категорий населения, в отношении которых государство должно проявлять поддержку на высоком уровне. Отмечается, что уровень жизни нетрудоспособных граждан, признанных в установленном порядке инвалидами, намного ниже, чем у работающего населения нашей страны.

Именно поэтому основной задачей системы здравоохранения является поддержание здоровья граждан, что в дальнейшем снизит нагрузку на бюджет государства, в части предоставления гарантий нуждающимся гражданам, пенсио-

нерам, инвалидам. Все это позволит сэкономить государственные ресурсы и направить их на другие немаловажные цели.

Главной задачей государства является защита интересов пациентов и обеспечение их безопасными лекарственными средствами путем регистрации и лицензирования лекарственных препаратов, системного контроля качества, рецептурного обеспечения, регулирования ценообразования и выплата компенсаций при покупке льготного лекарства за собственный счет. Предоставление льготных лекарственных препаратов закреплено на законодательном уровне, в свою очередь в обязанности органов государственной власти входит правильная и точная реализация данных норм, а также концепции распределения льготного лекарственного обеспечения.

В Российской Федерации, в зависимости от уровня бюджетного финансирования, льготные категории граждан получают лекарственные препараты за счет средств федерального и регионального бюджета.

Федеральным льготникам данный вид помощи предоставляется в рамках закона о государственной социальной помощи, в виде набора социальных услуг, либо возмещение его в денежном эквиваленте.

Государственная социальная помощь как система мер, программ и механизмов, представляя собой гарантию уязвимых слоев населения в области получения материальной и иной поддержки с целью повышения уровня и качества жизнедеятельности, оказывает ключевое значение на многие сферы деятельности государства, повышая уровень развития экономики страны [1].

На уровне субъектов льготное лекарственное обеспечение предоставляется в рамках получения медицинской помощи при амбулаторном лечении. Сумма финансирования рассчитывается по формуле, согласно которой количество граждан необходимо умножить на норматив затрат и умножить на двенадцать месяцев.

Динамика численности пациентов, получающих лекарства на льготных условиях, за последние три года значительно выросла и составляет порядка восьмисот двадцать четыре тысячи граждан. Исходя из приведенных данных из федерального бюджета выделяется порядка десяти миллиардов рублей.

Основываясь на данных исследования Всероссийского союза пациентов, стоит отметить, что есть определенный пласт весомых проблем в области обеспечения лекарственными препаратами льготных категорий граждан, среди которых это отсутствие необходимого препарата в аптеке, определенные сложности в получении рецепта, что приводит человека к необходимости приобретать его за собственные средства. Одним из весомых минусов является тот факт, что за счет федерального бюджета предоставляются только те препараты, которые внесены в список федеральных лекарственных средств и внесение изменений в данный список представляет собой достаточно длительный и трудный путь.

Так же, одними из важных проблем, программы льготного лекарственного обеспечения, является отсутствие страхового принципа, недостаточность финансового обеспечения, выдача препаратов согласно перечню жизненно важных лекарственных средств, по сути под действие программы подпадают только пациенты с тяжёлыми заболеваниями, такими как гемофилия, муковисцидоз, злокачественные новообразования и т.д.

Стоит отметить тот факт, что перечень жизненно важных лекарственных препаратов не обновлялся уже достаточно длительный период времени, и только в 2023 году комиссия Министерства здравоохранения возобновила свою работу, но по итогу рассмотрели только шестьдесят препаратов, которые пациенты могут получать на льготной основе. В данный перечень не вошли ряд препаратов, которыми могли бы воспользоваться льготники, страдающие онкологическими заболеваниями. А причиной тому стало отсутствие государственного финансирования за закупку препаратов. По итогу заседания комиссии, из всего перечня рассмотренных препаратов, в список жизненно необходимых добавили только двадцать один препарат, из этого числа только два препарата предназначены для лечения онкологии.

Решением проблемы может стать рост производства отечественных препаратов именно для орфанных, то есть редких заболеваний, так в основном данные препараты для них изготавливаются в зарубежных странах. Несомненно, чтобы охватить максимальное количество пациентов, достаточно трудно, в условиях сложившейся ситуации в стране, но также важно не забывать о незыблемости социальных прав граждан нашего государства, таких как право на жизнь и наивысший уровень здоровья.

Анализируя период распространения новой коронавирусной инфекции, необходимо отметить, что наблюдалась четкая проблема с несвоевременной выпиской лекарственных препаратов, так как число льготников значительно выросло и соответственно увеличилась финансовая нагрузка на федеральный и региональный бюджет.

Определенный ряд проблем касается льготного лекарственного обеспечения пациентов со злокачественными новообразованиями, так как есть определенная разница, касающаяся суммы денежных средств, выделяемая на каждого пациента, как с федерального, так и с регионального бюджета. Создаются весьма неравные условия лечения таких пациентов в субъектах Российской Федерации. Существует проблема недостаточной урегулированности реальных потребностей пациентов в необходимых лекарствах.

Обеспечению лекарственными препаратами, взаимозаменяемости препаратов в условиях санкции в отношении России, на льготных условиях, сегодня, уделяется достаточно большое внимание. Причинами дискуссий являются такие актуальные вопросы как экономический аспект применения дженериков, их качество, безопасность, эффективность и ценовая доступность, так как более 70 % населения приобретают препараты за собственный счет.

Важно еще понимать, будет ли сохранен терапевтический эффект для пациента при замене оригинала лекарства, которое порой подбирается достаточно долго, чтобы был результат, на взаимозаменяемый препарат.

На начало 2024 года наблюдается значительный рост жалоб от граждан по льготному обеспечению жизненно важными лекарствами. Субъектный состав участников правоотношений по обеспечению лекарственными средствами на льготной основе включает в себя гражданина, нуждающегося в бесплатном лекарственном обеспечении, медицинскую организацию и органы государственной власти.

Достаточно часто возникают споры, связанные с нарушением прав пациентов, о чем свидетельствует обширная судебная практика, а также широкий спектр правовых проблем [2]. Обобщив и проанализировав результаты судебной практики, согласно данным представленным СудАкт, распределение судебных дел рассматриваемой категории по субъектам Российской Федерации за текущий год следующее: Санкт-Петербург, Волгоградская область, Московская область, Алтайский край по 5 дел в каждом субъекте, в Республике Башкортостан 6 дел, Костромская область и Владимирская область 9 дел, в Краснодарском крае по указанной категории было рассмотрено 11 дел, в Новгородской области 16 дел и самое большое количество дел составило в Ульяновской области - это 44 дела.

Исходя из причин подачи искового заявления, наибольшее количество требований касались необеспечение льготополучателя лекарственными препаратами - 166 дел, возмещение денежных средств, потраченных на самостоятельную закупку льготных препаратов - 39 дел, 9 дел касались отказа в выдаче рецепта на получение льготного лекарственного препарата, по замене лекарственного препарата на дженерик 2 дела, и по 1 делу касались отсутствия наименования лекарства в перечне льготных препаратов, некорректная работа информационной системы, а так же умышленный незакуп льготного лекарственного средства.

В результате структуризации заболеваний с низкой доступностью лекарственных средств по результатам судебной практики 58 % это спинальная мышечная атрофия, 24 % другие заболевания, 10 % муковисцидоз, 5 % легочная гипертензия, 3 % эпилептический синдром. В соответствии с приведенными видами заболеваний наиболее часто обращения в суд касались по поводу таких льготных лекарственных препаратов как, нусинерсен, рисдиплан, дорназа альфа, элексакафтора.

Причинами отказа в предоставлении нужного препарата на льготных условиях являлись отсутствие их в аптечной организации, отказ врачебной комиссии в назначении необходимого лекарственного препарата, дефицит бюджетных средств, а также отсутствие государственной регистрации льготного лекарственного препарата.

Стоит отметить, что в большинстве дел суд удовлетворял требования, 161 дело, отказ был по 17 делам. Ответчиком по данной категории дел в большинстве случаев являлся Территориальный орган исполнительной власти, ответственный за управление здравоохранением, либо Государственное бюджетное учреждение здравоохранения. В отдельных случаях ответчиком был Территориальный фонд обязательного медицинского страхования.

Таким образом, анализ судебной статистики показывает, что основной причиной обратиться в суд для гражданина являлось необеспечение лекарственными препаратами в сроки, указанные в рецепте, а также возврат денежных средств, которые были потрачены на самостоятельную закупку препаратов.

Для того чтобы решить вышеуказанные проблемы, важным является разработка единой методики расчета потребностей лиц, имеющих право на льготные лекарственные препараты, доступность специализированной медицинской помощи во всех субъектах нашего государства.

Еще одним из вариантов решения проблемы обеспечения льготными лекарственными препаратами является введение системы лекарственного страхования. Данная инициатива еще в 2008 году поднималась на обсуждение Правительством Российской Федерации. Суть лекарственного страхования заключается в адресном софинансировании расходов граждан на приобретение лекарств в аптеках, то есть государство будет выплачивать часть стоимости лекарства выписанному по рецепту.

Предполагается, что лекарственное страхование должно быть, как и обязательное медицинское страхование, всеобщим и обязательным для всех граждан России, ориентироваться на сохранения здоровья населения страны, с паритетным участием личных средств граждан. Важно, чтобы лекарственное страхование было включено в систему обязательного медицинского страхования.

Таким образом, система лекарственного страхования помогла бы решить проблему недоступности лекарств ввиду достаточно высокой стоимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной социальной помощи : Федер. закон от 17июля 1999 г. № 178-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.
2. Коннова, Н. М. Лекарственное обеспечение граждан Российской Федерации // Академическая публицистика. – 2024. – № 1. – С. 35–42.

УДК 347

ОБЩАЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ СТОРОН ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ

Кулясова Талина Олеговна, магистрант
*Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)*
E-mail: st802383@ruc.su

GENERAL CIVIL LEGAL CHARACTERISTICS OF THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO A GOODS SUPPLY AGREEMENT

Kulyasova Talina Olegovna, Master's Degree student
*Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)*

Наиболее распространенным в сфере предпринимательской деятельности, относительно других договоров, в настоящее время является договор поставки, в его правовой основе лежит опосредованная возмездная передача права собственности на тот или иной товар от одной стороны данного договора – поставщика-продавца к другой его стороне – покупателю. В статье дана общая гражданско-правовая характеристика прав и обязанностей сторон договора поставки товаров.

Ключевые слова: действующее российское гражданское законодательство, гражданско-правовой договор поставки, договор поставки товаров, стороны договора поставки товаров, квалифицирующие признаки договора поставки товаров.

The article analyzes the delivery for drawing up a protocol on an administrative offense, as well as the administrative detention of subjects of perfection of an administrative offense, as measures to ensure administrative proceedings carried out on their procedural and legal differentiation.

Keywords: measures to ensure administrative proceedings, delivery for drawing up a protocol on an administrative offense, administrative detention of the subject of an administrative offense.

Анализируя и характеризуя права и обязанности сторон договора поставки, нельзя не затронуть особенности правового положения самих сторон договора.

Если обратиться к законодательному определению договора поставки, закрепленному в ст. 506 ГК РФ, то становится очевидно, что одна из сторон, а именно – поставщик-продавец обязательно должен осуществлять предпринимательскую деятельность.

Под предпринимательской деятельностью, согласно в абз. 3 п. 1. ст. 2 ГК РФ понимается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг».

Однако это вовсе не означает, что юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, «чтобы выступить в качестве поставщика-продавца по договору поставки, может вести абсолютно любую предпринимательскую деятельность, отнюдь, его деятельность должна быть связана с самостоятельным производством, либо закупкой товаров для последующей их перепродажи» [1, с. 44].

Как уже отмечалось выше, возникновение у поставщика-продавца права собственности на товар не ограничивается только производством или закупкой, право собственности может возникнуть и в результате переработки, правопреемства, либо реорганизации юридического лица.

Должен ли покупатель как сторона договора поставки осуществлять предпринимательскую деятельность, в ст. 506 ГК РФ ничего не сказано.

В пользу того, что покупатель – это всегда лицо, юридическое или физическое, осуществляющее предпринимательскую деятельность, говорит и то, что участие государства в хозяйственных отношениях не регламентируется положениями ГК РФ о договоре поставки.

Поясню, что согласно нормам, закрепленным в ст. 526 ГК РФ, государство выступает покупателем и, как следствие, участником хозяйственных отношений не по договору поставки, а по отдельно созданной особой правовой конструкции договору поставки для государственных нужд.

Не было ли это сделано как раз по причине того, что государство не отвечает критериями, которые установил законодатель по отношению к покупателю в ст. 506 ГК РФ?

Отсюда следует, что и поставщик, и покупатель, как профессиональные участники имущественного оборота равны друг перед другом, как в реализации своих прав, так и в случае их защиты.

Есть необходимость отметить, что на практике лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, может обладать некоторыми из этих признаков, но данный факт есть лишь следствие недостаточного уровня правовой

культуры индивида, либо отсутствие понимания того какие риски влечет за собой ведение предпринимательской деятельности, но ни в коем случае не особенность его правового положения.

Поставщик-продавец и покупатель, как субъекты правоотношений обладают совокупностью прав и обязанностей, права и обязанности субъектов правоотношений есть не что иное, как содержание данных правоотношений, то есть права и обязанности сторон договора поставки – это содержание правоотношений, возникающих после заключения договора поставки [2, с. 45].

Основным правом поставщика является требовать от покупателя своевременной оплаты поставленного товара, основной обязанностью – отгрузить в оговоренный сторонами срок товар должного качества, в согласованном сторонами количестве, покупателю, либо лицу, указанному покупателем в качестве грузополучателя.

Покупатель в свою очередь обязан осуществить приемку товара и оплатить его, но при этом вправе давать поставщику указания об отгрузке (передаче) товаров получателем, указанным в отгрузочной разнарядке.

Расчеты за товар могут производиться двумя способами: денежными средствами; с помощью встречных договоров.

При оплате товара денежными средствами, возможен как перевод их в безналичной форме, посредством банка или иной кредитной организации в формах, изложенных в п.1 ст. 862 ГК РФ, а именно: платежными поручениями, по инкассо, чеками и т.д.

На практике шире прочих распространена оплата платежными поручениями, лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, не воспрещается производить оплату наличными средствами, но с оговорками. предусмотренными п. 2 ст. 861 ГК РФ.

При этом предельный размер наличных расчетов между указанными лицами в рамках одного договора должен быть равен 100 000 руб.

В ином случае стороны в одном из условий договора поставки могут установить, что товар частично или полностью будет оплачен путем встречной передачи товара, выполнением работ или оказанием услуг и т.д.

В качестве подтверждения совершившейся сделки сторонами оформляется акт взаимозачета.

Но что же считать моментом оплаты товара?

Какая формулировка условия об оплате будет наиболее выгодна?

Прописать данное условие одинаково выгодно и для поставщика, и для покупателя, не представляется возможным.

Если мы говорим о покупателе, то целесообразно писать: «денежное обязательство считается выполненным с момента списания денежных средств с расчетного счета покупателя».

В данном случае при банкротстве банка покупатель будет считаться стороной, добросовестно выполнившей свои обязательства, в то время как поставщик денежные средства, так и не получит.

Если же мы говорим о выходных для поставщика условиях, то формулировка пункта о моменте исполнения обязательства по выплате денежных средств бу-

дет выглядеть следующим образом: денежное обязательство считается выполненным с момента зачисления денежных средств на расчетный счет поставщика».

Допустим, стороны не предусмотрели в договоре данные формулировки, тогда будет применяться общее правило п. 1 ст. 316 ГК РФ, в результате поставщик не несет риски банкротства банка покупателя, а покупатель – банка получателя.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда покупатель выплатил поставщику аванс, денежные средства поступили на корреспондентский счет банка в тот день, когда у того была отозвана лицензия, но случилось это до момента прекращения приема распоряжений на зачисления средств на счета клиентов, позже, покупатель потребовал вернуть аванс, так как в установленный срок поставщик свои обязательства по договору не исполнил.

Сторонами не были оговорены условия, меняющие установленные законом место и время исполнения денежного обязательства, по этой причине суд пришел к выводу, что обязательство считается исполненным, а поставщик получившим оплату в момент, когда деньги поступили на корреспондентский счет обслуживающего банка.

Суды признали, что перечисление денег с корреспондентского счета банка на расчетный счет получателя не зависит от воли и действия плательщика, который не должен нести негативные последствия из-за проблем банка получателя платежа.

В обязанности поставщика-продавца, как уже было сказано выше, входит отгрузка в оговоренный в договоре поставки сторонами срок товара должного качества, в согласованном сторонами количестве, покупателю, либо лицу, указанному покупателем в качестве грузополучателя.

Срок договора поставки определяется по правилам, установленным ст. 190-191 ГК РФ, согласно нормам, содержащимся в них, возможно указание на:

- 1) конкретную календарную дату;
- 2) событие, наступление которого неизбежно;
- 3) истечение периода времени, начало которого может быть определено календарной датой или наступлением согласованного события.

В случае, если стороны не определили в договоре срок поставки, срок исполнения обязательства, возложенного на поставщика, будет зависеть предусмотрена ли договором поставка партиями, для подобных ситуаций законодателем были разработаны нормы ст. 508 ГК РФ.

Качество товара подразумевает совокупность свойств, признаков товаров, обуславливающих их способность удовлетворять потребности и запросы покупателя, соответствовать своему назначению и предъявляемым требованиям.

Чтобы покупатель принял отгруженный товар, тот должен соответствовать нормам п. 1,4 ст. 469 ГК РФ, то есть соответствовать условиям, оговоренным сторонами в договоре, требованиям к качеству, описанным в законе.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 469 ГК РФ, в случае отсутствия в договоре условия о качестве товара, он должен быть пригоден для целей, ради достижения которых обычно используется, законодатель даже предусмотрел ситуацию, когда поку-

патель в одном из пунктов договора поставки сообщает поставщику-продавцу конкретную цель, с которой приобретает данный товар.

Тогда, согласно абз. 2 п. 2 ст. 469 ГК РФ, товар должен быть пригоден для целей, информацию о которых покупатель предоставил поставщику-продавцу.

Говоря о количестве товара, целесообразно будет затронуть проблемные моменты, касающиеся его недопоставки, недопоставка представляет собой поставку, содержащую меньше товаров, чем было оговорено сторонами в договоре или документах, являющихся неотъемлемой его частью.

Если так случилось, что поставщик восполнил недопоставку: отгрузил товар на складе поставщика, либо направил покупателю уведомление о готовности отгрузки, покупатель обязан провести приемку товара, согласно п. 3 ст. 511 ГК РФ, по этой причине рекомендуется направлять отказ сразу после обнаружения недостачи товара, письмом на бумажном носителе, дублировать его сообщением e-mail.

Однако из положений ст. 511 ГК РФ существуют исключения, покупатель не обязан направлять отказ принимать недопоставленный товар в том случае, если стороны прямо прописали, что покупатель теряет интерес к товару, не поставленному в срок и не обязан каким-либо образом уведомлять поставщика об отказе от приемки оставшегося товара, также уведомление об отказе со стороны покупателя необязательно в случае формулировки в договоре пункта об обязанности поставщика передать товар к строгому сроку.

Арбитражный суд Уральского округа поясняет, что договоренность сторон поставить товар в течение семи дней, после оплаты его покупателем, не содержит строгого срока исполнения, строгий срок – это календарная дата, после наступления которой, поставка товара теряет для покупателя экономический смысл, ситуация, когда «товар за рамками строго ограниченного временного периода или конкретной даты полностью или в значительной части утрачивает для покупателя потребительскую ценность» [3].

Нельзя не упомянуть также о спорном вопросе, касающемся возможности допоставки, после прекращения действия договора, по мнению судов по истечении срока договора, покупатель не вправе требовать допоставки товара, а поставщик в свою очередь удерживать аванс и понуждать покупателя к приемке товара.

Существует и диаметрально противоположная позиция: покупатель, который даже после прекращения действия договора сохраняет интерес к товару, вправе требовать с поставщика данный товар, так как поставленный товар уже оплачен.

В заключение обобщим, что и поставщик, и продавец, как стороны договора поставки осуществляют предпринимательскую деятельность.

Права и обязанности поставщика напрямую вытекают из прав и обязанностей покупателя, и наоборот, в том числе, покупатель обязан оплатить поставленный товар, либо, путем перечисления денежных средств, как безналичными переводами, так и с помощью наличных денег, за некоторым исключением, либо с помощью заключения встречных договоров.

Поставщик в свою очередь имеет право требовать оплату товара, поставлен-

ного в должном количестве и качестве, и именно тому грузополучателю, которого указал покупатель, покупатель обязан осуществить приемку.

При этом, как профессиональным участником хозяйственного оборота, поставщику и покупателю необходимо согласовать наиболее выгодные для себя условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнутдинов, А. К. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов. – Москва, 2022. – 279 с.
2. Гетман, Я. Б. Проблемы правоприменительной практики по рассмотрению и разрешению споров, возникающих из договорных отношений по поставке. – Ростов-на-Дону, 2020. – 273 с.
3. Дело №-Ф09-877/22 из архива Арбитражного суда Уральского округа от 23 января 2022 г..

УДК 347

ДОГОВОР ПОСТАВКИ ТОВАРОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кулясова Талина Олеговна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802383@ruc.su

AGREEMENT FOR THE SUPPLY OF GOODS IN RECEIVING ACTIVITIES: CONCEPT BRIEF CHARACTERISTICS OF ITS HISTORICAL LEGISLATIVE DEVELOPMENT

Kulyasova Talina Olegovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Одним из наиболее распространенных в сфере предпринимательской деятельности относительно других договоров в настоящее время является договор поставки, в гражданско-правовой основе которого российским гражданским законодательством заложена опосредованная возмездная передача права собственности на тот или иной товар от одной стороны данного договора – поставщика-продавца к другой его стороне – покупателю. В статье дан анализ понятия и предложена краткая характеристика его исторического законодательного развития.

Ключевые слова: действующее российское гражданское законодательство, гражданско-правовой договор поставки, договор поставки товаров, стороны договора поставки товаров, квалифицирующие признаки договора поставки товаров.

One of the most common in the field of entrepreneurial activity, relative to other contracts, is currently a supply contract, the civil legal basis of which, Russian civil legislation, provides for an indirect paid transfer of ownership of a particular product from one party to this contract - supplier-seller to its other side - the buyer. The article provides an analysis of the concept and offers a brief description of its historical legislative development.

Keywords: Russian civil legislation, contract for the supply of goods, parties to the contract for the supply of goods, qualifying features of the contract for the supply of goods.

В настоящее время в сфере предпринимательской деятельности договор поставки и, в первую очередь, такая его разновидность, как договор поставки товаров, является наиболее распространенным договором в сфере предпринимательской деятельности.

Договором поставки в соответствии с ст. 506 ГК РФ признает договор, по которому поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, домашним и иным подобным использованием».

Договор поставки товаров сформировался в гражданском законодательстве в связи с потребностью в удовлетворении государственных или казенных нужд, именно данным фактом объясняется отнесение его к договорам казенного подряда, нельзя также обратить внимание на то, что уже в XVII веке договор поставки приобрел признаки государственного контракта.

Начиная с XVII века в доктрине науки гражданского права договор поставки признается самостоятельным видом договора, что, однако, не исключает дискуссий относительно верности данной позиции, в частности, «против выделения договора поставки в отдельную разновидность выступали Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич» [1, с. 12].

Далее, с развитием российского государства договор поставки стал рассматриваться как разновидность договора купли продажи, несмотря на то, что между данными договорами в тоже самое время все же имеются определенные различия.

Предметом договора поставки товаров может быть вещь, не изъятая из оборота, не предназначенная для удовлетворения личных и семейных нужд, кроме того предметом данного договора следует считать вещь, которую поставщик-продавец производит самостоятельно, купил, приобрел в результате переработки, правопреемства, либо реорганизации юридического лица.

Договор поставки товаров может быть заключен как в устной, так и в простой письменной форме.

Однако для его заключения в устной форме, требуется соблюдение ряда некоторых условий:

во-первых, сторонами договора поставки должны быть исключительно граждане – индивидуальные предприниматели;

во-вторых, сумма сделки по договору поставки при этом не должна превышать десять тысяч рублей.

Выделяют следующие этапы заключения договора поставки товаров:

1) переговоры или преддоговорные контакты контрагентов, которые признаются факультативной частью процесса заключения договора и включают в себя, в том числе проверку контрагента в соответствии с положениями, действующего налогового законодательства;

2) направление оферты, коей может выступать, например, протокол встречи;

3) рассмотрение стороной оферты, принятие относительно нее решения, акцепт оферты.

При этом акцепт и оферта должны отвечать определенным критериям, чтобы признанными таковыми, так, оферта должна содержать все существенные условия договора; должна обладать достаточной определенностью и выражать намерение аферента заключить договор, в свою очередь акцепт должен быть полным, то есть акцептант соглашается со всеми условиями, предложенными аферентом; своевременным.

И поставщик, и продавец, как стороны договора поставки осуществляют предпринимательскую деятельность, при этом в складывающихся между ними отношениях ни та, ни другая сторона не являются по отношению к другой – «слабой».

Права и обязанности поставщика напрямую вытекают из прав и обязанностей покупателя, и наоборот, в том числе, покупатель обязан оплатить поставленный товар, либо, путем перечисления денежных средств, как безналичными переводами, так и с помощью наличных денег, за некоторым исключением, либо с помощью заключения встречных договоров.

Поставщик в свою очередь имеет право требовать оплату товара, поставленного в должном количестве и качестве, и именно тому грузополучателю, которого указал покупатель, а покупатель обязан осуществить приемку.

Первое упоминание договора поставки датируется XVII веком, 7 июля 1654 года царь Алексей Михайлович издал указ «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей», следует обратить внимание, что в тексте указа упоминается такой правовой институт, как казенный подряд, данным понятием «обозначалась однородная по внешним признакам деятельность государственных органов по обеспечению государственных потребностей в строительстве, продовольственном и пищевом снабжении армии» [2, с. 111].

Исходя из содержания определения, можно заключить, что в период царствования Алексея Михайловича договор поставки являлся разновидностью договора казенного подряда, его существование сделало возможным переход от сбора дани к приобретению государством у населения за плату товаров, необходимых для нужд государства.

В неизменном виде правила заключения Договора поставки просуществовали вплоть до вступления на престол Петра I, благодаря проводимым императором реформам, договоры поставки начали распределять между потенциальными поставщиками по иным правилам, заключить договор возможно было только приняв участие в конкурсе, в случае неисполнения поставщиком обязанности по договору, тому начислялись пени.

В XVIII веке договор поставки был включен в Свод законов Российской империи, таким образом, он на законодательном уровне был признан в качестве самостоятельного, однако данное обстоятельство никоим образом не помешало тому, что вопрос о сходстве договоров купли-продажи и поставки, и как следствие – об отнесении его к разновидности первого начал приобретать все более дискуссионный характер.

На данном этапе к единому мнению ученые так и не смогли прийти, так как не могли не признать наличие не только сходств, но и существенных различий, к ним можно отнести, например, момент исполнения договора.

Что касается предмета договора поставки, тот не должен быть индивидуально определен в отличие от предмета договора купли-продажи, также продавец всегда является собственником предмета Договора, в то время как поставщик, как уже отмечалось выше, являясь промежуточным звеном в цепочке поставок, может не быть собственником.

В XIX веке перечень различий вышеуказанных договоров сажается до одного – момента исполнения договора, в связи с этим, отрезок времени, в течение которого осуществлялась доставка вещи покупателю, в договоре поставки был признан существенным условием.

Учитывая исключение из перечня отличительных признаков договоров купли-продажи и поставки пунктов, касающихся предмета, все большее количество ученых принимало тот факт, что договор поставки является разновидностью договора купли-продажи.

После революции 1917 г., в след за изменением основ государственного строя, не могло не измениться и законодательство, на ранних этапах существования советского государства наличие частное собственности отрицалось, сфера применения договора купли-продажи существенно ограничивалась, ограничения коснулись и договора поставки, он мог заключаться только между органами государственной власти и частным лицом, либо организацией для реализации нужд государства.

В 1921 году был принят Декрет СНК от 4 октября 1921 г. «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданию, возлагаемых на них государственными органами», который просуществовал вплоть до 1964 года, то есть до принятия ГК РСФСР [3, с. 229].

В период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, и послевоенный период, надобность в существовании договора поставки и каких-либо иных договоров по передаче товаров от одной стороны другой, вновь отпадают, развиваются созданные государством целевые фонды, основной задачей которых являлось распределение имеющихся ресурсов.

Спустя почти Двадцать лет после окончания Великой отечественной войны в 1964 году был принят, как уже было сказано выше ГК РСФСР 1964 года, именно в данном Документе в ст. 258 было дано определение понятия «договор поставки», которое устанавливало, что: «по договору поставки организация-поставщик обязуется передать в определенные сроки или срок организации-покупателю (заказчику) в собственность (в оперативное управление) определенную продукцию согласно обязательному для обеих организаций плановому акту распределения продукции; организация-покупатель обязуется принять продукцию и оплатить ее по установленным ценам» [4, с. 102].

На смену Основам гражданского законодательства 1991 года и ГК РСФСР 1964 года приходит ныне действующий ГК РФ.

Резюмируя все вышеизложенное, отметим, что договор поставки сформировался в связи с потребностью в удовлетворении государственных или казенных нужд, именно данным фактом объясняется отнесение его к договорам казенного подряда.

Нельзя также не обратить внимание на то, что уже в XVII веке договор поставки приобрел признаки государственного контракта.

В XVII веке на законодательном уровне договор признается самостоятельным видом договора, что, однако, не исключает дискуссий относительно верности данной позиции, в частности, против выделения договора поставки в отдельную разновидность выступают Д. И. Мейер и Г.Ф. Шершеневич, в результате дальнейшего изучения вопроса соотношения договоров купли-продажи и поставки, в 1913 году в проект Гражданского уложения положения о договоре поставки указывали на то, что данный договор есть разновидность договора купли-продажи.

После революции 1917 года частная собственность отрицалась существовавшим на то время режимом, и подобная позиция оставалась актуальной вплоть до 1964 года и переломного 1970 года, когда руководство страны осознало потребность в становлении рыночных отношений и формированию иных подходов к регулированию экономики, произошло это по причине стремительно снижающегося темпа экономического развития и дальнейшей стагнации, возникновения товарного дефицита, данное обстоятельство в свою очередь спровоцировало принятие современного ГК РФ, который пришел на смену Основам гражданского законодательства 1991 года, далее, с развитием государства, и, как следствие, права, договор поставки стал рассматриваться как разновидность договора купли-продажи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайнутдинов А. К.* Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов. – Москва, 2022. – 279 с.
2. *Самаркин, С. В.* История становления договора поставки в российском законодательстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12. – С. 111-119.
3. *Сашилина, А. А.* История развития договора поставки в России // Мировая наука. – 2019. – № 11(32). – С. 292-301.
4. *Макарова, Ю. А.* История развития договора поставки и его современное регулирование в гражданском законодательстве России // Современные проблемы права и управления. – Москва, 2016. – С. 101-109.

УДК 347

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ТОВАРОВ, ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Кулясова Талина Олеговна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802383@ruc.su

THE CONCEPT OF AN AGREEMENT FOR THE OF GOODS, OF ITS FOR THE QUALIFYING FOR THE FEATURES

Kulyasova Talina Olegovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В сфере предпринимательской деятельности наиболее распространенным относительно других договоров в настоящее время является договор поставки, в его правовой основе лежит опосредованная возмездная передача права собственности на тот или иной товар от одной стороны данного договора – поставщика-продавца к другой его стороне – покупателю. В статье на основании норм российского гражданского права произведен правовой анализ и дано доктринальное понятие договора поставки товаров, рассмотрены его квалифицирующие гражданско-правовые признаки, произведен анализ правоприменительной судебной практики применения договоров поставки товаров.

Ключевые слова: действующее российское гражданское законодательство, гражданско-правовой договор поставки, договор поставки товаров, стороны договора поставки товаров, квалифицирующие признаки договора поставки товаров.

The most common in the field of entrepreneurial activity, relative to other contracts, is currently a supply contract; it is based on an indirect paid transfer of ownership of a particular product from one party to the contract - the supplier-seller - to the other party - the buyer. In the article, based on the norms of Russian civil law, a legal analysis is carried out and the doctrinal concept of a contract for the supply of goods is given, its qualifying civil law features are considered, and an analysis of the judicial practice of applying contracts for the supply of goods is analyzed.

Keywords: current Russian civil legislation, civil supply contract, types of supply contracts, contract for the supply of goods, parties to the contract for the supply of goods, features of the supply contract, qualifying features of the contract for the supply of goods.

Наиболее распространенным в сфере предпринимательской деятельности относительно других договоров в настоящее время является договор поставки, в его правовой основе лежит опосредованная возмездная передача права собственности на тот или иной товар от одной стороны данного договора – поставщика-продавца к другой его стороне – покупателю.

Договором поставки в соответствии с ст. 506 ГК РФ признает договор, по которому «поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, домашним и иным подобным использованием».

Одним из видов договора поставки является договор поставки товаров, правовой сущностью которого является опосредованная возмездная передача права собственности на тот или иной товар от одной стороны – поставщика-продавца к другой стороне – покупателю.

Правовые нормы российского гражданского законодательства, определяющие порядок заключения, изменения и прекращения (расторжения) договора поставки товаров представляют собой лишь систему общих гражданско-правовых правил, что же касается гражданско-правовых норм, законодательно регулирующих особенности их функционирования, то большинство вопросов решается на усмотрение сторон договора поставки товаров, которые, однако, при решении стоящих перед ними проблем, не имеют право нарушать принцип свободы договоров, законодательно закрепленный в п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Принцип свобода договора поставки товаров в данном случае понимается как действия сторон договора поставки товаров по отношению друг к другу на началах равенства сторон и автономии их воли.

Это не означает, что при заключении договора его стороны могут реализовы-

вать свои права на свое усмотрение без учета прав контрагентов, а также без учета возможных ограничений, устанавливаемых ГК РФ и другими законами.

Несмотря на обширное, казалось бы, количество гражданско-правовых норм, тем или иным образом регулирующих вопросы поставки договора товаров, все еще имеют место некоторые затруднения в правовой оценке договора поставки товаров и в видовом разграничении его от смежных видов договоров поставки и иных договоров.

Выражается это в том, что отсутствуют перечень существенных условия договора и законодательная дефиниция, поясняющая, что представляют собой личные и семейные цели.

Доктрина науки российского гражданского права с момента принятия части второй ГК РФ в 1995 году уделяла и продолжает уделять должное внимание изучению института договора поставки.

Являясь одним из гражданско-правовых договоров, договор поставки товаров несмотря на то, что он имеет закрепление его понятия и гражданско-правовой сущности в действующем российском гражданском законодательстве, тем ни менее к его определению, понятию и гражданско-правовой сущности в доктрине науки российского гражданского права содержится различные подходы российских ученых-цивилистов.

Наиболее верной с точки зрения доктрины российского гражданского права, является научный подход к его определению, понятию и гражданско-правовой сущности российского ученого-цивилиста А. К. Гайнутдинова, который «под договором поставки товаров понимает составляющую договора купли-продажи, главная задача которого состоит в регулировании процессов товарного обмена в обществе, его правовая сущность заключается в том, что это соглашение, в силу которого поставщик обязуется передать покупателю товар, при этом обе эти стороны должны быть субъектами предпринимательской деятельности» [1, С. 77].

Определяющими для договора поставки товаров он считает «его правовые особенности, которые способны отграничивать его от других, при этом он выделяет следующие из них, это:

- 1) обязанность сторон в предоставлении информации о существенных условиях договора и условиях отбора контрагента;
- 2) особый субъектный состав, выражающийся в том, что обе стороны должны являться субъектами предпринимательской деятельности» [1, с. 81].

Основным правом поставщика является требовать от покупателя своевременной оплаты поставленного товара, основной обязанностью – отгрузить в оговоренный сторонами срок товар должного качества, в согласованном сторонами количестве, покупателю, либо лицу, указанному покупателем в качестве грузополучателя.

Покупатель в свою очередь обязан осуществить приемку товара и оплатить его, но при этом вправе давать поставщику указания об отгрузке (передаче) товаров получателем, указанным в отгрузочной разнарядке.

Расчеты за товар могут производиться двумя способами: денежными средствами; с помощью встречных договоров.

По своей сущности договор поставки товаров характеризуется с точки зрения доктрины российского гражданского права:

- во-первых, как консенсуальный;
- во-вторых, как взаимобязывающий или как взаимный;
- в-третьих, как двусторонний;
- в-четвертых, как возмездный;
- в-пятых, как не фидуциарный;
- в-шестых, как публичный договор;
- в-седьмых, как договор присоединения.

Квалифицирующие признаки договора поставки товара прямо вытекают из его легального (законодательного) определения, закрепленного положениями действующего российского гражданского законодательства, к ним относят следующие гражданско-правовые квалифицирующие принципы:

- во-первых, это предмет договора поставки товара;
- во-вторых, это субъектный состав договора поставки товара;
- в-третьих, это временные рамки, в пределах которых действует договор поставки товара.

Рассмотрим каждый из гражданско-правовых признаков договора поставки товара отдельно.

Если исходить из содержания ст. 421 ГК РФ в качестве предмета договора поставки могут выступать любые товары, не изъятые из оборота, в большей части случаев предмет договора представлен в качестве родовых вещей, данный факт никак не связан с изложенными в законах запретах, дело только в специфике отрасли, в которой применяется договор поставки.

Нельзя не сделать акцент на том, что в ст. 506 ГК РФ законодатель проводит следующее ограничение: в качестве предмета договора определяются только те товары, которые поставщик-продавец либо производит самостоятельно, либо осуществляет их закупку.

В определении предмет договора характеризуется как товары, передаваемые покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным и иным подобным использованием.

В п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений ГК РФ о договоре поставки» от 22.10.1997 оговорено, что «под целями, не связанными с личным использованием, следует понимать в том числе приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организации или гражданина-предпринимателя» [2].

Цель приобретения товара таким образом ограничивает круг покупателей до индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Нельзя не упомянуть также о стороне договора поставки для государственных и муниципальных нужд, поставщиком-продавцом в данном случае способно стать только юридическое лицо, ранее принимавшее участие в торгах.

Что касается срока договора поставки, то он представляет собой согласованный сторонами временной период, с которого договор вступает в силу и до момента исполнения его условий.

Необходимо отметить, что ст. 506 ГК РФ напрямую не определено, что срок договора является существенным его условием, при этом суды занимают на этот счет диаметрально противоположные позиции.

Для примера рассмотрим судебное решение от 23 декабря 2019 года по делу № А53-35472/19, вынесенное Арбитражным судом Ростовской области [3].

ООО «Саната» (далее Покупатель) 19 июля 2018 года заключили договор поставки (далее Договор) с ООО «Транспортплюс» (далее Поставщик), в п.1 которого сторонами было оговорено, что количество, ассортимент и цена товара будут указаны в счетах на оплату, поставка товара должна была осуществляться на основании заявки покупателя по накладным поставщика, оплату товара покупатель обязан был производить на основании счета, выставленного поставщиком.

В течение июля было совершено не менее девяти поставок партий товара, что подтверждалось счет-фактурами и универсальными передаточными документами, предоставленными покупателем суду, также покупателем были приложены проекты поставки по форме УЦД на август, направленные ему поставщиком, и по которым покупателем была произведена предоплата, однако товар так и не был поставлен, возврат суммы предоплаты также не был произведен.

В суде поставщик ссылался на то, что ни в одном пункте договора не был оговорен срок поставки и это единственный довод, который он сумел привести, аргументируя неисполнение своих обязательств по договору.

Суд пришел к выводу, что «существенными условиями договора поставки являются условия о наименовании товара, о его количестве, а условие о сроке поставки не является существенным.

Совсем иное решение вынес АС Северо-Западного округа от 2 июля 2019 года по делу № Ф07-7742/19, хотя спор по данному делу по сути схож со спором рассмотренном выше [4].

Единственное различие состоит лишь в том, что ООО «Индукция» (далее – Покупатель) не смогло предоставить суду спецификации, в которых были бы прописаны наименование продукции, стоимость, объемы и сроки поставки, следовательно ни в одном из документов не прослеживается срок исполнения поставщиком обязанности по поставке товара.

Учитывая данный факт, суд апелляционной инстанции, пришел к выводу, что договор является незаключенным в связи с несогласованием сторонами его существенных условий, а в пользу непризнания срока исполнения как существенного говорит и существование п. 1 ст. 508 ГК РФ, содержание которого было процитировано выше.

Также, толкуя норму, содержащую в себе дефиницию понятия «договор поставки» мы делаем вывод, что предметом данного договора следует считать вещь, которую поставщик-продавец производит самостоятельно, купил, приобрел в результате переработки, правопреемства, либо реорганизации юридического лица.

Хотя российский законодатель четко дает понять, что срок договора поставки товара как квалифицирующий гражданско-правовой признак, не является его существенным условием, тем не менее в некоторых решениях российских судов прослеживается обратное мнение.

Но признание существенности зависит исключительно от специфики рассматриваемого дела, от того требуется ли в нем разграничение договора поставки товаров и иных смежных с ним видов гражданских договоров, в частности, например, договора купли-продажи, а также некоторых иных гражданско-правовых договоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнутдинов А. К. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов. – Москва, 2022. – 279 с.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением Положений ГК РФ о договоре поставки : Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 3.
3. Дело № А53-35472/19 из архива Арбитражного суда Ростовской области от 23 декабря 2019 г.
4. Дело № Ф07-7742/19 из архива Арбитражного суда Северо-Западного округа от 2 июля 2019 г.

УДК 34

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В РОССИИ: ПУТЬ К ЦИВИЛИЗОВАННОМУ РЕШЕНИЮ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Ляуткина Ирина Сергеевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: Lyautkina_Irina@mail.ru

PRENUPTIAL AGREEMENT IN RUSSIA: THE WAY TO A CIVILIZED SOLUTION OF MARITAL PROPERTY RELATIONS

Lyakutkina Irina Sergeevna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В настоящей статье исследуются понятие и сущность брачного договора как способа оформления имущественных отношений супругов, анализируется его роль в семейном праве, а также поднимаются наиболее актуальные проблемы, связанные с его заключением, отмечается низкий уровень популярности и сложности оформления. В ходе проведения анализа также рассматривается зарубежное законодательство, посвященное брачному договору, предлагаются изменения в правовые акты, регулирующие брачный договор по праву Российской Федерации.

Ключевые слова: брачный договор, имущественные отношения, супруги, норма права, соглашение.

This article examines the concept and essence of a marriage contract as a way of formalizing property relations between spouses, analyzes its role in family law, and raises the most pressing problems associated with its conclusion, notes the low level of popularity and complexity of registration. During the analysis, foreign legislation on the marriage contract is also considered, and amendments to legal acts regulating the marriage contract under the law of the Russian Federation are proposed.

Keywords: prenuptial agreement, property relations, spouses, rule of law, agreement.

Брачному договору посвящена глава 8 Семейного кодекса РФ (далее по тексту – СК РФ) «Договорный режим имущества супругов». Согласно ст. 40 СК РФ брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения.

Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака (ст. 41 СК РФ). Брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака. Действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака (статья 25 СК РФ), за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака (п. 3 ст. 43 СК РФ).

Свобода выбора условий брачного договора вовсе не безгранична, на что указывает п. 3 ст. 42 СК РФ. Исходя из положений данной нормы можно заключить, что брачным договором не регулируются неимущественные отношения, однако по поводу данного запрета в теории семейного права возникает дискуссия. Ряд авторов отмечает, что неимущественные отношения по своей сути могут быть урегулированы исключительно положениями законодательства, а любые иные соглашения носят неправовой (а равно необязательный) характер.

С другой стороны, если мы обратимся напрямую к содержанию п.2 ст. 42 СК РФ, то мы увидим – закон допускает изменение имущественных отношений в зависимости от возникновения неимущественных обстоятельств.

Изучая содержание указанной статьи, можно сделать вывод, что для изменения имущественных отношений супругов достаточны не только действия, напрямую изменяющие правоотношения между ними, но и поведение, влияющие на внутренние, семейные отношения. Однако из содержания данной нормы, предусмотреть ограничение иных неимущественных отношений нельзя. В продолжение развития данной мысли, следует обратиться к позициям ученых, которые считали, что данное ограничение крайне условно, поскольку реальная судебная практика идет по иному пути.

К примеру, согласно позиции Б. М. Гонгало и П. В. Крашенникова, в содержании брачного договора могут быть предусмотрены такие условия, которые хоть и формально, в качестве последствий, изменяют имущественные отношения супругов, но и устанавливают ряд запретов относительно неимущественных отношений. Ярким примером может служить запрет супружеской измены, по общему правилу человек свободен в выборе половых партнеров, и даже наличие брачных отношений не ограничивает указанные права и последствия возникают исключительно с точки зрения общественного порицания и норм морали.

Однако брачный договор напрямую может предусмотреть изменения порядка распределения совместного нажитого имущества, в случае совершения измены со стороны одного из супругов, что хоть и ограничивает права человека, но не противоречит сути заключаемого договора, так как данное условие напрямую влияет на формирование здоровых отношений внутри ячейки общества [1, с. 26–26]

Далее, обратимся к исследованию Н. К. Сосипатровой, которая отмечала, что брачным договором могут быть предусмотрены довольно широкие условия проведения последующего бракоразводного процесса, к примеру, в зависимости от инициатора расторжения брака устанавливаются выплаты в отношении одного из супругов, что фактически не противоречит положениям СК РФ [2, с. 45].

Таким образом, исследуя позиции ученых и широко толкуя положения существующих норм семейного законодательства, можно сделать вывод, что брачный договор по своей сути не должен изменять неимущественные отношения между супругами, фактически его положения и возникающие неимущественные обязательства, напрямую влияют на их последующие возникновение. С нашей точки, сужение возможности применения брачного договора и исключение неимущественных отношений в абсолюте, значительно снижает возможность его применения, в том числе дополнительные трудности возникают из-за двойственности отдельных норм семейного законодательства, регулирующих порядок заключения договора.

Если обратимся к праву США, то мы увидим, что в англосаксонской системе практически нет ограничений относительно содержания положений брачного договора (исключением является установление прямых ограничений личных прав и свобод человека), что соответственно приводит к их массовому заключению на практике (70% от всех заключаемых браков), поскольку супруги могут изложить весь перечень условий дальнейшей семейной жизни [3, с. 22].

Исходя из низкого уровня популярности брачного договора в России, представляется возможным реципировать хотя бы в части положения зарубежного законодательства, с целью расширения возможностей заключения брачного договора.

Перейдем к следующей актуальной проблеме применения брачного договора исходя из положений п.3. ст. 42 СК РФ. Так по своей сути он является договором со специальными субъектами, и содержание отношений, прописанных в нём, не могут распространяться на третьих лиц. Соответственно изменить последующее правовое положение детей, возникающих в процессе семейных отношений, ограничение возможности общения с ними, воспитания, порядка выплаты алиментов – невозможно.

С этим согласны большинство исследователей, однако исходя из позиции

Л. Б. Максимовича, данные запреты устанавливаются исключительно на личные права супругов [4, с. 75]. По нашему мнению, установленный запрет абсолютен, и его необходимость объективно обусловлена, поскольку положениями брачного договора возможно широко регулировать последующие правоотношения между супругами, однако затрагивать вопросы реализации родительских прав нельзя, данные ограничения могут быть установлены в исключительных ситуациях на основании вынесенного судебного решения.

Отдельного внимания заслуживают перечень лиц, кто может являться субъектом брачного договора. Исходя из прямого содержания статьи 40 СК РФ к ним относятся лица, вступающие в брак. Однако если мы обратимся к действующему российскому законодательству категория «лица вступающие в брак»

нигде не называется и фактически к ним могут относиться как лица уже подавшие заявления в органы ЗАГС так и в принципе любое лицо желающее вступить в брак. Данный вопрос осложняется тем, что по своей сути брачный договор могут заключить лица, которым впоследствии откажут в заключении брака. Соответственно, по нашему мнению, необходимо законодательно закрепить кто именно является субъектом данного договора и каким требованиям он должен отвечать, поскольку очевидно, что брачный договор нельзя заключить между лицами одного пола. Если обратиться к существующей практике заключения брачных договоров, то мы увидим, что к таким лицам относят любых физических лиц, отвечающих требованиям статьи 14 СК РФ которые желают вступить в брак вне зависимости от подачи заявления в органы ЗАГС. Указанные положения необходимо напрямую закрепить в содержании семейного законодательства.

В науке семейного права довольно остро стоит вопрос о моменте начала действия брачного договора. По нашему мнению, брачный договор исходя из своей особой структуры и значения для семейного и гражданского права приобретает свою юридическую силу исключительно в период действия брачных отношений и соответственно если договор был подписан до заключения брака действовать он начнет с даты его регистрации в органах ЗАГС. Тем самым, с одной стороны, мы решим вопрос относительно субъектного состава, имеющего возможность заключения брачного договора, установим порядок заключения договора и определим момент его действия.

Еще одним дискуссионным вопросом является момент прекращения брачного договора в случае смерти или признания лица безвестно отсутствующим. Как мы уже исследовали ранее, брачный договор не может регулировать неимущественные отношения и, в частности, устанавливать порядок наследования имущества, однако возникает вопрос, что будет с имуществом, на которое распространяются условия брачного договора. По нашему мнению, в таком случае на имущественные отношения должны распространяться условия, предусмотренные заключенным брачным договором, а в последствии – формироваться перечень наследуемого имущества.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что брачный договор является эффективной мерой защиты и обеспечения семейных правоотношений между супругами. Однако его относительная новизна в российском праве, наличие большого числа ограничений в вопросах неимущественных отношений, обуславливает низкую популярность среди населения Российской Федерации. Представляется необходимым значительно расширить перечень правоотношений, которые могут быть урегулированы брачным договором, регламентировать его допустимые условия в рамках принятия Постановления Пленума ВС РФ, а также разработать типовой брачный договор. Указанные изменения положительно скажутся не только на числе заключаемых договоров, но и снизят число разводов, а также позволят установить гармоничные отношения внутри ячейки общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонгало, Б. М. Брачный договор / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников. – Москва, 2002. – 325 с.
2. Сосипатрова, Н. Е. Брачный договор: правовая природа, содержание, прекращение // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 45–53.
3. Рабец, А. М. Опыт правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в РФ и странах ближнего зарубежья // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 1. – С. 22–29.
4. Максимович, Л. Б. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений супругов. – Москва, 2003. – 152 с.
5. Афанасьева, К. А. О достоинствах и недостатках брачного договора // Современное состояние и перспективы развития современной науки : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2023. – С. 10-16.

УДК 336.225

ПРЕДПРОВЕРОЧНЫЙ АНАЛИЗ КАК НОВАЯ ФОРМА НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Малыйкина Екатерина Игоревна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807102@ruc.su

PRE-AUDIT ANALYSIS AS A NEW FORM OF TAX CONTROL: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Malyikina Ekaterina Igorevna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемные вопросы законодательного закрепления на практике реализуемого предпроверочного анализа налоговыми органами в РФ в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: налоговый контроль, предпроверочный анализ, цифровая экономика, налогоплательщик, законодательство.

The article considers problematic issues of legislative consolidation in practice of the implemented pre-verification analysis by tax authorities in the Russian Federation in the digital economy.

Keywords: tax control, pre-audit analysis, digital economy, taxpayer, legislation.

Глобальные цифровые преобразования общественных отношений остаются трендом уже не одно десятилетие. Курс на цифровую экономику в России был определен Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», и в настоящее время вопросы цифровой трансформации российского общества и построения цифровой экономики реализуются в рамках 15 государственных программ, федеральных проектов, национальных проектов (программ) [1].

Признано, что активное продвижение современных информационных технологий и формирование нового цифрового пространства, информационного об-

щества осуществляет Федеральная налоговая служба России, что обусловлено прежде всего необходимостью «обеления» экономики и увеличения собираемости налоговых доходов в бюджет государства [2].

Фискальные органы предпринимают значительные усилия в расширении применения технологий, обеспечивающих большую эффективность налогового контроля. При этом финансовые показатели по уплате налогов демонстрируют значительную эффективность соблюдения налогового законодательства хозяйствующими субъектами и решения фискальных задач.

Важно отметить, что деятельность налоговых органов – это властные полномочия по осуществлению контрольных функций, как неотъемлемой части системы государственного управления. Поэтому защита прав налогоплательщиков при активном внедрении информационных технологий в область налогового контроля приобретают особую значимость. Особенно при отсутствии нормативного закрепления объективно ускоряющихся процессов обработки массива информации по различным базам данных.

Речь идет о так называемом предпроверочном анализе. В настоящее время он приобрел особую актуальность в текущей контрольной деятельности налоговых органов. Однако законодательное его регулирование предполагается осуществить в ближайшее время в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) как нормативно урегулированную форму налогового контроля.

Законодательно закрепленного определения предпроверочного анализа нет. По сути, предпроверочный анализ – это комплекс мероприятий налогового органа по сбору, изучению и анализу информации о налогоплательщике для того, чтобы установить его налоговые риски и сделать выводы о возможных правонарушениях. Для этого налоговые органы собирают информацию о налогоплательщике, анализируют и сравнивают ее с данными о других аналогичных налогоплательщиках на основе разного рода источников.

Это может быть как информация и документы, полученные в рамках прошедших налоговых проверок, а также представленная налогоплательщиком отчетность, так и сведения, полученные от других уполномоченных органов, и информация о налогоплательщике из открытых источников. Кроме того, налоговый орган может запросить информацию о конкретных сделках у контрагентов налогоплательщика (п. 2 ст. 93.1 НК РФ) [3].

Деятельность подразделений предпроверочного анализа направлена на текущий анализ налоговых рисков налогоплательщиков, в отношении которых поступает информация о предполагаемых налоговых правонарушениях. Исходя из результатов анализа определяют сроки и объемы проведения мероприятий налогового контроля, общую стратегию предстоящей выездной проверки.

Порядок и сроки проведения предпроверочного анализа регламентированы внутренними документами налогового органа, и их не публикуют для общего пользования. Результаты предпроверочного анализа также недоступны – их не сообщают налогоплательщику, однако по итогам такого анализа налогоплательщика могут включить в план и назначить выездную проверку [4]. Следовательно, перед началом выездной налоговой проверки налоговый орган обычно уже обладает информацией о возможных правонарушениях, совершенных

налогоплательщиком, и в рамках проводимых мероприятий налогового контроля ориентирован преимущественно на сбор доказательств таких нарушений, а также выяснение обстоятельств их совершения (в том числе наличие умысла налогоплательщика).

В этой связи возникла острая необходимость предоставления гарантий налогоплательщикам при понуждении их к подаче уточненных деклараций и доплате налогов на основании результатов предпроверочного анализа.

Так в судебных актах указано, что при исполнении контрольной функции не исключается использование доступного правового инструментария в понимаемых определенным образом ведомственных интересах [5], что требует надлежащих гарантий прав граждан и их объединений в правовом регулировании федерального государственного контроля (надзора) [6].

Кроме того, в Постановлении КС РФ от 17.02.2015 № 2-П закреплено, что осуществление органами публичной власти контрольно-надзорных функций и полномочий требует надлежащих нормативных оснований, организационных и процедурных правил проведения проверочных мероприятий [7].

Концептуальным изменением в процедуре предпроверочного анализа становится внедрение системы АИС «Налог-3», организующей общее информационное пространство проверки налогоплательщиков. Если ранее работа по формированию плана выездных налоговых проверок носила спонтанный характер, когда в отношении налогоплательщиков, обладающих определенной совокупностью налоговых рисков, проводились отдельные самостоятельные мероприятия налогового контроля, не имеющие четкого системного ограничения по времени и кругу исследуемых данных, то с начала 2021 г. ФНС РФ устанавливает четкие требования по порядку и срокам проведения предпроверочного анализа. При этом сам отбор налогоплательщиков, осуществляющих деятельность, сопряженную с получением необоснованной налоговой выгоды, формируется на основе определения высоких налоговых рисков в информационном ресурсе АИС «Налог-3» в автоматическом режиме [8].

Как результат, в 2023 году сохранилась тенденция на снижение числа налоговых проверок и замещение их формами предпроверочного анализа. Налогоплательщики все чаще стали участвовать в рабочих встречах после получения писем от налоговых органов с предложением откорректироваться, чтобы не попасть в план выездных налоговых проверок, в которых могут предъявить гораздо большие требования, помимо штрафа и набегających сумм пеней. Такие встречи могут оказаться более эффективными и для ФНС, нежели проводимые годами проверки, после которых на текущий момент взыскивается незначительная часть доначислений, уверены эксперты [9].

Согласимся с позицией Челнокова, что «информационный ресурс не способен оценить основания и мотивы, по которым была внесена та или иная запись. Вся информация, содержащаяся в АИС «Налог-3», считается достоверной и обязательной для использования в работе всеми уполномоченными сотрудниками налогового органа. Не всегда мотивированная информация поступает в рамках внутриведомственного или межведомственного обмена. Встречаются случаи, когда недобросовестные налогоплательщики пытаются улучшить свое

рыночное положение, предоставляя порочащие сведения о своих конкурентах. К сожалению, нельзя не учитывать граждан, которые считают своей обязанностью жаловаться на всех. Проблема состоит не в формально-произвольной квалификации налогоплательщика со стороны искусственного интеллекта (машина действует в рамках заданных алгоритмов, которые постоянно требуют своего улучшения), а в том, что отсутствует правовая процедура разрешения конфликтной ситуации».

Так действующими нормами НК РФ предусмотрено право налогоплательщика на оспаривание акта налогового органа или действия конкретного должностного лица. Однако что касается информационных баз данных, то хранящиеся в них сведения не имеют идентифицирующих признаков, позволяющих оспорить статус, который присвоен налогоплательщику.

Изученный материал позволяет рассматривать предпроверочный анализ как некий фильтр с использованием автоматизированных систем, пропускающий колоссальный объем информации, что позволяют оперативно определить реальность налоговых рисков с минимизацией трудовых ресурсов.

Однако применение IT-инструментов без законодательного закрепления правил их применения лишает налогоплательщика его правосубъектности на получение и использование информации о собственной финансово-хозяйственной деятельности для защиты своих законных прав. То есть возникает риск, что автоматизированная система становится выше закона, поскольку развитие информационного пространства налогового администрирования со все большей возрастающей значимостью программного обеспечения приводит к ситуациям принятия самостоятельных юридически значимых решений на основе обработки ими информации.

В этой связи законодательное регулирование контрольно-надзорных процедур и деятельность государственных органов, уполномоченных на проведение соответствующих проверок, должны отвечать конституционным критериям допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации. Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2024).
2. Федеральная налоговая служба: официальный сайт. – URL: <https://www.nalog.gov/> (дата обращения: 15.10.2024).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон Росс. Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 08.08.2024 // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
4. Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ (ред. от 10.05.2012) // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).
5. Постановление КС РФ от 1.12.1997 № 18-П // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 07.04.2022 № 821-О // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).
7. Постановление КС РФ от 17.02.2015 № 2-П // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.10.2024).
8. Челноков, Д. М. Предпроверочный анализ в налоговом контроле: проблемы правового регулирования // Финансовое право. – 2024. – № 3. – С. 20-23.

УДК 347.472.024

К ВОПРОСУ О ДАРЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В ИСПАНИИ

Минеева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук,
доцент

Мансырев Дмитрий Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: irina.min82@gmail.com; st807139@ruc.su

ON THE ISSUE OF THE DONATION OF REAL ESTATE IN SPAIN

Mineeva Irina Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor

Mansyrev Dmitry Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данном научном исследовании раскрываются и анализируются основные правовые особенности заключения гражданско-правовых отношений дарственного характера недвижимого имущества с иностранным элементом на примере Испании. Перечислены документы, необходимые для заключения данной договорной конструкции, а также проанализировано местное испанское законодательство в сфере налогообложения данного вида сделок.

Ключевые слова: даритель, одаряемый, резидент, нерезидент, налогообложение, Испания.

This scientific study reveals and analyzes the main legal features of concluding civil law relations of a donation nature of real estate with a foreign element on the example of Spain. The documents necessary for the conclusion of this contractual structure are listed, as well as the local Spanish legislation in the field of taxation of this type of transactions is analyzed.

Keywords: donor, donee, resident, non-resident, taxation, Spain.

Проживая в Испании, гражданин государства, а также нерезидент страны или лицо, имеющее испанское ПМЖ или ВНЖ, т.е. лицо постоянно или преимущественно проживающее на испанской территории, но имеющее гражданство другого государства может пожелать совершить гражданско-правовую сделку по отчуждению своего недвижимого имущества, находящегося по территориальному признаку в границах Испании, посредством заключения дарения в пользу третьего лица (близкого родственника или совершенно чужого человека, не связанного с ним узами кровного родства).

Непосредственно применить испанское законодательство можно только в случае, если предметом договора дарения будет имущество, внесенное в Реестр недвижимости Испании. Если недвижимое имущество находится на территории Российской Федерации, а собственник – будущий даритель проживает в Испании, то к процедуре совершения данной гражданско-правовой сделки, а также к моменту перехода и возникновения права собственности на имущество, отчуж-

даемое посредством совершения дарения, будет, естественно, применяться российское гражданское законодательство, т.к. в данном случае главенствующее место будет занимать право страны места нахождения недвижимого имущества.

Если же потенциальный даритель-собственник имеет недвижимость в разных странах и желает оформить сделку по передаче данного имущества, то в последующем придется провести анализ применения законодательства каждого государства-участника данных договорных правоотношений индивидуально в зависимости от нюансов каждой конкретной ситуации с обязательно желательным привлечением юристов, квалифицирующихся на оказании помощи лицам, принимающим непосредственное участие в имущественных и личных неимущественных отношениях гражданско-правового характера с иностранным элементом.

Для того, чтобы правильно оформить дарственную, лучше обратиться в нотариальное агентство. Это поможет не только избежать нежелательных ошибок при оформлении необходимой юридической документации (ведь как ни как при составлении договора будет задействовано законодательство иностранного государства и не каждый юрист (про простых граждан-обывателей мы вообще промолчим) сможет смело сказать, что является профессионалом именно в данной сфере юриспруденции, а тем более отягощенной иностранным элементом), но и иметь определенные гарантии, если вдруг кто-то из заинтересованных лиц по каким-то причинам захочет оспорить данную гражданско-правовую сделку и тем паче – признать ее недействительной. Так же в случае утери документально оформленной дарственной субъекты договорных правоотношений дарственного характера смогут вновь обратиться к своему нотариусу для выдачи копии документа.

Так какие же документы понадобятся заинтересованным лицам в данном случае? Перечень весьма существенен:

- квитанция об уплате госпошлины на регистрацию договора дарения;
- удостоверения личности/паспорта сторон правоотношения;
- кадастровый паспорт недвижимого имущества;
- в случае желания осуществления одним из супругов договора дарения имущества, находящегося в совместной собственности супругов (т.е. приобретенного в период после официальной регистрации брака) – письменное согласие второго супруга на совершение данной гражданско-правовой сделки;
- документы, подтверждающие право собственности дарителя на недвижимое имущество, выступающее предметом договора дарения;
- документы, содержащие полный перечень лиц, зарегистрированных в недвижимом имуществе, подлежащем дальнейшему дарению, если речь идет о жилом помещении;
- справка из Registro (аналог нашего БТИ) с описанием недвижимости;
- согласие опекуна/попечителя стороны сделки, которая еще не достигла совершеннолетия или является недееспособной/ограничено дееспособной к моменту заключения договора дарения на ее совершение;
- доверенность на осуществление гражданско-правовой сделки по отчужде-

нию недвижимого имущества посредством совершения дарения, если оформлением договора занимается третье лицо;

- заявления: одно от дарителя о просьбе зарегистрировать факт перехода права собственности на недвижимое имущество к одаряемому; второе от одаряемого о просьбе зарегистрировать его право собственности на подаренную ему дарителем недвижимость;

- квитанция, подтверждающая уплату налога Impuesto sobre Sucesiones y Donaciones – налога на наследство или дарение. Минимальный размер данного налога – 7,6 % от стоимости недвижимого имущества. Недвижимость дешевле 8.000 евро налогом не облагается. Недвижимость, стоимость которой превышает 815.000 евро может облагаться налогом размером до 34 % от стоимости объекта. Если участником гражданско-правового договора дарственного характера является несовершеннолетний субъект, то он выплачивает налог размером до 5 % стоимости недвижимого имущества.

Следует обратить внимание, что налог на предмет договора дарения уплачивается с непосредственной налоговой стоимости недвижимого имущества. В расчет берется кадастровая стоимость объекта с применением необходимых, установленных действующим испанским законодательством коэффициентов. Если по итогу эта стоимость менее 100.000 евро, а одариваемое лицо является близким родственником дарителя, то он вообще не будет уплачивать предусмотренный налог независимо от того является он резидентом страны налогообложения или нет.

Данной льготой на вполне законном основании смогут воспользоваться следующие категории участников договорных отношений по отчуждению имущества посредством заключения договора дарения, выступающие в качестве одаряемого лица, такие, например, как:

- дети, достигшие 21 года и старше;
- родители или усыновители дарителя;
- внуки, в случае смерти родителей – детей дарителя (прослеживается аналогия с правом представления, широко применяемом в российском наследственном праве);
- бабушки и дедушки, в случае смерти детей – родителей дарителя.

Местное законодательство отводит выгодоприобретателю на уплату налога месячный срок с момента оформления гражданско-правового договора дарственного характера или получения нотариального акта. Если заинтересованное лицо не проживает в Испании, ему нужно уплачивать налог в налоговую службу в Мадриде (Agencia Tributaria). Резиденты же оплачивают налоги на счета местных налоговых служб, расположенных в автономиях страны. Кроме того, если нерезидент государства считает, что он имеет право на получение льгот и вычетов, предусмотренных в данном случае правовыми нормами действующего законодательства автономий Испании, то ему нужно обращаться в органы местного самоуправления. Для уплаты налога на объекты договора дарение требуется заполнение бланка № 651 в письменном формате или электронной форме на сайте налоговой службы.

Если выгодоприобретателем по договору дарения будет являться лицо, не

являющееся резидентом Испании, то налогом будет облагаться только имущество, находящееся на ее территории. Данная норма введена в законодательство в результате участия Испании и Российской Федерации в различных международных соглашениях об избежании двойного налогообложения, в связи с чем все налоги, возникающие у лиц, в чьей собственности находится недвижимое имущество, уплачиваются в казну того государства, где это имущество непосредственно находится. При этом, если одариваемый не является испанским гражданином, то в стране его личного закона, т.е. в стране его гражданства, могут возникнуть доплаты, в случае применения к недвижимому имуществу, перешедшему в собственность по данному гражданско-правовому основанию как договор дарения более высоких налоговых ставок. Если же в вещные права вступает резидент Испании, то налог он должен будет оплатить со всех активов, независимо оттого, где они расположены – на территории государства резидентства или за его пределами.

Если договорные правоотношения оформляются между супругами, то такой документ не будет иметь для налоговой инспекции никакой юридической силы. Agencia Tributaria считает, что всё нажитое в браке – это общий актив супругов. Если предметом дарственных отношений будет выступать недвижимость, то даже после оформления дарственной, она будет все равно считаться совместно нажитым имуществом (российское законодательство на данный вопрос смотрит иначе). Такая ситуация связана с желанием налоговой службы обезопасить себя в случае, если один из супругов станет несостоятельным, т.е. несмотря на наличие гражданско-правового договора дарственного характера, на все совместно нажитое имущество супругов может быть наложен арест.

Во время совершения гражданско-правовой сделки по дарению недвижимого (да в принципе и любого другого) имущества, у каждой из сторон данного договора при себе должен быть экземпляр дарственной в оригинале, а также плюс еще одна копия документа. Дарителю обязательно нужно помнить и осознавать тот факт, что после заключения договора по отчуждению недвижимого имущества посредством совершения дарения с участием третьих лиц (т.е. когда от его имени была выдана доверенность на совершение вышеуказанных действий гражданско-правового характера), оспорить доверенность невозможно, за исключением случаев, когда речь идет о мошеннических действиях.

При заключении договорных правоотношений дарственного характера субъекту данных гражданских правоотношений (одаряемому лицу) положен налоговый вычет. Размер данного вычета в большей степени будет зависеть от того факта, является ли одаряемый дарителю близким родственником, имеются ли у него заболевания, перечень которых предусмотрен правовыми нормами действующего испанского законодательства или это совершенно посторонний по отношению к дарителю человек, так сказать «седьмая вода на киселе». Так кто же и в каком размере может воспользоваться этим вполне законным правом?

– 100.000 евро на детей возрастом старше 21 года, внуков-сирот, бабушек или дедушек при условии, что их собственные прямые наследники уже умерли, если одаряемые сами владеют имуществом на сумму не более 600.000 евро (несовершеннолетним, а также инвалидам положен больший вычет);

– 240.000 евро для инвалидов со степенью инвалидности 65–33 %;

– 120.000 евро на родителей или детей-инвалидов со степенью инвалидности 33 %;

– 95 % на родителей, детей, внуков-сирот, когда объектом гражданско-правовых правоотношений дарственного характера выступает юридическое лицо, занимающееся производством, переработкой и дальнейшей перепродажей сельскохозяйственной продукции с оборотом не больше 10 млн. евро. При этом императивная норма испанского законодательства предусматривает, что одаряемый должен в обязательном порядке заниматься данным бизнесом не менее 5 лет после вступления в свои вещные права на данное недвижимое имущество;

– 95 % на супругов, родителей или иных родственников по нисходящей линии, если в дар передается индивидуальный бизнес с оборотом не больше 10 млн. евро. В данном случае императивная норма испанского законодательства также предусматривает, что одаряемый должен в обязательном порядке заниматься данным бизнесом не менее 5 лет после вступления в свои вещные права на данное недвижимое имущество;

– 95 %, если в дар переходят доли в уставном капитале юридического лица. Императивные условия и требования дальнейшего вещного права также должны соответствовать вышеуказанным правовым испанским нормам;

– 1.000 евро, когда в качестве дара передаются деньги, которые должны быть вложены в юридическое лицо, осуществляющее свою непосредственную хозяйственную деятельность в области искусства, например, кинематография, театральная или музыкальная деятельность, изобразительное искусство, сфера образования, исследовательская или социальная деятельность.

При оформлении дарственных общественных отношений посредством заключения договора гражданско-правового характера лицам – субъектам этих правоотношений придется понести неизбежные расходы:

– налог на дарение, который рассчитывается в каждом конкретном случае индивидуально;

– *plusvalía* – налог на увеличение стоимости земли с момента продажи на момент покупки. Рассчитывается в зависимости от кадастровой стоимости земельного участка и фактического количества лет пользования им;

– расходы на нотариуса и регистр – около 1.200 евро;

– оплата услуг асессора или юриста.

УДК 34

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА «НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ ДЕТИ»

Минеева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук,
доцент

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: irina.min82@gmail.com

THE MAIN STAGES OF FORMATION AND FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE «ILLEGITIMATE CHILDREN»

Mineeva Irina Nikolaevna, PhD (History), Associate Professor
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной научной статье представлено исследование основных исторических аспектов, повлиявших на формирование понятия «незаконнорожденные дети»: момент возникновения данного понятия и дальнейшее влияние развития общественной жизни на отношение к таким детям. Кроме того, в исследовании рассматриваются особенности правового регулирования института «незаконнорожденные дети» как в России, так и на примере ряда зарубежных государств.

Ключевые слова: незаконнорожденные дети, бастард, внебрачные дети, наследственные отношения.

This scientific article presents a study of the main historical aspects that influenced the formation of the concept of «illegitimate children»: the moment of the emergence of this concept and the further influence of the development of public life on the attitude towards such children. In addition, the study examines the specifics of the legal regulation of the institution of «illegitimate children» both in Russia and on the example of a number of foreign countries.

Keywords: illegitimate children, bastard, illegitimate children, hereditary relations.

Особое внимание в данном исследовании стоит уделить социально-правовому статусу незаконнорожденных детей и непосредственному отношению общества и «семьи» к таким детям.

Если вспомнить отрывки исторических книг, а также фрагменты фильмов и сериалов характерного содержания, то на ум первым делом приходит такое понятие как «бастард». Так кто же это такие?

Понятие «бастард» появилось еще в Средневековье. Первое упоминание этого термина можно найти во французских источниках, датируемых XI в. Поскольку базисом для социальной жизни в Западной Европе того времени служила религия, церковный брак считался нерушимым. Бастардами же признавались дети, рожденные вне брака, которые не могли претендовать ни на какой-либо статус, ни на наследство, ни на легитимное признание. Более того, средневековое общество относилось к таким людям с весьма явным неприкрытым презрением.

Интересна и особенность происхождения этого слова. Его значение лингвистически связано с латинским «bastum» (прямой перевод – «седло»), но употребляется эта основа уже не в прямом, а в переносном смысле. Получилась вполне логичная цепочка: «bastardus» – «зачатый в седле» – «ребенок, зачатый на ходу неким путником». Это значит, что дитя родилось не от законных супругов в оседлом браке, а походу, случайным образом.

Что касается русского языка, то в соответствии с «Толковым словарем» В. Даля, бастард – это не только незаконнорожденный ребенок, но и гибрид животных или некая помесь от скрещивания растений разных видов [1, с. 199].

В Средние века любая связь вне брака считалась постыдной и как дитя позора незаконнорожденный ребенок не мог наследовать ни имя, ни титул, ни земли

знатного родителя. Однако некоторых бастардов все же признавали. Обычно это были дети высокопоставленных особ, обладавших достаточной властью, чтобы в некоторой степени «узаконить» такого ребенка и обеспечить ему будущее.

Бастарды королевской крови могли претендовать даже на титул, но лишь в том случае, если их мать была дочерью князя или представителя такого же знатного рода. На практике нередкими были случаи, когда мужья подговаривали своих жен соблазнить знатного мужчину, чтобы зачать ребенка и, таким образом, получить пожизненное обеспечение.

Однако внебрачное происхождение отнюдь не считалось табуированной темой, и эти вопросы зачастую обсуждались на законодательном уровне. Самые яркие примеры таких законов – это «Мертонский статут» (1235 г.) и «Законы о бедных», принятые в Англии в 1536-м. Это были отличные попытки предотвратить конфликты и судебные тяжбы путем регулирования прав наследования и снятия некоторых социальных ограничений. А запретов для незаконнорожденных детей было немало. Например, возмужавшие бастарды в последующем не могли практиковать в качестве врачей и не могли занимать никаких публичных должностей.

Дискриминационное положение внебрачных детей, черной нитью пронизавшее целую эпоху от VII до XI вв., медленно, но уверенно менялось. Эти изменения коррелировали с продиктованными жизнью изменениями в имущественном праве и семейном законодательстве.

Особенно это было заметно во времена разработки григорианской реформы, ужесточившей рамки брака и запретившей инцест и полигамию, и затем позже, когда в Европе начали практиковать принципы майората вместо завещательных свобод, позаимствованных у древних римлян.

В этом плане переломным моментом можно считать пограничье XIV–XV вв., кардинально изменившее отношение к незаконнорожденным детям.

Некоторые значимые города наделили бастардов правом стать своими полноправными жителями, были приняты законы, позволяющие оделять бастардов (еще не имевших право наследовать основное имущество) щедрыми дарами в виде движимого имущества, обеспечивать расширенным приданым и наделять их пожизненным пансионом.

Помимо этого, незаконнорожденные получили право на собственную геральдику. Так, герб бастарда мог повторять символику дома его отца, но при одном условии: рисунок перечеркивался красной линией («перевязью»), которая указывала на его особый статус. Ну, и саму дворянскую перевязь бастарды тоже могли носить, но, в отличие от законных наследников, крепиться она должна была не на правом, а на левом плече.

В это же время в Британии был провозглашен «Акт о законнорожденности», который признавал равенство всех детей. А уже во второй половине XVIII в. подобные законодательные акты были подписаны и правительством США.

Теперь же обратимся к истокам нашей истории касаясь законнорожденности ребенка и его социально-правового статуса в обществе. Во времена распространения на Руси язычества, обычным институтом семейных отношений при-

знавалось многоженство, однако в последующем с проведением массовой христианизации населения церковь стала рьяно бороться с данным институтом и с весьма резким порицанием относилась к появлению на свет внебрачных детей. Светское законодательство, которое в тот период времени находилось под огромным влиянием духовенства, так же, как и последние весьма жестко насаждало негативное отношение в обществе к таким детям. Причем такой позиции указанные субъекты придерживались весьма длительное время, а именно столетиями.

В древнерусском обществе сформировалось весьма твердое мнение, что из незаконнорождённых детей в последующем могут вырасти только «тати», т.е. воры, разбойники и «блуди» – гулящие, проститутки. И на практике очень часто так и случалось, ведь само общество посредством своего весьма подозрительного, негативного, а иногда и попросту презрительного отношения к таким детям формировало и усиливало их асоциальность, толкая тем самым в среду антиправственных элементов [2, с. 74].

Так Миронов Б. Н. отмечает, что русские крестьяне весьма резко относились к рождению детей вне брака, особенно если такой ребенок в последующем еще и не узаконивался последующим законным браком. Женщины, родившие ребенка вне брака, приносили в свою семью только позор и презрение односельчан. Без помощи родителей, которые в таких ситуациях чаще всего отворачивались от своих непутевых дочерей, не выясняя причин безбрачного зачатия ребенка (ведь девушку могли просто изнасиловать; «Сама виновата, нечего перед парнями хвостом крутить», – сказал бы в такой ситуации ее строгий отец), а видя в этом только позорный результат, молодым матерям грозила нищета и голод. Нередко под натиском осуждения, сплетен и косых взглядов односельчан им приходилось покидать родную деревню и перебираться в город, где их ждала не лучшая участь, чем в деревне. Чтобы хоть как-то прокормить себя они становились проститутками, а ребенка подкидывали или, находясь в состоянии глубокого отчаяния, попросту убивали. Ведь ни родители матери, ни государство, ни община по закону не должны были материально содержать таких детей [3, с. 147].

Впервые юридические основания для признания в последующем ребенка незаконнорожденным нашли свое отражение в таком весьма исторически известном законодательном акте средневековой России как Соборное Уложение 1649 г. (ст. 280 гл. 10, ст. 15 гл. 16). Так, в нем было указано, что «незаконнорождёнными», «выблядками» являлись лица, которые были прижиты от наложницы, даже если отец ребенка и заключил с этой женщиной в последующем законный брак; произошедшие от прелюбодеяния; появившиеся в незаконном браке, т.е. с четвертой женой [4, с. 164].

Законодательство средневековой России не предоставляло таким детям никаких конкретных прав, даже если впоследствии брак между их родителями и был узаконен. В первую очередь это касалось наследования имущества отца (особенно недвижимого) и было направлено на защиту целостности поместий и вотчин, которые имели родовой характер. Незаконнорождённый ребенок был вне семьи и вне рода, поэтому и наследственных прав на родовое имущество

естественно тоже не имел. При крещении таким детям давалось любое имя, а отчество чаще всего они получали от человека, участвовавшего в таинстве крещения в качестве их крестного отца; носить фамилию матери или отца им также запрещалось.

Несмотря на то, что Соборное Уложение на законодательном уровне запретило узаконивать внебрачных детей, церковь, наоборот, всяческими путями старалась «привенчивать» их родителей посредством заключения брака между ними, который, однако был возможен только в период беременности женщины. Подобные действия в последующем облегчали процедуру юридического установления родства между отцом и ребенком, а также позволяли последнему участвовать в наследственных правоотношениях после смерти своих родителей.

Петровское законодательство рассмотрение дел о незаконнорождённых детях переводит из рук церкви и отдает их в руки власти светской, при этом русское законодательство того периода времени следовало принципу «maternitata» – материнства, который сводился к тому, что только мать должна была непосредственно заботиться о своем незаконнорождённом ребенке (кормить, воспитывать, содержать его), а розыск отца с этой целью не допускался. Мать в отношении своего внебрачного ребенка обладала безграничной родительской властью, ребенок всегда следовал состоянию матери, т.е. ее положению в обществе и подобная тенденция сохранялась вплоть до начала XX в. [5, с. 11].

В последующем, ознакомившись с основами европейского законодательства, Петр I в Воинских артикулах 1715 г. и Морском уставе 1720 г. постановил, что «если холостой человек пребудет с незамужней девицей и она от него родит, то он будет обязан по возможности и состоянию своему обеспечивать содержание ее и младенца, а также будет наказан тюрьмою и церковным покаянием в случае, если не женится на ней» [6, с. 46]. И это была первая попытка закрепить непосредственную обязанность отца по содержанию своих незаконнорождённых детей в российском законодательстве. Однако она всё же носила больше субсидиарный характер, а полное содержание детей данной категории все же ложилось на плечи их матерей.

Что касается участия внебрачных детей в наследственных правоотношениях после смерти своих родителей, то тенденция допетровского времени сохранялась по этому вопросу и в период его правления, и незаконнорождённым детям никогда не предоставлялись права наследования ни в имуществе их потенциального отца, ни в имуществе их матери. Хотя в виде снисхождения, Высочайшей милости на практике встречались случаи допуска таких детей к наследованию имущества отца наравне с его законнорожденными отпрысками.

В период правления Александра I случаи узаконения незаконнорожденных детей стали учащаться, и тайный советник императора Трошинский даже поставил данный вопрос на обсуждение Государственного Совета, считая, что подобные действия в последующем весьма пагубно будут влиять на нравы общества и ослаблять ценности института брачного союза, ведь зачем нужно вступать в законный брак, если можно сделать это потом, когда вдруг на свет появиться ребенок, а если такого не произойдет, то можно и дальше жить в блуде.

Трошинский считал, что подобное узаконение должно рассматриваться как великая монаршая милость, причем даруемая не каждому желающему, а только лицам, имеющим высочайшие заслуги перед отечеством и в соответствии с конкретными обстоятельствами дела. Обращаться с таким высочайшим прошением к правящему монарху могли отец ребенка, мать в случае смерти отца, родной брат отца ребенка, опекуны в случае приложения доказательств, что предполагаемый отец ребенка сам имел твердое намерение ходатайствовать об узаконении своего незаконнорождённого чада [5, с. 13].

Такой порядок продолжался до вступления на престол Николая I, который крайне негативно относился к незаконнорожденным детям, считая, что процесс их узаконения ничего кроме как неудобства обществу в целом, а также противоречия духовному и гражданскому закону не принесет, в связи с чем в годы его правления все прошения об узаконении внебрачных детей, приносимые ходатайствующими лицами ему на рассмотрение, оставались без движения. Законодатель как бы старался забыть о практическом существовании детей данной категории и всяческими путями старался обходить процесс урегулирования их правового положения путем издания соответствующих норм права в данной области, считая данный вопрос весьма щекотливым.

Правовые нормы действующего законодательства практически не содержали никаких конкретных прав и обязанностей внебрачных детей. Основные положения сводились к строгому запрету для таких детей пользоваться правами законных детей. Систематизация права в данной области общественных отношений выявила огромные пробелы, ведь долгое время положение данных субъектов регулировалось нормами церковного и светского византийского права, отсутствовала определенность, последовательность принятия и систематизации уже действующих правовых норм, а крайне негативное отношение государства, общества и церкви к таким детям, не сулило им ничего хорошего в их дальнейшей жизни, только еще больше усугубляя и без того существовавшее плачевное состояние дел.

В последующем в законодательстве все-таки появился акт, позволяющий внебрачным детям наследовать имущество своей матери и получать ограниченное содержание от отца. Появилась и возможность получать фамилию, являющуюся производной от благородного рода (например, незаконнорожденные дети Трубецких могли носить фамилию Бецкие). Они имели право занимать высокопоставленные должности и претендовать на часть имущества именитых родителей. Однако это правило, естественно, сохранялось лишь для тех, чьи мать и отец были представителями дворянских династий.

Приведенные примеры бесправного положения детей (особенно незаконнорождённых) в семье, обществе и государстве не содержат исчерпывающий перечень проблем, которые можно решить именно с помощью института правовой защиты материнства и детства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Москва : Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с.

2. Потепалов, Д. В. Права внебрачных детей в царской России // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 3. – С. 74-76.
3. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 566 с.
4. Соборное Уложение // Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. – Москва : Проспект, 2004. – 347 с.
5. Войнилова, И. Г. Правовое положение незаконнорожденных лиц в период систематизации права в России в 1649-1833 гг. // Вестник пермского университета. Юридические науки. – 2014. – Вып. 2. – С. 10-16.
6. Воинский Артикул 1715 года // Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров / под ред. проф. О. И. Чистякова. – Москва : Юрист, 2004. – 347 с.

УДК 347

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ИПОТЕКИ (ЗАЛОГА НЕДВИЖИМОСТИ) И ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Моисеева Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Соболева Ксения Геннадьевна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: e.n.moiseeva@ruc.su, st807135@ruc.su.

ON THE ISSUE OF THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF MORTGAGE (REAL ESTATE COLLATERAL) AND ITS LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Moiseeva Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor
Soboleva Ksenia Gennadievna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются основные этапы становления института залога недвижимости (ипотеки) и его правового регулирования. России, с ее богатыми земельными ресурсами, залог недвижимости известен с XV века. Современная нормативно-правовая база залога недвижимости была сформирована на стыке XX и XXI вв. В истории становления самого института ипотеки и его правового регулирования наглядно просматриваются четыре этапа: средневековый, дореволюционный, советский и постсоветский (современный).

Ключевые слова: ипотека, залог недвижимости, ипотечное кредитование, недвижимость, история ипотеки.

The article discusses the main stages of the formation of the institution of real estate collateral (mortgage) and its legal regulation. Russia, with its rich land resources, has known the pledge of real estate since the XV century. The modern regulatory framework for real estate collateral was formed at the junction of the XX and XXI centuries. In the history of the formation of the mortgage institution itself and its legal regulation, four stages are clearly visible: medieval, pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet (modern).

Keywords: mortgage, real estate collateral, mortgage lending, real estate, mortgage history.

В последние десятилетия в российском обществе на пике популярности находится институт ипотеки (залога недвижимости). Являясь финансовым и правовым институтом, она подробно регулируется нормами действующего российского законодательства, которые находятся в постоянном изменении и совершенствовании. В современном мире ее использование связано с практикой жилищного кредитования. Ипотека является показателем стабильности экономических отношений в обществе, когда граждане принимают на себя существенные денежные обязательства и выполняют их в установленные сроки. Ипотечное кредитование (с помощью залога недвижимости) имеет большое социальное значение – посредством него граждане страны обеспечивают свое конституционное право на жилище. Число людей, воспользовавшихся механизмом ипотеки постоянно растет, в связи с чем законодательство в этой области стремительно развивается.

Однако институт ипотеки имеет глубокие корни, уходящие еще в Древний Египет и Грецию, где и начинается использование гарантии долговых обязательств в виде предоставления участка земли под залог. Само понятие «ипотека» приходит к нам из Древнего Рима, где ипотека была формой залога, наряду с фидуцией и пигнусом. Причем, и само понятие «недвижимость», и объекты в него включаемые в разных странах трактовалось по-разному [5, с. 470].

В Древнем Риме «заложить» можно было как недвижимое, так и движимое имущество.

На Руси, с ее богатыми земельными ресурсами, залог недвижимости известен с XV века, когда также появилась возможность распоряжаться земельными наделами. Тогда же появляется и понятие «закладная кабала», обозначающее документ, по которому крепостной крестьянин, получивший землю, оказывался практически в неоплатном долгу перед помещиком. Поэтому, это словосочетание характеризовало еще и статус крестьянина. Впоследствии предметом залога становились не только земли, но и сами крепостные крестьяне (души). Таким образом, любое принимаемое обязательство стало называться кабалой. В настоящее время «кабалой» называют ипотеку исследователи, подвергающие критике данный институт.

В XVIII веке в залоговых отношениях появляется третий субъект – банки, первые из которых появляются в Москве и С-Петербурге. Появляется практика залога домовладений дворян и помещиков, которые в случае неуплаты долга в банки, «уходила с молотка» на торгах. Механизму оформления залога недвижимости в банках придается особое внимание, появляется договор ипотеки доступность ипотечного кредитования для населения в дореволюционной России.

Существенным прорывом в правовом регулировании института залога недвижимости стал принятый в ноябре 1906 года Указ П. Столыпина, по которому была отменена неотчуждаемость крестьянских наделных земель. Был отменен запрет передачи отмены передачи крестьянских наделных участков в залог физическим лицам.

В 1913 году создаются кассы городского земского кредита, подтверждающие доступность ипотечного кредитования в дореволюционной

России. Таким образом, начиная с первых упоминаний о залоге в Псковской Судной грамоте, и до 1917 года институт ипотеки в России прошел все этапы развития, характерные для капиталистических государств. Ипотека на капиталистических принципах имела правовую опору в виде Свода гражданских законов М. М. Сперанского, в нормах которого подчеркивалось, что предмет залога всегда выступает материальный объект – недвижимость [6].

Переход России к советскому периоду сопровождался отсутствием права собственности граждан на жилье и землю, поэтому залог недвижимости (ипотека) не использовался в правоотношениях частных лиц и организаций.

Попытки возродить этот институт были предприняты в 1922 году в условиях новой экономической политики Владимира Ленина. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года уже содержал статью 85 «Вещное право», содержащей норму, по которой силу залога кредитор (залогодержатель) имеет право в случае невыполнения должником обеспеченного залогом требования получить преимущественно перед другими кредиторами из ценности заложенного имущества.

В 1964 году был принят ГК РСФСР, действовавший до 2008 года. Он уже давал характеристику понятию залога. Однако залог в этот период редко использовался, потому что существовавшая плановая экономика использовала другие способы исполнения обязательств. Таким образом, в течение всего советского периода (70 лет) институт залога недвижимости (ипотека) был

Резкий поворот к использованию залога недвижимости был предпринят после 1991 года с возникновением частной собственности, проводимой в стране приватизацией и появлением, в конечном итоге, рынка недвижимости. Социально-экономическое положение в стране было достаточно нестабильным, происходило банкротство организаций, платежи по кредитам были просроченными. Важным моментом в развитии залога было принятие Закона РФ от 29 мая 1992 г. № 2872-1 «О залоге». Данный нормативный акт урегулировал пробелы, которые были в ранее имевшихся документах. Вопросы кредита под залог недвижимости не регулировались, поэтому появлялись спорные моменты. Сделки, связанные с вопросами ипотеки, регулировались договорами купли-продажи.

В данном законе, действовавшем до 1 июля 2014 года, более полно были раскрыты и дополнены такие понятия, как ипотека, категории обязательств, ценные бумаги, специфика правоотношения, характер требований, предмет и договор залога, оценка объекта. А 16 июля 1998 г. был принят специальный закон № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [2].

В статье 1 закона определяются основания возникновения ипотеки, первым из которых назван договор, в котором одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.

В целом следует сказать, что в этот период формируется нормативно-правовая база института ипотеки: ФЗ № 102, часть первая Гражданского кодекса РФ, принятая в 1994 году; Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 года № 122-ФЗ (утративший силу с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[4]), Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 года № 135-ФЗ [3] и другие нормативные акты.

Статья 334 Гражданском кодексе Российской Федерации определяет, что залог применяется с целью обеспечения обязательства, при котором кредитор имеет право в случае неисполнения должником обеспеченного залогом обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя – лица, которому принадлежит это имущество [1]. Общие правила о залоге, содержащиеся в ГК РФ, применяются к отношениям по договору об ипотеке в случаях, когда кодексом или законом не установлены иные правила.

Таким образом, ипотека – это весьма распространенное явление современной жизни, имеющее многовековую историю, в результате которой была выработана нормативно-правовая база и документ, оформлявший залог недвижимости – договор ипотеки.

В истории становления самого института ипотеки и его правового регулирования наглядно просматриваются четыре этапа: средневековый, дореволюционный, советский и постсоветский (современный).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; в ред. от 08 августа 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федер. закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ; в ред. от 12 июня 2024 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 19.09.2024 г.).
3. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ; в ред. от 14 февраля 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.
4. О государственной регистрации недвижимости: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ; в ред. от 8 августа 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.
5. *Моисеева, Е. Н.* Понятие «недвижимость» в зарубежном и отечественном гражданском законодательстве / Е. Н. Моисеева, О. Н. Куманьева // Инновации в образовательной среде: материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 08–09 апреля 2015 года / Саранский кооперативный институт РУК. – Саранск : ЮрЭксПрактик, 2015. – С. 470-472.
6. *Шубин, В. С.* Об истории и правовых аспектах ипотеки в России / В. С. Шубин // Закон. Право. Государство. – 2023. – № 1(37). – С. 138-140.

УДК 35.081.711

**К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ
В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Моисеева Елена Николаевна, кандидат философских наук,
доцент

Суродеева Ксения Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: e.n.moiseeva@ruc.su, st807305@ruc.su.

**ON THE ISSUE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN ARBITRATION PROCEEDINGS**

Moiseeva Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), Associate Professor

Surodeeva Ksenia Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве, приводятся примеры способов его рационального применения. Нейронные сети могут быть использованы в судебном делопроизводстве, для информационно-аналитической помощи, при экспертизе доказательств и формировании судебных решений.

Ключевые слова: арбитражный процесс, арбитражное судопроизводство, искусственный интеллект, нейронные сети, цифровизация судопроизводства.

The article discusses the possibility of using artificial intelligence in arbitration proceedings, provides examples of ways to use it rationally. Neural networks can be used in court records management, for information and analytical assistance, in the examination of evidence and the formation of court decisions.

Keywords: arbitration process, arbitration proceedings, artificial intelligence, neural networks, digitalization of legal proceedings.

В последние годы все общественные процессы переводятся в электронный формат. В современном мире повышается уровень правосознания граждан, в связи с чем растет потребность в правовой информации. Современный человек ответы на волнующие его вопросы и решение возникающих проблем ищет в поисковых системах сети Интернет.

Лица, интересующиеся правовыми вопросами, в том числе и в сфере арбитражного судопроизводства, все чаще обращаются к электронным приложениям (чат-ботам, нейросетям, искусственному интеллекту), которые в автоматическом режиме дают ответы на поставленные вопросы в рамках действующего законодательства.

Цифровизация коснулась и арбитражного судопроизводства: произошел переход на безбумажный обмен информацией между всеми участниками процесса; движение дел из суда в суд в электронном формате; проведение заседаний с помощью видеоконференцсвязи; передача уведомлений участникам процесса путем сообщений в мессенджерах и многое другое, позволившее заменить тру-

доемкие процедуры фиксации процессуальных действий и тем самым ускорить правоприменительные процессы.

Арбитражные суды всегда первыми шли навстречу новшествам и внедряли электронные технологии. Автоматизация судебного делопроизводства, сервис «Мой Арбитр», и другие системы обработки информации значительно облегчили работу судебных органов, ускорив ее, и повысив доступность правосудия. Элементы искусственного интеллекта применяются российскими судами уже с 2019 года, когда была введена автоматизация распределения дел между судьями.

Свою эффективность подтверждает и упрощенное производство в арбитражном процессе, осуществляемое полностью в электронном формате, без явки сторон в судебное заседание и имеющее отличия по срокам рассмотрения спора. Поэтому автоматизированное рассмотрение определенных категорий дел не новость для арбитражных судов.

В связи с этим в последнее время встает вопрос об использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве путем обращения к нейросетям – компьютерным системам, содержащим огромный объем информации и подбирающим из нее необходимый ответ для заданного вопроса.

Нейросети – это компьютерные системы, вдохновленные структурой и функционированием человеческого мозга, способные к обучению и адаптации. Эти технологии обеспечивают возможности для автоматизации сложных задач, анализа больших объемов данных и даже принятия решений на основе обучения и опыта.

Пример использования искусственного интеллекта при вынесении судебных решений уже известен российскому правосудию. В рамках пилотного проекта мировые судьи Белгородской области подключили искусственный интеллект для подготовки судебных приказов по взысканию налоговых задолженностей. Искусственный интеллект не выносит судебный приказ, но готовит документы и проверяет реквизиты для взысканий по трем видам налогов: имущественного, транспортного и земельного, чтобы сэкономить время судьи [2].

Все исследователи, публично высказавшиеся по этому вопросу, убежденно утверждают, что системы искусственного интеллекта не смогут заменить живого судопроизводства с судьей и весь комплекс правовой помощи им оказываемой. Рассматривая любое дело, судья подробно разбирается в его обстоятельствах, учитывает множество факторов, деталей, которые могут сыграть значительную роль для дальнейшего решения.

Искусственный интеллект не сможет оценить сложные обстоятельства, мотивы и эмоции в поведении лиц, участвующих в деле, не способен разобраться в фабуле дела. Судья выясняет историю ситуации, сопоставляет доказательства, применяя логику, и на основании этого выстраивает свою позицию по делу. Нейросеть же может только обрабатывать информацию и не способна понять особенности каждого отдельного случая и применить их в практическом контексте.

Получая запрос, нейросети выдают наиболее вероятный результат, на основе имеющихся в них данных. Однако он (результат) не всегда может быть пра-

вильным и может быть устаревшим, так как законодательство постоянно изменяется. Суд же не может допустить предоставления лицам, участвующим в деле, неправильно составленного документа или устаревшей информации.

Нейросети могут быть использованы лицами, участвующими в деле и их представителями для изучения судебной практики по схожим делам и при формировании правовых стратегий. Однако вся информация, представленная искусственным интеллектом, должна быть тщательно проанализирована и проверена, а при ее использовании оформлена в соответствии с действующим законодательством.

Используя нейросети, лица должны быть осторожны при вводе информации с со своими данными, так как при последующих запросах другими лицами, искусственный интеллект может выдать информацию, в результате чего может произойти ее разглашение.

При ведении судебных разбирательств по экономическим спорам можно использовать нейронные сети для анализа судебной практики, оценки возможных рисков принимаемых решений, прогнозирования исхода судебных дел, подготовки юридических документов с последующим детальным анализом полученных материалов с учетом действующего законодательства. Условием их использования является предоставление корректных результатов работы и актуальной информации по запросу.

Специальные программы для распознавания сфальсифицированных документов можно использовать при анализе доказательств. При определении достоверности свидетельских показаний нейросети можно использовать, чтобы распознать ложь в речи человека.

Преимущество нейронных сетей также заключается в том, что они могут выявлять значимые обстоятельства в большом объеме данных. Это приведет к более тщательному рассмотрению дел, что способствует защите прав как основной цели правосудия. Примером использования искусственного интеллекта может служить его применение для удовлетворения запросов, требующих немедленного ответа, например, заявлений на принятие мер по обеспечению иска.

Нейронные сети не обладают эмоциями и чувствами, что исключает их влияние на принятие решений и это является аргументом в их пользу. В связи с вышесказанным, использование нейронных сетей для ускорения рассмотрения споров в арбитражных судах, при сохранении показателей качества, улучшит работу арбитражного судопроизводства.

Таким образом, информация, представленная нейронными сетями может быть неточной или предвзятой, ошибочной или неверной. Судьи же при рассмотрении дела используют свои знания и опыт, индивидуальный подход ко всем участникам судебного процесса.

Д. О. Дрозд считает, что использование искусственного интеллекта способно разделить процесс формирования правосудия на две совершенно разные эпохи. Согласимся с его мнением, что искусственный интеллект можно использовать на всех стадиях арбитражного судопроизводства: при подготовке дела к судебному разбирательству, для оценки доказательств и подготовки судебных актов, при пересмотре судебных актов и при их исполнении [3].

Зарубежная судебная система первые попытки использования нейросетей предприняла уже в конце XX века. В настоящее время системы, анализирующие факты по делу и готовые вероятно возможное решение достаточно популярны в странах англо-саксонской системы права (Англии, США, Японии), где действует прецедентное право.

В декабре 2019 года Еврокомиссией была принята Европейская этическая хартия использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной системах. В ней сформулированы основные принципы использования искусственного интеллекта в судебной системе, к которым относятся принцип уважения фундаментальных прав (право на получение обоснования принятого с использованием искусственного интеллекта решения вплоть до раскрытия используемых больших данных и применяемых алгоритмов их разработки); принцип недискриминации («запрет осуществлять с применением искусственного интеллекта обработку, классификацию, использование данных, приводящие к дискриминационным действиям»); принцип качества и безопасности («обработка судебных решений и иных судебных данных с применением сертифицированных технологий искусственного интеллекта»); принцип относительной прозрачности (использование открытого исходного кода, доступных для внешнего изучения баз данных (датасетов) для обучения системы, доступность документации и понятные человеку алгоритмы нейронных сетей и результаты); принцип пользовательского контроля (право на получение данных, использование услуги по их обработке сертифицированной системой искусственного интеллекта для определения обоснованности использования рекомендаций, предложенных искусственным интеллектом, при принятии судебного решения) [1, с. 138].

Таким образом, учитывая, что будущее принадлежит новым технологиям, в том числе в сфере арбитражного судопроизводства, нет необходимости полностью отрицать участие искусственного интеллекта в судебных разбирательствах. Нейронные сети могут быть использованы в судебном делопроизводстве, для информационно-аналитической помощи, при экспертизе доказательств и формировании судебных решений, в целом для оптимизации судебного процесса и освобождения аппарата суда от рутинной работы. Среди проблем, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта, можно выделить возможность утечки конфиденциальной личной информации, отсутствие нормативно-правовой базы его использования и другие. Поэтому, необходимо принять нормы, регулирующие процессы использования искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апостолова, Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 135-141.
2. В России искусственный интеллект привлекли к вынесению судебных решений. РИА Новости, 25.05.2021 URL: <https://ria.ru/20210525/intellekt-1733789200.html> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Дрозд, Д. О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – URL: [// hse.ru/sci/diss/900339390](https://hse.ru/sci/diss/900339390) (дата обращения: 28.09.2024).

**ДОГОВОР О ФИНАНСОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО
МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ**

Панфилов Михаил Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент

Логутенков Александр Владимирович, преподаватель

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: mpanfilov@ruc.su, a.v.logutenkov@ruc.su

**AGREEMENT ON FINANCIAL SUPPORT FOR COMPULSORY
MEDICAL INSURANCE**

Panfilov Mikhail Anatolyevich, PhD (Pedagogy), associate professor

Logutenkov Alexander Vladimirovich, teacher

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье авторами рассматриваются вопросы договорного регулирования сферы обязательного медицинского страхования России, анализируются основные принципы организации медицинского страхования. Достаточно подробно проводится изучение основных характеристик договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, принципы медицинского страхования, обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, договор о финансовом обеспечении.

In this article, the authors examine the issues of contractual regulation of the sphere of compulsory medical insurance in Russia, analyze the basic principles of organizing medical insurance. A fairly detailed study of the main characteristics of the contract on financial support of compulsory medical insurance is conducted.

Keywords: compulsory medical insurance, principles of medical insurance, compulsory medical insurance, voluntary medical insurance, contract on financial support.

Национальный институт социального страхования (пенсионное, медицинское и другое) является не только основным способом реализации прав граждан на социальное обеспечение, но и одной из важных составляющих действующей экономической системы. Социальные явления и процессы, направленные на удовлетворение гарантированных социальных потребностей общества, является частью общемировой политики.

Современный этап развития системы социальной поддержки населения страны характеризуется скачкообразной активизацией процесса правового регулирования вновь складывающихся общественных отношений. В результате чего наблюдается интенсивное формирование новых норм права и правовых институтов.

Анализ действующих норм права, регламентирующих область социальной поддержки населения (особенно вопросы медицинского характера), подтверждает, что она выходит за пределы отрасли права социального обеспечения и носит межотраслевой характер.

Современное медицинское страхование является ключевым элементом со-

временной системы здравоохранения, играющим ключевую роль в обеспечении доступности и качества медицинской помощи для населения. В рамках теоретических аспектов данного явления, обсуждаются основные принципы организации, функции, и механизмы регулирования медицинского страхования.

Сущность медицинского страхования состоит в предоставлении финансовой защиты от неожиданных медицинских расходов через перераспределение рисков между участниками системы. Это позволяет снизить финансовые бремена на индивидуальном уровне и распределить их более равномерно среди всех участников [1, с. 62].

Основными сторонами этого процесса являются страхователь (чаще всего индивидуальный или корпоративный клиент), страховщик (страховая компания или государственный фонд) и застрахованный (лицо, получающее страховую защиту).

Медицинское страхование имеет различные виды, включая обязательное и добровольное страхование, а также различные формы организации, такие как государственное, частное и смешанное страхование.

Обязательное медицинское страхование предполагает участие всех граждан в системе страхования на законодательном уровне, обеспечивая им доступ к базовым медицинским услугам.

Добровольное страхование, напротив, основывается на индивидуальном выборе участников и может предоставлять более широкий спектр медицинских услуг и возможностей.

Теоретические аспекты медицинского страхования включают в себя анализ принципов его организации, таких как принцип солидарности, актуарной справедливости и управления рисками.

Принцип солидарности подразумевает распределение финансовой ответственности между всеми участниками системы с учетом их финансовых возможностей и потребностей в медицинской помощи. Все участники системы должны нести ответственность за здравоохранение других участников, основываясь на принципе социальной справедливости и солидарности. Это обеспечивает доступ к медицинской помощи для всех, независимо от их социального статуса или финансового положения [2, с. 43].

Актуарная справедливость заключается в том, что размер взносов страхователей должен соответствовать статистическим показателям риска, связанного с их здоровьем и медицинскими потребностями. Другими важными аспектами теории медицинского страхования являются механизмы управления рисками, включающие в себя актуарные методы оценки, резервирование и перестрахование. Актуарные методы позволяют страховщикам оценивать вероятность возникновения страховых случаев и определять соответствующие тарифы и взносы. Резервирование позволяет обеспечить финансовую устойчивость страховой компании и возмещение убытков по страховым случаям. Перестрахование, в свою очередь, позволяет страховщику перераспределить часть рисков на другие страховые компании, снижая свою финансовую нагрузку [3, с. 18].

В настоящее время отношения между участниками системы обязательного медицинского страхования оформляются различными договорами, одним из

которых является договор о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования.

Договор о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования представляет собой гражданско-правовой договор, имеющий публичные элементы, который заключается между страхователем и страховщиком с целью обеспечения финансовых ресурсов для осуществления

медицинского страхования в пользу застрахованных лиц.

Основные составляющие договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования включают:

1. Определение страхового покрытия. Важным аспектом любого договора обязательного медицинского страхования является определение страхового покрытия. Это включает в себя указание конкретных медицинских услуг, которые будут покрываться страхованием. Подобное определение включает в себя широкий спектр медицинских услуг, начиная от визитов к врачу и лечения в стационаре до диагностических процедур, лекарственных препаратов и реабилитационных мероприятий.

Каждая услуга или процедура подлежит четкому определению, чтобы избежать неоднозначности и конфликтов при реализации страхования.

Также важно учитывать возможные изменения в медицинской практике и технологиях при определении страхового покрытия и регулярно обновлять условия страхования. Цель медицинских услуг состоит в предотвращении, диагностике и лечении заболеваний, реабилитации пациентов, поддержании и укреплении здоровья. Состав медицинских услуг включает консультации врачей, диагностические исследования (лабораторные и инструментальные), терапевтические и хирургические вмешательства, реабилитационные процедуры и профилактические мероприятия. Исполнителями медицинских услуг являются квалифицированные медицинские специалисты, такие как врачи, медсестры, лаборанты, физиотерапевты и другие.

Кроме того, в рамках базовой программы ОМС оплачивается услуга по оказанию помощи и медицинской эвакуации. При этом вызов скорой помощи для констатации биологической смерти не подлежит оплате за счет ОМС.

Медицинские услуги могут предоставляться в амбулаторных условиях (поликлиники, амбулатории), стационарных условиях (больницы, клиники) или на дому.

Определение страхового покрытия также включает в себя указание условий и ограничений, которые могут быть применены к некоторым видам медицинских услуг. Например, страхование может предусматривать лимитированный доступ к определенным видам медицинских услуг или требовать предварительного согласования для некоторых процедур.

Договор должен четко определять, какие медицинские услуги и процедуры будут покрываться страхованием. Это включает в себя список медицинских услуг, диагностических процедур, лекарственных препаратов и т.д., которые застрахованные лица имеют право получить в рамках программы.

2. Условия страхования. Договор должен устанавливать условия страхования, включая размер страховых взносов (премий), сроки их уплаты, условия выплаты страховых сумм и другие финансовые аспекты.

3. Обязательства сторон. Договор определяет обязательства как страхователя, так и страховщика. Страхователь обычно обязуется предоставить необходимые финансовые средства для обеспечения медицинского страхования, а страховщик обязуется осуществлять страхование и выплачивать страховые суммы в соответствии с условиями договора.

Важным условием является целевое использование выделенных денежных средств, а также возвращение остатка неиспользованной суммы по окончании финансового года. За нецелевое использование медицинская организация и её должностные лица могут быть привлечены к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности.

Учет расходов является важным инструментом управления финансовыми ресурсами и позволяет оценить эффективность использования средств, а также выявить потенциальные риски и неэффективные затраты. Для этого осуществляется, в том числе, аудит финансовых операций, который направлен на проверку соответствия действия сторон условиям договора и обнаружения возможных нарушений и недочетов.

4. Процедуры управления и контроля. Договор может содержать положения о процедурах управления и контроля за выполнением условий страхования, включая механизмы мониторинга качества предоставляемых услуг, учета расходов и аудита финансовых операций.

С целью проверки обоснованности, доступности и качества оказания той или иной медицинской услуги страховые эксперты наделены правом, с выездом на место, на проведение экспертных мероприятий. В случаях выявления оказания некачественных услуг (нарушение объемов, сроков, и условий), медицинская организация будет привлечена к ответственности.

5. Регулирование споров и разрешение конфликтов. Договор может также предусматривать механизмы разрешения споров и конфликтов между сторонами, например, через арбитраж или суды общей юрисдикции.

Период действия и прекращение. Договор определяет период его действия и условия его прекращения, включая возможные случаи досрочного расторжения договора. Договор о финансовом обеспечении заключается на период календарного года. Условия прекращения договора могут включать в себя различные основания для расторжения сделки, такие как нарушение условий договора, банкротство страховщика, изменение законодательства и другие обстоятельства [4, с. 34].

Важно, чтобы условия договора о медицинском страховании были ясными и понятными для обеих сторон, чтобы избежать недопониманий и конфликтов при его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нилов, Я.* Социальное страхование. Мнения / Я. Нилов, Г. Улумбекова, Н. Зыбуновская, В. Корочкин // Бюллетень Счетной палаты РФ: электрон. журн. – 2023. – № 12. – С. 61-70.
2. *Платонова, Н. И.* Принципы правового регулирования системы здравоохранения и медицинского страхования / Н. И. Платонова // Медицинское право. – 2024. – № 1. – С. 41-45.
3. *Изотова, Г.* Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит использования средств обязательного медицинского страхования медицинскими

организациями в 2021-2023 годах» / Г. Изотова // Бюллетень Счетной палаты РФ: электрон. журн. – 2024. – № 1. – С. 5-59.

4. Шереметьева, Н. В. Особенности применения договорной и деликтной ответственности в гражданских правоотношениях в сфере здравоохранения / Н. В. Шереметьева, О. С. Котляр // Медицинское право. – 2022. – № 3. – С. 33-35.

УДК 343

**СОЦИАЛЬНО-ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ
В НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЬЯХ:
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

Подосинникова Ксения Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808923@ruc.su

**SOCIALLY DANGEROUS POSITION OF MINORS
IN DISADVANTAGED FAMILIES:
CONCEPT, SIGNS, PREVENTION**

Podosinnikova Ksenia Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, являются ключевыми задачами любого современного общества. Семья как ячейка общества всегда выступала основой формирования идентичности человека, его представлений о ценностях, являлась фундаментом традиций и преемственности поколений.

Автор статьи рассматривает понятие и основные признаки социально-опасного положения несовершеннолетних в неблагополучных семьях; раскрывает характеристику признаков социально-опасного положения, приводит примеры.

Ключевые слова: семья, ребенок, воспитание ребенка, бродяжничество, попрошайничество, жестокое обращение, издевательства, унижение, причинение вреда.

Protecting the rights of every child and creating an effective system for preventing crimes committed against children are the key tasks of any modern society. The family, as a unit of society, has always been the basis for the formation of a person's identity, his ideas about values, and has been the foundation of traditions and continuity of generations.

The author of the article examines the concept and main signs of the socially dangerous situation of minors in dysfunctional families; reveals the characteristics of the signs of a socially dangerous situation, gives examples.

Keywords: family, child, raising a child, prevention of socially dangerous situations, vagrancy, begging, cruel treatment, mockery, humiliation, harm.

В современном обществе существует множество общественных институтов, одним из которых и является семья. Семья – один из социальных институтов, также небольшая группа людей, которых связывают родственные или определенные юридические отношения [1].

У каждой семьи есть свои законы, поэтому можно считать, что она является самостоятельной социальной группой. В каждой семье есть свои традиции, привычки, нормы привычные только членам этой семьи.

Рассматривая социальное предназначение семьи можно сказать, что в родительском доме ребенок создает свои первые привычные шаблоны поведения, надевает на себя различные социальные роли, нередко копируя поведение и привычки своих близких членов семьи – родителей.

Так в семье:

- формируются базовое понимание несовершеннолетнего о взаимодействии с другими представителями социального общества (формируется понятие «нельзя» – «можно», «плохо» – «хорошо», «правильно» – «неправильно» и т.п.);

- формируется основа социального взаимодействия между членами семьи (способность родителей вникать в проблемы социализации ребенка в обществе, способствовать решению возникающих проблем ребенка, например, в школьном коллективе и т.п.);

- формируется духовное общение между членами семьи (межличностное взаимодействие членов семьи, обмен информацией, создание определенных условий для личностного и интеллектуального роста членов семьи и т.п.);

- формируется эмоциональная составляющая поведения в семье (эмоциональная помощь, психологическая защита и т.п.).

В различные исторические эпохи понимание и содержательное наполнение семейных отношений, семьи как ячейки общества было различным, что обуславливалось уровнем социально-экономического развития общества и государства. Семья как ячейка общества всегда выступала основой формирования идентичности человека, его представлений о ценностях, являлась фундаментом традиций и преемственности поколений.

Трансформация институтов семьи, материнства и детства происходит и в настоящее время. Можно сказать, что данные институты проходят очередной этап изменения, адаптации к новым реалиям жизни, потребностям личности. В условиях динамически меняющихся экономических и политических процессов, глобализации и информатизации, к сожалению, приходится констатировать обесценивание институтов семьи, материнства и детства, нивелирование их значения [2, с. 49-50].

Воспитание ребенка в семье является неотъемлемым процессом становления личности.

Первый социальный опыт человек получает при взаимодействии с членами своей семьи, особенно с матерью и отцом. Семья является хранителем традиций, обычаев и социальных норм, что формирует общественное сознание и наше поведение в обществе с другими людьми. Зачастую именно семейные ценности и культурные традиции выступают одними из ключевых факторов при установлении как краткосрочных, так и долгосрочных целей развития личности.

Не все семьи способны выполнять данные функции. Семья, находящаяся в социально опасном положении или неблагополучная семья, – это семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где

родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними.

Как видно, определение содержит следующие структурные признаки такой семьи:

- наличие детей, находящихся в социально-опасном положении. Особенности правового статуса ребенка обусловлены психоэмоциональными, физиологическими и другими аспектами, связанными с определенной незрелостью субъекта в силу возраста. В российском правовом поле категория «ребенок» имеет легальное закрепление. Так, п. 1 ст. 54 СК РФ закрепляет, что ребенком является лицо, которое не достигло возраста 18 лет (совершеннолетия) [3].

- неисполнение родителями или иными законными представителями своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию детей [4, с. 256]. Это случаи пассивного отношения родителей к воспитанию детей, уклонение от обязанности обеспечивать материально несовершеннолетнего ребенка и т.п.

- отрицательное влияние на поведение детей. Это случаи воспитания детей в «алкогольных» или «наркотических» семьях, где один или оба родителя злоупотребляют спиртосодержащими напитками или наркотическими средствами. В дальнейшем этот негативный «родительский пример» может перейти в семью уже взрослого ребенка или он сам начнет принимать запрещенные средства или злоупотреблять спиртными напитками. Это также асоциально-аморальные семьи, в которых преобладают антиобщественные установки и ориентации. Также это «скандальные» семьи, где постоянные скандалы и рукоприкладство между членами семьи считаются нормой поведения. Также это «криминальные» семьи, в которых один или оба родителя (братья или сестры) имеют криминальное прошлое или отбывают наказание, ведут криминальный образ жизни и т.п. Кроме того, это семьи, где родители, или один из них болен серьезным заболеванием.

- жестокое обращение с детьми. Если рассматривать данный признак, то можно сказать, что жестокое обращение по отношению к несовершеннолетнему не сводится только к физическому воздействию т.е. избиению ребенка. Для некоторых несовершеннолетних не менее «болезненными» могут быть воздействие на их и так не устоявшуюся психику – обидные насмешки, оскорбления, сравнения со сверстниками, необоснованная критика, направленная в адрес ребенка. Также это может быть случаи оставления ребенка без психологической или моральной поддержки.

Однако случаи жестокого обращения с ребенком в каждом случае требуют тщательного рассмотрения. Можно привести пример, когда отец ребенка ударил несовершеннолетнего сына, за то, что он громко плакал, недовольный тем, что его будят в садик и своим плачем мог разбудить других младших детей, которые болели и не спали всю ночь.

Не смотря на тот факт, что в настоящее время принято большое количество стратегических документов, закрепляющих положения о предупреждении и пресечении причин возникновения социально-опасных факторов неблагополучных семей, количественные показатели социально опасной ситуации в се-

мьях, где воспитываются несовершеннолетние, постепенно увеличиваются.

С этой целью являясь субъектом профилактики правонарушений несовершеннолетних, прокурор вправе в пределах прав, предоставленных ему Законом о профилактике и другими федеральными законами, обладает полномочиями по:

- предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних,
- выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому;
- обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям.

Семья для всех людей – это маленький мир, и многие убеждены, что все происходящее внутри семьи должно оставаться скрытым от внимания посторонних и общества. Часто становясь жертвами семейных преступлений, несовершеннолетние дети боятся рассказать о случившемся кому-то: одни испытывают чувство стыда, другие считают виноватыми себя в том, что случилось. Некоторые не осознают в полной мере, что в отношении них совершается преступление. Страх, стыд, непонимание, зависимость от вынужденных обстоятельств – всё это заложено в причины того, почему семейные преступления могут оставаться не обнаруженными и повторяться вновь и вновь.

Особенно пагубно физическое и психологическое насилие воздействует на детей, которые не сформировались, ментально, психологически и эмоционально уязвимы. Очень часто те дети, в отношении которых было применено насилие, с возрастом становятся травмированными морально и в их жизни шлейфом тянется негативный опыт, транслируется на многие модели взаимоотношений с другими людьми. Впоследствии им тяжело выстраивать отношения с обществом, а также в своей семье. Многие люди, получившие такой негативный опыт в детстве, сами могут стать источником насилия во взрослой жизни и вести себя подобным же образом.

В заключение можно сказать, что для снижения количества неблагополучных семей, а также несовершеннолетних детей, находящихся в социально-опасном положении, воспитываясь в этих семьях необходимо проводить профилактические мероприятия по искоренению «асоциального» образа жизни родителей этих детей, ввести более суровое наказание для таких родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зыбко, П. А.* Семья как важнейший общественный институт социализации / П. А. Зыбко // Российская наука в современном мире : сборник статей LXIII международной научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 166-167.
2. *Колоколова, Е. О.* О дефинициях «семья» и «члены семьи» как междисциплинарных правовых категориях // VI Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 18 ноября 2020 года. – Саранск : Принтиз, 2020. – С. 49-55.

3. Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: в ред. от ред. от 31.07.2023 // Российская газета. – 1996. – №17.

4. Ажирков, Н. А. Семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации: проблемы, вопросы социальной защиты // Студенческие исследования, идеи и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 256-258.

УДК 343

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА –
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Польдяев Анатолий Николаевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808085@ruc.su

**CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL –
AN OFFICIAL WHO COMMITS CRIMES
IN THE FIELD OF PUBLIC SERVICE**

Poldyaev Anatoly Nikolaevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье автор дает анализ и характеризует признаки личности должностного лица, совершившего должностное преступление в сфере государственной службы.

Ключевые слова: должностное лицо, корыстная преступность, личность преступника, государственная власть, интересы общества, коррупционные преступления, мошеннические действия.

In the article, the author provides an analysis and characterizes the personality traits of an official who committed an official crime in the field of public service.

Keywords: official, mercenary crime, personality of the criminal, state power, public interests, corruption crimes, fraudulent actions.

Несомненно, должностные преступления наносят значительный ущерб физическим и юридическим лицам, страдают интересы общества и государства, дискредитируется государственная власть, подрывается уверенность в защищённости прав и законных интересов.

Следует отметить, что проводятся различные исследования как российскими, так и международными организациями по уровню должностной, коррупционной преступности в нашей стране.

Вопросы, возникающие при квалификации должностных преступлений и вменении виновным по совокупности статей Уголовного кодекса РФ, рассматривались неоднократно Конституционным судом РФ, где одним из решающих значений имел умысел, мотив виновных лиц и их должностные полномочия [1, с. 132-136].

Немалое значение имеет уголовно-правовая характеристика должностных преступлений, так как она является определяющей при квалификации и вмене-

нии того или иного состава преступления лицу, совершившего общественно опасное деяние.

В первую очередь при рассмотрении должностной преступности необходимо уделить внимание субъектам данного вида общественно опасного деяния, так как именно статус лица определяет отнесение преступления к должностному.

Как показывает судебная и следственная практика определение статуса лица и круга его полномочий является решающим при квалификации деяний и может вызывать ряд затруднений.

Так, например, органом предварительного следствия действия Ш. квалифицированы по части 6 статьи 290 УК РФ как получение должностным лицом через посредника взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя. При этом суд первой инстанции действия Ш. квалифицировал по части 3 статьи 159 УК РФ как мошенничество с использованием служебного положения, в крупном размере, так как замещая в федеральном органе исполнительной власти должность федеральной государственной гражданской службы, то есть являясь должностным лицом, постоянно осуществляющим функции представителя власти, действуя из корыстной заинтересованности, с целью совершения мошеннических действий и хищения денежных средств ООО, путём обмана, воспользовавшись тем, что начальник ООО Д. не осведомлён об объёме его должностных полномочий, получил от посредника С. денежные средства в размере 1 100 000 рублей, тем самым похитив их.

Выводы суда первой инстанции о переквалификации действий Ш. строились на том, что в его полномочия не входила выдача лицензии, за которую и были переданы денежные средства. Поэтому Президиум Ставропольского краевого суда в своём постановлении от 29 ноября 2017 года 44у-907/171 приговор суда отменил и направил уголовное дело по данному факту на новое рассмотрение, так как пришёл к выводу, что предъявленное обвинение Ш. и представленные доказательства позволяли суду принять законное решение о квалификации его действий по статье 290 УК РФ, однако вместо этого суд существенно изменил объём обвинения и объект посягательства, что привело к переквалификации с особо тяжкого преступления на тяжкое.

Следует отметить, что законодатель предусматривает ответственность по должностным общественно опасным деяниям при составе преступления со специальным субъектом, определяемое как должностное лицо, так и указывая конкретно (персонифицируя) данных лиц по занимаемым должностям в диспозициях статей: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор. В связи с этим квалификация деяния будет зависеть от действий и полномочий специального субъекта (например, по ряду статей главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия») [2, с. 74-83].

Личность преступника является одной из центральных проблем всех наук, изучающих преступление и преступность в целом, но в первую очередь изучением характеристики личности преступника занимается криминология, одним из предметов изучения которой является данное понятие.

В соответствии с российской правовой доктриной, преступником лицо может считаться лишь тогда, когда это признано судом на основании решения, всту-

пившего в законную силу. Однако личность преступника и содержание данного понятия всегда вызывает дискуссии среди учёных, так как определить момент, когда человек становится преступником, не так просто и однозначно [3, с. 24-31].

Существует типология должностных лиц, основанием которой служит способ совершения преступления, что позволяет условно подразделить преступников по данному виду преступления на следующие виды:

1. «Расхитители» – должностные лица, совершающие имущественные преступления с использованием своих должностных полномочий и служебных обязанностей (или публичного статуса).

2. Взяткополучатели и посредники – лица-коррупционеры, получающие взятки за принятие решений в силу своих должностных полномочий, за оказание покровительства и т. п., а также участвующие в коррупционных схемах путём посредничества при передаче взяток и т. п.

3. «Злоупотребители» – должностные лица органов государственной власти, представители органов местного самоуправления и т. п., которые злоупотребляют своими должностным положением из корыстной и иной личной заинтересованностью.

Также ряд учёных выделяют следующие два типа должностных преступников:

– последовательно-корыстные, которые осуществляют активную, постоянную и продолжительную преступную деятельность, отличаются высокими организаторскими и лидерскими способностями, обладают достаточным опытом и профессионализмом, чтоб создать преступную группу, например, взяточников;

– противоречиво-корыстные, у которых нет ярко выраженных преобладающих корыстных мотивов преступного поведения, их антисоциальная направленность неустойчива [4, с. 279-283].

Рассматривая преступления коррупционной направленности в сфере государственной службы можно выделить наиболее значимые характеристики личности должностного лица, совершающего данные преступные деяния. К таким характеристикам следует отнести в основном: активность, работоспособность, особенно выраженные организаторские и коммуникативные черты. Кроме того, можно выделить стремление к быстрому продвижению по службе и достижению высоких результатов в служебной деятельности.

Среди лиц, совершивших корыстные должностные преступления отмечается склонность к определённому образу жизни, связанному с привычками, увлечениями, требующими высокие материальные затраты [5, с. 398-401].

Большой процент лиц-коррупционеров уверены, что принцип неотвратимости наказания не будет применён по отношению к ним, что является показателем как уверенности преступников в безнаказанности, так и в неэффективности деятельности, возможности подкупа представителей правоохранительных органов, обязанных выявлять и расследовать должностные преступления.

В качестве примера можно привести совершение Т. – следователем СО при ЛОВДТ, должностного преступления в виде получения взятки за незаконное

прекращение уголовного дела и незаконное освобождение от уголовной ответственности Ф.; способствование тому, чтоб суд не избрал меру пресечения в виде заключения под стражу. Действия Т. квалифицированы судом по пункту «г» части 4 статьи 290 УК РФ [6].

Согласно статистическим данным, большинство лиц, совершивших должностные корыстные преступления осуществляют деятельность, связанную с хозяйственной, управленческой деятельностью в государственных организациях, органах местного самоуправления; со службой в правоохранительных, контролирующих органах. Среди правоохранительных органов преобладающее большинство составляют должностные лица органов внутренних дел.

На основе анализа показателей следует отметить, что наиболее чаще регистрируются преступления корыстной направленности среди должностных лиц органов внутренних дел, Федеральной службы исполнения наказания, Федеральной службы судебных приставов, Министерства обороны, государственных органов исполнительной власти, что предопределяет направления профилактики с учётом специфики службы в данных государственных органах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Получение взятки (ст. 290 УК РФ) в системе коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 1(47). – С. 132-136.
2. Никонов, П. В. Законотворческий аспект противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 1 (104). – С. 74-83.
3. Устюжанинов, В. В. Проблемы квалификации должностных преступлений в правоприменительной практике / В. В. Устюжанинов, Е. А. Данилин // Влияние научно-технического прогресса на качество жизни населения : сборник научных трудов. – Миасс, 2024. – С. 24-31.
4. Смирных, Д. А. Криминологическая характеристика лиц, злоупотребляющих должностными полномочиями и превышающих должностные полномочия // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 279-283.
5. Абдульмянова, Т. В. Должностная преступность: понятие и сущность проблемы // IX Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28-29 ноября 2023 года. – Саранск, 2023. – С. 398-401.
6. Кассационное определение Верховного суда РФ от 13.10.2011 № 86-О-11-21 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.09.2024).

УДК 349.3

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В АЗИАТСКИХ СТРАНАХ

Прокина Екатерина Васильевна, преподаватель

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: prokina-ekaterina@mail.ru

FEATURES OF SOCIAL SECURITY IN ASIAN COUNTRIES

Prokina Ekaterina Vasilyevna, Teacher

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Социальное обеспечение любого государства направлено на организацию социально-экономического баланса среди своих граждан. Исключением не являются и азиатские страны. В данной статье нами будут рассмотрены особенности социальной политики таких стран, как Япония, Китай, Корея. В частности, особенностью рассматриваемой политики в Японии выступает то, что помощь нуждающимся гражданам оказывают общественные организации, а не государство, как в России. В Китае социальная помощь в основном предоставляется в натуральной форме. Социальная политика в Северной Корее схожа с данной политикой в России.

Ключевые слова: пенсионный возраст, пенсия, покосэйнэнкин, кёсайкумиаминэнкин, социальная помощь в натуральном виде, базовое пенсионное страхование, базовое страхование, дополнительное страхование.

The social security of any state is aimed at organizing a socio-economic balance among its citizens. Asian countries are no exception. In this article, we will consider the features of the social policy of countries such as Japan, China, and Korea. In particular, the peculiarity of the policy under consideration in Japan is that public organizations provide assistance to citizens in need, and not the state as in Russia. In China, social assistance is mainly provided in kind. The social policy in North Korea is similar to that in Russia.

Keywords: retirement age, pension, pokoseinankin, kesaikumiaminankin, social assistance in kind, basic pension insurance, basic insurance, additional insurance.

Система социального обеспечения в Китае заложена ещё в 1951 году Конституцией, но активное развитие начинается с 1990 годов. В начале 1950-х были созданы бесплатные государственные системы здравоохранения и образования, в городах было введено страхование для рабочих и пенсии по старости. В результате этой социальной политикой были охвачены в основном жители городов. Этот аспект актуален и в наши дни.

Главной отличительной чертой социального обеспечения в Китае является то, что социальная помощь граждан предоставляется в основном в натуральной форме (работа, жильё, одежда и т.д.). Правительство Китая считает, что денежные выплаты со стороны государства демотивируют граждан к участию в общественной деятельности [4].

В Китае социальное обеспечение это многоуровневое понятие, включающие в себя элементы социальной помощи и социального страхования. Социальное обеспечение в Китае состоит из четырёх уровней социальной защиты. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый уровень характеризуется предоставлением социальной помощи гражданам и их семьям, получающим доход ниже прожиточного минимума. Целью выступает обеспечение гражданам и их семьям удовлетворение их элементарных жизненных потребностей. Здесь есть своя особенность, заключающаяся в том, что прожиточный минимум в каждом районе Китая свой.

Второй уровень является социальным страхованием. В него входят обеспечение:

– По старости. На социальное обеспечение по старости имеют право граждане в возрасте 60 лет мужчины и 55 лет женщины. Из-за демографической ситуации в Китае активно бытуют споры о повышении пенсионного возраста до 65 лет, как для мужчин, так и для женщин, но эксперты утверждают, что вероятнее всего повышения возраста не будет. Пенсионные выплаты состоят из

двух частей: базовой и накопительной. Взносы в базовую часть зависят от места проживания и дополнительная часть, выплата, процент которой также зависит от места проживания гражданина.

– Право на пособие по безработице имеют граждане, которые находятся в поисках работы. Размер выплаты устанавливается в зависимости от места проживания гражданина. Период выплат составляет от 12 до 24 месяцев.

– Социальное обеспечение инвалидов осуществляется по средствам создания специализированных учебных заведений для детей инвалидов, также в обычных школах создаются специальные классы. Кроме этого, в Китае гарантируется трудоустройство инвалидов. Государственные учреждения обязаны трудоустраивать определённое количество инвалидов в зависимости от общего количества работников.

Третий уровень отвечает за частичное или полное покрытие на образование, жильё и т.д.

Четвёртый уровень доступен только для определённой категории граждан, а именно военнослужащим и их иждивенцам.

Средства на обеспечение работы социальной системы собираются в большей степени из налогов. Экономика Китайской народной республики является одной из самых быстро развивающихся в мире, что даёт правительству дополнительное финансовое обеспечение для укрепления системы социального обеспечения. Правительством создаются дополнительные программы социального обеспечения.

Япония на много позже других стран стала работать над системой социального обеспечения. Специальной политики в области социального обеспечения граждан практически не существовало. Активная работа над системой социального обеспечения началась после поражения во Второй Мировой войне. Поражение Японии привело к падению уровня жизни населения. В связи с этим был принят ряд законов: ФЗ «О предоставлении материальной помощи нуждающимся» 1946; ФЗ «О благосостоянии детей» 1947; ФЗ «О материальной помощи нетрудоспособным» 1948; ФЗ «О стандартах страховании по безработице» 1947; ФЗ «О национальных пенсиях» 1959.

Современная Японская система характеризуется высокой степенью участия в социальном обеспечении общин и корпораций, а не государства. Основными аспектами социального обеспечения выступают:

– Пенсионное обеспечение в Японии состоит из базовой и трудовой пенсии.

На получение базовой пенсии имеют право все граждане Японии, достигшие возраста 65 лет, оплачивавшие взносы, определённые государством. Так же есть возможность получения пенсии с 60 лет (в таком случае пенсии выплачивается в размере 70% от пенсии, которая выплачивалась бы с 65 лет) и 70 лет (142% от суммы, выплачиваемой в случае выхода на пенсию по достижению возраста 65 лет).

1. Трудовую часть пенсии получают граждане, которые до наступления пенсионного возраста были трудоустроены. Размер такой пенсии зависит от среднегодового дохода. Размер трудовой части пенсии зависит от трудоустройства гражданина. Работа в частных предприятиях оплачивается если это част-

ное предприятие, то пенсия будет выплачивается по косэйэнкин, если же работники образовательной сферы или ассоциаций взаимопомощи – кёсайкумиаинэнкин. Кёсайкумиаинэнкин отличается более высокой пенсией по причине того, что трудоустроенные по этой системе имеют высшее образование и имеют доход выше, чем в среднем по стране. Размер пенсии исчисляется по средствам умножения ежемесячного оклада на количество отработанных лет. [1]

Социальное обеспечение по безработице в Японии организуется следующим образом. Граждане Японии, лишившиеся работы по независящим от них обстоятельствам, имеют право на пособие по безработице на время поиска нового рабочего места. Пособие выплачивается в среднем 90 дней. Размер пособия будет зависит от размера вашей прежней заработной платы. В среднем это от 50–80% прежней заработной платы [2].

Медицинское страхование делится на 3 звена:

1. Страхование ввиду профессии (государственные служащие; учителя и преподаватели, моряки). Взносы взимаются из заработной платы работников.

2. Страхование иных категорий граждан через Муниципальные органы (фермеры, лесники, безработные, пенсионеры).

3. Страхование здоровья лиц старше 75 лет. Применяется механизм перекрёстного страхования (из самых успешных систем в менее успешные).

Система медицинского страхования в Японии имеет несколько особенностей:

– одинаковая для всех схем доля страховых выплат в покрытии граждан на медицинские услуги – 30 %;

– одинаковые для всех медицинских учреждений цены на медицинские услуги [3].

Предметом особой заботы в системе социального обеспечения Японии является защита детства и создание условий для повышения рождаемости. Государство предоставляет семьям, имеющих детей оплачиваемый отпуск до достижения ребёнком одного года. Право на отпуск имеет один из родителей. Граждане на время отпуска освобождаются от взносов в страховые фонды

Главным нормативно правовым актом, регулирующим социальную сферу в Корее выступает Закон «О социальном обеспечении в Республики Корея».

Первый план по социальному обеспечению граждан в Корее появился в 1997 году в сферах: пенсионного обеспечения, обеспечения граждан, потерявших трудоспособность в связи с болезнью и безработным, а также их семьям.

Социальное обеспечение в Корее состоит из 3 уровней:

– Первый уровень – базовое пенсионное страхование. Участниками этого уровня являются все граждане Кореи. Право на пенсионное обеспечение имеют граждане в возрасте 61 год. Возможно досрочное получение пенсии в возрасте 56 лет.

– Второй уровень – базовое страхование. Участниками являются все трудоустроенные граждане. До достижения пенсионного возраста производятся взносы в фонд, как сотрудником, так и работодателем. Размер взносов определяется местом проживания граждан [5].

– Третий уровень – дополнительное страхование. Предоставляется по желанию граждан. Основными требованиями является заключение договора с фондом дополнительного страхования и уплата взносов.

Также в Корее предоставляется медицинское страхование, страхование по безработице, социальная поддержка семей. Медицинское страхование предоставляется семьям, нетрудоспособным, неизлечимо больным или больные редкими заболеваниями, пенсионеры, пациенты без определённого места жительства. Медицинское страхование предоставляется в виде платы за лечение. Так же больным онкологией оказывается помощь в виде пособия.

Социальное обеспечение по безработице выплачивается гражданам, находящимся в поиске работы. Требованиям для получения является наличие стажа не менее 180 дней. Пособие выплачивается в течение в 8 месяцев. По социальному страхованию семей при рождении ребёнка родителям предоставляется отпуск по уходу за ребёнком до 1 года. В этот период работодатель обязан обеспечить надлежащими средствами родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребёнком.

Азиатские страны позже других стали развивать систему социального обеспечения. По этой причине требуется достаточно большое количество времени для её совершенствования. Есть огромное количество аспектов, требующих доработки, например таких, как проработка социального обеспечения граждан в сельской местности, установление равного прожиточного минимума во всех районах азиатских стран и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. zagranportal.ru : [сайт]. – Москва : 2024. – URL: // www.zagranportal.ru (дата обращения: 27.10.2024).
2. visasam.ru : [сайт]. – Москва : 2024. – URL : [https : // www. visasam.ru](https://www.visasam.ru) (дата обращения: 27.10.2024).
3. *Игнатова, И. О.* Социальная политика Японии // Международный научный журнал вопросы экономики и управления / И. О. Игнатова. – 2021. – № 5. – С. 3-9.
4. LiveJournal.com : [сайт]. – Москва : 2024 URL : [https // www. LiveJournal.com](https://www.LiveJournal.com) (дата обращения: 27.10.2024)..
5. visasam.ru : [сайт]. – Москва : 2024. – URL : [https : // www. visasam.ru](https://www.visasam.ru) (дата обращения: 27.10.2024). – Текст : электронный.

УДК 343

НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Рахметуллов Лекман Анверович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st802401@ruc.su

TAX CRIMES AS A TYPE OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY: CONCEPT, TYPES AND PREVENTION

Rakhmetullov Lekman Anverovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Такой вид преступлений в сфере экономической деятельности, как налоговые преступления (в том числе и носящие коррупционный характер совершения) охватывают широкий спектр противоправных действий заинтересованных лиц – от уклонения от уплаты налогов до фальсификации документации и правового статуса юридического лица. Предупреждение и пресечение налоговых преступлений в настоящее время требует совокупного подхода и эффективного использования нормативно-правовых средств воздействия на лиц, совершивших или посягающих на совершение налоговых преступлений.

В данной статье автор рассматривает такие правовые характеристики преступлений в налоговой сфере, как их понятие, закрепленное в законодательстве РФ; виды осуществления преступной деятельности в налоговой сфере; особенности предупредительных функций органов власти по противодействию налоговым преступлениям.

Ключевые слова: противодействие преступлениям, экономическая деятельность, ущерб, корыстный мотив, преступная деятельность, извлечение незаконной выгоды, налоговая сфера, налоговое законодательство, налоговая ответственность, неуплата налогов, налоговые сборы, нарушение закона.

The prevention and suppression of tax crimes currently requires a comprehensive approach and the effective use of regulatory means of influence on persons who have committed or are attempting to commit tax crimes.

In this article, the author examines such legal characteristics of crimes in the tax sphere as their concept enshrined in the legislation of the Russian Federation; types of criminal activities in the tax sphere; features of the preventive functions of government authorities to combat tax crimes.

Keywords: combating crimes, economic activity, damage, selfish motive, criminal activity, obtaining illegal benefits, tax sphere, tax legislation, tax liability, tax evasion, tax collections, violation of the law.

В настоящее время показатель экономической стабильности в государстве состоит в зависимости от большого количества факторов, в частности связанных с обособленной спецификой отдельных видов экономической деятельности.

Одним из видов преступлений в сфере экономической деятельности являются налоговые преступления, которые закреплены ст. 198, 199, 199.1 и ст. 199.2 УК РФ.

Налоговая сфера представляет комплекс общественных отношений, имеющих особое значение для государства и публичных финансов в целом.

Налоги (всех видов) – являются значительным ресурсом пополнения государственных фондов денежных средств и служат практически основным инструментом реализации задач управления государством [1, с. 56]. Именно они участвуют в механизме представления льгот и социальных гарантий, которые в конечном итоге реализуют задачи социального государства.

Налоговые преступления являются серьезной угрозой для финансовой стабильности государства и экономического развития.

Обособленными особенностями рассматриваемого вида преступлений в экономической деятельности, а именно преступлений в налоговой сфере выступает

факт незаконной передачи или факт неполной передачи некоторой части своего дохода или прибыли в виде налогов, тем самым происходит существенное нарушение других граждан-налогоплательщиков, так как преступными действиями происходит незаконное отчуждение обособленной части государственного бюджета, что не может положительным фактором для безопасности страны. Другими словами, возникает угроза безопасности всей страны через преступный подрыв бюджетной безопасности.

Коррупция – это явление, которое пронизывает все сферы общественной жизни, и правоохранительные органы должны пресекать факты коррупции, задерживать субъектов коррупции и всяческими образами с ней бороться.

Говоря о правовом статусе коррупции и её сущности, можно выделить, что сущность коррупции как негативного явления в обществе обуславливается в различных общественных явлениях, с которыми она имеет тесную связь. Также это относится и к налоговым преступлениям, которые также имеют коррупционную составляющую при их совершении.

В основе любого коррупционного преступления лежит личная мотивация субъекта в получении прибыли либо какой-либо другой выгоды.

Риск возникновения коррупции тем или иным способом связан с реализацией множества функций налоговых органов [2, с. 14-15].

Совершение преступления в налоговой сфере возможно не только гражданами-налогоплательщиками, обязанными платить налоговые сборы в определенных законом условиях и сроки. Субъектами совершения рассматриваемого вида преступлений также могут выступать должностные лица органов, осуществляющих налоговый контроль, учет и надзор за соблюдением налогового законодательства.

Проведя анализ коррупционных проявлений можно выделить основные группы коррупционных правонарушений (преступлений) в которых участвуют не только граждане-налогоплательщики, но и должностные лица, осуществляющие налоговый контроль, учет и надзор соблюдения налогового законодательства.

К первой группе можно отнести случаи завышения реальных расходов, предъявляемых к налоговому вычету, сознательное неправомерное или безосновательное уменьшение налогооблагаемой базы, искажение информации в налоговых отчетах и тому подобное. Это группа правоотношений (преступлений), которые совершаются при содействии с налогоплательщиками, последствия которых ведет к бездействию по неуплате налогов, или преступному действию, связанному с искажением информации о налогооблагаемой базе.

Вторая группа правонарушений (преступлений) представлена взаимным соглашением, сговором между представителями налоговых органов и налогоплательщиками. Это, например, незаконное представление налоговых льгот, безосновательное освобождение от уплаты налогов, искажение юридических фактов, оснований, лежащих в основе представления налоговых льгот, принятие к отчетности фальсифицированных документов и т.д.

Третья группа правонарушений совершается без участия самих налогоплательщиков. Это случаи совершения присвоения, мошенничества, вымогательства со стороны должностных лиц, представителей налоговых органов.

Следует отметить, что проводятся различные исследования как российскими, так и международными организациями по уровню должностной, коррупционной преступности в нашей стране, но перечень индикаторов схож и отражает масштабность, распространённость, уровень данного вида преступности и эффективность применения наказания к должностным лицам за совершённые деяния.

Сущность проблемы в том, что в своем большинстве коррупция в налоговой сфере является латентным преступлением. Данная система функционирует за счет кругового денежного обращения, участия в ней высокопоставленных лиц, и сложным контролем (или вовсе невозможностью контроля) за многими органами, в которых коррупция развивается [3, С. 549].

Экономическая безопасность государства является одной из ключевых задач, стоящих перед любой страной. В условиях глобализации и нестабильности мировой экономики значимость этой проблемы многократно возрастает.

Особое место в обеспечении экономической безопасности занимает налогообложение, которое выполняет несколько важных функций: финансирование государственных расходов, перераспределение доходов, регулирование экономики и стимулирование развития.

В настоящее время для российского государства налоговая безопасность особенно актуальна. Данная актуальность вызвана большим числом как внешних, так и внутренних вызовов. Основные угрозы экономической безопасности в сфере налогообложения включают в себя высокую налоговую задолженность, значительный уровень теневой экономики, коррупцию в налоговых органах и неэффективное налоговое администрирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульмянова, Т. В. Уголовное право в понятиях и терминах / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров ; Российский университет кооперации. – Саранск, 2019. – 80 с.
2. Предупреждение правонарушений в сфере экономической деятельности: Учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, С. Б. Котляров, В. Ю. Перепелкин ; Саранский кооперативный институт (филиал). – Саранск, 2019. – 108 с.
3. Сувальская, Д. В. Налоговые преступления: анализ правовых инструментов и пути их совершенствования // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия : сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 547-550.
4. Волкова, А. В. Особенности налоговых преступлений в современных реалиях // Мир и Россия в условиях новой реальности : материалы XXI Всероссийской очной студенческой научно-практической конференции. – Воронеж, 2024. – С. 150-153.

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Савинов Александр Владимирович, магистрант

Мартынов Виталий Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808086@ruc.su; st808599@ruc.su

CRIMES AGAINST JUSTICE: CONCEPT, CLASSIFICATION AND PREVENTION

Savinov Alexander Vladimirovich, Master's Degree student

Martynov Vitaly Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность исследования изучаемой проблемы исходит из факта опасности для общества и судебной системы преступлений, совершаемых против правосудия. Противоправные деяния, совершаемые в данной сфере, могут нанести серьёзный ущерб репутации правоохранительных органов и подорвать веру общества в принципы верховенства права. Данная проблема становится ещё более актуальной в контексте современного общественного и экономического устройства, в котором имеют место такие криминогенные факторы, как коррупция и организованная преступность, а также активно развивается киберпреступность. Классификация преступлений против правосудия не только позволяет систематизировать полученные знания в этой области, но и помогает более активно и грамотно разрабатывать меры по предупреждению и предотвращению подобных действий и их последствий. Грамотный анализ различных аспектов данной области правовой науки способствует созданию более действенных норм для обеспечения защиты правосудия.

Ключевые слова: преступления против правосудия, ложные показания, подделка доказательств, коррупция.

The relevance of the study of the problem under study comes from the fact of the danger to society and the judicial system of crimes committed against justice. Illegal acts committed in this area can seriously damage the reputation of law enforcement agencies and undermine public confidence in the principles of the rule of law. This problem becomes even more relevant in the context of the modern social and economic system, in which such criminogenic factors as corruption and well-organized crime take place, and cybercrime is actively developing. The classification of crimes against justice not only allows us to systematize the knowledge obtained in this area, but also helps to more actively and competently develop measures to prevent and prevent such actions and their consequences. A competent analysis of various aspects of this area of legal science contributes to the creation of more effective norms to ensure the protection of justice.

Keywords: crimes against justice, false testimony, forgery of evidence, corruption.

Преступление против правосудия – это грубое вмешательство в работу органов следствия, дознания, судопроизводства разных уровней, а также органов исполнительной власти, которые занимаются комплексным и беспристрастным расследованием правонарушений различной квалификации и степени тяжести, а также надлежащим исполнением судебных решений. Система таких правонарушений основывается непосредственно на объекте посягательства, при этом основным объектом в таком случае является общественные отношения, на которых осуществляется судебная власть.

Преступления, на которые нам необходимо обратить внимание, описаны в статьях 299-305 Уголовного кодекса РФ. Данные деяния представляют собой серьёзную общественную опасность, поскольку действия должностных лиц, причастных к данным нарушениям, противоречат принципам законности и справедливости судебного процесса, а также наносят вред остальным участникам. Не маловажным фактором является и то, что данные действия дискредитируют деятельность власти и снижают её легитимность среди населения [1].

В юриспруденции существует большое количество различных классификаций, которые касаются преступлений против правосудия. Далее мы рассмотрим несколько точек зрения различных учёных по данному вопросу.

Например, заслуженный юрист РСФСР Б.В. Коробейников в своей научной работе выделил пять основных групп преступлений, направленных против правосудия, а именно:

1) Преступления, которые нарушают интересы правосудия, касающиеся обеспечения независимости судебной системы, её престижности и безопасной работы судей и иных лиц, помогающих в осуществлении правосудия (ст. 294-298 УК РФ)

2) Преступления, нарушающие интересы правосудия, совершённые судьями или иными должностными лицами судебной сферы, прокуратуры либо участниками гражданского процесса (ст. 299-305 УК РФ)

3) Преступления, ставящие под сомнения интересы правосудия, в сфере приобретения, использования и хранения различных видов доказательств (ст. 306-310 УК РФ)

4) Преступления, оказывающие влияние на интересы правосудия, касающихся приговоров, решений и других судебных актов, которые уже вступили в силу.

5) Преступления, затрагивающие интересы раскрытия и расследования преступлений, и имеющие связь с другими правонарушениями

Другой выдающийся юрист и правозащитник А. С. Горелик разделяет преступления против правосудия по следующим признакам:

1) Правонарушения, направленные на подрыв беспристрастной и безопасной деятельности судебных органов, а также защиту их чести и достоинства;

2) Преступления, связанные с надлежащим осуществлением правозащитной деятельности должностными лицами;

3) Правонарушения, касающиеся выполнения гражданами обязательств по содействию в оказании правосудия;

4) Преступления, ведущие к принятию неправомерных судебных решений, вердиктов или иных актов судебных инстанций.

Далее интересную интерпретацию предлагает российский учёный А.В. Фёдоров. В его концепцию входит:

1) Преступления, связанные с общими нарушениями правосудия;

2) Действия или бездействия, угрожающие работе судебных органов;

3) Правонарушения, нацеленные на подрыв деятельности органов предварительного следствия и прокуратуры

4) Преступления, затрудняющие исполнения судебных предписаний и актов.

Перейдём к следующей классификации преступлений против правосудия. По мнению В.Н. Кудрявцева преступления против правосудия делятся на две ключевые категории, которые отличаются между собой субъектом и направлением деятельности:

1) Преступления, совершаемые работниками правоохранительных органов (ст. 299-302, 305, 310, 311 УК РФ);

2) Преступления, направленные против представителей власти и нормально-

го судебного процесса (ст. 294-298, 303, 304, 306-309, 311 УК РФ). К данной категории также относятся иные преступления, нарушающие реализацию судебных решений

Также ряд других учёных выделяют ряд деяний, затрагивающих интересы правосудия, которые обеспечивают:

- 1) независимость судебной власти;
- 2) нормальные условия функционирования правоохранительных органов;
- 3) законность действий должностных лиц;
- 4) выполнения гражданами своих обязанностей в сфере противодействия преступной деятельности;
- 5) эффективное пресечение правонарушений;
- 6) защита прав и свобод человека.

Подводя итоги вышеперечисленного, можно отметить, что все авторы данных концепций, в основном, стремятся систематизировать данное ответвление права с учётом судебного механизма, который является обоснованным с криминологической точки зрения. В итоге, проводя собственный анализ, и подытоживая все перечисленные выводы можно обособить следующие группы:

- 1) Угрозы безопасности правосудия;
- 2) Подрыв справедливости;
- 3) Препятствие осуществлению правосудия;
- 4) Воспрепятствование исполнению судебных решений.

Хочется также отметить, что в правоохранительной деятельности, как и в любой другой сфере, встречаются недобросовестные сотрудники. Некоторые из них могут умышленно, или благодаря низкому уровню компетенции грубо нарушить должностной регламент и нормы профессиональной этики [2, С. 48].

Основными факторами, побуждающими к данной деятельности, является корысть. В связи с этим фактом появляется острая необходимость в разработке и применении определённых мер по предотвращению данных деяний. Объектом исследования, в таком случае, выступают социальные отношения, связанные с предотвращением преступлений против правосудия, основанных на корыстных побуждениях. В данной отрасли ведётся активная научно-исследовательская деятельность, поскольку это направление юриспруденции определённо является значимым, и требует постоянного обновления научной и материальной базы.

В большинстве случаев, как было указано ранее, преступления против правосудия описаны в следующих статьях:

- Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности;
- Незаконное освобождение от уголовной ответственности;
- Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей;
- Принуждение к даче показаний;
- Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности;
- Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Судя по статистике за 2023 год в Российской Федерации, по статье 300 УК

РФ было осуждено 3 человека, а по статье 303 УК РФ – суммарно 135 человек. По всем остальным статьям, относящимся к нашей теме за указанный период, не было вынесено ни одного приговора.

Исходя из этих данных может показаться, что такие правонарушения крайне редко совершаются сотрудниками правоохранительных органов, хотя это не соответствует действительности. Ни для кого не секрет, что руководители в основном предпочитают не разглашать сведения о неправомерных действиях своих сотрудников, тем самым, покрывая их преступления. Данная реакция руководящего состава имеет под собой определённые основания, в основном, начальство не хочет быть вовлечено в уголовный процесс или быть обвинёнными в бездействии. Также данные действия влекут за собой дискредитацию правоохранительных органов, что плохо сказывается на общем имидже всего должностного состава [3, с. 15].

Наибольшее беспокойство среди данной статистики вызывает полное отсутствие уголовных дел по статье о принуждении к даче показаний, поскольку существует большое количество прецедентов и отсутствие реальных уголовных дел в данном направлении может говорить о нескольких вещах:

- Затруднённое получение доказательной базы в данной области
- Отсутствие обязательной видеофиксации допросов
- Сложность в получении показаний
- Проблемы в законодательстве
- Сложившаяся корпоративная этика
- Личная заинтересованность

Именно поэтому необходимо регулярно проводить работу по совершенствованию законодательства в данном вопросе и регулярно проводить проверки по данным направлениям.

Основными методами по предотвращению преступлений против правосудия является проведение грамотной кадровой политики в коллективе. Рекомендуются изначально проводить тщательный отбор сотрудников на замещаемые должности, в особенности на те, которые наиболее подвержены влиянию коррупционных действий. Необходима также постоянная ротация кадров на любых уровнях. Не мало важным фактором является недопущение проникновения криминальных групп и элементов в систему правоохранительных органов [4, с. 45].

Ужесточение служебной дисциплины возможно через регулярный и плановый контроль за соблюдением основных принципов законности и правосудия в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Но не смотря на всё вышеперечисленное наиболее положительную динамику можно наблюдать при корректировке негативных установок и любых проявлений демотивации на индивидуальном уровне. Так же большую роль в противодействии таких преступлений является воспитание в коллективе норм морали и правильной корпоративной этики.

Так же не нужно забывать о специальных органах, которые занимаются выявлением, борьбой и противодействием преступлений в данной сфере, а также созданием оптимальных условий для ведения следствия, такие как прокуратура

и ОСБ [5, с. 71]. Увеличение эффективности их работы зависит от различных факторов, например от использования негласных методов расследования или благодаря постоянному оперативному контролю за деятельностью должностных лиц. Также крайне важна совместная работа с другими органами следствия, это позволит быстрее и более эффективно противодействовать преступлениям в сфере правосудия.

Итак, подводя итоги можно сказать, что в данной статье были представлены и описаны различные концепции преступлений против правосудия, а также методы предупреждения и противодействия данным правонарушениям. Как мы уже убедились выше, главным фактором, побуждающим человека пойти на такое преступление, является корысть, а следовательно, такие действия можно сравнить с коррупцией, только среди свидетелей и органов дознания. Все виды подобных правонарушений наносят большой ущерб для правоохранительной системы, а главное, подрывают общественное доверие к институтам права.

Для того, чтобы правильно классифицировать преступления против правосудия необходимо обратиться не только к юриспруденции, но и принять во внимание большую долю социологических исследований, для выяснения природы таких деяний и как следствие, более эффективно противодействовать им. Только тщательный анализ совокупности этих факторов может привести нас к точно разработанной стратегии в борьбе с подобными преступлениями, что крайне важно в современных реалиях быстрого обновления любой информации [6, с. 181].

В свою очередь недопущение преступлений данного вида происходит только через комплексный подход, а именно посредством проведения качественной кадровой политики на самых ранних этапах подбора персонала, ужесточения контроля и ротация кадров, повышения уровня правовой и профессиональной этики как у граждан, так и сотрудников различных ведомств соответственно. Во всех этих случаях работа будет проходить более эффективно при взаимодействии нескольких органов, причём из разных ответвлений власти, а также при содействии различных общественных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство правовой информации «Уголовное производство. Общие показатели по категориям дел». – URL // <https://stat.apn-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 28.10.2024).
2. Грудинин, Н. С. Статистика уголовных правонарушений, совершаемых должностными лицами в сфере правосудия // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – С. 45-49.
3. Денисов, С. А. Профилактика служебных преступлений, совершаемых работниками органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – С. 14-19.
4. Преступления против государственной власти и интересов государственной службы: квалификация, расследование, доказывание / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов, М. А. Жадяева. – Саранск, 2023. – 121 с.
5. Идрисов, К. Р. Преступления против правосудия, осуществляемые должностными лицами органов предварительного следствия и суда : дис. ... канд. юрид. наук / Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. – 2008. – С. 68-74.
6. Кулешов, Ю. И. Преступление против правосудия: проблемы теории законодательства и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2007. – 350 с.

RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST JUSTICE

Savinov Alexander Vladimirovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что преступления, направленные против правосудия, представляют угрозу для эффективной работы правовой системы. Изучение ответственности за подобные деяния позволит нам более грамотно бороться с подобными правонарушениями и не допускать ложных приговоров или невозможности грамотно осуждения какого-либо преступления из-за несовершенства законодательной базы. Недостаток теоретических и практических знаний в данной области и отсутствие ясных механизмов привлечения виновных может привести к безнаказанности правонарушителей, что в свою очередь крайне негативно скажется на имидже органов правопорядка и всего правового механизма в целом.

Ключевые слова: преступления против правосудия, уголовная ответственность, уголовный кодекс.

The relevance of this study is due to the fact that crimes against justice pose a threat to the effective operation of the legal system. Studying responsibility for such acts will allow us to more competently combat such offenses and prevent false sentences or the impossibility of competently convicting any crime due to the imperfection of the legislative framework. The lack of theoretical and practical knowledge in this area and the absence of clear mechanisms for bringing the guilty to justice can lead to impunity for offenders, which in turn will have an extremely negative impact on the image of law enforcement agencies and the entire legal mechanism as a whole.

Keywords: crimes against justice, criminal liability, criminal code.

Ответственность юридических лиц, руководителей фирм или индивидуальных предпринимателей, а также физических или должностных лиц является сложной системой, регулируемой различными областями и нормами права. Нарушения правовых норм приводит к совершению общественно опасных деяний, которые могут серьёзно навредить сложившейся и отлаженной структуре современного общества. Во избежание подобных прецедентов против преступников вводятся определённые санкции и устанавливается ответственность за конкретные деяния, каждый из которых имеет свои особенности и последствия [1]. В российской юридической практике встречаются три основных вида ответственности, это:

1) Уголовная ответственность. Она применяется к преступникам, которые совершили преступления, описанные в Уголовном кодексе Российской Федерации. Важным моментом данного вида санкций является необходимость доказательства вины подозреваемого, которое должно быть убедительным для суда. Для юридических лиц уголовная ответственность часто назначается в форме

штрафов, ликвидации, конфискации имущества. Однако уголовная ответственность руководителей не исключает полное отсутствие ответственности для его подчинённых, если их действия будут классифицированы как преступные. Для должностных лиц за уголовные преступления в основном применяется ответственность в виде лишения свободы.

2) Административная ответственность, вводится за административные правонарушения, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях. Обычно для юридических лиц и ИП это штрафы. Должностные лица тоже подвергаются административной ответственности. Как прописано в статье 2.4 КОАП РФ административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

3) Гражданская ответственность возникает из гражданских правоотношений и связана с нарушением обязательств или причинением вреда. Она проявляется в виде компенсации ущерба, уплаты штрафов и выполнения обязательств. Гражданская ответственность не исключает возможность привлечения к административной или уголовной ответственности [2].

В свою очередь преступления против правосудия составляют совокупность уголовных преступлений, направленных на осложнение легитимной деятельности органов судебной власти. Данные правонарушения затрагивают процессы, которые необходимы для реализации основных конституционных прав, в том числе права на судебную защиту прав и свобод. Также подобные деяния способны нарушить законные процедуры сбора доказательств и мешать оперативному реагированию соответствующих ведомств на уголовные преступления.

Для уточнения понятия должностного лица в сфере преступлений против правосудия необходимо опираться на характеристики, описанные в комментариях к статье 285 УК РФ. К данной категории относятся лица, исполняющие роль представителей власти в государственных и муниципальных учреждениях, а также в армии России. Уголовный кодекс не предлагает других определений для должностных лиц.

Наиболее исчерпывающая информация, описывающая ответственность за подобные правонарушения находится в статье 31 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Согласно ей, существуют особенности подобных деяний, по ним их можно разделить на условные группы, такие как:

- 1) вмешательство в независимость судебных органов
- 2) посягательство на права граждан со стороны должностных лиц
- 3) действия, нарушающие нормальное функционирование правоохранительных структур
- 4) преступления против установленного порядка исполнения наказания

Особую группу правонарушений составляют должностные преступления, например, такие как, незаконное привлечение к ответственности фальсификация доказательств, так как в данных действиях есть большой риск возникновения коррупционных мотивов. Например, за укрывание преступлений, совершаемым лицом, ответственным за выявление этого правонарушения и при доказанной коррупционной составляющей статьёй 316 Уголовного Кодекса Российской

ской федерации предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей, ареста, принудительных работ или лишением свободы сроком до двух лет [3].

Статья 298.1 Уголовного кодекса РФ устанавливает специфическую уголовную ответственность за клевету в отношении лиц, занимающихся правосудием. Данная мера обусловлена необходимостью защищать независимость судебной системы и гарантировать справедливое судопроизводство. Посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию судей, прокуроров, следователей, судебных приставов и присяжных заседателей не просто оскорбляет их, но и подрывает авторитет целой судебной системы, что в свою очередь может негативно сказаться на доверии общества к законам и государственным органам. Реального лишения свободы по данной статье не предусмотрено, зато может быть назначен крайне большой штраф, размером до двух миллионов рублей, или обязательные работы.

Необходимо понимать, что защита охватывает не только служебные действия, но и аспекты личной жизни, если они затрагивают профессиональную деятельность. Например, распространение ложных сведений о судье, которые могут угрожать его репутации, может быть квалифицировано по статье 298.1 как уголовное преступление и преследоваться по закону. Распространение клеветнических фактов включает в себя передачу ложной информации хотя бы одному лицу, помимо потерпевшего. Обвинение должно доказать заведомую ложность этих сведений, что может быть затруднительно. Наказание за клевету в отношении судей может варьироваться от штрафов до обязательных работ, в то время как для клеветы в адрес прокуроров и следователей предусмотрены менее жесткие меры. Законодательство строго реагирует на подобные нарушения, подчеркивая важность защиты правосудия и его участников.

С развитием юридической практики начали возникать вопросы в сфере ответственности за преступления против правосудия. Исходя из этого Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил некоторые аспекты применения статей 301-303, 306 и 307 Уголовного кодекса РФ.

Верховный суд обозначил следующие факты, например, незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ), подразумевает под собой целенаправленные действия со стороны дознавателя, следователя, или других должностных лиц, которые могут привести к неправомерному применению задержания. Принуждение к даче показаний может проявляться в насилии, пытках, угрозах, направленных на получение показаний. Это преступление считается завершенным с момента применения принуждения и карается по закону. За подобные правонарушения предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет и лишения права занимать определённую должность на срок до двадцати лет.

Уничтожение или укрытие доказательств со стороны должностных лиц не попадает под определение фальсификации описанных в статье 303 Уголовного кодекса РФ, однако участник процесса, предоставивший поддельные документы, несет ответственность. Как указано в постановлении Конституционного суда Российской Федерации, жертвой преступления по статье 303 Уголовного ко-

декса РФ может быть и лицо, осужденное на основе фальсифицированных доказательств. Реального лишения свободы по данной статье также не предусмотрено. Среди санкций присутствуют такие меры как, штраф, в размере до трёхсот тысяч рублей и лишение права занимать определённые должности на срок до пяти лет. Тяжесть содеянного преступления напрямую влияет на состав приговора [4].

Обсуждая заведомо ложный донос, описанный в статье 306 Уголовного кодекса РФ, Верховный Суд отметил, что преступление заключается в преднамеренном сообщении ложной информации в правоохранительные органы, вне зависимости от указания конкретных лиц.

Вопрос о возможности признания присяжных заседателей виновными в преступлениях, предусмотренных статьёй 305 УК РФ, остается предметом споров. Учитывая, что именно они отвечают за вынесение вердикта, их следовало бы рассмотреть, как субъектов преступления. Однако закон определяет, что окончательное решение принимает судья, который отвечает за справедливость приговора.

Исходя из данных суждений можно сделать вывод о том, что в Уголовный кодекс Российской Федерации регулярно вносятся изменения и дополнения, направленные на улучшение уже имеющейся законодательной базы, с целью разработки более эффективных методов предупреждения и пресечения подобных деяний. Например, в статью 53 Уголовного Кодекса РФ были внесены изменения, касающиеся регламентации обязательных работ, как вида наказания. Данное изменение привело к внедрению этого вида наказания в санкции некоторых правовых норм в сфере преступлений против правосудия. Такую практику можно заметить в статье 295 как дополнительный вид наказания и в статье 302-303 как основной. Добавление статьи 53.1 в свою очередь добавило некоторые санкционные меры к уже имеющимся в предыдущей статье таким видам наказания, как принудительные работы [5].

В связи с изменением правового статуса сотрудников органов исполнения наказания, в статьи 295, 296, 298 и 311 УК РФ были внесены уточнения. Определение пытки, приведенное в примечании к статье 286 УК РФ, позволило включить третью часть в статью 302, касающуюся ответственности за принуждение к даче показаний с применением пытки. Ужесточение ответственности за коррупцию привело к введению части 3 в статью 299 УК РФ, криминализировавшей действия, связанные с привлечением невинного к ответственности или незаконным возбуждением дел ради личных интересов.

Тем не менее, для того чтобы достичь идеального баланса в правовой и судебной сферах реформ уголовного законодательства всё равно недостаточно. Совершенствование нормативных актов требует особого внимания к вопросам ответственности за правонарушения против правосудия. Конституция РФ охраняет жизнь и здоровье граждан, что является основой правового государства. Государство обязано защищать каждого человека с помощью своих правовых механизмов. Поэтому, помимо реформ законодательства необходимо развивать правовую этику, для поддержания более высокого уровня моральной ответственности в обществе как гражданском, так и государственном [6].

Несмотря на все нововведения в законодательстве, при должном анализе правовых норм можно сделать вывод о том, что многие участники судебных процессов, такие как понятые и помощники судей, не получают должной правовой защиты. Данный факт не стоит оставлять без внимания и требует активной проработки и изучения. Для более эффективной разработки нормативно-правовой базы в сфере преступлений против правосудия законодательным органам стоит рассмотреть более широкий перечень лиц, участвующих в процессах, и обеспечить им защиту, что является необходимым для корректного выполнения судебных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступления против правосудия : учебное пособие / Н. Н. Артеменко, Р. С. Бурганов, А. Ю. Епихин, М. А. Ефремова. – Казань, 2024. – 154 с.
2. Уголовное право: общая и особенная части : учебно-методическое пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, И. Ю. Янина, В. В. Данилов ; Российский университет кооперации. Саранск, 2018. – 208 с.
3. Андрейченко, Л. С. Уголовно-правовой анализ преступлений против правосудия // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. – 2022. – № 1(12). – С. 50-58.
4. Абдульмянова, Т. В. Уголовная ответственность за неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2019. – С. 133-137.
5. Чекмезова, Е. И. Преступления против правосудия. – Омск : Сибирский юридический университет, 2024. – 293 с.

УДК 347.44

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ С ИПОТЕКОЙ (ЗАЛОГОМ НЕДВИЖИМОСТИ)

Соболева Ксения Геннадьевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807135@ruc.su.

THE SOCIAL FUNCTION OF HOUSING LOANS WITH MORTGAGE (REAL ESTATE COLLATERAL)

Soboleva Ksenia Gennadievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются социальное значение и социальная функция жилищного кредитования с применением механизма ипотеки (залога недвижимости). Посредством ипотечного жилищного кредитования реализуется основное конституционное право граждан на жилище. Социальная функция жилищного кредитования с применением механизма ипотеки (залога недвижимости) направлена на улучшение жилищных условий населения страны, повышение качества жизни, стимулирование деторождения и др.

Ключевые слова: ипотека, залог недвижимости, жилищное кредитование, недвижимость, социальная функция.

The article examines the social significance and social function of housing lending using the mortgage mechanism (real estate collateral). Through mortgage housing loans, the basic constitutional right of citizens to housing is realized. The social function of housing lending using the mortgage mechanism (real estate collateral) is aimed at improving the living conditions of the country's population, improving the quality of life, stimulating childbearing, etc.

Keywords: mortgage, real estate collateral, housing lending, real estate, social function.

Большинство граждан для приобретения жилья используют кредитные средства, при этом смешивая понятия «кредит» и «ипотека», понимая, что ипотека – это и есть возможность приобретения с использованием кредитных средств, тогда как правовое значение ипотеки – это обеспечение обязательств по кредиту. В случае невыполнения обязательств перед кредитной организацией по выплате заемных средств, недвижимость, выступающая предметом залога, переходит к кредитной организации в счет невыплаченных сумм по кредиту.

В последние годы количество случаев использования кредитных средств для приобретения жилья увеличивается в геометрической прогрессии, то есть граждане рассматривают этот механизм как удобный способ и оптимальную возможность приобретения недвижимости в собственность. 2023 год стал рекордным по выдаче ипотечных жилищных кредитов за всю историю этого института в России, кредитными организациями было выдано 2 млн кредитов на сумму 7,8 трлн рублей, что на 53 % больше, чем в 2022 году и на 63 % больше в целом за всю историю ипотечного жилищного кредитования в России. Драйверами рынка стали сегменты новостроек и строительства частных домов (ИЖС), где распространены льготные государственные программы кредитования с процентной ставкой не более 8 % годовых.

Государство поддерживает программы ипотечного жилищного кредитования, стимулирует банки для создания подобных продуктов. Посредством ипотечного жилищного кредитования реализуется основное конституционное право граждан на жилище. Таким образом, жилищное кредитование с применением механизма ипотеки (залога недвижимости) выполняет социальную функцию, направленную на улучшение жилищных условий населения страны, повышение качества жизни, стимулирование деторождения и др. Итоги пятилетней реализации программы «Семейная ипотека» показывают, что она стала одной из главных мер поддержки семей с детьми в России. В целом, портрет ипотечного заемщика – это молодые семьи или семьи с детьми (70 % от всех заемщиков).

В настоящее время невозможно представить ситуацию отсутствия в стране данного института. Каким образом приобретали бы жилье граждане, если бы не было ипотечного жилищного кредитования? Многие семьи прибегали к использованию ипотеки для приобретения недвижимости несколько раз. Резко отрицательное отношение к ипотеке, как пережиток советского режима, сменилось на ее активное использование. В последние годы молодежь относится к ипотеке как к само собой разумеющемуся явлению, без которого процессы приобретения жилья в собственность будут отложены на долгое время, а иногда и совсем не возможны. Государственная жилищная политика также всецело ориентируется на ипотечное жилищное кредитование. Строительная отрасль, производство строительных материалов и многие другие секторы экономики «завязаны» на росте показателей ипотечного кредитования.

Таким образом, ипотечное жилищное кредитование выполняет не только социальную, но и экономическую функцию, заключающуюся в росте экономического потенциала страны. В большинстве кредитных организаций ипотечное жилищное кредитование составляет большую часть объема выдаваемых кредитов.

Институт ипотечного жилищного кредитования пришел в Россию из зарубежных стран в конце XX века. В 1994 году был принят Гражданский кодекс РФ, который в статье 334 определяет, что залог применяется с целью обеспечения обязательства, при котором кредитор имеет право в случае неисполнения должником обеспеченного залогом обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя – лица, которому принадлежит это имущество [1].

29 мая 1992 г. был принят Закона РФ № 2872-1 «О залоге», который урегулировал пробелы ГК РФ, но вопросы кредита под залог недвижимости не регулировал, поэтому появлялись спорные моменты и сделки, связанные с вопросами ипотеки, регулировались договорами купли-продажи. И 16 июля 1998 г. был принят специальный закон № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в статье 1 которого определяются основания возникновения ипотеки. Первым основанием назван договор, в котором одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя [2].

Во всех странах с развитыми экономиками используется механизм залога недвижимости при приобретении этой недвижимости в кредит. Множество сравнительно-правовых исследований наглядно показывают преимущества и недостатки этого института в разных странах мира. Практически во всем мире процентные ставки, условия выдачи и сроки выплат кредитов зависят от индивидуальных особенностей каждой сделки.

С ростом ключевой ставки Центробанка России растет и процентная ставка по ипотечному жилищному кредитованию, что может привести к уменьшению количества ипотечных кредитов. Опыт зарубежных стран подтверждает эту тенденцию. Так, например, в Аргентине, где процентная ставка по ипотечным кредитам составляет 28 % годовых, приобретение недвижимости в кредит на условиях ипотеки весьма непопулярно. В странах Западной Европы, наоборот, практически всё приобретаемое жилье приобретается в ипотеку, так как процентные ставки не велики и составляют до 6 % в год. Особо стоит выделить Францию, где недвижимость можно приобрести и под 0,5–0,8 % годовых. Но, следует сказать, что недвижимость во Франции настолько дорогая, что даже при условии таких низких процентов по кредитам, мало желающих приобретать ее в собственность, выбирая условия проживания на правах аренды.

В России с 1 июля 2024 года была отменена государственная программа льготной ипотеки, в связи с чем отрицательная динамика выдачи ипотеки нарастает четвертый месяц подряд.

В июле 2024 года, первом месяце после завершения общей льготной ипотеки под 8% годовых, суммарное снижение выдачи ипотечных кредитов как по льготным, так и по рыночным программам по сравнению с показателями годовой давности составило 46% как в количественном, так и в денежном выражении. Тогда за месяц было выдано 91 тыс. ипотечных кредитов на 347 млрд руб. В августе в количественном выражении падение осталось тем же, а в денежном возросло до 56 % (115,8 тыс. кредитов на 374,6 тыс. руб.). В сентябре снижение составило 59 % и 61% соответственно – до 98,8 тыс. кредитов на 368,8 млрд руб.

В первой половине октября 2024 года основные выдачи пришлось на кредиты по различным льготным программам. По ним было выдано 13,7 тыс. ипотек на 82,3 млрд руб. Это на 75 % меньше по количеству и на 70 % по объему по сравнению с показателями сопоставимого периода прошлого года. В лидерах среди льготных программ после завершения программы всеобщей льготной ипотеки находится семейная ипотека. По ней за первую половину октября было выдано 11,5 тыс. кредитов на 70 млрд руб. Это на 53 % меньше, чем годом ранее, и на 43 % меньше в денежном выражении. Отрицательная динамика выдачи ипотечных кредитов стала результатом не только отмены общей льготной ипотеки, но и ужесточения условий по другим льготным программам, а также резкого роста ставок по рыночной ипотеке. В середине октября средняя ставка по ипотеке на новостройки в России впервые превысила 23 %. И на первичном, и на вторичном рынке средние ставки по ипотеке сейчас находятся на максимальных значениях [3].

В АО «Россельхозбанк» продолжают действовать программы «Сельская ипотека», «Военная ипотека», программа с участием материнского (семейного) капитала и «Молодая семья», где процентная ставка ниже среднерыночной [4].

Учитывая то, что размер ежемесячной выплаты по ипотечному кредиту не должен превышать трети семейного дохода, возможности выдачи кредитов значительно снижаются. Средняя заработная плата в России за июль 2024 года составляла 73 413 рублей, в Республике Мордовия - 68 470 рублей, таким образом, потенциальные заемщики в Мордовии в среднем могут тратить на погашение ипотечного кредита не более 22823 руб., по России – 24471 руб., что в связи с последними событиями по повышению ключевой ставки Центробанка, будет практически невозможно. Государству стоит обратить внимание на эти моменты и продлить действие государственных льготных программ, ведь 95 % ипотечных жилищных кредитов были получены именно по ним. Следовательно, молодые семьи, семьи с детьми и другие граждане не смогут взять ипотечный кредит в связи с недостаточностью дохода для его погашения. Увеличение процентной ставки до 25 % годовых приводит к увеличению суммы, подлежащей возврату в 4 раза, что существенным образом будет сказываться на уровне и качестве жизни семей. В таком случае стоит обратить внимание на приобретение недвижимости с использованием ипотечного кредитования в зарубежных странах, где процент рыночной ипотеки составляет не более 8 % годовых (Черногория – 5-8 %, Швейцария – 1 %, Испания – 4%, Кипр – 5 %, Болгария – 3,5 %).

Проблемной становится и ситуация с погашением ипотечных кредитов. К концу 2024 года сумма просрочки по ипотечным кредитам в России может превысить 100 млрд рублей. В начале года доля просроченных ипотечных платежей составляла 0,35 %, а уже 1 сентября выросла до 0,41 %. Объем просроченных кредитов за этот период вырос на 28 % и к сентябрю перешагнул отметку в 78,1 млрд рублей. Больше всего долгов по ипотеке у москвичей – на них приходится 16 % просрочек на сумму 12,6 млрд. На втором месте жители Московской области – на них пришлось 11 % и 8,7 млрд, на третьем – Краснодарский край с показателями 6 % и 5 млрд [5].

Увеличение процентной ставки по ипотечным кредитам и отсутствие льготных программ существенным образом отразится на рынке недвижимости в стране, потенциальных покупателей с каждым днем становится все меньше.

Таким образом, ипотечное жилищное кредитование имеет большое социальное значение и требует внимания со стороны государства. Невозможность приобретения жилья с использованием программ ипотечного жилищного кредитования приведет к тому, что во многих семьях вопросы приобретения жилья в собственность будут отложены на долгое время, а иногда и совсем не возможны, в связи с чем появится пласт населения, оставшегося без собственного жилья в престарелом возрасте. При отсутствии детей, родственников и других лиц, ответственных за их содержание, нагрузка будет ложиться на государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; в ред. от 08 августа 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Об ипотеке (залоге недвижимости): Федер. закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ; в ред. от 12 июня 2024 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/ (дата обращения: 29.10.2024 г.).
3. Министерство финансов России: официальный сайт // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/govsupport/lgota/statistika/?ysclid=m2u5ikgk8i551047833> (дата обращения: 29.10.2024 г.).
4. Российский сельскохозяйственный банк: официальный сайт // URL: <https://ipotekaved.ru/rosselhozbank/kakie-dokumenty-nuzhny-ipoteka.html> (дата обращения: 29.10.2024 г.).
5. ДОМ.РФ. Аналитика по ипотечному кредитованию // URL: <https://дом.рф/analytics/mortgage/?ysclid=m2u6wirk9x831202235> (дата обращения: 29.10.2024 г.).

УДК 340

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Суворова Екатерина Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807107@ruc.su

CURRENT PROBLEMS OF STATE REGULATION AND SUPERVISION IN THE FIELD OF COMPULSORY INSURANCE

Suvorova Ekaterina Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемы государственного регулирования и надзора в сфере обязательного страхования. В частности, раскрыты актуальные проблемы в сфере обязательного медицинского страхования и обязательного страхования автогражданской ответственности, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: обязательное страхование, обязательное медицинское страхование, государственное регулирование и надзор, обязательное страхование автогражданской ответственности, страховой полис.

The article discusses the problems of state regulation and supervision in the field of compulsory insurance. In particular, the current problems in the field of compulsory medical insurance and compulsory motor liability insurance are disclosed, as well as ways to solve them are proposed

Keywords: compulsory insurance, compulsory medical insurance, state regulation and supervision, compulsory motor liability insurance, insurance policy.

В системе обязательного страхования особое значение имеет обязательное медицинское страхование, которое является одним из наиболее важных видов страхования. Его важность заключается в предоставлении гражданам доступа к бесплатной медицинской помощи. При этом Конституция РФ гарантирует, что такая помощь должна быть доступной и качественной. Соответственно, со стороны государства должно уделяться повышенное внимание вопросам регулирования и надзора в сфере обязательного медицинского страхования.

Одной из основных проблем системы обязательного медицинского страхования является отсутствие у участников правоотношений по обязательному медицинскому страхованию заинтересованности в повышении качества оказываемых услуг.

Производной от указанной проблемы является проблема отсутствия нацеленности у участников правоотношений по обязательному медицинскому страхованию на осуществление эффективного использования денежных средств. Рассматриваемая проблема является следствием сущности обязательного медицинского страхования, которое направлено на оказание бесплатной медицинской помощи. Поскольку основная часть населения не может себе позволить обращаться за платной медицинской помощью ввиду ее дороговизны, бесплатная медицина всегда остается востребованной. Кроме того, финансирование такого вида обязательного страхования напрямую не зависит от качества оказываемых услуг [1, с. 147].

Решению такой проблемы могло бы способствовать усиление надзорных мероприятий за деятельностью участников обязательного медицинского страхования, в частности, за счет разработки специальных методик, на основании которых определялась бы эффективность деятельности, осуществляемой в сфере обязательного медицинского страхования.

К числу проблем государственного регулирования и надзора в сфере обяза-

тельного страхования также можно отнести отсутствие в законодательстве, регулирующем порядок осуществления обязательного медицинского страхования, термина «страховщик».

Указанная проблема связана с недостаточно проработанным законодателем понятийным аппаратом. Так, к примеру, действующее законодательство об обязательном медицинском страховании не содержит термин «страховщик», хотя фактически функции страховщика выполняет Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и его территориальные фонды.

Однако перечисленные фонды действующим законодательством прямо не поименованы страховщиками, а Федеральный фонд обязательного медицинского страхования напротив отнесен к числу субъектов рассматриваемого вида страхования и наделен статусом некоммерческой организации. Соответственно, на практике возникает ситуация, когда при нарушении функций страховщика фактически некого привлекать к ответственности, поскольку законодатель не определил, какой из органов эту функцию выполняет.

Представляется, что решение данной проблемы может быть осуществлено путем внесения изменений в законодательство в части расширения перечня субъектов обязательного медицинского страхования за счет включения в него информации о страховщике, которым является Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и его территориальные фонды.

На практике достаточно часто можно встретить отказ медицинских организаций в оказании бесплатной медицинской помощи лицам, получившим полис обязательного медицинского страхования на территории другого региона [2, с. 236].

Согласно действующему законодательству, именно полис подтверждает право лица на обращение за бесплатной медицинской помощью. На практике зачастую можно встретить ситуации, когда медицинская организация отказывает в предоставлении бесплатной медицинской помощи лицам из других регионов и требует оплаты оказанных услуг.

Исходя из законодательно закрепленного понятия полиса обязательного медицинского страхования, его действие распространяется на всю территорию России. При этом отказы медицинских организаций в оказании бесплатной медицинской помощи зачастую связаны с отсутствием у них договоров со страховой организацией, выдавшей полис.

Между тем, подобные ситуации напрямую урегулированы законодательством. В частности, в случае обращения за получением бесплатной медицинской помощи лица, застрахованного в страховой компании, с которой у медицинской организации не заключен договор, счет за оказанные услуги должен выставляться в территориальный фонд обязательного медицинского страхования по месту нахождения медицинской организации. Затем такой счет направляется в территориальный фонд по месту выдачи полиса.

Указанные действия медицинских организаций по отказу в оказании бесплатной медицинской помощи лицам, имеющим полисы, выданные на территории других регионов, являются прямым нарушением прав и законных интересов застрахованных лиц.

Решение указанной проблемы видится в повышении уровня правовой культуры граждан и работников медицинских и страховых организаций. Первым это необходимо для осведомленности об имеющихся у них правах, а вторым для надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей.

Стоит указать, что вопрос эффективности системы обязательного медицинского страхования рассматривался Счетной палатой России. Так, производился сравнительный анализ порядка финансирования здравоохранения. При этом, для сравнения были взяты семнадцать стран с такой же системой обязательного медицинского страхования, как в России, и четырнадцать с бюджетной системой финансирования медицины [3].

По итогу в странах с бюджетным финансированием оказались более распространенными мероприятия, направленные на профилактику онкозаболеваний, а также более эффективное использование стационаров за счет сокращения сроков госпитализации и меньшее количество времени ожидания различных видов медицинской помощи, к примеру, хирургической.

Не менее весомое место в системе обязательного страхования занимает ОСАГО. Особенность такого вида обязательного страхования заключается в том, что объектом страхования является ответственность страхователя перед другими лицами, которым может быть причинен вред принадлежащим ему транспортным средством.

На сегодняшний день ОСАГО является одним из наиболее проблемных видов обязательного страхования с точки зрения эффективности его государственного регулирования.

За последние несколько лет стоимость страховых полисов существенно возросла, что стало причиной массового отказа владельцев транспортных средств от их покупки. Так, за 2023 год стоимость полиса ОСАГО выросла на 25 % [4; с. 55].

Указанная ситуация осложняется тем, что административный штраф за отсутствие полиса ОСАГО составляет всего от пятисот до восьмисот рублей. То есть фактически отсутствует какой-либо действенный механизм принуждения к исполнению обязанности оформления полиса ОСАГО, что по итогу приводит к нарушению прав именно потерпевшей стороны.

Решение данной проблемы видится в совершенствовании государственного регулирования, что должно выражаться в создании действенного механизма контроля за соблюдением законодательства в сфере ОСАГО, а также ужесточении мер ответственности за его нарушение.

Но даже наличие страхового полиса в определенных ситуациях не гарантирует, что страховая выплата будет получена. Как показывает анализ судебной практики за прошлый год страховые компании исполнили 65 620 судебных решений, связанных с ОСАГО [5].

Среди основных причин, являющихся основанием для обращения в суд лиц, претендующих на получение страховых выплат, стоит выделить недобросовестное поведение страховщиков. Так, например, в одном из дел гражданин был вынужден обратиться в суд за получением страховой выплаты, поскольку страховая организация отказалась добровольно выплачивать денежные сред-

ства. Суд не только встал на сторону потерпевшего и взыскал страховую выплату, но и дополнительно возложил на страховую организацию обязанность оплатить расходы на получение заключения оценочной организации, которая произвела расчет ущерба, а также услуги представителя и государственную пошлину [6].

Не редкость ситуации, когда страховщики хоть и одобряют выплаты, но при этом задерживают их фактическое перечисление потерпевшему. К примеру, в одном из дел суд обязал страховую компанию выплатить сто тысяч рублей неустойки в связи с задержкой выплаты [7].

Подобные действия страховщиков не только нарушают права и законные интересы лиц, обращающихся за страховой выплатой, но и подрывают доверие к институту страхования. Кроме того, последующие судебные разбирательства влекут существенное увеличение денежных сумм, подлежащих взысканию со страховщиков, что наносит ущерб их финансовому состоянию.

Одной из проблем в сфере ОСАГО является распространенность мошеннических схем, которые реализуются автовладельцами путем инсценировки аварий. В результате таких противоправных действий автовладельцы неправомерно получают страховые выплаты.

Так, например, в одном из дел судом было установлено, что двое физических лиц по договоренности, которая была достигнута заранее, инсценировали аварию и обратились в страховую компанию за получением страховой выплаты. Страховая выплата была одобрена и выплачена одному из физических лиц, но впоследствии страховой компании удалось получить доказательства реализации физическими лицами мошеннической схемы [8].

Допущение возможности совершения подобных мошеннических действий является следствием недостатков правового регулирования процедуры расследования страховых случаев.

В целях совершенствования указанного процесса необходимо урегулировать порядок взаимодействия страховщиков и правоохранительных органов при расследовании страховых случаев, а также установить единые правовые формы взаимодействия по обмену информацией страховщиков и технических центров, которые осуществляют восстановительный ремонт.

Стоит заключить, что решение рассмотренных проблем государственного регулирования и надзора в сфере обязательного страхования должно быть нацелено на повышение качества предоставляемых услуг путем совершенствования нормативно-правовой базы с учетом современных потребностей общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева, А. А. Фонд обязательного медицинского страхования, проблемы, перспективы и нововведения // Академическая публицистика. – 2023. – № 6-2. – С. 146-150.
2. Николаева, А. В. Актуальные проблемы системы обязательного медицинского страхования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 12-3 (87). – С. 235-240.
3. Счетная палата назвала дефекты системы медицинского страхования в России // РБК: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

4. *Калюжный, Ю. Н.* Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (проблемы и перспективы) // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 10 – С. 52-57.

5. Судебные издержки в ОСАГО выросли почти на треть // Известия: сайт. – URL: <https://iz.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

6. Решение Благовещенского городского суда от 14 июня 2019 г. по делу № 2-5812/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.10.2024).

7. Решение Петропавловск-Камчатского городского суда от 8 июля 2020 г. по делу № 2-3047/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.10.2024).

8. Постановление Благовещенского городского суда от 26 февраля 2020 г. по делу № 1-266/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.10.2024).

УДК 340

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Суворова Екатерина Владимировна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807107@ruc.su

STATE REGULATION OF INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Suvorova Ekaterina Vladimirovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются особенности государственного регулирования страхования, его соотношение со страховым надзором. Автор проводит сравнительный анализ существующих представлений о государственном регулировании страхования и предлагает авторское определение указанного понятия.

Ключевые слова: обязательное страхование, добровольное страхование, государственное регулирование, надзор, страховые риски.

The article examines the features of state regulation of insurance, its relationship with insurance supervision. The author conducts a comparative analysis of existing ideas about state regulation of insurance and offers the author's.

Keywords: compulsory insurance, voluntary insurance, government regulation, supervision, insurance risks.

Осуществление любой деятельности неизбежно связано с рисками. С развитием общества количество таких неблагоприятных факторов, способных нанести определенный ущерб, возрастает. Возникающие при этом убытки являются непредсказуемыми и не могут быть полностью предупреждены какими-либо способами.

В целях управления рисками и, соответственно, снижения убытков от их реализации, применяется страхование, имеющее две формы: обязательное и добровольное.

В качестве основания возникновения страхового правоотношения в обеих рассматриваемых формах страхования выступает договор страхования.

Отличие таких договоров заключается в том, что при обязательном страховании договор всегда имеет публичный характер. То есть страховщик в таком случае обязан заключить договор страхования с любым лицом, которое к нему обратилось.

Подход законодателя, согласно которому правоотношения между страховщиком и страхователем возникают исключительно на основании договора страхования, стал основанием для споров в юридическом сообществе.

Так, например, В.Ю. Абрамов указывает, что выделение добровольной и обязательной форм страхования, как оснований возникновения страховых обязательств, в настоящее время является неактуальным, поскольку в любом случае основанием возникновения страхового правоотношения является страховой договор [1, с. 50].

Представляется, что в вышеуказанном мнении не учитывается, что договоры обязательного и добровольно страхования имеют специфические отличия. И главное из них то, что договор обязательного страхования заключается страхователем в связи с возложенной на него законодательством обязанностью. При этом обязательное страхование осуществляется в наиболее важных сферах жизнедеятельности человека, что обуславливает необходимость вмешательства государства в регулирование таких правоотношений.

Страхование по праву можно признать одним из приоритетных направлений государственной политики. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, оно выполняет социальную функцию – это защита интересов лиц, которые выступают выгодоприобретателями по договорам страхования. При этом страхованию могут подлежать жизнь, здоровье, имущественные интересы и т.д.

С другой стороны, страхование – неотъемлемый элемент финансовой системы. В распоряжении страховых организаций сосредоточен определенный объем денежных средств, которые могут быть инвестированы в различные сферы экономики.

Посредством государственного регулирования поддерживается безопасное функционирование рынка страховых услуг, что достигается за счет установления ряда требований, которым должны соответствовать страховые организации. По своей сути такие требования направлены на недопущение на страховой рынок фиктивных организаций, целью которых является недобросовестное осуществление предпринимательской деятельности в сфере страхования.

Если брать во внимание международный опыт государственного регулирования страхования, то стоит отметить, что на сегодняшний день сформировано два подхода к механизму его реализации. Так, в континентальном праве существует жесткое государственное регулирование страховой деятельности, предусматривающее в том числе осуществление надзора за такой деятельностью на предмет ее соответствия требованиям, установленным законом. При этом нормативную основу такого регулирования составляют законодательные акты.

Англо-американское право характеризуется тем, что наравне с законом источником права в нем является судебный прецедент. Таким образом, здесь закон регламентирует страховые правоотношения наиболее общим образом, что влечет неурегулированность таких вопросов, как, например, установление страховых тарифов.

Единого понимания сущности государственного регулирования страхования на сегодняшний момент не существует. Ю. И. Колтунова предлагает рассматривать государственное регулирование страхования как правовой механизм, включающий в себя различные методы и формы, с помощью которых осуществляется воздействие на страховые правоотношения с целью обеспечения их наиболее эффективной реализации [2, с. 117].

В. Н. Шунайлов отмечает, что государственное регулирование страховой деятельности можно рассматривать в широком и узком смыслах [3, с. 389].

В широком смысле государственное регулирование направлено на упорядочивание всех правоотношений, возникающих в сфере страхования. В узком смысле под государственным регулированием страхования понимается деятельность государства, осуществляемая через различные органы государственной власти и направленная на регулирование деятельности страховщиков в части исполнения ими требований налогового, антимонопольного и другого законодательства, содержащего нормы, регламентирующие порядок возникновения, изменения и прекращения страховых правоотношений.

Понятие государственного регулирования страхования является достаточно обширным, поскольку включает в себя различные методы воздействия на страховые правоотношения. Классификация таких методов осуществляется по разным критериям.

Так, например, Н. Н. Косаренко классифицирует методы государственного регулирования страхования в зависимости от целей, для достижения которых оно осуществляется [4, с. 44]. Здесь можно выделить регулирование, направленное на обеспечение финансовой устойчивости страховых организаций, установление порядка ценообразования страховых услуг, определение особенностей налогообложения страховой деятельности, видов государственной поддержки, контроль за участием иностранного капитала на рынке страховых услуг и т.д.

А. А. Лумпова придерживается классификации, в которой ключевое значение имеет направление деятельности государства при осуществлении регулирования [5, с. 269]. Согласно данной классификации, выделяют такие методы как нормотворчество в сфере страхования, осуществление контрольных мероприятий с целью проверки соблюдения страховщиками норм законодательства, а также применение санкций в случае выявления нарушений.

В свою очередь В. А. Бхатт отмечает, что государственное регулирование страховой деятельности в дополнение к вышеизложенному включает в себя государственный страховой надзор, а также принятие мер, направленных на недопущение монополизации страхового рынка [6, с. 635].

Отдельно стоит отметить, что в государственном регулировании задействованы различные органы. Но особый статус имеет Банк России, являющийся органом страхового надзора, который при этом не относится к числу органов государственной власти.

На официальном сайте Банка России содержится несколько разделов, согласно которым осуществлено разграничение государственного регулирования и надзора. При этом, к государственному регулированию, согласно такому раз-

граничению, относится нормативно-правовое обеспечение деятельности страховых организаций.

Как отмечает Д. А. Павлов, приоритетным инструментом организации страхования является надзор, поскольку именно он направлен на проверку законности деятельности, осуществляемой страховыми организациями, и обеспечивает ее прозрачность, что необходимо для защиты прав и законных интересов страхователей [7, с. 34].

Если говорить о соотношении государственного регулирования и надзора, то стоит указать, что надзор является составной частью государственного регулирования. Он осуществляется Банком России и включает в себя ряд направлений, к числу которых относятся лицензирование деятельности страховщиков, ведение специального реестра, в котором содержится информация о страховщиках, имеющих право оказывать страховые услуги, осуществление контроля за соблюдением законодательства в сфере страхования, за финансовым состоянием страховщиков и т.д.

Таким образом, страхование осуществляется в наиболее важных сферах жизнедеятельности человека, что обуславливает необходимость вмешательства государства в регулирование таких правоотношений.

Несмотря на важность государственного регулирования в сфере страхования, единого понимания его сущности на сегодняшний момент не существует. В связи с этим предлагается рассматривать государственное регулирование в сфере страхования как деятельность органов государственной власти, осуществляемую в целях обеспечения эффективности оказания страховых услуг, защиты прав лиц, являющихся участниками страховых правоотношений, а также в целях правового обеспечения деятельности страховых организаций.

Посредством государственного регулирования поддерживается безопасное функционирование рынка страховых услуг, что достигается за счет установления ряда требований, которым должны соответствовать страховые организации. По своей сути такие требования направлены на недопущение на страховой рынок фиктивных организаций, целью которых является недобросовестное осуществление предпринимательской деятельности в сфере страхования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов, В. Ю.* Страхование – теория и практика. – Москва : Юрайт, 2022. – 327 с.
2. *Колтунова, Ю. И.* Государственное регулирование сферы страхования // *Modern Economy Success* – 2021. – № 1. – С. 116-120.
3. *Шунайлов, В. Н.* Административно-правовое регулирование страховой деятельности в Российской Федерации // *Молодой ученый*. – 2020. – № 46 (336). – С. 387-395.
4. *Косаренко, Н. Н.* Страхование как объект государственного регулирования // *Страховое дело*. – 2022. – № 5 (196). – С. 43-48.
5. *Лумпова, А. А.* Правовое регулирование обязательного государственного страхования // *Никоновские чтения*. – 2023. – № 19. – С. 268-275.
6. *Бхатт, В. А.* Страхование как объект государственного регулирования и его роль в современной экономике // *Аллея науки*. – 2020. – Т. 2. – № 1 (40). – С. 633-649.
7. *Павлов, Д. А.* Государственное регулирование страхования как фактор поддержания стабильности социальных отношений // *Страховое дело*. – 2021. – № 12 (179). – С. 30-35.

УДК 343

**ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ
КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Тиньгаева Екатерина Викторовна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808932@ruc.su

**OFFICIAL AS A SUBJECT OF A CORRUPTION CRIME:
CONCEPT AND CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS**

Tingaeva Ekaterina Viktorovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Должностные коррупционные преступления наносят значительный ущерб физическим и юридическим лицам, страдают интересы общества и государства, дискредитируется государственная власть, подрывается уверенность в защищённости прав и законных интересов. В статье автор даёт подробную характеристику коррупционной должностной преступности, даёт анализ судебной практики привлечения к уголовной ответственности за подобного рода преступления, а также характеризует признаки, присущие должностному лицу как субъекту преступления.

Ключевые слова: должностное лицо, коррупционные правонарушения, коррупционные преступления, негативная проблема, извлечение личной выгоды.

Annotation. Official corruption crimes cause significant damage to individuals and legal entities, the interests of society and the state suffer, state power is discredited, and confidence in the protection of rights and legitimate interests is undermined. In the article, the author gives a detailed description of official corruption, provides an analysis of the judicial practice of bringing to criminal liability for this type of crime, and also characterizes the characteristics inherent in an official as a subject of a crime.

Keywords: official, corruption offenses, corruption crimes, negative problem, personal gain.

В настоящее время коррупционные правонарушения и преступления полностью искоренить не представляется возможным ни в одной стране мира. Однако это не повод не работать над данной негативной проблемой и оправдывать этим слабую эффективность антикоррупционной политики.

Современное научное сообщество сходится во мнении, что в настоящее время необходимо стремиться к снижению масштабов коррупции до такого уровня, чтобы она перестала быть проблемой, не станет наносить существенного вреда обществу, государству и бизнесу, в частности, оказывая негативное влияние на него, повышая транзакционные издержки предпринимателей и формируя не здоровую экономическую среду.

Несомненно, должностные коррупционные преступления наносят значительный ущерб физическим и юридическим лицам, страдают интересы общества и государства, дискредитируется государственная власть, подрывается уверенность в защищённости прав и законных интересов.

Следует отметить, что проводятся различные исследования как российскими,

так и международными организациями по уровню должностной, коррупционной преступности в нашей стране.

Вопросы, возникающие при квалификации должностных преступлений и вменении виновным по совокупности статей Уголовного кодекса РФ, рассматривались неоднократно Конституционным судом РФ, где одним из решающих значений имел умысел, мотив виновных лиц и их должностные полномочия [1, С. 132-136].

Немалое значение имеет уголовно-правовая характеристика должностных преступлений, так как она является определяющей при квалификации и вменении того или иного состава преступления лицу, совершившего общественно опасное деяние.

В первую очередь при рассмотрении должностной преступности необходимо уделить внимание субъектам данного вида общественно опасного деяния, так как именно статус лица определяет отнесение преступления к должностному.

Как показывает судебная и следственная практика определение статуса лица и круга его полномочий является решающим при квалификации деяний и может вызывать ряд затруднений.

Так, например, из корыстной заинтересованности, с целью совершения мошеннических действий и хищения денежных средств ООО, путём обмана, воспользовавшись тем, что начальник ООО Д. не осведомлён об объёме его должностных полномочий Ш., получил от посредника С. денежные средства в размере 1 100 000 рублей, тем самым похитив их.

Выводы суда первой инстанции о переквалификации действий Ш. строились на том, что в его полномочия не входила выдача лицензии, за которую и были переданы денежные средства. Поэтому Президиум Ставропольского краевого суда в своём постановлении от 29 ноября 2017 года 44у-907/171 приговор суда отменил и направил уголовное дело по данному факту на новое рассмотрение, так как пришёл к выводу, что предъявленное обвинение Ш. и представленные доказательства позволяли суду принять законное решение о квалификации его действий по статье 290 УК РФ, однако вместо этого суд существенно изменил объём обвинения и объект посягательства, что привело к переквалификации с особо тяжкого преступления на тяжкое.

Или другой пример. В Саранске перед судом предстанет обвиняемый в получении взятки. Так, Октябрьским межрайонным следственным отделом СУСК России по Республике Мордовия завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего старшего следователя УМВД России по городскому округу Саранск, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч.5 ст.290 УК РФ (получение взятки). Материалами уголовного дела установлено, что в 2020-2021 годы мужчина, занимая должность старшего следователя, получил от обвиняемого по уголовному делу лично и через посредников взятку в общей сумме около 30 тысяч рублей. Незаконное денежное вознаграждение передавалось фигуранту за неизменение подследственному меры пресечения на более строгую и неоднократное обеспечение нахождения его вне места содержания под домашним арестом. Денежные средства передавались мужчине как

лично, так и путем перечисления на банковскую карту. Ранее приговором суда он признан виновным в совершении мошенничества при использовании служебного положения.

Следует отметить, что законодатель предусматривает ответственность по должностным общественно опасным деяниям при составе преступления со специальным субъектом, определяемое как должностное лицо, так и указывая конкретно (персонифицируя) данных лиц по занимаемым должностям в диспозициях статей: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор. В связи с этим квалификация деяния будет зависеть от действий и полномочий специального субъекта (например, по ряду статей главы 31 УК РФ «Преступления против правосудия») [2, с. 74-83].

Личность преступника является одной из центральных проблем всех наук, изучающих преступление и преступность в целом, но в первую очередь изучением характеристики личности преступника занимается криминология, одним из предметов изучения которой является данное понятие.

В соответствии с российской правовой доктриной, преступником лицо может считаться лишь тогда, когда это признано судом на основании решения, вступившего в законную силу. Однако личность преступника и содержание данного понятия всегда вызывает дискуссии среди учёных, так как определить момент, когда человек становится преступником, не так просто и однозначно [3, с. 24-31].

Анализируя должностные коррупционные преступления, следует выделить ключевые характеристики личности должностного лица, совершающего подобные правонарушения. К числу таких характеристик можно отнести, прежде всего, активность, трудоспособность, а также ярко выраженные организаторские и коммуникативные способности. Кроме того, стоит отметить стремление к скорейшему карьерному росту и достижению высоких результатов в профессиональной деятельности.

Среди лиц, совершивших корыстные должностные преступления, наблюдается предрасположенность к определённому образу жизни, который связан с привычками и увлечениями, требующими значительных материальных затрат [5, с. 398-401].

Большой процент лиц-коррупционеров уверены, что принцип неотвратимости наказания не будет применён по отношению к ним, что является показателем как уверенности преступников в безнаказанности, так и в неэффективности деятельности, возможности подкупа представителей правоохранительных органов, обязанных выявлять и расследовать должностные преступления.

Так, например, в Рузаевке Республике Мордовия был осужден за взятку инспектор ДПС, который за 30 тысяч рублей, полученных от бабушки, освободил от ответственности ее несовершеннолетнего внука по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки). По данным следствия, 22 июля прошлого года жительница Рузаевки, чтобы освободить от административной ответственности несовершеннолетнего внука, управлявшего транспортным средством без водительского

удостоверения, перевела в качестве взятки полицейскому 30 тысяч рублей. При этом деньги переводились на карту приятеля Агейкина. Убедившись, что деньги поступили, полицейский с коллегой отпустили молодого человека без составления протокола. После задержания Агейкин полностью отрицал свою причастность. Но суду хватило оснований, чтобы заключить полицейского под стражу до конца прошлого года. Сейчас он находится на свободе, но с запретом определенных действий. В ходе следствия в целях обеспечения исполнения приговора был наложен арест на сбережения, находящиеся на банковском счете бывшего инспектора ДПС.

Согласно статистическим данным, большинство лиц, совершивших должностные корыстные преступления, осуществляют деятельность, связанную с хозяйственной, управленческой деятельностью в государственных организациях, органах местного самоуправления; со службой в правоохранительных, контролирующих органах. Среди правоохранительных органов преобладающее большинство составляют должностные лица органов внутренних дел.

В заключение можно сказать, что коррупция во всех её проявлениях в стране настолько системна, что сложна не только для выявления, но и для эффективного противодействия, поэтому все программы и проекты, направленные на пресечение этого социально опасного явления, должны быть ориентированы на достаточно длительный период времени. Все это обусловлено тем, что коррупционные связи формировались не один десяток лет, и коррупция стала неотъемлемой частью обыденной жизни российского общества, поэтому нельзя рассчитывать на скорый результат той или иной программы по противодействию коррупции в короткие сроки. Борьба с коррупцией должна проводиться планомерно и поэтапно, добиваясь своей результативности.

Для противодействия должностной коррупции необходимо направить все необходимые ресурсы государства на устранение факторов возникновения коррупции как негативного и противоправного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдульмянова, Т. В.* Получение взятки (ст. 290 УК РФ) в системе коррупционных преступлений // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 1(47). – С. 132-136.
2. *Никонов, П. В.* Законотворческий аспект противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 1 (104). – С. 74-83.
3. *Устюжанинов, В. В.* Проблемы квалификации должностных преступлений в правоприменительной практике / В. В. Устюжанинов, Е. А. Данилин // Влияние научно-технического прогресса на качество жизни населения : сборник научных трудов. – Миасс, 2024. – С. 24-31.
4. *Смирных, Д. А.* Криминологическая характеристика лиц, злоупотребляющих должностными полномочиями и превышающих должностные полномочия // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 279-283.
5. *Абдульмянова, Т. В.* Должностная преступность: понятие и сущность проблемы // IX Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28-29 ноября 2023 года. – Саранск, 2023. – С. 398-401.

УДК 35.076

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Точилова Ксения Павловна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807108@ruc.su

STATE INITIATIVES AND MUNICIPAL PRACTICES AIMED AT ACHIEVING THE EFFECTIVENESS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Tochilova Ksenia Pavlovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Объектом работы является комплекс мероприятий по совершенствованию местного самоуправления на законодательном уровне в виде принятия государственных инициатив, выработки положительных форм и методов деятельности муниципалитетов.

Целью ставится обзор участия органов федеральной власти в развитии муниципальных практик, использования площадок для их обсуждения, оценки и распространения. Сформирована систематизированная сравнительная характеристика лучших практик.

Ключевые слова: публичная власть, законопроект, местное самоуправление, показатели эффективности, муниципальная практика.

The object of the work is a set of measures to improve local self-government at the legislative level, in the form of the adoption of state initiatives, the development of positive forms and methods of activity of municipalities.

The aim is to review the participation of federal authorities in the development of municipal practices, the use of platforms for their discussion, evaluation and dissemination. A systematic comparative characteristic of the best practices has been formed.

Keywords: public authority, draft law, local self-government, performance indicators, municipal practice

Взаимовыгодным партнерским отношениям между публичной властью и населением во многом способствует эффективная деятельность органов местного самоуправления. Необходимые условия его функционирования в значительной степени обеспечиваются государственной властью – Президентом, Федеральным Собранием, Правительством Российской Федерации, а также органами власти регионов.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления»? его правовая основа включает указы и распоряжения главы государства (статья 4) [1], который в рамках функционирования единой системы публичной власти обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие её органов. Президент Российской Федерации также определяет перечень показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Главой государства реализуется ряд иных инициатив. Действует Совет при

Президенте по развитию местного самоуправления. В рамках его работы проведен Общероссийский марафон «Муниципальный диалог» с целью выявления имеющихся проблемных вопросов и лучших муниципальных практик. Всероссийской ассоциацией развития местного самоуправления обработано свыше 80 тысяч инициатив [2], о результатах которых Президент проинформирован на заседании Совета 20 апреля 2023 г.

В ходе встречи Президента с руководителями муниципальных образований 16 января 2024 г. отмечена необходимость масштабирования хороших практик, создания для этого соответствующих площадок. Обозначен ряд перспективных проектов федерального уровня.

На современном этапе развития России является важным скрупулезное изучение текстов посланий Президента Федеральному Собранию, в которых значительное внимание уделяется местному самоуправлению, как неотъемлемому элементу российской государственности [3, с. 44]. В. Путин в обращении к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. предложил разработать программы развития муниципалитетов, определить дополнительный перечень более 200 городов и реализовать для них индивидуальные мастер-планы, охватить программой развития порядка 2 тысяч населенных пунктов.

Концептуальные вопросы местного самоуправления также являются предметом обсуждения Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Российской Федерации.

В Государственной Думе Российской Федерации проводится работа по масштабному изменению законодательных основ местного самоуправления. Рассматривается во втором чтении законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», предусматривающий, в первую очередь, принципиально новую модель разграничения полномочий между её уровнями.

Отличиями Законопроекта от Федерального закона № 131 также являются переход к одноуровневой организации местного самоуправления, определение решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в качестве основы местного самоуправления, изменения порядка ответственности глав муниципальных образований. При этом, по мнению отдельных авторов, эти и иные новации нацелены на централизацию публичной власти [4], а также могут повлечь уменьшение хозяйственной самостоятельности муниципалитетов, повысить их зависимость от решений и действий, предпринимаемых на более высоких уровнях [5, с. 44].

Важной составляющей обеспечения эффективности местного самоуправления является принятие всесторонне проработанных социально-экономических решений и их последовательная реализация. Вопросы обеспечения развития муниципальных образований, в том числе с использованием стимулирующих и стратегических механизмов, на постоянной основе решаются Минэкономразвития России.

Инициативы федерального и регионального уровня, последовательно трансформируясь к условиям конкретного муниципального образования, находят фактическое выражение в муниципальных решениях и практиках деятельности. Ряд из них характеризуется элементами новизны, комплексного задействования

имеющихся резервов и стратегического планирования. Применение таких перспективных муниципальных практик способствует не только решению вопросов местного значения, достижению установленных показателей эффективности деятельности, но также является одной из составляющих развития местного самоуправления в целом. Этому способствует обобщение положительных практик, их оценка, структурирование и обеспечение доступности для широкого круга заинтересованных субъектов.

Ведомствами различного уровня проводятся конкурсы проектов, привлекающих внимание не только практиков, но и научную общественность. Исследования в области реализации муниципальных проектов вызывают все больший интерес в научной среде [6, с. 53]. Стимулирование участия в них обеспечивается не только факторами соревновательности и презентабельности, но и реальным поощрением победителей, в том числе материальным

Правительством Российской Федерации, начиная с 2017 года, организуется Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» (далее – «конкурс»), который ежегодно проводится на региональном и федеральном уровнях, раздельно по муниципальным, городским округам и поселениям (1 категория), а также сельским поселениям (2 категория). Установлено

5 номинаций. С 2021 года координатором конкурса выступает Минэкономразвития России [7], участие в его организации по курируемым номинациям принимают Минстрой России и Федеральное агентство по делам национальностей России.

Востребованность участия в конкурсе подтверждается результатами анализа количества регионов и поданных ими заявок (табл. 1).

Таблица № 1. Количество регионов и заявок для участия в конкурсе

№	Номинация	Регионы		Заявки	
		2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.
1	Муниципальная экономическая политика и управление муниципальными финансами	65	64	244	220
2	Обеспечение эффективной обратной связи с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления	65	64	297	277
3	Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений (умный город)	42	41	118	101
4	Градостроительная политика, обеспечение благоприятной среды жизнедеятельности населения и развитие ЖКХ	65	70	292	292
5	Укрепление межнационального мира	70	71	355	303

На 15,7 % увеличилось общее количество заявок в 2022 году (с 1031 до 1193) и на 9,5 % в 2023 году (с 1193 до 1306). В прошедшем году заявки представили 92 % регионов России (78 из 85) [8]. В 4 номинациях отмечается примерно равное количество регионов-участников (от 65 до 70).

По направлению внедрения «цифровизации» хозяйства, создания единых управленческих и экономических платформ конкурсную тематику предложили 42 региона, причем только четверть таких заявок (26 из 118) внесена сельскими поселениями. Полагается, что в условиях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, внедрение цифровых технологий в сельских поселениях требует большего внимания со стороны представителей всех уровней власти.

Практически равное участие приняли конкурсанты 1-й и 2-й категорий в номинации эффективности обратной связи и развития территориального общественного самоуправления, что, в определенной степени характеризует одинаковый уровень фактической проработанности данных вопросов в муниципальных образованиях различного типа.

Наибольший массив практик сформирован по вопросам укрепления межнационального согласия (355 или 27,2 %), также отмечен их максимальный рост в данной категории (+17,1 %; с 303 до 355), что может свидетельствовать о повышенном внимании к выполнению задачи местного самоуправления, определенной Федеральным законом № 131, решаемой в условиях антироссийской политики со стороны коллективного Запада.

Мониторинг итоговых результатов лучших практик в разрезе федеральных округов и регионов позволяет отметить ряд закономерностей (табл. 2).

Таблица № 2. Практики-победители в конкурсе по федеральным округам.

Федеральные округа	2023 г.	2022 г.	Федеральные округа	2023 г.	2022 г.
Приволжский	18	17	Северный	4	2
Центральный	10	8	Уральский	2	8
Южный	7	7	Северо-Западный	2	1
Дальневосточный	5	2	Северо-Кавказский	2	5

Наиболее активно осуществлялся поиск муниципальных инноваций на территории Приволжского федерального округа. Только за 2023 год в 9 из 14 его регионов положительно оценено 18 практик (2023 и 2022 г. – 35). Результативно налажена такая работа в регионах Центрального (2023 и 2022 г. – 18) и Южного (2023 и 2022 г. – 14) федеральных округов.

Разносторонние решения вопросов местного значения в 2023 году предложены муниципалитетами, как городских округов, так и сельских поселений республик Татарстан и Башкортостан (по 4 победителя), Воронежской и Волгоградской областей (по 3). Эффективность предлагаемой экономической политики и управления финансами подтвердили практики Самарской области, за-

нявшие в своих категориях первые места. За 2022 год также следует отметить Республику Башкортостан и Саратовскую область, направившие по 3 муниципальных практики, ставшие победителями конкурса, кроме того, Краснодарский край (5 практик), Оренбургскую область и Ханты-Мансийский автономный округ-Югру (по 4).

Муниципальные практики возможно классифицировать по различным основаниям:

- направленности, в зависимости от сферы решаемых вопросов;
- целям и задачам;
- формам и срокам реализации;
- адресным категориям населения;
- составу организаторов, исполнителей и соисполнителей;
- объему и порядку финансирования и софинансирования, его участникам;
- оценкам ожидаемого и достигнутого эффекта;
- возможности тиражирования.

Содержательный обзор практик, оценённых в качестве лучших, позволяет обозначить направления, которым муниципалитетами в настоящее время придается основное значение.

В сфере развития экономической политики наиболее актуальными и состоятельными признаны проекты популяризации предпринимательской деятельности среди молодежи (г. Сызрань), регулирования тарифов на перевозки пассажиров общественным транспортом и обеспечения доступных цен (г. Владивосток), привлечения инвестиций в городскую инфраструктуру для организации комфортного детства (г. Казань). Среди сельских поселений – производство инновационной функциональной продукции (с. Курумоч, Самарская область).

В плане управления муниципальными финансами наиболее эффективные практики связаны с оптимизацией управления бюджетными доходами и расходами, муниципальным долгом, бюджетным планированием, учетом и отчетностью (г. Сызрань, г. Владивосток), применением цифровых технологий при централизованном бухгалтерском обслуживании муниципальных учреждений (г. Казань). Для сельских поселений наиболее актуальными стали вопросы развития земельной и хозяйственной сфер, увеличения доли неналоговых доходов и работа с бесхозным имуществом.

Практики наиболее эффективной обратной связи с жителями муниципальных образований включают еженедельное прямое общение граждан с главой и руководителями подразделений администрации, ресурсоснабжающих предприятий и предпринимателями (г. Октябрьский, Башкортостан), непосредственное участие населения в разработке проектов благоустройства и формирования общественных пространств (г. Богучар, Воронежская область). Ряд инициатив, особенно, в сельских поселениях, связан с вопросами развития территориального общественного самоуправления.

В плане развития цифровых технологий наиболее эффективны создание геоинформационного платформенного и интерактивного портала города Новосибирска, внедрение и интеграция в информационную многофункциональную платформу «Умный Саров» системы видеонаблюдения с возможностью поиска

лиц, а также концепция «Умного города», обеспечивающая 15-минутную доступность каждого жителя к базовым потребностям и услугам (г. Иннополис, Татарстан).

Лучшие перспективные градостроительные политики развития, позволяющие их тиражирование, связаны с развитием активной спортивной и оздоровительной инфраструктуры (Дмитровский городской округ, Московская область), очисткой внешней среды от загрязняющих веществ, внедрением экологических технологий и использованием альтернативных источников для нужд ЖКХ (г. Южно-Сахалинск и г. Волгоград).

Мероприятия практик в сфере национальной политики на муниципальном уровне призваны обеспечить системное укрепление общероссийской гражданской идентичности и формирование у детей и молодежи чувства патриотизма (г. Грозный), развитие тематических общественных пространств с этнокультурным компонентом, изучение исторического прошлого, использование при этом интерактивных технологий (г. Омск, г. Рузаевка, Мордовия).

В Нижегородской области Министерством экономического развития и инвестиций организован региональный этап конкурса с определением 5 наиболее перспективных проектов. В 2024 году в качестве лучших оценена практика Уренского муниципального округа по оптимизации системы теплоснабжения путем развития муниципально-частного партнерства [9].

За последние три года в число лучших включались проекты г. Нижнего Новгорода (2024 г. – 2 место, 2023 и 2022 г. – 1 место), г. Дзержинска (2024 г. –

3 место; 2023 и 2022 г. – 2 место), г.о. Семёновский (2024 г. – 5 место; 2023 и 2022 г. – 3 место) и г. Арзамаса (2024 и 2022 г. – 4 место).

Содержание практик, представленных в 2022-2023 годах в качестве лучших, группируется по направлениям: муниципальный бюджет

(4 практики); развитие ЖКХ, малого и среднего предпринимательства, частного и некоммерческого партнерства (по 3); муниципальное управление, цифровые технологии (по 2); развитие экономической зоны, благоустройство (по 1).

Особое муниципальное образование Нижегородской области город Саров, является территорией присутствия Госкорпорации «Росатом» [10]. Для 26 таких городских округов, с учетом их специфики, с 2018 года организован отдельный конкурс лучших муниципальных практик по направлениям – общее и патриотического воспитания. Инициатива создания информационной платформы «Умный Саров» вошла в состав лучших практик по итогам 2021 года и в 2023 году заняла 2-е место в федеральном конкурсе.

С учетом предстоящей масштабной реформы института муниципального самоуправления, связанной с актуализацией его законодательной основы, в том числе разграничением полномочий, упразднением поселенческого уровня, новациями в вопросах ответственности, ожидается изменение подходов к организации местной власти и её практической деятельности. При этом, полагается обоснованным и далее использовать накопленный положительный муниципальный опыт, с внесением в него необходимых корректив, продолжить формирование и распространение положительных практик, исходя из базовой цели

самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (местного самоуправления).

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: www.pravo.gov.ru
2. Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления [сайт]. – URL: <https://www.varmsu.ru>
3. Будаев А. М. Президент и местное самоуправление в России: теория и практика взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 12. – С. 41-47.
4. Фонд «Институт экономики города». Отзыв на проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [сайт]. – URL: <https://cmokhv.ru/media>
5. Власов, В. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / В. А. Власов, В. И. Норкин, Д. А. Норкина // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 7 (211). – С. 37-41
6. Захарчу, Е. А. Лучшие муниципальные практики как реализация положительного опыта развития муниципальных образований / Е. А. Захарчук, П. С. Трифонова, В. Е. Упоров // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2023. – № 63. – С. 52-73.
7. Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://www.economy.gov.ru>
8. Правительство России – Новости: публикации от 13 ноября 2023 г., от 14 октября 2022 г. [сайт]. – URL: <http://government.ru/news>
9. Министерство экономического развития и инвестиций Нижегородской области [сайт]. – URL: <https://minec.nobl.ru>
10. Конкурс лучших муниципальных практик на территориях присутствия Госкорпорации «Росатом» [сайт]. – URL: <https://лучшие-практики.рф/konkurs>.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Абдульмянова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Тутаев Кирилл Русланович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su; st808090@ruc.su

FEATURES OF PROTECTING THE INTERESTS OF THE FAMILY BY CRIMINAL LEGAL MEANS: PROBLEMATIC ISSUES

Abdulmyanova Tatyana Vladimirovna, PhD (History), Associate Professor

Tutaev Kirill Ruslanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Автором статьи характеризуются уголовно-правовые средства защиты семьи и семейных отношений.

Ключевые слова: несовершеннолетний, жестокое обращение, дети, вовлечение, склонение, бродяжничество, попрошайничество, негативные последствия, преступные действия.

The author of the article characterizes the criminal legal means of protecting the family and family relationships.

Key words: minor, abuse, children, involvement, inducement, vagrancy, begging, negative consequences, criminal acts.

Семья всегда выступала основой формирования идентичности человека, его представлений о ценностях, являлась фундаментом традиций и преемственности поколений. В различные исторические эпохи понимание и содержательное наполнение семейных отношений, семьи как ячейки общества было различным, что обуславливалось уровнем социально-экономического развития общества и государства.

Президент РФ Владимир Путин объявил 2024 год Годом семьи с целью привлечения особого внимания органов государственной власти, общественных организаций и населения страны к проблемам семьи. В настоящее время разрабатывается и внедряется система мер, призванных популяризировать традиционные семейные ценности, сформировать положительный образ многодетной семьи, осуществить поддержку материнства и детства [1, с. 27-29].

В настоящее время ценность семьи все возрастает. Поэтому государство старается всеми средствами обеспечить благополучие семей как основной ячейки общества.

В числе средств защиты семьи и уголовно-правовые средства. Так законодатель преступления против семьи поместил в Главу 20 УК РФ, где имеются несколько составов преступлений, объектом которых является семья и ее интересы. Некоторые из данных составов посягают сразу и на интересы семьи в целом, и на несовершеннолетних как членов семьи, в частности.

С момента введения Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году была создана отдельная глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних (глава 20 УК РФ) [2, с. 15].

В настоящее время в этой главе уголовного закона описаны несколько видов преступлений, целью которых являются интересы семьи и интересы несовершеннолетнего, как члена семьи.

К преступлениям против семьи и несовершеннолетних относятся следующие виды преступлений:

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ);
- розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ);
- подмена ребенка (ст. 153 УК РФ);

- незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ);
- разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ);
- неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ);
- неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

Преступления против семьи и несовершеннолетних – это общественно опасные, виновные посягательства на интересы семьи как основанного на браке или родстве объединения лиц, связанных между собой личными и имущественными правами и обязанностями, моральной и материальной общностью, взаимной поддержкой, воспитанием детей, ведением общего хозяйства, а также на интересы несовершеннолетнего по нормальному физическому, умственному, нравственному и духовному развитию.

Одним из признаков преступления является виновность, поэтому определение виновности является важным при расследовании и судебном разбирательстве, это позволяет определить наличие преступления, а также решить вопросы, встающие перед квалификацией соответствующего деяния, поскольку от формы вины зависит наличие того или иного состава преступления [3, с. 56].

Познать содеянное обозначает установление не только объекта и объективной стороны, но и субъекта и субъективной стороны, поскольку сами действия всегда являются результатом их запуска, вполне определённым субъективными механизмами.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений в большинстве составов характеризуется действиями, (ст. ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 153, 155 УК РФ), но некоторые из деяний совершаются и в форме бездействия (ст. ст. 156, 157 УК РФ). В структуру объективной стороны также входит признак неоднократности.

Так, ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ) наступает при наличии признака неоднократности, под которым следует понимать совершение подобного деяния повторно. Розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию [4, с. 342].

Так, например, Иванова О. П., продавец круглосуточного магазина «Продукты» с целью повышения выручки за день неоднократно продавала спиртные напитки, энергетики и сигареты лицам без предъявления документов, подтверждающих личность и возраст покупателя. Данные действия Иванова О. П. производила каждую свою смену. Ранее она привлекалась к административной ответственности за подобные правонарушения. В процессе контрольной закупки, когда Иванова предприняла попытку реализации спиртосодержащей продукции несовершеннолетнему Агапченкову, без просьбы предоставить паспорт, она была задержана сотрудниками полиции.

Также признак неоднократности является обязательным при совершении не-

законных действий по усыновлению (удочерению) детей (при отсутствии корыстных побуждений) (ст. 154 УК РФ). В данном случае о неоднократности говорит практика совершения незаконного усыновления, если деяния виновного не охватываются единым умыслом.

Так, например, к сотруднице органов опеки и попечительства обратилась семья Смирновых с просьбой дать разрешение на усыновление малолетнего ребенка. Ранее им было отказано в связи с тем, что у супруга Смирновой была судимость за совершение тяжкого преступления. Смирновы планировали удочерить малолетнюю девочку 2 лет и после удочерения уехать с ней на постоянное место жительства за границу. За определенную сумму «вознаграждения» сотрудница органов опеки и попечительства не указала вышеуказанный факт судимости в справке и выдала разрешение на дальнейшее удочерение девочки.

Субъект преступлений может быть общим – вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет (ст. 153 УК РФ). В некоторых случаях субъект только специальный (ст. ст. 150, 151, 151.1, 156, 157 УК РФ) либо как общий, так и специальный (ст. ст. 154, 155 УК РФ).

В практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против семьи и несовершеннолетних вытекает множество вопросов о назначении уголовного наказания несовершеннолетним лицам, которые совершили преступления совместно с совершеннолетними, уголовная ответственность за которые наступает в 14 лет. Эти вопросы в основном касаются психофизиологических особенностей несовершеннолетних, обуславливающие возможность их исправления и возвращение в ряды законопослушных граждан несовершеннолетних.

Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних во все времена находились в фокусе внимания законодателя и научного сообщества. Молодое поколение является будущим государства, поэтому в наказании несовершеннолетних, совершивших преступление, необходим правильный тщательно выверенный подход.

Психофизиологические особенности несовершеннолетних обуславливают возможность их исправления и возвращение в ряды законопослушных граждан. Особое внимание государства к сфере данных правоотношений должно быть привлечено не только в рамках санкций, но и в целях создания системы превентивных мероприятий, способствующих снижению уровню преступности, охране интересов семьи и несовершеннолетних [5].

В заключение можно сказать, что российское законодательство бережет семью и детей от негативного влияния, и преступных действий. В ст. 38 Конституции РФ сказано, что материнство и детство защищается государством. Эта норма в полной мере соответствует положениям ст. 23 Всеобщей декларации прав человека. В качестве одного из средств защиты семьи можно выделить уголовное законодательство. Таким образом, УК РФ охраняются права семьи и ребёнка, обеспечивается возможность воспитания, и между тем – развития ребёнка. Вот почему действующие на сегодняшний день УК РФ установило составы преступных деяний против семьи, за которые определена уголовная ответственность [6]. На сегодняшний день ввиду того, что преступления являются настоящим бедствием в человеческом обществе, сфера противодействия преступления против семьи особо актуальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аишуров, Т. М.* Современные проблемы совершенствования уголовно-правового механизма охраны семьи и несовершеннолетних // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества : сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. – Курск, 2022. – С. 27-29.
2. *Попов, Д. В.* К вопросу о понятии и видах преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия // Вопросы ювенальной юстиции. – 2024. – № 1. – С. 12-15.
3. *Абдульмянова, Т. В.* Уголовное право. Особенная часть: краткий курс лекций : учебное пособие / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, М. А. Жадяева. – Раздел VIII. Саранск, 2023. – 100 с.
4. *Попелнухин, Д. Н.* Понимание «склонения» и «вовлечения» в составе преступления, предусмотренном ст. 151.2 УК РФ // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 5(93). – С. 340-344.
5. *Абдульмянова, Т. В.* Преступления против личности: особенности квалификации и расследования: краткий курс лекций / Т. В. Абдульмянова, И. П. Асанова, В. В. Данилов. – Саранск, 2024.
6. *Пятибратова, Н. Д.* Защита семьи уголовно-правовыми средствами // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 63-68.

УДК 343

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ЧЛЕНОВ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 150 УК РФ)

Тутаев Кирилл Русланович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808090@ruc.su

PRACTICE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND PUNISHMENT FOR CRIMES AGAINST MINORS AS FAMILY MEMBERS (BASED ON THE EXAMPLE OF ART. 150 OF THE RF CRIMINAL CODE)

Tutaev Kirill Ruslanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Положения уголовного законодательства, а именно гл. 20 УК РФ, закрепляют уголовно-правовую охрану интересов семьи как социального института. Автором статьи подробно рассматриваются понятие преступлений против несовершеннолетних как членов семьи, особенности закрепления их основных признаков, особенности квалификации и назначения к уголовному наказанию именно за рассматриваемые виды преступлений (на примере ст. 150 УК РФ). Кроме того, предлагается для предупреждения и пресечения совершения рассматриваемого преступления ужесточение санкций статей, закрепляющих наказание за него, несмотря на то, кем было совершено преступление.

Ключевые слова: защита семьи, семейные ценности, семья, понятие семьи, родство, преступление, квалификация преступлений, несовершеннолетний, жестокое обращение, дети, ребенок.

The provisions of criminal law, namely Ch. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes the criminal legal protection of the interests of the family as a social institution, namely. The authors of the article examine in detail the concept of crimes against minors as family members, the features of consolidating their main features, the features of qualification and assignment to criminal punishment specifically for the types of crimes under consideration (using the example of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation). In addition, it is proposed that in order to prevent and suppress the commission of the crime in question, it is necessary to tighten the sanctions of the articles that fix the punishment for it, regardless of who committed the crime.

Key words: family protection, family values, family, concept of family, kinship, crime, qualification of crimes, minor, cruel treatment, children, child.

Проблема охраны и защиты прав детей является главной проблемой современного общества в настоящее время, которая ждет решения в первую очередь. Это можно объяснить тем, что поскольку ребенок как человек и личность является одной из наиболее уязвимых в социально-правовом отношении групп населения, то системе защиты его прав и законных интересов должно придаваться первостепенное значение.

Правовая категория «несовершеннолетний» в уголовном законодательстве может применяться в нескольких аспектах, в категории «малолетний» в связи с обозначением носителя прав и обязанностей как лица, не достигшего определенного законом возраста. Так, Конституция Российской Федерации, определяя ребенка как лицо, не достигшее 18 лет, устанавливает два возрастных периода: первый период – с момента рождения до 14 лет (малолетие), второй период – с 14 лет до 18 лет (несовершеннолетие)

Особенно пагубно физическое и психологическое насилие воздействует на детей, которые не сформировались, ментально, психологически и эмоционально уязвимы. Очень часто те дети, в отношении которых было применено насилие, с возрастом становятся травмированными морально и в их жизни шлейфом тянется негативный опыт, транслируется на многие модели взаимоотношений с другими людьми. Впоследствии им тяжело выстраивать отношения с обществом, а также в своей семье. Многие люди, получившие такой негативный опыт в детстве, сами могут стать источником насилия во взрослой жизни и вести себя подобным же образом.

У детей определенной психологической предрасположенности может сформироваться апатичное восприятие действительности, нежелание безопасности, отсутствие потребности в защите себя и своих жизненно важных интересов. Далее, уже во взрослой осознанной жизни, насильственное поведение по отношению к нему в детстве практичным образом будет «перенесено» на уже его близких, в том числе и детей. Другими словами, это станет своеобразной «нормой» поведения уже в его дальнейшей взрослой жизни.

Такое преступление как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления в настоящее время занимает особенное место. Это обстоятельство можно объяснить тем, что несовершеннолетние быстро и легко подвергаются негативному влиянию более взрослых лиц, особенно если речь идет о самых близких людях – родителях.

Рассмотрим особенности квалификации, привлечения к уголовной ответ-

ственности и наказанию за совершение преступлений против несовершеннолетних, как членов семьи на примере ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»

Преступления против несовершеннолетних названы общественно опасные, виновные посягательства на интересы несовершеннолетнего по нормальному физическому, умственному, нравственному и духовному развитию.

Исходя из анализа составов преступлений, закрепленных в главе 20 Уголовного кодекса Российской Федерации непосредственным объектом преступлений против несовершеннолетних, выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное развитие и воспитание несовершеннолетнего, его права и законные интересы. При совершении преступлений, предусмотренных статьями 150, 151, 151.1, 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, страдают интересы исключительно несовершеннолетнего, интересы других членов семьи находятся за рамками составов этих преступлений [1, с. 647].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, состоит в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления предполагает активные действия взрослых, связанные с физическим или психическим воздействием на несовершеннолетнего.

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления следует понимать действия, возбуждающие у него желание участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, сопряженные с применением физического или психического воздействия (побои, угрозы, уверения в безнаказанности, лесть, угрозы, запугивание, подкуп, обман, возбуждение чувства мести, зависти или других низменных побуждений, дача совета о месте и способах совершения или сокрытия следов преступления, обещания оказать содействие в реализации похищенного и другие) [2, с. 34].

Так, например, 18-летний Захватов угрожая физической расправой и разглашением «неправоподобной» информации в классе, где обучался его сосед 12-летний Иванов, вынудил последнего совершать преступления, а именно: похищать продукты, дорогостоящий алкоголь и сигареты из супермаркетов; проникать в дачные домики садового кооператива с целью похищения строительного материала и инструментов, которые дачники оставляли на своих участках. В дальнейшем Захватов похищенное продавал и полученные деньги использовал в личных целях.

Иным способом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления может быть убеждение, обман, подкуп, возбуждение каких-либо низменных побуждений [3].

Так, например, Силантьев В.В. желая получить велосипед его соседа Кашина по дачному участку, обманом договорился с несовершеннолетним Ваничкиным выкрасть его. Обман состоял в том, что Силантьев сообщил Ваничкину о том, что его сосед должен ему крупную сумму денег, которую, как он говорит, не собирается отдавать, так как нет возможности. Велосипед должен стать некой компенсацией за материальный ущерб, как бы причиненный Силантьеву. Кро-

ме того, Силантьев обещал ему 1000 рублей после того как велосипед будет в руках последнего. Так, поздно вечером, когда сосед после выходных уехал домой, Силантьев и Ваничкин подошли к дачному участку Кашина. Далее Силантьев сказал, что он останется на улице, чтобы в случае их обнаружения подать сигнал и успеть скрыться. Ваничкину же он сказал перелезть через забор и проникнуть через небольшое окно в сарай, где как раз хранился велосипед и другие личные вещи Кашина. После того, как Ваничкин скрылся за забором на участке Кашина Силантьев ушёл домой. Через некоторое время Ваничкин вернулся к дому Силантьева с похищенным велосипедом и отдал его Силантьеву.

В уголовном праве субъективную сторону принято раскрывать с помощью трёх признаков: вины, мотива и цели, такой подход является традиционным и не вызывает каких-либо дискуссий, за этими тремя признаками стоят наиболее существенные психические процессы, влияющие на соответствующее деяние, они определяют преступность этого деяния, а также то, насколько оно представляет общественную опасность. Ведь вполне очевидно то, что если даже деяние причинило определённый вред, то при отсутствии вины оно может и не иметь никакой общественной опасности, а в некоторых случаях даже быть общественно полезным, как это имеет место с необходимой обороной.

Субъективная сторона рассматриваемого преступного деяния предполагает вину в форме прямого умысла. Следует оговорить тот случай, когда виновное лицо вовлекая несовершеннолетнего в совершение преступления не знает точный возраст или предполагает, что у вовлекаемого возраст гораздо выше. В данном случае к лицу, вовлекаемому несовершеннолетнего в совершение преступления, не применяется уголовная ответственность по ст. 150 УК РФ.

Так, например, Вагапов, распивая спиртные напитки у себя в общежитии с двумя несовершеннолетними Гасеевым и Вахтеровым, решил ограбить соседнюю квартиру, хозяева которой уехали на выходные в другой город, о чем Вагапов достоверно знал. Вагапов предложил Гасееву и Вахтерову пойти «на дело» с ним и далее на похищенное «продолжить праздник уже в крутом кабаке». Гасеев и Вахтеров согласились. Далее, реализуя преступный умысел Вагапов, Гасеев и Вахтеров, поднялись на этаж выше, вскрыли дверь квартиры и проникли внутрь. В дальнейшем на похищенные деньги виновные отправились в ресторан, как и планировали. На следствии Вагапов утверждал, что он не знал по сколько лет Гасееву и Вахтерову, так как они были случайными знакомыми и выглядели гораздо старше своего возраста. Данное обстоятельство было учтено при вменении виновному квалификации совершенного преступления.

Субъектом преступления может быть лицо, достигшее 18 лет. Данный возраст определяется тем, что в основном люди, его достигшие обладают достаточным интеллектом и волей необходимых для понимания смысла своих действий, а также способных управлять ими.

На данный момент частью 2 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена повышенная уголовная ответственность родителя, педагогического работника и иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, в случае совершения ими этих преступлений [4, с. 43].

Изучив судебную статистику привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемый состав преступления было определено, что из 13 существующих видов уголовных наказаний, к виновному в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления могут быть применены всего три: лишение свободы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [5, с. 7].

В заключение нужно сказать, что одной из наиболее обострившихся проблем современного общества являются учащенные случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий, а также действий, представляющих опасность для жизни и здоровья лиц, не достигших возраста 18 лет, в том числе нередко имеющих суицидальную направленность. Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту. Нормальное моральное, нравственное и физическое развитие несовершеннолетнего является важным этапом формирования его личности, поэтому подлежит уголовно-правовой охране. Поэтому для предупреждения и пресечения совершения вышерассматриваемого преступления необходимо ужесточение санкций статей, закрепляющих наказание за него, несмотря на то, кем было совершено преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирзоян, А. Г.* Развитие российского законодательства об ответственности за преступления, посягающие на интересы несовершеннолетних // *Аллея науки.* – 2024. – Т. 1, № 3(90). – С. 646-650.
2. *Григорьева, Ю. М.* Особенности объективной стороны состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // *Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов : сборник научных статей по итогам научно-практической конференции магистрантов.* – Воронеж ; Симферополь, 2024. – С. 31-34.
3. *Абдульмянова, Т. В.* Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны института семьи и прав несовершеннолетних // *Вестник Российского университета кооперации.* – 2023. – № 1(51). – С. 82-88.
4. *Морозова, Ю. В.* Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150-157 УК РФ): учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования. – Санкт-Петербург, 2020. – 90 с.
5. *Филиппов, П. А.* Лекции о преступлениях против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие. Москва, 2019. 296.

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОНЯТИЕ, ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Тутаев Кирилл Русланович, магистрант
*Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)*
E-mail: st808090@ruc.su

CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS: CONCEPT, DISTINGUISHING FEATURES AND FEATURES OF QUALIFICATIONS

Tutaev Kirill Ruslanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Сегодня в нашей стране приоритетной является политика, направленная на поддержку, защиту и охрану интересов материнства, детства и семьи. В этой связи выделение в особенной части действующего УК РФ соответствующей главы 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» является закономерным и полностью оправданным. Нормы указанной глава охраняют наиболее важные интересы семьи как социального института: интересы, связанные с рождением, воспитанием детей, удовлетворением индивидуальной потребности в отцовстве или материнстве, контактах с детьми, с организацией деятельности по финансовому обеспечению семьи.

Ключевые слова: защита семьи, семейные ценности, семья, понятие семьи, родство, преступление, квалификация преступлений, несовершеннолетний, жестокое обращение, дети.

Today in our country the priority is a policy aimed at supporting, protecting and protecting the interests of motherhood, childhood and family. In this regard, the allocation of the corresponding Chapter 20 «Crimes against family and minors» in a special part of the current Criminal Code of the Russian Federation is logical and fully justified. The norms of this chapter protect the most important interests of the family as a social institution: interests related to the birth and upbringing of children, the satisfaction of individual needs for paternity or maternity, contacts with children, and the organization of activities to provide financial support for the family.

Keywords: family protection, family values, family, concept of family, kinship, crime, qualification of crimes, minor, cruel treatment, children.

Согласно законодательству, в России материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Основной формой подобной защиты государством являются уголовно-правовые запреты.

Рассматриваемый термин «семья» определяется гражданским законодательством как совокупность людей, которые объединены имущественными и неимущественными правами. Семейные взаимные права и обязанности возникают вследствие заключения брака, либо наличия родства, либо принятия на воспитание малолетних лиц [1, с. 165].

Следует оговориться, что современное семейное законодательство не содержит конкретного точного определения понятия «семья». Но в то же время, законодатель характеризует семью как лиц, связанных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство, имеющее совместную собственность.

Историческое развитие общества привело к формированию у него сложной структуры, состоящей из множества компонентов-институтов, играющие важнейшее значение в становлении человека как личности. Институты реализуют свои функции на разных этапах социализации, при этом их роль может меняться под воздействием внешних факторов, что приводит к замене одного другим. Семья всегда имела особое значение, хотя по мере определения собственной системы взглядов на мир человек отдавал приоритет иным институтам [2, с. 86].

С точки зрения уголовного права, семья понимается как круг лиц, связанных правами и обязанностями, которые вытекают из брака, родства, усыновления и других форм принятия детей на воспитание. В круг семьи, таким образом, входят родители, в том числе опекуны или попечители, дети, как родные, так и усыновленные. Являясь социальным институтом, семья охраняется уголовным законом [3, с. 218].

Так ст. 153, 155 УК РФ защищают права и интересы граждан, которые связаны с рождением и воспитанием детей, удовлетворением потребностей несовершеннолетних в материнстве и отцовстве, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, ст. 157 УК РФ предусматривает деятельность по материальному обеспечению детей или нетрудоспособных родителей. Действующий уголовный закон использует понятия «несовершеннолетний», «ребенок», «дети». Здесь необходимо обратить внимание на такую категорию как возраст несовершеннолетнего.

В сфере регулирования уголовно-правовых отношений используется термин «малолетний» при применении норм об отягчающих или смягчающих обстоятельствах. Так, наличие у виновного лица малолетнего ребенка может рассматриваться смягчающим обстоятельством. При назначении наказания в виде ареста, при предоставлении отсрочки отбывания наказания учитывается наличие детей в возрасте до 14 лет (ч. 2 ст. 54, ч. 1 ст. 82 УК РФ).

В категориальном аппарате отрасли уголовного права также используются категории «несовершеннолетний», «несовершеннолетний, не достигший 14 лет» и «несовершеннолетний, не достигший 12 лет», которые применяются, в частности, в рамках квалификации преступлений против половой неприкосновенности лиц указанного возраста. Так, в отношении данных видов преступлений установлен императивный запрет о назначении условного осуждения. Также в соответствии с нормами уголовного законодательства несовершеннолетним субъектом уголовной ответственности может быть признано лицо, достигшее возраста 14 лет, но не достигшее 18-лет.

В 20 главе УК РФ преступления подразделяются по объекту, в отношении которого направлено преступное посягательство. Здесь в роли видового объекта выступают отношения по охране семьи, а также по охране и защите физического, нравственного развития несовершеннолетних лиц. В связи с этим, различают преступления, в которых объектом выступает семья, а вторую группу составляют преступления, где объектом выступают – несовершеннолетние.

Стоит отметить, что некоторые исследователи относят такую классификацию к весьма условным, так как интересы семьи и интересы детей взаимосвязаны.

Следует заметить, что уголовное законодательство предусматривает и иные составы преступлений, которые тоже затрагивают интересы несовершеннолетних, например, статью 134 УК РФ, п. «б» ч. 2 статьи 127.1 УК РФ, статью 210 УК РФ. Но перечисленные статьи имеют другой объект посягательства.

В широком смысле, преступления против несовершеннолетних возможно было бы так же классифицировать с учетом деления на общие составы – преступления, в которых вменяется соответствующий квалификационный признак или установлено соответствующее отягчающее вину обстоятельство и специ-

альные составы, в которых объектом выступает нравственное, а также физическое развитие несовершеннолетнего лица.

Для уяснения правовой природы преступлений против семьи и несовершеннолетних очень важно определиться с моментом, который станет мотивом их совершения, так как зачастую именно этот компонент разграничивает семейные преступления от иных видов, предусмотренных УК РФ.

При анализе специфики семейных преступлений можно выделить следующие основные мотивы, обуславливающие совершение в семье и против семейных отношений:

1. Личная или взаимная (обоюдная) неприязнь членов семьи как причина для ссор, домашних конфликтов, ругани и катализатор для совершения преступлений, посягающих на жизнь и здоровье близких (членов семьи).

2. Месть и хулиганские мотивы в качестве механизмов, обуславливающих совершение убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью близких (членов семьи).

3. Ревность как почва, на которой совершается большой процент убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью близких (членов семьи).

При этом следует отметить, что существует огромное разнообразие семейных преступлений, которые классифицируются на отдельные виды в зависимости от субъектного состава, мотива совершения, характера наступивших последствий, мер ответственности, реализуемой за совершение противоправного деяний, и т.д.

С. Я. Саламова полагает, что для преступлений в семье характерно наличие сложносоставного комплекса из физической, психологической, экономической составляющих, а также сексуального насилия в отношении членов семьи с целью подчинить их своей воле, сделать зависимыми от себя [4, с. 132-133]. Такое понимание сущности семейных преступлений уже более полно и более предметно характеризует специфику рассматриваемого явления.

Особенно пагубно физическое и психологическое насилие воздействует на детей, которые не сформировались, ментально, психологически и эмоционально уязвимы. Очень часто те дети, в отношении которых было применено насилие, с возрастом становятся травмированными морально и в их жизни шлейфом тянется негативный опыт, транслируется на многие модели взаимоотношений с другими людьми. Впоследствии им тяжело выстраивать отношения с обществом, а также в своей семье. Многие люди, получившие такой негативный опыт в детстве, сами могут стать источником насилия во взрослой жизни и вести себя подобным же образом.

Как считает С. В. Девятковская, у детей определенной психологической предрасположенности может сформироваться апатичное восприятие действительности, нежелание безопасности, отсутствие потребности в защите себя и своих жизненно важных интересов. Помимо этого, у детей насильственное поведение по отношению к ним может быть положено в основу некой нормы и реализовываться в их взрослой жизни без осознания неправильности подобных установок [5, с. 45].

Одним из острых вопросов, стоящих перед научным сообществом, является

вопрос, почему зачастую так трудно выявить факт совершения семейного преступления и реализовать юридическую ответственность за его совершение, привлечь виновное лицо к ответственности? Наиболее общее мнение – латентность, характерная для семейной преступности.

Семья для всех людей – это маленький мир, и многие убеждены, что все происходящее внутри семьи должно оставаться скрытым от внимания посторонних и общества. Часто жертвы семейных преступлений боятся рассказать о случившемся кому-то: одни испытывают чувство стыда, другие считают виноватыми себя в том, что случилось. Некоторые не осознают в полной мере, что в отношении них совершается преступление. Страх, стыд, непонимание, зависимость от вынужденных обстоятельств – всё это заложено в причины того, почему семейные преступления могут оставаться не обнаруженными.

Семейные преступления психологической и экономической направленности могут вообще никогда не обнаружиться. Жертвы такого насилия остаются практически лишенными возможности защитить себя, так как только несколько составов административных правонарушений и преступлений предусматривают ответственность за тот или иной способ осуществления психологического насилия. Более прозрачной является статистика по обнаружению совершения физической и сексуальной насильственности в семейной сфере и реализации мер уголовной ответственности.

В практическом смысле скрытость семейной преступности создает препятствия и сложность для правоприменителей в осуществлении мероприятий профилактической направленности. В реальности можно часто столкнуться с тем, что сообщение о факте случившегося семейного преступления доводится до правоохранительных органов в той ситуации, когда возникли действительно тяжкие или особо тяжкие последствия. Поэтому до тех пор пока жертвы семейных преступлений будут бояться сообщить о том, что с ними происходит, не будет снижаться число совершаемых виновных действий, процент их будет только расти и увеличиваться. Осознавая свою безнаказанность, преступники будут продолжать совершать преступные деяния [6, с. 48-49].

В заключение можно сказать, что в настоящее время в нашей стране ощущимо преобладание преступлений, которые совершаются в семье, что делает актуальным анализ соответствующей проблематики для ученого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилова, А. Е. Понятие и классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – Т. 1, № 2(107). – С. 160-167.
2. Абдульмянова, Т. В. Историко-правовой анализ становления и развития мер уголовно-правовой охраны института семьи и прав несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 1(51). – С. 82-88.
3. Абдульмянова, Т. В. Понятие «жестокое обращение с детьми» в нормах статей современного уголовного законодательства Российской Федерации // Результаты современных научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2021. – С. 215-220.
4. Саламова, С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. – 2018. – № 9(142). – С. 129-138.

5. Девятковская, С. В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // Юрист – Правоведъ. – 2016. – № 4(77). – С. 40-45.
6. Чубукина, А. Е. Криминологический анализ преступлений в семейной сфере // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 104. – С. 47-51.

УДК 349.3

**ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
СТРАХОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦАМ,
ПОЛУЧИВШИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ**

Учайкина Наталья Юрьевна, преподаватель

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: natanayka@mail.ru

**THE PROCEDURE FOR THE APPOINTMENT
AND PROVISION OF INSURANCE COVERAGE TO PERSONS
WHO HAVE RECEIVED AN OCCUPATIONAL DISEASE**

Uchaykina Natalia Yurievna, teacher

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматривается порядок назначения и предоставления страхового обеспечения лицам, получившим профессиональное заболевание. Прежде чем работнику назначат страховые выплаты единовременного или ежемесячного характера, он должен первоначально заявить о факте наступления профессионального заболевания и пройти медико-социальную экспертизу. Данная экспертиза проводится на основании заключения врача, которое он делает его после прохождения медицинского обследования в лицензированном медицинском учреждении. Анализируется деятельность Отделения социального фонда России по Республике Мордовия, в который работодатель передает документы после экспертизы.

Ключевые слова: страховое обеспечение, профессиональное заболевание, Отделение социального фонда России по Республике Мордовия, Социальный фонд России.

The article discusses the procedure for the appointment and provision of insurance coverage to persons who have received an occupational disease. Before an employee is assigned insurance payments of a one-time or monthly nature, he must initially declare the fact of the onset of an occupational disease and undergo a medical and social examination. This examination is carried out on the basis of a doctor's opinion, which he makes after passing a medical examination in a licensed medical institution. The article analyzes the activities of the Department of the Social Fund of Russia in the Republic of Mordovia, to which the employer submits documents after examination.

Keywords: insurance coverage, occupational disease, Department of the Social Fund of Russia in the Republic of Mordovia, Social Fund of Russia.

Вопросами назначения и предоставления страхового обеспечения лицам, получившим профессиональное заболевание, занимается Отделение социального фонда России по Республике Мордовия

Учитывая тот факт, что Социальный фонд России реорганизовался в январе 2023 года, то научных трудов, освещающих теоретическую сторону данного вопроса относительно мало. Поэтому в большей степени практическое исследо-

вание опиралось на материалы Отделения социального фонда России по Республике Мордовия и на основании его был определен порядок назначения и предоставления страхового обеспечения лицам, получившим профессиональное заболевание [1].

Для того чтобы подать заявление на услугу по выплате страхового обеспечения, необходимо прежде зафиксировать страховой случай. Для того, чтобы был зафиксирован страховой случай и человек получил страховое обеспечение, необходимо провести первоначальную проверку, подтверждающую факт заболевания именно на профессиональной почве.

Подать заявление можно лично самому застрахованному лицу в региональное Отделение социального фонда России по Республике Мордовия, или в многофункциональный центр, также это сделать может его законный или уполномоченный представитель, отправив заявление можно заказным письмом по почте, или же с помощью портала государственных услуг, часть документов может направить работодатель застрахованного.

При этом, при отказе от предоставления услуги по выплате страхового обеспечения лицам, получившим профессиональное заболевание, представитель ОСФР РФ по РМ обязан дать письменное разъяснение. Как правило, причинами отказа, может быть, отсутствие необходимых документов (оригиналов или копий), или же отсутствие доказательств о наступлении страхового случая с умыслом пострадавшего.

Отметим, что если заявление со всеми документами подавалось через региональный МФЦ, то дата отсчета срока начинается полное предоставление всех документов и заявления сотрудником МФЦ.

Если же документы от оправляются заказным письмом по почте, то срок начинает исчисляться с момента получения документов сотрудниками Фонда с соответствующей подписью. Срок передачи заявления и документов, необходимых для предоставления государственной услуги, в территориальный орган Фонда определяются соглашением о взаимодействии.

Прежде чем обратиться за услугой о рассмотрении выплат за профессиональное заболевание, застрахованный должен пройти медицинскую экспертизу. Экспертиза проводится центром государственного санитарно-эпидемиологического надзора, который на основании полученных результатов свидетельствует о наступлении профессионального заболевания вследствие длительной работы на определённом месте профессиональной деятельности.

При проведении экспертизы Бюро проводит не только оценку здоровья гражданина, но также его социально-бытовые условия, нуждаемость в постоянном стороннем уходе, а также ведет статистику, учет, ведение интернет-ресурсов о деятельности предприятия, выдают заключения и как итог устанавливают и выдают соответствующий акт.

Данный документ содержит информацию о страховом субъекте, его сроке работы на последнем месте работы, характере его возникшей болезни, ранних обращениях в медицинские учреждения с подобными жалобами, обстоятельства и условия возникновения и развития данного заболевания. Также в проведении данной экспертизы члены комиссии устанавливают меры защиты и

предохранения, которые были предприняты для недопущения развития данного заболевания, рассматривают правила их соблюдения, дают оценку труда и устанавливают лица, по вине которых могло быть возникнуть данное заболевание.

В акте комиссия указывает его способность к труду и соответствующее заключение с указанием причины возникновения профессионального заболевания, а также возможное вмешательство и риск развития такого заболевания в ходе выполнения своих непосредственных трудовых обязанностей. К акту прилагаются соответствующие свидетельствующие материалы, которые подтверждают возможный риск развития болезни на рабочем месте.

С 2021 года на всей территории Российской Федерации – реализуется пилотный проект «Прямые выплаты», в том числе его активно используют и Фонде Республики Мордовия. Другими словами, работодатели больше не производят выплату большинства пособий, это осуществляют иные социальные службы.

Все пособия застрахованным лицам напрямую платит фонд на основании представленных страхователем документов.

Отметим количественные показатели выплат по страховому обеспечению, так, с 01.02.2023 года в России были увеличены данные выплата на 11,9 %. Таким образом, в 2023 году выплата за профессиональное заболевание не может быть менее 1 прожиточного минимума и составляет не менее 16 242 рубля. Данное пособие рассчитывается исходя из среднемесячного заработка застрахованного сотрудника, при этом, стаж не играет роли в данном обеспечении, оно выплачивается в 100 % размере [2].

Когда определяют среднемесячный заработок для определения ущерба из-за причинения вреда здоровью, учитывают все облагаемые подоходными налогами суммы оплаты на основе гражданско-правовых и трудовых договоров и на основной работе, и в качестве совместителя.

То есть, если работник, осуществляя свою профессиональную деятельность на двух и более рабочих местах, то и справки он должен предоставить со всех мест работы. При этом, подает данные в ОСФР по РМ именно тот работодатель, на чьей территории произошло происшествие, и кто является основным субъектом данных правоотношений.

Также в расчет включают пособия для временно нетрудоспособных, беременных и родивших, авторские гонорары. Могут и включить доходы от предпринимательства, но только на основании сведений из органов УФНС.

Не включают в расчет для определения выплат потерпевшему после возникновения профессионального заболевания единовременные доходы, такие как пособие при увольнении, сумма за неиспользованный отпуск. Все данные для расчетов берут до исчисления налогов.

Отметим также, что существуют определенные ситуации, при которых Социальный фонд России может отказать в выплате при возмещении вреда работнику. Отказ в возмещении может быть в связи с тем, что СФР не признает страховой случай, полученный на производстве, или если при расследовании происшествия будет выявлено, что пострадавший умышленно совершал действия, которые привели к профессиональному заболеванию.

Если же пострадавший не согласен с решением СФР, то он может обратиться с жалобой Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Жалоба подается в ОСФР по РФ в письменном или электронном виде, на личном приеме или электронной почте или через сайт Госуслуги соответственно. В данной жалобе указываются реквизиты (паспортные данные, СНИЛС, номер телефона) и личные данные заявителя, наименование органа, чье решение подлежит обжалованию, описание ситуации и предъявляемые требования.

К данному обращению прикладываются копии всех личных документов, и документов, относящихся к рассматриваемому делу. Жалоба должна быть рассмотрена государственным органом в течении 10 рабочих дней со момента регистрации, с возможностью продления данного периода сотрудниками на срок еще до 10 дней. Результатом рассмотрения жалобы будет вариант удовлетворения, отказа и оставления жалобы без рассмотрения (отсутствие достаточных сведений, наличие в жалобе нецензурной лексики, невозможность прочитать личные данные заявителя).

Принятое решение передается в региональное Отделение социального фонда России по Республике Мордовия в течении 3 дней. Рассматривается жалоба коллегиальным составом, в который входит уполномоченный сотрудник Фонда, а также представители сторон социального партнерства.

Если же и в данном случае заявителю приходит отказ в удовлетворении жалобы, то он может обратиться в суд для разрешения данного спора. Как правило, судебным разбирательства отдаются такие дела, когда сумма потраченных средств на восстановление здоровья, значительно выше выплаченным Фондом социального страхования и отказе от доплаты от работодателя.

Подводя итог исследованию порядка назначения и предоставления страхового обеспечения лицам, получившим профессиональное заболевание, выделим следующие моменты. Прежде чем работнику назначат страховые выплаты единовременного или ежемесячного характера, он должен первоначально заявить о факте наступления профессионального заболевания и пройти медико-социальную экспертизу. Данная экспертиза проводится на основании заключения врача, которое он делает его после прохождения медицинского обследования в лицензированном медицинском учреждении.

После этого работодатель передает документы в Отделение социального фонда России по Республике Мордовия. В данном комплекте документов должны быть заявление, справка из бухгалтерии о заработной плате работника, справка-заключение врача, договор на социальное обслуживание, акт о профессиональном заболевании, документ, который подтверждает трудовые отношения (трудовой договор и т.п. книжка).

Отделение социального фонда России по Республике Мордовия после принятия данного заявления в течении 10 рабочих дней рассматривает его, при наличии оснований работник Фонда может увеличить срок рассмотрения ещё на 10 дней. Сумма начислений (единовременная или ежемесячная) поступает на расчетный счет, на карту социальной платежной системы «Мир». Если же работнику было отказано в получении страховых выплат, он имеет право обратиться в вышестоящий орган (СФР), а при отказе уже в судебном порядке.

Для судебного разбирательства, как правило, передаются те дела, где ОСФР отказало в выплате или сумма расходов превышает выданную компенсацию или же для доказывания профессионального заболевания именно на конкретном предприятии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Служба занятости населения Республики Мордовия : официальный сайт. – Саранск. – URL: <http://trudrm.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).

2. Об утверждении Правил отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска: Постановление Правительства от 30.01.2023 г. № 119 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 6. – Ст. 954.

УДК 347.73

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хозин Александр Владиславович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807312@ruc.su

CERTAIN LEGAL ASPECTS OF ADMINISTRATION OF BUDGET REVENUES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Khozin Alexander Vladislavovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются правовые аспекты администрирования доходов бюджетов сквозь призму формирования его основной налоговой части на основе анализа правоприменительной практики.

Ключевые слова: бюджетное администрирование, бюджет, налог, налоговые органы, право.

The article examines the legal aspects of the administration of budget revenues through the prism of the formation of its main tax part based on the analysis of law enforcement practice.

Keywords: budget administration, budget, tax, tax authorities, law.

Бюджеты бюджетной системы РФ выступают центральным элементом финансовой системы государства. Законодатель вопросам правового регулирования бюджетных средств отводит особое внимание и обозначает их как государственные или общественные финансы.

Базовое понимание содержится в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (далее БК РФ) [1] бюджета как формы образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, а в ст. 11 указанного закона прямо закреплена его форма в виде закона (для федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ) или правового акта (для местных бюджетов).

По своей форме бюджет – это только закон (правовой акт для муниципальных образований), а не договор, соглашение или подзаконный акт. По сути же, бюджет представляет собой некий финансовый план с доходной и расходной частями, что соответствует нормам законодательства о бухгалтерском учете.

По своему содержанию бюджет и бюджетные отношения носят экономический характер, поскольку направлены на образование, распределение/перераспределение и использование денежных фондов государства и муниципальных образований, т.е. государственных централизованных денежных фондов с целью финансового обеспечения задач и функций государства. Законодательно в разделе втором БК РФ закреплено, что источником доходов бюджета выступают налоги, сборы, страховые взносы.

Именно налоговая деятельность государства подразумевает организацию налогообложения для обеспечения государственной потребности в денежных средствах и установления оптимального финансово-экономического климата для частных лиц.

Следовательно, эффективность бюджетного администрирования в области формирования доходов бюджета по своей сути во многом определяется налоговой деятельностью государства, поскольку недостатки системы управления налоговой сферой неизбежно ведут к увеличению количества налоговых правонарушений, снижению предпринимательской инициативы и деловой активности бизнеса и, как следствие, снижению налоговых поступлений в бюджет [2].

Понимание сущности администрирования большей частью связывают с деятельностью, реализуемой в рамках государственного управления. Его рассматривают как организационно-управленческую деятельность. Если речь вести о налоговом администрировании в контексте пополнения налоговой части доходов бюджетов, то можно представить как совокупность способов и приемов обеспечения своевременного и в полном объеме поступления налоговых доходов в бюджеты бюджетной системы, образующих в целом государственные (муниципальные) финансы [3].

Законодательство о налогах и сборах свидетельствует, что государство идет по пути расширения полномочий налоговых органов, расширению системы налогов и сборов и подобные изменения направлены на вывод бизнеса из теневой экономики.

Однако введение новых налоговозначимых платежей, изменения и нестабильность налогового законодательства, возрастание количества контрольных мероприятий со стороны налоговых органов в целях увеличения доходов бюджетов ведут к усилению налогового администрирования при существенном расширении полномочий налоговых органов, что способно привести к ущемлению частных интересов.

В вопросе бюджетного администрирования доходов тема о средствах и методах, направлениях налогового управления является ключевой. И это обусловлено самим содержанием финансовых отношений (собираение, распределение, использование государственных денежных фондов), и заложено законодателем в вид нормы о закреплении видов доходов в ст. 41 БК РФ (налоговые доходы бюджетов).

Именно налоговое регулирование во многом определяет экономический климат в стране: условия для развития разных форм предпринимательства, инвестиционной привлекательности, прогнозируемость и устойчивость экономических связей и т.д., поскольку именно налоговые поступления в казну государства являются основным и стабильным источником ее пополнения [4].

В целях соблюдения баланса публичных и частных интересов в налоговой сфере правовое регулирование предусматривает и введение разного вида стимулирования бизнеса в виде поддержки государственно-частного партнерства, налогового стимулирования (налоговые льготы, отсрочки платежа, подачи деклараций и т.п.) [5].

Целям управления бюджетными средствами в рамках налогового регулирования предусмотрено упрощение осуществления налоговых платежей, что, с одной стороны, служит повышению оперативности проведения финансовых операций и снятия административных барьеров, с другой, исполнение налоговой обязанности с помощью именного «налогового кошелька» (авансовый счет) одним платежным поручением без уточнения вида платежа, срока его уплаты, принадлежности к конкретному бюджету бюджетной системы существенно облегчает эту процедуру для налогоплательщика [6].

Бесспорным является факт существенного увеличения собираемости налогов в российском государстве [7]. С другой стороны, принимаемые государством меры по повышению налоговой части доходов бюджетов имеют и негативные последствия.

В качестве примеров можно привести отсутствие возможности вести не долгосрочное, а среднесрочное бизнес планирование, обусловленное частым изменением налогового законодательства; применение по сути своей новых форм налогового контроля, не имеющих своего легального закрепления в материальном и процессуальном виде; и все большее расширение полномочий налоговых органов. Так специалисты в области финансовых отношений, практикующие юристы неоднократно выступали с предложениями о разграничении норм материального и процессуального плана в налоговом законодательстве в целях установления правовой ясности и единообразия правоприменительной практики. Это коррелирует правилам о гарантии и защите прав налогоплательщиков и фактически ограничит расширенные права налоговых органов в вопросах толкования налоговой нормы [8].

Только посредством правового закрепления комплекса мер, направленных на обеспечение стабильности налогового законодательства для устойчивого развития предпринимательства и обеспечения инвестиционной привлекательности российской экономики, возможно повышение налоговой части доходов бюджетов и эффективности реализации финансовой политики государства в целом при реальной защите прав налогоплательщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ: ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024 // СПС Гарант (дата обращения: 23.10.2024).
2. Кечайкина, Е. М. Правоведение : курс лекций. Часть 2. Бюджетное право : учебное по-

собрание / Саран. кооп. ин-т РУК. – Саранск, 2021. Т. 2.

3. Дадашев, А. З. Налоговое администрирование в Российской Федерации. – Москва, 2016. – С. 212.

4. Электронный бюджет : официальный сайт. – URL <https://www.budget.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

5. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 409: ред. от 07.11.2020 // СЗ РФ. – 2020. – № 15. – Ст. 2267.

7. Баракина, Е. Ю. Цифровизация налогового администрирования в Российской Федерации // Юрист. – 2022. – № 4. – С. 52.

8. Федеральная налоговая служба : официальный сайт. – URL :<https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.10.2024)

УДК 347.73

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ: ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Цыбисова Анна Васильевна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807313@ruc.su

**PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION
OF THE INSTITUTE OF PUBLIC FINANCE:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Tsybisova Anna Vasilievna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования и теоретического осмысления института публичных финансов на основе анализа правоприменительной практики и научных материалов.

Ключевые слова: публичные финансы, государственные финансы, финансовая деятельность государства, законодательство.

The article examines problematic aspects of legal regulation and theoretical understanding of the institution of public finance based on an analysis of law enforcement practice and scientific materials.

Keywords: public finance, public finance, state financial activities, legislation

Финансы пронизывают все стороны общественной и государственной жизни, а любой вопрос управления не может быть решен без решения связанных с ним финансовых проблем. При этом нормы финансового законодательства России не содержат легального определения понятий «финансы», «бюджетные средства», «денежный фонд» что поддерживает устойчивый интерес к финансово-правовым категориям научного сообщества.

В современной научной литературе финансы прочно отождествляются в уз-

ком понимании с фондами денежных средств государства (централизованные фонды), а в широком – с экономическими отношениями по их формированию, распределению (перераспределению) и использованию для целей и функций государства.

Финансы по своей сути и содержанию значительно уже, чем денежные отношения, но при этом финансовые отношения обязательно носят денежный характер. Для финансовых отношений характерна специфическая финансовая форма движения денежных средств, а сами финансы предназначены для удовлетворения публичных и частных интересов, тем самым не имеют выраженного характера индивидуального возмещения (кроме государственных долговых обязательств).

Объектом финансовых правоотношений выступают централизованные денежные фонды государства и муниципальных образований и экономические процессы по их формированию, распределению, перераспределению и использованию. Данные процессы составляют суть деятельности государства, неразрывно связанной с общественными финансами, или финансовой деятельностью государства.

Следовательно, в качестве специальных черт финансовых отношений выделяют их властно-имущественный характер, обязывающий для всех субъектов характер в силу направленности на удовлетворение потребностей государства. Финансовые отношения в отличие от имущественных отношений гражданско-правового характера возникают по инициативе самого государства [1]. Финансовое правоотношение реализует публичный интерес, а финансовым обеспечением выступают централизованные фонды денежных средств.

Анализ изученного материала позволяет рассматривать финансы как вид экономических денежных отношений по аккумулярованию, распределению и использованию финансовых средств государства и муниципальных образований в целях финансового обеспечения функций и задач государства, обусловленных его управленческой ролью.

Государство с помощью финансовых инструментов выполняет нефинансовые функции и задачи по управлению общественными процессами (общественно-политические, социально-экономические, духовно-культурные отношения). Так контрольная деятельность государства основана на способности финансов количественно отображать общественные процессы. В этом состоит практическое предназначение или роль финансов. Результаты практической реализации финансов в виде регулирования общественных отношений и контроля за их осуществлением представляют собой форму выражения финансовой (бюджетной) политики государства.

Интересен факт, что государство, использует принадлежащие ему фонды денежных средств для управления общественными процессами, и одновременно управляет этими финансовыми ресурсами на основе правовых форм.

Однако в определении сущности финансов важна и их содержательная сторона, необходимая для правовой идентификации в правоприменительной практике. Во многом такая необходимость заложена самим законодателем, т.е. нормы федерального законодательства заключают неоднородное наполнение со-

держание финансов. Такая неопределенность ведет к неоднозначному толкованию правоприменителем и может стать основанием для возникновения различных правовых коллизий.

К примеру, анализ отдельных правовых актов Президента и Правительства российского государства позволяет обозначить государственные и муниципальные [2] финансы (что соответствует принципу федерализма); общественные [3] финансы (принадлежность обществу); публичные [4] финансы (направленность на публичные, общественные интересы). Что только подтверждает тезис об отсутствии единого, общего подхода к пониманию содержательной наполненности финансов.

И такое видовое нормативное закрепление финансов не соответствует классификации на основе учета их экономической природы и сферы правового регулирования (частные финансы, финансы организаций (предприятий), физических лиц и др.), применяемой в экономической сфере.

И, если государственные (муниципальные) финансы и общественные финансы находят свое нормативное закрепление без видимого разграничения этих понятий, то публичные финансы законодательно не установлены. К примеру, в ст. ст. 78.5, 149 Бюджетного кодекса РФ по тексту используется понятие «общественные финансы»; в ст. ст. 131, 165, 166.1 [5] соответственно – «государственные финансы», что наводит на мысль о том, что законодатель к ним относит денежные средства, находящиеся в распоряжении государства, т.е. бюджетные средства.

В соответствии с нормами бюджетного законодательства бюджетными средствами являются денежные средства, которые предназначены для финансирования деятельности государства и муниципальных образований при выполнении ими функций и задач в соответствии с федеральным законодательством, образующие в своем экономическом движении бюджет.

В целом, законодатель как бы оставляет право за теоретиками и практиками в области права строить свои умозаключения о видовом разграничении государственных, общественных и публичных финансов.

В научной литературе сформировалась теория публичных финансов, которые, с одной стороны, отождествляются с государственными (по сути бюджетными) финансами, с другой, рассматриваются значительно шире как финансово-правовой институт, включающий в себя не только средства бюджетов, но и государственные долговые обязательства, резервы государства [6].

Анализ норм бюджетного законодательства позволяет в полной мере рассматривать публичные финансы как бюджетные средства государства и муниципальных образований в разных формах их существования, поскольку их можно объединить условным признаком – для общественных нужд в рамках целостного публично-правового образования [7].

То есть, публичные финансы, предназначенные для реализации функций и задач государства как публично-правового образования, представляют собой финансово-правовой институт, включающий в себя не только средства бюджетов бюджетной системы РФ, но и государственные долговые обязательства, резервы государства в виде резервных фондов и золотовалютных резервов.

Несмотря на нормативное закрепление определений бюджета, бюджетной системы, государственного долга, остаются достаточно проблемными вопросы правопонимания и классификации бюджетных фондов, золотовалютных резервов государства, что порождает не только терминологические сложности, но и противоречия в правоприменительной практике.

Кроме того, в соответствии с новеллами действующего законодательства, закрепляющими понятие публичной власти и финансово-бюджетное взаимодействие органов публичной власти, вопросы о правовой определенности и легализации теоретических разработок в области публичных финансов приобретают особое значение.

Таким образом, содержательная наполненность публичных финансов определяется нормативно закрепленной финансово-бюджетной политикой государства, обусловленной стратегическими целями развития национальной экономики и повышения благосостояния населения государства, обеспечения финансового и национального суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запольский С.В. Теория финансового права : Научные очерки. – Москва, 2010. – С. 11.
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 320: ред. от 17.09.2024 // СПС Гарант (дата обращения: 21.10.2024).
3. Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658: ред. от 30.05.2024 // СПС Гарант (дата обращения: 21.10.2024).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 // СПС Гарант (дата обращения: 21.10.2024).
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ: ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024 // СПС Гарант (дата обращения: 21.10.2024).
6. Поветкина, Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография. М., 2016. // СПС Гарант (дата обращения: 21.10.2024).
7. Кечайкина Е. М. Правоведение: курс лекций. Часть 2. Бюджетное право : учебное пособие / Саран. кооп. ин-т РУК.– Саранск, 2021. Т. 2.

УДК 340

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Челноков Александр Викторович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808107@ruc.su

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

Chelnokov Alexander Viktorovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются основные направления развития цифровой экономики в России и влияние процесса цифровизации на отдельные виды правоотношений. В частности, рас-

крыты проблемы правового регулирования заключения сделок в сети Интернет и обеспечения безопасности персональных данных граждан

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, искусственный интеллект, право, развитие права.

The article examines the main directions of the development of the digital economy in Russia and the impact of the digitalization process on certain types of legal relations. In particular, the problems of legal regulation of transactions on the Internet and ensuring the security of personal data of citizens are disclosed

Keywords: digital economy, digitalization, artificial intelligence, law, development of law.

На сегодняшний день понятие цифровой экономики является дискуссионным вопросом, требующим особого внимания ввиду важности происходящих процессов цифровизации.

Первое упоминание цифровой экономики можно встретить в работах американского информатика Н. Негропonte, который указывал, что она представляет собой деятельность в сфере экономики, основанную на цифровых технологиях [1; с. 70].

Современные представления о цифровой экономике в целом схожи с существовавшим ранее определением, но в отдельных работах можно встретить более детальное раскрытие ее содержания. Так, например, М.В. Дмитриев характеризует цифровую экономику как экономическую деятельность, которая осуществляется исключительно с использованием цифровых технологий и включает в себя хранение, обработку и передачу информации [2, с. 40].

Схожее представление о цифровой экономике можно встретить в работах В. В. Камневой, которая отмечает, что такой вид экономики основан на том, что все применяемые в рамках нее данные имеют оцифрованную форму [3, с. 378].

Важность цифровой экономики для развития государства является бесспорной, о чем свидетельствуют развивающаяся в указанном направлении правовая база, а также публичные заявления первых лиц страны. В частности, Президент России неоднократно указывал на необходимость принятия мер, направленных на формирование цифровой экономики в России, подчеркивая, что она крайне важна для обеспечения национальной безопасности и технологической независимости нашего государства [4].

Достаточно динамично развивается правовая база в области цифровой экономики. В основном она представлена различными указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ. Но к числу основополагающих документов стоит отнести принятую в 2019 году Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [5], которая в качестве своей основной цели имеет правовое обеспечение эффективного применения цифровых технологий в различных сферах социально-экономической жизни государства и общества.

Национальная программа включает в себя 9 федеральных проектов, каждый из которых содержит перечень задач в определенной сфере. В основном содержание таких проектов сводится к необходимости реализации задач в сфере создания гибкого правового регулирования цифровой экономики, внедрения преимущественно отечественного программного обеспечения во все цифровые

процессы, подготовки высококвалифицированных кадров, а также внедрение цифровых технологий в сферу оказания государственных услуг.

По данным ежегодного сборника «Белая книга цифровой экономики» результаты реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» являются достаточно успешными. Так, например, в 2023 году на 100 % выполнен план по переводу социально значимых услуг в электронный вид. Как указывают авторы сборника, для 86 % населения России наибольшую актуальность имеет именно вопрос обеспечения большей доступности электронных услуг и дистанционного взаимодействия с органами государственной власти и различными учреждениями [6].

Определенные успехи можно отметить также в сфере кадрового обеспечения ИТ-сферы, которые заключаются в увеличении численности работников в указанной сфере. Так, по состоянию на 3 квартал 2023 года численность занятых в ИТ-сфере составила 832 тыс. человек, что на 97 тыс. человек больше, чем в аналогичном периоде прошлого года.

Несмотря на достаточно высокие показатели эффективности реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в сравнении с европейскими странами в России пока не обеспечен необходимый уровень правовой регламентации процесса цифровизации.

Так, в ряде европейских стран действует специальное законодательство о цифровой экономике, закрепляющее определения отдельных видов деятельности, являющихся составной частью цифровой экономики, и, соответственно, их правовое регулирование.

Одним из проблемных аспектов правового регулирования цифровой экономики в России является именно отсутствие законодательной регламентации отдельных видов деятельности. В качестве примера можно привести сферу электронной торговли, в которой отсутствие надлежащего правового регулирования создает проблемы при осуществлении хозяйственной деятельности через сеть Интернет.

В частности, российское законодательство не содержит таких понятий как электронная торговля либо электронная коммерция, что ведет к правовой неопределенности при регулировании указанного вида деятельности. Кроме того, на практике возникает ряд проблем и с заключением сделок в процессе осуществления электронной торговли. Зачастую при заключении сделок через сеть Интернет граждане не получают должной информации об условиях сделок либо сделки расторгаются продавцами в одностороннем порядке, что по общему правилу недопустимо в рамках действующего гражданского законодательства.

Традиционно наиболее уязвимой стороной в любых правоотношениях являются граждане, в связи с чем больший интерес представляют результаты цифровизации, затрагивающие правоотношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей. Анализ судебной практики показывает, что достаточно много спорных ситуаций возникает именно при заключении гражданами договоров купли-продажи в сети Интернет. Как указывалось выше, в российском законодательстве отсутствует понятие электронной торговли, вместе с тем

законодательство, регламентирующее порядок защиты прав потребителей [7], включает в себя нормы, регулирующие осуществление дистанционной торговли, которая в целом предполагает, что потребитель не может осуществить непосредственное ознакомление с покупаемым товаром.

В части правовой регламентации покупки товаров дистанционным способом законодательство содержит несколько иные правила построения взаимоотношений продавца и покупателя. Так, к примеру, если при покупке товара надлежащего качества обычным способом его возврат возможен в течение 14 дней, то в случае с дистанционной продажей такой срок сокращается до 7 дней. Соответственно, достаточно важным является законодательное закрепление признаков, отличающих дистанционный способ продажи от обычного. На сегодняшний день такое разграничение осуществляется судебной практикой [8].

Вместе с тем, судебная практика не всегда может полноценно заменить законодательное регулирование, что связано с определенными проблемами при обеспечении единообразия судебной практики на территории России. Что касается дистанционной торговли, то проблемным моментом являются последствия технических сбоев, влекущих неправильное информирование покупателей о ценах на товар. Как правило, споры возникают в ситуациях, когда продавцы в одностороннем порядке расторгают договоры купли-продажи путем отмены заказов, ссылаясь на недействительность представленных на сайте цен. Однако суды не имеют единой позиции по вопросу законности подобных действий продавцов.

Так, в одних ситуациях суды указывают, что неправильное указание цены в момент оформления заказа, явившееся следствием технического сбоя, не является основанием для одностороннего отказа продавца от исполнения договора, поскольку информация о товаре, размещенная на сайте в момент заказа, является публичной офертой [9].

Но существует и противоположная практика, в которой суды встают на сторону продавцов, отмечая, что технический сбой не позволил сторонам договориться о существенных условиях заключаемого договора и что такие обстоятельства не зависели от продавца [10].

Еще одной немаловажной проблемой цифровизации является защита трудовых прав граждан. Одним из серьезнейших рисков ее последствий является безработица. По данным аналитиков в ближайшие 10 лет на основной части рабочих мест произойдет замена людей роботами и примерно 47 % профессий в течение 20 лет будут автоматизированы [11, с. 138]. Низкие затраты на роботизацию рабочих мест и их содержание приводит к тому, что работодатели всё большее предпочтение отдают оптимизации рабочих процессов через автоматизирование рабочих мест. Указанное требует вмешательства со стороны государства с целью законодательного установления гарантий трудовых прав граждан, способных обеспечить им защиту от безработицы, которая повлечет за собой усиление социального неравенства в обществе.

Риски безработицы являются не единственной проблемой цифровизации. Так, за последние несколько лет в законодательство было внесено достаточно большое количество изменений, связанных с переводом документов, которые

оформляются в рамках трудового законодательства, в электронную форму и изменением формата организации труда работников. В частности, появились электронные трудовые книжки, возможность применения работниками и работодателями электронных цифровых подписей, а также переход на дистанционный формат труда.

Подобные нововведения, несмотря на их актуальность, обостряют проблемы, связанные с обеспечением конфиденциальности данных работников. Данная обязанность возлагается на работодателей, которые не всегда готовы нести затраты на организацию надлежащего сбора и хранения персональных данных сотрудников. Кроме того, судебная практика исходит из того, что в действующем законодательстве нет конкретного перечня сведений, которые относятся к персональным данным, что фактически на практике дает возможность работодателю собирать и обрабатывать любые сведения о работниках [12]. Указанное лишает работников гарантии на защиту своих нарушенных прав, так как отсутствие четкого представления о том, какие сведения относятся к числу персональных данных, несет риски отказа в восстановлении нарушенных прав в суде по причине непризнания тех или иных сведений не подлежащими разглашению.

Таким образом, развитие цифровой экономики наряду с положительными изменениями имеет определенные недостатки, которые в основной своей части связаны с пробелами в правовом регулировании отдельных видов правоотношений. На сегодняшний день определенная часть таких проблем решается судебной практикой, которая способна наиболее оперативно реагировать на происходящие изменения. Однако в долгосрочной перспективе требуется именно законодательное решение проблем, возникающих в процессе цифровизации отдельных сфер деятельности общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллеков, А. Б. Цифровая экономика // Международный научный журнал «Символ науки». – 2023. – № 4-2. – С. 69-71.
2. Дмитриев, М. В. Проблемы цифровизации трудовых отношений // Общество. Экономика. Управление. – 2023. – № 4. – С. 39-45.
3. Камнева, В. В. Цифровая экономика, цифровизация и цифровая трансформация // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 2. – С. 377-381.
4. Белая книга цифровой экономики // Проектный офис «Цифровая экономика»: сайт: <https://цифроваяэкономика.рф> (дата обращения: 18.10.2024).
5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 г. № 7.
6. Послание Президента Федеральному Собранию – 2020 // Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 18.10.2024).
7. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1; ред. от 08.08.2024 // Российская газета. – № 8. – 1996.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 ноября 2014 г. № Ф01-4498/14 по делу № А17-1244/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2024).
9. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 23 мая 2019 г. по делу № 33-14365/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2024).

10. Постановлении Седьмого КСОЮ по делу № 8Г-18735/2022 от 1 декабря 2022 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2024).

11. *Голенок, С. Г.* Цифровая экономика и право в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8(98). – С. 137-141.

12. Определение СК по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2022 г. по делу № 8Г-12275/2022[88-13103/2022] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2024).

УДК 343

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Четайкин Михаил Иванович, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808603@ruc.su

CURRENT ISSUES OF MIGRATION POLICY AND ILLEGAL MIGRATION IN THE MODERN WORLD

Chetaikin Mikhail Ivanovich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В современном мире, где постоянно происходят изменения в политической, экономической и социальной сферах, вопросы государственного регулирования миграционных процессов и негативных последствий незаконной миграции становятся все более актуальными в любом государстве. Поэтому можно сказать, что эффективное управление миграционными процессами на всех уровнях государственной власти становится ключевым фактором стабильности и развития общества.

В данной статье автором проводится анализ основных аспектов правового обеспечения государственного управления в сфере миграционных процессов, а также выявление проблем и путей их решения. Также рассмотрены такие вопросы, как законодательная база, регламентирующая миграционные процессы, миграционное законодательство, содержащее основные положения, закрепляющие ответственность за его нарушение, а также актуальные проблемы и тенденции развития системы противодействия незаконной миграции в данной сфере.

Ключевые слова: миграция, миграционное законодательство, миграционные процессы, миграционные преступления, предупреждение преступности, противодействие преступлениям, ущерб, корыстный мотив, преступная деятельность, извлечение незаконной выгоды, незаконная трудовая деятельность.

In the modern world, where changes are constantly taking place in the political, economic and social spheres, issues of state regulation of migration processes and the negative consequences of illegal migration are becoming increasingly relevant in any state. Therefore, we can say that the effective management of migration processes at all levels of government is becoming a key factor in the stability and development of society.

In this article, the author analyzes the main aspects of the legal support of public administration in the field of migration processes, as well as identifying problems and ways to solve them. Also considered are issues such as the legislative framework regulating migration processes, migration legislation containing the main provisions establishing responsibility for its violation, as well as cur-

rent problems and trends in the development of the system for combating illegal migration in this area.

Keywords: migration, migration legislation, migration processes, migration crimes, crime prevention, combating crimes, damage, selfish motive, criminal activity, obtaining illegal benefits, illegal labor activity.

Миграционные процессы в современных условиях проявляются как сложное явление, сопровождающееся различными «неприятными» последствиями для других людей и государства. Последствия миграции могут быть как позитивными, так и негативными.

В настоящее время многие люди стремятся переехать в другие страны с целью поиска оплачиваемой работы, получения образования или же улучшения условий жизни. Однако не у всех получается реализовать свои планы законным способом и переезжая, нарушают нормы миграционного законодательства. Так возникает негативное последствие их противоправных действий – незаконная миграция [1, с. 93].

Рассматривая миграцию и её основные законодательные положения можно сказать, что незаконная миграция может представлять особую угрозу для национальной безопасности любого государства. Это связано с рядом факторов и последствий, которые она может вызвать.

Во-первых, незаконные мигранты могут быть связаны с другими преступными группировками и организациями, такими как экстремистские или террористические группировки.

Во-вторых, незаконная миграция может создавать среду для распространения коррупции и других преступных деяний.

Противодействие незаконной миграции требует комплексного подхода, включающего законодательство, социальные программы поддержки, образование, развитие экономики и создание благоприятной социальной среды.

Законодательная база, затрагивающая любой вид правоотношений играет ключевую роль в обеспечении прозрачности, законности и эффективности деятельности государства в различных его сферах.

При изучении миграционных процессов и негативных последствий, возникающих при нарушении норм миграционного законодательства особое значение приобретает вопрос о роли средств юридической техники в процессе правотворчества и закрепления основных положений.

Именно благодаря грамотному использованию инструментария, определяющего миграционные процессы, миграционную политику государства достигается системность, непротиворечивость и эффективность нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу. Средства юридической техники позволяют обеспечить точность юридических формулировок, логическую последовательность изложения правовых норм и их взаимную согласованность при реализации норм миграционного законодательства [2, с. 270].

Анализируя национальное законодательство в области правового обеспечения государственного управления миграционными процессами в Российской Федерации требует изучения различных нормативных актов, регулирующих эту область.

Одной из основных международных норм, которая влияет на правовое обеспечение государственного управления миграционных процессов, является Конвенция о правах человека и ее протоколы. Еще одной значимой международной нормой выступают стандарты ООН, закрепляющие политику международной миграции. Они предназначены для содействия эффективному и ответственному управлению миграционными процессами, в том числе и на государственном уровне.

Несмотря на факт существования достаточно широкой нормативно-правовой базы, регулирующей государственное управление миграционных процессов, все же остаются пробелы в правовом обеспечении данной сферы. К одной из таких проблем относится то, что национальные законодательства стран не соответствуют тем вызовам и задачам, которые стоят перед современными органами власти при реализации полномочий в сфере противодействия незаконной миграции [3, с. 5].

Кроме того, для того, чтобы повысить эффективность правового обеспечения государственного управления в сфере миграционных процессов необходимо развивать правовую грамотность и компетентность государственных служащих, а также прорабатывать вопросы межотраслевого взаимодействия органов государственного управления, т.к. вопросы правового обеспечения государственного управления требует совместного рассмотрения и изучения со стороны различных органов власти и ведомств.

По сведениям Организации Объединенных Наций, в современный период 258 млн. человек (около 3,4 % всего населения планеты) являются мигрантами, т. е. постоянно живут в стране, отличной от страны их происхождения и этот процесс будет возрастать. При этом Российская Федерация остается одной из наиболее привлекательных стран для миграции, количество проживающих в ней международных мигрантов составляет приблизительно 11,7 млн. человек. С таким показателем Россия занимает четвертое место в мировом рейтинге, уступая лишь Соединенным Штатам Америки, Саудовской Аравии и Германии. На 1 января 2024 г. в России находилось порядка 10 миллионов иностранцев, из них только 2,5 миллиона официально зарегистрированы как трудовые мигранты. На нелегальном положении, то есть без соответствующих документов, в России, по оперативным данным МВД РФ, находятся свыше 2 миллионов иностранцев и лиц без гражданства.

Указанные доводы подтверждают тот факт, что действующая правоохранительная система недостаточно эффективно противодействует незаконной миграции иностранцев. Вместе с тем реализация миграционной политики носит комплексный характер и лежит не только в правоохранительной деятельности.

Важность изучения проблематики вызвана возможным появлением потенциальных рисков нестабильности в современном обществе, обусловленных незаконными миграционными потоками [4, с. 100].

По итогам исследования и на основе комплексного анализа обозначенных процессов, и явлений были сформированы выводы, которые сводятся к тому, что преступные организации транснационального характера оказывают воздействие на развитие незаконных потоков миграции. Основными стратегическими

рисками в данной ситуации является несбалансированность существующих рынков труда.

В современном мире, где постоянно происходят изменения в политической, экономической и социальной сферах, вопросы государственного регулирования миграционных процессов и негативных последствий незаконной миграции становятся все более актуальными в любом государстве. Поэтому можно сказать, что эффективное управление миграционных процессов на всех уровнях государственной власти становится ключевым фактором стабильности и развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Магнутов, Ю. С.* Общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, как составная часть преступности в сфере миграции: особенности юридико-технического конструирования и правовой оценки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 92-96.
2. *Гитинова, М. М.* Незаконная миграция как негативное социально-правовое явление // Современный ученый. – 2024. – № 1. – С. 267-271.
3. *Абдульмянова, Т. В.* Особенности привлечения к уголовной ответственности и предупреждения незаконной миграции посредством норм уголовного законодательства Российской Федерации // VII Юридические чтения : материалы Национальной научно-практической конференции. – Саранск, 2021. – С. 4-8.
4. *Сафонова, Е. О.* Незаконная миграция в России: понятие и сущность / Е. О. Сафонова // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии. – Барнаул, 2024. – С. 98-100.

УДК 343.983

АВТОТЕХНИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ

Чиняков Олег Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

E-mail: Chinyakov.oleg@yandex.ru

Данилов Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: vdanilov@ruc.su

AUTOMOTIVE TECHNICAL FORENSIC EXAMINATION: PROCEDURAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE CONDUCT

Chinyakov Oleg E., PhD (History), Associate Professor
Ogarev Moscow State University

Danilov Vadim Vladimirovich, PhD (Jurisprudence), Associate Professor
Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье рассматриваются организационные и процессуальные аспекты автотехнической судебной экспертизы как отправной точки дальнейшего процесса. В частности, процессуальный порядок её назначения, проведение и последующее использование её результатов. Организационные аспекты определяют нормативное и тактическое регулирование порядка производства экспертизы, что способствует даче исчерпывающего и обоснованного заключения по обстоятельствам совершенного дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: экспертиза, эксперт-автотехник, транспортное средство, техническое состояние, заключение эксперта, дорожно-транспортное происшествие.

The article discusses the organizational and procedural aspects of automotive forensic examination as a starting point for further process. In particular, the procedural procedure for its appointment, conduct and subsequent use of its results. Organizational aspects determine the regulatory and tactical regulation of the examination procedure, which contributes to the provision of an exhaustive and reasonable conclusion on the circumstances of the committed traffic accident.

Keywords: expertise, expert automotive technician, vehicle, technical condition, expert opinion, traffic accident.

В Российской Федерации за последние годы существенной проблемой явилось развитие преступности в сфере автотранспортного движения. По вине водителей ежегодно совершается десятки тысяч преступлений, которые влекут за собой негативные последствия в виде причинения вреда здоровью других водителей, пассажиров и пешеходов, повреждения имущества и так далее. Согласно различным источникам, Российская Федерация имеет самые высокие показатели травматизма, возникающего в результате совершения дорожно-транспортных происшествий [1, с. 44]. В настоящий момент в нашей стране действует «Стратегия безопасности движения», которая была принята в 2018 году по поручению Президента РФ. В данной программе выражено непосредственное стремление российского общества и государства к обеспечению безопасности дорожного движения, в том числе, путем предотвращения и предупреждения дорожно-транспортных происшествий.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что вышеуказанная программа также затрагивает порядок производства исследований происшествий путем производства судебной автотехнической экспертизы. Ранее было определено, что рассматриваемая экспертиза, в целом, является процессуальным действием, организация которого регламентирована положениями уголовно-процессуального, гражданского процессуального законодательства и отдельными положениями специальных нормативно-правовых актов.

При расследовании преступлений, совершенных в результате дорожно-транспортного происшествия, должностные лица, производящие расследование, сталкиваются с проблемами, которые связаны с непосредственным установлением сведений и обстоятельств ДТП. Исходя из этого факта, на практике применяются специальные познания в различных областях наук, которые позволяют сформировать полную картину произошедшего для последующего виновного лица к ответственности.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что рассматриваемая сфера процессуальных отношений играет значительную роль в контексте реализации правосудия при расследовании преступлений дорожно-транспортного характера [2, с. 165].

В этой связи, можно констатировать, что организационные и процессуальные аспекты являются отправной точкой для непосредственного проведения автотехнической судебной экспертизы. В частности, процессуальные аспекты определяют порядок назначения экспертизы, её проведение и последующее использование её результатов. Организационные аспекты определяют нормативное и тактическое регулирование порядка производства экспертизы, что способствует даче исчерпывающего и обоснованного заключения по обстоятельствам совершенного дорожно-транспортного происшествия [3, с. 79].

В некоторых случаях должностные лица, уполномоченные вести расследование уголовных дел, либо рассматривать соответствующие материалы проверки, допускают определенные нарушения при назначении рассматриваемой экспертизы, что приводит к определенным негативным последствиям. Иными словами, в данных ситуациях нарушается процессуальный порядок назначения соответствующей экспертизы.

Все вышесказанное дает непосредственную возможность для участников стороны защиты в лице адвокатов, ссылаться на нарушение процессуального порядка назначения автотехнической судебной экспертизы, оспаривая при этом результаты экспертизы и выводы эксперта. Именно поэтому важно соблюдать порядок организационного и правового характера в контексте обеспечения функционирования экспертно-криминалистической деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения.

При соблюдении вышеуказанных аспектов формируется положительная и эффективная тенденция, направленная на правильное применение специальных знаний для раскрытия и расследования преступления [4, с. 142].

Важно при этом указать, что компетенция формируется на основе имеющихся у субъектов методологии, знаний, методических навыков и должного уровня подготовки, что влияет на возможность дачи экспертного заключения по уголовному делу. Определение компетенции представляет особую важность для науки уголовного процессуального права и криминалистики [5, с. 89].

Базовый нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность криминалистических учреждений, в целях организации процесса расследования преступлений – это Уголовно-процессуальный кодекс РФ. В отдельных вопросах организации экспертных исследований в области автотехники применяются положения Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Рассматриваемый обобщенный вид судебной экспертизы, которая проводится, чаще всего, в рамках предварительного следствия, является процессом изучения объектов и материалов, предоставленных в ходе осуществления процессуальных мероприятий и следственных действий, совокупность которых позволяет сделать выводы об обстоятельствах совершенного дорожно-транспортного происшествия. Важно в очередной раз напомнить о том, что результаты экспертизы ложатся в основу будущего обвинения по конкретному уголовному делу [6, с. 143].

В дополнение также хотелось бы указать на тот факт, что во всех без исключения уголовных делах по статье 264 Уголовного кодекса РФ, проводится авто-

техническая судебная экспертиза и судебно-медицинская экспертиза. В исключительных случаях назначается комплексная автотехническая или трасологическая судебная экспертиза.

Говоря об организационных аспектах автотехнической судебной экспертизы, важно учитывать содержание цели данной экспертной деятельности. Она сводится к непосредственному установлению технической возможности у водителя предотвратить дорожно-транспортное происшествие путем предупреждения последствий, вызванных обстоятельствами самого происшествия. Все это необходимо для производства квалификации и дачи правовой оценке произошедшему дорожно-транспортному происшествию.

Исследователи выражают однозначное мнение касательно того, что расследование дорожно-транспортных происшествий невозможно без производства автотехнической судебной экспертизы. Ввиду сложности совершенного столкновения автомобилей, большого количества участников ДТП, применяются специальные комплексные экспертизы, порядок производства которых также регламентирован действующим законодательством.

В уголовно-процессуальных нормах комплексная судебная экспертиза признается в качестве экспертного исследования, где в ходе производства непосредственно принимают участие сразу несколько экспертов разных специализаций. В рамках федерального законодательства закреплены отдельные нормы, характеризующие институт комплексной судебной экспертизы – она именуется комиссионной судебной экспертизой (Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») [7, с. 9].

Однако процессуальный статус эксперта позволяет ему единолично выносить экспертное заключение, если в его компетенцию входит сразу несколько специализаций, позволяющих ему дать комплексную оценку обстоятельств совершенного преступления (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Именно поэтому эксперт, в силу своего статуса, обязан представить соответствующие документы, допуски и свидетельства, которые подтверждают факт наличия у него специального допуска, образования и познаний в конкретной сфере. В рассматриваемом вопросе изучение особенностей комплексных судебных экспертиз представляется вполне обоснованным, поскольку с их помощью минимизируются сомнения в объективности и полноте каждого этапа процесса производства экспертизы, что является исчерпывающим или одним из исчерпывающих доказательств по уголовному делу [8, с. 48].

Любая судебная экспертиза обладает следующими признаками и особенностями:

- 1) для производства экспертизы необходимо формирование соответствующих материалов и их последующее использование в ходе производства;
- 2) неукоснительный учет нормативных предписаний и методических рекомендаций в ходе производства экспертизы;
- 3) в рамках экспертизы могут использоваться только специальные познания, которые могут дать объективные данные об обстоятельствах совершенного преступления;

4) любое заключение эксперта, вынесенное с соблюдением требований процессуального законодательства, признается доказательством по делу и объективным источником сведений о совершенном преступлении.

Каждый из вышеперечисленных аспектов необходимо рассмотреть более подробно в контексте изучения вопросов, связанных с производством автотехнических судебных экспертиз.

Начать следует с того, что анализируемые преступления составляют обособленную категорию, которая расследуется на основе заключений экспертов-автотехников. В рамках проверки сообщения о преступлении и при производстве предварительного следствия допускаются определенные процессуальные и организационные упущения, которые в последствие приводят к негативным последствиям при признании виновности того или иного лица. Стоит в очередной раз напомнить, что все это базируется, в основной массе, на допущенных ошибках в ходе производства осмотра места дорожно-транспортного происшествия, составляемого некомпетентным лицом, либо лицом, не обладающим специальными навыками в этой сфере.

Таким образом, существенно искажаются исходные данные о совершенном дорожно-транспортном происшествии. Основная проблема производства подобных судебных экспертиз заключается в неотлаженном механизме рассмотрения материалов проверки по дорожно-транспортным происшествиям. Так, в дежурную часть территориального органа внутренних дел поступает информация о ДТП. Затем, на место выезжает следственно-оперативная группа и сотрудники ГИБДД. Осмотр места дорожно-транспортного происшествия осуществляется следователем в случае, если имеет место факт причинения вреда (в случае механического столкновения без пострадавших, осмотр производится следователем органа внутренних дел). В последствие, результаты осмотра в виде протокола, план-схема и фототаблица передаются в дежурную часть следователем для направления материала в ГИБДД. Затем уже данное структурное подразделение выполняет процессуальные действия, результат которых позволяет сделать вывод о возможности или невозможности возбуждения уголовного дела [9, с. 71].

Обычно, сотрудники ГИБДД назначают медицинское исследование на предмет наличия повреждений в виде тяжкого вреда здоровью человека, пострадавшего в результате ДТП. В случае подтверждения факта причинения вышеуказанного вреда здоровью, возникает основание для передачи материала в следственный орган для дальнейшего проведения проверки. Именно в этот момент следователь должен дополнительно или впервые опросить очевидцев и участников ДТП, направить соответствующее постановление с материалами в экспертное учреждение с целью установления причин ДТП, виновности лица, управлявшего транспортным средством и так далее.

Затем, при получении соответствующего заключения эксперта-автотехника, следователь возбуждает уголовное дело, либо выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Данный процессуальный порядок явно демонстрирует проблему неоднократной передачи материала, от следственного орга-

на в ГИБДД и обратно, если будет установлен факт причинения тяжкого вреда (либо смерти). В этой связи, предлагается изменить порядок рассмотрения материалов о ДТП путем их оставления в следственном органе с последующей возможностью передачи его в ГИБДД при отсутствии состава или события дорожно-транспортного преступления [10, с. 323].

Также в дополнение к вышеуказанной проблеме необходимо указать, что имеют место ситуации, когда из, так называемого «административного материала», который изначально не должен был передаваться в следственный орган, при возникновении дополнительных обстоятельств, все же передается следователю для дальнейшего рассмотрения. Проблема здесь заключается в том, что сотрудники ГИБДД крайне посредственно подходят к производству осмотра места ДТП, не привлекая к участию специалистов, экспертов, не изымают предметы и объекты, которые могли бы иметь значение для уголовного дела. Впоследствии это закономерно влияет на качество и эффективность расследования уголовного дела.

Организационный аспект проведения автотехнической судебной экспертизы заключается в наличии специальных умений и познаний в области автомобилестроения. Важно постоянно повышать свою квалификацию, поскольку производство автомобилей напрямую связано с научно-техническим прогрессом. Исходя из этого факта, к рассматриваемым экспертам применимы особые требования определения уровня компетенции и подготовки автотехника, которые позволят ему на момент производства экспертизы дать объективное и исчерпывающее заключение по обстоятельствам совершенного дорожно-транспортного преступления.

Следующий организационный аспект заключается в устранении противоречий, возникших в результате сбора необходимо материала для производства автотехнической судебной экспертизы. Подобные противоречия являются результатом дачи разных показаний участниками ДТП, различные позиции очевидцев ДТП, которые определенным образом наблюдали обстоятельства происшествия, либо результатом неполного, неточного или неправильного производства осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Чтобы избежать проблем с результатами осмотра эксперты часто ссылаются на фототаблицы, планы-схемы и видеозаписи с регистраторов, устанавливаемых в автомобилях [11, с. 203].

Практики в области производства автотехнических судебных экспертиз отмечают, что, чем больше исходных данных получает эксперт, тем лучше ему производить экспертизу, поскольку он может сопоставить исходные данные, и устранить тем самым явные противоречия, препятствующие производству экспертизы. Однако наиболее важными показателями и данными для эксперта являются следующие обстоятельства, подлежащие обязательной фиксации:

- 1) показания лиц касательно относительной скорости движения транспортного средства;
- 2) видимость участков дороги, местности, освещенность, наличие знаков, разметок;

- 3) характер и описание повреждений автомобиля;
- 4) величина и характер образования тормозных путей на участках автодороги.

Для получения дополнительных объективных данных используются результаты следственных экспериментов, которые также ложатся в основу автотехнической судебной экспертизы.

Сбор всех необходимых материалов и объективных данных, в последствие, позволяет вынести постановление о назначении автотехнической судебной экспертизы с указанием вопросов эксперту, ответ на которые позволит принять решение о виновности лиц, о наличии в действиях лица состава преступления и так далее [12, с. 195].

Таким образом, вынесение вышеуказанного постановления является сугубо процессуальным аспектом производства рассматриваемой экспертизы, без которого невозможно фактически производить экспертизу.

Само постановление традиционно состоит из вводной, описательной и резолютивной части. Вводная часть необходима для отображения информации о месте и дате составления постановления, об инициаторе производства экспертизы, об основании в виде материала проверки или уголовного дела. В описательной части отражается фабула совершенного дорожно-транспортного происшествия с отображением показаний, данных очевидцами и участниками происшествия в виде объяснений, исходные данные, отраженные в протоколе осмотра места дорожно-транспортного происшествия и сведения о передаваемых объектах на экспертизу в виде автомобилей, изъятых частей автомобилей и так далее. В резолютивной части отображаются вопросы эксперту, разъяснение положений законодательства об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и просьба о разъяснении прав, обязанностей и ответственности эксперту руководителем экспертного учреждения [13, с. 26].

В момент постановки вопросов перед экспертом должны определяться пределы необходимого исследования, которые должны нести исчерпывающий характер и не должны выходить за пределы компетенции эксперта-автотехника. Все это определяет успешность дальнейшего расследования уголовного дела, причем правильная постановка вопросов – это залог успешной дачи соответствующего заключения [14, с.54].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, процессуальные и организационные аспекты производства автотехнической судебной экспертизы необходимы для эффективной организации процесса анализа объективных данных совершенного дорожно-транспортного преступления для формирования выводов, которые в дальнейшем должны использоваться в качестве основы для обвинения. Процессуальные аспекты заключаются в определении правового статуса эксперта-автотехника в уголовном процессе, порядок сбора материала и иных сведений об обстоятельствах совершенного дорожно-транспортного происшествия, а также порядок составления и направления соответствующего постановления о назначении экспертизы. В дальнейшем, при соблюдении всех вышеуказанных процессуальных действий, осуществляется непосредственное

производство судебной экспертизы, где эксперт обязан без личной заинтересованности, на основе методических рекомендаций и имеющихся знаний сделать выводы об обстоятельствах ДТП.

Организационные аспекты базируются на методическом и правовом обеспечении экспертов с точки зрения наличия необходимых исходных данных о совершенном преступлении. Все вышесказанное представляет существенную необходимость для производства рассматриваемой судебной экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов, А. Ю. Термины, применяемые в автотехнической экспертизе, и их определения // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. – 2023. – № 3 (8). – С. 44.
2. Колесников, В. В. Роль автотехнической экспертизы в обеспечении дорожно-транспортной и экономической безопасности общества // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 3-1. – С. 165.
3. Ильин, Н. Н. К вопросу о создании частной теории инженерно-транспортных судебных экспертиз // Академическая мысль. – 2021. – № 4 (5). – С. 79.
4. Бондарева, Г. В. Комплексный подход при определении вида судебной экспертизы по делам о ДТП // Юрист-Правовед. 2019. № 4 (91). С. 142.
5. Бащеванжи, Е. А. К вопросу о комплексной экспертизе при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (15). – С. 89.
6. Алексанян, М. С. Классификация судебных экспертиз в России // Известия Белгородского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 143.
7. Агафонов, А. С. Алгоритм действий эксперта-автотехника при производстве судебной автотехнической экспертизы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – № 1 (25). – С. 9.
8. Афзалетдинова, Г. Х. Назначение судебных автотехнических экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2021. – № 2 (6). – С. 48.
9. Бородина, Н. Н. Исследование влияния времени реакции водителя и параметров торможения транспортных средств на результаты автотехнической экспертизы // Вестник Курганского государственного университета. – 2022. – № 3 (37). – С. 71.
10. Евсиков, К. С. Классификация судебных экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 1. – С. 323.
11. Кандауров, А. В. Пределы компетенции эксперта при проведении судебной автотехнической экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 203.
12. Мурашев, П. М. Методические аспекты определения момента возникновения опасности для движения при экспертном исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 195.
13. Мурашев, П. М. Экспертное исследование механизма дорожно-транспортных происшествий, связанных со столкновениями транспортных средств при встречном разъезде // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 26.
14. Русинов, А. В. Проблемы экспертной деятельности в административном, уголовном и гражданском процессах // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. – 2022. – № 4 (5). – С. 54.

УДК 343

**КРАЖА КАК ОСНОВНОЕ ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ:
ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Чудаев Максим Евгеньевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808604@ruc.su

**THEFT AS THE MAIN PROPERTY CRIME:
CAUSES, TRENDS, SOCIAL FACTORS AND PECULIARITIES
OF CRIME DETECTION**

Chudaev Maxim Evgenievich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В данной статье рассматривается преступное посягательство, предусмотренное 158 ст. УК РФ – «Кража». Анализируются факторы, способствующие росту краж, такие как экономические трудности, безработица и недостаточная социальная защита. Акцентируется внимание на том, что успешность расследования данных преступлений во многом зависит от действий следователя на начальном этапе, включая знание криминалистической характеристики краж. Также анализируются изменения, внесенные в статью 158 УК РФ, уточняющие понятия, а также приводятся рекомендации по дальнейшему улучшению уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: кража, уголовное законодательство, имущественные преступления, криминалистическая характеристика, расследование, защита частной собственности, судебная практика.

This article examines the criminal encroachment provided for in Article 158. The Criminal Code of the Russian Federation is Theft. The factors contributing to the increase in thefts, such as economic difficulties, unemployment and insufficient social protection, are analyzed. Attention is focused on the fact that the success of the investigation of these crimes largely depends on the actions of the investigator at the initial stage, including knowledge of the forensic characteristics of the thefts. The amendments made to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation clarifying the concepts are also analyzed, as well as recommendations for further improvement of criminal legislation in this area.

Keywords: Theft, Criminal law, Property crimes, Criminalistic characteristics, Investigation, Protection of private property, Judicial practice.

Кража является имущественным преступлением в российском уголовном законодательстве и занимает особое место в системе преступлений против собственности. Хотя она и не считается самым опасным преступлением, её распространенность делает её объектом постоянного внимания со стороны ученых и правоохранительных органов. Основная причина такого положения дел заключается в том, что кража традиционно рассматривается как «типовая» форма завладения чужим имуществом, что обуславливает её частоту и разнообразие способов совершения.

Экономические и социальные факторы, такие как снижение уровня жизни,

безработица и слабая социальная защищенность, напрямую влияют на уровень краж. Когда население сталкивается с экономическими трудностями, возрастает доля людей, готовых пойти на преступление. Процессы приватизации и увеличение частной собственности, а также отсутствие средств на защиту имущества создают дополнительные условия для преступных посягательств. Подобные обстоятельства способствуют росту краж и формируют новое понимание преступного поведения, где кража становится последствием системных социальных проблем.

Преступники при выборе объекта для кражи часто действуют по тщательно продуманным схемам. Они собирают информацию о потенциальных жертвах, проводят наблюдение, подбирают оптимальное время для совершения преступления и используют специальные приспособления. Кража может быть частью более широкой организованной преступной деятельности, где преступники действуют не импульсивно, а исходя из стратегического плана.

Важным аспектом в борьбе с кражами является эффективность работы правоохранительных органов. Поскольку значительное число краж остается нераскрытыми, необходимо проанализировать организационные и культурные аспекты работы следственных органов. Проблемы недостаточной научно-технической оснащенности, низкой эффективности тактики расследования и ошибки в выборе направлений расследования могут существенно влиять на раскрываемость краж. Увеличение инвестиций в обучение следователей, использование современных технологий и анализ данных может стать ключом к повышению результативности работы правоохранительных органов.

Знание криминалистической характеристики краж является еще одним важным элементом для успешного расследования. Это знание включает в себя как региональные особенности, так и новые тенденции, такие как киберпреступность. Преступники используют современные технологии, чтобы обойти системы безопасности и обеспечить анонимность своих действий. От следователей требуется постоянное обновление знаний и применение новых методов. Анализ изменений в методах совершения краж и их адаптация к новым реалиям позволяет повысить эффективность расследования и предотвратить преступления.

В современном обществе кража представляет собой серьёзное преступление против собственности, что делает данное преступление одним из ключевых объектов внимания как для законодательства, так и для правоприменительной практики [2].

В контексте российского уголовного законодательства статья 158 УК РФ [3], регулирующая ответственность за кражу, претерпела изменения, отражающие стремление государства адаптировать нормы права к текущим реалиям.

Особое внимание заслуживает уточнение понятий «значительный ущерб гражданину» и «крупный размер похищенного», которые долгое время были предметом юридических споров и дискуссий. Законодательное разъяснение этих понятий способствует повышению предсказуемости правоприменения и усилению защиты прав собственности.

В свете вышеизложенного, изменения в статье 158 УК РФ можно рассматривать как часть более широкой тенденции к усилению защиты частной собственности в Российской Федерации [3]. Эти изменения, включая как исключение, так и добавление новых квалифицирующих признаков, а также уточнение ключевых понятий, отражают адаптацию уголовного законодательства к изменяющимся условиям и потребностям общества в области защиты прав и законных интересов граждан.

Таким образом, анализ последних изменений в уголовном законодательстве, касающихся кражи, позволяет сделать вывод о повышении эффективности правовой защиты собственности и усиленном внимании государства к проблеме преступлений против собственности. Это свидетельствует о постоянном развитии и совершенствовании законодательной базы в области уголовного права.

Проблема защиты частной собственности постоянно находится в фокусе внимания уголовно-правовой науки и практики [4]. В этом контексте особенно значимым является анализ квалифицирующих обстоятельств, связанных с проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, в рамках совершения краж. Согласно действующему российскому уголовному законодательству, такие действия рассматриваются какотягчающее обстоятельство, увеличивающее ответственность за преступление.

Основываясь на анализе юридических научных работ и законодательной базы, можно утверждать, что учет проникновения в жилище или иное хранилище как квалифицирующего обстоятельства служит для усиления уголовно-правовых мер в отношении посягательств на частную собственность. Кража, совершенная с проникновением, влечет за собой материальный ущерб для владельца имущества и вызывает значительное нарушение его личных прав и свободы. Законодательство, регулирующее кражу, в частности статья 158 УК РФ, акцентирует внимание на том, что подобные преступления несут двойную угрозу: физический ущерб, который можно оценить в денежном эквиваленте, и психологическое воздействие, связанное с потерей чувства безопасности [5].

Важность такого подхода подтверждается исследованиями в области уголовного права, указывающими на повышенную общественную опасность действий, когда кража сопряжено с проникновением в закрытые помещения. В современном уголовном праве кража рассматривается как одно из наиболее серьезных имущественных преступлений. Уровень преступной решимости, который демонстрируют виновные, может существенно варьироваться.

Проникновение в жилище или иное хранилище при совершении кражи становится значимым показателем материального ущерба и степени общественной опасности. Случаи кражи с проникновением не всегда одинаково опасны.

Также нельзя игнорировать личность преступника. Индивидуальные характеристики могут сильно различаться.

Квалифицирующее обстоятельство проникновения в жилище играет важную роль в уголовной защите частной собственности. Однако избыточная строгость в применении таких норм может привести к чрезмерной репрессии, где индивидуальные обстоятельства и мотивация преступника остаются без должного внимания.

Это направление требует дальнейшего изучения и разработки, в том числе с привлечением научного сообщества, для обеспечения более высокого уровня защиты прав граждан и укрепления правопорядка в обществе.

В области российского уголовного права пристальное внимание уделяется вопросам ответственности за совершение кражи, включая разработку и внедрение мер наказания для преступников [7]. Современные условия требуют глубокого и всестороннего анализа законодательных актов, касающихся уголовной ответственности за кражу, а также соответствующих изменений в нормативной базе и практике их применения.

Перечень мер наказания, предусмотренных действующим уголовным законодательством, охватывает широкий спектр санкций, направленных на предотвращение преступлений и коррекцию поведения нарушителей. Важно отметить, что система уголовного права стремится не только к наказанию, но и к ресоциализации лиц, совершивших преступления.

Для обеспечения более глубокого понимания изменений в законодательстве и повышения эффективности его применения, необходимо проводить анализ уголовных дел по фактам краж. Такой анализ включает в себя изучение практического опыта следственных действий, что позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на успешность расследования.

В контексте действующего уголовного законодательства и опираясь на авторитетные юридические научные исследования, ключевое значение в процессе раскрытия краж имеет комплексный подход к проведению первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Широкая распространенность краж приводит к значительному ущербу физических и юридических лиц. Она демонстрирует неэффективность текущих мер по предупреждению и расследованию этого вида преступлений. Это требует глубокого анализа причин неэффективности существующих подходов и систематического изучения статистики преступлений. Регулярные отчеты о результатах работы правоохранительных органов могут помочь выявить недостатки и определить направления для улучшения.

Важным аспектом является и законодательное регулирование хищений. Указано на необходимость пересмотра системы обязательных признаков данного преступления, чтобы устранить дублирование и противоречия. Выявление недостатков законодательства поможет сформировать новое содержание для элементов составов преступления. В этом процессе целесообразно создать рабочую группу, в которую войдут юристы, представители правоохранительных органов и общественности, чтобы разработать более четкие и эффективные нормы [8].

Современные преступники применяют новые методы, что требует обновления уголовного законодательства. Это включает разработку новых квалифицирующих признаков для преступлений, связанных с использованием таких технологий и психологических манипуляций, как нейролингвистическое программирование. Это направление должно основываться на международном опыте и научных исследованиях в области психологии и криминалистики.

Необходимо обратить внимание на Постановлении Пленума Верховного суда

РФ [6]. Его применение должно включать четкие критерии для оценки методов совершения хищений. Оно будет способствовать созданию единого подхода к квалификации преступлений и снижению разночтений в практике правоприменения.

Таким образом, для повышения эффективности борьбы с хищениями требуется усовершенствование законодательства и активное взаимодействие всех заинтересованных сторон. Научные исследования и разработка новых методов будут способствовать созданию более эффективной системы предотвращения и расследования краж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахъядов, Э. С. Преступления против собственности: корысть и цель преступления // Молодой ученый. – 2016. – № 7. – С. 462–464.
2. Тюленева, С. С. Уголовно-правовая характеристика кражи. – URL: [//www.issledo.ru](http://www.issledo.ru). – 2019.
3. Уголовное право России. Общая и особенная части : учебник / Ю. В. Грачева, А. И. Чуцаев. – Москва, 2017. – 384 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2024).
6. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2024).
7. Денисова, А. Д. К вопросу об уголовно-правовой характеристике состава кражи // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук. – 2020. – №. 3. – С. 227-230.
8. Абдульмянова, Т. В. Хищение чужого имущества: понятие и сущность проблемы // IX Юридические чтения. – Саранск, 2023. – С. 394-397.

УДК 343

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ШТРАФОМ – МЕРОЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И СУДЕБНЫМ ШТРАФОМ КАК МЕРОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Шубин Вадим Сергеевич, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st808092@ruc.su

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN A FINE AS A MEASURE OF CRIMINAL PUNISHMENT AND A JUDICIAL FINE AS A MEASURE OF CRIMINAL LAW NATURE

Shubin Vadim Sergeevich, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

Статья затрагивает анализ сходств и различий между штрафом как мерой уголовного наказания и судебным штрафом как мерой уголовно-правового характера. Исследование фокусируется на изучении эффективности и необходимости применения данных механизмов. Особое внимание уделяется эффективности судебных штрафов как альтернативы традиционным формам уголовного наказания, в виде лишения свободы их социально-правовой сущности, а также проблемам и критике, связанным с их применением.

Ключевые слова: уголовное наказание, судебный штраф, уголовно-правовой характер, освобождение от уголовной ответственности, реабилитация, превенция рецидива, принципы виновной ответственности.

The article deals with the analysis of similarities and differences between a judicial fine as a measure of a criminal nature and a fine as a measure of criminal punishment. The research focuses on the study of legal awareness and its role in the process of judicial release and the imposition of fines. Special attention is paid to the effectiveness of judicial fines as an alternative to traditional forms of criminal punishment, their socio-legal nature, as well as problems and criticism related to their application.

Keywords: criminal punishment, judicial fine, criminal law character, exemption from criminal liability, rehabilitation, prevention of recidivism, principles of culpable liability.

В уголовном законодательстве РФ, применение штрафа как меры наказания, не связанной с лишением свободы, занимает важное место среди других видов наказания, а это: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специальных званий или государственных наград, а также обязательные и исправительные работы, ограничения свободы и принудительные работы.

Данные меры направлены на социальное воздействие на правонарушителей без их изоляции от общества.

В 2016 году было внесено дополнение в уголовное законодательство России, которое касается порядка освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Данное нововведение представлено в виде ст. 76.2 УК РФ, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [1].

Целью применение данной меры взамен традиционным наказаниям, связанным с лишением свободы, является профилактическое воздействие на нарушителей, компенсацию вреда потерпевшим и пополнение государственного бюджета, что в свою очередь подчёркивает особую важность индивидуализации наказания и делает акцент на его корректирующем и исправительном воздействии. Для конкретизации правил применения судебного штрафа в УК РФ введена Гл. 152, в УПК РФ – Гл. 511 [2].

В контексте уголовно-правовой политики, последние реформы подчеркивают переориентацию на использование иных мер воздействия на личность осуждённого, таких как штраф, в качестве альтернативы реальному лишению свободы. Данное изменение направлено на увеличение числа наказаний, не связанных с изоляцией от общества, исходя их теоретического научного обоснования о пользе и необходимости такого подхода для социальной адаптации осуждённых с целью предотвращения рецидивов, поскольку жёсткая карательная уголовно-правовая политика зачастую лишь приводит к росту рецидивов преступлений и общему росту преступности в целом.

По своему существу данная тенденция, направленная на расширение оснований освобождения от уголовной ответственности обусловлена стремлением уголовной политики к повышению эффективности реабилитационных мер и защите основных прав человека, включая право на свободу. Однако при этом она вызывает споры и критику, поскольку оппоненты утверждают, что она поэтапно ведёт к ослаблению сдерживающего эффекта уголовного правосудия и росту преступности, тем самым подрывая основные принципы правосудия и принцип справедливости наказания в целом.

Так, В. В. Сверчков указывает на конфликт между понятием наказания как меры государственного принуждения и другими формами уголовно-правового воздействия, которые не несут карательного характера. По его мнению, сближение карательных и некарательных мер противоречит принципам справедливости и виновной ответственности, что требует дальнейшего разграничения и уточнения в правовой доктрине [3,6].

Говоря о мерах наказания не связанных с лишением свободы важно разграничивать понятия штрафа как меры уголовного наказания, предусмотренного ст.ст. 44 и 46 УК РФ, и судебного штрафа, закреплённого ст.ст. 76.2, 104.4 и 104.5 того же кодекса. Данные меры представляют собой денежные санкции, взимаемые в пользу государственного бюджета, но назначаемые с различными целями, поскольку судебный штраф не является мерой карательного характера [4,3].

При этом важно отметить, что судебный штраф часто применяется как альтернатива уголовному наказанию в случаях совершения лицом преступлений небольшой или средней тяжести, позволяя такому лицу избежать уголовной ответственности при условии возмещения причиненного ущерба. В то время как штраф как мера уголовного наказания применяется по итогу судебного разбирательства и фактического осуждения, тем самым подчёркивая карательный аспект наказания.

Таким образом, несмотря на внешнее сходство механизмов реализации штрафа и судебного штрафа, их правовая природа и социально-правовые последствия значительно различаются.

Если в ходе предварительного расследования выясняется, что есть основания для прекращения уголовного дела или преследования, согласно ст. 251 УПК РФ, следователь (при согласии руководителя следственного органа) или дознаватель (при согласии прокурора) выносят постановление о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении дела или преследования. Вместе с материалами дела – это ходатайство направляется в суд.

Согласно ст. 446.2 УПК РФ, ходатайство подлежит рассмотрению судьёй районного суда или военного суда соответствующего уровня, а также мировым судьёй в зависимости от подсудности. Рассмотрение ходатайства должно происходить в течение 10 суток со дня поступления ходатайства в суд, при условии участия подозреваемого или обвиняемого, их защитника, потерпевшего и/или его законного представителя, представителя прокурора. Неявка сторон, которым своевременно сообщили о времени судебного заседания, не будет препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев, когда отсут-

ствует лицо, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Согласно статье 446.2 УПК РФ, после рассмотрения ходатайства судья выносит постановление об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, или об отказе в удовлетворении ходатайства.

Возможность прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа рассматривается до того момента, как суд первой или апелляционной инстанции уйдёт в совещательную комнату.

Решение о назначении штрафа как уголовного наказания принимается судьёй после удаления в совещательную комнату.

Судебный штраф, в свою очередь, может быть назначен и выплачен лицами, находящимся в статусе подозреваемых или обвиняемых, и представляет собой альтернативное решение, направленное на урегулирование уголовной ответственности без продолжения судебного следствия. В отличие от него, штраф как мера наказания применяется по отношению к лицам, признанным виновными, и взыскивается на основании вступившего в законную силу приговора суда.

Особенностью судебного штрафа является его неспособность влечь за собой судимость, что значительным образом отличает его от штрафа, который, будучи назначен в рамках уголовного наказания, автоматически ведет к судимости правонарушителя, что ещё раз подчеркивает разную правовую природу и последствия применения данных мер в рамках уголовно-правовой системы.

Особенности применения штрафа как меры наказания к несовершеннолетним установлены в ст. 88 УК РФ. Если несовершеннолетнему подсудимому назначено наказание в виде штрафа, то согласно статье 88 УК РФ, штраф может быть взыскан с родителей или иных законных представителей, при их согласии, что противоречит принципу личной виновной ответственности.

В случае неоплаты штрафа денежные средства взыскиваются в рамках исполнительного производства судебным приставом исполнителем.

Важно отметить, что не лицам, не достигшим 18 лет, не применяется такая мера воздействия как судебный штраф.

Так, по нашему мнению, к таким лицам вместо судебного штрафа необходимо применять иные меры правового воздействия в виде воспитательных или трудовых.

Сравнивая судебный штраф со штрафом как меры наказания следует отметить их размер.

Размер судебного штрафа устанавливается в пределах до 50% от максимально возможного штрафа за данное преступление или в твёрдой фиксированной денежной сумме до 250 000 руб. в случаях, если статья не предусматривает наказания в виде штрафа.

При этом размер штрафа как меры уголовного наказания устанавливаются в размере до 5 000 000 руб. и зависит от материального благополучия и тяжести преступления, совершённого осужденным.

Штраф может быть назначен в размере предмета преступления, так как в отличие судебного штрафа, обладающего компенсаторной и профилактической функцией, штраф является более существенной мерой воздействия на осуждённого [4; 5].

Определяя размер штрафа при его назначении судом учитываются следующие фактические обстоятельства дела: уровень дохода подозреваемого или обвиняемого, нахождение на его иждивении нуждающихся в материальном обеспечении лиц и размер причиненного ущерба. Данные обстоятельства находят своё отражение в постановлении об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или прекращении уголовного преследования.

Судебный штраф является мерой, освобождающей лицо от уголовной ответственности, и должен быть оплачен в срок, установленный судом. Штраф же может назначаться как основное или же дополнительное наказание подлежа при этом принудительному исполнению, или заменяясь на другие виды наказания, не связанные с лишением свободы.

Таким образом, судебный штраф должен быть оплачен в определённые сжатые сроки без возможности его отсрочки или рассрочки, тем самым подчеркивая его особую роль в системе мер уголовно-правового характера.

Определяя возможность или невозможность прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа судом должны учитываться как права потерпевших, так и соблюдение, и поддержание общественной безопасности в целом. При этом важно отметить тот факт, что и судебный штраф может являться достаточной мерой для предотвращения преступлений [5; 6].

Несмотря на потенциальные преимущества судебного штрафа как альтернативы лишению свободы, важно учитывать возможные риски его применения. Критики указывают на опасности снижения общественного доверия к справедливости уголовной системы, если освобождение от уголовной ответственности будет восприниматься как излишне мягкое или несправедливое. Эти аргументы поддерживаются исследованиями, указывающими на необходимость баланса между наказанием и мерами предотвращения преступности.

Таким образом, с целью соблюдения баланса между защитой прав и свобод потерпевшего и общественной безопасностью важно проводить комплексный анализ каждой ситуации, чтобы определить, является ли эффективным применение судебного штрафа как меры уголовно-правового характера или как уголовного наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018 № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – 2018. – № 18. – Ст. 2515.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 12.11.2018 № 411-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19: (ред. от 29.11.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2024).

4. Дрогавцева, А. В. Штраф как вид современного уголовного наказания / А. В. Дрогавцева // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1, № 10(30). – С. 3-11.
5. Кузнецова, Н. Г., «Эффективность уголовных санкций в контексте современных правовых реалий» // Вестник уголовного права. – 2021. – № 1. – С. 102-117.
6. Сверчков, В. В. Наказание и другие меры уголовно-правового воздействия : учебное пособие для вузов / В. В. Сверчков. – Москва : Юрайт, 2023. 330 с.

УДК 348.2

**ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ
И ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-
ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ**

Юткина Татьяна Михайловна, магистрант
Российский университет кооперации
Саранский кооперативный институт (филиал)
E-mail: st807307@ruc.su

**HISTORY OF LEGISLATIVE FORMATION
AND EVOLUTIONARY DEVELOPMENT
OF THE PROCEDURAL-LEGAL INSTITUTE
OF EXECUTIVE PROCEDURE IN RUSSIA**

Yutkina Tatyana Mikhailovna, Master's Degree student
Russian University of Cooperation
Saransk Cooperative Institute (branch)

Исполнительное производство – это установленный российским законодательством порядок принудительной реализации судебных актов. В статье рассмотрена и проанализирована история ее законодательного становления и ее эволюционного законодательного развития, а также дана краткая характеристика законодательного регулирования исполнительного производства.

Ключевые слова: суд общей юрисдикции, арбитражный суд, российское процессуальное законодательство, решение, определение, постановление, приговор, исполнительное производство, принудительное исполнение.

Enforcement proceedings are an established organic procedural order of compliance with judicial acts and acts and bodies. The article examines and analyzes the history of legislative formation, and also gives a brief description of the legislative regulation of enforcement proceedings.

Keywords: court of general jurisdiction, arbitration court, Russian procedural legislation, decision, ruling, decree, sentence, enforcement proceedings, compulsory execution.

В соответствии с российским законодательством «исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий целью обеспечение реальной защиты нарушенных или оспоренных субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов, с помощью которого субъективное материальное право или охраняемый законом интерес, которые были нарушены

или оспорены, получают восстановление посредством использования механизмов государственного принуждения, установленных законом».

Современный, действующий в настоящее время процессуально-правовой институт российского исполнительного производства в своём законодательном развитии в ходе своего становления прошёл последовательно три основных этапа своего законодательного развития:

на первом этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключается в том, что в то самое время, когда суд как орган рассмотрения и разрешения правовых и иных споров конфликтующих сторон только законодательно начал зарождаться и утверждаться в России, в существующей тогда правовой действительности имело место быть самоосуществление и самоощущение пострадавшей конфликтующей стороной правового или иного конфликта наличие своего нарушенного права, которое выражалось в форме как саморасправы с другой конфликтующей стороной, так и в форме самопомощи, или в форме самозащиты;

на втором этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключается в том, что в процессуально-правовой действительности существовать необходимость исполнения вынесенного судебного решения, однако его исполнение производилось самим судом, то есть оно производилось тем же самым органом, который вынес данное судебное решение;

на третьем этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключался в том, что российскими законодателями был создан специализированный для исполнения судебных решений орган, в соответствии со специальным процессуальным регламентом, то есть законодательно был сформирован самостоятельный орган, а также законодательно создан гражданско-процессуальный институт – исполнительное производство.

Законодательное зарождение и эволюционное законодательное развитие российского исполнительного производства, а также зарождение и развитие процессуально-правового института судебных приставов в доктрине науки российского исполнительного-трудового (исполнительного) права, а также в российском процессуальном законодательстве приходится на конец XV века.

В результате существенного изменения общественно-политического строя в российском государстве, как следствия совершения большевиками в России в 1917 году Октябрьской революции, а также последовавшей за ней гражданской войной функции по исполнению судебных актов, в том числе по принудительному их исполнению, стали исполнять судебные приставы-исполнители.

Впоследствии на основании действующего в то время законодательства российское исполнительное производство стало составной частью гражданского

судопроизводства, однако в ходе его осуществления в РСФСР и других союзных республиках Советского Союза судебными приставами могли исполняться только судебные акты имущественного характера.

Порядок принудительного исполнения впервые в советском периоде российского процессуального законодательства был законодательно регламентирован ГПК РСФСР от 1923 года, затем действующую правовую законодательную основу в советско-российском законодательстве исполнительного производства стал составлять ГПК РСФСР 1964 года, который действовали достаточно значительное время.

В этот же период времени окончательно законодательно сформировалась и законодательно действовала система российско-советского исполнительного производства, которая просуществовала достаточно длительное время, а именно вплоть до самого конца XX века, пока не была законодательно сформирована российским законодателем, пришедшая ей на смену российская система исполнительного производства.

Развитие в конце 1980-х-начале 1990-х годов рыночных отношений, появление частного сектора в экономике обусловили необходимость кардинальных преобразований системы исполнительных правоотношений, касающихся деятельности российского исполнительного производства, в том числе по осуществлению принудительного порядка реализации.

В 1997 году принимаются два ФЗ «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах», позволившие рассматривать исполнительное производство в качестве самостоятельного процесса, отличающегося от процесса гражданского судопроизводства, так, ему стали присущи собственные цели, самостоятельные принципы деятельности, характерные именно для него нормы и правила функционирования.

Становление исполнительного производства приходится на начало XVI века, при этом полномочия органов по обеспечению исполнения судебных решений передавались от судебных органов органам исполнительной власти в лице службы судебных приставов.

Законодательное развитие, существование и законодательное эволюционное реформирование российского исполнительного производства происходило и было начато с законодательной реализации идеи научной доктрины науки российского гражданского процесса и российского исполнительного права, предложенной российскими учеными-процессуалистами и российскими правоприменителями о необходимости кардинальной законодательной перестройки существующей достаточно значительное время, однако недостаточно эффективно функционирующей системы принудительного исполнения судебных решений в целом.

1 октября 2019 г. в действующее российское законодательство об органах, обеспечивающих принудительное исполнение различных судебных актов, да и в целом в российское законодательство, законодательно регулирующее процессуально-правовой институт российского исполнительного производства были внесены существенные законодательные изменения и законодательные дополнения, в результате которых практически произошло масштабное законода-

тельное реформирование процессуально-правового института судебных приставов, вплоть до изменения его наименования.

В частности, ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ» от 1 октября 2019 года были не только изменены нормы, регулирующие правовой статус судебных приставов и особенности прохождения ими службы по осуществлению порядка реализации судебных актов, кроме того, ст. 104 ФЗ «О внесении законодательных изменений в ФЗ «О судебных приставах» изменено само его наименование, который с 1 января 2020 г. носит название «Об органах принудительного исполнения РФ», кроме того данный ФЗ содержит в себе нормы, регулирующие организацию системы органов принудительного исполнения, которые конкретизированы в ст. 6.1 ФЗ «Об органах принудительного исполнения» и Указе Президента России от 13 октября 2004 г. № 1316.

Осуществляя анализ, произведенной российским законодателем законодательной реформы института исполнительного производства, касающегося деятельности приставов по принудительному порядку реализации судебных актов, необходимо с учетом приведенных выше рассуждений отметить, что в технико-юридическом плане законодатель поступил не совсем законодательно удачно, он, в частности, вместо принятия нового ФЗ с новым нормативно-правовым содержанием, предложил российскому правоприменителю практически новую законодательную редакция ранее действовавшего Федерального Закона «О судебных приставах».

Однако российским законодателем данный федеральный законопроект был предложен в тоже самое время с законодательно измененным наименованием, который законодательно получил наименование ФЗ «Об органах принудительного исполнения» и в тоже самое время фактически и законодательно практически Федеральный Закон с новым нормативно-правовым текстовым содержанием, не имеющим законодательной (техничко-юридической) стройности, что в совокупности в значительной и существенной степени практически и фактически затрудняет его понимание российскими правоохранителями и российскими правоприменителями и затрудняет использование его ими в их правоприменительной и правоохранительной практике.

В заключение рассмотрения и анализа истории законодательного становления и эволюционного законодательного развития, а также краткой характеристики законодательного регулирования российского исполнительного производства, определим место российского исполнительного производства в системе современного действующего российского права, а также в системе современного действующего российского процессуального законодательства.

Наиболее верно его определил российский ученый-процессуалист, специалист в области исполнительного производства М. К. Юков, к мнению которого следует присоединиться ввиду его достаточной научной обоснованности и достаточной научной убедительности.

Соответственно, данный российский ученый-процессуалист в процессе своих научных исследований обосновал и пришел к выводу о том, что совокупность норм, законодательно регулирующих отношения по исполнению решений юрисдикционных органов (решений, постановлений, определений, судебных

приказов и приговоров) судов общей юрисдикции, а также решений, постановлений, определений арбитражных судов представляет собой подотрасль российского процессуального права, а именно, исполнительное право, то же время следует подчеркнуть, что он не считает его самостоятельной отраслью права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова, О. Б.* Исторические аспекты развития исполнительного производства в советский период / О. Б. Попова // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4 (112). – С. 138-143.
2. *Малышкин, П. В.* Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / П. В. Малышкин // Мир науки и образования. – 2016. – № 3(7). – С. 13.
3. *Усманова, Е. Ф.* Алгоритм коммуникативного взаимодействия в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов / Е. Ф. Усманова, П. В. Малышкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 9. – С. 149-152.
4. *Малышкин, П. В.* Юридическая сила судебных решений (постановлений, определений) в современном российском гражданском судопроизводстве / П. В. Малышкин // Материалы Международной научно-практической конференции : в 2 частях / редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2022. – С.19-24.
5. *Пиджаков, А. Ю.* Институт принудительного исполнения в России: история и современность / А. Ю. Пиджаков // Исполнительное право. – 2021. – № 1. – С. 117-121.
6. *Павлов, М. Ю.* История становления и развития исполнительного производства в России / М. Ю. Павлов // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – Москва : Спарк, 2024. – № 2. – С. 57-72.
7. *Ярков, В. В.* Исполнительное производство: современное состояние / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 12. – С. 22-27.
8. *Куракова, Н. В.* Место исполнительного производства в системе права / Н. В. Куракова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 11. – С. 47-54.
9. *Боннер А. Т.* Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? / А. Т. Боннер // Законодательство. – 2024. – № 8. – С. 67-73.
10. *Юков М. К.* Теоретические проблемы гражданского процессуального права / М. К. Юков. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 280 с.

УДК 348.2

МЕСТО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА, А ТАКЖЕ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Юткина Татьяна Михайловна, магистрант

Российский университет кооперации

Саранский кооперативный институт (филиал)

E-mail: st807307@ruc.su

PLACE OF EXECUTIVE PROCEEDINGS IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN LAW, AND ALSO IN THE SYSTEM OF MODERN CURRENT PROCEDURAL LEGISLATION

Yutkina Tatyana Mikhailovna, Master's Degree student

Russian University of Cooperation

Saransk Cooperative Institute (branch)

В статье произведен анализ и дана характеристика российского исполнительного производства, также определено место российского исполнительного производства в системе современного действующего российского права, а также в системе современного действующего российского процессуального законодательства.

Ключевые слова: суд общей юрисдикции, арбитражный суд, российское процессуальное законодательство, решение, определение, постановление, приговор, исполнительное производство, принудительное исполнение.

The article provides a procedural and legal analysis and gives a procedural and legal characteristic of Russian proceedings, and also determines the place of Russian proceedings in the system of Russian law, as well as in the system of modern Russian procedural legislation.

Keywords: court of general jurisdiction, arbitration court, Russian procedural legislation, decision, ruling, decree, sentence, enforcement proceedings, compulsory execution

Провозглашенное Конституцией (Основным законом) России конституционное право каждого гражданина России на судебную защиту, установленное ст. 46 Конституции России включает в себя не только постановление и провозглашение судебных решений, но также включает в себя и своевременное их исполнение соответствующими государственными органами.

В соответствии с законодательством исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий целью обеспечение защиты нарушенных или оспоренных субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов, с помощью которого субъективное материальное право или охраняемый законом интерес, которые были нарушены или оспорены, получают восстановление посредством использования механизмов государственного принуждения, установленных законом.

Институт российского исполнительного производства в своём законодательном развитии в ходе своего становления прошёл последовательно три основных этапа своего законодательного развития:

на первом этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключается в том, что в то самое время, когда суд как орган рассмотрения и разрешения правовых и иных споров конфликтующих сторон только законодательно начал зарождаться и утверждаться в России, в существующей тогда правовой действительности имело место быть самоосуществление и самоощущение пострадавшей конфликтующей стороной правового или иного конфликта наличие нарушенного права, выражаемое в форме как саморасправы, так и в форме самопомощи или самозащиты;

на втором этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключается в том, что в процессуально-правовой действительности существовать необходимость исполнения вынесенного судебного решения, однако его исполнение производилось самим судом, то есть оно производилось тем же самым органом, который вынес данное судебное решение;

на третьем этапе своего законодательного становления и эволюционного законодательного развития процессуально-правовой институт российского исполнительного производства, процессуально-правовая сущность которого заключался в том, что российскими законодателями был создан специализированный для исполнения судебных решений орган, а также создан процессуальный институт – исполнительное производство.

Порядок принудительного исполнения впервые в российском процессуальном законодательстве был законодательно регламентирован Гражданско-процессуальным кодексом РСФСР от 1923 года, затем действующую правовую законодательную основу в советско-российском законодательстве исполнительного производства стал составлять Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР 1964 года, который действовали достаточно значительное время, вплоть до принятия ГПК Российской Федерации 2002 года.

Законодательное развитие, существование и законодательное эволюционное реформирование российского исполнительного производства происходило и было начато с законодательной реализации идеи научной доктрины науки российского гражданского процесса и российского исполнительного права, предложенной российскими учеными-процессуалистами и российскими правоприменителями о необходимости кардинальной законодательной перестройки существующей достаточно значительное время, однако недостаточно эффективно функционирующей системы принудительного исполнения судебных решений в целом.

1 октября 2019 г. в действующее российское законодательство об органах, обеспечивающих принудительное исполнение различных судебных актов, да и в целом в российское законодательство, законодательно регулирующее процессуально-правовой институт российского исполнительного производства были внесены существенные законодательные изменения и законодательные дополнения, в результате которых практически произошло масштабное законодательное реформирование процессуально-правового

Вопрос о его месте в системе российского права, а также в системе современного действующего российского процессуального законодательства носит в доктрине российской процессуальной науки достаточно неоднозначный и в определенной степени дискуссионный характер.

В российской процессуально-правовой литературе, а также в доктрине науки российского процессуального права российскими учеными процессуалистами, в том числе и специалистами в области исполнительного производства, высказывались, а также по-прежнему высказываются, самые различные и разнообразные точки зрения российских ученых-процессуалистов, касающиеся данного актуального и в значительной степени злободневного вопроса, которые в большей или меньшей степени по своей правовой и процессуальной сущности противоречат друг другу.

Соответственно, одни из них считают, что исполнительное производство по своей правовой и процессуальной сущности с точки зрения норм российского процессуального законодательства является заключительной стадией судопроизводства, в частности, В. М. Шерстюк утверждает, что «исполнительное про-

изводство является составной частью механизма защиты гражданского права и заключительным этапом (стадией) его реализации» [1, с. 43].

Другие же из них полагают, что исполнительное производство, это новая отрасль процессуального права, в частности, М. К. Юков утверждает, «что совокупность норм, регулирующих отношения по исполнению решений судебных органов представляет собой новую подотрасль процессуального права, а именно, гражданско-исполнительное право, в то же время он, тем не менее не считает его самостоятельной отраслью права» [2, с. 75].

Научная дискуссия российских ученых-процессуалистов в доктрине науки российского процессуального права о том, является ли российское исполнительное производство по своей правовой и процессуальной сущности с точки зрения норм российского процессуального законодательства стадией российского гражданского судопроизводства, а также стадией российского гражданского процесса основана на различном научном подходе российских ученых-процессуалистов к правовому толкованию процессуальной и правовой сущности вопроса о понятии момента завершения процесса защиты нарушенного права в российском гражданском судопроизводстве.

В научной доктрине российского процессуального права сформировались две, носящие противоположный друг другу процессуально-правовой характер точки зрения российских ученых на его правовую и процессуальную сущность, одни из них полагают, «что процесс защиты прав и интересов завершается с момента вынесения судом решения» [3, с. 141], другие из считают, «что процесс защиты прав и интересов судопроизводстве завершается, когда происходит их защита посредством исполнительного производства, как ее завершающей стадии» [4, с 147].

Наиболее правильной и научно обоснованной с точки зрения норм российского процессуального законодательства на понятие правовой и процессуальной сущности исполнительное производство, представляется вторая точка зрения российских ученых, считающих, что процесс защиты прав и интересов в судопроизводстве завершается с момента вынесения судебного решения, так как данная точка зрения российских ученых процессуалистов наиболее полно и точно отражает процессуально-правовую сущность российского исполнительного производства.

Рассмотрим доводы и аргументы данных российских ученых-процессуалистов и произведем процессуально-правовой анализ насколько данные доводы и данные аргументы данных российских ученых-процессуалистов достаточны и убедительны.

Однако тем не менее следует согласиться с мнением российских ученых, сторонников выделения исполнительного производства в самостоятельную отрасль права, которые полагают «что сложное гражданско-процессуальное правоотношение не прекращается с вступлением решения арбитражного суда или решения суда общей юрисдикции в законную силу, оно продолжается до реального восстановления нарушенного права, охраняемого законом интереса» [5, с. 149].

При этом некоторые из них утверждают, что суд не является обязательным

субъектом исполнительного производства, так В. В. Ярков все полномочия судов в исполнительном производстве по целевой направленности подразделяет на 4 группы, «это: полномочия суда, связанные с выдачей судом исполнительных документов (выдача исполнительного листа, его дубликата, восстановление пропущенного срока на предъявление исполнительного документа к исполнению); полномочия суда, связанные с движением исполнительного производства (отложение исполнительных действий, приостановление и прекращение исполнительного производства); полномочия суда, предоставленные суду для исправления выявленных при исполнении недостатков собственного решения (разъяснение решения, изменение способа и порядка исполнения, исправление опечаток и явных арифметических ошибок); 4) полномочия суда по контролю за деятельностью судебного пристава-исполнителя, которые реализуются путем рассмотрения и разрешения жалоб на действия судебного пристава-исполнителя и путем рассмотрения исков об освобождении имущества от ареста» [6, с. 22].

Следует также согласиться с А. Т. Боннер, «что общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, имеют производно-вспомогательный характер и в полной мере отражают основную модель гражданских процессуальных отношений между компетентными государственными органами и участниками процесса, разница заключается лишь в том, что в данном случае речь идет о заключительной стадии гражданского процесса, в которой реализуется судебное решение, а место суда общей юрисдикции или место арбитражного суда в качестве субъекта, действующего в интересах государства и общества, здесь занимает судебный пристав-исполнитель, функционирующий под контролем суда общей юрисдикции или под контролем арбитражного суда» [7, с. 67].

В заключение рассмотрения и анализа, а также краткой характеристики российского исполнительного производства, определим место российского исполнительного производства в системе современного действующего российского права, а также в системе современного действующего российского процессуального законодательства.

Наиболее верно, правильно, а также достаточно убедительно и обоснованно которое определил российский ученый процессуалист, специалист в области исполнительного производства В. П. Грибанов, к мнению которого следует присоединиться, в виду его достаточного научного обоснованности, а также и достаточной научной убедительности.

Соответственно, данный российский ученый-процессуалист в процессе своих научных исследований обосновал, «что совокупность норм, регулирующих отношения по исполнению решений юрисдикционных органов представляет собой подотрасль процессуального права, а именно, гражданское исполнительное право, то же время он не считает его самостоятельной отраслью права» [8, с. 154].

Следовательно, российское исполнительное производство можно определить, как заключительную стадию гражданского судопроизводства, поскольку именно в ней, как правило, достигается основная цель гражданско-процессуальной

деятельности – происходит восстановление (защита) нарушенных субъективных прав и охраняемых законом интересов, оно обеспечивает устойчивость судебных актов, а также гарантирует выполнение подтвержденных ими обязанностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процесс / под ред. М. К. Треушникова. – Москва, 2024. – 580 с.
2. Юков, М. К. Теоретические проблемы гражданского процессуального права. – Москва, 2022. – 280 с.
3. Малышкин, П. В. Тактические особенности предварительной проверки сообщений о криминальных банкротствах и их выявления / П. В. Малышкин, А. В. Чукуров // Вестник Мордовского университета. – 2009. – Т. 19, № 4. – С. 141-145.
4. Куракова, Н. В. Место исполнительного производства в системе права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 11. – С. 147-159.
5. Усманова, Е. Ф. Алгоритм коммуникативного взаимодействия в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов / Е. Ф. Усманова, П. В. Малышкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 9. – С. 149-152.
6. Ярков, В. В. Исполнительное производство: современное состояние / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 12. – С. 22-29.
7. Боннер, А. Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? / А. Т. Боннер // Законодательство. – 2024. – № 8. – С. 67-73.
8. Грибанов, В. П. Осуществление и процессуальная защита гражданских прав в гражданском судопроизводстве. – Москва, 2018. – 515 с.

Научное электронное издание

X ЮРИДИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Национальной научно-практической конференции
(Саранск, 27–28 ноября 2024 г.)

Редактор, корректор *И. В. Прохорова*
Технический редактор *Е. А. Глистёнков*

Объем 6 Мб. Тираж 9 экз. Заказ № 06.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»

Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Тел.: (8342) 33-94-96; e-mail: rio@mordgpi.ru